ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ.
Выпускъ XVI, т. III, №№ 1-2 (стр. 1-504).

А. Крымскій.

Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи.

Т. III, №№ 1-2 (стр. 1-504).

Съ обильными переводами литературныхъ образцовъ изъ славнѣйшихъ поэтическихъ произведеній XIII в. (Джеляледдинъ, Са'дій).

— „Говорятъ, что персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ; — а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня".

Гёте.

Новое, обширно переработанное изданіе.

Складъ изданія: Москва.

Типографія Х. Улицкаго въ Звенигородкѣ Кіевской губерніи и „Крестнаго Календаря А. Гатцука" въ Москвѣ, Долгоруковская, 33.

1914—1917.

Труды по востоковѣдѣнію,

издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Вост. Яз., въ Москвѣ.

Выпускъ 0: Древне-армянское Евангеліе 887 г. (фототип.) М. 1899. Цѣна **20** р.

Выпускъ I: *Книги Паралипоменонъ* въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ (Распрод.).

Выпускъ II: Матеріалы по казакъ-киргизскому языку, собр. *П. Лаптевымъ*. М. 1900. Ц. **1** р.

Выпускъ III: Фонетика еврейско-татскаго нарѣчія, *Всев. Миллера*, М. 1900. Ц. **50** к.

Выпускъ IV: Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ, *Н. Ашмарина*, подъ редакціей *А. Крымскаго*. Москва, 1901. Цѣна **75** к.

Выпускъ V: Семитскіе языки и народы, *Т. Нельдеке*, въ обработкѣ *А. Крымскаго*. Ч. I. a) О семитскихъ языкахъ вообще. b) Языки еврейскій и арамейскій. Москва. 1903. Цѣна **1** р. **50** к.—Ч. II. c) Очеркъ сирской литературы; d) Вавилоно-ассирійская исторія и черты языка (М. 1910). Ц. **2** р.—Ч. III: Южно-семитскіе языки и подробная исторія языка арабскаго, съ приложеніемъ перевода двухъ главъ изъ ибнъ-Акыля и таблицей поправокъ къ „Руководству" М. Аттая. М. 1912. Ц. **2** р. Изд. 2-е.

Выпускъ VI: Грамматика персидскаго языка, сост. *Мирзою Джафаромъ* при участіи академика *Ѳ. Корша*. М. 1901. Ц. **2** р. **50** к. (Складъ у автора).

Выпускъ VII: Морфологія еврейско-татскаго нарѣчія, *Вс. Миллера*. М. 1901. Ц. **50** к.

Выпускъ VIII: Изслѣдованіе о 1001 ночи, *І. Эструпа* и *А. Крымскаго*. М. 1905 (Распродано). Продолженіе = вып. XXXVII.

Выпускъ IX: Балһваръ и Іодасафъ. Грузинскій текстъ по рукопис. XI-XII вв., съ переводомъ и предисловіемъ издалъ *А. Хахановъ*. М. 1902. Цѣна **60** к.

Выпускъ X и XXV: Образчики персидской письменности съ IX в. до нашего времени. Сост. *Мирза Абдулла Гаффаровъ*. Часть I. Проза. М. 1916 (стр. 1—264). Ц. **2** р. **50** к. Часть II: Поэзія. М. 1906. Цѣна **3** р. **50** к.

Выпускъ XI: Дигорскія сказанія, съ перев. и примѣчаніями, *Вс. Миллера*. М. 1902. Ц. **1** р.

Выпускъ XII и XVIII: Исторія мусульманства, *А. Крымскаго*. Части I и II распроданы (М. 1904), но все существенное изъ нихъ вошло въ вып. XV. Отдѣльно: вып. XVIII (=ч. Iб и вступл.)—**75** к. Ч. III: Новѣйшій исламъ. М. 1912. Ц. **60** к.

Выпускъ XIII: Источники для исторіи Мохаммеда и литература о немъ. *А. Крымскаго*. а) Отъ Орвы до ибнъ-Исхâка съ ибнъ-Хишâмомъ. М. 1902. Ц. **50** к., б) Арабскій текстъ ибнъ-Хишâма. М. 1906. Цѣна **50** к. Литограф. русскій переводъ ибнъ-Хишâма, съ изслѣд., изд. студентами. М. 1910. Ц. **2** р.

Выпускъ XIV: Армянскіе Аршакиды въ „Исторіи Арменіи" Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. *Г. Халатьянцъ*. М. 1903. Цѣна **3** р. *Его же*: Армянскій эпосъ у Моисея Хоренскаго. М. 1896. Ц. **3** р.

Выпускъ XV: Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной. Изд. 3-е. *А. Крымскаго*. Часть I-III. М. 19[illegible] Цѣна **3** р. **30** к. Продолженіе = вып. XXXV.

Выпускъ XVI: Исторія Персіи, ея литера[illegible]ры и дервишеской теософіи, 3-е изд. съ прилож. многочисленныхъ литератур[illegible]хъ образцовъ въ русскомъ переводѣ, *А. Крымскаго*. Т. 1. Отъ эпохи хал[illegible]фовъ до сельджукскихъ междоусобій; золотой вѣкъ перс. литературы. Вып. 1-2 и 4 (1909-1916). Ц. **3** р. **75** к. (Отдѣльно вып. 2, стр. 63—[illegible] 1 р. 10 [illegible] вып. 4, стр. 277—568, ц. **1** р. **50** к.).—т. II (лит.): Отъ [illegible]овъ, съ общимъ очеркомъ исторіи суфійства. М. 1912. [illegible]ловъ до сефевидовъ. Вып. 1-2, стр. 1—504), М. 1917. ц. 4 р. 5[illegible] 2, стр. 289-504, ц. **2** р. **50** к.).

Выпускъ XV[illegible] [illegible]кальные тексты съ переводомъ и объ[illegible] [illegible]мъ критико-библіографическимъ обзо[illegible] [illegible]. М. 1903. Цѣна **1** р.

Выпуск[illegible] [illegible]й, грузинскій текстъ по рукописямъ XI [illegible] [illegible]. **1** р.

Выпу[illegible] [illegible]. Ц. **75** к.

Выпус[illegible] [illegible]рана арабами, съ указаніемъ главныхъ [illegible] [illegible]нъ-сиріянъ и политической исторіи [illegible] [illegible]ъ источниковъ и пособій и приложе[illegible] [illegible]. Лекціи *А. Крымскаго*. М. 1905. [illegible]

Продолж. см на 3 й стр. обложки.

ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ЛАЗАРЕВСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
Выпускъ XVI, т. III.

А. Крымскій.

Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи.

ТОМЪ III.

От эпохи монголовъ Джингизъ-хана до водворенія Сефевидовъ въ Иранѣ и „Великихъ моголовъ“ въ Индіи XVI-XVIII в.

— „Говорятъ, что персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ;—а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня“.

Гёте.

Новое, обширно переработанное изданіе, съ приложеніемъ многочисленныхъ литературныхъ образцовъ въ русскомъ переводѣ.

Складъ изданія: МОСКВА.
Типографія Х. Улицкаго и А. Голованевскаго (бывшая Я. Ниренберга) въ Звенигородкѣ Кіевской губ. и „Крестнаго Календаря А. Гатцука“ въ Москвѣ, Долгоруковская 33.
1914-1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Отдѣлъ I.

Стр.

Дополненія (библіографія и пр.).

Стр. 9 : 23. Мöнге, точнѣе—1251-1259   Стр. 11, сноска 2. Абишь 1264.

Стр. 22, сноска 1. По русски—Э д в. Х о л ь д е н ъ: Тамерланъ Великій, съ англійскаго перевелъ Н. Гр.—„Средняя Азія" 1910, мартъ (стр. 38-46) и апрѣль (стр. 36-46). Это изъ серіи: „The Mogul emperors of Hindustan 1398-1707".

Стр. 23: 13. Чит. : «исфизарцами (къ югу отъ Херата)».

Стр. 25 : 4. Вмѣсто себзеварскаго (исфизарскаго) примѣра слѣдуетъ взять расправу Тимура съ шіитскими имамами въ Мазендеранѣ 1392 г. См. у В. Бартольда „Обзоръ Ирана" 1903, стр. 159-160.

Стр. 27 : 10. Послѣ: „отвоевалъ отъ брата" добавить въ скобкахъ: «(точнѣе, отъ племянника)».

Стр. 32. Въ 1-ой сноскѣ пропущено начало: «См. по-русски переводы Б. Семенова: „Путешествіе Іосафата Барбаро, венеціанскаго дворянина" (посла при дворѣ Узунъ-Хасана съ 1471 г.) и...». Въ 3-ей строкѣ сноски надо читать: «г е н у э з с к о й Кафы-Θеодосіи». Въ текстѣ строка 2: «Павелъ II и Сикстъ IV». Подробно см. въ «Исторіи Турціи», т. I (1915), стр. 167-171.

Стр. 40, сноска 2-я; 2. Повидимому, изъ Б е й д а в і я же 1275, съ рукописи 1336 г., переведены: „Beschreibung von Istakhr" и исторія баснословнаго царя Джемшида на стр. 322-332 въ антологіи К. Пейпера: „Stimmen aus dem Morgenlande" (Хиршбергъ 1850); срв. примѣчаніе Пейпера же на стр. 459-462

Стр. 42, a. E. Quatremère: Mémoire historique sur la vie et les ouvrages d'Ala-ed-din Ata-melik djouaïny—привлечены показанія самого Д ж о в е й н і я, использованы ибнъ-Халликянъ и Решидеддинъ; немаловажный источникъ—Хондемиръ

Стр. 47, № 2. Сперва у Катрмера· Mémoire sur la vie et les ouvrages de R a s c h i d-e d-d i n—въ Fundgruben (Mines), т. V, 1816, стр. 265-272.

Стр. 49, сноска 2 : 4. Вышелъ сокращ. переводъ „Т â р і х-и Г о з і д е" 1330 тоже Эдв. Брауна, Лейд. 1913, въ „Gibb Memorial Series" (№ XIV, т. II) съ указателями Р Никольсона. Стр. XXI и 237 (перев.) и 286 (указатели).—На франц. перев. J. Gantin'a была рец. Barbier de Meynard'a въ „Journ. Asiat" 1903, т. II, стр. 342-349.   Стр. 52 Въ заглавіи читать: «и первыхъ тимуридовъ».

Стр 52, сноска 1: 5. „Т у з у к-и Т і м у р" издалъ Риза-Кули-ханъ въ Теhранѣ 1285=1868 вмѣстѣ съ «Кабус-наме». По-русски: „Постановленія Теймура, перевелъ съ персидскаго текста (Тузукат) К. Блюмеръ"—въ „Средней Азіи» 1910, іюль (стр. 90-121).

Стр. 53. Н и з а м е д д и н ъ изданъ г. Зиминымъ (Спб. 1915) подъ редакціей акад. Бартольда.

Стр. 67 . 4, къ Мирхонду· Gesch. der A r s a k i d e n, aus Mirchond übersetzt von F. Mühlau—въ Z.D.M.G. т. XV (=1861), стр. 664-669. Къ этому критич. изслѣдованіе приложилъ Alf. von Gutschmid: Ueber Quellen und Glaubwürdigkeit von Mirchond's Gesch. der Ashkanischen Könige—тамъ же, т. XV (1861), стр. 670-689

Стр. 71, къ Х о н д е м и р у. О работахъ Ферте 1898 и Бевериджъ 1906 см. стр. 180-181.   Стр 72. Въ заглавіи нумераціонная буква есть „г".

Стр. 76. О персидскомъ переводѣ „Б а б у р-н а м е" № 3 см. стр. 180, сноска 1.

Стр. 76 и 77. Дважды вм. „мирзы Мохеммеда Хейдера" напечатано „мирзы Хейдера". Стр. 78 : 2. Erskine: A history of India, Лондонъ 1854.

Стр. 79, сноска 1. Читать: „Аîн-и Экберî издан*а* и переведен*а*".

Стр 83 : 9. Пропущена сноска: О Хосровѣ см. въ Histoire de la littérature hindoustani Гарсенъ-де Тасси, т I, стр. 300.

Стр. 84 : 3 «Qыссе-йи чеhар дервiш» см. Fundgruben des Orients, т. IV (1814), стр. 182 (Индiйскiй переводъ—Баҫ о беhар).

Стр. 84, сноска 1 : 8. Persian selections Lumsden'a имѣютъ 6 тт. (Кальк. 1809-1811); „Lylee Mujnoon of Ameer Khosro“ въ 5-мъ томѣ.

Стр. 84. Конецъ сноски 2-ой (а не 3-ей) допечатанъ на стр. 85.

Стр. 93, сноска 1 : 3 Прежде чѣмъ вышелъ въ свѣтъ полный трудъ Хаммера, четыре робаи Хоммуи онъ, въ своемъ переводѣ, опубликовалъ въ Fundgruben des Orients, т. V (1816), стр. 141.

Стр. 94. Про эпитетъ «Азизiй» см. ниже, стр. 417.—Въ сноскѣ 3 : 8 Уинфильдъ имѣетъ 93 стр и 60.—Festgruss Графа при ZDMG. 1864.

Стр. 96, сноска 2 Strophes of Ebn Yemeen—by H. G Keene въ Fundgruben т. V (1816), стр. 138-139,—шесть строфъ, очень вольными стихами. Приложенъ подлинный персидскiй текстъ. Безъ текста, только переводъ—у Хаммера въ Redekünste.

Стр. 100 Изъ Сельмана Саведжи Хаммеръ въ VI т. Fundgruben des Orients, стр 233 (1818) издалъ газель «Hicт арам . —hecт» со своимъ нѣм. переводомъ, не вошедшимъ въ Redekünste

Стр 112 Лотфаллахъ Нишапурскiй ум. въ 1413.—Стр. 113, сноска 1 : 2. Про Лотфаллаха см. у Ch Schefer'a: Chrest. persane, т. I (1883), фран. отдѣлъ, стр. 130-131

Стр. 116. сноска 1. «Мохеммесъ» Исмета Бухарскаго переведенъ по-англiйски въ статьѣ Уи. Джонса: On the mystical poetry of the Persians and Hindus -въ «Asiatick Researches», т. III (Лонд 1807), стр. 177-178. Двѣ газели по-перс. и по-нѣм, стихами, помѣстилъ S. F. Günther Wahl въ «Fundgruben», т. VI (1818), стр 185 188 in folio.

Стр 118, сноска 5. Есть изданiе „Дiвáн-и Шáhi“ Констант. 1288=1871.

Стр. 124, сноска 3 : 8. О прозаич. „Iосифѣ и Золейхѣ“ Мискина (ум. 1501-1502) см стр. 136- 37. Стр. 128: ult. Чит. «собственноручно».

Стр 131 : 8. М б., Хилялiй уб. въ 1529. См. Rieu, перс. рукоп. Брит. Муз, Suppl. (1895), стр 192

Стр. 132 : 9. Сноска: И то сомнительно. Срв. лѣтъ на полтораста раньше Хилялiя у Хафиза I, стр. 564 (по изд Розенцвейга): „Мои уши наслушались разсказовъ про царя и нищаго“.

Стр. 133 : 17; Страданiямъ Алiя и его семьи ваизъ-Кâшифiй посвятилъ „Садъ мучениковъ“=„Powзет еш-шоhедâ“. (Сноска). Извлеченiя изъ «Powзет» называются „Деh меджлис“=„Десять бесѣдъ“. Оттуда «Mohammed's Tod» переведено во II т. Fundgruben (1811), стр. 114 117, фонъ-Дальбергомъ

Стр. 136. Мискиновы (ум. 1501-1502) «Чудеса Моисея» описаны Этé въ рукоп. India Office, т. I (1903), стр. 247, а его же «Лучшая изъ повѣстей» про Iосифа и Золейху—у Этé въ перс. рукоп. Bodleian Library (Оксф. 1889), стр. 428.

Стр. 146. Я считаю вступительной поэмой „Пятерицы“ Кâсимiя XVI в. не что иное, какъ «Зобдет эль-эш'âр», потому что это ясно изъ аналогiи всѣхъ прочихъ „пятерицъ“. Но въ сохранившихся рукописяхъ мы видимъ «Хемсе-и Кâсимi» напр въ такомъ порядкѣ: 1) сефевидская «Шаh-наме», 2) „Лейла и Меджнунъ“, 3) «Мячъ и палка», 4) „Хосровъ и Ширина“, 5) „Шаhрох-наме“. Встрѣчаемъ и еще иной порядокъ См напр. Rieu, перс. рукоп. Брит. Муз., т. II (1881), стр. 660-661, или Ethé India Office, т, I (1903), стр. 790-791.

Стр. 152. сноска 3. Изъ свода Беhаэддина Амилiя глава о джиhадѣ переведена Н. Ханыковымъ въ «Кавказѣ» 1846, № 20 и 21.

Стр. 173-174. По типографскимъ затрудненіямъ военнаго времени пришлось пропустить вставочную главу о сикhахъ (сейкахъ) и маhраттахъ. Резюме ея дано мною въ Энц. Словарѣ Граната (новое изд.).

Стр. 173 : 6, Падишаhъ Джеhангиръ 1605-1627.

Стр. 194, къ сноскѣ 1 Дополнительный трудъ Шемс-и Сираджа изданъ въ серіи „Bibliotheca Indica“ подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Târîkh-i Firôzshâhi“ (Калькутта 1880-1891).

Стр.

Отдѣлъ II.

(Монографическія антологіи).

МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(XIII-XV вв.).

Характеръ монгольскаго разоренья.

Чтобы живо понять то настроеніе, которое охватило мусульманскій міръ при истребительномъ нашествіи монголовъ, и представить себѣ краткую, но чрезвычайно образную картину этого нашествія, лучше всего будетъ вспомнить слова арабскаго историка-современника, ибнъ-аль-Асира (1160-1232), служащія вступленіемъ къ главѣ о событіяхъ 617-го года хижры=1219 по Р. Х. [1]).

«НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ НА ИСЛАМСКІЯ ЗЕМЛИ» [2]).

«Нѣсколько лѣтъ я былъ въ нерѣшительности, давать ли мнѣ разсказъ о татарскомъ нашествіи. Слишкомъ все это ужасно, и не было у меня охоты описывать все это Я брался за перо, и опять оставлялъ. Вѣдь кто можетъ съ легкимъ сердцемъ писать сообщенія о гибели ислама и мусульманъ? Кому покажется пустякомъ разсказать про это? О, пусть бы моя мать никогда не производила меня на свѣтъ! Пусть бы я умеръ до этого и былъ преданъ забвенію!

«Множество друзей моихъ уговаривало меня изложить письменно свѣдѣнія о татарскомъ нашествіи. Я все колебался. Теперь однако прихожу къ мысли, что въ моемъ молчаніи ни-

---

[1]) По египетскому изданію „Всеобщей исторіи“ ибнъ-аль-Асира (1290=1873) это будетъ томъ XII, стр. 148 и слѣд; по европейскому изданію Торнберга—т. XII (Лейденъ 1873), стр. 233 и слѣд.

[2]) То монгольское племя, къ которому принадлежалъ родъ Джингизъ-хана Темучина, называлось татарами, и отъ него весь разноплеменный составъ ордъ Джингизъ-хана сплошь да рядомъ называется тоже татарами. Орды, покорившія Русь, были въ небольшой лишь части монгольскими, преимущественно же состояли онѣ изъ тюрковъ, и оттого термины „тюркскій“ (турецкій) и „татарскій“ вполнѣ у насъ отождествились. Но ибнъ-аль-Асиръ, говоря о „татарахъ“, имѣетъ въ виду не тюрковъ, а именно монголовъ.

какой пользы нѣтъ. Но предупреждаю: я берусь описать самую ужасную катастрофу и величайшее бѣдствіе, подобнаго которому не видывали ни день, ни ночь на землѣ, и которое разразилось надъ всѣми народами, но въ особенности надъ мусульманами. Если кто-нибудь скажетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ всеславный и всевышній Богъ создалъ Адама, человѣчество до настоящаго времени никогда еще не подвергалось такому испытанію,—онъ скажетъ только правду. Въ міровыхъ лѣтописяхъ не занесено ничего подобнаго, либо похожаго на это событіе. Къ числу самыхъ ужасныхъ бѣдъ, увѣковѣченныхъ исторіей, относятъ расправу Навуходоносора съ израильтянами—избіеніе ихъ и разрушеніе Іерусалима. Но что такое Іерусалимъ, если сравнить съ нимъ цѣлыя области, опустошенныя проклятыми татарами, гдѣ каждый городъ былъ вдвое больше Іерусалима! Что такое израильтяне въ сравненіи съ вырѣзанными теперь людьми, когда населеніе одного какого-нибудь города, жителей котораго избивали татары, превосходило своею численностью весь израильскій народъ? Надо полагать, что земные народы болѣе не испытаютъ подобнаго разгрома до временъ Гога и Магога, когда настанетъ свѣтопреставленіе и конецъ міра.

«Вѣдь, даже антихристъ пощадитъ тѣхъ, кто послѣдуетъ за нимъ, хотя и погубитъ того, кто окажетъ ему сопротивленіе;—татары же никого не щадили: убивали и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей, вспарывали животы беременныхъ и рѣзали еще не родившихся. Боже, твоя воля! Боже, твоя воля! Какъ летящія искры, воспламеняющія всюду злой пожаръ, какъ дождевая туча, нагоняемая вѣтромъ, вышелъ отъ предѣловъ Китая этакій до тѣхъ поръ невѣдомый народецъ и устремился въ области Туркестана, каковы Кашгаръ и [въ западномъ Семирѣчьи] Белясагунъ, оттуда въ области за рѣкой Аму-дарьей—въ Самаркандъ, Бухару и другія. Всѣми этими областями татары овладѣли; а какъ поступили они съ покоренными—мы разскажемъ ниже.

«Затѣмъ часть ихъ идетъ въ Хорасанъ, опустошаетъ эту страну, а жителей грабитъ и убиваетъ. Отсюда татары переходятъ въ области Рея, Хамада́на, въ область Горъ (Джиба́ль) и находящихся тамъ городовъ, до предѣловъ ‘Ира́ка, и, наконецъ, въ Азербейджа́нъ и Арранскую область. Все разоряя, они большую часть населенія этихъ странъ перебили, такъ что—просто неслыханная вещь—рѣдкій-рѣдкій могъ спастись. И это—въ теченіи менѣе чѣмъ года! Изъ Азербейджана и Арраніи татары отправились въ ущелье Ширванское и завладѣли всѣми городами этой области; уцѣлѣла только одна крѣпость, въ которой укрылся владѣтель Ширванскій. Затѣмъ татары пошли въ страну Алановъ (=Осетію) и Лезгиновъ, избивая, грабя и опустошая находившіяся тамъ различныя племена. Такъ добрались они до страны Кыпчакской, одной изъ многолюднѣйшихъ

тюркскихъ [1]), убивая по дорогѣ всѣхъ, кто сопротивлялся имъ. Остальные жители разбѣжались и спрятались—кто въ болотахъ, кто въ горахъ, а страной ихъ завладѣли татары, и все это въ самое короткое время. Они, вѣдь, если и останавливались гдѣ-нибудь, то лишь на столько, чтобъ отдохнуть, не болѣе [2]). Ни одного города татары не щадили: уходя, разрушали. Все, возлѣ чего проходили—грабили. Что имъ было не годно, то сжигали. Навалятъ они напримѣръ груды шелку—и поджигаютъ; такъ и разные другіе товары.

«Другая часть ихъ направилась на Газну съ ея округами и на страны, прилегающія къ этой области: Индію, Сиджистанъ и Керманъ. И эти поступили такимъ же образомъ, какъ и первый отдѣлъ ихъ,—даже хуже.

«Уши человѣческія еще ничего подобнаго не слыхали! Вѣдь даже Александръ Македонскій, о которомъ историки говорятъ единогласно, что онъ завладѣлъ міромъ,—даже онъ, Великій Александръ, сдѣлалъ это не такъ скоро, какъ татары,—въ десять лѣтъ приблизительно. При томъ, онъ не убивалъ населенія, а довольствовался изъявленіемъ покорности. Татары же овладѣли большей и лучшей частью вселенной, наиболѣе цвѣтущими и густо заселенными странами, съ населеніемъ высоко-культурнымъ,—овладѣли всего въ теченіи какого-нибудь года. Никто не спалъ въ странѣ, на которую татары еще и не нападали,—всякъ со страхомъ и трепетомъ выжидалъ ихъ прибытія. А татары идутъ, не нуждаясь ни въ зерновомъ провіантѣ, ни въ припасахъ. Они ведутъ съ собою овецъ, коровъ, лошадей и всякую другую скотину, мясомъ которыхъ и питаются,—и только. Верховые же кони, на которыхъ они ѣдутъ, роютъ землю копытами и ѣдятъ корни растеній, не зная ячменя. Такимъ образомъ, останавливаясь гдѣ-либо на привалъ, татары ни въ чемъ постороннемъ не нуждаются. Да впрочемъ и религія ихъ (а она состоитъ въ поклоненіи восходящему солнцу) ничего недозволеннаго для ѣды не признаетъ: татары поэтому могутъ питаться и собаками, и свиньями, и т. п. животными........ [3]).

«Одинъ знатный грузинъ,—онъ пріѣхалъ посланникомъ,—говорилъ при мнѣ: Если кто станетъ вамъ разсказывать, что, молъ, татары обратились въ бѣгство или сдались въ плѣнъ, тому не вѣрьте. Если вы услышите, что они были убиты,—этому, пожалуй, повѣрьте; но убѣгать—этотъ народъ никогда

[1])=половецкой.

[2]) Здѣсь я дѣлаю маленькую вставку изъ другого мѣста ибнъ-аль-Асира (егип. изд. XII, 155-156), которое по сути относится сюда же.

[3]) Далѣе—снова короткая вставка изъ другого мѣста ибнъ-аль-Асира, по егип. изд. т. XII, 159.

не убѣгаетъ. Мы однажды взяли татарина въ плѣнъ,—такъ онъ сбросился съ коня и ударилъ себя головою о камень! Умеръ, но не сдался въ плѣнъ!...—

«Да, въ наше время постигаютъ исламскую вѣру и мусульманъ страшныя несчастія, какихъ еще не испытывалъ ни одинъ народъ. Такъ, съ востока явились татары, да посрамитъ ихъ Богъ, и совершили такія ужасныя вещи (онѣ будутъ описаны ниже), что повѣрить нельзя. Съ запада же на Сирію и Египетъ напали франки, да проклянетъ ихъ Аллахъ! А кто уцѣлѣлъ отъ татаръ и франковъ, тѣ обнажили другъ противъ друга мечъ и подняли междоусобную смуту.

Описывая ужасы монгольскаго нашествія, ибнъ-аль-Асиръ иногда боится, что дальнѣйшія поколѣнія даже не повѣрятъ ему:

—«Ей Богу, у меня нѣтъ сомнѣній: кто будетъ жить послѣ насъ, т. е. по прошествіи этой эпохи, и ознакомится съ этими событіями лишь въ записяхъ, тотъ заподозритъ достовѣрность сообщаемаго и сочтетъ его за неправдоподобное. Что жъ! на то его воля. Да только, вздумавши считать это за неправдоподобное, пусть онъ сообразитъ, что и мы и всѣ одновременные съ нами составители лѣтописей писали въ эпоху свидѣтелей совершавшагося, писали въ ту пору, когда совершавшіяся событія извѣстны были всѣмъ и каждому одинаково, все равно—ученому или неученому,—слишкомъ вѣдь они были громки! [1]).

А вотъ сцены изъ того же ибнъ-аль-Асира, наглядно обрисовывающія ту панику, которая охватила мусульманъ передъ монголами [2]):

«Одинъ татаринъ въѣхалъ въ деревню, гдѣ на улицѣ стояла большая толпа. Татаринъ и давай рубить людей одного за другимъ, и ни одинъ человѣкъ не осмѣлился поднять руку на одинокаго всадника... А то вотъ еще что дошло до моего свѣдѣнія: Схватилъ татаринъ одного человѣка и, не имѣя при себѣ никакого оружія, чтобы прикончить его, говоритъ: «Положи голову на землю и не шевелись». И что же? плѣнникъ легъ на землю, а татаринъ сходилъ за саблею и, вернувшись, убилъ его. Одинъ человѣкъ разсказывалъ мнѣ также слѣдующее: шелъ онъ по дорогѣ съ семнадцатью другими людьми.—«Вдругъ», говорилъ онъ,—«настигаетъ насъ татарскій наѣздникъ и кри-

---

[1]) По егип. изд. т. XII, 155, подъ 617=1220-1221 г., о событіяхъ въ Азербейджанѣ.

[2]) Это изъ главы о событіяхъ въ Месопотаміи 628 г. хижры=1230-1231 по Р. Х. (т. XII, стр. 207).

читъ: «Эй вы, скрутите-ка другъ другу руки за спину!» Мои товарищи принялись было уже исполнять его приказаніе.... —«Стойте!»—говорю я тогда: «вѣдь онъ одинъ. Неужели же мы не убьемъ его и не убѣжимъ?»—«Боимся мы», отвѣчали они.—«Онъ хочетъ вотъ убить насъ», продолжалъ я, «давайте жъ убьемъ его лучше,—можетъ быть, съ помощью Божіей намъ удастся спастись!» И что жъ? Ну, право, ни одинъ не осмѣлился сдѣлать этого! Тогда я самъ взялъ ножъ и зарѣзалъ его. Мы убѣжали и спаслись такимъ образомъ». И много, много такихъ разсказовъ. А одинъ человѣкъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: «Я спрятался въ чуланѣ съ соломой. Татары не могли найти меня. а я видѣлъ ихъ черезъ дверную щель. Поймаютъ они какого-нибудь человѣка; онъ молитъ: «Нѣтъ, нѣтъ! пустите, ради Бога!», а они убиваютъ его. Затѣмъ, когда они удалялись изъ деревни, разграбивъ все и захвативъ въ плѣнъ женщинъ, я видѣлъ, какъ они забавлялись, сидя на лошадяхъ, смѣялись и пѣли, передразнивая по-своему арабское произношеніе: «Ля́, билля́hи»=«Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!»....

Хотя всѣ эти разсказы, взятые нами изъ ибнъ-аль-Аси́ра, достаточно хорошо иллюстрируютъ монгольское нашествіе, мы приведемъ еще, для заключенія, выписку изъ «Свода лѣтописей» придворнаго монгольскаго историка-панегириста, многолѣтняго везиря Решидеддина XIII-XIV в. (ум. 1318),—лица́, преданность котораго монголамъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія:

Однажды Чингизъ-ханъ спросилъ у Бурджи-нойона, который былъ главою бековъ: «Наслажденіе и блаженство человѣка въ чемъ состоитъ?» Бурджи сказалъ: «состоитъ въ томъ, чтобъ человѣку, взявши на руку сокола синецвѣтнаго своего, молодого кречета, который зимой перемѣнилъ перья на тѣлѣ и на крыльяхъ, сѣсть на хорошаго, откормленнаго мерина и охотиться раннею весною за синеголовыми птицами, да одѣваться въ хорошія платья и одежды».

Чингизъ-ханъ сказалъ Бургулу: «Ты скажи также». Бургулъ сказалъ: «Блаженство состоитъ въ томъ, чтобъ животныя, подобныя кречету, летали надъ журавлями, пока не низвергнутъ ихъ съ воздуха ранами когтей и не возьмутъ ихъ».

Послѣ того спросилъ также у дѣтей Хубилая. Сказали: «Блаженство человѣка состоитъ въ охотѣ и заставленіи животныхъ летать».

Тогда Чингизъ-ханъ соизволилъ сказать: «Вы не хорошо говорили Наслажденіе и блаженство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы возмутившагося—подавить, врага—побѣдить, вырвать его изъ корня, и то что онъ имѣетъ—взять, заставить вопить домочадцевъ его, заставить течь слезы по лицу и носу ихъ,

сѣсть на пріятно-идущихъ жирныхъ мериновъ изъ имущества враговъ, сдѣлать животъ и пупъ женъ ихъ постелью и подстилкою, любоваться розовыми щечками ихъ и цѣловать, и сладкія алыя губки ихъ сосать». [1]).

Общее пространство земель, подвергшееся въ XIII-мъ (=VII хижры) вѣкѣ монгольскому безжалостному опустошенію, сожженію, кровавому людскому истребленію - до неслыханности огромно. Достаточно вникнуть даже только въ тѣ указанія, которыя мы выше видѣли у ибнъ-аль-Асира. Отъ предѣловъ Тихаго океана съ покоренной Китайской имперіей, черезъ всю мусульманскую Азію съ отклоненіями въ Туркестанъ и Индію, монголы страшнымъ потокомъ дошли до моря Средиземнаго и Чернаго, навели лихолѣтье на Кавказъ, на волжскихъ Болгаръ, на Русь сѣверную и на Русь южную, и грознымъ бичемъ вошли въ Польшу и Венгрію. Съ ужасомъ ждала ихъ и западная Европа и Византія, и въ то время какъ византійскій императоръ Іоаннъ Дука дѣятельно укрѣплялъ свои крѣпости, его подданные со страхомъ передавали другъ другу разсказы о надвигающихся полчищахъ дикарей-завоевателей и увѣряли, что монголы—песиголовцы, съ собачьими головами, и что питаются они человѣческимъ мясомъ [2]).

Главный ихъ ударъ палъ при этомъ на земли исламскія, на Персію, и наша задача—прослѣдить судьбу лишь ея; въ частности—подробнѣе прослѣдить въ ней тотъ самый ходъ монгольскихъ завоеваній, какой уже въ общихъ чертахъ отмѣченъ.

Для общей же исторіи монголовъ, которую мы опускаемъ, лучшимъ трудомъ остается старинный, барона д'Оссона:

Baron C. d'Ohsson: Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan, 4 тт. (въ каждомъ около 450 стр.), 1-ое изд. 1824; 2-ое, сильно дополненное 1834-1835 (Гага и Амстердамъ); 3-е изд. Амстердамъ 1852 сохраняетъ пагинацію 2-го изданія, отъ котораго оно ничѣмъ и не разнится.

---

[1]) „Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ, сочиненіе Рашидъ-Эддина", изд. и переводъ И Березина въ XV томѣ „Грудовъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества" (Спб. 1888), стр. 193-194 перс. текста, стр. 131 перевода (въ которомъ я сдѣлалъ кое-какія легкія измѣненія, согласно перс. тексту).

[2]) C. d'Ohsson: Histoire des Mongols, I, стр. 352, на основаніи византійскаго писателя Пахимера.

Всѣ послѣдующіе труды, не исключая и многотомнаго Ховорза (Sir Henry Howorth: History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century, Лонд. 1876-1888), уступаютъ бар. д'Оссону. Характеристику ихъ см. у В. Бартольда: «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» (Спб. 1900), стр. 60-64.

Наиболѣе интересный отдѣлъ изъ I тома Ховорза имѣется въ русскомъ переводѣ:

Генри Говортъ: Чингисъ-ханъ. Переводъ съ англійскаго Н. Гр. (Ташкентъ 1911); 98 стр. Отт.

Борьба монголовъ Джингизъ-хана съ Харезмомъ. Харезмшахъ Джеляледдинъ Мынгбурній 1220-1231. Утвержденіе его въ Азербейджанѣ и послѣднія усилія.

Въ борьбѣ съ монголами, начавшейся осенью 1219 г., харезмскій шахъ Мохаммедъ совершенно растерялся и малодушно отступалъ [1]). Наконецъ онъ безвѣстно скрылся на одномъ о-вѣ Каспійскаго моря у Мазендерана и, тотчасъ расхворавшись, умеръ какъ нищій (въ дек. 1220). По словамъ тогдашняго же харезмшахскаго историка Нисаія (или Несеви) [2]), у спутниковъ шаха не нашлось денегъ, за что купить усопшему государю саванъ, и одинъ изъ нихъ пожертвовалъ для этого свою сорочку.

Его сынъ и преемникъ—послѣдній харезмшахъ Джеляледдинъ Мынгбурній (1220-1231)—при всей своей энергіи ужъ мало могъ сдѣлать противъ враговъ и, въ концѣ концовъ, послѣ недолгой борьбы бѣжалъ изъ Средней Азіи за рѣку Индъ (поздней осенью 1221). На берегу рѣки монголы совсѣмъ было его настигли и готовились взять живьемъ въ плѣнъ, но неустрашимый харезмшахъ, по восторженному повѣствованію монгольскихъ персовъ-историковъ Джовейнія и Решиддедина, какъ молнія пробился сквозь монгольскіе ряды на конѣ, верхомъ бросился съ высокой, крутой скалы въ быструю и глубокую рѣку, вмигъ переплылъ ее и, на другомъ берегу, въ виду всѣхъ монголовъ, отеръ саблю отъ воды. Изумленный и невольно восхищенный Джингизъ-ханъ

---

[1]) Освѣщеніе событій, кромѣ д'Оссона (1852) т. I, гл. VI и слѣд., см. въ диссертаціи В. Бартольда: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія" (Спб. 1900), стр 434 и слѣд.

[2]) „Vie de Dj. Mankobirti" Нисаія (Nesawi) издалъ по-арабски съ франц. переводомъ Houdas (1891—1895).

показалъ на него своимъ сынорьямъ и могъ лишь проговорить: «Отъ какого жъ отца долженъ былъ родиться такой сынъ!» [1]).

Монголы безжалостно разорили его владѣнія, вырѣзывая до послѣдняго человѣка населеніе тѣхъ городовъ, которые дерзали сопротивляться. Чаще же жители и не думали оказывать противодѣйствія, а разбѣгались въ паническомъ ужасѣ и укрывались, кто куда успѣвалъ. Монголамъ удавалось коварными обѣщаніями выманивать и ихъ изъ закоулковъ и массами умерщвлять Изъ Харезма монголы прошли опустошительнымъ потокомъ черезъ Мидію, Азербейджанъ и Кавказъ въ Россію и въ 1223 году еще разъ произвели смертоносное разореніе Персіи, со стороны Хорасана, «держась того вѣрнаго взгляда, что мертвые не имѣютъ привычки подымать возстаній» [2]).

Послѣ ихъ ухода на Иртышъ (1224) цѣлыми остались только южныя провинціи: харезмшахскій Керманъ и атабекскій Фáрсъ, добровольно подчинившійся монголамъ, а также государство халифа.

Керманъ не остался вѣренъ своему Харезмскому государю и отложился отъ Джелаледдина Мынгбурнія (возникла вѣрная монголамъ династія керманскихъ карахитаевъ, 1222-1306) [3]). Но зато Джелаледдинъ-Мынгбурній взамѣнъ за разореніе своихъ восточно-иранскихъ владѣній монголами отнялъ у халифа Нáсыра часть Хузистана (по сосѣдству съ Месопотаміей), а у атабековъ-пеhлеванидовъ—земли нынѣшняго Закавказья: Азербейджанъ, съ Аррáномъ (1225) и, такимъ образомъ, утвердился здѣсь на крайнемъ западѣ Персіи вмѣсто прежняго своего пребыванія на крайнемъ востокѣ Ирана.

Отсюда онъ воевалъ съ сосѣдями, въ томъ числѣ удачно съ Грузіей, и въѣхалъ въ грузинскую столицу Тифлисъ (1226). Тѣмъ временемъ

---

[1]) У Джовейнія см. по изд. въ Gibb Memorial Series (т. I, 1912), стр. 106 и слѣд. Изъ Джовейнія почерпнулъ Решидеддинъ,—см по изд. и переводу Березина (1888, въ XV т. „Труд. Вост. Отд.“) стр 124-128 перс.=стр. 83-85 русск. Варіантъ у Нисаія, по изд. Худá (1891-1895), стр. 83-85 араб.=139-141 франц. Восклицаніе Джингизъ-хана я перевелъ неточно; по-персидски „Äз пäдäр бäйäд ки чинîн писäр äйäд“,—пословица

[2]) Выраженіе Авг. Мюллера: „Исторія ислама“ т. III (Спб. 1896), стр 237.

[3]) иначе Кутлугъ-ханы Таблица ихъ—у Стенли Лэнъ-Пуля: „Мусульм. династіи“ (Спб. 1899), стр. 152; тамъ они считаются до 1303 г. Срв. еще Авг. Мюллера: „Исторія ислама“, т III (Спб. 1896), стр 239.

скончался Джингизъ-ханъ (1227), и въ званіи великаго хана наслѣдовалъ ему одинъ изъ его сыновей Угедей, или Октай (1227-1241). Харезмшаху въ своемъ Азербейджанѣ пришлось бороться со вторгнувшимися (1228) монголами хана Угедея. Въ 1231 г., спасаясь отъ Угедеевыхъ монголовъ, Джелаледдинъ-Мынгурній попалъ въ руки курдовъ и былъ убитъ.

Азербейджанъ послѣ него подчинился монголамъ или, вѣрнѣе, анархіи, такъ какъ и въ самомъ Каракорумѣ, великоханской столицѣ монголовъ, затѣмъ пошли династическіе споры.

Удѣльное распредѣленіе имперіи монголовъ.

Хотя общая исторія монголовъ не входитъ въ нашу задачу, все же для ясности разсказа надо отмѣтить, что колоссальнѣйшая имперія Джингизъ-хана и первыхъ его преемниковъ разбилась на четыре монархіи.

1) Владѣнія прямыхъ преемниковъ Джингизъ-хана, со званіемъ великихъ хановъ—Монголія съ Китаемъ и Тибетомъ, или, если будемъ считать наоборотъ—Китай, Тибетъ и монг. земли до Алтая. Санъ великаго хана держался сперва за однимъ (не старшимъ) изъ Джингизовыхъ сыновей Угедеемъ (1227-1241), которому, съ регентской опекой, наслѣдовалъ его сынъ Гуюкъ (1241-1248). Но затѣмъ великоханство перешло къ дому другого Джингизова сына—Тулуя, въ лицѣ его сына Мöнге (1248-1259), которому наслѣдовалъ Хубилай (1259-1294), и т. д. Столица великихъ хановъ была сперва монгольская въ Каракорумѣ, къ сѣверу отъ пустыни Гоби; съ Хубилаемъ же столица перенеслась въ Китай, въ нын. Пекинъ [1]). Китайцы называютъ эту монгольскую династію, продержавшуюся въ Китаѣ до 1368 г., династіей Юань.

2) Области отъ Алтая до Аму-Дарьи, иначе весь Туркестанъ съ Бухарóю, впослѣдствіи съ Бальхомъ и Газною, словомъ «Средняя Азія»—это было владѣніе дѣтей третьяго Джингизъ-ханова сына Джагатая. Его потомство продержалось здѣсь лѣтъ полтораста, до возвышенія Тимура, а тюркскія нарѣчія этихъ странъ надолго получили названіе «джагатайскихъ».

3) Области къ сѣверу отъ Каспійскаго и Чернаго морей, Кыпчакское ханство, простирающееся далеко къ сѣверу, къ Москвѣ и къ волжскимъ болгарамъ—владѣніе Джучидовъ, т. е. потомковъ Джучи, старшаго Джингизъ-ханова сына. Завоеватель

---

[1]) Венеціанецъ Марко Поло, ѣздившій къ Хубилаю, называетъ эту столицу „Камбалукъ", т. е. Хан-балыкъ (=„ханскій городъ") Имя „Пекинъ"—позднѣйшее.

Руси, ханъ Золотой Орды—Б а т у (Батый, 1224-1255), сынъ Джучи.

4) Четвертой монархіей оказалась, какъ далѣе увидимъ, П е р с і я (и вообще Передняя Азія), съ династіей Хулагидовъ, т. е. вѣтвью дома Тулуя, властвовавшаго въ Китаѣ.

Когда удѣльная смута среди монголовъ изъ-за великоханскаго престола прикончилась, и водворился ханъ М ё н г е (Мангу, Мунке, 1251-1259), на Персію опять обратилось ихъ усиленное вниманіе.

Походъ Хулагу-хана.

Въ 1253 г. новый великій ханъ Мёнге (1251-1259) послалъ своего брата, грознаго Хулагу́-хана (Һулагу) съ войскомъ въ 50-60 тысячъ управлять Ираномъ.

Прежде всего, къ удовольствію персовъ, были истреблены иранскіе а с с а с и н ы (1256), и срыта главная изъ ихъ сорока крѣпостей, Аламутъ. Тайный архивъ этой грозной секты прежде истребленія попалъ въ руки персидскихъ историковъ, сопровождавшихъ Хулагу-хана, и такимъ образомъ многія драгоцѣнныя свѣдѣнія объ исмаилитахъ остались для насъ сохраненными.

Къ злорадству шіитовъ былъ уничтоженъ Хулагу-ханомъ и б а г д а д с к і й х а л и ф а т ъ, Багдадъ сожженъ, и послѣдній халифъ Моста́ʻсымъ убитъ (1258).

Изъ Багдада Хулагу отправился въ Азербейджанъ, который собственно долженъ былъ бы входить въ составъ улуса Джучи, т. е. Золотой Орды; но Хулагу здѣсь утвердился, сдѣлалъ Т е б р и́ з ъ столицей Персіи и оттуда сталъ править ею [1]). Значительную часть книгъ огромной багдадской библіотеки Хулагу-ханъ переправилъ въ г. Мера́гу (къ югу отъ Тебриза), гдѣ устроилъ превосходную обсерваторію (1259), съ астрономами персидскими и китайскими; къ астрологіи суевѣрный Хулагу чувствовалъ почтеніе, и главный астрономъ Насирединъ Тусскій пользовался его расположеніемъ.

Попытка Хулагу-хана проникнуть въ сирійско-египетское государство мамлюковъ кончилась неудачей: въ Сиріи мамлюки очень успѣшно отразили его.

---

[1]) Т е б р и з ъ былъ собственно скорѣе лѣтней резиденціей Зимою резиденціей Һулагидской династіи былъ обыкновенно Б а г д а д ъ.

Въ 1263 г. преемникъ великаго хана монголовъ Менге, Хубилай (1259-1294), далъ Хулагу-хану титулъ «и л ь - х а н а» (повелителя народовъ), чѣмъ призналъ его почти полную самостоятельность.

Династія Хулагидовъ, или Иль-хановъ.

Отъ Хулагу (1256-1265) начинается въ Персіи династія «ильхановъ», или Һулагидовъ, продержавшаяся на престолѣ нѣсколько менѣе ста лѣтъ и давшая свыше полутора десятка властителей,—цифра краснорѣчиво показывающая, что междоусобія въ династіи Хулагу-хана были не рѣдки. Кромѣ того жизнь свою монголы сильно сокращали пьянствомъ. Хулагидское государство, которое основалъ Хулагу, простиралось отъ Индіи до Средиземнаго моря, включая въ себя всѣ области Персіи и Малой Азіи.

Подъ непосредственной властью ильхановъ-Һулагидовъ находились Азербейджанъ (со столицей Тебризомъ). Иракъ Персидскій, Иракъ Арабскій. Въ Хорасанѣ они имѣли намѣстника. Полусамостоятельны были куртиды въ Хератѣ [1]), карахитаи въ Керманѣ (до 1306), салгариды-атабеки Фарса (до 1264; пожалуй, и до 1287) [2]), атабеки Луристана, мелкіе государи Гиляна, Ширвана, Арменіи и Месопотаміи. Багдадъ—зимняя резиденція. Хулагидамъ подчинялись также иконійскіе сельджуки въ Малой Азіи.

На сѣверѣ владѣнія Һулагидовъ граничили съ монгольскими владѣніями Джагатайскими и Джучидскими, на ю.-з.—съ областью египетскихъ мамлюкскихъ султановъ. И тѣ и другіе оказались врагами Һулагидовъ; джучиды, эти родственные монголы, нѣсколько разъ изъ своей Золотой Орды доходили съ войскомъ до Тебриза, который, по ихъ мнѣнію, неправильно былъ занятъ Хулагу-ханомъ.

Первыя тридцать лѣтъ своего существованія династія Хулагу-хана (т. е. самъ Х у л а г у и его три преемника—ильханы) [3]) была чужою для персидскаго населенія, и по языку, и—вообще говоря—по религіи. Вражды къ исламу монголы впрочемъ не питали; они отличались замѣчательной

---

[1]) Къ династіи куртидовъ (по происхожденію гурцевъ-полуафганцевъ) мы еще вернемся (стр. 15-16). Они много сдѣлали для поднятія торговаго значенія Херата.

[2]) Княгиня Абишъ 1263-1287, послѣдняя изъ династіи Салгаридовъ, была уже женою сына Хулагу-хана.

[3]) Первые четыре ильхана· Хулагу-ханъ 1256-1265, Абака 1265-1282, его братъ Ахмедъ Такударъ 1282-1284, Аргунъ 1284-1291.

терпимостью, что отмѣчаютъ и христіанскіе миссіонеры, ѣздившіе въ столицу Великихъ хановъ (Плано Карпини 1246, Рубруквисъ 1253); Мангу-ханъ прямо сказалъ Рубруквису, что Богъ одинъ, а путей къ раю, т. е. религій, есть много. Но какъ-ни-какъ разница въ религіи сперва отчуждала ильхановъ отъ ихъ мусульманскихъ подданныхъ. Третій преемникъ Хулагу-хана, т. е. четвертый ильханъ А р г у н ъ 1284-1291, обнаружившій наклонность къ постройкамъ, главное свое строительство проявилъ въ созданіи огромнаго языческаго храма подъ Тебризомъ [1]).

Но при его братѣ и преемникѣ, по счету пятомъ Ѣулагидѣ К е й х а т у (1291-1295) находятъ возможнымъ отмѣтить ужъ достаточно сильное ассимилированіе персидскихъ монголовъ съ мѣстнымъ персидскимъ населеніемъ, хотя самъ ильханъ еще не былъ мусульманиномъ. Правленіе Кейхату-хана извѣстно также (1294) неудачнымъ введеніемъ бумажныхъ денегъ («чао»); эта китайская выдумка встрѣтила рѣзкій отпоръ народа и лишь потому не привела къ громадному финансовому краху.

Еще больше совершилось ассимилированіе иранскихъ монголовъ съ персами при замѣчательномъ государѣ, сынѣ Аргуна Г а́ з а́ н ѣ (1295-1304). Отецъ его строилъ языческіе храмы, а сынъ-Газанъ разрушилъ отцовское сооруженіе. Газанъ принялъ исламъ со всѣмъ войскомъ, по суннитскому исповѣданію. Какъ ревностный правовѣрный, онъ отказался даже номинально признавать верховную власть великаго хана-язычника и получать инвеституру изъ далекой Монголіи, или вѣрнѣе—Китая [2]). Тебри́зъ при Газанѣ великолѣпно обстроился роскошными мечетями и другими сооруженіями; историки отмѣчаютъ подавляющее количество мрамора; мраморныя ломки имѣются на берегахъ озера Урміи. Правда, любви къ монгольской старинѣ Газанъ не потерялъ, и считаться монголомъ-націоналистомъ вполнѣ можетъ; но онъ ужъ вполнѣ пріобщенный членъ персидскаго культурнаго общества. Съ учеными астрономами обсерваторіи въ

---

[1]) Аргунъ замышлялъ совмѣстныя дѣйствія съ христіанскими государями Европы противъ египетскихъ мамлюковъ. Посломъ его въ Европу былъ несторіанскій монахъ Раббанъ Савма, объ интересномъ путешествіи котораго въ Европу 1287 см. у насъ въ „Очеркѣ сирской литературы“ (во II части „Семитскихъ языковъ и народовъ“) 1910, стр. 211.

[2]) Но китайскіе великіе ханы продолжали считать Персію своимъ леномъ. Срв. у Блоше: „Introduction à l'histoire des Mongols“ 1910 (въ Гиббовой серіи, № 12) стр. 231 и слѣд.

Мерагѣ (къ югу отъ Тебриза) Газанъ, при осмотрѣ обсерваторіи (1300), могъ сознательно толковать о ихъ астрономическихъ приборахъ [1]). Онъ хотѣлъ и законодательнымъ путемъ обезпечить Персіи такое государственное устройство, въ которомъ интересы кочевниковъ-монголовъ и осѣдлыхъ жителей-персовъ объединялись бы и сливались бы. Историкъ Решидеддинъ (изъ азербейджанскихъ евреевъ, врачъ) былъ у Газана главнымъ везиремъ, и къ составленію полной исторіи монголовъ, т. н. «Газановской лѣтописи», Решидеддинъ приступилъ по желанію Газанъ-хана, да и преданія о монгольской старинѣ черпалъ онъ между прочимъ изъ устъ самого государя. Съ виду ханъ былъ безобразнѣйшій, низкорослый монголъ. —«Изумляешься, какъ это въ такомъ маленькомъ и невзрачномъ человѣчкѣ можетъ жить столько доблестей!» писалъ про него одинъ христіанскій монахъ [2]), долго жившій при Газановомъ дворѣ.

Олцзайту (Улчжейту), или Мохаммедъ Хода́-бенде́ (1304-1316),—первый изъ царей всей Персіи (шіиты-буиды X вѣка владѣли лишь ея большей частью) принялъ шіитство (но преемникъ его опять былъ суннитомъ). «Хода́-бенде» значитъ «рабъ Божій»; у государя было и менѣе почетное прозвище—«Хер-бенде»=«рабъ ослиный». Самъ онъ, при всей склонности къ наслажденіямъ, былъ человѣкъ достаточно благодушный. Везиремъ состоялъ при немъ тотъ же историкъ Решидеддинъ (изъ врачей-евреевъ), который былъ везиремъ и у Газана. Столицу перенесъ Олцзайту изъ Тебриза южнѣе, въ Султаніе (ближе къ Казвину).

Сынъ Олцзайту Абу-Саидъ (1316-1335) въ сущности былъ послѣднимъ ильханомъ [3]). Абу-Саидъ вступилъ на престолъ малолѣтнимъ; своеволіе намѣстниковъ и полководцевъ было причиной распаденія державы ильхановъ на много мелкихъ владѣній (Азербейджа́нъ, Иракъ, Фа́рсъ, Йездъ, Хора́са́нъ и др.). Преемники Абу-Саида (шесть хановъ, въ теченіи девяти лѣтъ) были ставленниками и игрушками различныхъ соперничаю-

---

1) d'Ohsson: Hist. des Mong., т. IV, стр. 271.

2) Гайтонъ (Haiton).

3) И главнымъ образомъ съ этой отрицательной стороны имя ослабѣвшаго һулагида Абу-Саида XIV в. слишкомъ часто отмѣчается у историковъ. Напротивъ, позднѣйшій, царствовавшій лѣтъ сто-полтораста спустя одноименный тимуридъ Абу-Саидъ XV в. въ противоположномъ концѣ Ирана, отмѣчается какъ сильный государь; о немъ рѣчь ниже.

щихъ военачальниковъ, не имѣли никакого значенія, и къ 1344 году династія Хулагу прекратилась [1]).

Таблица Хулагидовъ.

Хулагу	1256-1265
Абака	1265-1282
Ахмедъ Такударъ	1282-1284
Аргунъ	1284-1291
Кейхату	1291-1295
Байду	1295
Газанъ	1295-1304
Олцзайту Ходабенде	1304-1316
Абу-Саидъ	1316-1335

Арпа 1335-1336; Муса 1336; Мохаммедъ 1336-1338; Туга-Тимуръ 1337-1353; Джиһанъ-Тимуръ 1339-1340; Сати-бегъ 1338-1339; Сулейманъ 1339-1344; Нуширванъ 1344.

Удѣльныя династіи въ Персіи до Тимура; монголы Джелаириды 1336-1411, персы Мозаффериды 1313-1393, һератскіе Курты 1245-1389, хорасанскіе Сербедары 1337-1381.

Среди множества мелкихъ династій, орудовавшихъ Персіей послѣ ослабленія и паденія һулагидской династіи, главную власть пріобрѣли двѣ, враждебныя другъ другу: монголы Джелаириды и персы Мозаффериды.

Изъ нихъ Джелаириды (1336-1411), потомки монгольскихъ воеводъ, утвердились въ Месопотаміи (съ Багдадомъ) и—не сразу, правда—на сѣверо-западѣ Персіи: въ Азербейджанѣ съ городомъ Тебри́зомъ. Отвоеванный (1358) Тебри́зъ, первоначальная столица низложенныхъ монголовъ-һулагидовъ, сдѣлался столицею и этихъ монго-

---

[1]) Вскорѣ и бывшіе һулагидскіе сюзерены, великіе ханы „Юань", о сюзеренномъ верховенствѣ которыхъ вспомнилъ было полководецъ Абу-Саида Чупанъ (1326), были изгнаны изъ Китая (1363) и должны были вернуться въ свои монгольскія кочевья къ Каракоруму, гдѣ фактически оказались подданными обновившагося Китая и его пекинскихъ императоровъ (династіи Минъ). Минъ, новая династія, совсѣмъ не монгольская, сочла однако полезнымъ сохранить Джингизъханидскія притязанія (номинальныя) на верховное владычество въ тѣхъ государствахъ, гдѣ держались династіи изъ дома Джингизъ-хана. Ниже мы увидимъ это съ яркостью при изложеніи исторіи великаго завоевателя Тимура и его сына Шаһроха.

ловъ-Джелаиридовъ; отвоевывать же пришлось его и весь Азербейджанъ отъ Золотой Орды, которая не переставала притязать на этотъ городъ. Торговый и промышленный, Тебризъ отличался своимъ богатствомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ проѣзжавшіе европейскіе путешественники; испанецъ Клавихо, ѣхавшій въ 1403 г. (т. е. уже въ концѣ существованія джелаиридской династіи) во главѣ кастильскаго посольства въ Самаркандъ къ Тимуру, останавливался въ Тебризѣ и съ похвалою описалъ его; число жителей онъ высчитывалъ въ 200.000 [1]). А между тѣмъ лѣтъ за 20 до того Тебризъ сильно пострадалъ отъ погромовъ—какъ золотоордынскаго хана Тохтамыша (1385), такъ вслѣдъ затѣмъ Тимура.—Что касается чистыхъ персовъ Мозаффер идовъ (1313-1393), то эти постепенно утвердились въ Фарсѣ и вообще южной Персіи. Ихъ столицей, наконецъ, сталъ въ Фарсѣ Ширазъ (какъ у атабековъ); въ мозаффередскія руки попалъ фарскій Ширазъ съ 1353 года (взятъ ими отъ монгольскихъ намѣстниковъ путемъ борьбы).

Обѣ династіи, сѣверо-персидскіе монголы-Джелаириды и южно-персидскіе персы-Мозаффериды, были не только въ постоянной враждѣ между собою, но и въ культурномъ соперничествѣ. Въ исторіи литературы обѣ династіи остались памятны потому, что съ ихъ именами связаны литературная дѣятельность поэтовъ плеяды Хафиза. Хафизъ жилъ въ южно-персидскомъ Ширазѣ, (гдѣ сто лѣтъ тому назадъ жилъ при атабекахъ другой великій поэтъ Персіи—Са‘дій), и покровителемъ Хафиза въ зрѣлые его годы былъ мозаффередскій государь-меценатъ Шаһъ-Шоджа́‘ (1359-1384) [2]). А въ сѣверно-персидскомъ Тебризѣ литературу поддерживалъ джелаиридъ-султанъ Шейхъ-Увейсъ (1356-1374), тоже цѣнившій Хафиза и имѣвшій при своемъ дворѣ группу талантливыхъ персидскихъ поэтовъ, соперниковъ и друзей Хафиза, среди которыхъ выдѣлялся Сельманъ Саведжи.

Изъ прочихъ удѣльныхъ иранскихъ династій, вообще менѣе важныхъ, чѣмъ Мозаффериды и Джелаириды, заслуживаютъ вниманія һератскіе владѣтели Курты, или Куртиды (1245-1389), по происхожденію горцы изъ Гура (болѣе или менѣе сродни-афганцамъ), которые утвердились въ

---

[1]) Путешествіе Клавихо, 1403-1406, издано съ русскимъ переводомъ и съ примѣчаніями И. Срезневскаго, въ 28-мъ томѣ (1881) „Сборника отдѣл. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ“. См. стр. 167-170.

[2]) Въ молодости Хафиза Ширазъ имѣлъ управленіе монгольское.

Хератѣ съ первыхъ же десятилѣтій монгольскаго владычества въ Персіи [1]) и, воспользовавшись монгольскимъ сожженіемъ или разореніемъ многихъ важныхъ торговыхъ пунктовъ (Мерва, Бальха), содѣйствовали направленію международной торговли на ихъ Хератъ. Хератъ сдѣлался при Куртахъ (да и надолго впослѣдствіи) узловымъ пунктомъ купеческихъ дорогъ между западной Азіей, Туркестаномъ, Китаемъ, Индіей, и достигъ высокаго процвѣтанія.—Совсѣмъ въ иномъ родѣ, но очень интереснымъ государствомъ оказалась въ эти «передъ-Тимуровы» времена западная часть Хорасана, именно Себзеварская, включившая въ себя также сосѣдній Нишапуръ. Здѣсь, въ Себзеварѣ, возникла своеобразная династія князей-«висѣльниковъ», или, по-персидски, «Сербедáровъ» (1337-1381),—княжество разбойничьи-демократическаго характера, фанатически-шіитское по вѣроисповѣданію. Оно не просуществовало и полустолѣтія, а смѣнилось въ немъ за эту пору 12 князей, обыкновенно путемъ сверженія и умерщвленія другъ друга, чѣмъ и оправдывается названіе этой династіи.—Прикаспійскія земли образовали особое владѣніе. Систанъ – тоже.

Таблица Джелаиридовъ.

Хасанъ Бозоргъ Багдадскій	1336-1356
Шейхъ-Увейсъ Тебризскій	1356-1374
Хосейнъ, его сынъ	1374-1382
[Въ Курдистанѣ другой сынъ, Баезйдъ ок. 1382-1384]	
Ахмедъ, 3-й сынъ Увейса (часто изгоняемый Тимуромъ и опять возвращавшійся)	1382-1410
[Побѣда Чернобаранныхъ туркменовъ 1410]	
Шаһъ-Веледъ, устраненный Чернобаранными туркменами	1410-1411
[Вдова его, Танду, въ нижней Месопотаміи 1411-1416; окончательное торжество Чернобаранныхъ 1431].	

[1]) Еще въ домонгольскій періодъ, въ XII в., Хератъ нѣкоторую пору подчинялся династіи гурскаго же происхожденія, знаменитымъ Гуридамъ, которая (Аладдинъ Міросожигатель ок 1149-1161 и наслѣдовавшие ему племянники) утвердилась здѣсь вмѣсто ослабѣвшихъ Газневидовъ. Но въ началѣ XIII в. династія Гуридовъ была прекращена харезмшахомъ Мохаммедомъ II (1204; 1206), и Хератъ съ остальнымъ Хорасаномъ вошелъ въ составъ владѣнія харезмшаха. Въ 1221 г. завоевали Хератъ монголы и, лѣтъ двадцать-пять или тридцать спустя, предоставили его въ вассальное владѣніе гурцу Шемседдину Мохаммеду Курту, отъ котораго и начинается династія Куртидовъ, правившая здѣсь лѣтъ полтораста, весь монгольскій періодъ до Тимуровыхъ временъ.

Мозаффериды:

Мобаризеддинъ ибнъ-Мозафферъ (въ 1353 въ Ширазѣ) 1313-1359
Шаһъ-Шоджа' 1359-1384
Зейн-эль-'абидинъ, бѣжавшій отъ нашествія Тимура 1384-1387
Его двоюродные братья:
Мансуръ въ Ширазѣ и Испаһанѣ, Яхъя въ Йездѣ,
родной братъ Ахмедъ въ Керманѣ . . . 1387-1393 [1]).

Междоусобія всѣхъ этихъ «до-Тимуровскихъ» государствъ были прекращены, начиная съ 1380 г., ударами новаго «монгольскаго» завоевателя, изъ джагатайскихъ краевъ—Т и м у р а (1370-1405), завоевавшаго всю мусульманскую Азію: отъ Аральскаго моря до Персидскаго залива, отъ рубежа Китая и Индіи до Дамаска, конца Малой Азіи и сѣверной Руси.

Тимуръ-завоеватель (1370-1405, род. 1336), отъ Индіи и окраинъ Китая до границъ Египта, Мраморнаго моря и Москвы.—Всеобщій разгромъ—и разцвѣтъ Самарканда.

У придворныхъ тимуридскихъ историковъ есть опредѣленное стремленіе, имѣвшее свой корень, понятно, въ настроеніи самаго Тимура и его потомства,—представить исторію Тимура и его династіи прямымъ, органическимъ и юридически-законнымъ продолженіемъ исторіи Джингизъ-хана съ его монгольской династіей. Тимура они съ Джингизъ-ханомъ и его родомъ тѣсно связываютъ генеалогически: Тимуръ якобы не только кровный монголъ, но даже династическій потомокъ великаго Джингиза. Они и хронологически отыскиваютъ тѣсную династическую связь: рожденіе Тимура совпало, по ихъ увѣренію [2]), почти день-въ-день съ кончиною послѣдняго һулагидскаго подлиннаго государя Персіи—Абу-Саида (ум. 1335).

Послѣдняя дата безусловно не точна: Тимуръ родился не въ 1335 г., а въ 1336-мъ, въ апрѣлѣ. Да сомнительно, былъ ли онъ, по своему происхожденію, не то что потомокъ Джингизъ-хана, но даже вообще

---

[1]) Взятіе Шираза Тимуромъ—1387 (въ первомъ нашествіи) и 1393 (во второмъ нашествіи). Въ бою передъ вторымъ взятіемъ шахъ-Мансуръ едва не зарубилъ Тимура, но самъ былъ обезглавленъ Тимуровымъ сыномъ, юнымъ Шаһрохомъ. Послѣ вторичнаго взятія Шираза и покореніи Фарса вся династія Мозаффеоидовъ была Тимуромъ перебита.

[2]) Абдеррезззакъ Самаркандскій XV в. (несомнѣнно, по Хафизу Эбру XIV-XV в.).

расовый монголъ [1]). Ужъ одно описаніе Тимуровой внѣшности (колоссальный богатырь, статный—не смотря на хромоту отъ раны, съ красивымъ, правильнымъ и умнымъ лицомъ, съ выразительными глазами, съ длинной, представительной бородою)—крайне мало подходитъ къ расовому монгольскому типу. Вѣроятно, это былъ обычный типъ бухарца. Роднымъ его языкомъ былъ тюркскій, джагатайскій.

«Желѣзный Хромецъ» (по-тюркски «Аксакъ-Тимуръ», по-персидски «Т і м ў р - и Л ä н г», у европейцевъ «Тамерланъ», 1336-1405) родился въ Средней Азіи, владѣніи потомковъ Джагатая (Джагатай—одинъ изъ сыновей Джингизъ-хана), и именно въ г. Кешѣ (нын. Шеһр-и Себзѣ), къ югу отъ Самарканда. Отецъ Тимура былъ мелкимъ мѣстнымъ правителемъ. Сыну однако, по смерти отца, не пришлось сдѣлаться его преемникомъ: онъ былъ оттѣсненъ дядей. Въ это время джагатайскіе государи, т. е. представители потомства Джагатая, ужъ не имѣли фактической власти надъ цѣлымъ предковскимъ «улусомъ» (областью); улусъ Джагатая, т. е. Средняя Азія, въ теченіи столѣтія давно успѣлъ раздробиться на разныя самостоятельныя или полусамостоятельныя владѣнія, и лишь по временамъ выдвигались среди джагатаидовъ болѣе энергичные ханы, которые пытались вновь собирать Джагатаево наслѣдіе. Съ однимъ, затѣмъ съ другимъ изъ такихъ болѣе дѣятельныхъ джагатайскихъ хановъ вступилъ въ отношенія изгой-Тимуръ, и ему постепенно, со множествомъ приключеній, посчастливилось не только вернуть себѣ съ ихъ помощью родной Кешъ, но и пріобрѣсти огромное политическое вліяніе въ дѣлахъ джагатайской династіи. Не разъ, правда, положеніе Тимура становилось вдругъ шаткимъ, приходилось ему въ разгарѣ междоусобицъ оказываться иногда изгнаннымъ скитальцемъ и шататься съ небольшой дружиной; но наконецъ къ 1369-1370 г. ему удалось доставить торжество надъ соперниками совершенно безгласному члену джагатаевой династіи Союргатмышу. На курултаѣ (сеймѣ знати) Союргатмышъ съѣхавшимися былъ признанъ въ званіи «хáқáна» (=верховнаго государя); а его всевластнымъ опекуномъ, т. е.

---

[1]) Отрицательныя соображенія см. напр. у Авг. Мюллера: „Исторія ислама", т. III (Спб. 1896), стр. 294-295 и 299. Сомнѣнія высказывались, конечно, и прежде; срв. у Малькома: „History of Persia" 1815 (франц. перев. Лянгле 1821, т. II, 195). Замѣчаніе П. Хорна, что своими поступками Тимуръ ежечасно обнаруживалъ себя истымъ монголомъ („Grundriss der ir. Philol." II, 1900, стр. 577), относится повидимому къ области юмористики.

маіордомомъ или атабекомъ, оказался эмиръ-Тимуръ, съ титуломъ «гуръ-ханъ», «гурганъ»; фактическимъ государемъ, значитъ, сталъ онъ. Въ Бальхѣ 1370 года Тимуръ торжественно принялъ присягу отъ джагатайскихъ вельможъ. Желѣзному Хромцу было въ то время 34 года,—протекла половина его жизни (всего онъ жилъ вѣдь 70 лѣтъ). Резиденціей правителя былъ сдѣланъ С а м а р к а н д ъ,—городъ, который удостоился чрезвычайной любви Тимура и, вмѣстѣ съ другимъ городомъ Трансоксаніи—Бухарою, вскорѣ заставилъ говорить о себѣ весь міръ.

Въ теченіи второй половины Тимуровой жизни, т. е. послѣ 1370 г., первыя десять лѣтъ употреблены были имъ на то, чтобы возстановить старую среднеазіатскую Джагатаеву монархію въ ея прежнихъ, огромныхъ предѣлахъ,—или, говоря старымъ эпическимъ языкомъ, собрать Туранъ, чтобы двинуться на Иранъ. «Собравши Туранъ» къ 1380 г., Тимуръ въ продолженіи остальныхъ 25 лѣтъ своей жизни совершилъ свои знаменитыя обширныя завоеванія въ прочихъ частяхъ Азіи и повторилъ вмѣстѣ со своими среднеазіатскими (тюркскими) войсками то, что нѣкогда сдѣлалъ Джингизъ-ханъ вмѣстѣ со своими монгольскими полчищами. Имъ, самаркандскимъ владѣтелемъ Т у р к е с т а н а, была покорена П е р с і я со всѣми ея династіями (ћератскіе Курты и зап.-хорасанскіе «висѣльники»-Сербедары 1381, южноперсидскіе Мозаффериды и азербейджанско-месопотамскіе Джелаириды 1384-1393, и др.); разграблена сѣверная И н д і я со столицею Деһли (1397-1398); захвачены земли съ а р а б с к и м ъ н а с е л е н і е м ъ—джелаиридская Месопотамія съ Багдадомъ (1393) и принадлежавшая египетскимъ мамлюкамъ Алеппо-Дамасская Сирія (1401); усмиренъ и подавленъ неблагодарный з о л о т о о р д ы н с к і й ханъ, верховный владыка Великой Руси Тохтамышъ (1391, 1395); сокрушено О с м а н с к о е государство (1401-1402), и въ битвѣ при Ангорѣ (1402) османскій султанъ Баезидъ I Молніеносный взятъ въ плѣнъ, такъ что византійскій Царьградъ получилъ на полстолѣтія отсрочку отъ османской опасности [1]).

Т о х т а м ы ш ъ, восточно-кыпчакскій (т. е. близкій къ Бухарѣ) хановичъ, получилъ власть надъ З о л о т о ю О р д о ю благодаря помощи Тимура, къ которому онъ обратился съ леннымъ подданствомъ; пораженіе западно-кыпчак-

---

[1]) Объ этомъ подробно см. въ готовящемся новомъ изданіи моей „Исторіи Турціи", ч. I.

скаго, золотоордынскаго хана Мамая Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ (1380) очень благопріятствовало водворенію Тохтамыша вмѣсто него. Сожженіемъ Москвы (1382) Тохтамышъ показалъ русскимъ, что слава и сила Золотой Орды еще не померкла, и возгордившись забылъ о своемъ подданствѣ Тимуру. Лѣтъ черезъ пять онъ отважился сдѣлать вторженіе въ Сыръ-Дарьинскую область (1387), когда Тимуръ былъ занятъ походомъ. Въ наказаніе Тимуръ дважды совершилъ побѣдоносныя нашествія на Золотую Орду: въ 1391 г. черезъ Уралъ и Волгу [1]) и въ 1395 г. черезъ Кавказъ, причемъ вторгся въ сѣверно-русскіе предѣлы и—отъ Ельца—направился къ верховьямъ Дона и къ Москвѣ.

Русь была охвачена паникою. Всѣ ждали такого же погрома, какъ 160 лѣтъ назадъ при Батыѣ. О Желѣзномъ Хромцѣ разсказывали самое невѣроятное: передавали слухи о его безпримѣрныхъ міровыхъ завоеваніяхъ [2]) и о его разбойничьемъ происхожденіи «отъ простыхъ нищихъ людей».—«Ремествомъ бѣ кузнецъ желѣзный», говоритъ о немъ лѣтопись; «не имѣя чимъ питатися—крадяше. Еще бо ему младу сущу—и украде у нѣкоего овцу; онъ же (т. е. хозяинъ овцы) ятъ его (=Тимура) и преломи ему ногу и бедру на-двое; и онъ же прекова себѣ ногу свою, пребитую желѣзомъ, и хромаше, и того ради прозванъ бысть Темиръ-Аксакъ, иже толкуется: желѣзный хромецъ». Войско московское стало за Коломною на берегу Оки, а кромѣ того всѣ церкви открыты были съ утра до вечера. Великій князь Василій Дмитріевичъ (сынъ Донскаго) распорядился, чтобы изъ Владиміра перевезли въ Москву икону Владимірской Божіей Матери, и она была торжественно встрѣчена тамъ, гдѣ потомъ былъ выстроенъ Срѣтенскій монастырь.

По увѣренію льстиваго историка Шереффедина, Тимуръ, завоевавши всю Россію, взялъ—будто бы—и ея столицу Москву [3]). На дѣлѣ этого не было. Желѣзный Хромецъ, прошедши опустошительно до верховьевъ Дона, не захотѣлъ

---

[1]) Про походъ 1391 г. есть работа Ф. Шармуа: „Expédition de Timour-i lenk contre Toqtamiche, en 793=1391" въ „Mémoires" петерб. Акад. Наукъ 1835 (серія VI, т. 3).

[2]) „А се имена тѣмъ землямъ: Чагадай, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя Орда, Ширазъ, Испагань, Орначь, Гилянь, Сизъ, Шибранъ, Шамахи, Савасъ, Арзунумъ, Тефлизи, Тевризи, Гурзустани, Обези, Гурзіи, Багдатъ, Темиръ-кабы, рекше Желѣзныя Врата, и Асурію и Вавилоньское царство, и Іерусалимъ, и Севастію, и Арменію, и Дамаскъ Великій, и Сарай Великій поплѣни".

[3]) На это утвержденіе Шерефеддина (извѣстное изъ стариннаго перевода Пети деля Кроа, т. II, 363) давно обратили вниманіе. См. у Карамзина: „Исторія государства Россійскаго", т. V, гл. 2, примѣчаніе 156-ое.

продолжать пути среди осенней слякоти по бѣдной русской странѣ, слишкомъ мало походившей на Индію или иную роскошную страну изъ Тимуровыхъ завоеваній. Вмѣсто того чтобы подойти къ Москвѣ, онъ вернулся назадъ на югъ. Русскіе лѣтописцы опредѣленно указываютъ, что это сдѣлала Владимірская Божья Матерь: она съ грозными, молніеносными воинствами явилась во снѣ Тимуру, задремавшему въ шатрѣ, въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ, когда въ Москвѣ встрѣчали икону. Въ память этого избавленія положенъ праздникъ Срѣтенія Владимірской Богоматери 26 августа.

Тохтамышъ, ханъ Золотой Орды, во всякомъ случаѣ былъ наказанъ. Онъ, изгнанный (ум. 1406), долженъ былъ искать прибѣжища при дворѣ великаго князя литовскаго Витовта.

Чтобы окончательно возстановить предѣлы монгольской имперіи Джингизъ-хана, неукротимый старый 70-лѣтній Желѣзный Хромецъ собрался походомъ на Китай.

Съ Китаемъ Тимуръ имѣлъ до сихъ поръ довольно близкія отношенія, да притомъ, какъ это ни странно для величаваго покорителя міра, отношенія Тимура къ Китаю считались вассальными. Дѣло въ томъ, что пекинская династія Минъ, свергнувши власть Джингизъ-хановыхъ (Хубилаевыхъ) потомковъ надъ Китаемъ (1368), вовсе не отказалась съ этимъ отъ ея сюзеренныхъ Джингизъ-хановыхъ правъ надъ всѣми монгольскими государствами, и прежде всего надъ улусомъ Джагатая. Тимуръ, въ 1388 г., въ 1391 г. и въ 1393 г., т. е. въ разгаръ покоренія земель Персіи, отправилъ посольства къ китайскому императору, съ цѣлью получить инвеституру и законныя права на покоренныя земли,— фактъ, отмѣченный какъ историками китайскими, такъ и тимуридскими-персидскими [1]). Съ тѣхъ поръ прошло десятилѣтіе съ лишнимъ,—и теперь, въ 1405 году, Тимуръ былъ настолько силенъ, что могъ самъ притязать на званіе верховнаго государя въ цѣломъ роду Джингизъ-хана. Естественно, что онъ и снарядился походомъ на Небесную Имперію, престолъ которой вполнѣ сравнялъ бы его съ Джингизомъ и завершилъ бы возстановленіе его владѣній.

---

[1]) См. критическое освѣщеніе фактовъ—у E. Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols", Лейд. 1910 (=т. XII серіи Gibb Memorial), стр. 242-243 и 246.—Слѣдовательно, верховнымъ государемъ московской Руси былъ тоже китайскій императоръ: Русь подчинялась Золотой Ордѣ, Золотая Орда—Тимуру, а Тимуръ признавалъ верховенство Небесной Имперіи.

Однако, едва Тимуръ выступилъ походомъ—расхворался и умеръ въ Отрарѣ, всего въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ своей столицы Самарканда, не успѣвши перейти Сыръ-Дарью (18 февр. 1405) [1]).

Кромѣ его родины, бухарской страны, которую онъ и прославилъ и обогатилъ, весь востокъ былъ имъ разоренъ, измученъ, обезлюженъ; если это произведено было не съ тою самою всесокрушающею, слѣпою, стихійною силою, съ какою это дѣлали полчища Джингизъ-хана, то, взамѣнъ, Тимурово шествіе сопровождалось, пожалуй, бóльшей утонченностью въ звѣрствахъ. Любимымъ подвигомъ Желѣзнаго Хромца было возводить огромныя пирамиды или башни изъ отрубленныхъ головъ, и не разъ дѣло устраивалось такъ, что на каждый отрядъ возлагалась обязанность поставить для пирамиды опредѣленное число головъ. При избіеніи горожанъ мозаффеоидскаго Испаһана (1387), предписано было войску доставить головъ 70.000. Не у всѣхъ Тимуровыхъ солдатъ хватило духа производить казнь надъ сдавшимися и несопротивлявшимися, и многіе обнаружили готовность купить у кого-либо изъ товарищей имѣвшуюся лишнюю отрубленную голову, для представленія повинности начальству. Давали за голову сперва по золотому, но тотчасъ нашлось много охотниковъ легко заработать золотые, и цѣна упала на половину [2]).—При усмиреніи Багдада въ 1401 г., въ священнѣйшій годовой праздникъ Большого Байрама, приказано было доставить съ поспѣшностью 90.000 отрубленныхъ головъ, чтобы сложить 120 пирамидъ (по 750 головъ въ каждой). Очень трудно было собрать наскоро эту цифру изъ однихъ багдадцевъ,—оттого солдаты обезглавили, ради потребнаго количества, многихъ плѣнниковъ, приведенныхъ ими съ собою изъ Сиріи, а кромѣ того пополняли цифру, рубя головы женщинамъ.—При походѣ Тимура на Индію 1398 г. число плѣнниковъ-индусовъ, которыхъ войско вело за собою (выгодная военная добыча, будущіе рабы)—достигло 100.000. Приблизившись къ многолюдной столицѣ-Деһли, Тимуръ нашелъ, что неблагоразумно будетъ начать трудную

[1]) О военныхъ дѣйствіяхъ Тимура можно черпать свѣдѣнія, до сихъ полезнѣйшія, изъ старой обработки Нева (N è v e): „Exposé des guerres de Tamerlan et de Schah-Rokh" (Брюссель 1860).

[2]) Разсказъ этотъ (какъ и другіе) можно найти въ панегиристической „Побѣдоносной исторіи Тимура" Шерефеддина Алія Йездскаго; см. по калькутт. изд. (1885-1889) въ „Bibliotheca Indica". т. I, стр. 434. О событіи упоминаютъ и т. н. „Тимуровы записки", повѣствующія отъ самого Тимура, въ 1-мъ лицѣ. (О характерѣ этихъ „Записокъ" см. ниже, въ отдѣлѣ „Исторіографія при монголахъ").

осаду, имѣя въ лагерѣ такое количество туземцевъ, и отдалъ приказъ, чтобы каждый собственникъ немедленно перебилъ своихъ плѣнниковъ, въ одинъ день, а кто ослушается, тотъ самъ будетъ казненъ, и имущество его достанется донесшему. Случай этотъ переданъ въ т. н. «Запискахъ Тимура» [1]); разсказъ въ нихъ ведется изъ устъ самого Тимура, который въ концѣ не безъ добродушнаго юмора добавляетъ:

> —«Такъ въ этотъ день было казнено 100.000 невѣрныхъ, нечестивыхъ язычниковъ. Почтенный шейхъ На́сиредди́нъ 'Омаръ, совѣтникъ и ученый, который за всю свою жизнь воробья не убилъ, теперь во исполненіе моего приказа принужденъ былъ собственноручно зарубить пятнадцать плѣнныхъ язычниковъ-индійцевъ [2]), принадлежавшихъ ему».

Расправа съ возмутившимися себзеварцами-«висѣльниками» (1383) была своеобразнѣе: 2000 человѣкъ живьемъ были замурованы въ стѣны: ихъ клали среди пластовъ камня и заливали известкой.

Современный намъ читатель-европеецъ не можетъ, конечно, относиться безъ содраганія къ подобному герою кровожадности, и обычное ново-европейское отношеніе къ Тимуру—то самое, какое мы встрѣчаемъ напримѣръ и у патріарха русской исторіографіи, Карамзина:

> —«Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ»,

—говоритъ старый Карамзинъ [3]), и очень немногимъ отличается въ своемъ сужденіи отъ историка-востоковѣда конца XIX вѣка 'Авг. Мюллера,

---

[1]) О характерѣ т. н „Записокъ Тимура" будетъ рѣчь ниже, въ отдѣлѣ объ исторіографіи монгольскаго періода. Разсказъ „Записокъ" близко совпадаетъ съ разсказомъ въ „Побѣдоносной исторіи Тимура" панегирическаго историка Шерефеддина Алія Йездскаго. Срв. англійскій переводъ изъ обоихъ сочиненій въ „History of India" Х. Элліота, т. III (1871), стр. 435-436 и 497.

[2]) Не „15 000", какъ понимали европейцы въ старину, на основаніи плохой переведенной рукописи, и какъ мы находимъ напр. у Малькома: „Histoire de la Perse" (=франц. перев. Лянгле), т. II, 1821, стр. 227.

[3]) Карамзинъ: „Исторія госуд. Россійскаго", ч. V, гл. 2 (стр. 72 во II томѣ трехтомнаго изданія 1844 г.).

который выражается даже рѣзче: «Разрушеніе [исламскаго востока] было уже подготовлено тюрками, потомъ ускорено монголами,....—навсегда завершить это разрушеніе стало печальной заслугой Тимура..... Изъ двухъ самыхъ великихъ государей ислама халифъ Омаръ стоитъ въ началѣ мохаммеданской государственной жизни, какъ ея творецъ, а въ концѣ, какъ ея разрушитель, стоитъ Тимуръ» [1]).

Однако та западная Европа, которая была современна самому Тимуру, отнеслась къ нему, къ «монголу Тамерлану», въ общемъ безъ того ужаса и омерзѣнія, съ какими она отнеслась къ монголу Джингизъ-хану. Правда, Европа отъ «Тамерлана» нисколько не пострадала. Напротивъ, разрушеніе Османскаго царства Тимуромъ было для европейцевъ симпатично, а взятіе Тимуромъ султана-Баезида въ плѣнъ, въ пресловутую «желѣзную клѣтку» послѣ битвы при Ангорѣ (1402), послужило сюжетомъ для повѣствованій и драматическихъ представленій (они перешли и въ Московію при Алексѣѣ Михайловичѣ) [2]),—сочиненій, въ которыхъ Тамерланъ обрисованъ очень сочувственно и изображенъ христіаниномъ (!) въ противность «язычнику»-мусульманину, турецкому султану «Байцету». Да еще въ началѣ XIX-го вѣка (1815) сэръ Малькомъ, сообщая въ своей «Исторіи Персіи» о кровавыхъ свирѣпствахъ Тимура, считалъ нужнымъ прибавить: «Англійскій читатель, знакомый съ Тимуромъ только по трагедіи Ли или по переводу Тимуровыхъ «Наставленій», съ трудомъ повѣритъ, что я излагаю исторію того самого лица» [3]).

И исламскій міръ, современный извергу Тимуру и разоряемый имъ, смотрѣлъ на этого «завоевателя міра» далеко не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ смотрѣлъ на предыдущаго завоевателя міра, язычника Джингизъ-хана.

Тимуръ былъ не язычникъ-монголъ, а добрый мусульманинъ,—значитъ, для исламскаго міра свой герой. Персидскому шіитскому сердцу могло быть дорого и то, что сей сказочно-могущественный владыка міра былъ шіитъ. Онъ и звѣрства нѣкоторыя совершалъ на основаніи шіитства. Такъ, съ дамаскинцами жестокая рас-

---

[1]) Авг. Мюллеръ: „Исторія ислама", т. III (Спб. 1896), стр. 338.

[2]) Заключеніе Баезида Тимуромъ въ клѣтку не есть спеціальное европейское сообщеніе. Оно имѣется и у араба-сирійца ибнъ-Арабшаһа (1389-1450).

[3]) См. по (болѣе распространенному въ обращеніи) французскому переводу Лянгле II, 228.

права была учинена (1401) именно подъ тѣмъ предлогомъ, что Дамаскъ— изстари скверный суннитскій городъ [1]).

Положимъ, когда желательно это было, Тимуръ и съ самыми горячими шіитами умѣлъ расправляться не нѣжнѣе; живьемъ замурованные въ стѣну себзеварцы-«сербедáры» (1383) были шіитами до фанатичности, и дервишество они любили не меньше, чѣмъ Тимуръ. А Тимуръ къ дервишеству, бродячему монашеству, питалъ большое расположеніе, даже почтеніе, особенно къ святымъ шейхамъ, и дѣло съ ними имѣлъ отъ молодости. Одинъ изъ нихъ, прозорливецъ, благословилъ его-юношу на его политическую карьеру [2]). Да и вообще къ мусульманскому духовенству грозный Желѣзный Хромецъ относился предупредительно. Льстецъ-историкъ Шерефеддинъ Алій Йездскій, разсказавши благодушно и не очень подробно о 70.000 головахъ, сложенныхъ пирамидами въ Испаһанѣ (1387), съ умилительной подробностью сообщаетъ, какія заботливыя мѣры были приняты побѣдоноснымъ Тимуромъ, чтобы не было расхищено имущество одного улема, только-что скончавшагося. Само собою понятно, что въ предупредительномъ отношеніи Тимура и къ дервишеству и къ духовенству могъ заключаться, помимо религіозной суевѣрности, извѣстный политическій разсчетъ: желалось обезпечить себѣ сочувствіе людей, имѣющихъ огромное вліяніе на простонародную массу. Но каковы бы ни были побужденія, д у х о в е н с т в о могло платить Тимуру тою же монетою и создавать добрую славу о немъ среди массы, воображеніе которой и безъ того вообще склонно плѣняться могучими фигурами завоевателей, даже когда приходится испытывать ихъ славу на своей шкурѣ [3]).

Другой источникъ выработки хорошаго мнѣнія о Тимурѣ на востокѣ— л и т е р а т у р а, въ частности мѣстная среднеазіатская литература. Покоряя страны, Тимуръ награбленныя богатства переправлялъ въ свои среднеазіатскіе города: столицу Самаркандъ, лѣтнюю резиденцію Кешъ (иначе «Зеленый городъ», Шеһр-и Себз), Бухарý и др., о процвѣтаніи и

---

[1]) Такую причину выставляетъ дамаскинецъ ибнъ-'Арабшаһъ (1389-1450). См. по старинному латинскому изданію Мангера [1767-1772], т. I, 632.

[2]) См. разсказъ, влагаемый въ уста самого Тимура въ его „Тузукáт"-ахъ (о характерѣ ихъ—рѣчь ниже). По французскому переводу Лянглé: „Instituts" (Пар. 1787), стр. 168.

[3]) Одинъ изъ новѣйшихъ примѣровъ—Наполеонъ, вызывавшій изрядное восхищеніе въ той же Германіи или Россіи, которыя онъ разорялъ.

украшеніи которыхъ очень заботился. Сооруженія Тимура въ Самаркандѣ-столицѣ до сихъ поръ поражаютъ красотою, богатствомъ и стильностью архитектуры, не смотря на ихъ разрушенный видъ. Сюда, въ Среднюю Азію, въ Трансоксанію, изъ всего мусульманскаго міра стеклись ремесленники, художники; направились сюда литераторы, поэты, ученые; закипѣла культурная жизнь; обнаружился незаурядный (допустимъ, недолговѣчный) культурный разцвѣтъ. Стоустая молва всюду разносила баснословные слухи о сказочномъ богатствѣ, роскоши, блескѣ, учености городовъ отдаленной Трансоксіаны, имена которыхъ входили прямо въ поговорку. Когда человѣкъ, жившій напримѣръ въ Ширазѣ, на югѣ Персіи, хотѣлъ сказать, что за какую-нибудь вещь онъ готовъ отдать все на свѣтѣ, онъ позволялъ себѣ выразиться: «За это я готовъ отдать Самаркандъ съ Бухарóю!» [1]). Самъ-то Тимуръ, разумѣется, не имѣлъ времени по-долгу проживать въ своихъ сказочно-славныхъ резиденціяхъ,—онъ все время былъ вѣдь въ походахъ. Но вспыхнувшій культурный блескъ связанъ былъ съ именемъ Тимура, и среднеазіатская литература постаралась обѣлить его.

Много содѣйствовало обѣленію изверга-Тимура на востокѣ то обстоятельство, что среди его потомства, тимуридовъ, оказалось нѣсколько представителей, дѣйствительно очень культурныхъ, заслуживавшихъ глубокаго уваженія и затершихъ своей просвѣщенною дѣятельностью ту печальную Геростратову славу, какую оставилъ ихъ предокъ. Сынъ Тимура (и наслѣдникъ) меценатъ-Шаһрохъ (1405-1447), ученый внукъ-астрономъ Улугъ-бекъ (уб. 1449) со своимъ безвременно скончавшимся братомъ Байсонкоромъ (1433), праправнукъ Хосейнъ-Бейкарá (1469-1506)—всѣ эти меценаты-тимуриды оставили по себѣ доброе имя въ исторіи литературы и заставили писателей, а съ ними и читателей, забыть губительную дѣятельность предка династіи, Желѣзнаго Хромца.

Шаһрохъ 1405-1447, наслѣдникъ Тимуровой монархіи.

Со смертью Тимура (1405) распалось было и его царство. Подчиненныя Желѣзнымъ Хромцемъ владѣнія стали возвращать себѣ самостоятельность, тогда какъ среди его крайне плодовитой династіи пошло соперничество и удѣльныя междоусобія. Тимуръ назначилъ себѣ въ наслѣдники

---

[1]) Хафизъ, изд. Розенцвейга-Шваннау, т. I, стр. 24.

своего внука—Пиръ-Мохаммеда, сына Джеhангира; но этотъ наслѣдникъ не былъ признанъ оставшимся Тимуровымъ войскомъ и могъ сохранить за собою только правленіе Афганистаномъ. Когда онъ былъ тамъ въ Кандаhарѣ убитъ (1407), нашелся новый, дѣятельный собиратель земель Тимуровыхъ, одинъ изъ сыновей Тимура, государь восточнаго Ирана Шаhрохъ (1405-1447), резидировавшій въ Хератѣ. Ему удалось на время усмирить честолюбивыя стремленія своихъ родственниковъ и поддержать могущество имперіи своего отца.

Шаhрохъ овладѣлъ въ 1407 г. Афганистаномъ, а въ 1409 г. отвоевалъ отъ брата Трансоксанію съ отцовской столицей Самаркандомъ. Онъ впрочемъ въ Самаркандѣ не поселился надолго; Хератъ былъ ему пріятнѣе и удобнѣе, и въ Самаркандѣ онъ поставилъ намѣстникомъ своего ученаго сына Улугъ-бека (род. 1394), который заслужилъ имя и въ исторіи тогдашней арабо-персидской литературы, особенно же прославился какъ астрономъ. Въ 1414 г. Шаhрохъ отнялъ у своихъ племянниковъ Фарсъ и Мидію и занялся Багдадомъ, Азербейджаномъ и Арменіей. Въ этихъ мѣстахъ состязались туземные туркмены: болѣе сѣверные Чернобаранные (Кара-коюнлу́) и болѣе южные Бѣлобаранные (Акъ-коюнлу́) [1]. Перевѣсъ до прихода Шаhроха имѣли туркмены Чернобаранные, которые еще въ до-Тимуровскую, монголо-джелаиридскую пору успѣли здѣсь пріобрѣсти большу́ю политическую силу. Правда, когда появился Тимуръ, Чернобаранные оказались на сторонѣ турковъ-османовъ, а напротивъ Бѣлобаранные, болѣе южные, примкнули къ Тимуру, отчего временно выиграли; но послѣ смерти Тимура опять торжествовали Бараны Черные. Съ появленіемъ Шаhроха Бѣлые Бараны примкнули къ нему, какъ нѣкогда къ его отцу-Тимуру Въ союзѣ съ племенемъ Бѣлыхъ Барановъ, Шаhрохъ, послѣ долгой (1420-1437) перемежающейся войны, смирилъ туркменовъ Чернобаранныхъ и могъ считать, что Месопотамія, Азербейджанъ и прикавказскія страны—присоединены.

Такимъ образомъ Шаhрохъ оказался всеиранскимъ владыкой.

Подобно своему отцу Тимуру, онъ, лишь только овладѣлъ Самаркандомъ (1409) и слѣдовательно явился государемъ улуса Джагатайскаго,

---

[1]) И Чернобаранные и Бѣлобаранные туркмены пришли изъ Туркестана (черезъ Аму-Дарью) на верховья Тигра и Ефрата еще при hулагидѣ Аргунѣ (1284-1291).

счелъ нужнымъ для узаконенія своихъ правъ признать себя вассаломъ китайскаго императора и послалъ въ Пекинъ посольство; это отмѣчаютъ и китайскіе лѣтописцы [1]). Черезъ три года (1412) изъ Пекина было привезено Шаhроху особымъ посольствомъ почетное платье, золотканнаго шелка, и жалованная грамота отъ китайскаго императора, персидскій переводъ которой мы находимъ у придворнаго Шаhрохова историка Хафиза-Эбрӯ и у его продолжателя Абдерреззака Самаркандскаго. Въ грамотѣ китайскій императоръ привѣтствуетъ возшествіе Шаhроха на престолъ, отнятый у свергнутаго племянника, разсчитываетъ, что съ низложеннымъ сыномъ своего брата [2]) Шаhрохъ будетъ обращаться хорошо, и высказываетъ надежду, что Шаhрохъ, подобно отцу своему Тимуру, будетъ «искренно и разсудительно слѣдовать за китайскимъ императоромъ» [3]). Само собою понятно, вассальная зависимость Шаhроха отъ Китая предполагалась чисто номинальной; Шаhрохъ въ отвѣтной грамотѣ, совершенно не стѣсняясь и не въ вассальномъ тонѣ, уговаривалъ китайскаго «сына Неба» принять исламъ и обстоятельно доказывалъ высокія преимущества этой религіи. Во всякомъ случаѣ, обмѣнъ посольствами между Шаhрохомъ и Китаемъ не прерывался. Главное, торжественное посольство въ Пекинъ, снаряженное отъ Шаhроха изъ Херата и отъ его дѣтей (мирзы-Байсонкора и мирзы-Улугъ-бека Самаркандскаго) въ 1419-1422 г., описано придворнымъ историкомъ Шаhроха Хафизомъ-Эбру, и это описаніе долго служило для мусульманъ источникомъ свѣдѣній о китайской странѣ и ея чудесахъ [4]).

---

[1]) „Мин-ши", гл. VI—у Блоше: „Introduction à l'histoire des Mongols" (Лейд. 1910), стр. 244.

[2]) Это былъ внукъ Тимура, мечтатель-романтикъ Халиль 1405-1409, резидировавшій послѣ Тимура въ Самаркандѣ и, какъ видно по всему, тоже въ свое время получившій инвеституру изъ Китая.

[3])—„Тô мî-бâйад, ки би сидq о рâй мотâбеâт-и мâ номâî",—говоритъ китайскій императоръ. Въ „мотâбеâт" („слѣдованіе") заключается обыкновенно понятіе „повиновеніе", и оттого Блоше имѣетъ достаточныя основанія перевести данную фразу такъ: „Il faut que tu Nous considères comme ton suzerain en toute sincérité et de ta propre volonté". См. его „Introduction" 1910, стр 247. Катрмеръ переводилъ такъ· „Il convient que vous nous témoigniez votre soumission d'une manière franche et loyale". См. его извлеченія изъ Абдерреззака въ „Notices et extraits", т. XIV (1843), стр. 215.

[4]) Обыкновенно всѣ черпаютъ это описаніе не изъ Хафиза Эбру, а изъ его эксцерптора и продолжателя Абдерреззака Самаркандскаго. Обильную печат-

Шаħрохъ, не смотря на то, что ему пришлось много и дѣятельно воевать и что онъ не склоненъ былъ дать себя въ обиду, въ сущности былъ однако довольно миролюбивый человѣкъ, расположенный къ мирной культурной дѣятельности. Городъ Х е р а т ъ, который еще въ до-Тимуровскія времена, при гурцахъ-Куртидахъ, пріобрѣлъ большое торговое значеніе [1]), при Шаħрохѣ оправился отъ послѣдствій Тимурова погрома. Городъ, благодаря присутствію Шаħроховскаго придворнаго круга, началъ пріобрѣтать даже извѣстность литературную. Правда, Хератъ—покамѣстъ—не могъ еще соперничать въ просвѣщеніи, въ наукѣ, съ Самаркандомъ, гдѣ былъ Шаħроховъ сынъ Улугъ-бекъ. Молодой Джамій (род. 1414), впослѣдствіи извѣстный поэтъ, для полученія высшаго образованія долженъ былъ поѣхать изъ Херата въ Самаркандъ, къ тамошнимъ улемамъ. Все-таки пребываніе государя-Шаħроха въ Хератѣ понемногу содѣйствовало приливу литературныхъ и ученыхъ силъ туда. Здѣсь, въ Хератѣ, недурно развивалась исторіографія; извѣстенъ (не разъ упомянутый) придворный Шаħроховъ историкъ Хафиз-и Эбру (ум. 1431) Будущій продолжатель Хафиза-Эбру, исторіографъ Абдерреззакъ Самаркандскій (1413-1482), состоялъ тогда при Шаħрохѣ придворнымъ-филологомъ и ѣздилъ отъ него дипломатомъ (напр. въ Индію, которую онъ и описалъ).

Какъ и его отецъ-Тимуръ, Шаħрохъ былъ ш і и т ъ. Художественная, роскошная мечеть, и нынѣ существующая въ Мешħедѣ у гробницы восьмого шіитскаго имама Али-Ризы (ум. 818)—сооруженіе Шаħроха, или вѣрнѣе его жены. Гробница имама—теперь высшая шіитская святыня Персіи [2]). А Шаħрохова мешħедская мечеть, по отзыву путешественниковъ, есть великолѣпнѣйшее зданіе во всей Персіи [3]).

Распаденіе Тимуровой монархіи въ XV в. послѣ Шаħроха: а) Черные и (1467) Бѣлые Бараны въ западномъ Иранѣ. Шахъ Узунъ-Хасанъ Бѣлобаранный 1467-1478.

Со смертію Шаħроха погибли всѣ результаты политическихъ объединительныхъ его стремленій. Его наслѣдникъ, просвѣщенный У л у г ъ-б е к ъ Самаркандскій (1447-1449), даже своего Самарканда не съумѣлъ

ную библіографію предмета см. ниже, въ главѣ объ исторіографіи монгольскаго періода.

[1]) См. о Куртидахъ на стр. 15-16.

[2]) Кербела́, мѣсто убіенія имама Хосейна, и Неджефъ съ могилою его отца Алія—находятся вѣдь на землѣ турецкой.

[3]) В. Бартольдъ: „Историко-географическій обзоръ Ирана“ Спб. 1903, стр. 74.

сохранить за собою (родной сынъ свергъ его и убилъ) [1]), а о господствѣ надъ цѣлымъ Ираномъ нечего было и думать. Исторія западной Персіи заполняется волненіями Бѣлыхъ и Черныхъ Барановъ, исторія восточной Персіи — сплошныя междоусобія Тимуридовъ. Нѣкоторое представленіе о томъ, что́ творилось въ злополучной Персіи за это время, даетъ намъ свидѣтельство посторонняго наблюдателя, русскаго тверскаго купца Аѳанасія Никитина, который съ торговыми цѣлями на тридцать лѣтъ раньше Васко де-Гамы рискнулъ съѣздить въ Индію, сквозь всю Персію (1466-1472). Черезъ Прикаспій (Мазендеранъ) сушею сквозь Персію до гавани Хормузъ («Гурмызъ»), а оттуда моремъ, Индійскимъ океаномъ — Никитинъ проѣхалъ до Цейлона; да обратно—отъ Хормуза по Персіи черезъ Тебризъ на Трапезунтъ, чтобы попасть домой черезъ Крымъ. И все его «Хожденіе за три моря» (Каспійское, Индійское и Черное) полно жалобъ на разбои, грабежи и на вымогательства, чинившіяся торговому гостю; а у мѣстныхъ жителей Аѳанасій Никитинъ не могъ не быть пораженъ рѣзкимъ контрастомъ между роскошью вельможъ и крайней бѣдностью простого народа (далеко не въ одной Индіи). И онъ, подданный тогдашняго грубаго, слишкомъ и слишкомъ не идеальнаго Московскаго княжества временъ Іоанна III, которое къ тому же еще не освободилось и отъ татарскаго ига, со вздохомъ облегченія заканчивалъ свои записки о диковинныхъ видѣнныхъ имъ странахъ: «А русская земля — да сохранитъ ее Богъ! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны!» Это восклицаніе далеко не было крикомъ изстрадавшагося религіознаго чувства. Православный русскій купецъ, Никитинъ какъ-ни-какъ очень недурно приспособился къ бусурманской религіи, соблюдалъ мусульманскіе посты и разговлялся на мусульманскій Великъ-день: «а правую вѣру Богъ вѣдаетъ! Правая вѣра — бога Единаго знати и имя Его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто».... [2]).

Посмотримъ однако ближе на политическое положеніе обѣихъ половинъ Ирана въ эту, послѣ-Шаһроховскую эпоху до конца XV вѣка.

---

[1]) См. по „Метле‘ эс-се‘дейн“ Абдерреззака Самаркандскаго XV в., рукопись Лазаревскаго Института, л. 170.

[2]) Хожденіе Аѳанасія Никитина въ Индію издано съ критическими примѣчаніями (сдѣланными съ помощью русскихъ оріенталистовъ) И. И. Срезневскимъ во II томѣ „Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ (по русскому отдѣленію)“ 1856-1857. Извѣстія Никитина сопоставлены здѣсь съ извѣстіями западныхъ европейцевъ (итальянцевъ, португальцевъ и испанцевъ).

На западѣ, гдѣ главнымъ городомъ явился Тебризъ въ Азербейджанѣ (онъ и прежде, вмѣстѣ съ Багдадомъ, былъ столицею монголовъ-ильхановъ и джелаиридовъ, а теперь—туркменовъ), сперва выдвинулись смиренные Шаhрохомъ туркмены Кара-коюнлу, Черные Бараны. Среди анархіи и междоусобицъ, послѣдовавшихъ за смертью Шаhроха, ханъ Черныхъ Барановъ Джеhа́нша́hъ (1437-1467) завладѣлъ изъ Азербейджана Мидіей и Фарсомъ съ г. Ширазомъ (1452), гдѣ княжили удѣльные тимуриды, и старался распространить свою власть даже на востокъ Ирана [1]).

Наконецъ туркмены Бѣлобаранные, «Акъ-коюнлу», дали Чернобараннымъ отпоръ.

Въ 1467 г. Джеhа́нша́hъ Чернобаранный былъ убитъ Узунъ-Хасаномъ (=Высокорослымъ Хасаномъ), объединителемъ Бѣлыхъ Барановъ, и столица Тебризъ перешла къ тому. Узунъ-Хасанъ (1467-1478) сталъ владыкой всего западнаго Ирана, съ частями Арменіи и Грузіи,—иначе сказать: отъ Кавказа до Индійскаго океана. Сосѣднее греческое православное государство при Черномъ морѣ («Трапезунтская имперія») связано было съ Узуномъ-Хасаномъ династически: онъ (мусульманинъ-шіитъ) женатъ былъ на дочери трапезунтскаго царя Калоіоанна IV Екатеринѣ [2]). Въ Европѣ Узунъ-Хасанъ былъ извѣстенъ какъ государь «Персіи» вообще; что востокъ Ирана не принадлежалъ ему, это какъ-то упускалось изъ виду.

Узунъ-Хасанъ велъ войны и съ восточно-иранскими тимуридами, и съ сирійскими мамлюками и—что для Европы было наиважнѣе—съ турками-Османами, султаномъ которыхъ былъ знаменитый Мохаммедъ II, завоеватель Константинополя (1453) и—восемь лѣтъ спустя—завоеватель дружественной Узуну-Хасану Трапезунтской имперіи (1461). Къ войнѣ противъ турковъ-Османовъ (соннитовъ) побуждалъ Узуна-Хасана (шіита) не только трапезунтскій царь, но и венеціанцы, которые очень хорошо ощущали надвигавшуюся отъ османовъ опасность, а по ихъ ука-

---

[1]) Развалины великолѣпной, глазированной „Голубой мечети“ въ Тебризѣ („месджид-и кябуд“) донынѣ напоминаютъ о царствованіи Джеhаншаhа Чернобараннаго.

[2]) Трапезунтская имперія основана была Алексѣемъ Комненомъ 1204, во времена Крестовыхъ походовъ.

занію—посылалъ къ Узуну-Хасану пословъ и самъ глава католической церкви папа Павелъ II [1]). Условлено было, что въ то время, какъ Узунъ-Хасанъ будетъ напирать на турковъ со стороны суши, венеціанскій флотъ будетъ ее тревожить съ моря. Однако разсчеты венеціанцевъ и папы на то, что Узунъ-Хасанъ съумѣетъ дать Османскому государству отпоръ, не оправдались. Въ концѣ концовъ въ 1473 г., на персидско-турецкой малоазіатской границѣ, Узунъ-Хасанъ былъ разбитъ султаномъ Мохаммедомъ II Завоевателемъ, у котораго были пушки. Лѣтъ пять спустя (ок. 1478 г.) умеръ и самъ шахъ Узунъ-Хасанъ, послѣ чего въ его Бѣлобаранной династіи начались безконечныя удѣльныя междоусобія.

б] Удѣльные тимуриды XV в. послѣ Шаһроха. Хератскіе государи Абу-Саидъ 1452-1469 и Хосейнъ-Бейкарá 1469-1506. Литературный блескъ Херата.

Что касается Ирана восточнаго, то здѣсь послѣ Шаһроха (1405-1447) и Улугъ-бека (1447-1449), хозяевами продолжали оставаться до конца XV вѣка тимуриды. Они не переставали враждовать другъ съ другомъ, но въ то же время мысль о необходимости вернуть себѣ западный Иранъ долго не исчезала здѣсь.

Городъ Хератъ въ Хорасанѣ (въ наши времена афганскій) еще при Шаһрохѣ былъ фактической столицей государства, вмѣсто трансоксанскаго тимуровскаго Самарканда. Года два-три спустя послѣ гибели Улугъ-бека выдвинулся тимуридъ другой линіи Абу-Саидъ (1452-1469), который и овладѣлъ Хератомъ (1457); этотъ тимуридъ Абу-Саидъ Хератскій извѣстенъ въ исторіи персидской литературы какъ первый покровитель поэта Джамія, талантливаго һератца [2]). Почувствовавши себя достаточно сильнымъ среди остальныхъ тимуридовъ, Абу-Саидъ Хератскій вступилъ въ столкновенія съ туркменами западнаго Ирана, сперва съ Джеһаншаһомъ Чернобараннымъ, потомъ съ нововодворившимся (1467) Узуномъ-Хасаномъ Бѣлобараннымъ. Въ войнѣ съ шахомъ Узуномъ-Хасаномъ султанъ Абу-Саидъ Хератскій и погибъ (1469).

---

1) См. по-русски переводъ: „Путешествіе Амвросія Контарини, посла свѣтлѣйшей венеціанской республики, къ знаменитому персидскому государю Узунъ-Гасану, въ 1473 г.“—въ I томѣ „Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи“ (Спб. 1836). Контарини ѣхалъ изъ Крыма [венеціанской Кафы-Ѳеодосіи] на Батумъ, а оттуда черезъ Грузію и Арменію въ Тебризъ.

2] Изъ другихъ государей, носившихъ такое же имя, мы лѣтъ за полтораста передъ тѣмъ встрѣчали Абу-Саида ильхана [1316-1335], послѣдняго подлиннаго государя изъ династіи һулагидовъ.

Послѣ нѣкотораго междоусобнаго колебанія, г. Хератъ, какъ и вся область Хорасана съ прилегающими Седжестаномъ (Систáномъ) и Бельхомъ, прикаспійскіе Мазендеранъ и Джорджанъ и трансоксанскій Харезмъ (Хивá) надолго достались миролюбивому тимуриду опять особой линіи, одному изъ безчисленныхъ праправнуковъ Желѣзнаго Хромца Хосейну-Бейкарѣ́ (1469-1506) [1]. И самъ Хосейнъ-Бейкарá, и его везúрь тюркъ-джагатаецъ Мúръ-'Алú-Шúръ (ум. 1500) извѣстны оживленіемъ персидской (частію и джагатайской) литературы. Благодаря ихъ меценатству, собрался въ Хератѣ талантливый литературный кружокъ, который, съ неизмѣннымъ свѣтиломъ Джаміемъ въ центрѣ, сыгралъ въ исторіи персидской литературы почетную роль и имѣлъ большое вліяніе на литературу османскую-турецкую.

Важнѣйшіе Тимуриды:

Тимуръ (род. 1336)	1370-1405
Шаhрохъ, съ резиденціей въ Хератѣ	1405-1447
Улугъ-бекъ Самаркандскій (прежде лишь намѣстникъ)	1447-1449
Абу-Саидъ Хератскій	1452-1469
Хосейнъ-Бейкарá Хератскій	1469-1506

Водвореніе Сефевидовъ, 1502, и шіитское объединеніе Ирана. Основаніе тимуридской династіи „Великихъ Моголовъ“ въ Индіи.

Какъ на западѣ, во владѣніяхъ шаха Узуна-Хасана Бѣлобараннаго, такъ и на востокѣ во владѣніяхъ султана Хосейна-Бейкарú Хератскаго, послѣ смерти ихъ властелиновъ начались смуты.

Династія тимурида Хосейна-Бейкарú была истреблена вторгнувшимися изъ Туркестана хищными и свирѣпыми узбеками (ханъ Шейбани, авантюристъ-джингизидъ, 1507) [2], суннитами. Нынѣшнія вассально-русскія ханства Бухарское и Хивинское—потомки Шейбанидскихъ узбековъ. Изъ Хорасана же узбеки скоро были вытѣснены.

Надъ родомъ туркмена-шіита Узунъ-Хасана Бѣлобараннаго, въ Азербейджанѣ, восторжествовалъ (съ 1502) его очень близкій свойственникъ

---

[1]) т. е. Хосейну сыну [сына] Бейкары, Хосейну внуку Бейкары.

[2]) „Мохаммедъ Шейбани, т. е. потомокъ Шейбана (сына Джучи) принадлежалъ къ разряду такихъ людей, которые достигаютъ многаго, если ихъ по ошибкѣ не вѣшаютъ слишкомъ рано“. Авг. Мюллеръ: „Исторія ислама“, т. III (Спб. 1896), стр. 356.

Шахъ-Исмаилъ, потомокъ седьмого шіитскаго имама Мусы, шейхъ суфіевъ Ардебиля, основатель персидской династіи шаховъ-Суфіевъ, или Сефевидовъ [1]). Онъ затѣмъ съумѣлъ объединить Персію, изгнавши шейбанскихъ узбековъ изъ Хорасана (1510). Сефевидская династія (Исмаилъ 1499-1524, Таһмаспъ 1524-1576, Исмаилъ II 1576-1578, Мохаммедъ Ходабенде 1578-1587, Аббасъ I Великій 1587-1628, и т. д.) считается національной персидской изъ-за ея шіизма. Но обиходнымъ ея языкомъ былъ тюркскій азербейджанскій.

Что же касается династіи Тимура, то одинъ изъ тимуридовъ Бабуръ, изгнанный (ок. 1504 г.) узбеками изъ управлявшейся имъ Трансоксіаны, удалился съ вѣрными тюркамп-джагатайцами въ горный Афганистанъ и постепенно усилился настолько, что въ 1525 году, со своими джагатайцами, спустился въ Индію. Въ теченіи пяти лѣтъ Бабуръ завоевалъ Деһлійское султанство (гдѣ до того была династія Лодіевъ). Такъ началась въ Индіи тимуридская династія «Великихъ Моголовъ» (Бабуръ 1525-1530, Хомаюнъ 1530-1556, Акбаръ 1556-1605, Джеһангиръ 1605-1628, и т. д.). Съ Сефевидами, имѣя общихъ враговъ узбековъ, династія Великихъ Моголовъ была дружественна. Европейцы, которымъ послѣ Васко де-Гамы (1498) путь въ Индію сталъ извѣстенъ, встрѣтили здѣсь въ XVI вѣкѣ власть Великихъ Моголовъ.

---

[1]) Имя „Сефевиды“ этимологически, конечно, не стоитъ въ связи со словомъ „суфій“. Прапрадѣдомъ Исмаила былъ св. шейхъ Ардебильскій Сефіеддинъ; онъ— эпонимъ династіи.

ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРИ МОНГОЛАХЪ XIII-XV В.

и

заключительные моменты ея процвѣтанія въ XVI вѣкѣ.

Общій очеркъ.

Предварительныя замѣчанія.

Мы видѣли, что въ XIII в. Персію, и такъ ужъ совсѣмъ расшатанную, добило монгольское разореніе; начался періодъ долгаго ужаснаго лихолѣтья. Образованные люди были перебиты, наука пала, и ужъ никогда не могла подняться на прежній уровень. Въ области литературы изящной, гдѣ дѣло зависитъ главнымъ образомъ отъ природнаго дарованія, могли и впредь, конечно, появляться отдѣльные незаурядные таланты и сверкать своей мощной силой (Хафизъ XIV в.—лучшій примѣръ), но общее впечатлѣніе отъ литературы монгольскихъ временъ—ея несравненно худшее качество сравнительно съ литературою домонгольскою [1]).

Больше всего, разумѣется, должна была потерпѣть чисто-абстрактная наука. Ее замѣнила схоластика, богословіе. Меньше всего потерпѣла астрономія, и нисколько не потерпѣла исторіографія: эта, напротивъ, выиграла.

Изъ дальнѣйшаго обзора мы увидимъ, почему именно такъ долженъ былъ сложиться ходъ развитія литературы.

---

[1]) Эту аксіому, не разъ высказывавшуюся (срв. у Авг. Мюллера: „Исторія ислама", т. III, Спб. 1896, стр. 374-375), вновь подтверждаетъ и самый новый историкъ персидской литературы и монголовъ Эдв. Браунъ въ предисловіи къ изданію „Исторіи Джингизъ-хана" Джовейнія (Лейд. 1912, т. I, стр. XV): „Мало кто изъ занимающихся мусульманской литературой можетъ не быть пораженъ (can have failed to be struck), насколько книги, составленныя послѣ монгольскаго нашествія, оказываются ниже писанныхъ до нашествія".

Астрономія и математика.

Въ области науки—суевѣрныхъ монголовъ привлекла астрологія, предсказывающая то, что будетъ, и они строили обсерваторіи, въ которыхъ можно было заниматься и астрономіей,—наукою, немыслимою, въ свою очередь, безъ математики. Обыкновенно каждый астрономъ-математикъ бывалъ болѣе или менѣе энциклопедистомъ: понималъ и философію (логику, этику), не чуждъ былъ богословія съ правовѣдѣніемъ, зналъ и ученую рѣчь арабскую и ея филологію. Но по языку эта отрасль науки обогащала, собственно, литературу т. н. арабскую, или «арабоязычную», не персидскую, и сравнительно очень немногое писано персидскими астрономами на ихъ родномъ языкѣ персидскомъ.

Такъ, арабскимъ энциклопедическимъ писателемъ гораздо больше чѣмъ персидскимъ былъ любимецъ Хулагу-хана всеобъемлющій На́сир-ед-дйнъ Тусскій (род. 1210, ум. 1273) [1]). Для него Хулагу-ханъ соорудилъ (1259) въ Азербейджанѣ, въ г. Мера́гѣ, очень дорогую обсерваторію [2]), куда привлекъ и китайскихъ астрономовъ [3]). Насиреддинъ, ради гороскоповъ, сопровождалъ Хулагу-хана въ его походахъ, причемъ изъ разграбливаемыхъ книгохранилищъ подбиралъ для себя богатѣйшую, разностороннюю библіотеку. На арабскомъ, т. е. на ученомъ, языкѣ написано Насиреддиномъ много трактатовъ: и астрономическихъ [4]), и математическихъ, и философскихъ, и богословско-юридическихъ, и даже гигіеническихъ [5]). По-персидски же Насиреддину Тусскому принадлежатъ

---

[1]) По составленному Насиреддиномъ гороскопу, Хулагу-ханъ смѣло приступилъ ко взятію Багдада. Довѣряя указанію Насиреддина, Хулагу-ханъ не побоялся предсказаній другихъ астрологовъ и казнилъ послѣдняго багдадскаго халифа Моста‘сыма.

[2]) Инструменты и приборы Мерагской обсерваторіи обошлись въ 20.000 червонцевъ.

[3]) d'Ohsson: Hist. der Mongols, т. III, стр. 264-266. Мусульманскіе же главные астрономы, отмѣченные Насиреддиномъ въ предисловіи къ „Зîдж“, происходили изъ Мôсула, Дамаска, Тифлиса, Казвина (перс. катал. Брит. музея Рьё, т. II, 1881, стр 454).

[4]) включая въ нихъ и суевѣрный „рамль“ (=рафли), т. е. гаданіе по песку См. у насъ въ „Исторіи арабовъ и арабской литературы“, ч. I (1911), стр. 113, и „Справочную книгу Самарк. области“, вып. IX (1907).

[5]) Перечень и библіографію того, что сохранилось отъ Насиреддина Тусскаго до нашихъ временъ, см. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litter.“, т. I (1898), стр. 508-512

„Звѣздныя таблицы, посвященныя ильхану-Хулагу“=„Зîдж-и Ільхâнî“, „Руководство къ составленію календаря“, или „Тридцатиглавіе“ (=„Сî феслъ“), и еще кое-какія работы, впослѣдствіи всѣ комментируемыя и переводившіяся на арабскій языкъ [1]). Также Насиреддинъ составилъ по-персидски, основанное на арабской книгѣ ибнъ-Мискавейһа X—XI в., сочиненіе философско-этическое: „Эхлâq-и Нâçирî“=„Насиреддинова этика“, которое донынѣ очень читается [2]), и—какъ дополненіе къ нему—трактатъ о созерцательной жизни [3]).—Насиреддинъ создалъ въ Мерагѣ цѣлую школу учениковъ-продолжателей. Среди нихъ извѣстнѣе прочихъ Котбеддинъ-Ширазецъ (род. 1237, ум. въ Тебризѣ 1310), авторъ энциклопедіи на персидскомъ языкѣ: „Жемчужина царскаго вѣнца“ [4]) и многихъ астрономическихъ и иныхъ работъ на арабскомъ языкѣ [5]), философъ Неджмеддинъ-Катибій Казвинскій (ум. 1276) [6]), и пр. Нѣсколько попозже, при һулагидѣ Олцзайту-Ходабенде (1304-1316), въ создавшейся здѣсь научной, не спеціально-астрономической, атмосферѣ жилъ молодой энциклопедистъ, онъ же философъ-суфій Иджій, впослѣдствіи ширазскій кадый (ум. 1355) [7]). Но все это писатели ужъ совсѣмъ арабоязычные.

Въ концѣ XV в., когда выдвинулся завоеватель Тимуръ, онъ задумалъ сдѣлать центромъ міра Самаркандъ и перетаскивалъ туда ученыхъ; были имъ въ Самаркандъ перетянуты, напр., изъ зап. Хорасана—энциклопедистъ Тафтазаній (род. 1322, ум. ок. 1389), изъ мозаффеpидскаго Шираза—ученикъ Тафтазанія Джорджаній (1339-1413) [8]), и др. Создалась въ Самаркандѣ подходящая научная почва и для астрономіи, гороскопы которой были интересны для суевѣрнаго Тимура. Затѣмъ, когда многолѣтнимъ намѣстникомъ Самарканда сдѣлался (1409) ученый внукъ Тимура Улугъ-бекъ (род. 1394, ум. 1449), онъ поставилъ изученіе астрономіи здѣсь на вполнѣ научную почву и, наконецъ (1420) [9]), построилъ превосходную большую (раньше была, видно, малая) астрономическую обсерваторію,

---

[1]) Обзоръ съ библіографіей см. у Рьё, перс. описаніе, т. II, 1881, стр. 452-455, т. III (1883), стр. 1088, и у Брокк. I, 511-512.

[2]) Изданія „Эхлâq-и Нâçирî“: Бомбей 1267=1851, Калькутта 1269=1853, Лаһоръ 1865, Лакнау 1286=1869, 1891 и др. На калькуттское изданіе далъ очень содержательную рецензію А. Шпренгеръ въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.“ т. XIII (=1859), стр. 539-541.

[3]) См. у Рьё въ опис. перс. рукоп. Британ. музея, т. II (1881), стр. 829, № XIII. Еще срв. у Рьё стр. 441—442 вообще о Насиреддинѣ.

[4]) Содержаніе „Жемчужины“=„Доррет эт-тâдж“ Котбеддина см. въ 88 томѣ старыхъ вѣнскихъ „Jahrbücher der Litteratur“, Anzeigeblatt, стр. 17-21. Прочая библіографія—у Рьё въ опис. персид. рукоп. Брит. муз., т. II (1881), стр. 434-435.

[5]) См. перечень сохранившихся арабскихъ рукописей Котбеддина у Броккельманна, т. II (1902), стр. 212, при чемъ годъ смерти Котбеддина надо у Броккельманна исправить.

[6]) О Неджмеддинѣ см. Брокк. I, 466. Рукопись его арабской логики имѣется въ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ (№ 1569 печат. кат.).

[7]) Перечень сохранившихся сочиненій Иджія—Брокк. II, 208-209.

[8]) О сочиненіяхъ Тафтазанія см. Брокк. II, 215-216; Джорджанія—II, 216-217.

[9]) См. „Метле эс-седейн“ Абдеррезлака Самаркандскаго въ рукописи Лазаревскаго Института, л. 85, подъ годомъ 823=1420.

судить о которой мы наглядно можемъ по недавно произведеннымъ раскопкамъ [1]. И самъ тимуридъ Улугъ-бекъ былъ хорошій, понимающій астрономъ [2], и въ свою обсерваторію онъ собралъ блестящую плеяду астрономовъ. Ими составлены, а отъ Улугъ-бека снабжены введеніемъ и поясненіями знаменитыя (даже донынѣ знаменитыя) звѣздныя исчисленія: „Зîдж-и джедîд“ = „Новыя таблицы“ (въ отличіе отъ Насиреддиновыхъ XIII вѣка, которыя были доведены только до 1260 года). Таблицы Улугъ-бека доведены до 1437 г. Этотъ трудъ — на языкѣ персидскомъ; уже съ персидскаго языка сдѣланъ арабскій переводъ. Среди Улугъ-бековыхъ астрономовъ выдѣлялись завѣдующіе обсерваторіею: Гіяседдинъ Джемшидъ, его преемникъ Кази-заде (Хасанъ-Челеби), который явился въ прославившійся Самаркандъ учиться изъ далекой османской Брусы [3], и, въ особенности, заключительный редакторъ Улугъ-бековыхъ таблицъ молодой самаркандецъ Алій Кушджы (ум. 1474) [4].

Онъ былъ сынъ Улугъ-бекова сокольничьяго („кушджы“) и пользовался особымъ расположеніемъ Улугъ-бека, который его называлъ своимъ сынкомъ. Былъ онъ не просто астрономъ, но, какъ водилось, и философъ, мистическаго характера, въ духѣ ширазскаго кадыя Иджія XIV в. (ум. 1355). Когда Улугъ-бекъ былъ убитъ (1449), а преемники его перестали дорожить знаніями Кушджы, онъ покинулъ Самаркандъ и поѣхалъ на богомолье, а оттуда въ Азербейджанъ къ туркмену Узуну-Хасану Бѣлобаранному. Тотъ его послалъ посломъ къ Мохаммеду II, султану османовъ, и Алій Кушджы Самаркандскій былъ сманенъ Мохаммедомъ II въ новозавоеванный Константинополь. Здѣсь онъ преподавалъ въ медресѣ при мечети Св. Софіи и имѣлъ большое вліяніе на развитіе науки османской [5]. Къ персидскоязычной литературѣ знаменитый Алій Кушджы причастенъ лишь въ самой малой степени, но славѣ самаркандской науки онъ содѣйствовалъ въ самой сильной степени. Слава эта, впрочемъ, вскорѣ должна была поблекнуть, когда Самаркандъ (1501) и весь Мавераннаhръ попалъ въ руки узбековъ.

Если работы астрономическія образуютъ собою въ эпоху монголовъ тамъ и сямъ лишь отдѣльные оазисы, которые вдругъ являются пріятнымъ и отрад-

---

[1]) Открылъ мѣстоположеніе Улугъ-бековой обсерваторіи въ 1909 году мѣстный археологъ, В. Л. Вяткинъ, совѣтникъ областного правленія, въ обязанности котораго входитъ наблюденіе и за старинными памятниками и мечетями. См. сообщеніе въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. IV (М. 1913), протоколы, стр. 31.

[2]) Очень важная библіографія рукописей Улугъ-бека—у Брокк. II (1902), 212-213, а раньше—у Рьё: опис. перс. рукоп. Брит. муз., т. II (1881), стр. 455 и слѣд. Съ астрономической точки зрѣнія значеніе Улугъ-бековой дѣятельности и его таблицъ освѣщено во введеніяхъ Седилльо къ критическому изданію и переводу: Prolégomènes des tables astronomiques d' Ouloug-Beg, publiés et précédés d'une introduction, par L. A. Sédillot, Пар. 1847; traduction et commentaire 1853.

[3]) Годъ смерти Кази-заде, принятый Броккельманномъ (815=1412,—т. II, 212) не пріемлемъ, если обсерваторія, по современному указанію Абдеррезака Самаркандскаго, построена въ 1420 году.

[4]) Объ Аліѣ Кушджы Самаркандскомъ см. у Рьё, перс. кат. Брит. муз., т. II, 1881, стр. 456-457, и у Броккельманна, т. II, 1902, стр. 234-235 и 212-213.

[5]) Срв. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы“, т. II (1910), стр. 40-41.

нымъ исключеніемъ на общемъ фонѣ литературнаго и культурнаго пониженія, то оказалась при монголахъ одна такая отрасль знанія, какая, не въ примѣръ прочимъ, представляетъ собою прямой разцвѣтъ, и притомъ пышный разцвѣтъ. Эта область —

ИСТОРІОГРАФІЯ.

Лѣтописи, хроники, историческіе своды въ періодъ монгольскій — и обильны, и содержатъ много интереснаго, какъ въ первую половину періода (Джингизъ-хановскую и hулагидскую), такъ и во вторую половину (тимуридскую).

а) Исторіографія эпохи Джингизъ-хана и ильхановъ.

Итакъ, остановимся сперва на исторіяхъ первой половины монгольскаго времени.

Нисаій. Джозданій. Бейдâвій.

Часть ихъ, конечно, составлялась на ученомъ языкѣ арабскомъ. Мы, разумѣется, не можемъ ни въ какой степени причислять къ персидской исторіографіи знаменитыя сообщенія о монгольскомъ нашествіи араба-месопотамца ибнъ-аль-Асира (ум. 1232), но трудно было бы совсѣмъ исключить изъ персидской исторіографіи очень цѣнные мемуары перса Мохаммеда Нисаія, который (1223) поступилъ на службу къ гонимому вторгшимися монголами харезмшаху Джеляледдину и написалъ свои записки по-арабски [1]. Прямо же на персидскомъ языкѣ въ тѣ времена очень извѣстенъ цѣлый рядъ историческихъ трудовъ.

Такъ, Минhâдж-и-сирâджъ Джôзджâній (род. 1193), служившій сперва въ Афганистанѣ у гуридовъ, но больше въ Деhли въ Индіи у нововозникшей династіи гуридскихъ деhлійскихъ „рабовъ", посвятилъ своему главному покровителю трудъ: „Табаqât-и Нâсырî" (=„Насыровы таблицы") [2]. Это общая исторія халифата и династій, возникшихъ въ Иранѣ (начиная съ Таhиридовъ) и въ Индустанѣ, причемъ Джозджаній съ большимъ вниманіемъ даетъ свѣдѣнія изъ жизни своихъ родныхъ странъ: Афганистана и Индіи, и заканчиваетъ свою книгу повѣствованіемъ о монголахъ: Джингизъ-ханѣ и его преемникахъ до момента заключенія книги. Заключилъ же онъ свою книгу въ 1260 г. — конечно, въ Индіи въ Деhли [3].

---

[1]) Нисаій: Vie de Djelaleddin Mankobirti" изданъ по-арабски (Пар. 1891) и переведенъ по-французски (1895) проф. Houdas. Поправки бар. В. Розена въ „Зап. Вост. Отд." VI (1891) стр. 383—388. Писалъ Нисаій (Несевій) въ 1241 г.

[2]) Деhлійскій султанъ-мамлюкъ Насыреддинъ Махмудъ-шахъ I сынъ Ильтутмыша царствовалъ въ 1246-1265 годахъ.

[3]) Вторую, т.-е. болѣе значительную половину The Tabaqât-i Nâsiri of al-Jawzjâni, касающуюся исторіи Афганистана и Индіи, напечаталъ по-персидски Nassau Lees въ Калькуттѣ 1864, ок. 500 стр., въ серіи Bibliotheca Indica, и довольно многое изъ изданнаго имъ текста перевелъ Эллiотъ: History of India, т. II (1869), стр. 266-383, предпославши (стр. 259-266) введеніе объ авторѣ и его трудѣ съ европейской библіографіей (мелкой). Вскорѣ въ Bibliotheca Indica (съ 1873) началъ издаваться англійскій полный

Какъ Нисаій, такъ и Джозджаній (не говоря уже про араба ибнъ-аль-Асира) красочно изображаютъ ужасы монгольскаго вторженія. Къ сожалѣнію, въ иномъ духѣ пишутъ объ этихъ ужасахъ другіе историки начально-монгольскаго періода, состоящіе на службѣ у монголовъ. Опуская подробности о короткой исторіи „Низâм эт-теварîх“ = „Порядокъ лѣтописей“ 1275 года знаменитаго коранскаго комментатора Бейдâвія (ум. ок. 1286), который въ роли историка интересенъ преимущественно сообщеніями о династіи своихъ покровителей, атабековъ ширазскихъ, а о монголахъ говоритъ немного [1]), переходимъ къ историкамъ-монголохвалителямъ. Джовейній, Вессафъ и везирь Решидеддинъ — три главные среди нихъ.

Джовейній и Вессâфъ.

Прежде всего, одновременно съ индустанцемъ Джозджаніемъ, его болѣе молодой современникъ хорасанецъ Алаэддинъ Ата-Меликъ Джовейній (род. 1226, ум. 1283) написалъ къ 1260 г. свою льстивую „Исторію покоренія міра Джингизъ-ханомъ“ = „Târîх-и Джеhân-гошâй“. Исторію самого Джингизъ-хана (ум. 1227) нестарый Джовейній (род. 1226), разумѣется, писалъ лишь по разсказамъ старшихъ и со словъ монголовъ, но дальнѣйшія событія излагаетъ какъ очевидецъ, посвященный—благодаря своему положенію—въ самыя сокровенныя государственныя вещи, не всѣмъ доступныя.

Еще отецъ Джовейнія занималъ важныя довѣренныя должности при монгольскихъ намѣстникахъ Персіи до hулагидскаго періода, и сынъ-Джовейній тоже оказался сановнымъ чиновникомъ у монголовъ: сперва былъ личнымъ секретаремъ у монгольскаго правителя Персіи, послѣдняго передъ приходомъ Хулагу-хана, и ѣздилъ съ нимъ въ Каракорумъ, столицу великихъ хановъ въ Монголіи [2]), а когда въ Персію прибылъ (1256) и водворился въ ней внукъ Джингизъ-хана Хулагу-ханъ, завоеватель Багдада, Джовейній быстро возвысился до самыхъ важныхъ отвѣтственныхъ государственныхъ должностей и до смерти своей (1283) состоялъ правителемъ Багдада. Къ сожалѣнію, послѣднія лѣтъ 25 своей жизни Джовейній ужъ не располагалъ временемъ, чтобы заниматься исторіографіей; то, интересное, что онъ имѣлъ возможность наблюдать въ царствованіе Хулагу-хана (1256-1265), Абаки (1265-1282) и Ахмеда Такŷдâра (1282-

---

переводъ Джозджанія маіора Раверти и законченъ былъ къ 1881 г.; онъ сопровождался обильнѣйшими примѣчаніями и заключенъ былъ (1897) подробнымъ указателемъ. Суровый отзывъ о примѣчаніяхъ Раверти у Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), стр. 62-63.

[1]) Содержаніе Бейдавіевой „Низâм эт-теварîх“ = “Chronologie de l'histoire“ изложилъ С. де-Саси въ IV томѣ „Notices et extraits“ (Пар., годъ VII=1798-1799), стр 672-695. Отрывки о Газневидахъ перевелъ съ персидскаго Элліотъ въ „History of India“, т. II, (1869), снабдивши замѣткою о цѣломъ сочиненіи (стр. 252-258). См. еще у Рьё во II томѣ описанія персидскихъ рукописей Британскаго музея (1881), стр. 823-825, съ перечнемъ прочихъ сохранившихся рукописей этой исторіи. Остальныя свои работы (богословскія) писалъ Бейдавій на языкѣ арабскомъ; см. у меня „Исторія арабовъ и арабской литературы“, ч. I. (М. 1912), стр. 207.

[2]) Кажется, ни объ одномъ изъ остальныхъ персидскихъ историковъ монголовъ нельзя сказать, что они лично видѣли Монголію, о которой пишутъ.

1284), онъ *не* записалъ для насъ, если не считать перваго года пребыванія Хулагу-хана въ Персіи. Джовейній присутствовалъ лично при разореніи въ 1256 году новопришедшимъ Хулагу-ханомъ исмаилитскихъ твердынь, посильно воспользовался — прежде сожженія — захваченнымъ архивомъ и библіотекой исмаилитовъ для освѣщенія исторіи ихъ секты [1]), и этимъ заканчивается (въ 1260 г.) Джовейніева „Târîх-и Джеhân-гошâй“. Автору было тогда 34 года, а проработалъ онъ надъ своей книгой лѣтъ семь.

Распадается „Târîх-и Джеhân-гошâй“ Джовейнія на три тома.

Первый томъ (онъ теперь изданъ)—исторія монголовъ, главнымъ образомъ лишь великаго завоевателя Джингизъ-хана, со вступленіемъ однако о предшествовавшихъ монгольскихъ судьбахъ и съ прибавленіемъ—послѣ Джингизъ-хановой исторіи—сообщеній о царствованіи двухъ преемниковъ Джингизъ-хана на великоханскомъ престолѣ: Угедея (1229-1242) и опекаемаго Гуюка (до 1246); также прибавлены сюда короткія повѣствованія о двухъ сыновьяхъ Джингизъ-хана: Джучи (съ его сыномъ Батыемъ, завоевателемъ Европы) и Джагатаѣ.

I томъ: „The Ta'rîkh-i Jahân gushâ of Juwaynî, composed in 658=1260“, напечатанъ по-персидски, безъ перевода, въ XVI выпускѣ серіи Gibb Memorial (Лейд. 1912) съ обширнымъ англійскимъ предисловіемъ Эдв. Брауна. Стр. CIV (введ. Э. Брауна) + 294 (текстъ) + CXXIV (перс. предисловіе Мирзы Мохаммеда Казвинскаго, издателя текста, вѣрнаго сотрудника Эдв. Брауна).

Прежде изъ I тома уже было опубликовано повѣствованіе Джовейнія о завоеваніи монголами Туркестана и Хорасана (т.-е. борьба съ Харезмомъ) — у Шефера въ его „Chrestomathie persane“ т. II (1885), стр. 105-169 въ персидскомъ отдѣлѣ (и срв. стр. 134-193 во французскомъ отдѣлѣ поясненій).

Англійскій переводъ разсказа о преслѣдованіи харезмшаха-Джеляледдина монголами и бѣгствѣ того въ Индію данъ у Эллиота: „History of India“, т. II (1869), стр. 386-402.

Разсказъ о дѣйствіяхъ Джагатая съ 636=1238 г., перс. текстъ и франц. переводъ, помѣщенъ у Дефремери въ приложеніи къ Хондемировой „Histoire des khans mongols du Turkistan“ (Пар. 1852, стр. 109-114), что является оттискомъ изъ „Journal Asiatique“ 1852, окт.-нб., стр. 370-406 (4-я серія, т. 20).

Въ новомъ изданіи прозаическихъ образцовъ персидской письменности Мирзы Абдуллы Гаффарова помѣщены изъ I тома Джовейнія типичные образцы, а по-русски въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. IV (1913) данъ русскій переводъ отрывковъ про дѣйствія Батыя, громителя Руси и Европы.

Въ „Histoire des Mongols“ бар. д'Оссона (1834) Джовейній не только использованъ, но не разъ цитируется большими выдержками, во французскомъ переводѣ.

Второй томъ—подробная исторія хáрезмшаховъ, отъ возникновенія династіи до гибели послѣднихъ ея представителей въ XIII вѣкѣ, причемъ излагается также исторія восточно-туркестанскихъ язычниковъ-карахитаевъ, иначе гуръ-хановъ (1118-1210, цѣнныя свѣдѣнія) и судьба другихъ домонгольскихъ династій Трансокcаніи и Туркестана за двухвѣковый періодъ отъ паденія сама-

---

[1]) Важная исмаилитская біографія основателя секты, Хасана Саббаха: „Сергозешт-и Сеййид-нâ“ была использована Джовейніемъ не полностью. Въ „Сводѣ лѣтописей“ Решидеддина (о которомъ рѣчь дальше, стр. 45), во II части „Свода“ изъ этой драгоцѣнной біографіи приведено втрое больше, чѣмъ у Джовейнія. См. сноску на стр. 42.

нидовъ до владычества монголовъ. Заканчивается же II томъ лѣтописью правленія четырехъ монгольскихъ намѣстниковъ Персіи (1229-1255) до прихода царственнаго Хулагу-хана.

Третій томъ—вѣнчаніе на царство Монге, великаго хана (1251), походъ его брата, Хулагу-хана, на персидскихъ ассасиновъ-исмаилитовъ (1255) и разрушеніе ихъ гнѣзда (1256) и подробная исторія персидскихъ исмаилитовъ [1].

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ сюда присоединяется добавленіе Джовейніева современника и протеже, астронома Насыреддина Тусскаго (ум. 1273): взятіе Багдада Хулагу-ханомъ и гибель послѣдняго аббасидскаго халифа Мостасыма (1258). А въ двухъ парижскихъ рукописяхъ—къ „Исторіи Мірозавоевателя" присоединена автобіографія самого Джовейнія, которую онъ написалъ уже въ концѣ жизни и въ которой содержится множество интересныхъ бытовыхъ подробностей.

Какъ высокоосвѣдомленный первоисточникъ, какъ источникъ для послѣдующихъ историковъ, Джовейніева „Исторія Мірозавоевателя" чрезвычайно важна въ наукѣ и, напр., въ „Grundriss der iranischen Philologie" она характеризуется какъ eine vorzügliche Darstellung (II, 1896, стр. 359). Нельзя однако забывать очень мѣткой старой оцѣнки историка монголовъ д'Оссона, по замѣчанію котораго цвѣтистый стиль Джовейнія для насъ есть не заслуга, но лишь непріятная напыщенность (trop ampoulé), а ужъ что касается отношенія къ событіямъ, то „приходится пожалѣть, почему авторъ не внесъ больше правды въ окраску событій и больше порядка въ изложеніе".

О Джовейніи см.:

а) статью, изъ которой долго черпаютъ всѣ послѣдующіе — Э. Катрмера въ Хаммеровскихъ „Mines de l'Orient", т. I (Вѣна, 1809), стр. 220-234: у Катрмера главный источникъ біографіи—поздній, Хондемиръ нач. XVI в.

б) Срв. у Катрмера же при Решидеддиновой „Histoire des Mongols" (1836), стр. 169 и слѣд.

в) baron d'Ohsson: „Histoire des Mongols", т. 1 (2-е изд. 1834, Гаага), стр. XVII-XXVII.

г) по Катрмеру и д'Оссову—у Elliot: „History of India", т. II (1869), стр. 384-386;

д) Rieu въ описаніи персид. рукописей Брит. музея, т. I (1879), стр. 160-161, со сжатой критичностью;

е) Шеферъ во франц. части „Chrestomathie persane" при т. II (1885), стр. 134-154, обстоятельная статья.

ж) Ethé въ „Grundriss der iran. Philol.", т. II (1896), стр. 359, едва упоминаетъ Джовейнія,—съ похвалою, правда.

---

[1]) II и III тт. Джовейнія еще не изданы. Нѣкоторые отрывки напечаталъ В. Бартольдъ въ I части „Туркестана" (Спб. 1899, стр. 111-119). У Шефера въ „Chrestomathie persane", т. II (1885), въ отдѣлѣ примѣчаній (стр. 157-163), помѣщенъ по-персидски и по-французски разсказъ о вліятельной матери харезмшаха Мохаммеда Турканъ-хатунѣ.— Исторія исмаилитовъ-ассасиновъ переведена изъ III тома Джовейнія въ работѣ Дефремери: „Histoire des Ismaéliens de la Perse, plus connus sous le nom d'Assassins" въ „Journal Asiatique" 1856, сент.—окт. (стр. 357-369) и 1860, февр.—мр. (стр. 130-210); это 5 серія, т. 8 и 15; срв. тт. 2, 3, 5. Про дополняющій ассасинскую исторію отрывокъ изъ Решидеддина см. у Эдв. Брауна въ „Journ. of the R. Asiat. Soc." 1899 апр. и отчасти въ „A liter. hist. of Persia" II (1906) стр. 190 слѣд.

з) В. Бартольдъ: 1) „Туркестанъ“ (1900), стр. 40-41; 2) статья „Djuwaini“, въ лейденской „Enzyklopaedie des Islâm“, т. I, вып. 17 (1913), стр. 1115-1117. Вторая статья В. Бартольда появилась ужъ позже работъ Эдв. Брауна, а именно:

и) Эдв. Браунъ (Browne): 1) Note on the contents of the Tá'rîkh-i Jahân-Gushâ, or history of the worldconqueror Chingîz-khan by Juwaynî, with an appreciation and comparison of some of the manuscripts of this work—въ „Journ. of the R. As. Soc.“, 1904, январь;—б) его же: обширное, всестороннее англійское введеніе къ новоизданному I тому Джовейнія (Лейд. 1912), стр. I-XCIII, причемъ Браунъ пользуется и автобіографіей самого Джовейнія.

Исторія монголовъ Джовейнія достаточно напыщена. Ее, хронологически непосредственно, т.-е. прямо отъ 1257 года, продолжилъ (до событій 1328 года) совсѣмъ ужъ безжалостно-напыщеннымъ слогомъ Абдаллахъ-ширазецъ, обычно извѣстный подъ своимъ придворнымъ титуломъ Вессâфъ=«Восхвалитель» (род. ок. 1263); точнѣе его титулъ звучитъ: «Вессâф-и hезрет»=«Восхвалитель его Величества». Онъ состоялъ при дворѣ монгольскихъ государей, начиная съ Аргуна (1284-1291), а исторіей своею выдвинулся у Газанъ-хана (1295-1304) и Олчжейту Ходâ-бендé (1304-1316), отъ котораго за поднесеніе своей исторіи и получилъ званіе «Ваççâфа»; закончилъ же онъ ее при Абу-Саидѣ, послѣднемъ персидскомъ реальномъ государѣ-hулагидѣ всей Персіи (1316-1335) [1]. Хаммеръ, съ его восточными эстетическими вкусами, хвалебно сравниваетъ «Târîх-и Вессâф» по стилю съ макамами Харúрія. Арабщина у Вессафа кишитъ, языкъ макароничень, фразы персидскія чередуются съ арабскими, иногда цѣлыя главы сплошь оказываются арабскими.

О Вессафѣ см.:

въ предисловіи къ „Histoire des Mongols“ д'Оссона, I, 1834, стр. XXVII-XXXIII;

у Хаммера въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т. 71 (Anzeige-blatt, стр. 27-31, изложеніе содержанія) и при переводѣ Вессафовой исторіи;

Elliot: Hist. of India III (1871), 24-27;

Rieu сжато и содержательно въ опис. перс. рукописей Брит. Музея, I (1879), стр. 161-163;

у Ethé въ Grundriss II (1896, стр. 359), только оцѣнка стиля;

Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 49-50, о связи съ Решидеддиновымъ трудомъ;

Edw. Browne въ предисловіи къ I тому Джовейнія (1912), стр. XVI-XVIII.

Вессафъ въ концѣ своей исторіи уже могъ пользоваться сводомъ своего покровителя, везиря Решидеддина.

---

[1] „Târîх-и Вессâф“ (или, точнѣе: „Теджзіет эль-эмсâр“=„Распредѣленіе областей“) изд. въ Бомбеѣ 1269=1853. Первую часть, съ нѣм. переводомъ: „Geschichte Wassafs“—издалъ Хаммеръ-Пургшталль (Вѣна 1856), стр. IV+275+295; рец. Ж. Моля на Хаммерову работу—въ „Journ. As“. 1856 іюль, стр. 54-56 (=5 сер., т. VIII). Срв. у Хаммера раньше: „Gesch. der Ilchane“ (Дармшт. 1842-1843) съ переводами изъ Вессафа. Отрывки о дѣлахъ Индустана при монголахъ перевелъ по англійски Эллiотъ: „Hist. of India“, т. III (1871), стр. 27-54. Бродячій международный разсказъ о котѣ Кайса (на тему англійскаго Виттингтонова кота), принесшемъ богатство владѣльцу и почетъ, переведенъ у Ouseley: „Biograph. notices of persian poets“ (1846), стр. 232-235.

Сводъ везиря Решидеддина (ок. 1310). Абдаллахъ Кашанскій, обвинитель Решидеддина въ плагіатѣ.

Покровитель Вессафа, һулагидскій историкъ-везирь Фезлеллаһъ Решйдеддйнъ Табйбъ, по происхожденію былъ врачъ изъ азербейджанскихъ евреевъ) [1]). Онъ родился ок. 1245 г., а казненъ былъ изъ-за придворныхъ интригъ въ 1318 г. при послѣднемъ реальномъ государѣ-һулагидѣ Абу-Сайдѣ. Съ-измолоду и до смерти онъ непрерывно состоялъ на службѣ у цѣлаго ряда государей һулагидской династіи, начиная съ Хулагу-ханова сына Абаки (1265-1282) и, какъ видимъ, до Абу-Сайда. Еще у Абаки-хана онъ былъ врачемъ,—правда, не главнымъ, но все-же, значитъ, достаточно ужъ довѣренной особою. Главную силу однако получилъ Решидеддинъ, какъ везирь (=первый министръ), при Газанъ-ханѣ (1295-1304) и его братѣ Олчжейту Ходåбенде (1304-1316), и около двадцати лѣтъ занималъ онъ эту должность перваго министра.

Приблизительно къ 1307 году Решидеддиномъ, или сотрудниками по его указаніямъ, завершенъ былъ большой и, понятно, хвалебный сводъ исторіи монголовъ, вплоть до смерти Газанъ-хана: «Тâрîх-и Гâзâнî»,—сводъ, который въ свою очередь образуетъ лишь первую треть огромнаго всеобщаго свода: «Джâми‘ эт-тевâрîх»=«Собраніе лѣтописей»,—завершеннаго лишь года три спустя (приблизительно ок. 1310 г.).

Въ полномъ своемъ видѣ «Собраніе лѣтописей» не дошло до насъ (нѣтъ послѣдней трети географической) [2]), а въ дошедшихъ двухъ частяхъ мы, сверхъ «Târîх-и Гâзâнî» (=ч. I) имѣемъ во II части обзоры прошлаго халифатскаго и иныхъ народовъ, съ какими монголы сталкивались и вступали въ сношенія: китайцевъ, евреевъ, европейцевъ, индусовъ. Названіе I части (=Târîх-и Гâзâнî, т. е. Газановская исторія) происходитъ отъ того, что къ составленію ея Решидеддинъ приступилъ по желанію Газанъ-хана, любившаго и знавшаго прошлое монголовъ не хуже професcіональныхъ исторіографовъ. Въ «Газановой исторіи» однимъ изъ письменныхъ источниковъ (для повѣствованія о Джингизъ-ханѣ) былъ и Джовейній, но были и разные иные источники, въ ихъ числѣ монгольскіе и монгольско-китайскіе. Для двухъ другихъ частей (или, по крайней мѣрѣ, для извѣстной намъ общеисторической II части) этого «Собранія лѣтописей» примѣнены были источники очень и очень разнообразные. Такъ, объ Индіи давалъ свѣдѣнія буддистъ-кашмирецъ, а объ Европѣ какой-то европеецъ,—судя по всѣмъ признакамъ, монахъ-папистъ.

---

[1]) Новое разсмотрѣніе вопроса о религіи Решидеддина см. у Blochet: „Introduction à l'histoire de Mongols“ (Лейденъ 1910, въ 12 выпускѣ Gibb Memorial series), стр. 29-30. Выводы Блоше поддержаны и его строгимъ критикомъ В. Бартольдомъ въ „Мірѣ ислама“, 1912, стр. 78-82. Указатель работъ о жизни Решидеддина см. у насъ ниже, на стр. 47-48.

[2]) Вопреки утвержденію Вессафа (бомбейск. изд. 1269=1853, стр. 539), упоминающаго о полномъ сводѣ Решидеддина, съ географической частью, у европейскихъ изслѣдователей не разъ возникала догадка, что 3-я, географическая, часть „Собранія лѣтописей“, упоминаемая и самимъ Решидеддиномъ въ предисловіи, пожалуй, не была даже и написана, а была лишь задумана. Догадка очень многое имѣетъ за себя. Исторіи Олчжейту, упоминаемой въ предисловіи, Решидеддинъ тоже, повидимому, не успѣлъ написать и лишь намѣтилъ (она, повидимому, должна была дополнительно входить въ составъ второй части, а не спеціально-монгольской первой части).

Сперва укажемъ библіографію второй части.

II часть „Собранія лѣтописей", т.-е. общеисторическая, долго считалась утерянной. Подробнѣе обзоръ ея состава см., напр., въ описательныхъ каталогахъ Морли (1854) или Рьё (I, 1879), у Эллiота въ III томѣ исторіи Индіи (1871), въ „Introduction" Блоше (1910, стр. 114-127), въ обстоятельной критикѣ В. Бартольда на Блоше („Міръ ислама", 1912, № 1) и др. указываемыхъ у насъ ниже (стр. 47-48) работахъ о Решидеддинѣ. Отрывокъ объ ассасинахъ переведенъ Эдв. Брауномъ въ статьѣ о Хейямѣ въ „Journ. of the R. Asiat. Soc". 1899, апр., и использованъ въ „A lit. hist. of Persia", т. II (1906), стр. 192 и сл.

Къ печатному изданію II часть, покамѣсть, не предполагается въ полномъ своемъ видѣ.—Богаче библіографія части первой.

Изданія и переводы I части:

Въ настоящее время (съ 1911 г.), въ Лейденѣ, въ серія Gibb Memorial № 18, подъ редакціею Блоше печатается полностью „Târîx-и Гâзâнî", т.-е. I-я (монголовѣдная) часть „Собранія лѣтописей", съ прибавленіемъ (не Решидеддиновымъ, а ужъ XV вѣка) событій царствованія Олчжейту (1304-1316) и Абу-Саида (1316-1335). Изданіе займетъ три печатныхъ тома и включитъ только перс. текстъ, безъ перевода. Эти три тома будутъ:

I. Начатки монголовъ, предки Джингизъ-хана и онъ самъ (томъ этотъ, уже извѣстный благодаря Березину, будетъ напечатанъ у Блоше попозже двухъ другихъ);—II. До Газанъ-хана (этотъ томъ уже вышелъ изъ печати. Лейд. 1911, стр. 72+617 перс.):—III. Газанъ-ханъ, съ не-Решидеддиновымъ прибавленіемъ (XV вѣка): Олчжейту и Абу-Саидъ.

Работающій надъ этимъ изданіемъ E. Blochet предпослалъ ему не разъ упомянутое нами большое (398 стр.) изслѣдованіе: „Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-din" (Лейденъ, 1910). Очень строгую критику этого изслѣдованія произвелъ В. В. Бартольдъ въ журналѣ „Міръ ислама", I (1912), № 1, стр. 56-107.

До сихъ поръ были напечатаны или переведены лишь нѣкоторыя части изъ „Газановой исторіи", при чемъ имена Березина и (болѣе ранняго) Катрмера должны быть названы на первомъ мѣстѣ:

1) И. Н. Березинъ: „Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ, сочиненіе Рашидъ-Эддина. Исторія Чингизъ-хана (= съ предшествующей исторіей монгольскихъ племенъ) отъ восшествія его на престолъ до кончины"—въ петербургскихъ „Трудахъ Восточнаго отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общ.", тт. V (1858), VII (1861), XIII (1868) и XV (1888), перс. текстъ, русскій переводъ и обильныя примѣчанія. Цѣнность труда Березина отмѣчалась и западной наукой, напр., срв. у китаиста Э. Бретшнейдера (Bretschneider): „Mediaeval researches from eastern asiatic sources", т. I, 198, хотя ирановѣды европейскіе обыкновенно съ нимъ незнакомы [1]).

2) Предисловіе Решидеддина къ труду и исторія Хулагу-хана, завоевателя Персіи съ Багдадомъ (ум. 1265), были еще раньше изданы, переведены и эрудитно объяснены въ классическомъ трудѣ E. Quatremère: „Histoire des Mongols, écrite en persan, traduite en français et accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur (Пар. 1836, in-folio въ Collection Orientale I; отдѣльно тогда же были изданы извлеченія по-персидски для учебныхъ студенческихъ цѣлей). По-русски о трудѣ Катрмера—В. Григорьевъ въ „Москвитянинѣ" 1841, № 7 (ч. 4), стр. 205-233.

---

[1]) Такъ, спеціалистъ по исторіи персидской литературы и особенно по исторіографіи (!) Edw. Browne въ „A literary history of Persia" (т II, Лонд. 1906, стр. 435) говоритъ въ подстрочной сноскѣ, что часть Решидеддиновой исторіи монголовъ „была, кажется, издана Березинымъ, но изданіе его очень рѣдкое, и видать его не приходилось".

Изъ прочихъ болѣе мелкихъ или болѣе частичныхъ переводовъ (часто въ видѣ цитатъ) отмѣтимъ слѣдующее:

1 и 2) Очень много выдержекъ (по-французски), то полныхъ, то кратко пересказанныхъ — у д'Оссона въ его „Histoire des Mongols“ (2-е изд. 1834) и по-нѣмецки у Хаммера въ „Geschichte der Ilchane“ 2 тт. (1842-1843).

3) Фр. Эрдманнъ: а) Kritische Beurtheilung der von Herrn Quatremère hsg. Hist. des Mongols de la Perse (Казань, 1841); — б) Vollständige Uebersicht der türk. und mong. Völkerstämme nach Raschiduddin's Vorgange (Казань, 1841); — в) Предки Чингисъ-хана въ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1843, № 4 (стр 19-56) и № 5 (стр. 80-112); — г) Къ исторіи Чингисъ-хана — тамъ же 1844, № 10 (стр. 30-94); — д) „Temutschin der Unerschüttliche“ (Лпц. 1862), гдѣ, среди изслѣдованія, есть много извлеченій изъ Решидеддина; — е) По-персидски и по-нѣмецки о царствованіи сельджука Баркъ-ярука: „Zu Barkiarok's Regierung, nach Rašîduddîn“ въ „Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges.“, т. IX (1855), стр. 800 808.

4) У Элліота въ „History of India“ переведены по-англійски: а) описаніе Хиндустана (въ т. I, 1867, стр. 44-73), которое почерпнуто Решидеддиновой исторіей изъ арабскаго труда аль-Бирунія X—XI в., писателя временъ Махмуда Газневидскаго; — б) отрывокъ объ отцѣ Махмуда Себоктегинѣ Газневидскомъ, въ т. III (1871), стр. 21-23; — в) борьба харезмшаха на берегахъ Инда со вторгшимися монголами, т. II (1869), стр. 550-556.

Библіографію трудовъ о самомъ Решидеддинѣ мы указываемъ ниже (стр. 47-48).

Колоссальное «Собраніе лѣтописей» написано было везиремъ Решидеддиномъ не единолично (что и трудно было бы ему сдѣлать при его сложныхъ министерскихъ обязанностяхъ), а при помощи ряда сотрудниковъ. Одни изъ нихъ дѣлали ему переводы съ китайскаго, тибетскаго-индусскаго, тюркскаго-уйгурскаго [1]) и иныхъ языковъ, не говоря ужъ, конечно, объ общеизвѣстномъ арабскомъ, другіе — помогали въ самой обработкѣ матеріала, — такъ что везирь Решидеддинъ былъ, собственно, лишь редакторомъ или просто руководителемъ. Враги, обвинявшіе и самого везиря въ тайной приверженности къ вѣрѣ своихъ предковъ-евреевъ, утверждали, что онъ просто безцеремонный воръ, и что даже окончательная обработка «Свода лѣтописей» произведена была руками «проклятыхъ жидовъ» (би дести джеhӯдâн-и мердӯд). Именно, это говоритъ въ своей «Исторіи Олчжейту» одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Решидеддина Абдаллâhъ Кашанскій (ум., б. м., 1335) [2]), который именно себя называетъ состави-

---

[1]) Уйгуры — тюркскій народъ, къ югу отъ Тянь-Шаня, въ восточномъ (китайскомъ) Туркестанѣ (у нынѣшняго г. Турфана и др.), по религіи то христіане-несторіане, то буддисты, отчасти также манихеи, — народъ, который оказалъ огромное культурное вліяніе на монголовъ, основавшихъ свою великую имперію. Внѣшнимъ признакомъ ихъ вліянія на монголовъ остался фактъ, что алфавитомъ для монгольскаго языка былъ принятъ уйгурскій (а уйгурскій самъ произошелъ изъ несторіанско-сирскаго).

[2]) Объ очень старой (однако не собственноручной) рукописи „Исторіи Олчжейту“ Абдаллаха Кашанскаго (списокъ половины XIV вѣка, 1351 г., въ библіотекѣ св. Софіи въ Константинополѣ) и о парижскомъ новомъ спискѣ съ нея см. а) у В. Бартольда въ „Запискахъ Восточн. Отдѣленія“, т. XVIII (1908), стр. 0119-0124; — б) у К. Süssheim'а: „Muhammad-al-Husaini al-Yazdi: Das Geschenk aus der Saldschukenge-

телемъ чуть не всего свода, а Решидеддина представляетъ заказчикомъ, присвоившимъ себѣ авторство заказаннаго труда. Такъ какъ до насъ дошла—положимъ, въ высшей степени неполная—рукопись (въ Берлинѣ) подлиннаго труда Абдаллаха Кашанскаго («Зобдет от-тевâрîх» = «Сливки исторій») [1]), то явилась возможность сличить его трудъ (сохранившійся отдѣлъ о доисламскихъ и начально-исламскихъ временахъ) со сводомъ Решидеддина,—и оказалось, по сличенію Блоше́ (1910) [2]), что Абдаллахъ Кашанскій въ значительной степени правъ, и что сводъ Решидеддина (по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ, поддающихся сличенію) есть почти буквальное, иногда неумѣло сокращенное, переписаніе труда Абдаллаха Кашанскаго. Однако нельзя не принять въ соображеніе вѣрнаго ограниченія В. Бартольда [3]): отсюда—покамѣстъ—можно вывести заключеніе, что въ нѣкоторыхъ частяхъ, требовавшихъ простого компилированія книгъ прежнихъ историковъ (напр. о доисламскихъ временахъ), Решидеддинъ не писалъ лично, а поручалъ работу секретарямъ, но нельзя еще вывести заключенія, что и вся работа по исторіи монголовъ совершена одними секретарями, безъ личнаго участія самого Решидеддина, а ужъ тѣмъ менѣе—однимъ только Абдаллаhомъ Кашанскимъ, обвинителемъ Решидеддина въ плагіатѣ.

Все же, какъ-ни-какъ, Решидеддиново «Собраніе лѣтописей» надо признать трудомъ коллегіальнымъ, а не единоличнымъ.

О жизни и литературной дѣятельности везиря Решидеддина см.:

1) d'Ohsson: Histoire des Mongols, т. I (2-е изд. 1834), введеніе стр. XXXIII—XLIV.

2) Et. Quatremère: а) обширное предисловіе къ Histoire des Mongols, 1836, стр. 1—CLXXV;—б) статья въ „Journal des Savants" 1850, сент., стр. 515-522, вызванная—

3) статьей объ Решидеддинѣ въ трудѣ Эллiота: „Bibliographical Index to the historians of moh. India" I (1849, стр. 1-47), которая впослѣдствіи была переработана въ III томѣ Эллiотовой „History of India" (1871), стр. 1-21, съ исчерпывающей мелкой библіографіей.

4) W. H. Morley: а) статьи 1840-хъ гг. въ „Journal of the R. Asiatic Society", т. VI (стр. 11-41) и т. VII (стр. 267-272), вызванныя свѣжимъ открытіемъ (считавшихся утерянными) частей „Собранія лѣтописей";—б) описаніе историческихъ рукописей (Descriptive Catalogue библіотеки Asiatic Society

---

schichte" (Лейд. 1909), стр. IX и слѣд.;—в) у Блоше́: „Introduction" (1910), стр. 113 (къ этому срв. В. Бартольда въ „Мірѣ ислама" 1912, № 1, стр. 64); о годѣ смерти автора см. у Блоше́ стр. 149. Большія выдержки изъ этой „Исторіи Олджейту" приводятся въ книгѣ Блоше́ въ достаточномъ количествѣ. Обладатель новаго списка проф. Шеферъ публиковалъ изъ него кое-какія выдержки въ примѣчаніяхъ къ своей „Chrestomathie persane"; такъ, т. II, 1885, стр. 94-103 о Гилянской области, стр. 150-151 о плагіаторствѣ Решидеддина; въ лучшемъ чтеніи, на основаніи константинопольской рукописи, послѣднее мѣсто издано у В. Бартольда въ „Зап. Вост. Отд." 1908, т. XVIII, (стр. 0122-0123) при описаніи рукописи.

[1]) О „Сливкахъ исторій" Абдаллаhа Кашанскаго см. въ каталогѣ берлинскихъ рукописей Пертша (т. IV, № 368) и въ „Introduction" Блоше́ 1910, стр. 140-144. Мы еще разъ вернемся къ „Сливкамъ исторій" Абдаллаhа Кашанскаго, когда будемъ говорить объ одноименныхъ „Сливкахъ исторіи" Хафиза-Эбру XV вѣка (стр. 57).

[2]) „Introduction", стр. 128-157, въ частности стр. 144 и 151-152.

[3]) въ „Мірѣ ислама", 1912, № 1, стр. 91, 97.

(1854), стр. 1-11. Статьи Морли очень широко, часто съ буквальностью, использованы во II томѣ упомянутой „History of India“ Элліота (1871).

5) Введеніе и примѣчанія Березина къ изданію и переводу Решидеддина (1858-1888).

6) Rieu, въ описаніи перс. рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 74-79, съ обзоромъ содержанія также II части „Собранія лѣтописей“, которая еще долго, вѣроятно, останется неизданной.

7) Бар. В. Розенъ, въ описаніи персидскихъ рукописей петербургскаго азіатскаго департамента Мин. Иностр. Дѣлъ = Collections scientifiques, т. III (Спб. 1886), стр. 52-111,—статья, важная для выясненія исторіи редактированія Решидеддинова свода при Шаһрохѣ въ XV вѣкѣ Хафизомъ-Эбру.

8) В. Бартольдъ: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“. (Спб. 1900), стр. 45-49. О болѣе обстоятельной его работѣ см. ниже.

9) Блошé: „Introduction à l'histoire des Mongols de Rachid ed-din“, 1910, большое, обстоятельное изслѣдованіе, впрочемъ съ отсутствіемъ предыдущей библіографіи.

10) В. Бартольдъ (срв. выше, № 8)—критическая статья объ „Introduction“ Блошé въ журналѣ „Міръ ислама“, 1912, кн. 1, стр 56-107; главное вниманіе удѣлено установленію біографіи Решидеддина и способу составленія „Собранія лѣтописей“.

Какъ бы мы ни относились къ личности везиря Решидеддина и беззастѣнчивому эксплоатированію имъ труда своихъ подчиненныхъ-секретарей, сводъ его не перестаетъ отъ этого быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій персидской исторіографіи.

„Târîx-и Гозîдé“, ок. 1330, съ предшествующими (Бенакети 1317). Шебангераи, 1333.

Еще при жизни везиря Решидеддина дѣлались изъ его «Свода лѣтописей» сокращенныя извлеченія, напр., «Садъ умныхъ»=«Ровзет ӯлî ль-эльбâб» придворнаго поэта монголовъ Бенâкетú 1317 г.; Бенакети включалъ въ свое извлеченіе также интересныя свѣдѣнія, данныя у Решидеддина, о чужихъ народахъ: индійцахъ, китайцахъ, евреяхъ, европейцахъ.

Объ Абу-Солейманѣ Даудѣ Фехреддинѣ Бенâкетіи и его исторіи см.:

1) статью Хаммера въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т. 69=1835 Anzeige-Blatt, стр. 33 и сл

2) E. Quatremère: „Histoire des Mongols“ (1836), стр. LXXXVI и слѣд., гдѣ установлено тождество Бенакети съ псевдо-Бейдавіемъ.

3) Elliot: „History of India“, т. III (1871), стр. 55-59, съ исчерпывающей мелкой библіографіей;

4) Rieu въ описаніи персидскихъ рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 79-80.

5) Бар В. Розенъ въ описаніи спб. рукописи Решидеддина въ „Collections scientifiques“, III (1886), стр. 102-109.

6) краткое упоминаніе съ характеристикой у В. Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), стр. 50.

Восьмая книга, или, вѣрнѣе, глава—о китайцахъ, подъ заглавіемъ Historia Sinensis“=„Târîx-и Хитâ“, ложно приписанная европейскимъ издателемъ (Андреасомъ Мюллеромъ) Бейдавію XIII в., издана была особой книжицей по-персидски съ латинскимъ переводомъ еще въ XVII в. (Берл. 1677; нов. изд. 1689: рѣдкій англ. переводъ 1820).

Большого научнаго значенія выборка Бенакетія 1317 г. изъ современнаго ему Решидеддина не имѣетъ. А когда будетъ полностью напечатанъ сводъ Решидеддина, эксцерптный трудъ Бенакетія потеряетъ вообще всякую цѣнность, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ дополненій о современныхъ Бенакетію событіяхъ, частію въ видѣ стихотворныхъ панегириковъ Газанъ-хану, Олчжейту и Абу-Сайду (воцар. 1316).

И послѣ Решидеддиновой смерти, несмотря на постигшую опалу, «Сводъ лѣтописей» служилъ для другихъ источникомъ.

Такъ, въ литературномъ кругу везиря Решидеддина получилъ свое первое историческое образованіе Хемдаллâһъ Мостовфій Казвинскій, впослѣдствіи (ок. 1330 г.) написавшій «Отборную лѣтопись»=«Т â р î х - и Г о з î д é», гдѣ содержится всеобщая исторія старѣйшихъ временъ до временъ автора (до 1330 г.) [1]); почти въ концѣ Хемдаллаһъ даетъ географическія и иныя сообщенія о своемъ родномъ городѣ Казвинѣ [2]).

Хемдаллаһу Казвинскому принадлежитъ также (1340) спеціальное географическое сочиненіе: «Услада сердецъ»=«Н о з һ е т э л ь q о л ю б» [3]).

«Târîх-и Гозîде» полезна сообщеніями не только о новѣйшихъ событіяхъ, современныхъ автору; она и въ компилятивныхъ частяхъ, напр., о саманидахъ [4]), о Махмудѣ Газневидскомъ [5]), о сельджукахъ и ассасинахъ [6]), даетъ цѣнныя

---

1) Теперь въ серіи Gibb Memorial (вып. XIV) воспроизведена фототипіей п о л н а я рукопись 1453 г.: „The T a'r î k h-i G u z î d a with an introduction by E. G. Browne vol. I, containing the text (Лейд. 1910), 852 стр., безъ перевода, который составитъ собою второй томъ изданія. Предпринято было и печатное изданіе съ параллельнымъ французскимъ переводомъ J. Gantin'a: „Târikhé Gozidé. Les dynasties persanes pendant la période musulmane depuis les Saffarides jusques et y compris les Mongols de la Perse en 1330 de notre ère“, t. I. (Пар. 1903). Мелкую библіографію укажемъ по частямъ, ниже въ сноскахъ.

2) Отдѣлъ о К а з в и н ѣ изъ „Отборной лѣтописи“ перевелъ Барбье де Мейнаръ въ Journal Asiatique 1857 окт.-нб. (сер. 5, т. 10), стр. 257-295: „Description historique de la ville de Kazvin, extraite du Tarikhé Guzidèh“, съ примѣчаніями.

3) „Н о з һ е т э л ь - q о л ю б“ Хемдаллаһа Казвинскаго литогр. въ Бомбеѣ 1311=1894. У Шефера въ дополнительномъ томѣ („Supplément“) къ „Siasset namèh“ Низамоль-мулька XI в. издано изъ „Нозһет эль-qолюб“ довольно много отдѣльныхъ главъ о городахъ Месопотаміи, зап. Персіи, Курдистана, Арменіи и Грузіи (Пар. 1897, стр. 141-235). Сокращенный критическій переводъ Лестренджа въ „Journ. of the R. Asiat. Soc.“ 1902 (и отд. оттискъ: „Mesopotamia and Persia under the Mongols“ Лонд. 1903). Высокую оцѣнку этому труду Хемдаллаһа см. у В. Бартольда въ юбилейномъ сборникѣ бар. Розена „аль-Мозаффиріййе“ (1897), стр. 8-9. В. Бартольдъ въ своемъ изслѣдованіи „Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче“ (въ „Анійской серіи“, № 5, Спб. 1911) очень обстоятельно разсмотрѣлъ сообщенія Хемдаллаһовой „Нозһет эль qолюб“ о финансовомъ положеніи Персіи при монголахъ, о количествѣ государственныхъ доходовъ съ раскладкою по отдѣльнымъ областямъ и большимъ городамъ (есть и у Лестренджа). Ожидается изданіе текста въ Гиббовой серіи.

4) Главу о с а м а н и д а х ъ изъ „Târîх-и Гозîде“ давно ужъ напечаталъ Ш. Шеферъ при „Description de Boukhara par Nerchakhy suivie de textes relatifs à la Transoxiane (Пар. 1892), стр. 99-111.

5) Отрывки изъ „Târîх-и Гозîде“ о М а х м у д ѣ Г а з н е в и д с к о м ъ по-англійски въ „History of India“ Элліота, т. III (1871), стр. 63-66.

6) О с е л ь д ж у к и д а х ъ и а с с а с и н а х ъ изъ „Târîх-и Гозîде“—франц. перев. Defrémery: Histoire des Seldjoukides et des Ismaéliens ou Assassins de l'Iran, extraite (только

свѣдѣнія,—правда, черпаемыя Хемдаллаhомъ обыкновенно не изъ первоисточниковъ, а чаще всего изъ «Свода лѣтописей» Решидеддина. Какъ бы то ни было, пока не изданъ полный сводъ везиря Решидеддина, мы изъ «Târîx-и Гозîдé» можемъ извлекать сообщенія старыхъ авторовъ, среди которыхъ иные не изданы до сихъ поръ, иные, повидимому, затеряны,—тѣмъ болѣе, что иногда у Хемдаллаhа есть и отличія отъ Решидеддина. Для исторіи литературы важна V-я книга «Târîx-и Гозîде», о знаменитыхъ людяхъ, святыхъ, ученыхъ и поэтахъ, гдѣ, напр., біографія Фирдовсія разсказывается еще безъ тѣхъ баснословныхъ наращеній, съ какими мы ее знаемъ у дальнѣйшихъ персидскихъ историковъ литературы [1]). Изъ этой V-й книги «Тарîх-и Гозîде» кое-что черпали позднѣйшіе авторы тезкиратъ, какъ Довлетъ-шахъ и Джамій въ XV в.

О составѣ „Тарîх-и Гозîде“ и ея авторѣ см.

1) у Элліота: „History of India“, т. III (1871), стр. 60-63, гдѣ отмѣчена и вся мелкая предыдущая библіографія;

2) Rieu: перс. катал. Брит. Музея I (1879), стр. 80-82, съ библіографіей рукописей;

3) критико-историческія замѣчанія у В. Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), стр. 50-51;

4) E. Blochet: „Introduction à l'histoire de Mongols“ (1910, Gibb series, t. XII), стр. 106-108.

5) вступительная статья Edw. Browne'a (стр. I-XVI) къ фототипическому изданію „The Ta'rîkhi Guzîda“ (1910); срв. его же въ „J. R. As. Soc.“ 1900, Oct., 721-726.

Замѣтимъ, что у Этé въ „Grundriss“-ѣ (1896), по непонятному упущенію, нѣтъ о Хемдаллахѣ Казвинскомъ ни слова (!).

Съ Хемдаллахомъ Казвинскимъ не надо смѣшивать историка эмира Яхъю Казвинскаго, жившаго сто лѣтъ спустя, автора компилятивной всеобщей „Сердцевины лѣтописей“ (Лобб эт-теварîх); о немъ см. ниже, въ главѣ о XVI вѣкѣ (стр. 73).

Если у Хемдаллаха Казвинскаго мы встрѣчаемъ полное довѣріе къ «Своду лѣтописей» везиря Решидеддина, то находились въ его же время такіе историки, которые избѣгали пользоваться этимъ сводомъ. Напримѣръ, поэтъ-восхвалитель послѣдняго hулагидскаго дѣйствительнаго властелина-ильхана Абу-Саида (1316-1335) Мохеммедъ Шебангарскій (аш-Шебâнкâрâй) [2]), составляя свое сухое и мало интересное общеисторическое «Меджме́ эль-энсâб» = «Собраніе родословныхъ» (въ 1333 г., лѣтъ 15 спустя послѣ смерти везиря Решидеддина), избѣгаетъ пользоваться Решидеддиновымъ сводомъ и даже не упомина-

по-франц.) du Tarikhi Guzideh d'Hamd-allah Mustaufi, trad. et accomp. des notes hist. et géographiques, Пар. 1849; 142 стр.; это оттискъ изъ Journ. Asiatique 1848-1849 (1-я серія, тт. XI, XII, XIII=апр.-май стр. 417-462, сент. 259-279, окт. 334-370; 1849 янв., 15-55).

[1]) Англ. пер., часто съ персид. выдержками: Biographies of persian poets, contained in chapter V of the Tarîkh-i Guzîda, or „Select History“, translated by E. G. Browne, Hertford 1901: 79 стр.). Это оттискъ изъ „Journ. of the R. Asiatic Soc.“ 1900 October, 1901 January. Во введеніи указаны источники Хемдаллаха.

[2]) Шебâнгâрé (или Шебâнкâрé)—округъ между Фарсомъ и Керманомъ, съ главнымъ городомъ Дâрâбгирдомъ.

етъ этого труда, а самаго везиря Решидеддина характеризуетъ какъ интригана (не отрицая, впрочемъ, его учености). Самъ Шебâнгâрâй принадлежитъ впрочемъ къ второстепеннымъ историкамъ [1]).

Общая характеристика этихъ историковъ.

Мы назвали цѣлыхъ восемь монголохвалебныхъ историковъ перваго періода монгольской власти, т.-е. династіи Джингизъ-хана, въ частности вѣтви Хулагу-хана.

Большой несправедливостью было бы съ нашей стороны отказать монголославящему Джовейнію, Вессафу и Решидеддину и прочимъ вышеотмѣченнымъ изъ восьми (пожалуй, и другимъ такимъ же, лишь менѣе извѣстнымъ) историкамъ перваго періода—въ важныхъ научныхъ заслугахъ; и все же, когда эти хвалители повѣствуютъ о дѣяніяхъ монголовъ, чтеніе ихъ производитъ на насъ крайне тяжелое и невыгодное для авторовъ впечатлѣніе.

Что такое были монголы, это мы вѣдь очень хорошо знаемъ по исторіи монгольскаго вторженія и лихолѣтья на Руси, знаемъ это и по независимому отъ нихъ арабскому историку ибнъ-аль-Асиру, свидѣтелю вторженія Джингизъхановыхъ полчищъ въ Азербейджанъ, знаемъ это и по арабскимъ мемуарамъ Нисаія, который былъ секретаремъ послѣдняго харезмшаха Джеляледдина во время его борьбы съ вторгшимися разрушителями и не имѣлъ нужды льстить безчеловѣчнымъ завоевателямъ.

Между тѣмъ у персовъ-историковъ типа Джовейнія, Вессâфа и Решûдеддûна дается про монголовъ не столько исторія въ собственномъ смыслѣ, сколько льстивые - прельстивые панегирики. Авторы состоятъ на службѣ у потомковъ Джингизъ - хана, получаютъ отъ нихъ плату за свои писанія (завоевателямъ пришлись по вкусу хвалебныя повѣствованія объ ихъ побѣдахъ), а потому постыдно низкопоклонничаютъ передъ грубыми варварами, обѣляютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ ихъ звѣрства, и даже не краснѣютъ изображать этихъ безпощадныхъ культурогубителей [2]) якобы покровителями культуры.

Стиль ихъ «вассâфскихъ» исторій до такой степени цвѣтистъ, что С. де-Саси, проникнувшійся восточнымъ вкусомъ, считалъ этихъ историковъ - хвалителей болѣе талантливыми, чѣмъ Фирдовсія съ его незатѣйливой «Шâh-намé» [3]).

---

[1]) Собственноручная авторская рукопись „Меджмеʻ эль-энсâб“ хранится въ Петербургѣ (Азіат. Муз., d 566); срв. у В. Бартольда: „Туркестанъ“, 1900, стр. 47; у него же въ „Мірѣ ислама“, 1912, № 1, стр. 65-66, раньше—у В. Радлова (замѣтка К. Залеманна) въ „Das Kudatku-Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun“ (Спб., 1891, стр. XLIX). Рукопись Брит. Музея описана у Рьё въ каталогѣ перс. рукописей, т. I (1879), стр. 82-84, съ біографическими свѣдѣніями объ авторѣ

[2]) Газанъ-хана мы, конечно, исключимъ,—хотя, понятно, и его личная культурная роль безконечно преувеличена хвалителями-дѣеписателями, показанія которыхъ надо поэтому предварительно очищать отъ лживой, хвалебной шелухи.

[3]) Выписка изъ де-Саси полностью приведена у Dubeux: „La Perse“ (Пар., 1841), стр. 438.

б) Исторіографія эпохи Тимура и тимуридовъ.

Поддѣльныя „Записки Тимура".

Къ сожалѣнію, и вторая половина монгольскаго періода, т.-е. эпоха Тимура и тимуридовъ, дала персидскихъ историковъ все такого же типа, т.-е. восхвалителей, а не безпристрастныхъ дѣеписателей,—и въ то же время несомнѣнно интересныхъ.

Замѣтимъ, что заднимъ числомъ считается у персовъ историкомъ и самъ Желѣзный Хромецъ Тимуръ-ленгъ. Ему приписываютъ мемуары, или автобіографическія записки, которыя онъ якобы диктовалъ своему секретарю по-джагатайски («Малфӯзâт-и Tîмӯрî»), но которыя затерялись и лишь потомъ въ XVII уже вѣкѣ, т.-е. два столѣтія спустя, были нечаянно однимъ индійскимъ персомъ открыты въ Аравіи и тотчасъ, безъ опубликованія джагатайскаго текста, который и остался неизвѣстенъ, переведены имъ на персидскій языкъ. Дополненіе къ нимъ—«Установленія (или наставленія) Тимура» («Тӯзӯкâт-и Tîмӯрî) [1]. Подлинность этихъ столь подозрительно открытыхъ и почему-то опубликованныхъ лишь по-персидски [2]) мемуаровъ Тимура болѣе чѣмъ сомнительна [3]).

Повидимому, они просто почерпнуты изъ хвалебныхъ біографій Тимура XV в., главнымъ образомъ изъ Шерефеддиновой «Зефер-наме».

---

[1]) Въ печати появились сперва „Тузукâт"=„Установленія" (или „Наставленія"), изданныя Джозефомъ Уайтомъ, съ англ. переводомъ маіора Will. Davy: „Institutes, political and military, by the great Timour" (Оксф. 1783), съ чего былъ сдѣланъ франц. переводъ Langlès (Пар., 1787, со вступительной статьею); есть въ Лазаревскомъ Институтѣ рукопись „Тузукâт" въ спискѣ начала XIX в. (печ. кат. № 335). А изъ „Малфузат"=„Записокъ Тимура" значительная часть переведена была на англ. яз. маіоромъ Ч. Стьюартомъ (Лонд., 1830, въ серіи Orient. Transl. Fund) и Эллiотомъ въ III томѣ „History of India" (1871 ,стр. 394-477). Русскій переводъ Н. Лыкошина: „Автобіографія Тамерлана, род. въ 1333 (sic!), ум. въ 1405 г. переводъ съ тюркскаго" (Ташкентъ, 1894; 115 стр.; изд. Сыръ-Дарьинскаго статист. Комитета) сдѣланъ съ очень поздняго (1836-го года) тюркскаго перевода, который изготовленъ былъ съ персидскаго.

[2]) Малькомъ (1815) говоритъ: „Одинъ очень интеллигентный персъ, по имени Зейнель-Абидинъ, увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ списокъ Наставленій Тимура, на первоначальномъ ихъ тюркскомъ языкѣ, въ библіотекѣ одного персидскаго вельможи въ Хератѣ (см. Histoire de la Perse, т. II франц. перевода, стр. 198). Извѣстіе—слишкомъ неопредѣленное и нуждающееся въ провѣркѣ. Возможно, что это былъ какой-нибудь поздній тюркскій переводъ съ персидскаго.

[3]) Положимъ, на этотъ счетъ нѣтъ согласія въ наукѣ, даже въ XIX вѣкѣ. Такъ Эллiотъ въ III т. „History of India" (1871, стр. 389-391) упорно защищалъ „Записки Тимура" отъ обвиненія въ поддѣльности, но вскорѣ же Рьё въ описаніи перс. рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 177-178, выставилъ рядъ слишкомъ вѣскихъ сомнѣній. Съ нимъ согласенъ Эте въ „Grundriss'ѣ" (т. II, 1896, стр. 360),—и однако, въ этомъ же „Grundriss'ѣ" П. Хорнъ (т. II, 1900, стр. 577 и 579) считаетъ вопросъ далеко не выясненнымъ и лично склоняется, съ очевидностью, въ пользу признанія подлинности.

Тимуровы гиперболисты, или восхвалители: „Чудеса предопредѣленія“ араба ибнъ-Арабшаха 1389—1450; „Зефер-наме“, 1425.

Восхвалительныя біографіи побѣдоноснаго Желѣзнаго Хромца появлялись частію при его жизни (ум. 1405), но больше послѣ его смерти, ради услады его наслѣдниковъ-тимуридовъ.

Объ одной ранней „царственно-побѣдоносной“ біографіи Тимура („Зефер-нâмé-и шâhî“), составленной въ 1403 г Низамеддиномъ Дамасскимъ (Шâмî) за два года до Тимуровой смерти и сохранившейся въ персидскихъ рукописяхъ Брит. Музея, см. каталогъ Рьё, т. I (1879), стр. 170, и Blochet: „Introduction“, 1910, стр. 81. Эта ранняя „Зефер-нâмé“ достаточно извѣстна; изъ нея черпали въ XV вѣкѣ Хафиз-и Эбру, Шерефеддинъ, даже подъ конецъ вѣка Абдеррезакъ.

Въ „Туркестанѣ“ В. Бартольда (1900, стр. 54, сноска 4), см. о ташкентской рукописи еще болѣе ранней исторіи Тимура, которую зналъ и Низамеддинъ Дамасскій.

Ниже, касаясь состава Шерефеддиновой „Зефер-нâмé“, мы встрѣтимъ указанія на цѣлый рядъ прижизненныхъ записей о Тимурѣ.

Хорнъ въ своемъ изданіи словаря Эседи (1897, отт. изъ гёттингенскихъ „Abhandlungen“. см. стр. 30, примѣч. 2) указалъ, что, памятное по пирамидамъ изъ 70.000 головъ, взятіе Тимуромъ Испаhана въ 1387 г. послужило тогда же предметомъ особаго сочиненія: „Книга подвиговъ Тимура при покореніи Испаhана“ = „Тîмур-нâмé дер фетh-и Исфâhâн“ ибнъ-Моина Эберкуhскаго (Про ибнъ-Моина, безъ указанія на его „Тîмур-нâмé“, см. у В. Бартольда въ „Туркестанѣ“, 1900, стр. 55-56).

Изъ посмертныхъ гиперболическихъ, если не панегирическихъ исторій, писанныхъ по-арабски, очень извѣстны «Чудеса предопредѣленія» араба-сирійца ибнъ-Арабшâhа (1389-1450), который ребенкомъ былъ уведенъ изъ Дамаска въ самаркандскій плѣнъ Тимуромъ (1401); тамъ онъ выучился персидскому языку,—значитъ, могъ свободно пользоваться персидскими источниками, и, вернувшись, проживалъ у османскихъ владѣтелей, помнившихъ причиненное Тимуромъ зло. Сочинительствовалъ ибнъ-Арабшаhъ послѣ смерти воителя [1]). Слогъ ибнъ-Арабшаhа напыщенъ, онъ подвиги Тимура рисуетъ въ преувеличенномъ видѣ, но все-же онъ не любитъ Тимура, разорителя и его родины и османовъ, и оттого можетъ служить противовѣсомъ къ персидскимъ историкамъ. На языкѣ же персидскомъ изъ посмертныхъ хвалебныхъ историковъ Желѣзнаго Хромца извѣстнѣе всѣхъ довольно близкій къ нему по времени персъ Шерефеддинъ Алій Йездскій, авторъ цвѣтистой-прецвѣтистой «Побѣдоносной исторіи Тимура»=«Зефер-нâмé» (оконч. 1425), которая вытѣснила всѣ предыдущія «Зефер-нâмé» такого же рода.

О Шерефеддинѣ Аліѣ Йездскомъ и его „Зефер-наме“ см.:
1) У Рьё въ опис. персид. рукоп. Брит. Музея, т. I (1879), стр. 173-177;
2) Ethé въ „Grundriss der iran. Philol.“, т. II (1896), стр. 359-360;

[1]) Про ибнъ-'Арабшâhа (скудно), про изданія и переводы его „'Аджâиб аль-маqдур“, см. К. Броккельманъ: „Gesch. der arab. Litter.“, т. II (1902), стр. 28-30. Европа познакомилась съ трудомъ ибнъ-Арабшаhа въ XVII в. (изд. Голіусъ, 1636; фр. перев. Ваттье, 1658; лат. перев. Мангера, 1767-1772).

3) В. Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 54-55;

4) E. Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols“ (1910), стр. 81, 85 и 109 (срв. В. Бартольда въ „Мірѣ ислама“, 1912, № 1, стр. 66-67).

Кромѣ того, срв. устарѣвшія введенія и примѣчанія къ различнымъ изданіямъ и переводамъ отрывковъ изъ „Зефер-наме“, указываемымъ ниже, на стр. 55.

Кажется, не надо бы и добавлять, что съ Шерефеддиномъ XV вѣка не долженъ быть смѣшиваемъ Шерефъ (или Шерефъ-ханъ), который род. въ 1542 г., а къ 1597 году написалъ очень цѣнную „Исторію Курдовъ“ = „Шерефнâмè“, изданную Вельяминовымъ-Зерновымъ (2 тт., Спб. 1860-1862) и переведенную на французскій языкъ Шармуа (Спб. 1868-1875); о немъ см. у Рьё I, стр. 208-210.

Авторъ тимуровской «Зефер-наме» Шерефеддинъ Алій (ум. 1454) пользовался расположеніемъ Тимурова сына-наслѣдника Шаһроха (1405-1447), у котораго обычной резиденціей былъ Хератъ, и пользовался онъ еще бо̀льшимъ расположеніемъ одного изъ Шаһроховичей—Ибраһима Султана, который правилъ въ Ширазѣ; по ихъ порученію, главнымъ образомъ Ибраһима-Султана Ширазскаго, Шерефеддинъ Алій и взялся за свой трудъ и работалъ въ Ширазѣ лѣтъ 15-20 спустя послѣ кончины Желѣзнаго Хромца.

Исторіи самого Тимура предпослана Шерефеддиномъ, въ видѣ вступленія, краткая общая исторія монголовъ (по Джовейнію, Вессафу, Решидеддину, или, вѣрнѣе, по одному Решидеддину).

Источникомъ же для «Книги побѣдъ» въ собственномъ смыслѣ, т.-е. для побѣдоносной исторіи самого Тимура, образецъ которой уже имѣлся на-лицо въ видѣ «Книги побѣдъ» Низамеддина Дамасскаго 1403 г., одобренной самимъ Тимуромъ, послужили Шерефеддину вообще всѣ тѣ персидскія и тюркскія (уйгурскія) записи, которыя дѣлались придворными Тимуровыми лѣтописцами по приказу самого же Тимура и съ его контролемъ. Шерефеддинъ получилъ ихъ въ свое распоряженіе не прямо. Отъ двора Шаһроха воспослѣдовалъ высочайшій указъ по государству, чтобы имѣвшіяся копіи всѣхъ этихъ записей о Тимурѣ были присланы въ распоряженіе Ибраһима-султана; Ибраһимъ съ участіемъ старожиловъ и съ механическою помощью переписчиковъ свелъ собранныя записи воедино и отдалъ для литературной отдѣлки Шерефеддину Йездскому. Задача того сводилась къ превращенію даннаго матеріала въ высокохудожественную повѣсть, т.-е архинапыщенную и пересыпанную стихами, на персидскомъ и арабскомъ языкахъ.

Цвѣтистость изложенія «Книги побѣдъ Тимура» оказалась настолько ярка, что лѣтъ пятьдесятъ спустя племянникъ извѣстнаго поэта Джамія и самъ поэтъ Хâтифій счелъ удобнымъ, для довершенія художественной эпичности творенія Шерефеддина, переложить его въ героическіе стихи подъ заглавіемъ «Тîмӯр-нâмè» въ видѣ параллели къ книгамъ о подвигахъ Александра Македонскаго; а двѣсти лѣтъ спустя одинъ индійскій императоръ (Джеһâнгӣръ сынъ Акбара Великаго въ 1615 г.) съ цѣлью привести Шерефеддинову «Книгу побѣдъ Тимура» въ удобовразумительный, удобочитаемый видъ, велѣлъ изложить ее простымъ стилемъ, общепонятнымъ для всякаго смертнаго, безъ «ʻибâрâт-и мошшîйâне».

Издана „Зефер-вамé“ въ серіи „Bibliotheca Indica“ (Кальк. 1885-1888), но въ печатномъ изданіи нѣтъ введенія, извѣстнаго лишь въ рукописяхъ.

Опущено введеніе и въ старинномъ изящномъ (но не всегда вѣрномъ) французскомъ переводѣ Petis de la Croix: „Histoire de Timur Bec“ (Пар. 1722, посмертно, 4 маленькихъ томика), который тотчасъ же былъ въ свою очередь переведенъ на англійскій языкъ J. Darby (Лонд. 1723); есть и итальянскій переводъ Брадутти Переводъ Пети-де-ля-Кроа послужилъ Гиббону главнымъ источникомъ для его извѣстной характеристики Тимура.

Большой отрывокъ о походѣ Тимура 1391 г. на Золотую Орду изданъ по-персидски съ франц. переводомъ у Шармуа въ „Expédition de Timoûr-i Lènk contre Toqtamiche въ академическихъ петерб. „Mémoires“ 1835 (сер. 6, т. III, стр. 172-243 перс., стр. 362-419 франц.). По-русски „Тамерланъ и Тохтамышъ“ въ Тамбов. Губ. Вѣд. 1855 (№№ 9, 25, 28-30, 34-39, 41, 42, 52, 53) и 1856 (№№ 1, 9, 11, 17-21, 29-31).

Тоже порядочный отрывокъ о походѣ Тимура на Индію переведенъ по-англійски у H. Elliot: History of India, т. III (1871), стр. 479-522.

Шерефеддинъ Йездскій былъ далеко не единственнымъ историкомъ при Һератскомъ дворѣ Шаһроха, да и жилъ онъ далеко не всегда въ Хератѣ; тамъ подвизались другіе. Миролюбивый государь, Шаһрохъ (1405-1447) въ исторіи развитія персидской литературы занимаетъ не послѣднее мѣсто. Если его отецъ, грозный варваръ Тимуръ, успѣвшій накопить въ Самаркандѣ и Бохарѣ неслыханныя богатства, созидалъ великолѣпныя, роскошныя постройки, то сынъ Шаһрохъ не только роскошныя зданія строилъ или города возстанавливалъ (напр., тотъ же Хератъ, свою столицу), но и литературѣ давалъ вообще большое, широкое поощреніе, а исторіографіи въ частности. Двое изъ Шаһроховыхъ историковъ, сверхъ автора „Зефер-намé“, заслуживаютъ особаго вниманія: старшій, видѣвшій Тимура, Хафиз-и Эбру (ум. 1431) и младшій, на 50 лѣтъ пережившій Хафиза-Эбру и на 30 лѣтъ пережившій Шаһроха — Абдерреззакъ Самаркандскій (род 1413, ум. 1482).

Хафиз-и Эбру.

Ходжа Нуреддинъ Абдаллаһъ-Хератецъ („аль-Һеревій“), съ прозвищемъ Хâфѝз-и Эбрў (ум. 1431) [1]), бывшій современникомъ и приближеннымъ очевидцемъ еще Тимура (ум. 1405), не только Шаһроха (1405-1447), извѣстенъ на востокѣ гораздо менѣе, чѣмъ того заслуживаетъ. Абдерреззакъ, который изъ историческаго труда покойнаго Хафиза-Эбру много взялъ, съумѣлъ своей обработкою вытѣснить его у потомства. Поэтому рукописей Хафиза-Эбру сохранилось мало, и онъ не изданъ.

О Хафизѣ-Эбру см.

1) у Elliot'a: History of India, т. IV (1872), стр. 1-4, устарѣло, но полезно перечнемъ мелкой прежней библіографіи;

2) Rieu въ опис. перс. рукоп. Брит. Музея, т. I (1879), стр. 421-424; Supplement (1895), стр. 16 и слѣд.

3) бар. Розенъ въ опис. перс. рукоп. петерб. Азіат. Департ.: „Collections scientifiques“, т. III (Спб. 1886), стр. 52-111. Статья вызвана спискомъ Решидеддинова „Собранія лѣтописей“, ложно помѣченнымъ какъ „Сливки лѣтописей“ Хафиза-Эбру.

---

[1]) Для удобнаго склоненія (косвенныхъ падежей) по русски можемъ произносить его имя и какъ „Хафизъ-Эбру“, безъ т.-н „изафета“.

4) В. Бартольдъ: „Хафиз-и Абру и его сочиненія"—въ юбилейномъ сборникѣ бар. Розена: „аль-Мозаффиріййе (Спб. 1897), стр. 1-28, дополненіемъ къ чему служитъ его же описаніе полной константинопольской рукописи 1-й редакціи лѣтописнаго свода Хафиза — въ XVIII томѣ „Записокъ Восточн. Отдѣленія" (1908), стр. 0138-0144.

5) Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols" (1910), стр. 58-67, 70-72, 156-157; къ построеніямъ Блоше срв. рецензію В. Бартольда въ „Мірѣ ислама" I (1912), № 1, стр. 63.

Долженъ оговориться, что вопросъ о взаимоотношеніи т.-н. 1-й и 2-й редакцій Хафизовыхъ „Сливокъ лѣтописей" и о ихъ составѣ остается очень запутаннымъ, и послѣ прочтенія вышеназванныхъ европейскихъ работъ цѣлый рядъ пунктовъ остается совершенно неяснымъ. Повидимому, лишь тогда, когда будутъ изданы въ свѣтъ и 1-я и 2-я редакціи, явится возможность сознательно разобраться въ спорныхъ пунктахъ. Я далеко не увѣренъ, надлежащимъ ли образомъ формулирую я то, что вытекаетъ изъ вышеотмѣченныхъ работъ описателей рукописей Хафиза-Эбру.

Хафиз-и Эбру былъ, какъ писатель, не только историкомъ.

Сперва, по порученію (1414) Шаһроха, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ скомпилировалъ общую географію на манеръ „Услады сердецъ" Хемделлаха Казвинскаго (XIV в.) [1]. Въ сочиненіи этомъ есть и обильные чисто-историческіе экскурсы, иногда даже по общей исторіи халифата, но главнымъ образомъ по исторіи восточнаго Ирана.

Послѣ того, по порученію Шаһроха и его сына Байсонгора (автора извѣстнаго предисловія къ Фирдовсіевой „Шаһ-наме") [2], Хафиз-и Эбру взялся составить общеисторическій сводъ: „(Байсонгоровскія) Сливки лѣтописей"=„Зобдет эт-теваріх (-и-Байсонгорі)", въ которомъ содержалась бы исторія отъ доисламскихъ временъ до современной ему эпохи государя-Шаһроха. Иначе сказать, тимуриды Шаһрохъ и Байсонгоръ дали Хафизу-Эбру исторіографическое порученіе такого же династическаго характера, какое һулагидъ Газанъ давалъ свыше ста лѣтъ назадъ везирю Решидеддину. Вполнѣ завершить эту задачу помѣшала Хафизу-Эбру смерть. Онъ умеръ въ 1431 г., а лѣтопись царствованія Шаһроха доведена имъ была только до 1426-1427 года. Всѣхъ же томовъ въ „Сливкахъ лѣтописей" вышло четыре, изъ которыхъ 3-й томъ, т.-е.

---

[1]) Географическая компиляція Хафиза-Эбру описана у Эллiота въ History of India IV, 3-5, и переведенъ изъ нея отрывокъ о рѣкахъ Индіи и приложенное къ ней же оглавленіе т. н. 1-ой редакціи историческаго труда Хафиза-Эбру, но по недоразумѣнію Элліотъ самую географію счелъ за историческій трудъ Хафиза-Эбру. (См. Барт. въ „Мозафф." 3; „Зап. В. О." XVIII, 0138). У Rieu I, 421-424 подробный обзоръ ея содержанія. В. Бартольдъ въ „аль-Мозаффиріййе" (стр. 4-24) издалъ съ русскимъ переводомъ обширныя выписки о Средней Азіи, напр., свѣдѣнія о Самаркандѣ въ XV вѣкѣ; а въ I части „Туркестана" (Спб. 1899, стр. 157-158 онъ помѣстилъ, только по-персидски, отрывокъ о садѣ Махмуда Газневидскаго въ Бельхѣ, почерпнутый Хафизомъ-Эбру изъ той части записокъ газневидца-Бейһекыя XI в., которая не дошла до насъ (изъ петербург. рукописи Публ. Библ., на которую обратилъ вниманіе бар. Розенъ въ „Collections scientifiques" III, 1886, 111).

[2]) Объ этомъ Байсонгоровомъ предисловіи къ „Шаһ-наме", съ баснословной біографіей Фирдовсія, см. у насъ въ I томѣ „Исторіи Персіи и ея литературы" въ началѣ статьи о Фирдовсіѣ.

исторія монголовъ отъ Джингизъ-хана до Тимура, до-сихъ поръ еще не найденъ европейскими собирателями рукописей. Имѣется, пожалуй, подготовительный общеисторическій сводъ, начинающійся искони и доведенный до 1417 года; его можно назвать предварительной обработкой, или, такъ сказать, черновою или 1-ю редакціей „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру. Эта предварительная историческая компиляція, или 1-я черновая редакція, сохранилась въ рукописи полной [1]); да только, вся эта 1-я редакція гораздо менѣе подробна и менѣе обработана, чѣмъ 2-я редакція, которая одна лишь собственно и заслуживаетъ названія „Сливокъ лѣтописей“.

По желанію Шаһроха, Хафиз-и Эбру кромѣ того ок. 1425 г. проредактировалъ (да очень возможно, что редакторски и дополнялъ [2]) призабытое и хранившееся въ разброску у отдѣльныхъ лицъ старое „Собраніе лѣтописей“ везиря Решидеддина (ум. 1318). Это Решидеддиново „Собраніе лѣтописей“, хронологически доведенное, какъ извѣстно, лишь до смерти Газана (1295-1304), было Хафизомъ-Эбру не только редактировано, но послужило и для личной компиляціи самого Хафиза-Эбру однимъ изъ важныхъ пособій. Въ 1-ю или предварительную редакцію Хафизовой компиляціи Решидеддинъ, для событій X—XIV в., былъ у Хафиза-Эбру внесенъ путемъ буквальной переписки; во 2-й или чистовой редакціи Хафизовыхъ „Сливокъ лѣтописей“ Решидеддинъ передѣлывался, пополнялся, расширялся. При этомъ однако, если мы придадимъ значеніе нѣкоторымъ фактамъ въ родѣ напр. того, что Хафиз-и Эбру далъ своему своду заглавіе „Сливки лѣтописей“, то посмѣемъ полагать, что онъ пользовался еще и главнымъ сотрудникомъ Решидеддина Абдалаһомъ Кашанскимъ, котораго везирь Решидеддинъ (по словамъ ʿАбдаллаһа) обворовалъ [3]), и общеисторическое сочиненіе котораго озаглавлено было тоже „Сливки лѣтописей“, какъ и сводъ у Хафиза-Эбру [4]). Въ особенности же можно съ большою вѣроятностью полагать, что Хафиз-и Эбру пользовался помимо „Сливокъ лѣтописей“ Абдаллаһа Кашанскаго еще другимъ его трудомъ—для событій, отсутствующихъ у Решидеддина, а именно „Исторіей Олчжейту“ (1304-1316) [5]). О степени предполагаемой зависимости Хафиза-Эбру отъ Абдаллаһа Кашанскаго, впрочемъ, сей-

---

[1]) Описаніе полной константинопольской рукописи 1-й редакціи далъ, какъ отмѣчено нами на стр. 56, В. Бартольдъ въ „Зап. Вост. Отд.“ XVIII (1908), стр. 0138 0144 Составъ ея мы укажемъ ниже, на стр. 58.

[2]) По крайней мѣрѣ, самъ Хафиз-и Эбру говоритъ о своей работѣ въ такомъ направленіи. См. выписку и истолкованіе у бар. Розена въ описаніи рукописей Азіатскаго Департамента (Collections scientifiques, т. III), 1886, стр. 59-70.

[3]) См. у насъ выше, стр. 46-47.

[4]) Именно, таковъ выводъ Блоше въ его „Introduction à l'histoire des Mongols“ (1910), стр. 156: — „Зобдет эт-теварîх Хафиза-Эбру (А. Кр.: т.-е. чистовая или 2-я редакція историческаго свода) есть, повидимому, литературная передѣлка довольно тусклаго текста „Зобдет эт-теварîх“ Абдаллаһа Кашанскаго,—передѣлка, въ которую авторъ (=Хафиз-и Эбру), слѣдуя вкусу своего времени, сдѣлалъ многочисленныя стихотворныя вставки, ровно ничего не прибавившія къ исторической цѣнности этого труда, да мало впрочемъ прибавившія и въ смыслѣ цѣнности литературной“.

[5]) См. у Блоше: „Introduction“, стр. 113, и срв. еще стр. 72. Объ „Исторіи Олчжейту“ Абдаллаһа Кашанскаго см. у насъ стр. 46.

часъ говорить съ увѣренностью не легко, потому что матеріалъ для сужденій недостаточенъ. Изъ большого четырехтомнаго Хафизова свода 2-й или чистовой редакціи „Сливокъ лѣтописей"—до насъ не дошелъ, ужъ мы отмѣчали это, какъ-разъ III-ій томъ, гдѣ есть отдѣлъ объ исторіи монголовъ отъ временъ Джингизъ-хана до Тимура; мы изъ III тома чистовыхъ Хафизовыхъ „Сливокъ лѣтописей" имѣемъ въ европейскихъ книгохранилищахъ, кажется, только оглавленіе [1]). Что же касается предварительной компиляціи, иначе 1-й редакціи Хафизова свода, рукописно дошедшей до насъ въ полномъ своемъ видѣ, то, не говоря уже о томъ, что 1-я редакція вообще существенно отличается отъ 2-й и не можетъ служить надежнымъ матеріаломъ для сужденія о 2-й, мы даже не имѣемъ такого обстоятельнаго описанія какой-либо сохранившейся рукописи 1-ой редакціи, которое вполнѣ пригодно было бы для цѣлей сличенія.

Составъ предварительной компиляціи,—иначе 1-й редакціи историческаго свода Хафиза-Эбру, какъ это видно изъ описанія, даннаго В. Бартольдомъ для полной константинопольской рукописи этой редакціи,—представляетъ собою слѣдующую сводку: а) буквальное воспроизведеніе персидской версіи всеобщей исторіи Табарія, доходящей до событій 295 = 907 г.;—б) буквальное воспроизведеніе Решидеддинова „Свода лѣтописей", начиная съ 205 = 907 года, съ добавкою „продолженія" (= зейль)—касательно событій XIV в. до выступленія Тимура;—в) буквальное воспроизведеніе „Побѣдоносной исторіи Тимура" Низаммеддина Дамасскаго [2])—съ добавленіемъ отъ самого Хафиза о современныхъ ему событіяхъ 1404-1417 г., т.-е. о первой трети Шаһроховской эпохи. Нельзя съ увѣренностью утверждать, что эта, такъ сказать, 1-я редакція уже была озаглавлена „Сливки лѣтописей"; кажется, она безымянно называлась „джем'э", т.-е. „сводка", „сборникъ".

Что касается 2-й редакціи, т.-е. четырехтомнаго Хафизова свода, озаглавленнаго „Сливки лѣтописей", то изъ четырехъ томовъ этой чистовой редакціи полностью и съ несомнѣнной подлинностью сохранились только первые два: т. *I*—исторія домусульманская, съ сасанидами; т. *II*—исторія Мохаммеда и халифата до взятія Багдада монголами и конца династіи ʽАббасидовъ. Являясь совсѣмъ поздней компиляціей стариннаго матеріала, эти первые два Хафизовыхъ тома представляютъ для насъ, конечно, поменьше цѣнности: не первоисточникъ же это,—хотя впрочемъ и въ нихъ попадаются цѣнныя выдержки изъ книгъ, считающихся утерянными. Составъ же *III* и *IV* тт. чистовой редакціи „Сливокъ лѣтописей" виденъ намъ изъ дошедшаго оглавленія. Въ *III* томѣ содержалась исторія домонгольскихъ удѣльныхъ династій, на какія распался халифатъ, преимущественно династій восточно-иранскихъ (саманидовъ и т. д. вплоть до атабековъ сельджукскихъ), и исторія монголовъ до выступленія Тимура; а *IV* томъ былъ посвященъ эпохѣ Желѣзнаго Хромца Тимура и двадцати годамъ его сына Шаһроха, августѣйшаго покровителя Хафиза-Эбру [3]). Хотя и III томъ, подобно двумъ предыдущимъ,

[1]) По нѣкоторымъ случайнымъ указаніямъ, можно догадываться, что этотъ III томъ имѣется въ шахской теһранской библіотекѣ и, значитъ, еще не пропалъ для науки. Б. м., исторію Олджейту въ немъ еще удастся сравнить съ трудомъ Абдаллаһа.

[2]) Шерефеддиновой исторіи Тимура еще тогда не было, когда Хафиз-и Эбру составлялъ свою первую компиляцію.

[3]) См. объ этомъ у В. Бартольда въ „аль-Мозаффирійе" 1897, стр. 25. Но въ статьѣ бар. Розена въ „Collections scientifiques" III (1886, стр. 96, сноска) какъ-будто

былъ у Хафиза Эбру лишь компилятивнымъ, все-же онъ былъ бы для насъ поинтереснѣе первыхъ двухъ, потому-что въ болѣе близкой и болѣе родной эпохѣ Хафизъ-Эбру разбираться могъ сознательнѣе, даже оставаясь несовременникомъ и компиляторомъ. Главную однако, неоспоримую цѣнность чистовой редакціи „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру, разумѣется, представлялъ томъ IV-й, именно изложеніе эпохи Тимура и двадцати лѣтъ Шаһроха,—государей, которыхъ Хафиз-и Эбру зналъ лично; въ этомъ томѣ „Сливки лѣтописей“ Хафиза-Эбру оказывались драгоцѣннымъ первоисточникомъ.

Совершенно ли утеряны III и IV тт. Хафиза-Эбру?

Повидимому, нѣтъ. Быть можетъ, окажется, что сохранился большой отрывокъ изъ исторіи послѣднихъ монголовъ-һулагидовъ Персіи: Олцзайту (1304-1316) и Абу-Саида (1316-1335) [1]), и уже выяснено, что самая цѣнная часть IV тома, т.-е. начальная исторія Шаһроха, покровительствовавшаго Хафизу-Эбру, сохранилась даже въ неприкосновенной редакціи самого Хафиза-Эбру, именно въ анонимной рукописи Бодлеевской (оксфордской) библіотеки [2]).

Такимъ образомъ, IV томъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру, къ счастію, не затерялся въ самой лучшей, въ самой цѣнной своей части и ждетъ лишь издателя. Впрочемъ, давно уже (прежде чѣмъ выяснилось существованіе безымянной, единичной оксфордской рукописи куска этого IV тома чистовыхъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру), IV томъ,—точнѣе сказать, исторія Тимура (ея въ оксфордскомъ манускриптѣ даже нѣтъ) и первыхъ двадцати лѣтъ Шаһроха,—никакъ не могъ бы считаться утеряннымъ для науки безслѣдно Напротивъ, Хафизова исторія Тимура и начальная исторія Шаһроха чистовой редакціи извѣстны давно уже, въ общедоступномъ видѣ. Мы отчасти ужъ имѣли случай заранѣе сообщить, что, полстолѣтія спустя, эта часть Хафизова свода включена вѣдь была въ новую историческую книгу: „Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ һератца Абдерреззака Самаркандскаго. Абдеррезакъ вполнѣ точно указываетъ, что предлагаемыя свѣдѣнія (до 1426-1427 г.) почерпнуты имъ изъ Хафиза-Эбру. Апріорно можно было предполагать, что почерп-

---

принимается другое распредѣленіе матеріала III и IV томовъ. Бар. Розенъ какъ-будто исключаетъ монгольскую до-Тимуровскую исторію изъ состава III тома „Сливокъ лѣтописей“ и переноситъ ее, повидимому, въ составъ IV тома. Если такъ, то III томъ былъ исторіей домонгольской, а IV-й - исторіей монгольской отъ Джингизъ-хана до Тимуридовъ.

[1]) Блоше, издатель „Газановской лѣтописи“ везиря Решидеддина, собирается издать и анонимную прибавку къ ней, повѣствующую о послѣднихъ этихъ һулагидахъ Олцзайту и Абу-Саидѣ, и въ своей „Introduction“ (1910, стр. 70-72) онъ склоняется къ догадкѣ, что эта прибавка взята, пожалуй, изъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза Эбру (значитъ, изъ 2-й, чистовой редакціи?). Впрочемъ, свою мысль Блоше формулируетъ крайне сбивчиво и тутъ же полагаетъ, что еще скорѣе эта прибавка могла быть взята изъ Шерефеддина Йездскаго, автора „Книги Тимуровыхъ побѣдъ“. Пока не будетъ издано это прибавленіе къ Решидеддину (и пока не будетъ издана также предварительная или 1-я компиляція Хафиза-Эбру, которую Блоше чуть ли не смѣшиваетъ со 2-ю редакціей или собственно „Сливками лѣтописей“), мы не можемъ высказаться ни за, ни противъ догадки Блоше.

[2]) См. о ней Эте, въ описаніи Бодлеевскаго книгохранилища (1899), стр. 90; отождествленіе съ Хафизомъ-Эбру провелъ В. Бартольдъ въ „эль-Мозаффиріййе“ (1897), стр. 25.

нуты они были по восточному обычаю—буквально, цѣликомъ, т.-е. просто переписаны изъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру. Теперь, послѣ открытія оксфордской рукописи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

„Метле́и се́дейн“ Абдерреззака Самаркандскаго.

Кямâледдӣнъ ʿАбдерреззâq̇ъ Самарqандскій, һератецъ (род. 1413, ум. 1482), былъ, какъ мы ужъ указывали, гораздо моложе своего современника Хафиза-Эбру. Тотъ, старикъ, далеко не дожилъ до конца царствованія Шаһроха (1405—1447), а молодой Абдерреззакъ даже выдвинулся впервые только послѣ смерти Хâфиза-Эбру, и послѣ того жилъ полстолѣтія, историкомъ же сталъ лишь на закатѣ жизни.

Отецъ Абдерреззака былъ въ Хератѣ кадыемъ. Сынъ приблизился къ Шаһроху ужъ послѣ смерти своего отца (какъ и послѣ смерти Хафиза-Эбру), поднесши шаху филологическое арабское сочиненіе. Было Абдерреззаку въ это время 25 лѣтъ (1437). Онъ былъ зачисленъ на службу къ Шâһроху въ качествѣ его дипломатическаго агента и посланника къ другимъ государямъ; между прочимъ былъ онъ отправленъ въ Индію (1441), гдѣ и провелъ три года; отчетъ объ этомъ пребываніи онъ очень интересно записалъ. Онъ пережилъ своего государя Шаһроха (ум. 1447), служилъ его сыновьямъ и близко наблюдалъ событія послѣдующей четверти столѣтія, пользуясь тимуридскимъ расположеніемъ, въ томъ числѣ расположеніемъ новаго һератскаго государя-тимурида Абу-Сайда (1452—1469). На дипломатической службѣ Абдерреззакъ до конца жизни не остался; онъ, достигши пятидесятилѣтняго возраста, обратился въ дервиша и (1463) поселился въ т. н. ученой „Шаһроховой обители (хâнqâһ)“ въ Хератѣ [1]), гдѣ и закончилъ въ 875=1470 году свой историческій двухтомный трудъ: „Метле́и се́дейн ве меджме́и беһрейн“ [2])=„Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ и сліяніе двухъ морей“. Въ 1475 году онъ его нѣсколько пополнилъ, при султанѣ Хосейнѣ-Бейкарѣ́ Хератскомъ (1469—1506). Черезъ семь лѣтъ умеръ.

Неоспоримая историографическая тенденція въ трудѣ Абдерреззака—та же, что была у Хафиза-Эбру: органически связать исторію новыхъ „монголовъ“, тимуридовъ съ старой монгольской исторіей потомковъ Джингизъ-хана һулагидовъ, въ качествѣ общединастическаго, родственно-преемственнаго цѣлаго. Отличіе же пріемовъ заключается въ томъ, что Хафиз-и Эбру подступалъ къ исторіи новаго „монгола“-Тимура издали, отъ незапамятныхъ временъ мірозданія, а Абдерреззакъ прямо начинаетъ повѣсть съ рожденія (1304) послѣдняго дѣйствительнаго государя-һулаһида Абу-Саида (1316—1335), въ годъ смерти котораго родился Тимуръ, „всего лишь съ нѣсколькими днями разницы между смертью

[1]) По поводу этой „Шаһроховой обители“ и медресе при ней см. у самого Абдерреззака среди событій 813=1410 г. (л. 45 по рукописи Лазаревскаго Института)

[2]) Или на чисто арабскій ладъ: „Матла́ ас-са́дейн ва маджма́ аль-бахрейн., или „Метле́ эс-се́дейн“ на арабско-персидскій ладъ.

одного и рожденіемъ другого“, по увѣренію Абдерреззака [1]). Къ исторіи этого послѣдняго потомка Джингизъ-хана Абдерреззакъ и пристегиваетъ, преемственно, исторію Тимура и Шаһроха, и вообще тимуридовъ, вплоть до водворенія современнаго Абдерреззаковой книгѣ султана Хосейна-Бейкары Хератскаго. Но о Хосейнѣ-Бейкарѣ говорится мало. Собственно послѣдній тимуридскій государь, полнымъ повѣствованіемъ про котораго Абдерреззакъ ужъ и заканчиваетъ свою исторію, есть предшествовавшій Хосейну-Бейкарѣ Хератскій тимуридъ Абу-Саидъ (1452—1469). Конечное царское имя Абдерреззаковой книги „Абу-Саидъ“ (тимуридское) совпадаетъ съ начальнымъ царскимъ именемъ книги, тоже „Абу-Саидомъ“ (һулагидскимъ),—и вполнѣ возможно, что выраженіе заглавія „Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ (=Метле́и се́дейн) содержитъ въ себѣ намекъ на имена обоихъ Абу-Сайдовъ («са́йд» значитъ „счастливый“): намекъ на того Абу-Сайда, которымъ начинается книга, и на того Абу-Сайда, которымъ книга кончается, а выраженіе: „Сліяніе двухъ морей“, быть-можетъ, должно подчеркивать мысль автора, что съ исторіей дома Джингизъ-хана вполнѣ сливается исторія дома Тимура. Такое соображеніе выставлено было давно [2]) Мнѣ кажется однако, что разсмотрѣніе состава книги Абдерреззака даетъ намъ право и на иное толкованіе. Трудъ Абдерреззака дѣлится на два тома. Первый томъ (XIV вѣкъ), хоть начинается съ послѣдняго һулагида Абу-Саида (азербейджанскаго), но въ сущности весь посвященъ одному лишь Тимуру. Паденіе һулагидской династіи въ лицѣ Абу-Саида (исторически правильнѣе—въ лицѣ эфемерныхъ, жалкихъ его преемниковъ) и борьба удѣльной династіи монгольскихъ воеводъ-Джелаиридовъ сѣв. Ирана съ удѣльными персами-Мозафферидами юж. Ирана—служатъ лишь фономъ, на которомъ понемногу вырисовывается картина блестящихъ подвиговъ новаго восходящаго свѣтила, Желѣзнаго Хромца-Тимура, и эта картина захватываетъ вскорѣ все изложеніе; кончиною Тимура до восшествія Шаһроха и завершается I томъ. Второй томъ (=XV вѣкъ) хоть хронологически обнимаетъ эпоху не только Шаһроха (1405—1447), но и сыновей его, вплоть до окончанія царствованія двоюроднаго его внука Абу-Саида (Хератскаго) и до водворенія въ Хератѣ султана Хосейна-Бейкары (1470), въ количественномъ отношеніи все-таки посвященъ преимущественно одному лишь Шаһроху, великому, блестящему Шаһроху. Не Тимуръ ли съ Шаһрохомъ и оказываются тѣми „счастливыми свѣтилами“, исторію „восхожденія“ которыхъ излагаеть Абдерреззакъ въ двухъ томахъ своего „Восхожденія двухъ счастливыхъ свѣтилъ“? Не они ли, Тимуръ и Шаһрохъ, двое великихъ государей, были тѣми „морями“ величія, послѣдовательное царствованіе которыхъ могло дать матеріалъ для двухтомной повѣсти о „сліяніи двухъ морей“?

По своему научному значенію оба тома Абдерреззакова „Восхожденія двухъ свѣтилъ“ не равноцѣнны. Первый томъ (XIV вѣкъ, эпоха Тимура) не есть оригинальное сочиненіе Абдерреззака. Онъ основанъ на „Сливкахъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру; и если европейская наука всегда очень дорожила первымъ томомъ Абдерреззакова труда, то это лишь потому, что соотвѣтствующая часть по-

[1]) Срв. у насъ въ „Исторіи Персіи“ ч. III, стр. 17.

[2]) Срв. Шармуа о походѣ Тимура на Тохтамыша, 1835, стр. 94.

длиннаго Хафиза-Эбру была затеряна, или считалась затерянною. За-то второй томъ (XV вѣкъ, эпоха Шаһроха и Абу-Саида Хератскаго, до водворенія Хосейна-Бейкары, 1470) всегда сохранитъ огромную важность первоисточника. Эксцерпторомъ (изъ Хафиза-Эбру) Абдерреззакъ здѣсь является только въ началѣ тома, до 1426—1427 года, для первыхъ 20 лѣтъ царствованія Шаһроха, а далѣе онъ обширно повѣствуетъ о Шаһрохѣ, да и объ его дѣтяхъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ, какъ очевидецъ-свидѣтель, какъ бывшій дипломатъ-участникъ событій. Отличительная черта, за которую европейская наука всегда ставила шейха-Абдерреззака очень высоко, это—его объективность. Можно упрекнуть его въ томъ, что онъ очень не точенъ въ датахъ, но нельзя назвать его „Восхожденія двухъ свѣтилъ“ панегирикомъ. По оцѣнкѣ новѣйшаго изслѣдователя монгольскаго періода, Э. Блоше, шейхъ Абдерреззакъ „оказался настолько безпристрастенъ, насколько можетъ быть безпристрастнымъ историкъ, осужденный писать въ такихъ условіяхъ, какъ онъ“ (т.-е. при покровительствѣ царствующихъ государей [1]).

Главная литература про Абдерреззака:

а) устарѣла замѣтка Шармуа въ не разъ упомянутой „Expédition de Timour-i Lènk contre Toqtamiche“ (академ. петерб. Mémoires, сер. VI, т. III, 1835, стр. 94—95);

б) Hammer—въ Wiener Jahrbücher der Literatur, т. 71 (Anzeige-Blatt стр. 32—47), подробное изложенія содержанія;

в) очень важное введеніе (стр. 1—13) Катрмера къ его большому переводу изъ II тома „Восхожденія двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ 1843 (въ XIV т. „Notices et extraits“), самое существенное изслѣдованіе объ Абдерреззакѣ; срв. раньше въ „Journ. As.“ 1837;

г) Elliot: History of India, т. IV (1872), стр. 89—93, краткая біографія по Хондемиру, съ мелкой библіографіей.

д) сжатая, цѣнная статья Rieu въ описаніи перс. рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 181—183, съ перечнемъ извѣстныхъ ему списковъ;

е) В. Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 57, бѣглое замѣчаніе;

ж) E. Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols (1910), стр. 85—86, краткая научная характеристика (къ которой отчасти срв. указаніе В. Бартольда въ „Мірѣ ислама“, 1912, № 1, стр. 69).

Рукописи.

Печатнаго изданія „Метлеʹ эс-сеʹдейн“ нѣтъ (если не считать извлеченій, о которыхъ см. ниже), и пользоваться сводомъ приходится въ рукописяхъ.

Изъ рукописей интересенъ въ Брит. Музеѣ списокъ 900=1495 г. (Rieu, I, 181—183) для 1-го, Тимуровскаго тома. Среди списковъ II тома (Шаһроховскаго) старинный, повидимому XVI вѣка, однако мало кѣмъ замѣчаемый, есть въ библіотекѣ Лазаревскаго Института (печ. кат. № 313); изъ него Мирза Абдулла Гаффаровъ издаетъ отрывки въ своихъ „Образцахъ персидской письменности“, а полное описаніе рукописи дано имъ въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. IV (М. 1913).

---

[1]) Blochet: „Introduction“ 1910, стр. 85. Впрочемъ, Блоше не дѣлаетъ разницы между тѣмъ, что принадлежитъ самому Абдерреззаку, и тѣмъ, что Абдерреззакъ взялъ изъ Хафиза Эбру. (Срв. Introduction, стр. 268).

Изданія отрывковъ, по-персидски.

Вообще до сихъ поръ изъ текста „Метлеʿ эс-сеʿдейн“ опубликованы по-персидски только отрывки.

Такъ, довольно многочисленныя въ своемъ общемъ, но очень разрозненныя, цитаты изъ обѣихъ частей касательно Мазендерана, и дѣйствій тамъ Тимура или тимуридовъ, извлекъ и издалъ (безъ перевода) B. Dorn: Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meers. IV. Auszüge. Arabische, persische und türkische Texte. (Спб. 1858, изд. Академіи Наукъ), стр. 145—237.

Изъ конца I тома описаніе похода Тимура на кыпчакскаго хана Тохтамыша (взятое Абдеррezзакомъ изъ Хафиза-Эбру) издано по-персидски (стр. 245—270) съ франц. переводомъ (стр. 422—440) въ цитированной работѣ Charmoy 1835: Expédition de Timour-i Lènk (петерб. акад. „Mémoires“, сер. VI, т. 3).

Изъ II части изданъ былъ, съ европейскими переводами, персидскій текстъ объемистыхъ отчетовъ о двухъ Шаһроховыхъ посольствахъ: одного—въ Китай 1419-1422 г. (взято Абдерреззакомъ изъ Хафиза-Эбру), другого—въ Индію (его лично совершилъ въ 1441 г. Абдерреззакъ). Такъ, см. въ приложеніи къ большой (ниже указываемой съ точностью) работѣ Катрмера 1843 (по-персидски стр. 308—341 китайское посольство, стр. 341—386 индустанское посольство; франц. переводъ стр. 387—426, стр. 426—473). Раньше, въ XVIII вѣкѣ, описаніе обмѣна посольствъ съ Китаемъ издано было W. Chambers'-омъ въ „Asiatic Miscellany“, т. I (Калькутта 1785, стр. 71 и сл.) съ сопровожденіемъ англійскаго перевода.

Переводы.

Изъ I тома французскій переводъ Шармуа (1835, стр. 422—440) отрывка о походѣ Тимура на Тохтамыша указанъ выше.

Изъ II тома, Шаһроховскаго, франц. переводъ очень значительной части образуетъ собою классическую работу Et. Quatremère'a въ „Notices et extraits“, т. XIV (Пар. 1843, in 4⁰). Содержаніе: введеніе Катрмера объ Абдерреззакѣ и о Шаһрохѣ (стр. 1—19), французскій критическій переводъ лѣтописи первыхъ тринадцати лѣтъ царствованія Шаһроха, т.-е. значительной части того матеріала, который былъ почерпнутъ Абдерреззакомъ изъ Хафиза-Эбру (стр. 19—307); персидскій текстъ, почерпнутый Абдерреззакомъ тоже изъ Хафиза-Эбру, о Шаһроховомъ посольствѣ въ Китай 1419—1422 г. (стр. 308—341) и персидскій текстъ отчета самого Абдерреззака о своемъ посольствѣ въ Индустанъ въ 845=1441 г. (стр. 341—386); французскій переводъ описанія обоихъ посольствъ (стр. 387—426 и 427—473); примѣчанія (стр. 474—514).—Какъ видимъ, въ этомъ высокоцѣнномъ трудѣ Катрмера переведены изъ Шаһроховой исторіи—если не считать посольства въ Индію 1441 г.—исключительно тѣ годы, которыхъ Абдерреззакъ не наблюдалъ лично и которые онъ почерпнулъ изъ Хафиза-Эбру [1]).

Вышеупомянутымъ двумъ посольскимъ описаніямъ—Китая и Индіи, особенно Китая—еще до Катрмера очень посчастливилось въ литературѣ и восточной и западной.

Описаніе Китая изъ Абдерреззака (не прямо изъ Хафиза-Эбру) повторено было Хондемиромъ въ „Хебîб эс-сійер“ 1521-1524 г. и разными

---

[1]) Восторженный отчетъ о трудѣ Катрмера далъ Дефремери въ Journal Asiatique 1844 (=4 серія, т. IV), дек., стр. 508—521.

другими восточными историками, въ томъ числѣ турецкими XVII вѣка (Хезарфенномъ въ его всеобщей исторіи 1673 г., Хаджи-Хальфою въ „Зерцалѣ міра“ 1655 г.). Изъ турка Хезарфенна перевелъ его по-французски Пети де ля Кроа въ началѣ XVIII в., а съ персидскаго—Ант. Галланъ XVII—XVIII в. извѣстный переводчикъ-передѣлыватель арабской „1001 ночи“. У Галлана былъ написанъ, правда, и полный переводъ „Восхожденія двухъ счастливыхъ свѣтилъ“, но онъ остался въ рукописи (въ парижской Національной библіотекѣ), изданъ же былъ по-французски только этотъ отрывокъ о Китаѣ, въ Melchis. Thévenot: „Recueil de voyages curieux“ (1689); оттуда—перепечатанъ въ Prévost: „Histoire générale de voyages“ (1746-1770), равно какъ переведенъ по-голландски въ большомъ трудѣ N. Witsen: „Noord en Oost Tartaryen“ (Амстердамъ 1705). Къ концу XVIII вѣка W. Chambers, издавая персидскій текстъ отрывка о Китаѣ, далъ къ нему и англійскій переводъ (въ „Asiatic Miscellany“ I, 1785), а съ этого англійскаго перевода сдѣланъ очень извѣстный французскій переводъ Langlès: „Ambassades réciproques d'un roi des Indes, de la Perse etc. et d'un empereur de la Chine“ (Пар. 1788). Замѣтимъ наконецъ, что и впослѣдствіи, даже послѣ появленія 1843 труда Катрмера (гдѣ посольство въ Китай издано и въ подлинникѣ и французскомъ переводѣ) европейская наука вновь обращается къ этому обмѣну посольствами между Китайскимъ императоромъ и Шаhрохомъ, и Blochet въ „Introduction à l'histoire des Mongols“ 1910 (стр. 244-269) приводитъ изъ Абдерреззака текстъ большими выдержками и вновь даетъ французскій переводъ дипломатической переписки. Желательнѣе, конечно, было бы, чтобы опубликованъ оказался соотвѣтствующій текстъ самого Хафиза-Эбру (по анонимной оксфордской Бодлеевской фрагментной рукописи), а не текстъ Абдерреззаковой передѣлки.

Что касается описанія посольства Абдерреззака въ Индію, то прежде всего французскій переводъ былъ данъ у Langlès во II томѣ его Recueil portatif des voyages. Что Катрмеръ 1843 въ „Notices et extraits“ XIV вновь перевелъ по-французски это описаніе съ сопровожденіемъ персидскаго текста, это мы видѣли уже. А послѣ него Elliot въ IV томѣ „History of India“ (1872, стр. 93—126) перевелъ Абдерреззаково посольство въ Индустанъ по-англійски.

Отшельникъ, ужъ не дипломатъ, Абдерреззакъ въ концѣ своей жизни былъ свидѣтелемъ возникновенія, въ Хератѣ, превосходнаго литературнаго круга, покровительствуемаго послѣднимъ иранскимъ тимуридомъ (1469-1506) султаномъ Хосейномъ-Бейкарбю Хератскимъ и его везиремъ Миръ-Али-Широмъ (ум. 1500).

Кромѣ громкихъ именъ литературы художественной, о которыхъ умѣстно говорить въ спеціальномъ отдѣлѣ исторіи литературы художественной, здѣсь были и громкія имена историческія: біографъ классическихъ персидскихъ поэтовъ Довлетъ-шâhъ (1487, род. ок. 1437); всеобщій историкъ, знаменитый Мирхондъ (1433-1498); его молодой внукъ, котораго Абдерреззакъ впрочемъ могъ видѣть развѣ еще ребенкомъ, Хондемиръ (1475-1535).

Сейчасъ же ниже, у насъ отведены этимъ историкамъ, по крайней мѣрѣ двумъ изъ нихъ, отдѣльныя подробныя замѣтки; а здѣсь, чтобы закончить рѣчь про Абдерреззака Самаркандскаго, мы ограничимся указаніемъ, что, если Абдерреззаковское „Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ является естественнымъ хронологическимъ продолженіемъ „Собранія лѣтописей“ везиря-Решидеддина, то достаточно прибавить къ трудамъ Решидеддина и Абдерреззâка 7-й томъ „Сада

чистоты" Мирхонда (обработанный Хондемиромъ) и порядочную часть III тома „Друга жизнеописаній" самого Хондемира (пис. 1521-1524), чтобы вмѣстѣ получилось полное изложеніе исторіи монголовъ, отъ начатковъ ихъ народности, до паденія тимуридовъ въ Иранѣ.

в) Выдающіеся исторіографы XV—XVI в. хератскаго круга султана Хосейна-Бейкары'. Замѣчаніе о Довлетъ-шахѣ.

Среди историковъ, пользовавшихся меценатскимъ покровительствомъ последняго иранскаго тимурида Хосейна-Бейкары' Хератскаго (1469-1506) съ его везиремъ Миръ-Али-Широмъ (ум. 1500), несомнѣнно Довлетъ-шаһъ (пис. ок. 1487) занимаетъ выдающееся мѣсто. Да только, его спеціальность—не та исторіографія, какую мы до сихъ поръ видѣли. Старый Довлетъ-шаһъ, бывшій военный, писалъ не повѣсти войнъ, а біографіи мирныхъ корифеевъ персидской литературы, начиная съ X вѣка, и его трудъ удобнѣе разсматривать гдѣ-нибудь посреди произведеній художественной словесности, а не среди собственной исторіографіи монгольскаго періода. Поэтому мы остановимся здѣсь лишь на двухъ историкахъ-политикахъ, всеобщихъ исторіографахъ, Мирхондѣ и его внукѣ Хондемирѣ.

Мирхондъ (1433-1498).

Мӣрхондъ, или по другому произношенію Мӣрхвандъ, Мирхавендъ (Мохаммедъ ибнъ-Хавендъ-шаһъ) — высокопрославленный (превыше своихъ заслугъ) персидскій историкъ, одинъ изъ яркихъ представителей той литературной һератской среды конца XV в., гдѣ громко звучатъ такія имена, какъ поэтъ Джамій и біографъ поэтовъ Довлетъ-шаһъ.

Мирхондъ родился въ 1433 г. въ Средней Азіи, въ г. Бельхѣ, въ набожной и ученой семьѣ, но большую часть жизни провелъ въ Хератѣ, пользуясь покровительствомъ извѣстнаго персидскаго мецената, Мӣръ-'Алӣ-Шӣра (род. 1440, ум. 1500), который былъ министромъ (везиремъ) у послѣдняго персидскаго тимурида Хосейна-Бейкары (1469-1506) и которому принадлежитъ главная заслуга въ привлеченіи лучшихъ литературныхъ силъ къ Херату.

Для шума придворной жизни Мирхондъ не былъ созданъ. Не безъ юмора, хоть и съ горечью, разсказываетъ онъ о своемъ участіи въ придворной охотѣ, когда онъ, поставленный на назначенномъ охотничьемъ посту, благочестиво покинулъ его для совершенія полдневной молитвы и, конечно, упустилъ дичь. Градъ упрековъ былъ наградою за его неумѣлое благочестіе; Мирхондъ даже захворалъ отъ страха. Для науки онъ созданъ былъ больше, чѣмъ для охоты.

По желанію Мӣръ-'Алӣ-Шира, Мирхондъ (уединившись въ ученомъ монастырѣ, гдѣ была библіотека) [1]), сталъ съ 1474 г. составлять главное сочиненіе по-персидски, но съ арабскимъ заглавіемъ: روضة الصفا «Ровзет эс-сефâ»

[1]) Срв. объ этомъ у самого Миръ-Али Шира въ IV отдѣлѣ біографическаго свода „Нефâис" (составленнаго по-джагатайски), откуда выписка по-французски—въ статьѣ Bélin'а про Миръ-Али-Шира (въ „Journ. Asiatique" 1861, февр.-мр.), стр. 232.

(=«Садъ чистоты—о жизни пророковъ, царей и халифовъ»); трудъ доведенъ до эпохи султана Хосейна-Бейкары Хератскаго (1469-1506). Писалась работа въ постели, среди тяжелой болѣзни, не позволявшей сѣсть. Умственная работа заглушала физическія страданія.

Умеръ Мирхондъ въ 1498 г.; послѣдніе два (VII-VIII) томы его сочиненія (=времена Хосейна-Бейкары Хератскаго и географическое приложеніе) несомнѣнно обработаны уже Хондемиромъ (1475-1535), внукомъ Мирхонда.

Трудъ Мирхонда—компиляція болѣе старыхъ историковъ, и только современную ему эпоху онъ самъ излагаетъ, какъ ее наблюдалъ. Несмотря на слабость исторической критики и напыщенность стиля, трудъ Мирхонда пользуется уваженіемъ, и это не только въ Персіи, гдѣ напыщенность и цвѣтистость вмѣняются въ прямое достоинство, но отчасти и въ Европѣ. Лѣтъ сто или пятьдесятъ тому назадъ «Садъ чистоты» Мирхонда былъ въ полномъ ходу у европейскихъ историковъ для всѣхъ періодовъ исторіи востока. Теперь Мирхондъ, конечно, все больше и больше теряетъ свою цѣну, когда отыскиваются и издаются его первоисточники. Только для событій, современныхъ ему, а не для старинныхъ, Мирхондъ сохранитъ полную свою историческую цѣнность у европейскихъ ученыхъ надолго.

П о л н о с т ь ю и з д а н о „Ровзет эс-сефа“ въ Бомбеѣ не разъ: 1845, 1848, 1854 (=1271). Шахское изданіе въ Теhранѣ 1266-1272=1850-1856, 7 тт. in-folio, всего около 1500 стр. (рецензія въ „Journ Asiat.“ 1858 іюль, стр. 67-68) и въ Теhранѣ же въ 1270-1274 =1852-1856 гг. (безъ пагинаціи!!); Лакнау 1300=1883: 1307=1890.

Изданія и переводы частей начались въ Европѣ съ XVII в.[1]), но научное значеніе имѣютъ лишь тѣ, которыя печатались съ конца XVIII в., съ эпохи С. де-Саси, и лишь на такихъ мы остановимся.

І-й томъ „Сада чистоты“ повѣствуетъ о прошломъ отъ созданія міра до конца сасанидовъ. Томъ II—о событіяхъ отъ Мохаммеда до смерти Алія.

Изъ І-го и II-го тома мы имѣемъ:

Турецкій переводъ Мохаммеда Кермали: напеч. въ Константинополѣ въ 1258=1842 году[2]).

E. Rehatsek: The Rauzat us-safa, or Garden of purity, transl. from original persian (Лонд. 1891-1894; 5 чч). Содержится переводъ І-го и II-го тома исторіи Мирхонда, кончая, слѣдовательно, четырьмя халифами. Изд. въ серіи „Oriental Translation Fund“. Съ англійскаго франц. переводъ: „Jardin de pureté, bible de l'islam“ (П. 1894) par E. Lamairesse (не оконч.).

Silv. de Sacy: La p r é f a c e du Rouzat al-safa—въ „Notices et extraits“, т. IX (1813), стр. 249-260 перс. текстъ, стр. 261-273 франц. переводъ.—Часть предисловія: „Условія, необходимыя для историка“, перевелъ по-русски И. Хол-

---

[1]) Старинныя извлеченія изъ Мирхонда (напр., португальца Педро Техейры, Texeira, XVII в.) и вообще многія библіографическія мелочи указаны у Элліота: „History of India“, т. IV (1872), стр. 131-134. Элліотъ отмѣчаетъ работы не по порядку томовъ Мирхонда, а по хронологическому порядку напечатанія переводовъ.

[2]) Рьё въ перс. каталогѣ Брит. Музея (т. I, 1879, стр. 88) и Эте въ „Grundriss'ѣ“ II (1896, стр. 357) считаютъ турецкое изданіе полнымъ. Повидимому, однако вышла только I часть труда.

могоровъ въ 22-мъ примѣчаніи къ своему переводу „Фахри" ибнъ-Тыктаки, Казань 1863, (отт. изъ Уч. Зап. Каз. Ут а), стр. VIII-IX.

The Peshdadians and early kings of Persia (до Александра Македонскаго), with the introduction, translated by David Shea (Лонд. 1832).

Histoire des Sassanides (текстъ, 101 стр.) publ. par Jaubert (П., 1843), изъ II т. „Chrest orient"; перев. де-Саси въ „Mémoires sur les diverses antiquités de la Perse et de la dynastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette dynastie trad. du persan" (Пар. 1793), со специальной „Notice sur Mirkhond".

Распредѣленіе прочихъ томовъ слѣдующее: т. III. Халифатъ Омейядскій и Аббасидскій; — т. IV. Удѣльныя династіи—до Тимура;—т. V. Джингизъ-ханъ и его преемники;—т. VI. Тимуръ и Тимуриды до гибели Абу-Саида Хератскаго 1469;— т. VII. Царствованіе Хосейна-Бейкары Хератскаго;— т. VIII. Географическое приложеніе (отсутствуетъ въ восточныхъ изданіяхъ).

Назовемъ къ нимъ болѣе существенные переводы. Томъ *IV*, по кускамъ, переведенъ почти весь:

Baron von Jenisch: Historia priorum regum Persarum post firmatum in regno islamismum (по-персид. и по-лат., Вѣна 1782). О Таһиридахъ и Саффаридахъ.

E. Mitscherlich: Mirchondi historia Taheridarum (по-перс. и по-лат., 44 стр., Гётт., 1814; 2-е изд. Берл. 1819).

Defrémery: Histoire des Samanides (по-перс. и по-франц, Пар. 1845). Стр. 1-223 текстъ и переводъ; стр. 225-296, примѣчанія. Болѣе ранній трудъ—Fr. Wilken: „Mohammedis filii Chavendschahi historia Samanidarum" (по-перс. и по-лат., 222 стр., Гётт. 1808); рец. С. де-Саси на изданіе Вилькена, мягкая по тону и убійственная по содержанію, въ Magasin Encyclopédique 1809, I, стр. 201 и сл.

Fr. Wilken: Historia Gasnevidarum (перс. и лат., Берл. 1832). За четверть вѣка передъ тѣмъ Вилькенъ помѣстилъ отсюда кое-что о Махмудѣ Газневидскомъ, въ томъ числѣ разсказы о походахъ Махмуда Газневидскаго на горцевъ Гарджистана (къ с. отъ Херата), на Сомнатъ въ Индіи и др. въ хрестоматіи при своей грамматикѣ: „Institutiones ad fundamenta linguae Persicae" Лейпц., 1805 (стр. 120-152 перс.), а по латыни—въ переводѣ своей хрестоматіи: „Auctuarium" (Лейпц. 1805, стр. 10-31). По-англійски нѣкоторые отрывки о Махмудѣ Газневидскомъ и его первыхъ преемникахъ—у Элліота въ „History of India" т. IV (1872), стр. 134-140.

Fr. Wilken: Geschichte der Sultane aus dem Geschlechte Bujeh (перс. и нѣм., Берл. 1835). Erlaüterung und Ergänzung einiger Stellen (къ предыдущему) durch Fr. von Erdmann (Казань, 1836). По-русски сокращенный переводъ (или конспектъ) у И. Холмогорова въ примѣч. 154 мъ къ переводу „Фахри" (Казань 1863, отт. изъ у-тскихъ Уч. Зап.), стр. XXXIX-XLII.

Am. Jourdain: „Le jardin de la purité" въ IX томѣ Notices et extraits (1813), стр. 117-248. Главную часть этой работы Журдена составляетъ французскій переводъ (стр. 143-182) и персидскій текстъ (стр. 192-248) Мирхондовой исторіи персидскихъ ассасиновъ, отъ временъ великаго сельджука Меликъ-шаха и везиря Низамольмолька. Этому предпослано введеніе о самомъ Мирхондѣ (стр. 117-132), и указано, глава за главою, содержаніе всего свода „Садъ чистоты" (стр. 132-140) съ перечнемъ париж. рукописей.

Joh. Vullers: Historia Seldschukidarum persice (Гиссенъ 1837). Его же: Geschichte der Seldschukiden (переводъ, Гисс. 1838).

Defrémery: Histoire des Sultans du Kharezm (текстъ. Пар. 1842), 134 стр.; изъ II тома „Chrestomathies orientales".

W. H. Morley: The history of the Atabeks of Syria and Persia, from Mirkhond (текстъ. Лонд. 1848). Приложены снимки съ атабекскихъ монетъ, съ описаніемъ W. S. Vaux.

Sur le Kiptchak et les Chirvanchahs—въ „Journal Asiatique“, IV série t. 17.

E. Mitscherlich: Mirchondi historia Ghuridarum, regiae, Persiae Indiaeque atque Carachitajorum imperatorum Tatariae, persice et latine (Франкф. 1818);—Histoire des sultans Ghourides, texte et trad. par Defrémery (Пар. 1844) изъ „Journ. Asiatique“ 1843.

Изъ *V* и *VI* тома переведено много меньше:

Am. Jaubert: Vie de Djenghiz-Khan перс., 174 стр. (П. 1841=„Chr. or.“ I). Раньше всѣ главные отрывки о Джингизъ-ханѣ извлекъ и перевелъ Langlès: „Notice de l'histoire de Djenguyz khan“ въ V томѣ „Notices et extraits“ (an VII=1798), стр. 192-229. О взятіи Багдада Хулагу-ханомъ 1258 г. порусски перевелъ И. Н. Холмогоровъ въ 183-мъ примѣч. къ переводу „Фахри“ (Казань 1863, стр. LIII-LXV, отт. изъ у-тскихъ Уч. Записокъ)[1] и о введеніи ассигнацій при Кейхату-hулагидѣ—тамъ же стр. LXV-LXVIII. Объ исторіи монголовъ и Тимурѣ отрывки переведены у Хаммера въ „Les origines russes“ (Спб. 1825) и у Ф. Шармуа въ Mémoires de L'Acad. Imp. de S.-Petersb.“ 1835, серія VI, т. III, въ большой работѣ: „Expédition de Timoûr-i Lènk ou Tamerlan contre Toqtamiche, khan de l'oulous de Djoutchy, en 793=1391“, именно на стр. 441-471, съ предпосланіемъ персидскаго текста (стр. 270-321).

Исторія Сербедаровъ, изъ V тома общей исторіи Мирхонда Раузатуссафа перевелъ съ персидскаго И. Холмогоровъ—въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго У-та“, 1860, кн. IV, стр. 3-52. Съ предисловіемъ переводчика (и отд. отт., Каз. 1860, 53 стр.).

Изъ *VII* (про Хосейна-Бейкару) и *VIII* (географической) части, кажется, не было переводовъ на европейскіе языки; по крайней мѣрѣ, кажется, не было болѣе или менѣе цѣльныхъ переводовъ, не просто цитатъ. Главный интересъ переводчиковъ Мирхонда вращался, слѣдовательно, около IV тома, на домонгольской исторіи халифата и въ частности Ирана,—на томъ архикомпилятивномъ отдѣлѣ Мирхонда, который теперь, при наличности и изданіи первоисточниковъ, почти потерялъ для новѣйшей европейской науки свою прежнюю цѣну, а въ будущемъ потеряетъ, пожалуй, и всякую цѣну.

Литература о Мирхондѣ.

Кромѣ упомянутой старой работы Журдена въ IX томѣ „Notices et extraits (1813) и еще болѣе старой статьи Сильвестра де-Саси: „Notice sur Mirkhond“ въ вышеупомянутыхъ его „Mémoires sur les diverses antiquités de la Perse“ (Пар. 1793), съ дополненіемъ тоже въ IX томѣ „Notices et extraits“ (1813, стр. 249-273), о Мирхондѣ см. свѣдѣнія:

3) у Катрмера въ „Journal des Savants“ 1843, стр. 170-176.

4) Morley: Descriptive Index, стр. 30-34 (Л. 1854), съ общимъ обзоромъ и подобранной мелкой библіографіей;

---

[1] Въ 179-мъ примѣчаніи (=стр. L-LII) Холмогоровъ издаетъ текстъ и русскій переводъ предшествовавшаго царствованія—халифа Мостансыра.

5) въ этомъ же родѣ свѣдѣнія въ „History of India“ Эллiота т. IV (1872), стр. 127-140, тоже съ исчерпывающей мелкой библіографіей.

6) У Рьё (Rieu) въ его „Catalogue of the persian manuscripts of the British Museum“ (Лонд. 1879, т. I, 87-96) высказанъ рядъ замѣчаній касательно рукописей исторіи Мирхонда, иногда съ критикою сообщеній его. И т. III, 1883, стр. 1079.

7) У Этé въ „Grundriss“ (т. II, 1896, стр. 356-357) сказано о Мирхондѣ крайне мало, въ біографическомъ ли, въ библіографическомъ ли отношенія (для библіографіи—Этé отсылаетъ къ Морли).

8) Очень выразительная характеристика Мирхонда, какъ историка, у В. Бартольда: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“ (Спб. 1900), стр. 58-59, за то почти безъ библіографіи.

Достаточно бѣглаго взгляда на обильную европейскую библіографію переводовъ изъ Мирхонда, чтобы наглядно представить себѣ то огромное вліяніе, какое онъ имѣлъ нѣкогда (не разъ со своими неточностями и ошибками) на ходъ развитія европейской исторической науки.

Хондемúръ (1475-1535).

Продолжателемъ Мирхонда явился его внукъ Хондемиръ (или Хвандемиръ) [1], тоже очень извѣстный и талантливый историкъ.

Родился онъ въ 1475 г. въ Хератѣ и, подобно дѣду, принадлежалъ къ тамошнему литературному кружку тимуридскаго везиря Миръ-Али-Шира (ум. 1500). Хондемиръ пережилъ послѣднихъ тимуридовъ Персіи, видѣлъ гибельное вторженіе тюрковъ-узбековъ въ Хорасанъ (1508-1510) и объединеніе Ирана шахомъ-Исмаиломъ (1502-1524), основателемъ династіи Сефевидовъ. Самъ онъ нашелъ себѣ убѣжище въ горахъ Гарджистана (мѣстности къ с. отъ Херата по верхнему теченію Моргаба) [2]. Оттуда въ 1528 (=934) году основатель имперіи великихъ моголовъ Бабуръ пригласилъ Хондемира къ себѣ въ Индію, гдѣ Хондемиръ затѣмъ прожилъ и при его преемникѣ великомъ моголѣ Хомаюнѣ (1530-1556), пока не умеръ лѣтъ шестидесяти отъ роду (941=1534-1535).

Еще въ эпоху процвѣтанія hератскаго литературнаго кружка Хондемиръ проредактировалъ и закончилъ 7-й (о событіяхъ временъ Хосейна-Бейкары) и 8-й (т.-е. географическій) томы всеобщей исторіи своего дѣда-Мирхонда (ум. 1498). И тогда же, незадолго до смерти везиря Миръ-Али-Шира (ум. 1500), Хондемиръ составилъ для везиря, съ помощью его богатой библіотеки, обработанное компендіальное извлеченіе изъ труда дѣда и озаглавилъ: «Холâсет эль-эхбâр» (=«Экстрактъ историческихъ свѣдѣній»).

Изъ I части „Холâсет эль-эхбâр“, относящейся къ библейскимъ и баснословнымъ временамъ, извлеченія даны въ англ. переводѣ еще въ XVIII в. въ „Asiatic Miscellany“.

Чрезвычайно многое почерпнулъ изъ „Холасе“ Хондемира маіоръ Прайсъ (Price) въ своемъ „Chronological Retrospect, or Memoirs of the prin-

[1]) Болѣе полное имя Хондемира—Гіяс-эд-динъ ибнъ-Хемâм-ед-динъ.

[2]) Не въ Грузіи, какъ иногда по недоразумѣнію полагаютъ историки (наприм., Эллiотъ въ „History of India“, т. IV, 1872, стр. 142).

cipal events of mahommedan history from original persian authorities" (1820, 4 тт) [1]) и въ „History of Arabia".

Французское извлеченіе, съ приложеніемъ перс. текста: Histoire des Seldjoukides, extraite de l'ouvrage intitulé „Khélassat-oul-akhbar "et traduite du persan de Khondémir, par Julien Dumoret — въ „Journal Asiatique", 1834, tome XIII (mars № 75), стр. 240-256.

Походъ Тимура противъ Тохтамыша на Кыпчакъ по-перс. и по-франц. издалъ изъ „Холясе" Шармуа въ „Mémoires" Спб. Академіи Наукъ, 6-я серія, т. III (1835) въ работѣ: „Expédition de Timoûr-i Lènk contre Toqtamiche" (стр. 320-327 перс., 471-475 франц.).

Короткій отрывокъ о „рабахъ Гуридскихъ" сокращенно переведенъ у Эллiота: „History of India", т. IV (1872), стр. 145-147.

По тому же образцу Хондемиръ двадцать лѣтъ спустя, въ 1521-1524 (=927-930) и даже, можетъ-быть, нѣсколько позже, незадолго до переѣзда въ Индію [2]), составилъ свою особую (конечно, тоже компилятивную) трехтомную всеобщую исторію и довелъ ее до своего времени, подъ заглавіемъ: «Хебîб эс-сійер» (=«Другъ жизнеописаній»). На манеръ Мирхонда, Хондемиръ снабдилъ свой трудъ (сверхъ основного трехтомнаго состава) еще и введеніемъ (о сотвореніи міра) и историко-литературнымъ прибавленіемъ (объ ученыхъ людяхъ, свв. суфіяхъ и т. п.) Въ противность другимъ трудамъ Хондемира, «Хебîб эс-сійер» весь изданъ. Переводовъ къ нему однако поменьше. Переводились преимущественно тѣ части, которыя касаются исторіи монголовъ, и въ этомъ приняли участіе русскіе ученые, а на англійскій языкъ переведены обильные отрывки, относящіеся къ завоевателю Индіи Махмуду Газневидскому (998-1030) и къ его династіи, хотя впрочемъ въ началѣ XIX в. англійское востоковѣдѣніе пользовалось «Другомъ жизнеописаній» Хондемира для болѣе широкихъ историческихъ цѣлей.

Литографир. изданія „Хебîб эс-сійер" Теhрâнъ 1271 = 1854 и Бомбей 1273 = 1856-1857: „The Habeeb os-seear by Mirza Gheeas-od-deen", 2 тт. Изъ рукописей есть одна и въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 320 печ. кат.), но въ ней только 1 томъ, до первыхъ халифовъ.

Содержаніе свода изложено въ большинствѣ статей и замѣтокъ о Хондемирѣ, которыя указываются у насъ ниже: Катрмера 1843, Дефремери „Fragments" 1849 и сл., подробно въ каталогѣ рукописей „Asiatic Society" by Morley (1854, стр. 42-50), статьѣ Мерена 1860, Эллiота, т. IV (1872, стр. 154-158), каталогѣ Рьё I (1879, стр. 98 и сл.).

Переводы.

Для общей исторіи исламскихъ народовъ широко пользовался „Хебîб эс-сійер"-омъ Хондемира, чтобы многое перевести изъ него буквально (какъ и изъ его же „Холâсет эль-эхбâр"), маіоръ Прайсъ (Price) въ своемъ вышеотмѣчавшемся „Обзорѣ" (Retrospect) мусульманской исторіи (1820), — работѣ, которая почти до половины XIX вѣка пользовалась въ наукѣ авторитетомъ, пока не была вытѣснена нѣмецкими трудами. А раньше—

---

[1]) Прайсъ въ свой трудъ включилъ: „Ровзет эс-сефâ", „Холâсет эль-эхбâр", „Тâрîхи Табарі", „Хебîб эс-сійер", Абуль-фезлеву „Экбер-наме".

[2]) Срв. соображенія Эллiота: „History of India", т. IV (1872), стр. 155.

Jourdain извлекъ изъ „Хебîб эс-сійер“ біографію философа X-XI в. ибнъ-Сины (Авиценны), по-французски, въ Хаммеровыхъ „Die Fundgruben des Orients“, т. III.

Большіе отрывки про газневидское государство—у Элліота: History of India, т. IV (1872), стр. 158-212.

Свѣдѣнія изъ Хондемировскаго „Хебîб эс-сійер“ на счетъ исторіи монголовъ сперва появлялись, съ конца XVIII в., въ видѣ извлеченія небольшихъ отрывковъ. Таковъ отрывокъ, съ англійскимъ переводомъ маіора Kirkpatrick'a, про законоположеніе hулагидскаго государя Газана-хана (въ I томѣ „New Asiatic Miscellanies“, Калькутта, 1789, стр. 149 и сл.)[1] и, съ французскимъ переводомъ Langlès, о попыткѣ ввести бумажныя деньги-ассигнаціи при предшественникѣ Газана-хана (въ IV томѣ „Mémoires de l'Institut“). Болѣе же цѣльные и объемистые переводы свѣдѣній о монголахъ:

1) Исторія монголовъ отъ древнихъ временъ до Тамерлана, сочиненіе Хондемира, перев. В. Григорьева (Спб., 1834). Разборъ Г. Бичурина—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1841, т. II, стр. 696-723 (а еще раньше была замѣтка въ „Библ. для чтенія“, 1834, т. V, стр. 14).

2) Charmoy — текстъ и переводъ трехъ главъ изъ „Хебîб эс-сійер“, относящихся къ походу Тимура на хана Тохтамыша, въ вышеупоминавшемся томѣ „Mémoires“ Спб. Ак. Н. (серія VI, т. 3), 1835, стр. 328-349 перс.- 475-492 франц.

3) Die Geschichte Tabaristans und der Serbedare nach Chondemir, Persisch und deutsch von B. Dorn (Спб., 1850), оттискъ изъ петербургскихъ Мемуаровъ Академіи Наукъ, сер. VI, т. VIII, стр. 139-182.

4) C. Defreméry: a) Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits, relatifs aux peuples du Caucase et de la Russie méridionale, № V. Extraits de Khondémir (=relatifs à l'histoire des khans du Kiptchak et des Chirvanchah), только переводъ, безъ перс. текста, въ „Journal Asiatique“, 1851, февр.-мр. (сер. 4, т. 17), стр. 105-148;—б) Онъ же: Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib essier de Khondémir et traduite—въ „Journ. Asiat.“, 1852 (сер. 4, тт. 19 и 20) и отд. оттискъ, гдѣ стр. 4-51 перс. текстъ, стр. 52-108 франц. переводъ. (Для пользованія несравненно удобнѣе оттискъ, чѣмъ неловко расчлененные куски въ „J. As.“).

Есть у Хондемира и другія сочиненія, но они печатно не изданы. Именно, это—«Дестÿр эль-возерâ»—сборникъ біографій славныхъ везирей, отъ баснословнаго Соломонова министра Асафа и Ануширванова министра Бозоргмиhра до везирей тимуридскихъ[2], и предсмертная (1534), довольно панегирическая «Книга про великаго могола Хомаюна» (=«Хомаюн-нâмé»), составленная по желанію самого государя (1530-1556), расположеніемъ котораго старый Хондемиръ пользовался[3].

---

[1]) О задуманныхъ Газаномъ-ханомъ реформахъ см. нашу „Ист. Персіи“, III, стр. 13.

[2]) Про „Дестур оль-возерâ см. Элліотъ: „History of India“, т. IV (1872), стр. 148-153, гдѣ по-англійски переведены изъ Хондемира свѣдѣнія о трехъ вліятельныхъ везиряхъ временъ саманидскихъ и Махмуда Газневидскаго. См. также персид. каталогъ Рьё, т. I (1873), стр. 335.

[3]) Извлеченія изъ „Книги про Хомаюна“ даны по-англ. у Элліота: „Hist. of India“, т. V (1873), стр. 116-126. Полный рукописный англійскій переводъ хранится въ Британскомъ Музеѣ (см. у Rieu, т. III, 1883, стр. 1024).

Относительно Хондемира см.:

а) Э. Катрмеръ—обстоятельная біографія въ „Journal des Savants“, 1843, стр. 386-394;

б) Эллiотъ—біографич. замѣтка и свѣдѣнія о сочиненіяхъ въ „History of India“, т. IV (1872), стр. 141-145, 148, 154-158, и т. V (1873), 116;

в) Mehren—въ „Journal Asiatique“, 1860, I (avril-mai), стр. 429-435, по поводу бомбейскаго изданія „Хебîб эс-сійер“.

г) Рьё—въ описаніи персид. рукописей Британскаго Музея, т. I (1879), стр. 96-98 и т. III (1883), стр. 1079-1080.

д) Этé — въ „Grundriss der iranischen Philologie“, т. II (Страссбургъ, 1896), стр. 356—357.

в) Заключительные моменты разцвѣта послѣтимуровской исторіографіи (XVI в.).

Мирхондомъ и Хондемиромъ заканчивается разцвѣтъ персидской исторіографіи, длившійся всю монгольскую и тимуридскую эпоху. Какого-нибудь, однако, рѣзкаго, обрывистаго прекращенія исторіографической производительности въ XVI вѣкѣ не было. Выработавшаяся традиція, выработавшійся вкусъ къ исторической литературѣ продолжали у персовъ держаться, и XVI в. своими литературными явленіями есть еще вполнѣ ясное отраженіе предыдущаго блестящаго исторіографическаго періода. Даже спеціально-монголовѣдное писательство не совсѣмъ умираетъ,—правда, больше въ Индіи, гдѣ династія Тимура основала имперію Великихъ Мо[н]головъ. Въ самой же Персіи, гдѣ владычество „монгольской“ династіи прекратилось и водворились Сефевиды, династическая исторіографія естественно направилась въ другую сторону.

Но хотя XVI вѣкъ содержитъ въ себѣ еще достаточно слѣдовъ недавняго, минувшаго разцвѣта, все-же ясно, что разцвѣтъ — минулъ. Ни качественно, ни даже количественно историческая литература XVI вѣка не можетъ равняться, напримѣръ, съ XV вѣкомъ. И особенно въ самомъ Иранѣ, въ противность Индустану, упадокъ нагляднѣе.

Исторіографія у первыхъ Сефевидовъ. Записки шаха Таhмâспа I, 1524-1576. „Лобб эттеварîх“, 1541. „Нигâристâнъ“, 1552.

Второй государь нововодворившейся сефевидской династіи шахъ **Таhмâспъ I** (1524-1576) самъ не чуждъ былъ историческаго писательства. Имѣются его, или писанные по его желанію, мемуары. У персовъ они извѣстны подъ позднимъ названіемъ: „Рузнâмé-и Теhмâсп“=„**Дневникъ** Таhмаспа I“ [1]). Нѣмецкій изслѣдователь Тейфель [2]) видѣлъ въ Таhмасповой работѣ неоконченную исторію войны между Персіей и Турціей. Правильнѣе будетъ сказать, что это—записки объ отношеніяхъ между Персіей и Турціей при Таhмаспѣ I, какъ военныхъ, такъ и мирныхъ.

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ („Рузнамé“) трудъ былъ изданъ (не полностью) въ новѣйшей историко-географической компиляціи: „Метлé эш-шемс“ Сâніэддовле (Теhранъ 1301=1884, т. II, стр. 165-213).

[2]) F. Teufel: Schâh Tahmâsp und seine Denkwürdigkeiten—въ „Zeitsch. der Deutsch. Morg. Ges.“ т. 37 (=1883), стр. 113-125.

После появленія теhранскаго неполнаго литогр. изданія записокъ Таhмаспа I далъ полное европейское печатное изданіе P. Horn, въ „Zeitschr. der.Deutsch. Morg. Ges.“, т. 44 (=1890), стр. 563-649.

Онъ же напечаталъ нѣмецкій переводъ: „Die Denkwürdigkeiten Schâh Tahmâsp's (Страссб. 1891; 156 стр.).

И на изданіе и на переводъ П. Хорна В. А. Жуковскій помѣстилъ очень строгую критику въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ.“, т. VI (=1891), стр. 377-383. Критикъ указываетъ также, что мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ бесѣдою шаха и турецкихъ пословъ, записанной по шахскому повелѣнію, едва ли собственноручно. Очевидно, записка предназначена была также и для султанскаго свѣдѣнія, и оттого султанъ титулуется тамъ очень вѣжливо.

Составленная при Таhмаспѣ I очень небезызвѣстная всеобщая исторія: „Лобб эт-теварîх“=„Сердцевина лѣтописей“ (1541) типична какъ показатель наступающаго или наступившаго упадка. „Сердцевина лѣтописей“,это—чрезвычайно сжатый общеисторическій сводъ свѣдѣній о прошлыхъ вѣкахъ, отъ старѣйшихъ временъ вплоть до жизни составителя,—неоригинальная компиляція, повидимому, сокращеніе свѣдѣній Мирхонда. Авторъ—эмиръ Яхъя ибнъ-Абдаллатыфъ-Хосейній Казвинскій (род. въ 1481 г.) состоялъ нѣкоторое время въ числѣ Таhмасповыхъ приближенныхъ (а умеръ въ испаhанской тюрьмѣ, отправленный туда изъ родного Азербейджана за приверженность къ соннитству 1555) [1]. Было время, когда у европейскихъ оріенталистовъ „Сердцевина лѣтописей“ Миръ-Яхъи пользовалась порядочнымъ успѣхомъ [2]; но теперь она основательно забыта,—что и естественно, разъ забывается даже ея первообразъ Мирхондъ.

Напротивъ, очень цѣнится составленная тогда же (1552) компиляція „Нигâристâнъ“=„Галлерея [историческихъ] картинъ“ [3]. Авторъ—кадый Ахмедъ эль-Геффâрій Казвинскій (ум. въ 1567 г.). Ему принадлежитъ, во-первыхъ, компендіальное историческое руководство, во-вторыхъ, этотъ „Нигаристанъ“.

Историческое руководство Геффарія, сравнительно, менѣе заслуживаетъ вниманія. Называется оно „Джеhâн-âрâ“=„Міроукрасительное“ (или точнѣе: „Носех-и Джеhâн-âрâ“=„Міроукрасительныя записи“) и дѣлится на три неодинаковыя размѣромъ части („посхе“, мн. ч. „посех“); I. Ветхозавѣтные пророки, Мохаммедъ, 12 имамовъ; II. Доисламскія, языческія династіи міра; III. Династіи исламскія. Доведено до 1564 года, при чемъ Тахмаспъ восхваленъ до небесъ. Каждая „посхе“ подраздѣляется на множество рубрикъ, согласно династіямъ; среди династій отмѣчаются и мелкія, иногда (что важно) мало извѣстныя изъ

---

[1] Біографію автора „Лобб эт-теварîх“ см. у Элліота: „History of India“, т. IV (1872), стр. 293—297, съ оглавленіемъ содержанія его книги и съ полной европейской библіографіей; у Рьё въ опис. персид. рукоп. Британ. муз., т. I (1879), стр. 104-105, т. III (1883), стр. 1080.

[2] Переведена она въ XVIII в. по-латыни подъ заглавіемъ „Medulla historiarum“ (Халле, 1783) въ Бюшинговомъ „Magasin für die neue Historie und Geographie“, № XVII. Изданія и переводы небольшихъ извлеченій помѣчены у Элліота и Рьё.

[3] Не надо, конечно, смѣшивать этого историческаго произведенія съ беллетристическимъ „Нигâристâномъ“ Моинеддина Джовейнія (1335), составленнымъ въ подражаніе „Голистану“ Са́дія, и съ еще нѣкоторыми другими одноименными произведеніями.

другихъ авторовъ [1]). Въ общемъ работа суховатая, хотя, наприм., Рьё аттестуетъ ее какъ „an excellent compendium of history“ [2]).

За-то, неоспоримой увлекательностью отличается Геффаріевъ „Нигâристâнъ“. Эта „Галлерея историческихъ картинъ“ есть всеобщая исторія въ характерныхъ историческихъ анекдотахъ и разсказахъ про знаменитыхъ людей, т. е. историческая антологія, или историческая хрестоматія. Расположенъ анекдотическій матеріалъ—по династіямъ, при чемъ о каждой династіи сообщаются на своемъ мѣстѣ краткія хронологическія свѣдѣнія. Начинается „Нигâристâнъ“ серіею историческихъ анекдотовъ эпохи пророка Мохаммеда, кончается половиною X вѣка hижры, т. е. эпохою, современною Ахмеду эль-Геффарію и шаху Таhмаспу I, которому посвященъ „Нигаристанъ“. Источники этой антологіи (арабскіе и персидскіе) указаны составителемъ въ предисловіи; не всѣми изъ нихъ мы располагаемъ, и это придаетъ „Нигаристану“ сугубую историческую цѣнность.

„Нигâристâн“ изданъ былъ въ Бомбеѣ литографски 1245=1829; 1275=1858. Есть изданія калькуттскія.

J. von Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens (B. 1818), стр. 307-310. Переведено нѣсколько анекдотовъ изъ „Нигаристана“ съ краткими свѣдѣніями объ авторѣ (на стр. 308 переведенъ перечень источниковъ „Нигаристана“).

A. Krafft: Die Handschriften der orient. Akademie zu Wien (1842), стр. 87-90. Обзоръ содержанія „Нигаристана“.

H. Elliot: History of India, т. II (1869), стр. 504-506. Переведены три анекдота объ Индіи (два—о Махмудѣ Газневидскомъ).

Ch. Rieu, перс. каталогъ Брит. Муз., т. I (1879), стр. 106 и т. III (1883), стр. 1065. Біографія; замѣчанія объ источникахъ.

Шеферъ въ своемъ французскомъ переводѣ „Сіясет-наме“ везиря Низамольмолька XI в. (Пар. 1893) не разъ, въ примѣчаніяхъ, приводитъ параллели изъ Нигаристана.

у H. Ethé—въ Grundriss der iran. Philol., т. II (1896), стр. 333 (и 267) бѣгло указана связь съ прежней литературой такого же рода (XII в.).

Хотя отмѣченныя произведенія, появившіяся въ сефевидскомъ государствѣ XVI в., никакъ не могутъ быть названы безынтересными, все-же значительно интереснѣе тѣ какъ общеисторическіе, такъ и касающіеся монголовъ труды XVI вѣка, которые создались въ новооснованномъ царствѣ Великихъ Моголовъ въ Индіи.

---

[1]) Отрывокъ изъ „Джеhâн-âрâ“ о доисламской Персіи изданъ былъ въ XVIII в.: Epitome of the ancient history of Persia, extracted and translated from the Jehan Ara, a persian manuscript, by Will. Ouseley (Лонд. 1799; стр. XXXVI+92). Обзоръ содержанія „Джеhâн-âрâ“ данъ: а) Хаммеромъ въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т. 69 (Anzeige-blatt, стр. 35-37); б) довольно коротко у Elliot'а: History of India, т. IV (1872), стр. 298-300; в) подробно у Рьё, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 111-115.

[2]) Рьё, т. I, стр. 106.

Исторіографія въ новооснованномъ царствѣ Великихъ Моголовъ.

Великіе Моголы, утвердившіеся въ Индіи въ XVI вѣкѣ—тимуриды, и связь ихъ съ недавно отцвѣтшей тимуридской литературой Персіи была еще свѣжа. Хондемиръ (1475—1535), начавшій карьеру свою еще въ Хератѣ, закончилъ ее—мы вѣдь видѣли—въ Индустанѣ, куда послѣдовалъ за основателемъ имперіи Бабуромъ; важный Хондемировъ сводъ „Другъ жизнеописаній“=Хебîб эс-сійер“ (1521-1524), служащій въ извѣстныхъ частяхъ однимъ изъ первоисточниковъ по монгольско-тимуридской исторіи, связанъ съ отъѣздомъ въ Индустанъ. Хондемиръ—явленіе не единичное. Кромѣ него, Индія XVI вѣка дала еще нѣсколькихъ писателей-историковъ (обыкновенно, переселенцевъ изъ Ирана), труды которыхъ являются достойнымъ продолженіемъ и завершеніемъ той исторіографіи, которая при монголахъ и тимуридахъ развилась въ Иранѣ.

Мы остановимся лишь на трехъ индійско-иранскихъ исторіографическихъ фактахъ XVI в.: на мемуарахъ султана Бабура, основателя имперіи великихъ моголовъ (языкъ котораго впрочемъ не персидскій), на трудѣ его двоюроднаго брата Мохаммеда Хейдера и на „Исторіи за тысячу лѣтъ“ (1585), составленной по повелѣнію его внука Экбера Великаго. Трудовъ, посвященныхъ спеціально-мѣстной исторіи Индустана, мы касаться не будемъ.

„Бабур-наме“ (1482-1530).

Итакъ, самъ султанъ Бабуръ (род. 1482, ум. 1530), покровитель Хондемира, былъ историческимъ писателемъ, историкомъ-мемуаристомъ.

Его цѣнная автобіографія „Бабур-намé“ (иначе „Вâqыʼâт-и Бâборî“)[1], по языку, не входитъ прямо въ персидскую литературу. Она написана на родномъ языкѣ Бабура—турецкомъ-джагатайскомъ[2]). Однако, „Бабур-наме“ тѣсно вошла и въ область персидской литературы: нѣсколько разъ была она переведена на персидскій языкъ, при чемъ первый разъ—при жизни самого автора, перваго великаго могола Бабура, а два раза—при его внукѣ и третьемъ преемникѣ Экберѣ Великомъ (1556-1605).

Джагатайскій текстъ „Бабур-наме“, подъ латинскимъ заглавіемъ „Baber-Nameh djagataice“, напечатанъ былъ въ Казани 1857 Н. И. Ильминскимъ (508 стр.). Съ этого изданія сдѣланъ французскій переводъ Паве де-Куртейля: „Mémoires de Baber“, 2 тт. (Пар. 1871)[3]). Хорошую старинную рукопись опубликовала факсимильно м-съ Бевериджъ въ серіи Gibb Memorial, № 1 (Лейд. 1905), съ предисловіемъ и указателями. (Изданію предшествовали и за изданіемъ послѣдовали ея статьи о разныхъ другихъ рукописяхъ Бабур-наме—въ „Journ. of the R. Asiat. Society“, 1900-1908).

---

[1]) На западѣ обыченъ выговоръ „Баберъ“.

[2]) Повелители тогдашняго Ирана, Сефевиды, говорили между собою тоже по-тюркски, на нарѣчіи азербейджанскомъ.

[3]) Въ „Journal des Savants“, 1873, Дефремери помѣстилъ отчетъ о переводѣ Паве де-Куртейля.

Персидскихъ переводовъ—три. Ихъ изготовили:

1) шейхъ Зейнъ (Зейнеддинъ), ум. 1533 три года спустя послѣ самого Бабура, у котораго онъ былъ секретаремъ. Рукопись Брит. Муз. описана у Рьё, т. III (1883), стр. 926. Небольшой отрывокъ переведенъ, съ замѣчаніями о шейхѣ, у Элліота: Hist. of India, т. IV (1872), стр. 288-292. Трудъ шейха Зейна — не переводъ, а передѣлка, напыщенная, цвѣтистая, вычурная, тогда какъ джагатайскій стиль самого Бабура отличается очень пріятной простотой. (Элліотъ, IV, 218, сравниваетъ джагатайскій стиль Бабура съ ксенофонтовскимъ и цезаревскимъ).

2) Въ 1586 году мирза Пайенде Хасанъ Газнинскій съ товарищемъ дали не столько переводъ, сколько вольное переложеніе записокъ Бабура, для одного изъ сановниковъ императора Экбера. Рукопись Брит. Муз. описана у Рьё, т. II (1881), стр. 799-800. Версія совсѣмъ мало употребительная.

3) Вскорѣ для самого Экбера Великаго и по его повелѣнію въ 1590 г.[1], былъ изготовленъ его полководцемъ мирзою Абдеррахимомъ наиболѣе извѣстный, 3-й персидскій переводъ, довольно близкій къ тюркскому подлиннику. Съ этой персидской версіи былъ сдѣланъ сперва сокращенный англійскій переводъ Ф. Тальбота: „Memoirs of Baber“ (1809; интересенъ лишь снимками съ миніатюръ, изображающихъ сцены изъ жизни Бабура), а затѣмъ— переводъ Дж. Лейдена и W. Erskine'a (Лонд. 1826), съ историческимъ введеніемъ: „Memoirs of Zehir-eddin Muhammed Baber“ (2-е изд. 1844). Сюда же относится M. Caldecott: „Life of Baber, abridged from the memoirs“ (Лонд. 1844)[2]. Главы, посвященныя водворенію Бабура въ Индіи, переведены у Элліота въ „History of India“, т. IV (1872, стр. 218-287), съ предпосланной характеристикой Бабура; при переводѣ указываются встрѣчающіяся отличія отъ джагатайскаго текста.

Такимъ образомъ записки Бабура тѣсно соединились съ персидскою историческою литературою.

„Târîx-и Решîдî“, 1541-1545.

Цѣнное для исторіи монголовъ дополненіе мы имѣемъ въ писанномъ по-персидски, въ Индіи же, трудѣ двоюроднаго брата Бабура, мирзы Мохаммеда Хейдера (ум. 1551), озаглавленномъ «Târîx-и Решîдî» = «Лѣтопись въ честь людей праваго пути» (пис. въ 1541-1545 г.).

По словамъ самого автора, т.-е. мирзы Хейдера, его «Târîx-и Решîдî» должна служить дополненіемъ и хронологическимъ продолженіемъ къ тому вступленію объ исторіи монголовъ, которое мы находимъ при «Книгѣ Тимуровыхъ побѣдъ» (= Зефер-наме 1425 г.) Шерефеддина Алія Йездскаго и которое доходитъ лишь до событій половины XIV вѣка [3]. Практически задачу эту мирза Мохаммедъ-Хейдеръ исполнилъ такъ, что далъ сочиненіе въ двухъ частяхъ. Первая часть «Târîx-и Решîдî» есть исторія XIV—XVI в. родныхъ странъ ав-

---

[1]) См. у Абульфезля (1551-1602): Исторія Экбера, ч. III (Аîн-и Экбері), изд. Blochmann въ „Bibliotheca Indica“, стр. 335 и 105.

[2]) За точность заглавія не ручаюсь, потому что не имѣлъ въ рукахъ этой книги.

[3]) См. у насъ выше, стр. 53-54.

тора: Могулистана [1]) и Туркестана, точнѣе—Туркестана восточнаго (Кашгарскаго); вторая часть—автобіографія составителя, въ которой живо вырисовывается тягостная картина первыхъ временъ узбекскаго водворенія въ Трансоксаніи.

Авторъ хоть писалъ уже въ Индіи (онъ былъ правителемъ Кашмира при великомъ моголѣ Хомаюнѣ, 1530-1556, своемъ племянникѣ), уроженецъ-то былъ туркестанскій; родился онъ (1499) въ Ташкентѣ, гдѣ управлялъ его отецъ, пока вторгшіеся узбеки не убили его; жилъ онъ и на отцовской родинѣ въ Кашгарѣ со своимъ старшимъ родственникомъ и хорошо зналъ страну. Географическихъ сообщеній о Туркестанѣ, въ частности о Кашгарѣ, у мирзы Хейдера разсыпано много, и оттого Хейдерова «Лѣтопись въ честь людей праваго пути» можетъ служить очень удачной параллелью и дополнительною иллюстраціей къ «Бабур-наме», труду его царственнаго двоюроднаго брата [2]). Положимъ, издатель новѣйшаго перевода «Târîх-и Решîдî» [3]) сознается, что трудъ мирзы Мохаммеда-Хейдера не можетъ равняться съ записками Бабура: Бабуровы мемуары—полная картина нравовъ того времени, и стоятъ въ мусульманской словесности особнякомъ, какъ явленіе исключительное. Съ такой ограничительною оцѣнкою книги Хейдера соглашается и русскій рецензентъ перевода, спеціалистъ-знатокъ источниковъ по исторіи Туркестана, но все-же онъ считаетъ «Târîх-и Решîдî» за «едва ли не самый любопытный памятникъ мусульманской исторической литературы XVI вѣка» [4]).

Имѣется полный англійскій переводъ „Târîх-и Решîдî“—Росса, изданный 1895 съ подробнымъ введеніемъ Иляйеса: The Târîkh-i Rashîdî of Mirza Muhammad Haidar Dughlat, a history of the Moguls of Central Asia, an english version, edited with commentary, notes and map by N. Elias, the translation by E. Denison Ross (Лонд. 1895; стр. XXIV + 128+535).— Къ этому изданію см. строгую рецензію В. Бартольда въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общ.“, т. X (= 1896-1897), стр. 215—226; строгость рецензента впрочемъ относится больше къ введенію Иляйеса [5]), чѣмъ къ переводу Росса.

Персидскій оригиналъ не изданъ. Большія извлеченія однако опубликованы (съ русскимъ переводомъ) у В. В. Вельяминова-Зернова во II томѣ (1864) его „Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (стр. 130-229) [6]) и (безъ перевода) К. Г. Залеманномъ въ академическихъ „Mélanges Asiatiques“, IX. стр. 321-385.

---

[1]) Могулистанъ—область средне-азіатскихъ монголовъ (гдѣ одинъ изъ важныхъ восточныхъ городовъ—Турфанъ).

[2]) Повторяю (подобно Элліоту V, 128 и Рье I, 166) характеристику, сдѣланную Erskine'омъ (I, 192-193).

[3]) N. Elias (1895, стр. 3).

[4]) В. Бартольдъ (авторъ диссертаціи о Туркестанѣ) въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія“, т. X (1896-1897), стр. 215.

[5]) Содержаніе обширнаго Иляйесова введенія: 1) свѣдѣнія объ авторѣ „Târîх-и Решîдî“ и о самой книгѣ; 2) о Джагатаевой династіи; 3) о странѣ монголовъ: 4) монголы, тюрки и уйгуры: 5) Уйгуристанъ (восточное ханство); 6) эпоха автора „Târîх-и Решîдî“ и послѣдующія событія.

[6]) Трудъ Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, 4 чч., помѣщенъ въ „Трудахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.“ (въ тт. IX-XII, Спб. 1863, 1864, 1866, 1887).

Изъ предыдущей литературы отмѣтимъ:

W. Erskine: History of India under Baber and Humayun, т. I, стр. 38-192. Сокращенно изложена первая часть „Târîx-и Решîдî“; см. еще Appendix, стр. 537-539.

E. Quatremère, въ дополнительномъ примѣчаніи къ своей работѣ про Абдерраззака Самаркандскаго XV в. (въ „Notices et extraits“, т. XIV, 1843) далъ французскій переводъ свѣдѣній про Кашгаръ (стр. 474—489), сокращенно почерпнутыхъ изъ „Târîx-и Решîдî“ составителемъ жизнеописательно-географической персидской энциклопедіи „Хефт иqлîм“ = „Семь климатовъ“ 1594 года.

H. Elliot: History of India, t. V (1873), стр. 127-129 біографія Хейдеръ-мирзы, стр. 130—135 переводъ главы о междоусобицѣ въ семьѣ великихъ моголовъ (столкновеніе Хомаюна съ братомъ).

R. Shaw (путешественникъ по Кашгару) перевелъ извлеченія въ „Journal of the Royal Geographical Society“, т. 46 (= 1876), стр. 277—298.

Біографія автора „Târîx-и Решîдî“, полная разнообразныхъ превратностей, и обзоръ его сочиненія—хорошо изложены у Рьё въ I томѣ опис. перс. рукоп. Брит. Муз. (1879, стр. 164—167),—статья, не теряющая своего значенія и послѣ появленія изданія Elias'a 1895.

Чтобы закончить рѣчь объ историческихъ трудахъ этого періода, намъ остается сказать про «Târîx-и Эльфî».

„Лѣтопись за 1000 лѣтъ“ = „Târîx-и Эльфî“.

Въ 1585 году (= 993 hиджры) императоръ Индіи тимуридъ Экберъ Великій повелѣлъ группѣ окружающихъ его ученыхъ историковъ, частью соннитовъ, частью шіитовъ, составить сводную лѣтопись событій за истекающія 1000 лѣтъ существованія ислама. «Тысяча» по-арабски «äльф», и изготовленный сводъ называется «Târîx-и Эльфî» = «Лѣтопись тысячелѣтія». Въ этомъ лѣтописномъ сводѣ—три части, занимающія около полуторы тысячи рукописныхъ листовъ. Хронологія въ «Târîx-и Эльфî» ведется не отъ hиджры (не отъ 622 года), а своеобразно, отъ «рихле», т.-е. отъ смерти Пророка (632), такъ что, напр., 50-й годъ этой «Лѣтописи тысячелѣтія“ есть 60-й обычнаго мусульманскаго лѣтосчисленія.

Составленіе «Târîx-и Эльфî» длилось нѣсколько лѣтъ. По первоначальному замыслу оно должно было быть коллегіальнымъ, но въ результатѣ пало на двухъ-трехъ людей.

Сперва, лѣтопись дѣяній первыхъ четырехъ халифовъ (среди которыхъ трое ненавистны шіитамъ) скомпилирована была въ теченіе какой-нибудь недѣли соннитами, и въ ихъ числѣ находился набожно-легковѣрный историкъ Бадâоній [1]).

[1]) Бадâоній въ своемъ сочиненіи „Монтехеб эт-тевâрîх“ (котораго мы коснемся ниже) разсказываетъ, что кое-кто изъ сотрудниковъ „Târîx-и Эльфî“ вздумалъ-было усумниться въ подлинности одного сообщаемаго имъ факта, именно того, что городъ Нисибисъ въ сѣв. Месопотаміи былъ взятъ при халифѣ Омарѣ при помощи огромныхъ черныхъ скорпіоновъ, которыми мусульмане стрѣляли въ осажденный городъ. Бадаоній съ торжествомъ доказалъ имъ историчность этого сообщенія ссылкою на священную исторію „Ровзет эль-эхбâб“, составленную въ XV вѣкѣ при тимуридѣ Абу-Сеидѣ Херат-

То, что они написали, передано было въ руки главнаго составителя, муллы Ахмеда Татскаго, шіита. Онъ эти первые халифскіе годы передѣлалъ болѣе-менѣе по-своему, на шіитскій ладъ, такъ что даже очень терпимый императоръ Экберъ (не безъ подсказки, конечно, придворныхъ-соннитовъ) усмотрѣлъ въ изложеніи царствованія халифа Османа нѣкоторыя странности. Главная же работа муллы Ахмеда Татскаго, исполненная въ теченіе трехъ лѣтъ, заключалась въ томъ, что онъ довелъ «Лѣтопись тысячелѣтія» до временъ Джингизъ-хана, т.-е. составилъ двѣ первыхъ части труда. Работа внезапно была прервана гибелью Ахмеда Татскаго (1588, отъ руки фанатика-соннита, имѣвшаго и личные счеты съ Ахмедомъ). Третью, т.-е. заключительную, часть «Лѣтописи тысячелѣтія» дописалъ, до событій 997 = 1589 г., историкъ-полководецъ Асафъ-ханъ, а предисловіе далъ любимецъ императора Экбера Абульфезль [1]).

Одинъ изъ первыхъ участниковъ труда, ярый соннитъ, вышеупомянутый Абдалькâдыръ Бадâонскій (род. ок. 1541) получилъ отъ Экбера (1591) порученіе, послѣ гибели еретика-шіита муллы Ахмеда Татскаго, пересмотрѣть написанныя имъ двѣ части. Бадâоній это сдѣлалъ и проредактировалъ трудъ, по крайней мѣрѣ первую часть; во второй части, какъ онъ увѣряетъ, редактированъ имъ былъ только стиль сочиненія, и провѣрены даты, а тенденція изложенія въ общемъ осталась не тронута [2]): Бадâоній, по его словамъ, не хотѣлъ дать своимъ врагамъ возможности говорить, что молъ, вмѣсто однихъ предразсудковъ онъ ввелъ другіе [3]).

скомъ. См. „Монтехеб эт-теварîх" кальк. изд. II, 318; по-англійски у Элліота: History of India, т. V (1873), стр. 152, гдѣ вообще полностью переведены выписки изъ Бадâонія, повѣствующія о способѣ составленія „Тâрîх-и Эльфî" (О „Ровзет эль-эхбâб" см. у Рье, перс. рукоп., I, 1879, стр. 147).

[1]) Абульфезль, род. 1551, ум. 1602, былъ и историкомъ. Онъ — авторъ исторіи Экбера: „Экбер-наме" (гдѣ III часть называется „Аîн-и Экберî"), изданной и переведенной Blochmann'омъ въ „Bibliotheca Indica". Обыкновенно же имя Абульфезля сочетается съ представленіемъ объ его передѣлкѣ знаменитыхъ странствующихъ Биднаевыхъ басенъ („Эйâр-и дâниш").

[2]) Въ какой степени, къ тому же, чувствовалъ себя Бадâоній всеобщимъ историкомъ халифата, трудно сказать. Спеціальностью его, сверхъ переводовъ съ санскрита, была исторія мусульманскихъ династій Индіи. Исторія Индіи отъ первыхъ мусульманскихъ завоевателей, газневидовъ, до временъ Экбера Великаго (именно до 1004 = 1596 года) изложена Бâдâоніемъ въ трудѣ: „Монтехеб эт-теварîх" = „Выборка изъ лѣтописей", иначе „Тâрîх-и Бедâу'нî". Изданъ трудъ Бадâонія въ „Bibliotheca Indica", 3 чч. (Калькутта 1864—1869). Огромныя извлеченія переведены у Элліота: „History of India", т. V (1873), стр. 482-549 (про Экбера Великаго, про окружавшихъ его писателей, напр., поэта Фейзи). Тамъ же (т. V, стр. 477-482) дана біографія Бадâонія: см. еще Рье, перс. катал. Брит. муз., т. I (1879, стр. 222-223). Въ „Bibliotheca Indica" переводъ W. H. Löwe (1884-1889) и G. Ranking'a (1895-1899), — не оконченъ.

[3]) См. по-англійски выписку изъ Бадâонія у Элліота: „History of India", т. V (1873), стр. 153, сноска 2-я. Здѣсь у Элліота вообще даны свѣдѣнія о „Тâрîх-и Эльфî" (т. V, стр. 150-159) и переведены нѣкоторые отрывки (стр. 159-176), относящіеся къ Индіи. См. у Элліота болѣе ранній „Biographical Index to the historians of muhammedan India" (Кальк. 1849), стр. 143-162. Рьё, въ перс. кат. Брит. Муз., т. I (1879, стр. 117-118), преимущественно вкратцѣ повторяетъ сообщенія Элліота.

Особаго распространенія «Тâрîх-и Эльфî» не имѣла. Рукописи ея рѣдки. Вытѣснить излюбленнаго персами Мирхонда ей не пришлось. Все-таки въ области персидской всеобщей исторіографіи она можетъ быть признана за послѣднее крупное явленіе. Послѣ того индійско-персидская историческая литература представляетъ интересъ исключительно мѣстный.

ЛИТЕРАТУРА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ.

I.

а) ЛИХОЛѢТЬЕ ДЖИНГИЗЪ-ХАНА И ХУЛАГИДСКАЯ ЭПОХА, ДО НАЧ. XIV В.

Преобладаніе мистико-религіознаго, суфійскаго характера въ литературѣ періода Джингизъ-хана и его преемниковъ XIII и нач. XIV в. Лучшіе поэты — на окраинахъ.

Особо-широкое развитіе пріобрѣла у персовъ при монголахъ литература мистико-религіозная и мистико-поэтическая.

Несчастія монгольскаго вторженія и наступившаго лихолѣтья подняли у персовъ духъ вѣры. Этому подъему могли отчасти удовлетворять въ литературѣ и такія чисто-исламскія сочиненія, какъ духовная поэма: «Энбій-нâмé» (=«Книга до-исламскихъ пророковъ»), которую ок. XIII в. написалъ Абу-Исхакъ Хесенîй Шебистерîй Эйнîй [1]) размѣромъ героической «Шâhъ-нâмé». Потребность измученнаго человѣка сосредоточиться въ самомъ себѣ благопріятствовала однако развитію не столько ислама, сколько суфизма; множество людей обратились въ дервишей, и всю персидскую литературу монгольскаго періода (XIII—XV вв.) можно назвать суфійскою.

Сӯфизмъ заинтересовалъ массы въ особенности не какъ религія, а какъ житейскій аскетизмъ, т. е. наиболѣе удобная въ то время форма жизни. Конечно, и у писателей предыдущаго вѣка, эпохи сельджукскихъ междоусобій, эта сторона суфійства не затемнялась. «Пенд-нâмé»=«Книга совѣтовъ» шейха ʿАттâра (1119-1230), трагически погибшаго въ Нишапурѣ при нашествіи монголовъ на Хорасанъ — достаточный тому примѣръ [2]): вездѣ въ ней красною нитью проходитъ тенденція, что надо обуздать себя отъ страстей и потребностей, и человѣку ничто не будетъ страшно. Но въ монгольскую эпоху, подъ вѣчнымъ Дамокловымъ мечомъ, человѣкъ просто въ силу неизбѣжности склонялся къ мысли, что ничего не имѣющій и ничѣмъ не дорожащій — ничего и не теряетъ. Мысль эта одинаково вростала въ сознаніе какъ тѣхъ, кто пострадалъ отъ монгольскаго нашествія, такъ не менѣе и тѣхъ, кто по отдаленности еще только ждалъ прихода этого бича Божія.

Къ людямъ второго рода относятся три великихъ персидскихъ поэта XIII вѣка, жившіе одинъ въ Коніи, въ сельджукской Малой Азіи (Румѣ), другой — послѣ скитаній — въ родномъ атабекскомъ Фарсѣ, третій помоложе ихъ — въ Индіи. Они три — Джеляледдинъ Румîй (1207-1273), Саʿдîй Ши-

---

[1]) Шебистеръ—въ Азербейджанѣ. въ 8 миляхъ отъ Тебриза.

[2]) См. „Исторію Персіи", ч. II (М. 1912), стр. 255.

разскій (1184-1291) и Хосровъ Деhлійскій (1253-1325). Ихъ области не испытали полностью тѣхъ ужасовъ, какимъ подверглась прочая Азія. Едва ли, кстати сказать, можно считать простою случайностью, что три великихъ поэта XIII в. явились въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе уберегшихся отъ Джингизъ-хановой и Хулагу-хановой орды. Inter arma silent Musae.

Джеляледдинъ Румій (ум. 1273) и Са'дій Ширазскій (ум. 1291).

Прекрасныя, возвышенныя произведенія пантеиста Джеляледдина Румійскаго (1207-1273), автора лирическаго прочувствованнаго «Дивана» и повѣствовательныхъ «Месневи»—лучшее, что вообще когда-либо дала вся суфійская литература [1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ Джеляледдинъ—основатель особаго дервишескаго ордена «мевлеви» (одного изъ многихъ, возникшихъ въ тяжкую монгольскую эпоху), и шейхи ордена продолжали свято хранить въ Коніи религіозные завѣты своего учителя. Въ Конію стекаются ученики изъ отдаленныхъ мѣстностей. Небезызвѣстенъ странствующій дервишъ 'Иракый (ум. послѣ 1287 г.), который изъ Персіи и Индіи пріѣхалъ въ малоазійскую Конію и слушалъ тамъ отъ шейха Садреддина Конійскаго, изъ послѣдователей и преемниковъ Джеляледдина, толкованія на одно западно-суфійское произведеніе [2]). Содержаніе выслушанныхъ лекцій дервишъ-'Иракый поэтически выразилъ въ «Блистаніяхъ»=«Лема'т» (ок. 1270); это художественное изложеніе суфійскихъ теорій, имѣвшее большой успѣхъ и у дальнѣйшихъ поколѣній [3]), писано прозою въ перемежку со стихами,—вѣроятно, не безъ вліянія формы «Розоваго цвѣтника» Са'дія, второго изъ великихъ суфійскихъ поэтовъ XIII вѣка.

Въ суфійскихъ произведеніяхъ Джеляледдина преобладающая черта—ихъ духовная возвышенность. Положимъ, и въ нихъ довольно рельефно пробивается мысль о реальномъ, житейскомъ удобствѣ суфійства, на тему, что «человѣкъ Божій сытъ безъ мяса, пьянъ безъ вина». Въ общемъ однако практицизмъ—черта нетипичная для Джеляледдина, и яркости она достигла въ сочиненіяхъ дѣйствительно практическаго суфія-моралиста Са'дія Ширазскаго (1184-1291) [4]), чрезвычайно остроумныхъ и донынѣ въ высшей степени популярныхъ во всемъ исламскомъ мірѣ. Прежде, чѣмъ Са'дій водворился на постоянное жительство въ родномъ своемъ атабекскомъ Фарсѣ, судьба швыряла его во всѣ стороны мусульманскаго міра, отъ Индіи до Сиріи, заставила его все испытать: сегодня—онъ набожный мусульманинъ, завтра—принимаетъ для спасенія жизни

---

[1]) Джеляледдину ниже посвящается особая большая глава, съ образцами.

[2]) Именно на „Перстни съ мудрыми изреченіями" ибнъ-Арабія, родомъ андалусца (род. 1164, ум. подъ Дамаскомъ 1240). См. объ ибнъ-Арабіѣ въ очеркѣ суфійства въ II части „Исторіи Персіи" (1912), стр. 75-76.

[3]) Среди комментаріевъ на Иракыевы „Блистанія" особенно извѣстенъ комментарій, составленный классикомъ Джаміемъ XV в.—Образцы лирики Иракыя перевелъ Хаммеръ: „Gesch. der schönen Redekünste Persiens" (1818), стр. 226-228.

[4]) О Са'діѣ ниже слѣдуетъ спеціальная глава, со множествомъ переводовъ изъ него по-русски.

браһманскую религію въ Индіи; сегодня — онъ почтенный шейхъ-учитель въ Дамаскѣ, завтра — рабъ сирійскихъ крестоносцевъ и роетъ окопы для триполійской рыцарской крѣпости, направляемой противъ мусульманъ. Пантеистическое суфійство такого человѣка, который «изъ рукъ судьбы поѣлъ и горячаго, и холоднаго», разумѣется, должно было отличаться приспособляемостью и уступчивой двойственностью. Если въ своемъ стихотворномъ «Бустанѣ» = «Плодовомъ саду» и въ лирическихъ изліяніяхъ (касыдахъ, газеляхъ и пр.) Са́дій вдохновенно призываетъ людей познать суету міра и его ничтожество, то въ полупрозаическомъ-полустихотворномъ, полномъ анекдотовъ «Голистанѣ» = «Розовомъ цвѣтникѣ» онъ предлагаетъ наилучшіе способы, чтобы ужиться поспокойнѣе въ этомъ суетномъ, ничтожномъ мірѣ; суть наставленій сводится къ правилу: «Не будь волкомъ, но и не будь овцою, чтобы не съѣли волки». Въ мистическихъ касыдахъ и въ «Бустанѣ» Са́дій съ теоретическою восторженностью воспѣваетъ равенство всѣхъ религій, а въ практическомъ совѣтѣ читателю, для иллюстраціи мысли, что умному человѣку все пригодится, Са́дій наивно приводитъ наглядный примѣръ:

„Въ христіанскомъ колодцѣ — вода нечиста?—
„Въ ней мы можемъ омыть трупъ поганый жида!..

Онъ зоветъ къ умерщвленію плоти, и въ то же время, въ угоду сильнымъ міра сего, пишетъ непристойнѣйшія, грубо порнографическія «Гнусности и шутливыя засѣданія» на манеръ Сузенія Самаркандскаго [1]).

Са́дій — любимый обиходный поэтъ персовъ. Подражанія ему начались при его жизни и продолжаются до настоящаго времени, чему содѣйствуетъ изученіе «Голистана» персами на школьной еще скамьѣ [2]). Какъ лирикъ, Са́дій тоже первоклассная величина и имѣлъ вліяніе на дальнѣйшихъ лириковъ [3]).

Хосровъ Деһлійскій (1253-1325) и Нехшебій (ум. 1350).

Третій, сверхъ Джеляладдина и Са́дія, великій персидскій поэтъ XIII вѣка, по мѣсту жительства былъ индустанецъ. Это былъ подданный деһлійскихъ султановъ, династіи хильджей - эмиръ Хосровъ Деһлійскій (1253-1325) [4]), имя котораго обыкновенно сочетается съ именемъ его ученика и товарища-

---

[1]) О Сузеніи Самаркандскомъ (ум. 1174) см. „Исторію Персіи“, ч. II (1912), стр. 34.

[2]) Наиболѣе классическое изъ подражаній „Голистану“ Са́дія есть „Беһаристанъ“ = „Весенній садъ“ Джамія XV в.

[3]) Эдв. Браунъ въ „A literary history of Persia“, т. II (1906, стр. 538-539) показываетъ, что даже у царя „газели“ Хафиза XIV в. есть заимствованія отдѣльныхъ стиховъ изъ дивана Са́дія.

[4]) Династія хильджей (или халаджей), владѣвшая Деһлійскимъ султанатомъ между 1290-1320 гг., смѣнила собою деһлійскую династію т.-н. „рабовъ гуридскихъ“, или индустанскихъ мамлюковъ, при которой протекли юношескіе годы Хосрова Деһлійскаго.

пріятеля Хасана Деһлійскаго (ум. 1327), такъ что эмиръ-Хосровъ и эмиръ-Хасанъ вспоминаются одновременно. Второго изъ нихъ, эмира-Хасана, современники титуловали «индустанскимъ Са'діемъ», имѣя въ виду, конечно, только лирику Са'дія [1],—лирику, кстати напомнить, у Са'дія незаурядную. Несравненно разностороннѣе и талантливѣе—его старшій другъ эмиръ-Хосровъ.

Эмиръ Хосровъ Деһлійскій (1253-1325)—сынъ пришельца: отецъ бѣжалъ изъ китайскаго Туркестана въ Индію, спасаясь отъ нашествія полчищъ Джингизъ-хана. Сынъ считается лучшимъ персидскимъ поэтомъ Индіи (писалъ и по-индустански); онъ имѣлъ огромное вліяніе и на поэтовъ Ирана, особенно на классика-Джамія XV в., о которомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ [2]. Хосровъ Деһлійскій былъ отчасти дѣловымъ историкомъ-прозаикомъ [3], но онъ посвятилъ и четыре историко-эпическія поэмы прославленію деһлійскихъ государей, излагая въ поэмахъ, какъ бы въ видѣ стихотворныхъ романовъ, ихъ жизнь,—жизнь не только побѣдоносную, составляющую удѣлъ общеинтересной, политической исторіи, но и жизнь частную, душевную, романтическую. Сюда, напримѣръ, относится у Хосрова Деһлійскаго «Повѣсть о Хизрханѣ и Довальрâнй» про трагическую любовь цесаревича Деһлійскаго къ дочери Гуджератскаго раджи (1316) [4]. Это—новинка въ области эпическаго творчества послѣ романтической пятерицы Низамія XII в. Съ Низаміемъ Хосровъ Деһлійскій еще раньше имѣлъ точки соприкосновенія: онъ тоже, какъ и Низамій, составилъ (1298-1302) романтическую «Пятерицу»=«Хемсе» (которая на поэтовъ иранскихъ XIV и XV вв., т.-е. предтимуровскихъ и тимуридскихъ временъ, оказывала даже больше воздѣйствія, чѣмъ «Пятерица» Низамія; срв., напр.,

---

[1]) Одна газель Хасана Деһлійскаго по-нѣмецки у Хаммера: Redekünste (1818), стр. 232. Десятокъ газелей—у Bland'a: A century of persian ghazals (1851), стр. 5-8. Двѣ по-итальянски у Пицци: Storia della poesia persiana, I (1894), стр. 170-171. Джамій XV в. въ своемъ „Беһаристанѣ" утверждаетъ, что лирика Хасана Деһлійскаго имѣла вліяніе на шейха Кямаля Ходжендскаго XIV в., жившаго въ Тебризѣ (О Кямалѣ—ниже).

[2]) Въ особой посвященной Джамію главѣ намъ поэтому еще придется коснуться произведеній Хосрова Деһлійскаго съ достаточной подробностью.

[3]) Хосрововская прозаическая „Târîх-и 'Алâï", т.-е. исторія начальныхъ 15 лѣтъ царствованія Деһлійскаго султана Алаэддина Хильджа (1296-1316), изложена и частью переведена у Х. Элліота: „History of India", III (Лонд. 1871), стр. 67-92.

[4]) Разсмотрѣніе эпическихъ произведеній эмира-Хосрова изъ жизни деһлійскихъ государей, часто съ переводомъ извлеченій, дано у Элліота: „History of India", т. III (1871), стр. 524-566, вмѣстѣ съ разсыпанными свѣдѣніями о самомъ эмирѣ-Хосровѣ; короче—у Рье въ опис. перс. рукописей Британскаго Муз., т. II (1881), стр. 611-612; срв. т. I (1879), стр. 240-241 (біографія). Литографски изъ этихъ поэмъ издано „Кырâн эс-се'дейн"=„Соединеніе двухъ счастливыхъ свѣтилъ" (о встрѣчѣ двухъ индійскихъ султановъ, отца и сына, Насыреддина и Кейкобада, въ 1289 г.); Лакнау 1259=1843 и (съ коммент.) 1261=1845; безъ даты около середины 1890-хъ годовъ въ Теһранѣ (253 стр.). Извлеченія по-англ. проф. Cowell'я въ бенгальскомъ „Journ. of Asiat. Soc." 1860, т. 29, стр. 225-239 (и, какъ упомянуто, у Элліота, т. III, 1871, стр. 524-534). Характеристика „Кырâн эс се'дейн"—у Хорна: „Gesch. der pers. Litt." (1901), стр. 191; онъ подчеркиваетъ искусственность постройки поэмы.

классика-Джамія XV в.) [1]. Превосходенъ Хосровъ Деhлійскій и какъ лирикъ: его прочувствованныя лирическія газели, образующія собою пять «диванов ъ»— пожалуй, наилучшія газели изъ предъ-Хафизовскихъ [2]. Въ старости эмиръ Хосровъ Деhлійскій удалился отъ двора и окончательно отдался созерцательной жизни [3].

Тамъ же въ Индустанѣ младшимъ современникомъ Хосрова Деhлійскаго былъ авторъ поучительно-сказочной «Книги попугая» (=«Тутй-нâмé») Зіяэддинъ Нехшебій (ум. 1350), родомъ, какъ видно и по его прозвищу, изъ Средней Азіи [4]. Онъ литературно выдвинулся при той же династіи султановъ-хильджей, при которой жилъ Хосровъ (въ частности при деhлійскомъ султанѣ Алаэддинѣ, 1296-1316) [5], но пережилъ и династію хильджей и кончину Хосрова Деhлійскаго на четверть столѣтія [6]. Ко временамъ еще хильджійской династіи

---

1) Составъ „Хемсе“ эмира Хосрова Деhлійскаго: 1) „Восхожденіе свѣтилъ“, 2) Ширина и Хосровъ“, 3) „Меджнунъ и Лейла“, 4) „Зеркало Александра Македонскаго“, 5) „Восемь раевъ“ про Беhрама Гура. Порядокъ № 4 и № 5 бываетъ въ спискахъ и обратный, т.-е. морализаторская Александрія на концѣ (напр., см. въ Biograph. notices of pers. poets“ Ouseley, 1846, стр. 153). Срв. составъ „Пятерицы“ Низамія XII-XIII в. въ „Исторіи Персіи“, т. II (1912), стр. 163-170. Изъ Хосрововой „Хемсе“ напеч. „Лейла и Меджнунъ“ (Кальк. 1226=1811); литограф. тамъ же 1818 и 1828=1244; извлеченіе въ „Persian Selections“ Lumsden'а, Кальк. 1828 (? или какъ въ библіографіи Zenker'а I, № 388, 1811 г.? лично я не видѣлъ экземпляра); литогр. 1264=1848; Лакнау 1286=1869. По-итальянски отрывокъ изъ „Зеркала Александра“—въ Storia della poes. pers.“ Пицци, т. II (1894), стр. 273-274.—Замѣтимъ для исторіи русскаго востоковѣдѣнія, что С. Назарьянцъ въ своей докторской диссертаціи: „Абулъ Касемъ Фердауси Тусскій, съ присовокупленіемъ обзора исторіи персид. поэзіи до XV в.“, кн. II (М. 1851, стр. 80-81), говоря о Хосровѣ Деhлійскомъ со словъ Хаммера (1818, Redekünste), не сумѣлъ даже правильно протранскрибировать заглавія „Пятерицы“; и заглавіе: „Восхожденія свѣтилъ“ (=Метâли' эль-энвâр“ مطالع الانوار) передано у Назарьянца тремя словами: „Метт 'алâ ль-энвâр“ (مت على الانوار sic!).

2) Нѣмецкія стихотворныя извлеченія изъ лирики Хосрова Деhлійскаго—у Хаммера: Redekünste (1818), стр. 229-232. Четыре образца по-итальянски у Пицци: Storia della poes. pers. I (1894), стр. 169-170. Печатное изданіе четырехъ его дивановъ (безъ пятаго)—Лакнау 1874 подъ невѣрнымъ заглавіемъ: „Коллійййâт“. Характеристика четырехъ дивановъ—у Элліота: History of India т. III (1871), стр. 534 и слѣд. Заглавія пяти дивановъ Хосрова: 1) „Даръ юности“ (Тохфет эс-сыгер, редакт. въ 1272 г.); 2) „Средина жизни“ (Весет эль-хеят 1286 г.); 3) „Признакъ завершенія“ [=зрѣлаго возраста; Горрет эль-кямаль, 1302 г.); 4) „Избранный остатокъ“, т.-е. старческіе стихи (Беqыййе-і неqыййе, 1318 г.); 5) „Крайній предѣлъ завершенія [жизни; Ниhâйет эль-кямâль, 1325, за два мѣсяца до смерти).

3) О неизданныхъ произведеніяхъ Хосрова Деhлійскаго см. у Рьё въ опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. II (1881, стр. 609-618) при описаніи „Коллійййâт“ Хосрова. У Эте—въ „Grundriss der iran. Philol.“ II (1896), стр. 244-245. Очень цѣнныя рукописи его произведеній хранятся въ библіотекѣ Спец. Классовъ Лазар. Инст. Вост. яз., обѣ ок. начала XVI в. (См. про одну въ печатномъ каталогѣ № 341, другая—въ пріобрѣтеніяхъ 1910-го г.).

4) Нехшебъ, иначе Несефъ (или Каршы)—городъ между Самаркандомъ и р. Аму-Дарьей.

5) „Въ царствованіе Алаэддина г. Деhли былъ большимъ мѣстомъ встрѣчи всѣхъ ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, несмотря на непривѣтливость самого султана“. См. у Элліота: „Hist. of India“, т. VI (1875), стр. 485; нѣсколько словъ брошено тамъ и о Нехшебіѣ; см. еще Rieu, опис. перс. рукоп. Брит. муз., т. II (1881), стр. 740-741.

6) Династію деhлійскихъ султановъ-хильджей смѣнила въ Индіи лѣтъ на сто династія тоглукидовъ (1320-1412), при которой и умеръ Нехшебій.

(иначе: халаджійской, при султанѣ Мобарекъ-шахѣ 1317-1320) относится украшенная проза Нехшебія, перемѣшанная со стихами: «Джоз'іййáт о коллійййáт»=«Части и цѣлое», о премудро устроенныхъ Богомъ частяхъ человѣческаго тѣла (числомъ 40). Возможно, что къ совсѣмъ раннимъ, юношескимъ произведеніямъ Нехшебія (въ пожиломъ возрастѣ это былъ аскетъ) надо причислить его «Лиззет эн-нисá»=«Усладу отъ женщинъ», характера сексуальнаго, передѣлку индійскаго сочиненія «Кокá-шáстра» [2]), которое по-индійски написано якобы Кокой-пандитой, министромъ одного индійскаго царя. Въ передѣлкѣ Нехшебія многія, казалось бы непонятныя, индійскія слова оставлены безъ перевода, а прямо приводятся по индійски,—видно, что онъ индійскимъ языкомъ владѣлъ [3]). Главная слава Нехшебія заключается, однако, не въ этихъ его работахъ, а въ трудѣ его зрѣлыхъ лѣтъ, сборникѣ прозаическихъ разсказовъ: «Т ý т í - н á м é»=«Книга попугая» (1330). Основа «Книги попугая»—индійская [4]), но Нехшебій,

---

1) Сноска къ предыдущей страницѣ Въ 3-ей сноскѣ, по недосмотру типографіи, опущены два библіографическихъ указанія, относящіяся къ Хосрову Деhлійскому. Именно: а) Amir Khusrau-e Dehlavi (odes 1-60), text with an introduction, literal translation and full explanatory notes by A. O. Koreishi, Бомбей 1901 (изд. Корейши); 152 стр;—б) Hedayat Hosain: Kulliyat Amir Khusru—небольшая замѣтка о жизни и произведеніяхъ Хосрова, въ „Journal of the Moslem Institute“, т. II (=1907), стр. 89—93

2) Впрочемъ, возрастная психологія не всегда надежный хронологическій критерій въ такихъ случаяхъ. Шейхъ Са'дій могъ же писать свои „Хебîсâт“=„Гнусности“ вовсе не въ юношескомъ возрастѣ. Нельзя поэтому сказать съ увѣренностью, что и Нехшебій не могъ свою „Усладу отъ женщинъ“ писать въ старческо-аскетическій періодъ своей жизни.

3) См. объ этомъ § 3 въ статьѣ В. Пертша: „Ueber Nachschabi's Papagaienbuch“, въ Zeitschr. der D. Morgenl. Ges., т. 21 (=1867), стр 511-512.

4) У насъ въ распоряженіи нѣтъ такого индійскаго сборника, который могъ бы считаться прямымъ, буквальнымъ оригиналомъ для персидской „Тути-наме“, но все же имѣется нѣсколько болѣе поздняя и, повидимому, кое-въ-чемъ ужъ сокращенная индійская передѣлка болѣе стараго индійскаго сборника, вѣроятно, того самого, на которомъ основана персидская „Тути-наме“. Эта болѣе поздняя индійская передѣлка называется „Шюка-саптати“=„Попугаевыхъ [разсказовъ] семьдесятъ“. Критическое санскритское изданіе Шюка-саптати далъ Р. Шмидтъ (1893, въ X томѣ „Abhandlungen für die Kunde des Morg“). и онъ же издалъ нѣмецкій переводъ (въ Килѣ). Срв. его примѣчанія къ тексту „Шюка-саптати“ въ „Zeitschr. der Deutsch Morg. Ges“, т. 48 (=1894), стр. 580-628. Прежде у фольклористовъ былъ въ ходу новогреческій переводъ Дим. Галаноса (Аѳины 1851), данный имъ при переводѣ Хитопадеши.

какъ мы знаемъ изъ его предисловія, не былъ непосредственнымъ переводчикомъ съ индійскаго языка. Ужъ раньше его существовала на персидскомъ языкѣ «Книга попугая», «ки осул-и у ез котоб-и Хинд ест»=«основы которой [взяты были] изъ книгъ Индіи» [1]). Да только, ко временамъ Нехшебія эта персидская обработка казалась уже устарѣлою,—и вотъ Нехшебію дано было порученіе передѣлать ее въ духѣ хорошаго, болѣе моднаго стиля. Нехшебіева «Тути-наме» вполнѣ затьмила до-Нехшебіевскую «Тути-наме», даже вовсе вытѣснила ее изъ обихода, такъ-что и рукописей отъ той не осталось [2]). По своей художественной постройкѣ, сборникъ «Тути-наме» представляетъ собою сперва введеніе о мужѣ и женѣ и объ отъѣздѣ мужа, далѣе «52 ночи», т. е. 52 главы разсказовъ, и наконецъ заключеніе: возвращеніе мужа. Каждую ночь попугай мужа, уѣхавшаго въ путешествіе, старается предостеречь его жену отъ измѣны, разсказывая ей всякія интересныя исторіи, которыя свидѣтельствуютъ, что надо быть благоразумной. Въ 8-ой ночи составителемъ «Книги попугая» (т. е., вѣроятно, еще предшественникомъ Нехшебія, старымъ переводчикомъ) использована «Синдибадова книга» о женскомъ коварствѣ и о мудрыхъ министрахъ, спасающихъ оклеветаннаго царевича отъ отцовскаго гнѣва.

«Тути-наме» Нехшебія (1330) имѣетъ довольно значительную дальнѣйшую литературную исторію. Она подвергалась сокращеніямъ, передѣлкамъ, переводамъ на другіе языки. Двѣ наиболѣе извѣстныя передѣлки, обѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ «Тути-наме», относятся къ XVII вѣку [3]): авторъ одной изъ нихъ, сокращенной на персидскомъ языкѣ, есть Мохеммедъ Кадирій; авторъ другой изъ нихъ,

---

[1]) Поучительно здѣсь слово „изъ книгъ“ (во множ. числѣ), а не „изъ книги“. Выводъ отсюда можно сдѣлать тотъ, что до-Нехшебіевская персидская „Книга попугая“ не была простымъ переводомъ какой-нибудь одной индійской книги, но компиляціей изъ нѣсколькихъ индійскихъ книгъ. Такой выводъ былъ сдѣланъ Г. Бенфеемъ въ „Götting. Gelehrte Anzeigen“ 1858 (стр. 534) и В. Пертшемъ въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.“, т. 21=1867, стр. 515.

[2]) У меня впрочемъ есть личное подозрѣніе (котораго я никакими историческими указаніями подтвердить не могу), что лубочно-персидская „Чеһель-тути“=„Сорокъ [разсказовъ] попугая“, о которой мы скажемъ ниже (стр. 89-90), восходитъ къ до-Нехшебіевской редакціи „Книги попугая“.

[3]) Была и въ XVI в. сдѣлана, по повелѣнію великаго могола Экбера, сокращенная передѣлка „Тути-наме“ его придворнымъ Абульфезлемъ. См. Рьё, опис. персид. рукописей Британ. Муз., т. II (1881), стр. 753-754.

довольно полной, на турецкомъ языкѣ, есть Сары-Абдулла-эфенди (ум. 1661). И у Кадирія, и у турка Сары имѣются не только сокращенія, но и вставочныя темы. Огромною популярностью въ Персіи пользуется третья, вульгарно-лубочная редакція. озаглавленная иначе: «Чеһель-тути»= «Сорокъ [разсказовъ] попугая» [1]), гдѣ только рамка (исторія мужа, уѣзжающаго отъ жены въ путешествіе) — общая съ «Тути-наме» [2]), а разсказы попугая купеческой женѣ—вовсе не тѣ. Дадимъ библіографію и для «Тути-наме» самого Нехшебія, и для сокращенной Кадиріевой редакціи, и для редакціи турецкой, и для «Чеһель-тути»:

А). Подлинную Нехшебіеву «Тути-наме» неполностью перевелъ на англійскій языкъ R. Gerrans: «Tales of a parrot, done into english, from a persian manuscript», Лонд. 1792 г. Этотъ англійскій переводъ не только неполонъ (не больше 1/4), но и неудовлетворителенъ, слишкомъ далекъ и воленъ [3]) — Введеніе, 1-я ночь, ночи 7, 11 и 48 и заключеніе переведены по-нѣмецки Козегартеномъ (1822) въ приложеніи къ нижеуказываемой (Кадиріевой) книгѣ Икена.— Ночь 8-ая (гдѣ въ «Тути-наме» использована «Синдибадова книга») издана по-персидски всего въ 12 экземплярахъ съ нѣмецкимъ переводомъ Брокхауса: «Die sieben weisen Meister von Nachschebi» (Лейпц. 1845; стр. 12 и 15) [4]). Безъ персидскаго текста работа Брокхауса уже была раньше напечатана въ «Die Blätter für litterarische Unterhaltung» 1843 (№ 242 и № 243=стр. 969 сл.). а затѣмъ переведена на итальянскій языкъ проф. E. Teza: «I sette savj nel Tûtî nâmah di Nakhshabî» въ книгѣ d'Ancona: «Il libro dei sette savj di Roma»,

---

1) Персы переводятъ просто: „40 попугаевъ", хотя рѣчь идетъ лишь о двухъ: одномъ—котораго въ гнѣвѣ пришибла жена купца, другомъ—который разсказываетъ сказки ей.

2) Да и въ рамкѣ есть между „Тути-наме" и „Чеһель-тути" существенная разница въ подробностяхъ.

3) Говорить это могу лишь съ чужихъ словъ (напр. Pertsch'a въ „Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges." 1867, т. 21, стр. 508), потому что этой старой книги 1792 г. не имѣю. Фамилію переводчика надо читать съ s на концѣ, а не съ t (не Gerrant), въ противность двойному упоминанію Ценкеровой „Bibliotheca Orientalis" I (Лпц. 1846), стр. 83 и 242.

4) Объ этомъ Брокгаусовскомъ капризномъ изданіи 8-ой ночи, недоступномъ для публики, см. рецензію Жюля Моля въ „Journal Asiatique" 1846, іюль, стр. 41.— Проводимая Брокгаусомъ мысль, будто въ версіи Нехшебія мы должны видѣть древнѣйшую форму „Синдибадовой книги", отвергнута наукой. Срв. изслѣдованіе о „Книгѣ Синдибада" С. Ѳ. Ольденбурга въ юбилейномъ сборникѣ бар. Розена (Спб. 1897, стр. 265).

Пиза 1864, стр. XXXVII-LXIV) [1]).—Ночь 11-ая [2]), съ рукописи Тедзы, переведена у П и ц ц и въ «Storia della poesia persiana», т. II (1894), стр. 358-364.—Изданія полнаго персидскаго текста подлинной Нехшебіевой «Тути-наме», сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ.

Б) Редакцію Кадирія XVII в., т. е. болѣе сокращенную персидскую передѣлку «Тути-наме», издалъ по-персидски съ параллельнымъ, на правой сторонѣ, англійскимъ переводомъ G l a d w i n (впрочемъ не поставивши своей фамиліи): «The Tooti nameh, or tales of a parrot», Калькутта 1801 и, reprinted, Лонд. 1801 (стр. IX и 170 персид. налѣво и 170 англ. направо) [3]): съ англійскаго языка былъ изданъ французскій переводъ Marie d'Heures (Пар. 1826).—Нѣмецкій переводъ C. I k e n: «Touti nameh, eine Sammlung persischer Märchen von Nechschebi», Штуттг.-Тюбинг. 1822-1837; въ концѣ Икенова перевода, сдѣланнаго по тексту Кâдирія, приложены Козегартеновы переводы образцовъ изъ подлинной Нехшебіевой книги [4]). Важное критическое переизданіе R. S c h m i d t'a (изслѣдователя санскритской передѣлки «Шюка саптати»): «Das persische Papageien-Buch, deutsche Uebertragung von C. Iken, hrsg. u. eingeleitet von R. Schmidt» (1905).—У П и ц ц и: «Storia della poes. pers.» II (1894), стр. 364-365, переведенъ изъ Кадиріевой передѣлки 5-ый разсказъ.—Въ Россіи текстъ шести разсказовъ по-персидски помѣстилъ А. Б о л д ы р е в ъ въ I ч своей «Персидской хрестоматіи» (изд. 2-е, М. 1833, стр. 26-42; 1-е изд. 1826) [5]), а р у с с к і е переводы

---

[1]) Изъ 8-ой ночи кромѣ того переведенъ былъ, много позже, одинъ разсказъ: „Der Maler als Freiwerber, von Tuti Nameh, aus dem pers. übersetzt von Egmont A l a d i n"—въ „Aus fremden Zungen", VII (=1900 г.), стр. 766 сл.

[2]) Эта 11-ая ночь ужъ была переведена по-нѣмецки, Козегартеномъ.

[3]) Гладуиновъ переводъ Кадиріевой, сокращенной редакціи есть въ библіотекѣ Лазаревскаго Института, № 153 хр.=№ 631 топ.

[4]) См. выше, стр. 87, А.

[5]) Болдыревъ, не имѣя привычки указывать источники, не дѣлаетъ помѣтки, что разсказы онъ беретъ изъ „Тути-наме", и тѣмъ паче—что изъ Кадиріевой передѣлки, а не изъ подлиннаго Нехшебія. Но сличеніе съ изданіемъ Гладуина показываетъ, что источникомъ Болдырева было именно Гладуиново изданіе Кâдирія. Болдыревъ помѣстилъ въ хрестоматію: № 3 (=Gladwin, стр. 36-40: „Ювелиръ и столяръ, дѣлежъ краденаго золота, хитрость столяра"), № 5 (=Gladwin, 49-53: „Ювелиръ, столяръ, портной и подвижникъ"), № 16 (=Gladw. 92-94: „Четыре друга въ Бельхѣ"), № 26 (=Gladw. 129-132: „Богатый купецъ, дочь его и тоска царя"), № 30 (=Gladw. 144-146: „Купецъ и солдатъ"), № 31 (=Gladw. 148-150: „Милосердый купецъ и брахманъ, разсыпавшійся золотомъ").

двухъ изъ этихъ же разсказовъ далъ Н. Коноплевъ: а) Браминъ, превратившійся въ золото; изъ Тутинаме или Сказокъ попугая, перев. съ персид.—въ «Вѣстн. Европы» 1825 (ч. 144, № 19; стр. 230-232);—б) Золотыхъ дѣлъ мастеръ и столяръ, изъ Тутинаме или Попугаевыхъ сказокъ, перев. съ персидскаго—въ «Вѣстн. Европы» 1826 (ч. 151, № 21-22; стр. 19-23).—Очень возможно, что Кадиріева же редакція послужила оригиналомъ для полнаго русскаго перевода В. Андреева: «Сказки попугая (Тути-наме фарси). Переводъ съ персидскаго»—въ «Русскомъ Туркестанѣ» 1901 г. (№№ 28, 58, 67, 83, 128, 143, 171, 174, 179, 185 и слѣд.) [1]).

В). Передѣлка **по-турецки**, сдѣланная въ XVII в. Сары-Абдуллою эфенди (ум. 1661), напечатана въ Булакѣ 1253=1837 и Константинополѣ 1256=1840, 1276=1859. Она полнѣе числомъ разсказовъ и въ этомъ отношеніи ближе къ Нехшебію, чѣмъ Кадиріева редакція. Имѣется съ турецкаго научный, т. е. точный нѣмецкій переводъ G. Rosen'а: «Tuti-Nameh, das Papagaienbuch, nach der türkischen Bearbeitung» (Лейпц. 1858; 2 чч.) [2]); и тогда же вышелъ вольный, съ иллюстраціями, нѣм. переводъ Mor. Wickerhauser: «Die Papageimärchen» (Лпц. 1858).

Г). Неизвѣстно когда и кѣмъ сдѣланная [3]) очень популярная у персовъ передѣлка: «**Чеһель-тутi**»=«Сорокъ [разсказовъ] попугая» не содержитъ 40 разсказовъ, а едва какой-нибудь десятокъ [4]). Персидскій текстъ «Чеһель-тути», съ лубочными картинками, литографировался въ Персіи не разъ (чего нельзя сказать про самую «Тути-наме») [5]), а кромѣ того очень четкое типографское изданіе далъ проф. В. А. Жуковскій подъ русскимъ заглавіемъ «Сказки попугая» (Спб. 1901, 2-е изд., со словарчикомъ персидско-русскимъ; 1-е изданіе

---

[1]) Свѣдѣнія эти я помѣщаю на основаніи лаконической выписки, присланной мнѣ изъ Туркестана. Въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ нѣтъ „Русскаго Туркестана“ за 1901 г.,—и провѣрить, что̀ такое переводъ В. Андреева, я не могъ. Думается однако, что оригиналомъ служила ему на самомъ дѣлѣ „Тути-наме“ (какой редакціи, не ясно), а не общераспространенная на востокѣ „Чеһель тути“, о которой см. ниже.

[2]) На Розеновскій переводъ турецкой „Тути-наме“ 1858 г. рецензію далъ Т. Бенфей въ „Götting. Gelehrte Anzeigen“ 1858 (стр. 529 сл.), гдѣ произвелъ обозрѣніе каждаго разсказа „Тути-наме“.

[3]) По крайней мѣрѣ, для меня это совершенно не ясно.

[4]) И они не совпадаютъ съ разсказами „Тути-наме“; общая въ нихъ только тенденція.

[5]) Напр есть теһранское литогр. изд „Чеһель тути“ 1279=1862 г., 1310=1893 48 неномер. стр.) и т. д.

В. Жуковскаго было литографическое). По изданію проф. Жуковскаго проходится «Чеhель тути» начинающими студентами восточнаго факультета въ Петербургѣ, и на основаніи лекціонныхъ записей А. В. Яворовскій напечаталъ очень вольный русскій пересказъ: «Сказки попугая, съ персидскаго, съ 30 рисунками И. Ф. Порфирова» въ иллюстрированномъ петербургскомъ журналѣ «Сѣверъ» 1891 (т. I, янв.-іюнь) [1]. Содержаніе: 1) Введеніе и вступительная рамка о мужѣ, уѣзжающемъ въ путь («Сѣверъ» 1891, № 14, столбецъ 849-861);—2) «Государственный соколъ» (№ 14, ст. 861-864; № 15, ст. 907-912);—3) «Царевичъ и загадки» (№ 15, ст. 912-920; № 16, ст. 949-954);—4) «Приключенія Фатимы» (№ 16, ст. 954-962; № 17, ст. 1027-1031);—5) «Мурги саадетъ—птица счастья» (№ 17, ст. 1031-1038; № 18, ст. 1069-1084; № 19, ст. 1143-1147);—6) «Лукавый визирь» (№ 19, ст. 1147-1155; № 20, ст. 1209-1216; № 21, ст. 1261-1262);—7) Заключеніе сборника, т. е. возвращеніе мужа и наказаніе жены (№ 21, ст. 1262-1264).

Если «Чеhель тути» представляетъ собою самое сильное новѣйшее удаленіе отъ основной «Тути-наме», то, съ другой стороны, извѣстно къ нашимъ времснамъ значительное количество болѣе или менѣе близкихъ переводовъ «Тути-наме» на разные восточные языки. Сверхъ выше отмѣченной османской передѣлки Сары-эфенди XVII в., извѣстна «Тути-наме» на языкѣ урду, hиндустани, бенгальскомъ, афганскомъ. По-афгански «Тути-наме» издана въ Деhли 1313=1896 (84 стр.). Оригиналомъ служила персидская Ка́диріева передѣлка XVII в. На казанско-татарскій языкъ переводъ сдѣланъ Абдулъ-Аллямомъ Фейзъ-ханъ-оглу (Казань 1896).

Литературно-фоклорныя свѣдѣнія о составѣ «Тути-наме» и ея передѣлокъ (безъ «Чеhель тути») см. а) въ рецензіи Бенфея на Розеновскій переводъ турецкой «Тути-наме» въ «Götting. Gelehrte Anzeigen» 1858 (стр. 529 сл.);—б) очень подробно въ изслѣдованіи W. Pertsch: «Ueber Nachschabî's Papagaienbuch» въ «Zeitschr. der D. Morg. Ges.»,

---

[1] Въ коротенькомъ предисловіи А. В Яворовскій, повторяя вѣроятно слова проф. Жуковскаго, говоритъ (№ 14, столб. 849): „Персидскій текстъ сказокъ принадлежитъ къ самой позднѣйшей современной народной редакціи, т н базарной. Послѣднее названіе происходитъ отъ того, что эти народныя изданія продаются на базарахъ и служатъ въ настоящее время любимымъ чтеніемъ массы персовъ .. Въ русскомъ изложеніи приходилось пользоваться только самою сущностью оригинала, перерабатывая его совершенно и лишь иногда оставляя характерныя выраженія персидскаго текста“.

т. 21=1867, стр. 505-551 (основная работа по «Тути-наме»; сличеніе редакцій Нехшебія, Кадирія и Сары-эфенди); — в) введеніе Р. Шмидта къ переизданію Икенова перевода Кадиріевой версіи (1905). Для библіографіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разсказовъ, именно для фоклорныхъ параллелей къ тѣмъ разсказамъ, которые имѣются и въ «Синдибадовой книгѣ», см. Vict. Chauvin: «Bibliographie des ouvrages arabes», ч. VIII (Льежъ 1904).

Кромѣ того Нехшебію принадлежитъ въ области повѣствовательной литературы сказка «Гольрîз»=«Коверъ изъ розъ», про царя Ме'сума и царевну Ношâбé [1].

Поэты собственно-монгольскаго, hулагидскаго Ирана Изложенія суфійскихъ доктринъ. Подражанія „Бустану" и „Голистану" Са'дія.

Три великихъ персидскихъ поэта XIII в., какіе выше названы (Джеляледдинъ Румій, Са'дій Ширазскій и Хосровъ Деhлійскій) и къ какимъ мы присоединили также Зіяэддина Нехшебія, жившаго въ Индустанѣ, это—поэты, такъ сказать, уцѣлѣвшихъ окраинъ. Среди нихъ Са'дій (род. 1184) хронологически могъ бы, пожалуй, быть отнесенъ даже не столько къ монгольскому періоду, сколько къ предыдущему, атабекскому, потому что ко времени монгольскаго нашествія и завоеванія Са'дій былъ вполнѣ сформировавшійся человѣкъ, вполнѣ созрѣвшій духовный продуктъ атабекскаго Фарса. Къ подобнымъ же атабекскимъ пережиткамъ относить можно и характернаго панегириста Кывáмеддúна, иначе сейида Зульфекáра Ширванскаго (ум. старикомъ въ 1290 г.), который въ монгольскую эпоху вычурно славилъ луристанскихъ атабековъ, подчинявшихся Абакѣ-хану (1265-1282), сыну Хулагу-хана, но который началъ свою панегирическую дѣятельность еще при харезмшахѣ Мохеммедѣ ибнъ-Текешѣ (1200-1221). Всѣмъ своимъ литературнымъ обликомъ Зульфекаръ примыкаетъ къ панегиристической плеядѣ типа Энверія, Ветвáта, Зеhúра Фаръябія и пр.,—развѣ что у него искусственность, вычурность и напыщенность еще сильнѣе, чѣмъ у тѣхъ [2]. Зульфекаръ Киваmeддинъ, очевидно, тоже поэтъ уцѣлѣвшей окраины.

---

[1] „Коверъ изъ розъ" Нехшебîя: „Gulriz, persian text" изданъ въ серіи „Bibliotheca Indica", Калькутта 1912.

[2] Лирическіе образцы изъ Зульфекара Ширванца, по персидски съ прозаическимъ нѣм. переводомъ, см. въ статьѣ Эрдманна о немъ („Zeitschr. der Deutsch.

Что касается наиболѣе разоренной монголами территоріи Хорасана (прежде—очень литературной области) и сдѣлавшагося мѣстопребываніемъ һулагидской династіи Азербейджана (гг. Тебризъ съ тѣсно-соединеннымъ месопотамскимъ Багдадомъ, Мерáга, Султаніе), то въ первыя десятилѣтія монгольскаго разоренія мы здѣсь вовсе не видимъ сколько-нибудь крупныхъ художественныхъ талантовъ. Повидимому, не до художественности людямъ было. Во вторую половину һулагидскаго вѣка (кон. XIII-го, нач. XIV-го) страна успѣла оправиться; а монгольскіе ильханы-һулагиды въ Азербейджанѣ понемногу оперсіянились и, съ участіемъ меценатовъ-везирей, занялись даже покровительствомъ придворной персидской поэзіи. И все же мы тамъ сперва очень мало видимъ истиннаго художества. За восхвалителями-стихотворцами дѣло, разумѣется, не стало; да чего лучше?—тѣ самые везири-исторіографы, которые прославляли монголовъ въ своихъ прозаическихъ «Міpозавоевательныхъ исторіяхъ», «Газановскомъ лѣтописаніи» и т. п., умѣли составить и стихотворные панегирики. Они,—а профессіональные поэты съ еще бóльшимъ искусствомъ,—умѣли по трафарету написать также элегическое (предполагалось, иносказательно-мистическое) стихотвореніе про жестокость возлюбленной, или воспѣть (тоже, предполагалось, мистически) пробуждающуюся и манящую къ наслажденію весну, или посѣтовать на бренность міра и подчеркнуть счастье того, кто отъ него бѣжитъ (а самъ могъ остаться при дворѣ). Въ лучшемъ случаѣ это бывало удачное подражаніе классикамъ: напримѣръ болѣе старому Сенаію, Хейяму, болѣе современнымъ—Джеляледдину и Са'дію. Царствованіе выдающагося монгольскаго хана-һулагида Газана (1295-1304), очень памятное въ исторіи развитія персидской исторіографіи, есть совершенно незамѣтная эпоха въ исторіи художественной литературы вблизи него. Не было крупныхъ талантовъ. Самое замѣчательное изъ того, что создавалось тогда въ литературно-художественной области, было, какъ увидимъ ниже, стихотворное систематизированіе суфійскихъ дервишескихъ доктринъ разными святыми дервишескими старцами.

Morgenl Gesellsch.", т XV=1861, стр. 753-758) О словесной фокусности его касыдъ (пріемъ т н „товшіх"=„размѣтка") см у Эте въ каталогѣ Бодлеевскихъ рукописей (Оксфордъ 1889, столбецъ 821) и въ „Grundriss der iran Philol", т. II, стр. 270 (=1896). Потомъ въ области „товшіх'а" прославился Сельманъ Саведжи XIV в. и Эһлій Ширазскій XV-XVI в.

Только къ самому концу һулагидской эпохи, среднимъ счетомъ приблизительно около четверти XIV вѣка, т.-е. ужъ послѣ Газанъ-хана и его преемника, замѣчается нарожденіе или наличность выразительныхъ, многообѣщающихъ даровитыхъ поэтовъ то тамъ, то сямъ въ Иранѣ, и между прочимъ въ һулагидскихъ азербейджанскихъ резиденціяхъ. Видѣть полный, пышный разцвѣтъ этихъ сверкнувшихъ талантовъ пришлось ужъ не һулагидамъ.

Слѣдующіе художественные писатели XIII — нач. XIV вѣка, относящіеся къ һулагидской эпохѣ, заслуживаютъ вниманія сверхъ Джеляледдина, Са'дія и Хосрова Деһлійскаго:

Суфійскій святой шейхъ Са'деддинъ Хоммӯӣ (короче — просто шейхъ Са'дъ; хорасанецъ; ум. 1252). Отъ него остались небезынтересныя „роба'і“ (четверостишія), типа Абу-Сеидовыхъ XI вѣка и Хейямовскихъ XII вѣка, чрезвычайно безотрадныя. Утѣшеніе отъ ужасовъ жизни шейхъ, видѣвшій начало татарщины, находитъ въ мысли, что вѣдь вся эта жизнь — не болѣе, какъ одно дыханіе:

Жизнь человѣка — только одно дыханіе, порождена она однимъ-единственнымъ дыханіемъ. И не успѣешь перевести дыханіе, какъ поймешь, что вся жизнь — одно-единственное дыханіе.

Довольствуйся своимъ удѣломъ — и будешь жить бодро; не связывай себя оковами отношеній—и будешь жить бодро. Смотри не на то, что у другихъ лучше, смотри на то, что у другихъ хуже, — и будешь жить бодро.

Тѣло вышло изъ земного праха, духъ — изъ небеснаго эѳира; земной прахъ — грубое вещество, небесный эѳиръ — дыханіе. Чего-жъ бояться мнѣ смерти? Прахъ мой пойдетъ къ праху, а духъ мой — къ духу!

Будешь ли ты гебръ, еврей или мусульманинъ — отрекись отъ себя, пока твое тѣло не станетъ вполнѣ душою. Лети впередъ, какъ стрѣла; не оставайся на мѣстѣ, какъ косное древо лука, которое пойдетъ на топливо! [1]).

Замѣтимъ, что этого литературнаго жанра („робâӣ“) очень не чуждался и Джеляледдинъ Румій XIII в.

Еще одинъ составитель такихъ же „робâӣ“ — плодовитый суфійскій писатель Бâбâ Эфзеледдинъ Кâшій (Ка-

[1]) По-нѣмецки 11 робаійятъ шейха Са'да Хоммуи, въ переводѣ изъ вѣнской рукописи гр. Ржевусскаго, далъ Хаммеръ въ „Redekünste“ (1818), стр. 162-163, откуда и мы заимствуемъ предложенные нами четыре образчика. Отдѣльнаго изданія робâійятъ Са'деддина нѣтъ. Въ антологіяхъ иногда попадаются выдержки. Довлетъ-шаһъ XV в. не приводитъ робаійятныхъ образцовъ изъ Са'деддина, но, напр., въ новѣйшей „Рійâз оль-'âрифін“ Риза-Кули-хана (Теһранъ 1305=1888, стр. 83) есть 11 робаи, — только не тѣхъ, что переведены Хаммеромъ. Въ „Меджме' оль-фосехâ“ того же Риза-кули-хана (Теһранъ 1294 = 1877, ч. I, стр. 244), гдѣ про Са'деддина Хоммуи дано лишь бѣглое упоминаніе, приведено три изъ его робаійятъ.

шанскій), ум. 1307. Большая часть его произведеній, однако, прозаическая, и посвящены они теоретикѣ суфійства. По суфійскому настроенію своему Эфзеледдинъ примыкаетъ къ имâму Гезâлію (ум. 1111).

Тоже плодовитый писатель въ изложеніи суфійства — миръ-Хосейній Сâдâтъ (ум. 1318 въ Хератѣ). Въ формѣ Са‘діева „Голистана“, т.-е. въ видѣ анекдотовъ, пересыпанныхъ стихами, изложилъ Хосейній правила религіозно-суфійской жизни въ сборникѣ: „Зâд-эль-мосâфирîн“ = „Припасъ странниковъ (дервишескаго пути)“ [1]).

Этотъ миръ-Хосейній, вмѣстѣ съ другими хорасанцами, послалъ полтора десятка стихотворно формулированныхъ вопросовъ о сути суфійства къ шейху Мехмуду Шебистерскому (ум. 1320) [2]), — и Шебистерій далъ обстоятельные поэтическіе отвѣты поочередно на каждый вопросъ. Получившаяся изъ стихотворныхъ вопросовъ и отвѣтовъ болѣе или менѣе художественная книга по теоріи суфійства есть очень извѣстный „Гольшен-и рâз“ = „Розовый цвѣтникъ тайнъ“ Мехмуда Шебистерскаго (1317) [3]). Отъ подобоименныхъ „садовъ“ и „розовыхъ цвѣтниковъ“ Са‘дія „Розовый цвѣтникъ“ Шебистерія значительно отличается своей сухой схематичностью, хотя нельзя сомнѣваться, что писалъ Мехмудъ Шебистерскій зная произведенія Са‘дія. Твореніе Мехмуда Шебистерія пользуется очень большой извѣстностью среди суфійской литературы. (Авторъ иногда кратко называется Азӣзій).

---

1) Заглавіе „Припасъ путниковъ“ могъ Хосейній взять изъ одноименного произведенія Насир-и Хосрова XI в. (О немъ въ „Исторіи Персіи“, ч. I вып. 3). Отрывокъ изъ „Зâд эль-мосâфирîн“ Хосейнія — у Хаммера: Redekünste (1818), стр. 228.

2) Шебистеръ—въ 8 миляхъ отъ Тебриза въ Азербейджанѣ. Мы уже видѣли оттуда Абу-Исхака Хесенія, автора стихотворной „Книги о доисламскихъ пророкахъ“ = „Энбîйâ-нâмé“ (См. 80 стр.).

3) Сперва извлеченія изъ „Гольшен-и рâз“ Мехмуда Шебистерія давалъ по-латыни и по-нѣмецки Ф. Толукъ въ своемъ „Ssufismus“ (Берл. 1821) и „Blüthensammlung“ (1825, стр. 192—224). Переводъ Хаммера: „Rosenflur des Geheimnisses“ (Пештъ 1838, перс. и нѣм.; стр. VI и 32 и 30) теперь неудовлетворителенъ. Изъ литографскихъ изданій мнѣ извѣстно бомбейское 1862 и, повидимому, теһранское 1300 = 1883 (66 стр.). Лучшее изд. съ англ. переводомъ далъ E. H. Whinfield (Лонд. 1880, съ прекраснымъ введеніемъ о суфійствѣ; стр. XVI и 93 и 62). Послѣ Уинфильда появился англійскій переводъ Джонсонъ-паши (сперва безъ имени переводчика): „The dialogue of the Gulshan-i raz, or mystical garden of roses, with selections from the Rubaiyat of Omar Khayam“, Лонд. 1887 (64 стр.; реценз. Эте́ въ „Literar. Centralblatt“ 1888, № 2; „Westminster Review“ 1887, нб., стр. 1051 сл.); есть новое изданіе 1908, съ именемъ переводчика (146 стр.). Два образца (объ Адамѣ и Халляджѣ) итал. стихами у Пицци: „Storia della poes. pers.“ I (1894), стр. 278-280.

Тогда же дѣлались нисколько не прикрытыя подражанія Саʿдію.

Низâрій Коhистанскій (ум. 1320) [1]), лично познакомившійся съ Саʿдіемъ (ум. 1291) во время его странствованій, въ подражаніе „Бустану" Саʿдія составилъ „Дестурнамé" = „Образецъ". Онъ былъ и лирикъ [2]). А молодой ученый суфій Моʿинеддинъ Джовейній, съ цѣлью освѣжить слишкомъ общеизученный составъ Саʿдіева „Голистана", составилъ (1335) сборникъ анекдотовъ „Нигâристâнъ" = „Картинная галлерея" [3]), — имя, взятое отъ Нишапурскаго сада.

Художественнымъ изложеніемъ суфійскихъ теорій занимался и Рокнеддинъ Овхедій (ум. 1337, въ Мерагѣ, недалеко отъ Тебриза въ Азербейджанѣ). Онъ пользовался покровительствомъ образованнаго и умнаго Гіяседдина, состоявшаго везиремъ у Абу-Саида (1316 - 1335), послѣдняго фактическаго государя Персіи изъ hулагидской династіи [4]). По типу классической „Хедîqé" (= „Садъ") шейха Сенâія Газнинскаго (1048 - 1141) и, быть можетъ, не безъ вліянія Садіевыхъ „садовъ", Овхедій написалъ суфійскую изъяснительную поэму: „Джâм-и Джем" = „Чаша Джемшида" (отражающая весь міръ). Писана мистическая „Чаша Джемшида" еще при жизни Абу-Саида и, во введеніи, содержитъ очень немистическія славословія царствованію этого послѣдняго державнаго потомка Джингизъ-хана въ Иранѣ.

Сюда же къ hулагидской эпохѣ относится очень уравновѣшенный поэтъ-моралистъ, эміръ ибнъ-Йемúнъ Ферьюме[н]дскій (ум. 1344) [5]), выходецъ изъ Туркестана. Талантливая везирская семья, къ которой принадлежалъ эміръ ибнъ Йеминъ, занимала отвѣтственныя должности финансоваго или правительственнаго характера при hулагидскомъ ханѣ Олджейту (1304-1316) и послѣднемъ ханѣ Абу-Саидѣ (1316-1335), и братъ ибнъ-Йемина, намѣстникъ зап. Хорасана, послѣ смерти Абу-Саида пытался даже самостоятельно устроиться въ Хорасанѣ (онъ долженъ былъ впрочемъ уступить напору

---

1) Коhистанъ — южный, или юго-западный, горный Хорасанъ.

2) Лирическую касыду Низарія Коhистанскаго перевелъ Хаммеръ: „Gesch. der schön. Redekünste Persiens" (1818), стр. 224, стараясь доказать, что ея гедонизмъ надо понимать буквально, а не мистически.

3) Не надо смѣшивать этого суфійскаго Джовейніева „Нигаристана" 1335 г. со всеобще-историческимъ сборникомъ анекдотовъ „Нигаристанъ" Ахмеда Геффâрія XVI в. (см. стр. 73-74). Рукописный англ. переводъ Джовейніева „Нигаристана", сдѣланный E. Rehatsek'омъ, хранится въ лондонскомъ Азіатскомъ Обществѣ.

4) Пять лирическихъ стихотвореній Овхедія по-нѣм. у Хаммера: Redekünste (1818), стр. 199 - 201.

5) Ферьюмедъ — городъ въ зап. Хорасанѣ, въ Себзеварскомъ округѣ. См. Rieu, перс. рукоп. Брит. муз., т. II (1881), стр. 752, сноска.

Сербедаровъ-„висѣльниковъ“)[1]; но самъ ибнъ-Йеминъ, повидимому, ограничился обезпеченной, ровной жизнью богатаго крупнаго землевладѣльца. Свою холодно-спокойную житейскую философію онъ выразилъ въ афористическихъ „обрывкахъ“ („моqеттеат“, т.-е. обрывочныхъ полугазеляхъ). Эти „обрывки“, съ мудрыми трезво-практическими изреченіями, въ которыхъ сквозитъ не столько добродушное уваженіе къ жизни и міру, сколько холодное равнодушное презрѣніе къ нимъ, представляютъ контрастную параллель къ жгучимъ скептическимъ „робаійяат“-амъ изстрадавшагося мудреца Хейяма XI - XII в.[2]).

Конецъ Һулагидской династіи, мы мелькомъ указывали, былъ ознаменованъ появленіемъ крупныхъ лирическихъ, частью и романтико-эпическихъ поэтовъ. Такъ, на югѣ появились Хваджу Кирманскій (род. 1281) и Хафизъ (род. 1300); на сѣверѣ, при самомъ Һулагидскомъ дворѣ (какъ впрочемъ и Хваджу), началъ свою карьеру Сельманъ Саведжи (род. 1291) и др. По итогамъ своего творчества эти молодые поэты относятся ужъ къ слѣдующей эпохѣ: распаденія Һулагидской державы.

II.

б) Изящная литература XIV в. при дворѣ сѣверо-персидскихъ монгольскихъ воеводъ и южно-персидскихъ Мозафферидовъ.

Вѣкъ Хафиза (1300-1389).—Подражанія поэтовъ XIV вѣка романтическимъ „Пятерицамъ“ Низамія и Хосрова Деһлійскаго. — Торжество лирической суфійской „газели“, какъ литературнаго жанра XIV в. — Корыстолюбіе поэтовъ и ихъ продажность.

Въ XIV в., послѣ ослабленія и паденія династіи Джингизъ-хана (Һулагидовъ), сѣверъ и югъ Персіи были разъединены политически, и образовалось два главныхъ центра, соперничающихъ также литературно.

На сѣверѣ выдвинулась (см. стр. 14-15) династія оперсіянившихся или отуречившихся монгольскихъ воеводъ Джелаиридовъ (1336-1411) со столицей сперва Багдадомъ, затѣмъ Тебризомъ, и съ выдающимся султаномъ-меценатомъ Увейсомъ Тебризскимъ (1356-1374); на югѣ — національ-

---

[1]) См. у Хаммера: „Geschichte der Ilchane“, т. II (1843), стр. 296 и 325, и Redekünste (1818), стр. 234.

[2]) Изъ ибнъ-Йемина Ферьюмедскаго переведено сперва у Хаммера въ „Redekünste“ (1818) три десятка „обрывковъ“, съ обычной его небрежностью. Перс. текстъ (218 стр.) отлитограф. въ Калькуттѣ. 1265=1849. Хорошій переводъ Шлехты-Вшехерда (Wssehrd): „Ibn-Jemin's Bruchstücke“ (Вѣна 1852; 2-е изд. Штуттг. 1879). Четыре обрывка у Пицци: Storia della poes. pers., т. I (1894), стр. 171-172.

ная персидская династія Мозафферидовъ (1313-1393) со столицей, наконецъ, Ширазомъ (родиной недавняго Саʿдія) и съ выдающимся шахомъ-меценатомъ Шоджаʿ (1359-1384); да и до перехода къ Мозафферидамъ Ширазъ, во владѣніи оперсіянившагося монгола Абу-Исхака Инджу (1341-1353), продолжалъ исконную свою литературную традицію.

На сѣверѣ въ Тебризѣ при дворѣ джелаиридскомъ самый талантливый поэтъ (лирикъ, эпикъ-романтикъ и прежде всего панегиристъ) былъ только-что названный Сельмâнъ Сâведжй (1291-1377)[1]; другія тамъ крупныя имена — панегиристъ и романтикъ-эпикъ ʿЭссâръ (ум. 1382), панегиристъ и лирикъ шейхъ Кямâль Ходжендскій (ум. 1400), панегиристъ и лирикъ шейхъ Мегребій (ум. 1406). На югѣ, при дворѣ мозаффаридскомъ, или, какъ принято говорить, «въ розовыхъ цвѣтникахъ Шираза» — величайшій лирикъ Персіи, сравниваемый съ Анакреонтомъ, шейхъ Хафизъ (1300-1389), иначе Гафизъ[2]). Панегиризма не чуждъ и Хафизъ: въ молодости пѣвалъ ширазскимъ монголамъ, въ зрѣломъ возрастѣ — мозаффаридамъ. Другіе ширазскіе поэты (частью старѣе Хафиза по возрасту, частью моложе): романтикъ-эпикъ и лирикъ и,— это ужъ понятно,— панегиристъ Хваджу Кирманскій (1282-1352); его осмѣятель, мнившій себя болѣе талантливымъ поэтомъ Хейдеръ-ширазецъ; всеобщій пересмѣшникъ-циникъ ʿОбейдъ Зâкâній (ум. 1370), и др.

Поэты того и другого круга находились въ живомъ литературномъ общеніи другъ съ другомъ. По типу творчества они больше всего напоминаютъ недавно умершаго (1325) индустанца Хосрова Деһлійскаго. Какъ Хосровъ Деһлійскій, они (Хафизъ однако — нѣтъ) подвизаются въ созданіи романтическихъ «Пятерицъ» и подражаютъ въ нихъ скорѣе Хосрову, чѣмъ старому Низамію: «Старой той серебряной монетѣ пора выйти изъ обращенія»,— говоритъ про Низаміевскаго «Хосрова и Ширину» Сельмâнъ въ посвященіи къ своей поэмѣ про Джемшида и Хоршиду,— «пора отчеканить монету новую съ новымъ именемъ». Какъ Хосровъ Деһлійскій, они и лирики прекрасные, въ области «газели». Газель можетъ считаться у нихъ любимой культивируемой формой; въ творчествѣ «сахароустаго» (шекярлеб) шейха Хафиза она отнынѣ дѣлается безсмертной. Условно — имѣя въ виду только лирику — можно даже назвать всѣхъ этихъ поэтовъ «плеядой Хафиза», хотя всецѣло преобладающая часть ихъ жила не тамъ, гдѣ Хафизъ, не на югѣ, а какъ-разъ на сѣверѣ, въ Тебризѣ.

---

[1]) Сâвé — городъ между Теһраномъ и Хамаданомъ, съ могилой одного изъ имамовъ.

[2]) Хафизу отводится ниже особая глава, съ переводомъ множества его газелей.

Какъ для Хафиза Шираз есть несравненный рай земной, розовые цвѣтники котораго у рѣчки Рокнабада не повторятся и на томъ свѣтѣ, такъ для сѣверной группы поэтовъ злачное мѣсто есть этотъ Тебризъ. Шейхъ Кямаль Ходженскій, даже не тебризецъ родомъ, когда нагрянувшимъ изъ Дербенда Тохтамышемъ (1385) увезенъ былъ изъ Тебриза въ Золотую орду и окруженъ холою, четыре года тосковалъ по Тебризу и воспѣвалъ его въ стихахъ, пока туда не вернулся. Пожалуй, у болѣе ранняго Эссâра, который — не нужно забывать этого — своими панегириками недостаточно нажилъ денегъ, мы слышимъ жалобу, что, вотъ, въ «этомъ Тебризѣ» никто не умѣетъ цѣнить поэзію.

Ширазъ вообще не пострадалъ при монгольскомъ нашествіи и процвѣталъ. Тебризъ же успѣлъ ожить еще при hулагидахъ, а въ XIV вѣкѣ (см. стр. 15) очень поднялся экономически. Это былъ огромный, богатый городъ, съ 200.000 населенія. Потому, вѣроятно, онъ и манилъ къ себѣ стихотворцевъ, жадность которыхъ была очень неприкрыта и даже не слишкомъ шокировала меценатовъ. Панегиристъ Сельманъ Саведжи, сынъ чиновника вакуфнаго вѣдомства, любилъ деньгу, такъ сказать, по наслѣдственной традиціи. Какъ-то, возвращаясь ночью отъ султана Шейха-Увейса съ затянувшагося пира, онъ получилъ въ провожатые слугу, который, со свѣчою въ дорогомъ золотомъ подсвѣчникѣ, долженъ былъ итти впереди и освѣщать темную дорогу. Поэтъ, приблизившись къ дому, взялъ отъ слуги свѣчу въ этомъ цѣнномъ подсвѣчникѣ и вошелъ къ себѣ, а когда на утро слуга пришелъ за султанской собственностью, Сельманъ вмѣсто золотого подсвѣчника вручилъ ему для передачи султану стихи:

Вчера вечеромъ сгорѣла въ потокѣ горючихъ слезъ свѣча;
Сегодня, если государь истребуетъ отъ меня подсвѣчникъ, сгорю я самъ.

Султану Увейсу пришлось расхохотаться и ограничиться замѣчаніемъ: «Ну, видно, не такъ легко извлечь назадъ подсвѣчникъ изъ дома жаднаго поэта!» [1]). Сельманъ былъ не только поэтъ, но и придворный чиновникъ. Въ данномъ случаѣ султанъ Увейсъ увидѣлъ въ немъ только поэта, т.-е. попрошайку.

Для характеристики безсовѣстной продажности, типичной вообще для значительной части этихъ талантливыхъ поэтовъ, достаточно отмѣтить черту изъ жизни того же тебризскаго поэта-премьера Сельмâна Сâведжй. Онъ, начавши карьеру съ кажденія послѣднимъ hулагидамъ, былъ затѣмъ обласканъ монголами-джелаиридами, которыхъ восхвалялъ. (Они — Хасанъ

---

[1]) Анекдотъ передается у Довлетъ-шаха XV в. (лейд. изд. Эдв. Брауна 1901, стр. 258).

Бозоргъ Багдадскій 1336-1356, Увейсъ Тебризскій 1356-1374, Хосейнъ 1374-1382). Сельманъ нажилъ отъ нихъ деньги, получилъ въ подарокъ даже помѣстья, занималъ вліятельную придворную должность. Но когда джелаиридскій врагъ мозаффеуидъ шахъ Шоджа' въ 1375 году временно занялъ-было Тебризъ, старый Сельманъ Са̂веджй составилъ двѣ похвальныхъ касыды въ честь вторгшагося завоевателя [1]).

Шейхъ суфіевъ Хафизъ, повидимому, много чище придворнаго вельможи Сельмана. Все-таки и у него мы не замѣчаемъ особой нравственной твердости въ отношеніяхъ къ меценатамъ.

Главные поэты XIV в. какъ тебризскаго, такъ и ширазскаго круга.

Сообщимъ нѣкоторыя библіографическія данныя объ этой плеядѣ поэтовъ. Сперва о сѣверныхъ, тебризскихъ.

а) Сельма̂нъ Са̂веджи (1291-1377). Въ диванѣ его кромѣ панегириковъ (сперва һулагидскихъ, потомъ джелаиридскихъ) и кромѣ лирики, иногда крайне вычурной [2]), есть шуточныя стихотворенія и два романтико-эпическія произведенія: а) „Фира̂q-на̂мѐ“ = „Книга о разлукѣ“ влюбленной пары, Мелика и Меҳбубы (1360 г.), составленная въ утѣшеніе султану Увейсу, котораго покинулъ его любимецъ, и б) „Джемшӣд о Хо̂ршӣд“ (1362 г.) = повѣсть про любовь китайскаго царевича Джемшида къ дочери римскаго императора Хоршидѣ, вышеупомянутая „перечеканка старой монеты (т.-е. Хосрова и Ширины) подъ другимъ именемъ“. Очень хорошая по своей полнотѣ рукопись произведеній Сельмана Са̂веджи хранится въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ (нач. XVI в., № 6778 топогр. катал. [3]). Литограф. изданіе „Колліййа̂т“, Бомбей (безъ обознач. года; 236 стр.), не полно; въ немъ только лирика. Вычурныя касыды изданы въ концѣ литографированнаго сборника („Меджму'“) всякихъ четверостишій,

---

1) Сообщено въ I части „Восхожденія двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ Абдерреззака Самаркандскаго XV в.

2) Есть у Сельмана, напр., ранняя „искусственная касыда“ (qесыдѐ-і месну'), посвященная везирю Гіяседдину при послѣднемъ һулагидѣ Абу-Саидѣ 1316-1335. Въ ней посвященіе Гіяседдину надо прочитать въ начальныхъ буквахъ каждаго стиха; эти буквы мѣтятся особыми чернилами, и при чтеніи ихъ выходитъ особый стишокъ. Чтеніе другихъ спеціально помѣченныхъ буквъ касыды образуетъ опять новые стихи. И т. п. См. у Этѐ въ описаніи перс. рукописей India Office (1889, стр. 717) и, короче, въ Grundriss der iran. Philol. II (1896), стр. 270, съ указаніемъ, что въ этомъ жанрѣ творчества Сельманъ имѣлъ предшественниковъ еще въ XIII в. (Кыва̂меддинъ Зульфека̂ръ, о которомъ см. стр. 91).

3) Изъ этой рукописи Лазаревскаго Института Мирза Абдулла Гаффаровъ приготовилъ для изданія въ юбил. сборникѣ А. Н. Веселовскаго (1914) около двухъ десятковъ газелей Сельмана (на букву алифъ), по-персидски и по-русски; а для V тома „Древностей Восточныхъ“ онъ приготовляетъ „Джемшӣд о Хо̂ршӣд“.

выдержавшаго нѣсколько изданій [1]). Европейскіе труды: 10 газелей у Bland'а: „A century of persian ghazals" (1851, стр. 13-17), а одна, подъ видомъ Хафизовой (но съ оговоркою) у Розенцвейга-Шванзау: „Der Diwan des Hafis", т. I (Вѣна 1858, № 167, стр. 736-737, съ приложеніемъ перс. текста). Одну касыду издалъ Эрдманнъ въ своей довольно большой статьѣ о Сельманѣ въ „Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges.", т. XV (1861, стр. 758-774 [2]); касыда на стр. 760-762; а перевелъ ее К. Графъ въ „Festgruss" для съѣзда филологовъ и оріенталистовъ въ Мейсенѣ (1863). У Пицци: „Storia della poes. pers." I (1894, стр. 173-175), дано по-итальянски (частью въ согласіи съ Довлетъ-шаһомъ) 5 образцовъ изъ лирики Сельмана, въ томъ числѣ привѣтъ нововоцарившемуся джелаириду Хасану Бозоргу Багдадскому и экспромтъ на смерть его сына Увейса Тебризскаго; а во II томѣ (стр. 278-279) Пицци переводитъ по одному отрывку изъ „Джемшида и Хоршиды" и изъ „Книги разлуки". Много мелкихъ цитатъ изъ Сельмана встрѣчается, сверхъ большой статьи Эрдманна (1861), у болѣе раннихъ — Хаммера: „Redekünste (1818, стр. 261) и у G. Ouseley: „Biogr. notices of pers. poets" (1846, стр. 117-128 [3]).

б) Мохеммедъ 'Эссâръ Тебризскій (ум. 1382) — плодовитѣйшій панегиристъ султана Шейха-Увейса, заработавшій однако своими панегириками немного. Обида — тѣмъ горшая для Эссâра, что онъ очень усидчиво заботился о хорошей риѳмовкѣ и даже составилъ объ этомъ трактатъ, съ приложеніемъ кропотливаго словаря риѳмъ [4]). Жалобу (указанную выше, 98) на нечувствительность „этого Тебриза" къ стихотворству мы встрѣчаемъ въ его месневійной поэмѣ „Миһр о Моштерî" = „Солнце и Юпитеръ" (1377 г.). Солнце-Миһръ — имя любимаго сына сасанидскаго царя Шапура, Юпитеръ-Моштерîй — имя сына его везиря. Поэма повѣствуетъ о чистой дружбѣ этихъ двухъ юношей

[1]) Объ этомъ сборникѣ, впервые изданномъ, кажется, въ 1277=1860 г. въ Теһранѣ, см. „Исторію Персіи", т. I, вып. 4 (1914), стр. 432. Въ немъ обычно около 140 страницъ. Онъ не имѣетъ особаго заглавія. Четверостишія въ немъ — Хейяма, Бабы-Тâһира, Абу-Сеида, Энсâрія Хератскаго; въ концѣ — касыды Сельмана.

[2]) Статья фонъ-Эрдманна въ XV томѣ „ZDMG". 1861 представляетъ собою опубликованіе персидскаго текста и нѣмецкій переводъ тѣхъ сообщеній о Сельманѣ, которыя даются Довлетшаһомъ XV в. и Лотфъ-Али-бегомъ XVIII в. На ряду съ біографическими свѣдѣніями, у обоихъ цитируются и произведенія Сельмана Саведжи, иногда въ довольно цѣльныхъ отрывкахъ, — въ общемъ однако немного, и преимущественно изъ панегириковъ. На стр. 771 Эрдманнъ выписываетъ, съ переводомъ, отрывокъ изъ элегіи Сельмана на смерть султана Увейса по V тому исторіи Мирхонда.

[3]) Изъ другихъ полезныхъ статей о Сельманѣ Саведжи см. Рье во II томѣ опис. перс. рукоп. Брит. Муз. (1881), стр. 624-626, и у Шефера: „Chrestomathie persane", т. I (1881), стр. 114-115.

[4]) Рукопись „Китâб эль-вâфі фі те'дâд эль-qевâфі" 'Эссâра имѣется въ Кембриджѣ (Add. № 222).

(типа греческихъ Ореста и Пилада), — дружбѣ, которую зложелатели стараются оклеветать въ нечистую сторону.— Краткое изложеніе Эссаровой поэмы и переводъ трехъ отрывковъ изъ нея — у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 254-255. Подробное изложеніе C. R. Peiper: „Commentatio de libro persico Mihr o Muschteri, seu de Mihri et Muschteri mysticis amoribus" (Берл. 1839, т. н. инавгураціонная работа); и у Пейпера же, въ антологіи: „Stimmen aus dem Morgenlande" (Hirschberg 1850, стр. 266-310 изложеніе и 449-458 примѣчанія). И къ Хаммеру и къ „Commentatio" Пейпера сдѣланы біографическія поправки X. Флейшеромъ въ статьѣ „Vermischtes"— въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.", т. XV (1861, стр. 389-396) [1]. Подробное изложеніе и у G. Ouseley: „Biogr. notices of pers. poets" (1846, стр. 201-226); короче — у Пицци: „Storia della poes. pers.", т. II (1894, стр. 202-208), причемъ на стр. 275-278 переведены отрывки о сраженіи Миһра со львомъ и о томъ, какъ Миһръ влюбляется въ дочь государя Харезмскаго. У Хорна: „Gesch. der pers. Litt." (1901, стр. 161) переведена мѣткая насмѣшка Эссара надъ модной страстью суфіевъ создавать себѣ рубища съ завѣдомо поддѣльной генеалогіей.

в) Шейхъ Кямаледдинъ (короче „К я м â л ь") Х о д ж е н д с к і й (ум. 1400) попалъ въ Тебризъ къ Увейсу (1356-1374) уже въ зрѣломъ возрастѣ, возвращаясь съ мекканскаго богомолья къ себѣ въ Ходжендъ (городъ на лѣвой сторонѣ Сыръ-Дарьи). Шейхъ дожилъ въ облюбованномъ имъ Тебризѣ, гдѣ Увейсомъ былъ выстроенъ ему монастырь, до перехода Тебриза въ руки Тимура, дѣти котораго отнеслись къ святому старцу съ почтеніемъ. Мы видѣли (98), что и Тохтамышъ съ достаточнымъ почтеніемъ увозилъ старца въ Золотоордынскій плѣнъ. Диванъ мистико-эротической лирики Кямаля имѣется, между прочимъ, въ р у к о п и с и Лазаревскаго Института № 6778 топ., на поляхъ дивана Сельмана (лл. 1-294 об.). По словамъ Джамія XV в. въ „Беһаристанѣ", образцомъ въ лирикѣ служилъ для шейха Кямаля Ходжендскаго эмиръ Хасанъ Деһлійскій (ум. 1327, другъ Хосрова Деһлійскаго), „тетеббо́-и Хесен-и Диһлевî конед", такъ что иные (по мнѣнію Джамія далеко не справедливо) называли Кямаля простымъ обкрадывателемъ Хасана („дозд-и Хесен") [2]. Печатнаго изданія Кямаля, кажется, не было. — У Хаммера: „Redekünste" (1818, стр. 255-258) переведено 12 стихотвореній Кямаля Ходжендскаго; у Бланда — десятокъ въ „A century of persian ghazals" (1851, стр. 9-12); у Пицци одно въ „Storia della poes. pers.", I (1894), стр. 175-176 [3].

---

[1]) И Хаммеръ и Пейперъ дѣлаютъ Эссара учителемъ Джеляледдина Румійскаго, жившаго за сто лѣтъ раньше Эссара; Флейшеръ на основаніи астрономическихъ вычисленій одной хронограммы у Эссара, показываетъ, что жилъ онъ въ XIV вѣкѣ.

[2]) См., напр., „Беһаристанъ" по константин. изд. 1311=1894 г., стр. 88.

[3]) Изъ біографич. замѣтокъ о Кямалѣ Ходжендскомъ см. у Ouseley: „Biogr. notices" (1846, стр. 192-194) и у Рье, опис. перс. рукоп. Брит. Муз. II (1881), стр. 632-633.

г) Тѣсный пріятель шейха Кямаля Ходжендскаго — шейхъ Мохеммедъ Ширинъ Мегрибій (ум. 1406 въ Тебризѣ). Онъ родомъ былъ испаһанецъ, а прозвище „Мегрибій" = „западный" указываетъ на его приверженность къ доктринамъ западнаго суфія ибнъ-'Арабія (1164-1240). Диванъ Мегрибія, состоящій изъ лирики, изданъ (въ Теһранѣ?) 1280=1863. Есть хорошая рукопись въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 319 печ. кат.). Три газели Мегрибія переведены у Хаммера: „Redekünste" (1818, стр. 78-79), но ошибочно приписаны Моыззію XI в. [1]).

На югѣ Ирана, откуда пришелъ въ Тебризъ Мегрибій, поэты XIV в. сперва довольно живо чувствовали политическую связь страны съ сѣверомъ, гдѣ царствовалъ послѣдній һулагидъ Абу-Саидъ (1316-1335). Въ начальномъ творчествѣ южныхъ поэтовъ XIV вѣка мы встрѣчаемъ оды Абу-Саиду. Литературная связь политически затѣмъ обособившаго юга и сѣвера не прерывалась, и южные поэты иногда пикируются съ сѣверными, иногда (какъ Хафизъ съ Сельманомъ Савейскимъ и Кямалемъ Ходжендскимъ) отпускаютъ другъ другу утонченные комплименты. Старѣе ихъ всѣхъ:

а) Х[в]âджу Кирмâнскій (1282-1352) [2]) — который до 50-лѣтняго своего возраста оказывается покорнымъ слугою һулагидовъ и въ 1332-мъ году, т.-е. за три года до смерти Абу-Саида, посвящаетъ ему въ Багдадѣ [3]) одно изъ лучшихъ своихъ романтическихъ произведеній. Послѣ того мы видимъ стараго Хаджу Кирманскаго попеременно то съ Мозафферидами, то обычно съ монголомъ Абу-Исхакомъ Инджу Ширазскимъ (1341-1353). Хаджу Кирманскій — авторъ романтико-эпической „Пятерицы", составленной понемногу и при разныхъ обстоятельствахъ между 1332-1345 гг. подъ вліяніемъ Низамія (ум. 1203), котораго Х[в]аджу, по его словамъ, хотѣлъ превзойти, и повидимому подъ вліяніемъ также Хосрова Деһлійскаго (ум. 1325), въ морализаторскихъ частяхъ видно несомнѣннѣйшее вліяніе также Са'дія Ширазскаго (ум. 1291). Начинается и кончается „Пятерица" Хваджу, какъ у Низамія и Хосрова (и какъ вообще съ тѣхъ поръ полагается для „пятерицъ") морализаторскими произведеніями; начальная часть — „Ровзет эль-энвâр" = „Садъ свѣтилъ" (1342 г.), а заключительная — „Кямâль-нâмé" = „Книга совершенства" (1343 г.), приблизительно въ духѣ „Бустана" Садія. Въ хронологическомъ порядкѣ составленія, однако, ни начальная поэма „Пятерицы" не оказалась первой, ни заключительная не была послѣдней, а прежде всего Хваджу Кирманскій составилъ для „Пятерицы" двѣ среднихъ ея части. Эти части — двѣ поэмы о страданіяхъ нѣжной пары: № 2) „Хомâй о Хомâюн" (1332) = повѣсть о любви древнеиранскаго царевича Хомâя, сына шаха

---

[1]) Изъ біографическихъ матеріаловъ про Ширина Мегрибія отмѣтимъ Ouseley: „Biogr. notices of pers. poets" (1846, стр. 106-107) и Rieu въ опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. II (1881, стр. 633).

[2]) Выговариваютъ и „Хаджу" (= „кипарисъ").

[3]) Точнѣе — его везирю.

Хушенга, къ китайской царевнѣ Хомаюнѣ [1]); № 3) „Голь о Новруз“ (1341) = трагическая исторія римской царевны Розы и хорасанскаго царевича Новруза. И позже всего былъ написанъ № 4): „Говһер-намé“ = „Книга жемчужинъ“ (1345) генеалогически-хвалебнаго содержанія [2]). Изъ названныхъ трехъ среднихъ поэмъ „Пятерицы“ романтическая „Хомâй о Хомâюн“ (1332) это и есть та, которая составлена въ Багдадѣ еще при послѣднемъ һулагидѣ Абу-Саидѣ (1316-1335) и посвящена его везирю, а „Голь о Новруз“ написана въ Ширазѣ при монголѣ Абу-Исхакѣ Инджу (1341-1353), въ литературномъ кругу котораго, какъ указывалось, поселился и жилъ старый Хваджу Кирманскій вмѣстѣ съ Хафизомъ, Обейдомъ Заканскимъ и Хейдеромъ и панегирики которому, вмѣстѣ съ ними, составлялъ. Въ противность имъ, Хваджу не дожилъ до перехода Шираза въ руки персовъ-Мозафферидовъ; но отношенія съ этой династіей, которую онъ издавна зналъ и прославлялъ, онъ поддерживалъ. И вотъ для славы Мозафферидовъ и составленъ месневи № 4: „Говһер-наме“. Эта „Книга жемчужинъ“ (1345) содержитъ пренесносныя хвалы и Мозаффару, овладѣвшему (1340) Кирманомъ, родиной Хваджу, и мозафферидскому везирю съ его шестью предками везирями же [3]). Ни „Пятерица“, ни лирическій Диванъ Хваджу Кирманскаго не изданы; описаніе рукописей, съ указаніемъ прочихъ, см. у Рье, Брит. Муз., т. II (1881), стр. 620-622. Хаммеръ въ „Redekünste“ (1818, стр. 248-249) перевелъ три-четыре лирическихъ образчика, какіе онъ нашелъ въ тезкире Довлетъ-шаха XV в. [4]). Біографію изъ Довлетъ-шаха, по-персидски съ нѣмецкимъ переводомъ (въ томъ числѣ образцовъ, уже переводившихся Хаммеромъ), далъ Ф. Эрдманнъ: „Chudshu Germani und seine dichterische Geisteserzeugnisse“ въ „Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges.“, т. II (1848, стр. 205-215); здѣсь Эрдманнъ, кромѣ перевода изъ Довлетъ-шаха, далъ описаніе казанской рукописи Хваджуевой „Пятерицы“ и изложилъ содержаніе „Новрузъ и Голь“ и „Хомâй и Хомаюна“. Шеферъ, предлагая въ своей „Chrestomathie persane“ (т. II, 1885, стр. 256 перс.) одно четверостишіе Хваджу, добавилъ во французскомъ отдѣлѣ (стр. 251-252) замѣтку объ авторѣ и его „Пятерицѣ“ (съ ошибкой насчетъ „Сâм-нâмé“). У Пицци: „Storia della poes. pers.“, т. II (1894) изложено содержаніе двухъ романтическихъ частей „Пятерицы“ Хваджу (II, стр. 199-202), и переведенъ отрывокъ: скорбь царевича Хомâя о предполагаемой смерти Хомаюны (II, стр. 274-275).

---

1) Въ иныхъ рукописяхъ поэма „Хомâй и Хомаюна“ оказывается передѣланной, имена замѣнены шах-намійскими, и заглавіе дается: „Сâм-намé“ = „Книга про богатыря Сама“. См. объ этомъ у Эте въ Grundriss’ѣ II (1896), стр. 234.

2) Срв. у Шефера: Chrestomathie persane, т. II (Пар. 1885), стр. 252.

3) Мозафферидскій везирь (Беһаэддинъ Мехмудъ) считался потомкомъ знаменитаго сельджукскаго везиря Низамольмолька XI в., и каждаго изъ представителей этой генеалогической „жемчужной цѣпи“ нудно восхваляетъ Хваджу.

4) По лейденскому изданію Эдв. Брауна Довлетшаховой „Тезкирет ош-шоэрâ“ (1901) см. стр. 249-253.

Одно лирическое стихотвореніе Хваджу, внесенное въ „Târîx-и Гозîде" 1330 г. еще при жизни автора, перевелъ (и сопроводилъ перс. текстомъ) Эдв. Браунъ въ своемъ обзорѣ V главы „Târîx-и Гозîде" въ „Journ. of the R. Asiat. Soc." 1900, October, стр. 750).

б) Хейдеръ Ширазскій XIV в. началъ свою карьеру, подобно Хваджу Кирманскому, при послѣднемъ һулагидѣ Абу-Саидѣ, на смерть котораго (1335) составилъ элегію. Потомъ мы его видимъ въ Ширазѣ, гдѣ онъ осмѣиваетъ прибытіе Хваджу Кирманскаго къ монголу Абу-Исхаку Инджу (1341-1353) и говоритъ, что безталанный Хваджу обкрадываетъ диванъ Саʿдія. Дальнѣйшіе панегирики Хейдера посвящены Мозаффеup ... Мозафферидамъ, новымъ владѣтелямъ Шираза (съ 1353). Рукопись Брит. Муз. лирич. дивана Хейдера описана у Рье, т. II (1881), стр. 623-624.

в) Шейху Хафизу (1300-1389), ширазскому Анакреонту, ниже посвящается особый большой отдѣлъ, съ библіографіей.

г) На ʿОбейдѣ Зâкâнскомъ (ум. 1370) мы остановимся ниже, когда коснемся насмѣшливой и пародической поэзіи XIV вѣка (стр. 106-109).

Какъ понимать любовную эротику и вакхику поэтовъ Хафизовской плеяды? — Осталась ли въ Персіи лирика немистическая?

Какъ извѣстно, въ суфійской поэзіи установился типъ, превосходно представленный до монгольскаго нашествія Сенâіемъ, Низâміемъ и др., а въ первый вѣкъ монголовъ Джеляледдиномъ и Саʿдіемъ, — именно: составлять эпическія и лирическія произведенія такимъ образомъ, чтобы въ нихъ, повидимому, воспѣвались любовь, вино, утѣхи жизни; а на самомъ дѣлѣ все это должно означать стремленіе къ Богу и мистическій экстазъ, божественную благодать, аскетизмъ и т. п. Однимъ словомъ, установившійся суфійскій типъ творчества есть мистическая эротика и мистическая гедоника.

Во времена монголовъ, когда суфійство всюду сдѣлалось любимой формой жизни, этотъ родъ поэзіи пріобрѣлъ особое преобладаніе и уваженіе. И вотъ подъ вліяніемъ суфійства вполнѣ привился въ Персіи обычай — писать даже о подлинной любви и о подлинномъ весельѣ въ такой формѣ, которую, по желанію, можно было бы истолковать и мистически. И обратно: мистическіе поэты, желая, чтобы ихъ произведенія нравились свѣтски настроеннымъ меценатамъ, старались писать реально и не строили очень насильственныхъ аллегорій.

Слѣдствіемъ такого обычая явилось то, что мы теперь часто не можемъ опредѣлить, какъ надо понимать того или другого поэта Хафизовской плеяды XIV в., — тѣмъ болѣе, что сами суфіи всѣхъ легко зачисляютъ въ свои ряды. И особенное разногласіе существуетъ по отношенію къ шейху суфіевъ Хафизу, царю лирической газели XIV вѣка, вели-

чайшему лирику-анакреонтику Персіи. Ни широкая публика, ни ученые не могутъ сговориться: съ мистическимъ или не съ мистическимъ настроеніемъ написана та или другая его любовная или вакхическая газель?

Вѣроятно, этотъ вопросъ навѣки останется неразрѣшеннымъ.

Съ одной стороны, спокойное положеніе Шираза, который мало пострадалъ отъ опустошеній въ XIII вѣкѣ въ силу умной политики его атабековъ и который недурно устроился и въ XIV вѣкѣ, благопріятствовало восхваленію радостей жизни. Хафизъ въ своей молодости, возможно, съ полной реальностью испыталъ все то, о чемъ гедонически поютъ его газели. Но, надо полагать, онъ и въ молодости, слѣдуя модѣ, писалъ такъ, чтобы его пѣсни подлинной любви и наслажденій не шокировали религіозно-суфійскаго читателя. Съ другой стороны, въ старости, когда Хафизъ былъ суфійскимъ шейхомъ и когда его душа могла лежать только къ аскетизму и къ гедоникѣ строго-мистической, онъ, вѣроятно, пользовался впечатлѣніями молодости и потому писалъ очень реально.

Во всякомъ случаѣ отмѣтить надо тотъ фактъ, что въ то время, какъ суфіи (и многіе оріенталисты) считаютъ Хафиза чистымъ мистикомъ, стихи Хафиза распѣваются въ народѣ какъ любовныя пѣсни.

То же надо сказать о газеляхъ всей Хафизовской плеяды XIV в., будутъ ли это газели придворнаго чиновника Сельмâна Сâведжŷ, очень преданнаго міру сему, или будутъ ли это стихи св. аскета Кямаля Ходжендскаго. Оба они, къ тому же, состояли въ хорошихъ отношеніяхъ съ Хафизомъ. Подлинная эротика и вакхизмъ и мистическая эротика и мистическій вакхизмъ слились въ персидской литературѣ въ нераспутываемый клубокъ.

Пародія и шутка въ поэзіи XIV вѣка. Обейдъ Закâній (ум. 1370), Бусхакъ Ширазскій и др.

Мы не разъ видимъ въ персидской или иной поэзіи (напр., при обзорѣ персидской литературы XII в.) [1]), что гдѣ — панегиризмъ, тамъ появляется и противовѣсъ его: сатира, пасквиль, насмѣшка. Хорошій былъ образецъ въ XII вѣкѣ — Энверій, одновременно и панегиристъ и сатирикъ. Въ поэтической литературѣ XIV вѣка — то же: почти каждый изъ Хафизовской плеяды былъ панегиристомъ, и онъ же легко бывалъ при случаѣ и осмѣятелемъ своихъ соперниковъ. Для насъ наиболѣе интересно наблюдать, разумѣется, тѣ случаи, когда насмѣшка принимаетъ и болѣе общій, не личный характеръ.

Такъ, суфійство, явленіе, которое и въ жизни и въ литературѣ Ирана Һулагидскаго XIII в. и распавшагося на удѣлы XIV в. пріобрѣло

---

[1]) „Исторія Персіи", ч. II (1912), стр. 33-35.

распространенность, оно давало своими комичными преувеличеніями благодарный поводъ и къ насмѣшкѣ. Напр., 'Эссâръ Тебризскій (ум. 1382), хоть самъ былъ составителемъ несомнѣнно-мистической суфійской поэмы про чистую любовь двухъ юношей («Миһр о Моштери», см. стр. 100), осмѣивалъ въ суфійствѣ такую смѣшную черту, какъ страсть дервишей поддѣлывать генеалогію своего дервишескаго рубища («хырqé»). Съ комичной важностью Эссâръ описываетъ ветхую-преветхую власяницу, которой удостоилъ его шейхъ-аль-islамъ и облечься въ которую онъ, грѣшный человѣкъ, и не дерзаетъ:

Нитки въ ней изъ той пряжи, что Ева спряла Адаму,
А ткань соткана Дѣвой Маріей для Іисуса.
Фâтыма, дочь пророка Мохаммеда, заплатала ее нитками,
Выдѣланными изъ шерсти любимой верблюдицы Пророка [1]).

Подобный юморъ не только безобиденъ, но и... не грязенъ. Обычная же форма восточной шутки есть грязь, порнографія. Въ домонгольскія времена печальную себѣ славу въ этой области составилъ Сузеній Самаркандскій (ум. 1174), которому затѣмъ удачно подражалъ писатель-моралистъ (!) начально-монгольской эпохи шейхъ Са'дій Ширазскій (ум. 1291) въ своихъ «Мерзостяхъ» = «Хебîсâт»; Са'дій исходилъ изъ принципа, что «шутка (= похабность) въ рѣчи — какъ бы соль въ пищѣ». Въ XIV вѣкѣ бывало то же, и на сѣверѣ и на югѣ Ирана, равно какъ и въ Индіи. Въ Индіи мы ужъ и видали (стр. 85) непристойныя произведенія Нехшебія (ум. 1350). Что касается собственно Ирана, то на сѣверѣ достаточно указать отдѣлъ «Шутокъ» въ диванѣ тебризскаго премьеръ-поэта Сельмâна изъ Сâве́ (1291-1377). На югѣ-жъ Ирана, на родинѣ автора «Мерзостей» Са'дія, въ Ширазѣ, подвизался при монголѣ Абу-Исхакѣ Инджу (1341-1353) прямой классикъ въ этой отрасли литературы — 'Обейдъ Зâкâнскій; онъ затѣмъ переѣхалъ къ джелаиридскому султану Шейху-Увейсу (1356-1374) и умеръ въ 1370 г.

Родомъ былъ Обейдъ Зâкâнскій изъ-подъ Казвина [2]). Казвинцы, какъ вытекаетъ изъ стиха Сельмâна Сâвейскаго, отличались нарочитой грубостью, были прямыми вахлаками. За этотъ отзывъ Обейдъ Зâкâній жестоко отплатилъ Сельману; онъ появился неопознанный въ кругу почитателей Сельмана и доказалъ цитатами, что языкъ стиховъ Сельмана содержитъ иногда черты спеціально-бабьей рѣчи [3]). Выводъ онъ дѣлалъ отсюда, что стихи

[1]) Болѣе полный переводъ стихотворенія есть у Хорна: „Gesch. der pers. Litt.“ (Лейпц. 1901), стр. 161.

[2]) Зâкâнъ — имя селенія.

[3]) На востокѣ, гдѣ мужчины и женщины живутъ обособленно, женскій языкъ имѣетъ нѣкоторыя свои особыя выраженія и слова.

Сельману составляетъ, должно быть, его жена [1]). Сельманъ былъ достаточно уменъ, чтобы не заводить долгой поэтической перестрѣлки съ Обейдомъ, и заключилъ съ нимъ дружбу.

У ʿОбейда Зâканія есть и диванъ серьезной лирики [2]), есть научное руководство по реторикѣ, и т. п. [3]); типичнымъ однако для него творчествомъ является шутливое, то прозаическое, то стихотворное. Извѣстенъ сборникъ «Шутокъ» = «Летâиф» Зâканія. Тамъ мы встрѣчаемъ массу отвратительнѣйшихъ анекдотовъ, очень часто съ сюжетами педерастическими [4]), въ большинствѣ случаевъ неподдающимися ни переводу, ни пересказу [5]). И все-же сборникъ заслуживаетъ вниманія. Во-первыхъ, матеріалъ его пригоденъ для фоклорныхъ параллелей, для сличенія съ дальнѣйшими восточными сборниками типа т. н. шутокъ Ходжи Насреддина [6]), во-вторыхъ, среди непристойнаго матеріала сквозятъ у Зâканія безподобныя сатирическія картины нравовъ той эпохи; и обличительная, желчная нота прорывается въ его «фацеціяхъ» съ большой силою. Онъ можетъ поэтому быть сравниваемъ съ Ювеналомъ [7]). При случаѣ Обейдъ Заканій не щадитъ и самого себя, напр., комично жалуясь въ стихотворной запискѣ на свою задолженность [8]). Читаешь,—и кажется, что все это совершенно въ духѣ извѣстнаго стихотворенія Хейне, которому снилось,

---

1) По-англійски стычка Сельмана съ Обейдомъ Заканскимъ, на основаніи Кâшифія XV в., разсказана у Аузли: „Biogr. notices of pers. poets“ (1846), стр. 125-128. См. короче у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 250; Пицци: „Storia d. poes. pers.“ I (1894), стр. 109.

2) Газель Заканія переведена Хаммеромъ: „Redekünste“ (1818), стр. 250-251, изъ Довлетъ-шаха XV в.

3) Перечень произведеній Обейда Заканія — у Эте́ въ „Grundriss der ir. Philol.“ II (1896), стр. 267.

4) „Летâиф-и Зâкâнî“ изданы и печатно, въ количествѣ 100 экземпляровъ, въ Константинополѣ 1303=1886 (128 стр. Экземпляръ есть въ моей библіотекѣ).

5) Вотъ, напр., невинный образчикъ. Кто-то спросилъ у публичной женщины, не дѣвушка ли она. Она отвѣтила: „Бывшая“ (= „Кюнто“. Языкъ шутки — арабскій).

6) Параллели между „Летâиф“ Заканія и „Летâиф“ Ходжи-Насреддина см. у П. Хорна: „Zu Hodža Nasreddin's Schwänken“ въ будапештскомъ журналѣ Keleti Szemle, т. I (1900), стр. 66-72.

7) „nur ist Ubeid Zâkâni viel amüsanter, als der mürrische Römer“,—говоритъ П. Хорнъ („Gesch. der pers. Litt.“ 1901, стр. 137), которому принадлежитъ та заслуга, что онъ сумѣлъ выдѣлить среди порнографіи Заканія общественно-обличительную струю. Образцы выходокъ Заканія этого рода см. у Хорна на стр. 137-138.

8) Забавное жалобное стихотвореніе Заканія о своихъ долгахъ переведено у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 250.

что онъ — Богъ и долговъ не имѣетъ [1]); только, у Хейне — шутка, а у Зâкâнія жалоба имѣла цѣль попрошайническую: разжалобить мецената. Но чаще, конечно, сарказмъ Зâкâнія переносится не на себя, а на другихъ. Опредѣленія богатыхъ профессій у него своеобразны и характерны для обстановки XIV вѣка. Что такое судья? Судья — тотъ, кого весь міръ проклинаетъ. Кто такой счастливецъ? Тотъ, кому не пришлось видывать судьи. Что такое духовная особа? Духовная особа — тотъ, кто торгуетъ молитвою. Ну, а обыкновенный купецъ, что же это? Купецъ — тотъ, кто Бога не боится. Что значитъ мѣняла? — мелкій воръ. Что такое портной? Это — воръ-карманникъ, и т. п., и т. п. Въ культурномъ отношеніи все это очень вѣдь любопытно. Между прочимъ, небезынтересно, что и педерастія и восточные аналогичные способы общенія съ женою получаютъ у Зâкâнія оправданіе экономическое: дѣтей не стóитъ имѣть, нищихъ плодить не слѣдуетъ.

Духовенству, правовѣрамъ-ханжамъ, дервишамъ-старцамъ достается отъ Обейда Зâкâнія не разъ. Изъ двухъ его комическихъ поэмъ: «Каменотесъ» (= «Сенгтерâш») и «Мышь и котъ» (= «Мӯш о горбе») вторая, посвященная осмѣянію ханжеского подвижничества, очень знаменита и вызывала въ послѣдующей литературѣ рядъ подражаній и передѣлокъ. Нѣсколько напоминаетъ она по сюжету русскую лубочную сказку «Какъ мыши кота хоронили».

„Китâб-и Муш о Горбе“ = „Книга про Мышь и Кота“ Обейда Заканія отлитографирована въ Бомбеѣ (кажется, тамъ). Сравн. съ этимъ: „Хикайе-и муш о горбе“, изданіе Навалькишора, Лакнау 1901 (14 стр.) и дѣтскую передѣлку по-англійски: The cat and the mouse, a book of persian fairy tales, ed. with an introduction by Hartwell James (Филадельфія 1906; стр. XIII + 94, съ рис.; въ серіи „Illustrated fairy tales“). Содержаніе Заканіевой поэмы такое.

Котъ рѣшилъ покаяться въ грѣхахъ, сдѣлаться добрымъ мусульманиномъ, отдаться подвижничеству и больше не трогать бѣдныхъ мышекъ. Мыши въ восторгѣ отрядили къ новоявленному подвижнику благодарственное посольство. Оно приблизилось къ коту и увидѣло, что святой молится; при видѣ мышей, котъ началъ молиться даже еще усиленнѣе. Едва мыши, безъ страха и боязни, подошли къ коту, онъ сразу перехваталъ всѣхъ членовъ депутаціи и съѣлъ; только двое мышей и успѣли бѣжать и доложили мышиному царю о происшествіи. Съ тѣхъ поръ пословица: „hâлâ пендж-пендж мі-гіред, тâ шоде ʿâбид о мосольмâн“ = „Теперь онъ по пяти штукъ сразу хватаетъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ отшельникомъ и добрымъ мусульманиномъ“.

---

[1]) „Mir träumt: ich bin der liebe Gott...
Und habe keine Schulden“, и т. д. („Die Heimkehr“, № 71).

Мышиный царь пошелъ войною на кота, и удалось захватить вѣроломнаго святого въ плѣнъ. Присудили повѣсить его. Но такой мыши, которая не побоялась бы повести кота на висѣлицу и вздернуть, никакъ нельзя было выискать. Тѣмъ временемъ котъ рванулся и убѣжалъ отъ мышей цѣлый и невредимый [1]).

Въ томъ же Ширазѣ въ XIV в. появился (ужъ послѣ Зâкâнія) молодой своеобразный комическій поэтъ Ахмедъ Бусхâкъ Ширазскій (Бусхакъ = Абу-Исхâкъ), иначе Бусхâкъ Эт'имé, который пережилъ мозафферидскую эпоху и закончилъ свою жизнь въ Испаһанѣ (ум. 1427 г.), много спустя послѣ мозафферидовъ, уже при одномъ изъ внуковъ Тимура. По шутливому Бусхâкову объясненію, онъ-Бусхâкъ въ принципѣ вовсе не прочь былъ бы явиться классическимъ лирикомъ, классикомъ типа Кямаля Ходжендскаго или Хафиза; но возможно ли было это? Послѣ Хафиза и Кямаля вновь писать ихъ классическія газели не было смысла, — и Бусхâкъ рѣшилъ сдѣлаться поэтомъ кухни: „въ честь вкусныхъ блюдъ — на огнѣ труда кипятить кастрюлю творчества, полную приправъ литературнаго сочинительства, и въ печи размышленія выпекать хлѣбъ господства надъ міромъ“.

Ничего новаго въ самой мысли Бусхâка (поэтизировать кухню) не было: кулинарная поэзія, на языкѣ арабскомъ, выработалась еще въ цвѣтущія времена багдадскаго халифата [2]). Поэтъ-багдадецъ ибнъ-ар-Румій (836-889) — одинъ изъ типичныхъ ея представителей, имѣвшій предшественниковъ [3]) и имѣвшій послѣдователей. Стоило какому-нибудь изъ халифовъ IX — X в. высказать желаніе, чтобы придворный поэтъ-гастрономъ прочиталъ стихи о прелестяхъ сладкихъ пирожковъ съ особой начинкою, жареныхъ въ маслѣ, о разныхъ сортахъ подливокъ, шербета и т. п., — и піита въ стихахъ описывалъ самымъ аппетитнымъ образомъ вкусовую прелесть или способы приготовленія желаемаго вкуснаго блюда и делика-

---

1) См. „Персидскія пословицы“, собраніе Мирзы Абд. Гаффарова, переводъ Вл. Гордлевскаго — въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. IV (1913), стр. 27, № 260.

2) О кухонной арабской поэзіи см. у А. ф. Кремера въ „Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen“, т. II (Вѣна 1877, стр. 197) и у Барбье де-Мейнара во введеніи (1874) къ VIII тому его изданія „Золотыхъ луговъ“ Мас'удія (ум. 956).

3) Раннимъ образцомъ арабско-классической кулинарной литературы была, вѣроятно, „Книга стряпни“ халифскаго сына Ибраһима ибнъ-Маһдія (779-839), про которую мы знаемъ, пожалуй, только изъ „Фиһриста“ X в. (116 : 4). Но изъ другихъ литературно-кухонныхъ книгъ многое дошло и до насъ, въ видѣ извлеченій въ трудахъ культурныхъ историковъ (таковы выдержки у Мас'удія X вѣка въ VIII томѣ „Золотыхъ луговъ“) и въ антологіяхъ (напр., въ I томѣ Хосрія XI в.). У нихъ масса образцовъ есть и изъ ибнъ-ар-Румія.

теса. Итакъ,—это поэзія старая. У Бусхâка Ширазскаго въ его «Сокровищницѣ аппетита»=«Кянз эль-иштиhâ» и въ «Диванѣ кушаній»=«Дîвâн-и эт́име» новъ не сюжетъ, а тотъ юморъ, который влагается имъ въ описаніе блюдъ. Ибнъ-ар-Румій IX в. не иронизируетъ, онъ хвалитъ кушанья серьезно, а Бусхакъ-Эт́имé шутитъ [1]). И новы у Бусхака тѣ удачныя бытовыя наблюденія, которыми онъ остроумно пользуется для своихъ художественныхъ пародій и сравненій. Новы тѣ неожиданные пріемы, которые онъ примѣняетъ къ Фирдовсію, Хафизу и вообще къ классическимъ произведеніямъ для передѣлки ихъ на кухонную поэзію.

Конечно, модное суфійство, дервишество, мистика—не остаются неиспользованы Бусхâкомъ. Уксусъ, напр., изображается какъ дервишъ-отшельникъ, который постится 40 дней въ уединеніи сосуда и ждетъ наитія изъ міра мускуса и сиропа, и тогда къ преподобному брату Салату обращается съ вдохновеннымъ изліяніемъ: «Не въ силахъ быть одинъ! съ тобою дружбы жажду!» (По простому это значитъ: чтобы получить хорошій уксусъ для салата, надо къ уксусу подбавить мускусу и сиропу и выдержать 40 дней) [2]). Газель, прославленная мистико-эротическая Хафизовская форма, привлекается Бусхâкомъ для воспѣванія прелести блюдъ,

---

[1]) Въ этомъ отношеніи съ Бусхакомъ Ширазскимъ могутъ быть сравниваемы французы Berchoux и Brillat Savarin; „Gastronomie“ и „Physiologie du goût“ полны юмора и остроумія не хуже Бусхаковскаго, чисто галльскаго. Въ новѣйшее время мы видимъ и въ Англіи литературные опыты поэтическаго или художественнаго отношенія къ кулинарному искусству, видимъ литературное вдохновеніе предметами кухни, стряпни. См., напр., по этому поводу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1913, № 224 (29 сент.) фельетонъ Діонео, посвященный характеристикѣ лондонскаго журнала „The Gourmet“, который издается не грубыми обжорами, а заслуженными литераторами, и ведется съ большимъ художественнымъ подъемомъ и остроуміемъ.

[2]) Невольно вспоминаются параллели изъ средневѣковой европейской литературы, всякія комическія житія св. мученика Харенгія (=сельдя) и чистой сердцемъ св. Доместики (=свиньи). Есть малорусская ихъ передѣлка Ив. Франка въ его сборникѣ: „Мій ізмарагд“ (Львів, 1898, стр. 98-105), гдѣ св. Харенгій замѣненъ „преподобнымъ Селедіемъ“:

Бажаю виспівати вам, що стане духу мого,
Життя, страждання, муку й смерть Селедія святого...
Не мав він дому, ні житла, лиш сам пісок та скали;
Мав плащ один із гострих блях, що в тіло повростали.
Думками Бога хвалячи, держав обіт мовчання,
І ані слова не прорік від роду до сконання...

—и т. д., пока, наконецъ, его поймалъ нечестивый царь, приказалъ заживо вспороть ему животъ, и—

Для болю дужчого велів солити свіжу рану...

съ тою разницею, что Хафизъ нѣжно поетъ о прелестномъ турченкѣ, похищающемъ его сердце, и о весеннихъ цвѣтахъ, а Бусхакъ въ нѣжномъ духѣ Хафиза поетъ о превкусномъ пирогѣ съ приправами и о разныхъ деликатесахъ. Хафизъ, въ одеждѣ забулдыги изъ мистическаго кабака, приглашаетъ подвижника не порицать кутилъ, потому что не извѣстно еще, ктó за завѣсою загробной жизни окажется плохъ или хорошъ [1]); а Бусхакъ дерзновенно травестируетъ его газель такъ:

Не порицай медоваго пряника, о чистая лепешка,
Потому что его тѣсто не станутъ замѣшивать на твоихъ дрождяхъ!
Ты засѣваешь чистую траву, мы сѣемъ лукъ и чеснокъ,
И всякій въ концѣ-концовъ пожнетъ то, что посѣялъ.
Про запеченный пирогъ ты не можешь сказать, есть ли въ немъ патока:
Почемъ тебѣ знать, ктó за завѣсою неизвѣстности окажется плохъ и ктó — хорошъ?!...

Не оставляетъ Бусхакъ въ покоѣ и другихъ корифеевъ персидской литературы; и, напримѣръ, единоборства героя иранскаго и туранскаго, воспѣтыя у Фирдовсія въ «Книгѣ царей», превращаются у Бусхака Ширазскаго въ единоборство плова съ макаронами; Са'діевъ «Споръ скрипки съ лютней» превращается у него въ «Споръ пирога съ хлѣбомъ», и т. п.

Въ словарѣ гастрономическихъ терминовъ Бусхакъ зло пародируетъ филологическую стилистику премудрыхъ составителей «ферһенг»овъ, напримѣръ:

„Бохрекъ (аль-бохрекъ) — родъ дикаго миндаля. Очень вкусный. У разносчиковъ онъ всегда есть на лоткѣ, и они его продаютъ, перенося изъ улицы въ улицу. Женщины, чтобъ получить его, крадутъ старыя туфли своихъ мужей, которыми тѣ пользуются во время омовеній“.

Для большей живости юмора Бусхакъ охотно прибѣгаетъ и къ простонародному мѣстному говору Шираза [2]).

Кулинарная поэзія Бусхака напечатана (не вся) въ Констант. 1303=1886 (184 стр.), съ предисловіемъ мирзы-Хебиба Испаһанскаго: „Діван-и Эт'име“.

Переводы образцовъ:

У Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 288-289, большое описаніе финиковаго паштета и короткое стихотвореніе.

H. Ferté: „Recueil des poésies gastronomiques d'Abou Ishaq Halladj Shirazi“ въ „Journal Asiatique“ 1886, іюль-авг., стр. 166 — 182. Статья

---

[1]) Эту газель Хафиза („Эйб-и риндâн ме-кон, эй зâһид“...) мы, въ главѣ о Хафизѣ, переведемъ всю по-русски.

[2]) Срв. Edw. Browne: Some notes on the poetry of the persian dialects — въ „Journ. of the R. Asiat. Soc.“ 1895, окт., стр. 787 и сл.

написана по поводу недавно изданнаго въ Константинополѣ Бусхакова дивана (1303 = 1886), и въ ней переведено введеніе Бусхака, пародія на Хафиза, жизнеописаніе финика, сала и хлѣба и юмористическій словарь кулинарныхъ терминовъ. Важнѣйшая изъ статей о Бусхакѣ.

Пицци: „Storia della poes. pers.", т. I (1894), одинъ образчикъ на стр. 246-247 (пародія на лирику Хафиза) и стр. 286 четыре образчика.

P. Horn: а) Ein persischer kulinarischer Dichter (Atʿima), статья, съ образчиками, въ приложеніи (Beilage) къ мюнхенской „Allgemeine Zeitung" 1899, № 21 и № 22 (= 26-е и 27-е янв., стр. 1-4 и стр. 4-7); б) короче — въ „Gesch. der pers. Litt.". (1901), стр. 128-131; в) бѣглая замѣтка „Bushâk" въ лейденской „Enzyklopädie des Islâm", т. I, вып. 14 (1912), стр. 836.

[Лѣтъ полтораста спустя нашелся продолжатель Бусхака, все въ той же южной Персіи, Махмудъ Кâрій (قاری) изъ Йезда, который ок. 1585 г. составилъ аналогичную «Книгу нарядовъ» = «Дîвâн и эльбисе» [1])].

III.

в) Художественная литература при тимуридахъ, XV в.

1) Черты первой, болѣе упадочной, половины тимуридскаго періода.

Еще при жизни корифеевъ персидской поэзіи XIV в., въ старческіе годы Хафиза, Персія была разгромлена Тимуромъ (1370-1405). Ужасы, которые сопровождали шествіе завоевателя изъ Средней Азіи, общеизвѣстны; пирамиды изъ головъ украшали пепелища тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ проходилъ.

Вѣроятно, каждый человѣкъ, видя всюду горе и неудачи, подчинялся року и безъ натяжекъ могъ примѣнять къ себѣ субъективное стихотвореніе Лотфаллаха Нишапурскаго (временъ Тимура и тимуридовъ):

Таковъ мой удѣлъ, что, когда за водою
Я къ морю пойду, то отхлынетъ вода,
И, если, нуждаясь въ огнѣ, я открою
Хоть адскую печь, холоднѣй она льда.
И если за камнемъ направлюсь я въ горы,
Труднѣй мнѣ булыжникъ найти, чѣмъ алмазъ.
И если я съ кѣмъ заведу разговоры,
Оглохнетъ на оба онъ уха заразъ.

---

[1]) О „Книгѣ нарядовъ" см. ниже, въ отдѣлѣ XVI вѣка. Тамъ и библіографія.

И если арабскій скакунъ подо мною,—
Чуть шагомъ плетется онъ, словно оселъ.
Такъ нѣтъ ни удачи нигдѣ, ни покою
Бѣднягѣ, что въ милость къ судьбѣ не вошелъ.
И все-то онъ долженъ терпѣть, да къ тому же
Молить еще Бога, чтобъ не было хуже[1]).

Какъ и во времена Джингизъ-хана, такъ и во времена Тимура, человѣкъ охотно искалъ душевнаго успокоенія въ религіи и въ ограниченіи потребностей. Суфійскій аскетизмъ и пантеизмъ, съ Тимуровыхъ временъ, еще болѣе усилился, и съ тѣхъ поръ мы не можемъ назвать ни одного лирическаго-эротическаго поэта, ни одного романтическаго художника слова, который не считался бы у потомства причастнымъ суфійству. И біографіи такихъ писателей подтверждаютъ обыкновенно, что они — суфіи. Большая часть якобы гедоническихъ пѣвцовъ любви, вина, розъ — святые шейхи дервишей.

Мѣста ихъ жительства не совсѣмъ тѣ самыя, что у ихъ предшественниковъ XIV вѣка. Вѣдь тѣ литературные центры въ Фарсѣ, въ Багдадѣ, въ Тебризѣ, которые въ XIV вѣкѣ процвѣтали подъ властью династій мозафферидской и джелаиридской, т.-е. Иранъ преимущественно западный, были очень разорены Тимуромъ (ум. 1405). И это не могло не отразиться на литературной жизни въ нихъ.

Положимъ, намѣстниками въ пострадавшемъ западномъ Иранѣ — среди вѣчныхъ смутъ — были поставляемы люди, склонные къ покровительству литературѣ: дѣти Тимура (такъ, Мираншахъ въ Тебризѣ) или, чаще, дѣти его сына Шаhроха. Нельзя отрицать, что это были люди, въ общемъ достаточно одаренные литературнымъ вкусомъ. Напримѣръ, Мираншахъ Тимуровичъ въ Тебризѣ отнесся хорошо къ суфійскимъ писателямъ, собравшимся здѣсь раньше; и Кямаль Ходжендскій, который, вернувшись въ Тебризъ изъ Золотоордынскаго плѣна (1389), засталъ здѣсь Мираншаха, былъ обласканъ имъ не хуже, чѣмъ это сдѣлали бы джелаириды: для выкупа Кямалевой обители отъ тяжелыхъ долговъ сынъ Тимура пожаловалъ шейху 10.000 червонцевъ. При Шаhрохѣ Тебризомъ управлялъ 1420-1431 Байсонгоръ Шаhроховичъ; этотъ въ 1425 году озаботился объ установленіи критическаго текста «Шаh-наме» Фирдовсія. Въ библіотекѣ Байсонгора состояло на службѣ 40 переписчиковъ, которые списывали для библіотеки нужныя произведенія. Мы видѣли (стр. 56), что сводъ всеобщей исторіи Хафиза-Эбру Хератца (ум. 1431) такъ и называется по его имени: «Байсонгоровы Сливки лѣтописей». Въ бывшемъ мозафферидскомъ

---

1) „Біографіи поэтовъ“ Довлетъ-шаха XV в., изданіе Эдв. Брауна (1901), стр. 318; вообще о Лотфаллахѣ стр. 317-325. Русскій переводъ стихотворенія, появляющійся въ нашемъ изданіи впервые, сдѣланъ акад. Θ. Е. Коршемъ.

Фарсѣ намѣстникомъ 1409-1414 состоялъ другой внукъ Тимура Искендеръ Омаръ-шейховичъ, покровитель поэта-кулинара, обжоры Бусхака Ширазскаго (см. стр. 109), — меценатство, само по себѣ не очень свидѣтельствующее о высотѣ литературнаго вкуса правителя; но мы видимъ послѣ того въ Ширазѣ (стр. 54) другого тимурида, Ибраhима Шаhроховича, который заботится о редактированіи «Книги побѣдъ Тимура» Шерефеддиномъ Йездскимъ (оконч. 1425), самъ принимая въ этомъ не послѣднее литературное участіе, какъ руководитель. Подъ покровительство этихъ-то и иныхъ чередовавшихся тимуридовъ и попали уцѣлѣвшіе остатки литературныхъ круговъ мозаффеpидскихъ и джелаиридскихъ, т.-е. Хафизовская плеяда XIV в. Естественно однако, что эта плеяда должна была и перемереть, и случилось это довольно быстро. Новыхъ же поэтовъ, которые равны были бы имъ по таланту, разоренныя страны Фарсъ и Азербейджанъ въ XV вѣкѣ сразу не дали, по крайней мѣрѣ не дали въ первыя десятилѣтія, наиближе примыкающія къ Тимуровымъ погромамъ. Та литературная жизнь, которую мы можемъ наблюдать въ западномъ Иранѣ въ теченіи 1-й половины XV столѣтія, сводится къ подражательности: подражаютъ Хафизу въ лирикѣ (какъ эмиръ Шâhîй), Низамію и Хосрову Деhлійскому въ эпикѣ (Кâтибій), Са'дію — въ морализаторствѣ. И самое подражательство не всегда изъ умѣлыхъ.

На-ряду съ этимъ, литературная жизнь XV вѣка, съ несомнѣнной очевидностью, перекочевываетъ въ Иранъ восточный, въ собственно-тимуровскія области, Мавераннаhръ и Хорасанъ, которыя, естественно, гораздо меньше пострадали отъ походовъ своего государя, чѣмъ области мозаффеpидовъ и джелаиридовъ и азербейджанскихъ туркменовъ.

Самъ Тимуръ (ум. 1405) старался переселять ученыхъ и историковъ къ себѣ въ Бухару. Въ другомъ Тимуровомъ городѣ, Самаркандѣ, долголѣтнимъ намѣстникомъ (1409-1449) былъ его внукъ, сынъ Шаhроха Улугъ-бекъ, астрономъ, покровитель науки, т.-е. прежде всего, конечно, богословія, а затѣмъ ужъ другихъ наукъ [1]); были при немъ, разумѣется,

---

[1]) Абдерреззакъ, историкъ Шаhроха, подъ 812=1409 годомъ (л. 37 об. по рукописи Лазаревскаго Института), приводитъ наставленіе, какимъ Шаhрохъ сопроводилъ назначеніе Улугъ-бека въ Самаркандъ: „Въ благодарность Богу за то, что онъ даруетъ намъ власть, будь справедливъ къ подчиненнымъ. Уважай ученыхъ, ибо они — наслѣдники пророческіе, будь къ нимъ щедръ и благосклоненъ, во всѣхъ дѣлахъ вѣры не уклоняйся отъ ихъ рѣшеній, почитай семью шейхальислама Борhанеддина Маргинанскаго, автора „Хидâи“, и передъ всѣми людьми отличай его родъ, въ которомъ отъ отца къ сыну переходитъ его званіе шейхальислама“. Послѣ того Шаhрохъ переходитъ въ своемъ наставленіи къ земледѣльцамъ, солдатамъ и т. д. Итакъ, ученые, это — прежде всего духовные улемы ислама.

и поэты-хвалители (Исметъ и др.). Главная художественная литературная жизнь XV вѣка направилась преимущественно въ Х е р а т ъ, новоотстроенную столицу тимуридовъ: Шаһроха (1405-1447), Абу-Саида (1452-1469) и Хосейна-Бейкары (1469-1506), и святые поэты-дервиши окружили дворъ. Въ первую половину тимуридской эпохи, т.-е. въ первой половинѣ XV вѣка, сильныхъ талантовъ не было, положимъ, и тутъ въ Хератѣ: трафаретное, малосамостоятельное подражаніе лирикѣ Хафиза и Сельмâна (Велîй, ʿАрифîй), «пятерицамъ» Низамія и Хосрова Деһлійскаго (кочующій Кâтибій, Феттâхій, Эшрефъ) и морализаторству Саʿдія (Кâсим-и Энвâръ, тотъ же Арифій и др.) — было и здѣсь нормою, какъ и на болѣе разоренномъ западѣ. Но создавалась благопріятная почва, настроеніе.

Ниже мы увидимъ, какъ во в т о р о й половинѣ XV вѣка передъ нами появляется въ Хератѣ, въ полномъ разцвѣтѣ, классикъ Джâмій (род. 1414, ум. 1492), шейхъ мѣстныхъ суфіевъ, который съ большимъ, разностороннимъ талантомъ обновилъ всѣ старыя классическія темы. Образоваться, развиться долженъ былъ Джамій, естественно, еще въ п е р в у ю половину эпохи. Были, значитъ, благопріятныя тогда условія. Кромѣ Джâмія, Хератъ второй половины XV вѣка содержалъ въ себѣ, какъ увидимъ ниже, цѣлую толпу выдающихся литераторовъ; гдѣ ихъ корни? — всѣ еще въ первой половинѣ XV вѣка, Шаһроховской. Въ современномъ Джамію Иранѣ западномъ, не-һератскомъ, мы подобнаго явленія не видимъ. Конечно, и западный Иранъ (Ширазъ, Тебризъ) во второй половинѣ XV вѣка нѣсколько оживаетъ литературно въ сравненіи съ первой половиной, примыкающей къ Тимурову разоренію; но подвизающіеся тутъ литературные таланты — и малочисленнѣе, и много ниже һератскихъ; да иногда они и поставляются тѣмъ же Хератомъ.

По имени Джâмія, позволительно в с ю тимуридскую эпоху, в е с ь XV вѣкъ, блестяще выраженный творчествомъ Джамія, условно назвать в ѣ к о м ъ Д ж â м і я. Однако первую половину XV столѣтія, половину литературнаго затишья, надо все-же предварительно разсматривать въ отдѣльности, чтобы обзоръ второй, цвѣтущей половины вѣка произвести тоже въ отдѣльности.

Передъ-Джаміевскіе поэты XV в.

Назовемъ болѣе выдающихся художественныхъ писателей п е р в о й половины XV вѣка, до разцвѣта Джамія.

Фехреддинъ ʿИ с м е т ъ Б у х а р е ц ъ (ум. 1426) [1]). Ему сперва покровительствовалъ тимуровъ внукъ Халиль Миран-

---

[1]) Или, быть можетъ, 1436 (такъ, по „Хебîб эс-сійер“ Хондемира, т. III, джозʾъ 3-й).

шаhовичъ, который послѣ Тимура управлялъ Самаркандомъ (1405-1409) и представлялъ собою нѣчто въ родѣ аркадскаго пастушка, возведеннаго на тронъ (см. стр. 28); за короткое время своего правленія этотъ мечтатель, если можно вѣрить Довлетъ-шаhу, раздарилъ пѣвцамъ, поэтамъ и музыкантамъ почти все то, что Тимуръ вывезъ изъ разоряемаго имъ Ирана. Въ 1409 году Халиль былъ низложенъ эмирами, и мѣсто правителя въ Самаркандѣ занялъ, на много лѣтъ, какъ мы не разъ отмѣчали, ученый Улугъ-бекъ Шаhроховичъ. Его тоже Исметъ восхвалялъ. И въ панегиризмѣ, и въ лирикѣ насильственная вычурность, цвѣтистость, крайняя искусственность оказываются рѣзкими чертами Исмета, и онѣ очень невыгодно отразились на его ученикахъ въ стихотворствѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ жили въ Самаркандѣ [1]).

Изъ его учениковъ выдѣляется Сираджеддинъ Бисâтîй Самаркандецъ (ум. 1412), скончавшійся раньше своего учителя. ʿИсметъ на его художественный вкусъ имѣлъ извращающее вліяніе, все-таки не совсѣмъ испортилъ. Бисâтîй, еще при жизни корифеевъ Хафизовской лирики, чувствовалъ себя сильнымъ. Въ Тебризѣ, куда онъ, повидимому, ѣздилъ между 1390-1400 гг. (вѣроятно, сопровождая Мираншâhа, сына Тимура), онъ дерзнулъ состязаться въ стихотворствѣ со старымъ шейхомъ Кямâлемъ Ходжендскимъ (ум. 1400) [2]).

Ниʿметаллахъ Велîй (1331-1431) — св. основатель особаго дервишескаго ордена, родомъ алеппскій арабъ, выросшій въ персидскомъ Иракѣ. Жилъ, какъ шейхъ, то на востокѣ Персіи (Самаркандъ, Хератъ, гдѣ Шаhрохъ его чтилъ), то, позже, на юго-западѣ (Йездъ, Керманъ). Авторъ лирическаго дивана [3]), комментаріевъ на „Блистанія“ ʿИрâкыя (ок. 1270) и разныхъ суфійскихъ писаній.

Моʿинеддинъ ʿАлій Кâсим-и Энвâръ (или Кâсимій), шіитскій святой, родился подъ Тебризомъ 1356, ум. 837 = 1434 [4]). Былъ послушникомъ (мюридомъ) старца Садреддина Ардебильскаго, предка династіи сефевидовъ. Поселился Кâсим-и Энвâръ на востокѣ въ Хератѣ, и жилъ тамъ при Тимурѣ (ум. 1405) и Шаhрохѣ, пока на него не пало подозрѣніе въ заговорѣ на жизнь Шаhроха (1428). Тогда Кâсим-и Энвâръ нашелъ при-

---

1) У Хаммера: „Redekünste“ (1818, стр. 277-279) переведено семь образцовъ изъ ʿИсмета.

2) Одинъ изъ полнѣйшихъ списковъ лирическаго дивана Бисâтія хранится въ Лазаревскомъ Институтѣ (писанъ на поляхъ Сельмана Саведжи, лл. 510-546); рукопись нач. XVI вѣка (№ 6778 топ. кат.). Шесть образцовъ по-нѣмецки—у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 276-277.

3) Диванъ Велія литограф. Лакнау 1276 = 1860. Двѣ газели перевелъ Хаммеръ въ „Redekünste“ (1818), стр. 223.

4) Какимъ образомъ у Хорна: „Gesch. d. pers. Litt.“ (1901, стр. 176) дата смерти Кâсим-и Энвâра вышла 1376, не понятно.

бѣжище у Улугъ-бека въ Самаркандѣ, а умеръ (1434) опять-таки недалеко отъ Херата, въ Херджирдѣ Джâмскомъ, родинѣ (1414) Джâмія; тамъ его могила стала мѣстомъ поклоненія. Есть у него лирика [1]; есть „Холâсé-и Бустâн“ = „Извлеченія изъ [Садіева] Бустана“; есть месневійный „Энîс эль-âрифîн“ = „Другъ познавшихъ“, гдѣ стихотворно поясняется суфійская терминологія: что́ такое „душа“, „духъ“, „сердце“, „умъ“ и „любовь“? Прозою со стихами — „Рисâлет эль-эмâнет“ = „Книга залога [божественнаго въ человѣкѣ]“ и т. п.

Кâтибій Нишапурецъ (род. въ XIV в., ум. ок. 1435) Шемседдинъ Мохеммедъ (то же имя, что у Хафиза). Онъ говорилъ про себя: „Я изъ того же Нишапура, откуда знаменитый шейхъ Аттаръ; но онъ — нишапурская роза, а я — шипъ“ [2]. Въ 1410-хъ годахъ Кâтибій явился въ Хератъ, чтобы восхвалять Шаһроха и его сына Байсонгора (род. 1397), но при тимуридскомъ дворѣ не нашелъ достаточнаго признанія и удалился тогда же, т.-е. ок. 1410-хъ гг., на западъ Персіи: жилъ въ Закавказьѣ у великодушнаго ширваншаха Ибраһима Дербендца (ок. 1382-1417), въ туркменскомъ Азербейджанѣ, въ Испаһанѣ, наконецъ, въ Астрабадѣ. Постепенно изъ панегириста Кâтибій обратился въ истиннаго суфія. Умеръ въ Астрабадѣ отъ чумы (ок. 1435). Лирика Кâтибія собрана въ его „Диванѣ“ [3]. По образцу Хосрова Деһлійскаго (ум. 1325) и, отчасти, болѣе стараго Низамія (ум. 1203) въ Астрабадѣ Кâтибій занялся составленіемъ „Пятерицы“, изъ которой впрочемъ обработалъ лишь „Розовый цвѣтникъ праведниковъ“ = „Гольшен-и эбрâр“ и „Лейла и Меджнунъ“; трудъ былъ прерванъ его смертью. Другія романтическія (онѣ же мистическія) поэмы его: а) „Сî-нâмé“ = „30 любовныхъ писемъ“, которыми обмѣнялись Мохыббъ и Мехбубъ (Любящій и Любимый); б) „Меджме̒ эль-бехрейн“ = „Сліяніе двухъ

---

1) Хаммеръ: „Redekünste“ (1818, стр. 285-286) перевелъ 5 газелей Кâсим-и Энвâра; 10 газелей у Бланда: „A century of persian ghazals“ (1851, стр. 22-25); три стихотворенія у Пицци: „Storia della poes. pers.“ I (1894, стр. 176). Рукописный диванъ имѣется въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 312 печ. кат.). Случайная замѣтка акад. Залеманна: „Слово челеби у персидскаго поэта Касим-и Анваръ“ — въ „Зап. Вост. Отдѣл.“, т. 17 (= 1906), стр. XXXIII сл. (въ протоколахъ).

2) См. съ подробностями анекдотъ у Ouseley: „Biogr. notices of pers. poets“ (1846), стр. 189-190. Самое стихотвореніе переведено у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 282.

3) 7 лирическихъ стихотвореній Кâтибія по-нѣм. у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 281-284, въ томъ числѣ знаменитое о розѣ. Возможно, что изъ Хаммера — русскій переводъ: „Съ персидскаго Кіатиби“ далъ Д. Коптевъ въ „Москов. Городскомъ Листкѣ“ 1847 (№ 117, стр. 470). Два мелкихъ образца у Аузли: „Biogr. notices“ (1846), стр. 189-190. 10 газелей Bland: „A century of pers. ghazals“ (1851), стр. 18-21. Одно стих. у Пицци: „Storia della poes. pers.“ I (1894), стр. 176-177.

стихотворныхъ размѣровъ", месневи, писанное такъ, что его можно читать двумя просодическими способами, и содержащее въ себѣ исторію (мистической) любви Созерцающаго и Созерцаемаго (оттого иное названіе поэмы есть „Нâзыр о мензŷр"); в) „Диль-робâй" = „Сердцепохититель" — исторія царя Кобада Йеменскаго и его коварнаго везúря. Въ поученіе сыну Кâтибій, по образцу Садіева „Бустана" XIII в., составилъ „Деh бâб" = „Десятикнижіе" (или „Десятиглавіе"), иначе называемое „Теджнîсâт" (= Аналогіи), полное неестественной игры словами, — черта, вообще характерная для Кâтибія.

Эмиръ Шâhîй, Ак[а]-Меликъ (ок. 1383-1453), поэтъ-лирикъ, „копія Хафиза" [1]) — потомокъ одного изъ „князей-висѣльниковъ" Себзеварскихъ (см. стр. 16), той демократической династіи въ западномъ (Нишапурскомъ) Хорасанѣ, которая низвергнута была Тимуромъ въ 1381 г. Прозвище „Шâhî", т.-е. „Царскій", получилъ молодой эмиръ-поэтъ (онъ же музыкантъ, онъ и живописецъ) въ силу той причины, что съ-измолоду сдѣлался наперсникомъ Тимурова внука, Байсонгора Шаhроховича (род. 1397, ум. 1433) [2]). Однако, оскорбившись какъ-то на недовѣріе Байсонгора, эмиръ-Шаhій покинулъ дворъ своего друга и надолго удалился въ свои помѣстья подъ Себзеваромъ. Умеръ въ Астрабадѣ (1453), гдѣ согласился расписать дворецъ сыну покойнаго Байсонгора. — Звучность стиховъ Шâhія наводитъ на мысль, что онъ слагалъ ихъ подъ свою музыку, для пѣнія. Очевидно, изъ-за красивой формы стиховъ (не изъ-за содержанія, которое просто Хафизовское) [3]) эмиръ-Шâhій находилъ подражателей. Среди тѣхъ, кто подражалъ лирикѣ Шâhія, имѣется османскій султанъ Селимъ I Грозный (1512-1520) [4]); можетъ быть, поэтому и диванъ Шâhія, не издававшійся въ Персіи, однако изданъ въ Турціи [5]).

---

[1]) Выраженіе П. Хорна. См. его „Gesch. der pers. Litt." (1901), стр. 123.

[2]) Самъ-то эмиръ-Шаhій, добрый шіитъ, понималъ свое прозвище, повидимому, въ смыслѣ „приверженецъ Алія", потому что Алій есть „шâh-и вилâйет". См. у Ouseley: „Biogr. notices of pers. poets" (1846, стр. 140) съ ссылкой на шіитскую тезкире конца XVI в.: „Меджâлис эль-му'минîн" Нуруллаха Мер'ашскаго (изд. въ Теhранѣ 1268=1852).

[3]) Довлетъ-шаhъ XV в., въ своей щедрости на раздачу великихъ эпитетовъ, признаетъ, что въ творчествѣ эмира-Шаhи счастливо соединились пылъ Хосрова Деhлійскаго, изящество Хасана Деhлійскаго, тонкость Кямаля Ходжендскаго и прозрачная чистота Хафиза. Но даже Хаммеръ, усердно повторяющій сужденія Довлетъ-шаhа, на этотъ разъ не соглашается съ Довлетъ-шаhомъ („Redekünste", 1818, стр. 293) и находитъ, что эмиръ-Шâhи — mittelmässiger Dichter. См. Довлетъ-шаhа, лейд. изд. 1901, стр. 426: 9-10.

[4]) См. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы", II (1910), стр. 81.

[5]) „Диван-и Шâhî (стр. 1-72) есть первая часть сборника, отлитографированнаго Мехеммедомъ-эфенди въ Константинополѣ 1322-1326 = 1904-1910;

Мовля-нâ 'Арифій Хератецъ (ок. 1388-1449), по прозвищу „второй Сельмâнъ Сâведжи", и родился и обыкновенно пребывалъ въ Хератѣ. Жилъ при Шаhрохѣ (1405-1447) и пережилъ своего государя лишь двумя годами. Изъ многочисленныхъ месневійныхъ 'Арифіевыхъ поэмъ важнѣйшая „Мячъ и палка" = „Гуй о човгâн" (составл. въ 1438 г.), иначе „Хâль-нâме́", — поэма, которую Джâмій въ „Беhаристанѣ" называетъ наилучшею изъ творчества Арифія. Въ ней выведенъ мистическій образъ страдающей любви съ одной стороны и жестокости — съ другой [1]). Писалась „Мячъ и палка", быть можетъ и не въ Хератѣ [2]), а, пожалуй, въ Ширазѣ: для Шаhрохова внука (сына Султана-Ибраhима), который былъ тамъ при Шаhрохѣ намѣстникомъ [3]). Къ ней были подражанія и османско-турецкія, и опять персидскія [4]).

Феттâхîй Нишапурскій (род. въ XIV в., ум. 1448), точнѣе Яхъя сынъ Сибека (= „яблочко") [5]), ученый и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ художественныхъ писателей времени Шаhроха (1405-1447), велъ отшельническую, уединенную жизнь. Отчасти онъ лирикъ [6]). Но огромнымъ успѣхомъ пользовался и, пожалуй, до сихъ поръ пользуется мистико-любовный прозаическій, пересыпанный стихами романъ: „Краса и

въ изданіе входятъ также робаійяты Бâбâ-Таhира XI в. и Хейяма XI-XII в. Хорошая рукопись XVI в. дивана Шаhія имѣется въ Лаз. Институтѣ (№ 6778 топ.). на поляхъ Сельмана Саведжи (лл. 478-510). Около десятка стихотвореній эмира-Шаhи перевелъ Хаммеръ въ „Redekünste" (1818), стр. 293-295. Двѣ газели, съ франц. переводомъ, издалъ С. де-Саси въ примѣчаніяхъ къ Аттаровой „Livre des conseils" (1819), стр. 307-310. Цитаты у Аузли: „Biogr. notices of pers. poets" (1846), стр. 139-142. Семь обрывочныхъ образчиковъ у Пицци: „Storia della poes. pers." I (1894), стр. 177.

[1]) Срв. объ этой темѣ у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 301-302 и 26.

[2]) въ противность тому, что безъ оговорокъ принимаетъ Эте́ въ „Grundriss'ѣ" II, 302 (1896).

[3]) Срв. Rieu, опис. перс. рукоп. Брит. муз., т. II (1881), стр. 640. Но возможно (срв. у него же, т. III, 1883, стр. 1090), что показаніе о Ширазѣ относится только къ одноименной поэмѣ Тâлиба Джâджермія (ум. 1450), который 30 лѣтъ жилъ въ Ширазѣ и писалъ „Гуй о човгâн" для того же Шаhрохова внука („on the same subject for the same prince", не сомнѣвается Рьё).

[4]) Напр., перс. „Гуй-о човгâн" вышеупомянутаго Джаджермія, турецк. Ляміи (1471-1531), перс. Кâсимія (ум. послѣ 1572).

[5]) Спеціальнѣе „сîбек" обозначаетъ шишку, болѣзненный наростъ на тѣлѣ. Феттахій сперва титуловалъ себя подлиннымъ именемъ своего отца Сибека, только передѣлывалъ имя на арабскій ладъ: „Тоффâхій" (яблоко по-персидски „сîб", по-арабски „тоффâх). Лишь потомъ произвелъ онъ перестановку въ своемъ имени на выспренній тонъ („феттâх" = завоеватель).

[6]) Образцы лирики Феттâхîя — у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 290-291.

сердце“ = „Хосн о диль“ [1]), который въ слѣдующемъ XVI вѣкѣ вызвалъ три турецкихъ передѣлки въ царствѣ османовъ [2]) и, еще вѣкъ спустя, персидскую передѣлку въ царствѣ Великихъ Моголовъ [3]). Послѣ „Хосн о диль“ Феттâхîй составилъ (1439) риѳмованною прозою въ перемежку со стихами сборникъ вычурностей: „Шебистâн-и хыяль“ = „Спальня фантазіи“, иначе „Шебистâн-и никâт о Голистâн-и логâт“ = „Спальня остроумныхъ разсказовъ и розовый цвѣтникъ тонкихъ реченій“ [4]), гдѣ предлагается игра словами, всякая искусственность, словесные фокусы и т. п.; напр., достаточно переставить точки извѣстнымъ, опредѣленнымъ способомъ — и выходитъ другой смыслъ рѣчи [5]). Феттâхіемъ составленъ также стихотворный „Сонникъ“ = „Теʿбір-наме́“. — Феттахій былъ и каллиграфомъ, однимъ изъ знаменитыхъ виртуозовъ этого искусства, и попалъ въ исторію каллиграфовъ [6]).

Мовля́-нâ Эшрефъ Хератскій (ум. ок. 1450,— пожалуй, позже), жилъ при Шаһрохѣ. Онъ лирикъ (авторъ дивана га-

1) Старые англійскіе переводы „Хосн о диль“ Феттâхія дали A. Browne (Дублинъ 1801) и, съ персидскимъ текстомъ по стариннѣйшей рукописи 896=1491 года, В. Прайсъ (Will. Price): „Husn oo Dil, or Beauty and Heart, a pleasing allegory in 11 chapters, by Alfettah of Nishapoor, pers. and engl.“ (Лонд. 1828 in 4⁰, 84 стр.). Критическое изданіе текста съ нѣмец переводомъ и всесторонними объясненіями далъ Р. Дворжакъ (Dvořak): „Husn u dil, pers. Allegorie“ (Вѣна, 1889; 150 стр.; отт. изъ Sitzungsberichte вѣнской Академіи Наукъ, т. 118, по филос.-истор. классу, № 4). Отрывокъ по-итальянски у Пицци: „Storia della poes. pers.“ II (1894), стр. 279-280. Очень краткое содержаніе поэмы у Эте́ въ „Grundr. der iran. Philol.“ II (1896), стр. 334-335.

2) Одну турецкую передѣлку Феттахіевой „Хюсн у диль“ предпринялъ Аһи (изъ Болгаріи; ум. 1517), но не закончилъ (Хаджи-Хальфа, т. III, Лонд., 1842, стр. 67); о ней подробно см. у Гибба: „A hist. of Ottoman poetry“, т. II (1902), стр. 296 и слѣд. Другая передѣлка — Ляміи Брусскаго (1471-1531), про котораго см. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы“, ч. II (1910, стр. 113-116); разборъ передѣлки Лямін — у Дворжака при переводѣ самого Феттахія (1889). Третью турецкую передѣлку исполнилъ Вâли при султанѣ Мюрадѣ III (1574-1595).

3) Авторъ этой персидской „Хосн о диль“ есть Бидиль. Поднесъ онъ ее въ 1684 г. великому моголу Алемгиру.

4) Такъ, напр., въ рукописи Брит. Муз., опис. Рьё, т. II (1881), стр. 741.

5) Содержаніе Феттахіева „Шебистâна“ — у Флейшера въ каталогѣ лейпцигскихъ рукописей (1838), стр. 399, и у Хаммера въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т. 64 (Anzeigeblatt, стр. 18 и слѣд.). Первую главу изъ „Шебистâна“, о вѣрѣ и исламѣ, съ помощью турецкаго комментарія Сюрурія (ум. 1561), издалъ и критически перевелъ H. Ethé: „Das Schlafgemach der Phantasie“ (Лейпц., 1868); у него же вкратцѣ о „Шебистâнѣ“ въ „Grundr. der iran. Philol.“ II (1896), стр. 335-336.

6) См. Cl. Huart: Les calligraphes et les miniaturistes de l'Orient musulman. Парижъ, 1908, стр. 98-99.

зелей), но больше — эпикъ. Его романтическая „Пятерица", близкое подражаніе „Пятерицѣ" Низамія (ум. 1203), имѣетъ № 4 исторію Беhрама-гура (пис. 1441), озаглавленную „Хефт оврен г"=„Семь престоловъ". Впослѣдствіи мы встрѣтимъ это заглавіе использованнымъ у болѣе молодого hератца Джамія, который не могъ, конечно, не имѣть литературныхъ отношеній съ hератцемъ же Эшрефомъ. Другія, болѣе раннія месневи Эшрефа: „Путь праведныхъ"=„Менhедж эль-эбрâр" (1429), „Сады влюбленныхъ"=„Рійâз эль-ʿâшиqîн" (1433), „Книга любви"=„ʿИшq-нâмé" (1438).

Всѣ эти передъ-Джаміевскіе поэты, несмотря на то, что они святые дервишескіе шейхи и носятъ преподобные монашескіе титулы «владыкъ» (мовля́-нâ), въ концѣ-концовъ оказываются стихотворцами придворными; меценатскую помощь они получаютъ отъ двора. Сознательную противоположность имъ представлялъ другой «мовля́-нâ» первой половины XV вѣка, Мохеммедъ ибнъ-Хосâмъ (ум. 1470), южный горный хорасанецъ. Онъ велъ жизнь крестьянина и отдавался поэтическому творчеству въ полѣ. Талантъ очень не крупный, ибнъ-Хосâмъ могъ за-то съ гордостью сказать, что дѣйствительно ни отъ кого не зависитъ; есть у него для насущнаго пропитанія одинъ ячменный хлѣбецъ — и не надо ему пировъ шаха-Ардешира!

Шикям чук би-йекь пâн тевâн кярд сîр,
Мé-кяш миннет-и софре-і Эрдешîр!

— совѣтуетъ ибнъ-Хосâмъ, и самъ въ жизни слѣдуетъ своему совѣту [1]). Правило это мы находимъ въ заключеніи къ поэмѣ ибнъ-Хосâма: «Хâвер-нâмé» (ок. 1427), гдѣ онъ использовалъ героическій стиль и пріемы Фирдовсіевой «Книги царей», чтобы создать религіозный исламскій эпосъ про подвиги шіитскаго кумира ʿАлія [2]). Заглавіе «Хâвер-нâмé» указываетъ, что это — книга о подвигахъ ʿАлія и его сподвижниковъ противъ Хâвер[âн]скаго царя-язычника Кобâда; восписываются доблестныя Аліевы дѣянія и противъ другихъ язычниковъ, противъ драконовъ, противъ дивовъ или иныхъ чудищъ [3]).

Есть у ибнъ-Хосâма также очень популярныя въ Персіи восхваленія имамовъ.

---

[1]) Этимъ онъ отличается отъ придворныхъ суфіевъ, которые тоже пишутъ хвалы въ честь дервишеской независимости, а на дѣлѣ попрошайничаютъ у государя и вельможъ.

[2]) Мы ужъ видѣли (стр. 80) аналогичный пріемъ у Хесенія Шебистерскаго XIII в., автора „Энбія-намé" про доисламскихъ пророковъ.

[3]) Мнѣ извѣстно изданіе „Хâвер-нâмé" въ Тебризѣ 1315=1898 (95 стр.), со множествомъ лубочныхъ рисунковъ. Но, конечно, есть много другихъ изданій, лубочнаго же характера.

2) Вторая половина тимуридскаго періода (кон. XV в).

Кругъ султана Хосейна-Бейкары Хератскаго (1469-1506) съ везиремъ Миръ-Али-Широмъ (ум. 1500) и послѣдній разцвѣтъ персидской литературы. Джâмій (ум. 1492), главное свѣтило hератскаго круга.

Хератъ и послѣ Шаhроха, когда достался (1457) тимуриду другой линіи Абу-Саиду (1452-1469), не переставалъ быть однимъ изъ очаговъ литературной жизни; и, напримѣръ, зрѣлое творчество Джамія (род. 1414), къ которому мы дальше перейдемъ, приходится какъ-разъ на царствованіе Абу-Саида. Но главную литературную силу и высочайшую, повсемѣстную славу пріобрѣлъ Хератъ тогда, когда достался вмѣстѣ съ прочимъ восточнымъ Ираномъ одному изъ Тимуровыхъ праправнуковъ султану Хосейну-Бейкарѣ (1469-1506), которому суждено было оказаться послѣднимъ тимуридскимъ государемъ въ Персіи. Въ западной Персіи ему соотвѣтствуетъ по времени торжество династіи шаха Узуна-Хасана Бѣлобараннаго (Ак-коюнлу). Самъ султанъ Хосейнъ-Бейкарâ былъ писатель, обычнаго въ тѣ времена эротико-суфійскаго оттѣнка, съ особой наклонностью къ исторіографіи суфійской литературы [1]). Тѣмъ естественнѣе было, что онъ умѣлъ цѣнить образованіе и литераторовъ. А особенно ревностнымъ меценатомъ былъ его другъ везиръ Миръ-Али-Ширъ (род. 1440, ум. 1500). Везирь тоже самъ былъ поэтъ, какъ персидскій (съ псевдонимомъ «Фâній»), такъ и тюркскій-джагатайскій (псевдонимъ «Невâи»; онъ же джагатайскій тезкиристъ) [2]). Онъ-то, собственно, и привлекъ къ султанскому двору въ Хератъ лучшихъ литераторовъ.

Важнѣйшая библіографія про Миръ-Али-Шира:

Изъ старой назовемъ только Silv. de Sacy въ „Notices et extraits", т. IV (an VII = 1798-1799), стр. 290-293 въ пересказѣ содержанія тезкире Самъ-мирзы XVI в., и Ouseley: „Biographical notices of persian poets" (1846), стр. 50-53.

---

1) Подъ конецъ жизни султанъ-Хосейнъ, не безъ секретарской помощи, составилъ (1503-1504) сводъ суфійскихъ біографій: „Меджâлис эль-ʿошшâq" = „Засѣданія [мистическихъ] влюбленныхъ". Рукоп. описана у Ouseley: „Biogr. notices" (1846), стр. 247-251, или у Рьё въ перс. рукопис. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 351-353. Есть литографир. изд. Лакнау (Навалькишорово).

2) Тезкире Миръ-Али-Шира въ джагатайскомъ подлинникѣ (1491) называется „Меджâлис эн-нефâис" = „Засѣданія знаменитостей". Въ ходу персидскій ея переводъ 1521 года: „Летâиф-нâме" (о которомъ еще будетъ рѣчь у насъ ниже, въ отдѣлѣ про „тезкираты" XVI вѣка). Образцомъ для Миръ-Али-Шира служилъ Довлетъ-шаhъ, пис. ок. 1487 г.

М. Никитскій: Эмиръ-Низамъ-Эд-Динъ-Али-Ширъ въ государственномъ и литературномъ его значеніи. Магистерская диссертація (Спб. 1856).

Bélin: Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névâïi, suivie d'extraits tirés des oeuvres de même auteur — въ „Journal Asiatique" 1861, февр.-мр. (стр. 175-276), апр.-май (стр. 281-357).

H. Elliot: History of India, т. IV (1872), стр. 528-529. Въ этой, очень короткой, замѣткѣ интересна, въ сноскѣ, очень подробная мелкая европейская библіографія про Миръ-Али-Шира.

Rieu: Catal. of the pers. mss. in the British Museum, т. I (1879), стр. 365-367. При описаніи персидской передѣлки: „Летâиф-нâмé" дана сжатая и очень содержательная замѣтка о Миръ Али-Ширѣ.

Главное мѣсто въ һератскомъ блестящемъ литературномъ кружкѣ султана Хосейна-Бейкары́ (1469-1506), или Миръ-Али-Шира, занимаетъ послѣдній классическій поэтъ Персіи, старикъ Джâмій (1414-1492), все еще продолжавшій творить, хотя главная его творческая дѣятельность относится еще къ предыдущему һератскому царствованію (Абу-Саида Хератскаго). При Хосейнѣ-Бейкарѣ мовля́-нâ Джâмій большую часть своихъ произведеній окончательно редактировалъ и, проредактировавши, посвящалъ одно за другимъ султану [1]). Въ крайне плодовитомъ творчествѣ шейха Джамія соединились, сверхъ сухо-научнаго писательства, художественныя направленія всѣхъ его великихъ предшественниковъ: и лириковъ, и эпиковъ; по его словамъ, онъ воспѣвалъ «старыя событія новыми мелодіями». Когда Джамій, въ самомъ началѣ царствованія Хосейна-Бейкары, съѣздилъ на богомолье въ Мекку (ок. 1471), кто-то пустилъ ему вслѣдъ непочтительную эпиграмму, въ которой называлъ шейха обкрадывателемъ знаменитыхъ мастеровъ слова:

Ты накралъ стихи, старые и новые,
Отъ Са́дія, Энверія и Хосрова.

Авторъ эпиграммы могъ бы съ такимъ же правомъ упомянуть, что у Джамія въ лирикѣ есть мотивы не только Энверія (ум. ок. 1191), Са́дія (ум. 1291) и Хосрова Деһлійскаго (ум. 1325), но и Джеляледдина Румія (ум. 1273), и араба ибнъ-аль-Фâрыда (ум. 1235), и тѣмъ болѣе Хафиза (ум. 1389). Въ дидактической поэзіи на Джамія вліялъ не только Са́дій, но и авторъ „Книги совѣтовъ" Аттâръ (ум. 1230) и др. Главнымъ вдохновителемъ Джâмія былъ, повидимому, дѣйствительно Хосровъ Деһлійскій (1253-1325), упоминаемый эпиграммою. Редактируя въ старости свою **лирику** (а она у Джамія превосходна), престарѣлый Джамій каждому своему

[1]) Джамію у насъ ниже отводится монографически особый отдѣлъ, гдѣ — и обильная библіографія, и образцы его творчества.

„дивану“ (1479, 1489, 1491) даетъ заглавіе, близкое къ соотвѣтствующимъ „диванамъ“ Хосрова Деһлійскаго [1]). Въ области поучительнаго и романтическаго эпоса Джамій находится подъ воздѣйствіемъ „Пятерицы“ Хосрова Деһлійскаго, больше чѣмъ „Пятерицы“ Низâмія (ум. 1203). Впрочемъ, у Джамія не „пятерица“ поэмъ, а „седмерица“, подъ заглавіемъ „Хефт овренг“ = „Семь престоловъ“; заглавіе взято, очевидно, отъ шейха Эшрефа Хератскаго, котораго Джамій зналъ въ молодости и читалъ, конечно, его „пятерицы“ [2]). Наиболѣе интересны среди поэмъ Джаміевой „седмерицы“ — поэмы съ любовнымъ сюжетомъ: „Юсофъ и Золейха“ (редактир. или перепис. начисто въ 1483 г., когда автору было ужъ 70 лѣтъ), „Меджнунъ и Лейла“ (редактир. 1484), „Селямâнъ и Эбсâля“ (редактир. не позже 1485). Два изъ этихъ сюжетовъ: „Юсофъ и Золейха“ и „Селямâнъ и Эбсâля“, — отсутствуютъ какъ у Низамія, такъ и у Хосрова Деһлійскаго; но и въ нихъ Джамій не былъ самостоятеленъ и заимствовалъ сюжеты изъ чужихъ источниковъ [3]). Цѣнны у Джамія не оригинальность, а способъ обработки.

Джамій не только стихотворецъ, но и прозаикъ. Для поученія юному сыну онъ-старикъ сложилъ по образцу „Голистана“ = „Розоваго

[1]) Срв. стр. 84. Понимать эротическую лирику шейха Джамія надо, конечно, въ мистическомъ духѣ; но если читатель будетъ ее принимать въ прямомъ смыслѣ, она лишь выиграетъ въ художественности.

[2]) „Седмерица“ Джамія распадается на „двоицу“ и „пятерицу“. Въ двоицу входятъ наставительная „Златая цѣпь“ (редакт. 1485) и романтическая „Селямâнъ и Эбсâля“ (редакт. не позже 1485). Въ пятерицѣ сперва по порядку идутъ поэмы наставительныя: 1) „Гостинецъ благородныхъ“ (редакт. 1481) и 2) „Четки праведниковъ“ (редакт. 1482); въ серединѣ — романтическія: 3) Іосифъ и Золейха“ (ред. 1483) и 4) „Меджнунъ и Лейла“ (ред. 1484); въ концѣ — морализаторская 5) „Книга премудрости Александра Македонскаго“ (ред. 1484). Какъ видимъ, Джамій сперва проредактировалъ свою пятерицу, а затѣмъ къ ней прибавилъ двоицу.

[3]) На коранскую тему про Юсофа и Золейху (=Іосифа и Пентефрію) обработана ок. 1012 г. поэма Фирдовсія, едва ли однако имѣвшая вліяніе на Джамія: много несходства. Скорѣе можно предположить вліяніе прозаической мистико-суфійской повѣсти „Юсофъ и Золейха“ һератскаго старца-суфія Энсâрія (ум. 1088), произведенія котораго Джамій основательно изучалъ вообще. Есть поэтическая обработка того же сюжета у Амʽака Бухарскаго (ум. 1149). Была также обработка нѣкоего Рокнеддина Масʽуда, һератца, (какъ и Джамій), отмѣчаемая въ „тезкире“ Овфія ок. четверти XIII вѣка. — Что касается неоплатонической повѣсти про „Селямана и Эбсâлю“, то она, въ переводѣ съ греко-сирскаго, извѣстна была по-арабски у философа переводчика Хонейна ибнъ-Исхака (ок. 809-873), въ XI в. была обработана по-арабски же ибнъ-Синою (Авиценною, 980-1037), а въ XIII в. повторена его комментаторомъ энциклопедистомъ Насреддиномъ Туссимъ (ум. 1273) Вѣроятно, отъ Насреддина (суфія) Джамій и взялъ свою тему.

цвѣтника“ Са̕дія свой „Беhâристâнъ“=„Весенній садъ“ (1487). Для него же онъ по-арабски написалъ (ок. 1488) толкованія на грамматику „Кâфіе“ ибнъ-аль-Хâджиба (ум. 1248),—сочиненіе, пользующееся большимъ уваженіемъ въ арабской филологіи. Знаменита (гораздо раньше написанная) энциклопедія суфійства съ біографіями важнѣйшихъ свв. суфіевъ, подъ арабскимъ заглавіемъ: „Нефехâт эль-онс“=„Дыханія дружбы“ (1476-1478). Въ основѣ этого капитальнаго труда лежатъ „Разряды суфіевъ“ св. шейха Энсâрія Херагскаго (ум. 1088), писанные въ Хератѣ же 400 лѣтъ назадъ; по словамъ Джамія, онъ взялся за переработку Энсâріевыхъ „Разрядовъ“ не только потому, что они нуждались въ дополненіи, но и потому, что они были написаны „на старомъ, въ то время употреблявшемся hератскомъ языкѣ“, который во времени Джамія былъ не всегда понятенъ читателямъ. За обработку своихъ „Нефехâт“ Джâмій взялся по совѣту везиря Миръ-Али-Шира, который къ исторіи литературы питалъ тяготѣніе. Самъ Миръ-Али-Ширъ, какъ мы случайно ужъ упоминали (стр. 122), составилъ джагатайскую тезкире: „Засѣданія знаменитостей“ (1491), а султанъ Хосейнъ-Бейкара́, съ секретарской помощью—свой персидскій сводъ суфійскихъ же біографій: „Засѣданія [лирическихъ] влюбленныхъ“=„Меджâлис эль-ʿошшâq“ (1503-1504).

Литературное вліяніе старца-Джâмія распространялось изъ Херата не только по всей Персіи, въ томъ числѣ по западной (гдѣ владѣла династія шаха Узунъ-Хасана Бѣлобараннаго, занимавшая Багдадъ и Тебризъ). Османскіе султаны Мохаммедъ II Завоеватель (1451-1481) и Баезидъ II Святой (1481-1512) присылали въ Хератъ щедрые дары маститому поэту, произведенія котораго усердно перерабатывались въ Турціи. Изъ Индіи, гдѣ надъ большей частью Декана царствовали шахи-Беhмениды (1347-1526), тоже отправлялись утонченныя посланія къ Джамію съ восторгомъ предъ его творчествомъ. Престарѣлый поэтъ, безъ добродѣтельнаго монашескаго смиренія, имѣлъ полное право говорить про себя:

Поэтическое мое творчество прозвучало по всему міру. Небо огласилось моимъ пѣніемъ, и юная невѣста вѣчнаго Времени украсила жемчужинами моей поэзіи свои уши и свою шею.

Цари Индустâна и Византіи шлютъ ко мнѣ лестныя посольства; владыки Месопотаміи и Азербейджанскаго Тебриза осыпаютъ меня дарами. А что ужъ говорить мнѣ о государяхъ Хорасана, въ океанѣ щедрости которыхъ я чуть не утону!

Сверхъ старца-Джâмія, hератскій кругъ изобиловалъ другими поэтами. Иные были постоянными членами здѣшней литературной общины, другіе—приливали и отливали. Были и лирики, были—и эти гораздо лучше—эпики.

Другія, сверхъ Джâмія, поэтическія имена въ Хератѣ конца XV вѣка.

Сперва о лирикахъ, потомъ объ эпикахъ.

Чистые лирики плеяды Джâмія значительно уступаютъ силою таланта самому Джамію. Такіе һератскіе лирическіе поэты, какъ Âсефій или, подъ конецъ, „нарциссовый“ Нергясій, являются въ сравненіи съ Джаміемъ совершенно безцвѣтными. Ярче ихъ — т. н. „малый Хафизъ“: прочувствованный Бâбâ-Фигâній Ширазецъ, и другой ширазецъ Эһлій, у котораго однако надо искать не чувства, а „дозволеннаго колдовства“, т.-е поразительнаго фокусничанья словами; но эти два ширазца не обосновались при һератскомъ дворѣ. Интересенъ эпиграммами на Миръ-Али-Шира, принужденный за то бѣжать изъ Херата, Беннâій.

Лирикъ (и панегиристъ, конечно) ходжâ Âсефій (ок. 1447-1517) пользовался покровительствомъ и везиря Миръ-Али-Шира, и одного изъ сыновей султана Хосейна-Бейкары, именно Бедіэзземâна, который и увезъ его съ собою въ Бельхъ [1]). Прозвище „Âçâфî“ (= „Âсафовъ“) объясняется тѣмъ фактомъ, что поэтъ принадлежалъ къ прежней везирской семьѣ г. Херата [2]). Талантъ безусловно не первоклассный, хотя высоко славился [3]).

Безконечно былъ талантливѣе и оригинальнѣе, но только не ужился долго при һератскомъ дворѣ (по всѣмъ признакамъ, въ концѣ 1470-хъ гг.) прекрасный, своеобразный лирикъ, сынъ ширазскаго ножевщика Бâба-Фигâнîй Ширазскій (ум. 1519) [4]), по прозвищу малый Хафизъ“ [5]). Появленіе его въ Хератѣ, приходится, очевидно, на первые годы царствованія здѣсь Хосейна-Бейкары. Когда Бâбâ-Фогâній поки-

---

1) Бедіэзземанъ съ 1497 г. былъ вполнѣ самостоятельнымъ намѣстникомъ Бельха и оказывалъ сильнѣйшее вліяніе на всю политику своего отца, резидировавшаго въ Хератѣ.

2) Асафъ — мудрый министръ мудраго царя Соломона и, оттого, нарицательный эпитетъ для всякаго везиря. Отецъ поэта былъ везиремъ у Абу-Саида Хератскаго (1452-1469), котораго Хосейнъ-Бейкара смѣнилъ на һератскомъ престолѣ

3) О диванѣ Асефія, состоящемъ изъ газелей и четверостишій, см. въ опис. перс. рукоп. Брит. Музея Рьё, т. II (1881), стр. 651-652.

4) Менѣе принятъ выговоръ: „Фогâнîй“.

5) Десять газелей Бâбы-Фигâнія — у Bland'a: „A century of persian ghazals“ (1851). стр. 34-37. Французскій переводъ избранныхъ стихотвореній: Les perles de la couronne, choix de poésies de Baba Féghani Trad. pour la 1-ère fois du persan avec une introduction et des notes par Hocéyne Azad (Пар. 1903 = № 77 эльзевирской библіотеки). Стр XXI + 144. Есть рукопись стиховъ Бâбы Фигâнія въ Москов. Архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ, заслуживающая серьезнаго вниманія оріенталистовъ. Срв. о Фиганіи еще замѣтку Абдуль Моктадира: „Fighânî“ въ „Journal of the Moslem Institute“, II (= 1908), стр. 38-40.

нулъ Һератскій дворъ, онъ удалился въ Тебризъ къ молодому западно-иранскому государю Бѣлобаранной династіи Я'кубу (1479-1491), сыну Узунъ-Хасана. Судить о великодушіи этого государя онъ могъ бы и со словъ Һератскаго свѣтила Джамія, обласканнаго Якубомъ Бѣлобараннымъ на обратномъ пути Джамія изъ паломничества въ Мекку; въ концѣ концовъ Джамій дошелъ до утвержденія, что въ честь Якуба Бѣлобараннаго не зачѣмъ даже писать хвалебныхъ одъ: достаточно начертать имя его „Якубъ" — и это ужъ есть само по себѣ естественный высокій панегирикъ [1]). Ба̂ба̂-Фога̂ній съ полнымъ правомъ смѣлъ бы прійти къ тому же выводу: онъ очень хорошо устроился при тебризскомъ дворѣ, и могъ не жалѣть о Хератѣ, гдѣ его не оцѣнили [2]).

Для многихъ другихъ поэтовъ-лириковъ, стекавшихся въ цвѣтущій Хератъ изъ зап. Персіи, городъ казался привѣтливѣе.

Въ числѣ ихъ, подъ конецъ, интересенъ не столько своимъ піитическимъ талантомъ, сколько своей должностью „мохтесиба", т.-е. приблизительно полицейскаго пристава, лирикъ изъ Ира̂ка съ нѣжнымъ псевдонимомъ Нергясі̂й (=„Нарциссовый", ок. 1472-1531). Для „нарциссоваго" поэта-пристава Хорасанъ вполнѣ замѣнилъ родину, онъ здѣсь и до смерти дожилъ (ум. въ Кандаһарѣ, 1531).

Нергясій испытывалъ свои силы отчасти и на месневійномъ творчествѣ наставительнаго характера, типа „Сокровищницы тайнъ" Низа̂мія, но онъ въ лирикѣ сильнѣе. Подобно ему считаются сильнѣе въ лирикѣ, чѣмъ въ эпосѣ, еще два стихотворца, которые впрочемъ лишь отчасти принадлежатъ Херату, а скорѣе — враждебному Тебризу съ его Бѣлобаранными шахами: Эһлій Ширазецъ (ок. 1465-1535) и Бенна̂ій Хератецъ (ум. 1512).

Эһлій Ширазскій родился, надо думать, не позже 1460-хъ годовъ, потому что Миръ-Али-Ширъ въ своей тезкире (1491) упоминаетъ Эһлія Ширазскаго уже какъ ученаго и опытнаго поэта. Вообще вся его жизнь связана съ Ширазомъ [3]), но въ молодости онъ совершилъ поѣздку, чтобы повидать свѣтъ внѣ своего захолустья. Побывалъ ли онъ лично въ Хератѣ у султана Хосейна-Бейкары, не ясно [4]); въ Теб-

---

[1]) Джамій это говоритъ въ „Селяманѣ и Эбсалѣ".

[2]) Послѣдніе годы своей жизни Баба-Фога̂ній не былъ придворнымъ поэтомъ. Онъ закончилъ свою жизнь въ святомъ городѣ Мешһедѣ (1519 или 1516), гдѣ знаменитая гробница имама 'Али-Ризы (см. стр. 29). Въ честь имама у него есть стихотворенія. См. у Рье, опис. перс. рукоп. Бриг. Муз., II (1881), стр. 651; отчасти срв. у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 391.

[3]) Ширазъ, родина Са'дія и Хафиза, болѣе или менѣе успѣвалъ въ XV в. хранить литературныя традиціи. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

[4]) Въ тезкиратахъ замѣтно смѣшеніе между одновременно жившими Эһліемъ Ширазскимъ (ум. 1535) и Эһліемъ Хератскимъ, или Хорасанскимъ,

ризѣ побывалъ. Литературныя отношенія онъ завязалъ съ обѣими столицами. Султану Якубу Бѣлобаранному (1479-1491) Эhлій Ширазскій посвятилъ (1489) месневійную мистико-любовную поэму „Шем' о перва̂не́"=„Свѣча и мотылекъ" и, повидимому, тогда же составилъ другую суфійскую поэму про любовь царевича-Джема и царевны-Розы (Голь) подъ заглавіемъ: „Сихр-и хеля́ль"=„Дозволенное колдовство". Второе заглавіе указываетъ на замысловатую „колдовскую" форму этого месневи. Дѣйствительно, поэму „Дозволенное колдовство" можно читать одновременно неодинаковыми стихотворными размѣрами, и Эhлій въ предисловіи поясняетъ, что имѣлъ въ виду перещеголять подобную же форму, которую придалъ своей повѣсти про Созерцающаго и Созерцаемаго Ка̂тибій (ум. ок. 1435), прямо и озаглавившій свою повѣсть „Сліяніемъ двухъ стихотворныхъ метровъ" [1]). Еще замысловатѣе и полнѣе „колдовствомъ"—„qесіде́-и месну̂'"=„Искусственная или „фокусная" касыда", составленная Эhліемъ въ честь Юсофъ-шаха, брата того же государя Бѣлобаранной династіи Якуба (1479-1491). „Фокусность" этой касыды, представляющей собою подражаніе Сельману изъ Саве (1291-1377), заключается въ томъ, что при помощи извѣстныхъ ключей можно ее читать на много разныхъ ладовъ, получая всякій разъ особые смыслы [2]). Такую же касыду „месну̂'" вскорѣ (до 1491 г.) составилъ и послалъ Эhлій Миръ-Али-Ширу въ Хератъ, и для вкусовъ Али-Шира характерно, что онъ призналъ талантъ Эhлія выше таланта Сельмана [3]). Интересно, что при одномъ чтеніи, допускаемомъ въ „фокусной" касыдѣ Эhлія, выходитъ четверостишіе—„робаи", съ одинаковымъ удобствомъ читаемое какъ по-персидски, такъ и по-арабски, только съ измѣненіемъ, разумѣется, значенія. Въ четверостишіяхъ Эhлій Ширазскій имѣлъ навыкъ: ими у него составлена „Книга виночерпія" и стишки для картъ: „Роба̂йййат-и генджефе"= „Карточныя четверостишія"; для каждой карты въ колодѣ — соотвѣтствующее „роба̂й" (колода была, вѣрно, царская). Въ

(ум. 1527). Срв. и у европейцевъ неодинаковое построеніе біографіи Эhлія Ширазскаго — у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 376, у Эрдманна въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.", т. XV (1861, стр. 775-785) и у Рьё въ опис. перс. рукоп. Брит. Муз., II (1881), стр. 657. Эрдманнъ (стр. 776-777) обвиняетъ, повидимому, самого Хаммера въ путаницѣ, а не его источники. Изъ Эhлія Хорасанскаго у Хаммера (стр. 376-378) переведены довольно многочисленные образцы.

1) Про Ка̂тибія см. выше выше, стр. 117-118.

2) Про „qесіде-і месну'" Сельмана Саведжи см. у насъ выше, стр. 99.

3) Впослѣдствіи такою же фокусною касыдою (месну') почтилъ Эhлій Ширазскій и сефевидскаго шаха-Исмаила (1499-1524), который отнялъ владѣнія и Бѣлобаранной династіи и Тимуридовъ. Для шаха-Исмаила Эhлій въ 1514 г. собственно изготовилъ сводъ своихъ произведеній (хранится въ India Office № 550).

сравненіи съ подобными поэтическими Эһліевыми произведеніями оказываются совсѣмъ просты его газели [1]).

Рядомъ съ Эһліемъ Ширазскимъ мы назвали другое имя не изъ самыхъ знаменитыхъ: Кямаледдинъ Беннâій (ум. 1512). Это былъ природный һератецъ, сынъ мѣстнаго архитектора. Образованіе онъ получилъ прекрасное, и въ стихотворствѣ (напр., въ газеляхъ Хафизовскаго типа) былъ силенъ [2]), но, подобно „малому Хафизу" Фигâнію, не понравился Миръ-Али-Ширу. Злой на языкъ, Беннâій позволялъ себѣ отпускать остроты про мецената-везиря, и одна дерзость перешла мѣру (Беннâію казалось, что къ принадлежностямъ туалета Миръ-Али-Шира относится и недоуздокъ). Пришлось Беннаію убѣжать изъ Херата, и, какъ нѣкоторые другіе, кому не повезло въ Хератѣ, Беннâій направился во владѣнія Бѣлобаранной династіи. Шаху-Якубу (1479-1491) Беннâій посвятилъ поэму: „Беһрâмъ и Биһрузъ", иначе „Бâг-и Ирем"=„Садъ Иремскій". Еще до смерти Якуба Бѣлобараннаго (ум. 1491) Беннâій возвратился въ свой родной Хератъ, поднесъ Миръ-Али-Ширу касыду и, изъ-за очень нещедрой его оцѣнки, вновь пустилъ по его адресу эпиграмму, на тему, что педерастъ — безплоденъ. Опять надо было покинуть Хератъ. На этотъ разъ Беннâій убѣжалъ отъ везирскаго гнѣва за Аму-Дарью, къ одному изъ удѣльныхъ тимуридовъ [3]).

Если бы намъ пришлось судить о поэтахъ һератскаго круга Хосейна-Бейкары и везиря Миръ-Али-Шира только по вышеназваннымъ, далеко не первокласснымъ стихотворцамъ, то мы получили бы самое одностороннее и невѣрное представленіе о литературной высотѣ этого круга. Могло бы казаться, что лишь Джамій былъ здѣсь крупною величиною, а всѣ остальные въ сравненіи съ нимъ были пигмеи, или не могли прижиться ко двору. Но это не такъ. Состояли въ плеядѣ Джамія яркія и выразительныя имена, которыя такъ же тѣсно и неразрывно связаны съ Хератомъ, какъ и Джамій.

---

[1]) Десятокъ газелей Эһлія Ширазскаго у N. Bland'a: „A century of persian ghazals" (1851), стр. 26-29. Другіе образцы (по-перс. и по-нѣм.) творчества Эһлія см. въ статьѣ Эрдманна о немъ въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.", т. 15 (=1861), стр. 775-785. Эрдманнъ образчики черпаетъ изъ тезкиратъ: мелкія, обрывочныя стихотворныя цитаты — изъ „Атеш-кяде" Лотфъ-Али-бега XVIII в., а семь болѣе цѣльныхъ и законченныхъ лирическихъ образцовъ (стр. 780-785) — изъ какой-то неназванной антологіи; „фокусныхъ" касыдъ у него нѣтъ.

[2]) Въ своихъ газеляхъ Беннâій принимаетъ литературное прозвище „Хâлî" = „экстатическій".

[3]) Беннаію пришлось видѣть нашествіе узбековъ на страну, но къ узбекамъ онъ приспособился. Погибъ во время кровавой бойни, которую учинило сефевидское войско подъ Самаркандомъ (1512). О Беннаіѣ см. въ тезкире Самъ-мирзы 1550 г. (по-франц. у С. де-Саси въ IV томѣ „Notices et extraits", 1798-1799 г., стр. 287-289; по-нѣм. у Хаммера: „Redekünste", 1818, стр. 361-362).

Это — тѣ стихотворцы, которые избрали своею спеціальностью эпосъ и меньше удѣляли вниманія лирическимъ формамъ, безконечному перепѣванію опошлѣвшихъ Хафизовскихъ темъ или дегенератскимъ „фкуснымъ“ касыдамъ (совсѣмъ чуждыми лирикѣ они впрочемъ не были).

На первомъ мѣстѣ блистаетъ, неоспоримо, талантливый племянникъ Джамія Абдаллахъ Хâтифій هاتفی. Во времена султана Хосейна-Бейкары онъ, сынъ сестры стараго Джамія, былъ, надо полагать, далеко не молодымъ человѣкомъ (ум. 1521). Съ благословенія маститаго своего дяди, Хâтифій задумалъ, по своему, обработать „Пятерицу“. Вводной, т.-е. дидактической поэмы онъ не написалъ, а составилъ (еще при жизни Джамія, ум. 1492) романтическія поэмы: „Лейла и Меджнунъ“ [1]), „Хосровъ и Ширйна“ [2]) и „Хефт мензер“ = „Семь ненаглядныхъ красавицъ“ [3]); третья — о приключеніяхъ шаха Беhрама Гура, какъ и у Низамія [4]). Что касается заключительнаго № 5 для Пятерицы, который у Низамія, Хосрова Деhлійскаго, Джамія и др. занятъ „Книгою про Александра Македонскаго“, то Хâтифій рѣшилъ замѣстить Александрію стихотворной исторіей подвиговъ предка султана Хосейна-Бейкары Хератскаго — Желѣзнаго Хромца Тимура: „Тимур-нâмé“ [5]), или „Искендер-нâмé-і Тîмўрî“ = „Тимурова Александрія“ [6]). Опытъ созданія историческихъ эпопей изъ жизни новыхъ государей уже былъ успѣшно произведенъ эмиромъ Хосровомъ Деhлійскимъ (ум. 1325) [7]). Въ „Тимур-нâмé“, Хâтифія, стилемъ Александріи (и еще больше — стилемъ „Книги царей“), воспѣта мощная фигура еще очень памятнаго средне-азіатскаго завоевателя. Въ эпилогѣ сказано, что авторъ умышленно не пожелалъ пересказывать «всякую ложь про давно мертваго Александра Македонскаго («не кярдем..... з'Искендер-и мордé пеqл-и дорўг»). Богъ вѣдь знаетъ, насколько подлинны богатырскіе по-

---

[1]) Хâтифіева „Лейла и Меджнунъ“ издана была W. Jones'омъ въ Калькуттѣ ок. 1788-1798 г. Есть изданіе Навалькишора въ Лакнау 1279 = 1862. Отрывки въ нѣмец. переводѣ у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 356-361.

[2]) Рукопись Хатифіевой „Хосровъ и Ширйна“ 1516 г., т.-е. писанная при жизни автора, хранится въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 305 печ. кат.). Кажется, печ. изд. не было.

[3]) букв. „Семь предметовъ созерцанія“. Эте (Grundr. II, 1896, стр. 247) предпочитаетъ переводить: „Sieben Lustschlösser“.

[4]) „Хефт мензер“ Хâтифія, кажется, не напечатаны. Большія извлеченія переведены и пересказаны подъ заглавіемъ „Seven faces“ у Ouseley: „Biogr. notices of pers. poets“ (1846), стр. 259-331.

[5]) Ради просодіи гласные звуки въ имени Тимуръ взяты Хатифіемъ краткіе, не долгіе.

[6]) Издана Хатифіева „Тимур-нâмé“ литографски въ Лакнау 1869 подъ заглавіемъ „Зефер-нâмé-і Хâтифî“.

[7]) См. у насъ выше, стр. 83.

двиги, приписываемые Александру, тогда какъ богатырскіе подвиги недавняго Желѣзнаго Хромца, изложенные въ «Тимур-нâмé», безусловно — молъ — достовѣрны, потому что основаны на исторической «Зефер-нâмé» Шерефеддина Йездскаго (1425). — Конецъ жизни Хâтифій провелъ въ благочестивомъ уединеніи, поселившись недалеко отъ Херата на хуторѣ (въ Херджирдѣ Джамскомъ), вблизи могилы св. Кâсим-и Энвâра (ум 1434) [1]).

Тоже значительный романтическій талантъ — Бедреддинъ **Хилялій** هلالى. Онъ родомъ джагатаецъ-тюркъ изъ Астрабада (уб. 1532), прибылъ въ Хер态ъ очень молодымъ человѣкомъ и получилъ здѣсь литературное воспитаніе подъ руководствомъ своего высокопоставленнаго соплеменника, везиря Миръ-Али-Шира (ум. 1500). Какъ лирикъ, авторъ «Дивана» газелей, Хилялій тоже цѣнится высоко [2]), но больше всего онъ прославился поэмою «**Царь и нищій**», одною изъ романтическихъ частей своей неоконченной «Пятерицы». Для № 1 въ «Пятерицу» онъ по установившемуся правилу предназначалъ, очевидно, произведеніе дидактическое, и его мы имѣемъ, повидимому, въ «Сыфâт эль-ʿâшиqîн» = «Качества влюбленныхъ» (сост. до 1507 г.),— заглавіе, которое не должно вводить въ заблужденіе, потому что поэма эта мистико-дидактическая, а не эротическая. Въ литературномъ отношеніи она ничего особеннаго не представляетъ, какъ не представляла, вѣроятно, ничего особеннаго обычная для «пятерицъ» ро-

---

1) Срв. у насъ выше, стр. 116-117. Въ 1511 г. объединитель Персіи и завоеватель Хорасана сефевидъ **шахъ-Исмаилъ** побѣдоносно возвращался послѣ покоренія Хорасана къ себѣ въ Иранъ и, проѣзжая черезъ Хератъ, пожелалъ поклониться могилѣ св. Кâсима. Увидѣвши рядомъ запертую рѣшетку усадьбы дервиша-Хâтифія, шахъ-Исмаилъ рѣшилъ провѣдать знаменитаго старика. Безъ лишнихъ разговоровъ, шахъ при помощи нависшей вѣтки дерева перелѣзъ въ ограду къ Хатифію. Дервишъ-Хатифій привѣтливо принялъ неожиданнаго высокаго гостя. Шахъ-Исмаилъ у него поѣлъ, насладился его поэмами и тутъ же попросилъ, чтобы онъ воспѣлъ въ эпосѣ и **его побѣды**, завоеваніе Хорасана. Дряхлый поэтъ не съумѣлъ отговориться и „положилъ руку согласія на глаза преданности“, но изъ этой задуманной „Исмаиловой Шаһ-пâмé“ успѣлъ составить лишь какую-нибудь 1000 строкъ. Единственная рукопись хранится въ Петербургѣ; см. по каталогу Дорна Имп. Публ. Библ. (1852), № 448, стр. 383. Разсказъ объ этомъ всемъ мы находимъ въ тезкире Девлетшаһова продолжателя, Самъ-мирзы (1550 г.), сына Исмаила шаха; по-нѣм кратко у Хаммера: „Redekünste“ (1818), стр. 356; Аузли: „Notices“ (1846), стр. 144. У Хорна, который перелистывалъ петербургскую уникатную рукопись „Исмаиловой Шâһ-пâмé“ см. примѣч. въ „Grundr. der iran. Phil.“, т. II (1900), стр. 587 : 13-23, и въ его же „Gesch. der pers. Litt.“ (1901), стр. 192-193, въ обоихъ случаяхъ съ переводомъ стиховъ, которыми обмѣнялись Хатифій и шахъ-Исмаилъ.

2) „**Диванъ**“ лирики Хилялія литографировался не разъ: Лакнау 1263 = = 1847; Кауннооръ 1281 = 1864; Лакнау 1282 = 1865 и пр. У меня въ рукахъ Бомбейское изданіе приблизительно ок. середины 1880-хъ гг (52 стр.). Далѣе Кауннооръ 1901 (изд. Навалькишора; 156 стр.).

мантическая повѣсть Хилялія «Лейла и Меджнунъ», написанная на трафаретную тему [1]). Напротивъ, третья поэма «пятерицы», вышеупомянутая, «Царь и нищій»=«Шâh о дервîш» (иначе «Шâh о гядâ») есть литературное явленіе очень незаурядное. Тема — о чистой, нѣжной любви юноши къ юношѣ, привязавшихся другъ къ другу со школьной скамьи; любовь — съ соперниками, съ ревностью, съ душевными страданіями [2]). Идея — сама по себѣ не новая въ персидской литературѣ; мы уже встрѣчали, сто лѣтъ тому назадъ, ея проведеніе въ повѣсти «Миhр о Моштерî» ʿЭссара Тебризскаго XIV в. (ум. 1382) [3]); у Хилялія нова лишь фабула, и проявляется тонкая художественность въ отдѣлкѣ. Аллегорически исторія любви дервиша къ царевичу должна, конечно, обозначать страстную любовь мистика-суфія къ недоступному Божеству, но самая-то фабула, съ поэтизаціей влюбленности между людьми одного и того же пола, не для всѣхъ читателей могла быть пріемлема. Оттого повѣсть Хилялія имѣла т. н. «succès de scandal». Одни къ ней относились съ крайнимъ неодобреніемъ, какъ къ проповѣди гнуснаго гомосексуализма (такъ смотритъ на поэму султанъ Бабуръ въ своихъ «Запискахъ»), хотя у Хилялія рѣчь идетъ ясно объ отношеніяхъ чистыхъ. Другіе, напротивъ, приняли «Царя и дервиша» съ увлеченіемъ, и къ числу такихъ относится одинъ изъ самыхъ талантливыхъ турецкихъ поэтовъ, временъ Сулеймана Великолѣпнаго, албанецъ Яхъя-бей Дукагинъ (ок. 1495-1575), который въ духѣ Хиляліевой персидской поэмы составилъ одноименную свою турецкую «Шâh у Гядâ» [4]).

Одно изъ несомнѣнныхъ достоинствъ Хиляліева «Царя и нищаго» — то, что въ сюжетѣ допущено обновленіе истрепавшагося «пятеричнаго» репертуара. Съ этой стороны заслугу имѣетъ и Сефîй (подлинное имя — Фехреддинъ Алій ибнъ-Хосейнъ, ум. ок. 1532), сынъ автора извѣстной обработки «Энвâр-и Соhейлî», про которую мы вскорѣ будемъ говорить, и преемникъ отца (1504) въ должности hератскаго проповѣдника («вâиза»). Сефій больше извѣстенъ своими прозаическими работами: сводомъ житій свв. некшбендійскихъ шейховъ (1503) [5]) и сводомъ анекдотовъ изъ жизни

---

1) Дѣйствительно ли написалъ Хиляліи поэму про Лейлу и Меджнуна, это даже и не установлено съ точностью.

2) Изложеніе „Царя и нищаго" Хилялія — у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 369-372, со стихотворными переводами образцовъ. Цѣльный переводъ, стихами же — у X. Эте въ его „Morgenländische Studien" (Лпц. 1870), стр. 197-282.

3) См. про Эссâра у насъ выше, стр. 100-101.

4) Содержаніе турецкой „Шâh у Гядâ" Яхъи бея изложено у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы", т. II (1910), стр. 129-132.

5) Этотъ сводъ Алія-Сефія называется „Решехâт ʿэйн эль-хейâт". Житія слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, а центральная фигура — т. н. ходжа-Ахраръ (ум. въ Самаркандѣ 893 = 1488), память котораго свято чтится въ Средней Азіи донынѣ. Опис. рукописи Брит. Муз. см. у Рьё, т. I (1879), стр. 353-354. Изданъ турецкій переводъ „Решехâт" (Констант. 1236 = 1821).

разныхъ сословій [1]), но онъ написалъ и поэму «Махмудъ и Аязъ» (султанъ-газневидъ X-XI в и его юный любимецъ) [2]). Правда, Сефіева поэма была затерта дальнѣйшими подражаніями [3]), и все же Сефію принадлежитъ честь первенства

Художественная проза въ Ѣератскомъ литературномъ кругѣ султана Хосейна-Бейкары конца XV в. Историки, какъ художники слова.

Прославленныхъ представителей имѣла въ Хератѣ при Хосейнѣ-Бейкарѣ и художественная проза. Важнѣйшій прозаикъ—ученый и плодовитый писатель Миръ-Хосейнъ Ваизъ-Кашифій (ум. 1504).

Онъ былъ мулла-проповѣдникъ («ваизъ»). Изъ его работъ ученофилологическихъ интересенъ популярный. персидскій переводъ Корана, въ видѣ толкованій къ Святой книгѣ: «Тефсір-и Хосейнî»=«Хосейновы толкованія», иначе «МеваЃиб и ʻАліййе»=«Дары [Миръ]-ʻАли-[Ширу]» (1494). Прямо переводить Коранъ со священнаго арабскаго языка, собственно, считается не совсѣмъ правовѣрнымъ дѣломъ, но у Хосейна-Ваиза это какъ бы лишь комментарій къ цитируемому арабскому тексту [4]). Годъ спустя краснорѣчивый «ваизъ» составилъ популярную этику: «Эхлâq-и мохсинî» (1495) [5]) Лѣтъ за десять передъ

---

[1]) Заглавіе: „Летâиф эт-тевâиф". Книгу этихъ анекдотовъ Сефій составилъ незадолго до своей смерти, для Гарчистанскаго князя (къ сѣв. отъ Херата), къ которому онъ бѣжалъ, спасаясь отъ узбековъ, вторгшихся въ Хератъ при ТаЃмаспѣ I (1530). Описаніе перс. рукоп. Брит. Муз. Рье, т. II, стр. 757-758. Извлеченія, преимущественно изъ жизни персидскихъ поэтовъ, издалъ Шеферъ въ своей „Chrestomathie persane", т. I (1883), стр. 106-130 (къ этому см. примѣчанія во франц. отдѣлѣ хрестоматіи стр. 95-131, гдѣ біографическія свѣдѣнія о затронутыхъ поэтахъ пополняются по Довлетъ-шаху XV в. и по Риза-Кули-хану XIX в.).

[2]) Объ исторической подкладкѣ сюжета про любовь Махмуда и Аяза см у насъ въ „Исторіи Персіи", ч. I, вып. 2 (1914), стр. 113.

[3]) т. е. преимущественно „Махмудомъ и Аязомъ" Золâлія, писавшаго лѣтъ сто спустя, при Аббасѣ I Великомъ.

[4]) Подробнѣе см. у Рьё опис. араб. рукоп. Брит муз., Suppl. (1871), стр. 376-378, и опис. перс. рук. Брит. муз, т. I (1879), стр. 9-11, гдѣ дано извлеченіе изъ введенія къ „Тефсîр"у.

[5]) Заглавіе значитъ: „Этика, составленная для Абуль-Мохсина", сына султана Хосейна-Бейкары. Издана „Эхлâqи Мохсинi" Lumsden'омъ въ „Selections

тѣмъ (1486), переработалъ Кâшифій популярную повѣсть про бедуинскаго щедраго князя Хâтима Тайскаго: «Р и с â л é - и Х á т и м і й й е» [1]). Славнѣе всего однако—художественно-вычурная Кáшифіева обработка старой прозаической Несраллаһовой передѣлки XII в. басенъ «Калила и Димна» на новый, совсѣмъ вольный ладъ, подъ названіемъ: «Э н в á р - и С о һ е й л î»—«Свѣточи созвѣздія Канопа» (раньше 1501 г.). Эта обработка: «Энвáр-и Соһейлí» получила огромнѣйшую популярность во всемъ исламскомъ мірѣ, переводилась на множество языковъ и азіатскихъ и европейскихъ, вызывала новыя подражанія и передѣлки: персидскія, турецкія (джагатайскую, османскую «Хюмаюн-наме» при Сулейманѣ Великолѣпномъ XVI в.) [2]), индійско-мусульманскія [3]). Въ противность арабской «Калилѣ и Димнѣ», въ ней проза все время густо пересыпается

---

for the use of the persian class", т. I Калькутта 1809 (стр. 1-158; не полностью); Хертфордъ 1823 и 1850; Лакнау 1279=1862; Константинополь ок. 1878; Каунпоръ 1888; Лакнау 1889 (208 стр, изд. Neval Kishor); Бомбей 1889 (Fath-ul-Karim press, 272 стр. литогр.), и др. О б з о р ы, поясненія и п е р е в о д ы. 1) Garcin de Tassy. „Notice du traité persan sur les vertus—de Hussein Vaez" (Пар. 1837=Journ. Asiat IV, стр. 61-81);—2) Keene, англ. перев. (Хертфордъ 1851);—3) шейхъ Абдулькадиръ Ахмеди: а) „A full glossary with notes on the first 31 chapters of Akhl. M." (Бомб. 1892; 84 стр.); б) переводъ главъ 32-40 (Бомб. 1893; 65 стр.);—4) D. F. Mulla. а) „Akhl. Muhs., ch. 1-16, transl" (Бомб. 1895; 48 стр); б) Ch. 17-31 (Бомб. 1895; 76 стр);—5) Krishnalâl M Jhaveri: „Explanatory notes on Akhl. M., ch. 1-31" (Бомб. 1895; 121 стр.);—6) Thom. George and Lâla Thâkur Dâs: „A c o m p l e t e and literal translation of Akhl. M. with glossary" (Лаһоръ 1896; 220 стр.).

[1]) Отрывокъ изъ Хосейновой „Рисáле-и Х á т и м і й й е" напечатанъ въ „Chrestom. persane" Ш. Шефера, т. I (1883), стр. 174-203 перс. Во франц. отдѣлѣ того же тома (стр. 190-203) издатель помѣстилъ „Notice sur le Ris. Hat.", гдѣ содержится біографія Хосейна-вáиза, обзоръ его сочиненій и указаніе на источники „Рисале" (араб. ибнъ-Котейба, „Агáни", Мейдáній, перс. Са'дій), равно какъ связь съ другими перс. повѣстями про Хáтима-Тая. (Послѣднее см. еще у Этé въ „Grundr. der iran. Philol" 1896, т. II, стр. 319).

[2]) См. у меня про „Хюмаюн-наме", въ „Исторіи Турціи и ея литературы", ч II (1910), стр. 105-108; на стр. 105-106 о турецкомъ переводѣ „Эхлáq-и Мохсинî".

[3]) Таблица обильныхъ (свыше трехъ десятковъ) дальнѣйшихъ переводовъ и передѣлокъ „Энвáр-и Соһейлî", цѣпляющихся одна за другую, дана мною въ VIII выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію" (М. 1905), стр. LXXVIII-LXXIX. Библіографія у В. Шовена: „Bibliogr. des ouvrages arabes" (ч. II, Льежъ, 1897) не заставляетъ ничего лучшаго желать.

стихами [1]). Стиль «Энва́р-и Соhейлі» считается образцовымъ для любителей неестественной вычурности. А помимо того Хосейнъ-Ва́изъ составлялъ и прямыя руководства для цвѣтистой стилистики такого рода: такъ называемыя «и н ш а́» (1501) и др. [2]), много содѣйствовавшія, разумѣется, извращенію и порчѣ стилистическаго вкуса. Впрочемъ и одною «Энва́р-и Соhейлî» Хосейнъ-Ва́изъ наложилъ неизгладимую печать на персидскій литературный слогъ, тѣмъ болѣе, что эту его передѣлку «басенъ индійскаго мудреца Бидпая» усердно донынѣ наизустъ изучаютъ въ персидскихъ школахъ, какъ у русскихъ басни Крылова.

Мы выше имѣли случай мимоходомъ отмѣтить (стр 132-133), что и сынъ Хосейна-Ва́иза С е ф і й, тоже hератскій (съ 1504) ва́изъ, былъ писателемъ не только стихотворныхъ поэмъ, но и литературно-прозаиче-

---

[1]) Азіатскія изданія текста „Э н в а́ р - и С о h е й л î“: Калькутта 1804, 1816, 1824 и др.; Бомбей 1828, 1270=1854, и др.; Теhранъ 1267=1850 и др.; Лакнау 1873, 1883, 1899, и др. Изданія поаккуратнѣе: Ч. Стьюарта въ Хертфордѣ 1805; Ouseley, тамъ же 1851; Jarrett, Лонд. 1880. П е р е в о д ы англійскіе: а) Иствика (E. Eastwick, Хертфордъ 1854; стр. XXVII+650); б) Волластона (Лонд. 1877, 504 стр.; 2-е изд. 1894 и Бомбей 1895-1896); затѣмъ переводъ Волластона полностью вышелъ въ Лондонѣ 1904. Въ XVII вѣкѣ былъ неполностью сдѣланъ старый франц. переводъ (Пар. 1644; 2-е изд. 1698), съ котораго послѣдовали другіе европейскіе XVII и XVIII в. и въ томъ числѣ русскій Б о р. В о л к о в а: „Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа индѣйскаго“ (Спб. 1762 in 12⁰, стр. VI+280, цѣна 50 коп); первыя 46 страницъ этого рѣдкаго перевода Волкова, содержащія въ себѣ вступленіе въ книгу, перепечатаны у Ѳ. Булгакова: „Стефанитъ и Ихнилатъ“ (Спб. 1877-1878; изд. Общ. Любит. Древн. Письменности). См. у меня въ VIII вып. „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ (М. 1905), стр. LXXV, № 1. Суррогатомъ перевода для русскаго современнаго читателя можетъ служить изданный по-русски (съ французскаго) переводъ турецкой „Хюмаюн наме“ (1904, при „Нов. Журн. Иностр. Литер.“).

[2]) „И н ш а́“—это родъ письмовника, т. е. образцы эпистолярнаго стиля и вообще указаніе способовъ стилизовать свои мысли. Бо́льшее „инша́“ Хосейна-Ва́иза, кажется, остается ненапечатаннымъ (см. Рье, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. II, 1881, стр. 528-529); это т. н. „Мехзен эль-инша́“. Оглитографировано его меньшее инша̀: „Сехîфе́-і ша̀hí“=„Царскій свитокъ“ (Лакнау). Хератское свѣтило Джа̀мій тоже составлялъ подобные письмовники, и вообще составленіе такихъ стилистическихъ руководствъ процвѣтало при hератскомъ дворѣ. См. данныя у Этé въ „Grundriss der iran. Philol.“ II (1896), стр. 339-340 Одинъ изъ старѣйшихъ персидскихъ письмовниковъ—эмира Хосрова Деhлійскаго (1319), извѣстнаго Джаміева идеала.

скихъ произведеній, такихъ какъ «Летáиф эт-тевáиф»=Анекдоты изъ жизни разныхъ сословій, и др. Заслуживаетъ упоминанія еще и третій Ѣератскій мулла-проповѣдникъ, возрастомъ старше Сефія, ближе къ его отцу и къ Джамію, авторъ—такъ сказать—духовныхъ прозаическихъ романовъ, изъ числа которыхъ одинъ имѣлъ, быть можетъ, вліяніе на творчество самого Джáмія.

Это — шейхъ Моʻйнеддйнъ (или Моʻйнй) Мохеммедъ эль-Мискйнъ эль-Ферáhій (ум. 1501), Ѣератскій пятничный проповѣдникъ и очень ученый богословъ, котораго султанъ Хосейнъ-Бейкарá охотно бы видѣлъ въ Хератѣ кáдыемъ (братъ его и былъ кадыемъ), но самъ шейхъ тяготился подобной должностью и отказывался. Оставляя въ сторонѣ чисто-богословскіе мусульманскіе труды Моинія-Мискина [1]), отмѣтимъ лишь три составленныя имъ священныя исторіи, которыя мы рѣшаемся назвать духовными романами. Первая изъ нихъ—наименѣе беллетристична, наиболѣе исторично-серіозна: «Меʻáридж эн-нобоввет»=«Восходящія стадіи пророческаго призванія». Это прозаическій сводъ въ 5 чч., который начинается повѣстями о пророкахъ, проповѣдывавшихъ раньше Мохаммеда, и затѣмъ переходитъ въ разцвѣченную исторію самого Мохаммеда (части этого труда готовы были еще въ 1460-хъ гг., потомъ трудъ вновь начатъ и законченъ въ 1480-хъ гг.) [2]); вѣкъ спустя «Меаридж» ужъ были переведены и на турецкій языкъ [3]). Ближе подходитъ къ типу прозаическаго романа «Моʻджизáт-и Мусеві»=«Чудеса Моисея (оконч. въ 1498) [4]), а самая интересная—это «Эхсен эль-кысес»=«Лучшая изъ повѣстей». Мискинова «Лучшая изъ повѣстей» есть историко-наставительная повѣсть про Юсофа и Золейху, только писанная не стихами, какъ повѣсть его современника Джамія, а прозою [5]). Въ литературной обработкѣ сюжета

---

[1]) О нихъ см. у Рьё, перс. рукоп. Брит. Муз. I (1879), стр. 149.

[2]) Изданы „Меáридж эн-нобоввет" въ Лакнау 1292=1875.

[3]) Турецкій переводъ Мискиновыхъ „Меáридж" озаглавленъ: „Деляіл-и нубуввет-и Мохеммеді" и сдѣланъ Алты-Пармакомъ (ум. 1624). Напечат. въ Константинополѣ 1257=1841.

[4]) Рукопись Мискиновыхъ „Чудесъ Моисея" въ India Office, № 2029.

[5]) „Лучшая изъ повѣстей" имѣется въ оксфордскомъ Бодлеевскомъ книгохранилищѣ (Elliot 409). Срв. еще у Этé въ „Grundriss der iran. Philol." 1896, т. II, стр. 319-320.

у Моинеддина Мискина замѣчается сходство со старинной прозаической же обработкою повѣсти про Юсофа и Золейху шейха Энсарія XI в. (ум. 1088). Джамій въ своей стихотворной поэмѣ (редактир. 1483) является несомнѣннымъ подражателемъ. Но чьимъ? Энсарія ли? [1]) или, можетъ быть, Моинеддина Мискина, который жилъ въ одномъ съ нимъ городѣ въ одно время?

Цвѣтистую прозаическую художественность очень имѣли въ виду и знаменитые персидскіе свѣтскіе историки, проживавшіе при hератскомъ дворѣ султана Хосейна-Бейкары. Сюда, конечно, не относится по своему стилю старый Шаhроховскій историкъ, жившій въ Хератѣ въ монастырѣ, 'Абдерреззакъ Самаркандецъ (1413-1482); да впрочемъ этотъ, хотя еще прожилъ нѣсколько лѣтъ своего заката подъ властію султана Хосейна-Бейкары въ Хератѣ, вообще писательскую свою дѣятельность прекратилъ въ первые же годы водворенія султана-Хосейна. Главная историческая сила въ кружкѣ мецената-везиря былъ высокопрославленный у персовъ, усердно до нашихъ временъ читаемый, всеобщій историкъ Мирхондъ (1433-1498) со своимъ начинающимъ внукомъ, молодымъ Хондемиромъ (1475-1535), который впослѣдствіи ушелъ вслѣдъ за династіей Тимура изъ Персіи въ Индію. Напыщенный, риторическій языкъ историческаго изложенія у Мирхонда не разъ бываетъ совсѣмъ подъ стать цвѣтистой художественной прозѣ твореній Ваиза Кашифія [2]). Тотъ же искусственный, выспренне-разукрашенный слогъ отличаетъ и историка Довлетъ-шаhа (ок. 1437-1495), бывшаго военнаго, затѣмъ суфія-дервиша, члена литературнаго hератскаго придворнаго круга. Онъ, больше чѣмъ всякій другой историкъ, имѣетъ отношеніе къ художественной словесности. Своими высокознаменитыми «Біографіями поэтовъ» (съ антологіями; сост. ок. 1487) Довлетъ-шаhъ какъ-бы закончилъ и запечатлѣлъ послѣдній блестящій періодъ персидской литературы.

Два слова о литературной жизни въ Иранѣ западномъ во 2-ой половинѣ XV вѣка.

Мы знаемъ, что въ то время, какъ восточный Иранъ съ г. Хератомъ принадлежалъ султану-тимуриду Хосейну-Бейкарѣ (1469-1506), въ западномъ Иранѣ властвовала туркменская шіитская династія Акъ-Коюнлу

---

[1]) Такое предположеніе я уже высказалъ, на стр. 124, сноска 3

[2]) Срв. объ этихъ историкахъ у насъ выше, стр 60-72.

(Бѣлобаранная): шахъ Узунъ-Хасанъ (1467-1478) и его дѣти (Якубъ, 1479-1491, и др.). Резиденціи—Тебризъ, Багдадъ.

По заведенному обычаю, меценатствомъ занималась и Бѣлобаранная династія, и, хотя обиходный языкъ династіи былъ тюркскій, т. н. «азербейджанскій», персидскіе стихотворцы могли, являясь въ Багдадъ и Тебризъ, разсчитывать на вознагражденіе. Мы имѣли случай отмѣтить (стр. 125), что ок. 1471 г. члены династіи Узунъ-Хасана обласкали һератца Джамія, когда онъ ѣздилъ на богомолье въ Мекку. Мы отмѣчали также, что въ Бѣлобаранный Тебризъ охотно устремлялись тѣ поэты, которымъ почему-либо не удалось устроиться въ тимуридскомъ Хератѣ: вспомнимъ «малаго Хафиза» Бабу-Фига́нія Ширазскаго (стр. 127) и природнаго һератца Бенна́ія (стр. 129), дерзнувшаго писать пасквили на Миръ-Али-Шира. Эһлій Ширазецъ, мы видѣли (стр. 127-128), одновременно поддерживалъ добрыя отношенія и съ Тебризомъ и съ Хератомъ.

Болѣе крупныхъ поэтическихъ именъ, чѣмъ названныя, при Бѣлобаранныхъ государяхъ не было.

Не лишне отмѣтить фактъ, что азербейджанская столица Тебризъ являлась, собственно, лишь мѣстомъ, гдѣ поэты могли разсчитывать на полученіе литературнаго гонорара (въ видѣ меценатскихъ даровъ), но гдѣ поэты не раждались. Вѣроятно, экономическое положеніе Азербейджана, истерзаннаго смутами Чернобаранныхъ и Бѣлобаранныхъ туркменовъ и вторженіями османовъ, не благопріятствовало появленію и развитію талантовъ, которые «зрѣютъ въ тиши»; къ тому же Азербейджанъ все больше и больше отуречивался. Стихотворцы, являвшіеся въ Тебризъ къ династіи Узунъ-Хасана, бывали родомъ изъ другихъ мѣстъ. Чисто-иранскій Фа́ рсъ, въ частности г. Ширазъ, родина Са'дія и Хафиза, оказывался родиною и вышеназванныхъ поэтовъ: «малый Хафизъ» Ба́ба́-Фига́ній (ум. 1519)—сынъ ширазскаго ножевщика; Эһлій (ок. 1465-1535)—даже большую части жизни прожилъ въ своемъ Ширазѣ [1]). Съ 1464 года въ Ширазѣ поселился (изъ Рея-Теһрана) шейхъ-затворникъ изъ ордена нурбехшіййе, авторъ лирическихъ газелей Эсйрій (дожилъ до сефевидовъ, нач. XVI в [2]). Можемъ отмѣтить

[1]) О Ба́ба́-Фига̀ніѣ больше см. у насъ стр. 126-127, объ Эһліѣ—стр. 127-129.

[2]) Эсирій былъ ученикомъ шейха Мохеммеда Нурбехша (ум. 1462), отъ котораго производятъ самый орденъ „нурбехшіййе“. Срв. у Рьё, перс. рукоп. Брит. Муз., т. II (1881, стр. 650-651). Но дервиши „нурбехшіййе“ возводятся еше къ XII вѣку; см. у меня „Ист. Перс.“, ч. II (1912), стр. 83, сноска.

еще школьнаго учителя, жившаго въ Ширазѣ одновременно съ Эһліемъ—«мовля́-на́» Мектебія (мектеб=школа), который въ 1490 г. составилъ «Лейлу и Меджнуна» [1]). Изъ Шираза же происходилъ и Лиса́ній (ум. 1534). авторъ газелей въ нѣжныхъ Хафизовскихъ тонахъ, который относится, собственно, къ поэтамъ династіи Сефевіевъ, смѣнившихъ династію Бѣлобаранную, и который оказалъ сильное вліяніе на поэзію начальныхъ сефевидскихъ временъ.

IV.

г) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРИ ПЕРВЫХЪ ШАХАХЪ-СЕФЕВИДАХЪ, XVI в.; УПАДОКЪ.

Предварительныя общія замѣчанія объ упадкѣ персидской литературы въ Иранѣ.

Какъ восточно-иранскія владѣнія Хосейна-Бейкары́ Хератскаго, такъ и западно-иранскія владѣнія туркменской Бѣлобаранной династіи, были объединены въ началѣ XVI вѣка династіей Сефевіевъ, представитель которой ардебильскій суфій шахъ-Исмаилъ (1499-1524) приходился семьѣ шаха Узуна-Хасана Бѣлобараннаго близкимъ свойственникомъ. Прежняя коренная область Бѣлобаранныхъ туркменовъ, сильно отуреченный Азербейджанъ съ гг. Тебризомъ, Ардебилемъ, недалекимъ Казвиномъ, остался главной областью и новыхъ шаховъ, объединителей Ирана. И обиходный языкъ нововоцарившейся династіи былъ тюркскій, т. н. «азербейджанскій», притомъ не только въ первыя времена утвержденія Сефевіевъ [2]). Основатель династіи шахъ-Исмаилъ, подъ псевдонимомъ «Хата́й», написалъ цѣлый диванъ лирическихъ стихотвореній на азербейджанскомъ языкѣ, который, ясно, и былъ для него наиболѣе

---

[1]) Издана Мектебіева „Лейла и Меджнунъ" въ Бомбеѣ 1309=1892 (87 стр.), съ лубочными рисунками

[2]) О тюркскомъ языкѣ въ обиходѣ сефевидскихъ шаховъ мы имѣемъ свѣдѣнія и у европейскихъ путешественниковъ: Пьетро делла Валле, Олеарія, Шардена.

роднымъ. Но, какъ и прежде у ильхановъ, джелаиридовъ, тимуридовъ, туркменовъ Чернобаранныхъ и туркменовъ Бѣлобаранныхъ, языкомъ высшей культуры, въ частности литературы, былъ у Сефевіевъ персидскій.

Новаго разцвѣта въ новообъединенномъ Иранѣ персидская литература не дала. Напротивъ, начиная съ XVI вѣка и вплоть до нашихъ временъ, т. е. въ теченіи четырехъ столѣтій, персидская литература представляетъ собою въ Иранѣ картину постепеннаго паденія [1]).

Паденіе сказывается не только въ поэзіи и художественномъ творчествѣ. Во всемъ видно усиливающееся вырожденіе О серіозной, небогословской наукѣ нечего и говорить: она окончательно исчезла въ Иранѣ. Ее съ успѣхомъ замѣнила убогая схоластика, шіитское клерикальное богословіе, составленіе богословско-юридическихъ трактатовъ въ духѣ оффиціальнаго шіитстга, которое восторжествовало во всей Персіи съ водвореніемъ сефевидовъ, опроверженіе соннитства, и т. п. совершенно неинтересная литература [2]). Въ области исторіографіи видны бываютъ, пожалуй, нѣкоторыя явленія небезынтересныя [3]), но и здѣсь постепенное паденіе тоже ощущается. И если записи очевидцевъ о современныхъ событіяхъ (напр. мемуары шаха Таһмаспа I, 1524-1576) всегда будутъ представлять для насъ цѣнность, въ качествѣ неизбѣжныхъ первоисточниковъ, то исторіографическія сефевидскія компиляціи болѣе общаго историческаго характера въ большинствѣ случаевъ лишены даже такой цѣнности. Въ нихъ преимущественно передѣлывается Мирхондъ XV вѣка.

„Тезкира́ты".

Въ той исторіографической области, которая имѣетъ тѣснѣйшую связь съ изящной словесностью, надо съ признательностью подчеркнуть составленіе при сефевидахъ XVI в. т. н. «тезкира́тъ», т. е.

¹) Объ Индіи, послѣднемъ мѣстѣ блеска персидской литературы, мы будемъ говорить отдѣльно. А Трансоксіану, занятую изувѣрными и дикогрубыми тюрками-узбеками (соннитами), приходится въ историко-литературномъ отношеніи вовсе похоронить.

²) Въ этой, шіитско-богословской отрасли литературы виденъ при сефевидахъ даже несомнѣнный подъемъ. См. у К. Броккельманна: „Gesch. der arab Litt", т II (1902), стр. 410-415; арабскій языкъ былъ для богослововъ обычнымъ орудіемъ. Только у шаха Аббаса I Великаго (1587-1628) замѣчается интересъ къ свѣтскимъ научнымъ знаніямъ.

³) См. у насъ выше стр. 72-74

сводовъ писательскихъ біографій. Тезкира́ты, написанныя при сефевидахъ въ XVI вѣкѣ, представляютъ очень цѣнное дополненіе къ тѣмъ біографическимъ сводамъ, которые составлены были въ Хератѣ въ XV в.: Довлетъ-шаhомъ (ок. 1487), по-джагатайски Миръ-Али-Широмъ (1491), спеціально для суфіевъ Джаміемъ (1478), Сефіемъ-ва́изомъ (1503), султаномъ Хосейномъ-Бейкарою (1504) [1]).

Такъ, джагатайская «Меджа́лис эн-нефа́ис» везиря Миръ-Али-Шира (1491) была переведена и переработана по-персидски въ 1521 г. подъ заглавіемъ «Л е т а́ и ф - н а́ м е́» однимъ изъ панегиристовъ Таhмаспа I [2]).

Продолженіе къ «Тезкирет эш-шоара́» Довлетъ-ша́hа (ок. 1487) составилъ въ 1550 г. сефевидъ-царевичъ С а́ м ъ - м и р з а (род. 1517, казн. 1576), сынъ шаха-Исмаила, братъ шаха Таhмаспа I, подъ заглавіемъ: «Тохфе[т]-и Са́мі́». Это чрезвычайно важный первоисточникъ для литературной исторіи XV-XVI в. [3]). Са́мъ-ми́рза́ управлялъ Хератомъ,—городомъ, гдѣ писалъ и Довлетъ-ша́hъ, продолжаемый Самъ-мирзою.

Къ концу вѣка, при шахѣ Аббасѣ I Великомъ (1587-1628), Эми́нъ-Ра́зій составилъ (1594) географическо-жизнеописательную энциклопедію: «Х е ф т и q л і́ м»=«Семь климатовъ». Жизнеописанія поэтовъ, ученыхъ и святыхъ распредѣлены у него географически (Йеменъ, Китай, Хиджазская Аравія, Индія, Месопотамія, Йездъ, Фарсъ, Систанъ, и т. д.), причемъ и касательно персидскихъ поэтовъ сообщается достаточно біографическихъ чертъ, сплошь да рядомъ отсутствующихъ у Довлетъ-шаха [4]).

---

[1]) См. объ этихъ hератскихъ тезкиратахъ выше, стр. 65, 123, 125, 132, 122

[2]) именно Фехри-солта̀номъ ибнъ-Эмиріемъ. Описаніе „Лета̀иф-наме" рукоп. Брит. Муз. см. у Рье, т. I [1879], стр. 365-367. Этотъ же ибнъ-Эмирій составилъ въ 1540 г. тезкире о знаменитыхъ поэтессахъ: „Джева̀hир эль-'эджа̀иб", иначе „Т е з к и р е т э н - н и с а̀".

[3]] Тезкире „Т о х ф е - и С а̀ м і" подробно разсмотрѣна у С. де-Саси въ „Notices et extraits", т. IV [an 7=1798 1799], стр 273-308. Хаммеръ основалъ на ней конецъ своей „Gesch. der schönen Redekünste Persiens" [1818], обыкновенно давая изъ Самъ-мирзы простой переводъ или пересказъ. Прочія свѣдѣнія о „Тохфе" см. у Рье, опис. перс. рук Брит. Муз, т. I [1879], стр. 367-368, и Supplement [1895], стр 71, по поводу рукописи, писанной при жизни самого Са̀мъ-мирзы.

[4]] Описаніе „Х е ф т - и q л і м" см. у Рье, перс. рукоп Брит. Муз., т. I [1879], стр. 335-336. Аузли [Ouseley] въ своихъ „Biographical notices of persian poets" [1846] постоянно даетъ по-англійски выписки изъ „Хефт иqлім".

Нѣсколько раньше (1575) составлена первая редакція всеобщаго тезкиратнаго свода: «Х о л а́ с е т э л ь - э ш ‘ а́ р о зобдет эль-эфка́р»=«Экстрактъ изъ стиховъ и сливки мыслей». Авторъ Тақы́й Ка́шій. Біографіи расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Въ 1585 прибавленъ обзоръ поэтовъ XVI в., расположенный географически. Переработанная, дополненная редакція сдѣлана въ 1607 г. [1]).

«М е й - х а н е́»=«Погребокъ» (1630) и «Х е й р э л ь - б е я́ н»= «Наилучшее изложеніе» (1608-1636) [2]) и др. тезкиратные своды, очень полезные, составляемы были въ Персіи и въ XVII вѣкѣ [и въ XVIII-мъ, и—даже очень хорошіе—въ XIX-мъ].

Поэзія эпохи первыхъ сефевидовъ, XVI в.

1] Остатки предыдушей блестящей эпохи XV вѣка.

Извѣстное количество поэтовъ блестящаго һератскаго круга было еще живо, иные изъ нихъ находились даже въ полной силѣ, когда Хорасанъ достался шаһу-сефевиду Исмаилу (1510), уже раньше овладѣвшему Ираномъ западнымъ, Бѣлобараннымъ, гдѣ тоже въ моментъ перехода власти къ сефевидамъ имѣлись кое-какіе поэты съ именемъ. Всѣ они, одни—больше, другіе—меньше, дожили свою жизнь и закончили писательскую дѣятельность уже подъ властію перваго сефевида, кое-кто видѣлъ царствованіе и его сына шаха-Таһмаспа I (1524-1576). Ихъ имена, естественно, украсили собою начало водворившейся сефевидской династіи.

Въ Хорасанѣ, мы видѣли (стр. 131), побѣдоносный шахъ-Исмаилъ самъ навѣстилъ (1511) жившаго подъ Хератомъ Джаміева племянника, ветерана эпическаго стихотворства Х а́ т и ф і я, и высказалъ желаніе, чтобы его подвиги, выразившіеся въ изгнаніи свирѣпыхъ узбековъ изъ Хорасана и объединеніи Персіи, были воспѣты старымъ авторомъ «Тимур-на́ме́». И Ха́тифій, дѣйствительно, на старости лѣтъ согласился составить Исмаилову «Книгу царей»; только, не много ужъ успѣлъ написать.—Другое громкое һератское имя Х и л я́ л і́ й (ум. 1532), питомецъ покойнаго везиря Миръ-Али-Шира, авторъ «Царя и нищаго»

[1]] Про „Х о л а́ с е т э л ь - э ш ‘ а̂ р“ см. Bland въ „Journ. of the R. Asiat Soc.“ т. IX стр. 126-134, и Шпренгерово описаніе Аудской библіотеки [Калькутта 1854], стр. 13-46. У Рье, Supplement(1895). стр 72; срв т. III (1883), стр 1046

[2]) Про тезкираты „Мей-хане“ и „Хейр эль-беян“—у Рье, Supplement (1895), стр. 74-78. О „Мей-хане“ см у насъ подробнѣе въ концѣ этой главы, при беглербегѣ хорасанскомъ Хасанъ-бегѣ Шамлу (1618-1640).

(стр. 131-132), сталъ подъ покровительство сына Исмаила-шаха Са́мъ-мирзы (который еще въ очень юныхъ лѣтахъ былъ поставленъ въ намѣстники Херата и потомъ не переставалъ имѣть постоянныя отношенія съ жителями Хорасана). — Вычурный Эhлій Ширазецъ (ум. 1535), авторъ «фокусныхъ» касыдъ (месну́‘) въ честь и Бѣлобаранныхъ государей и везиря Миръ-Али-Шира (стр. 128), счелъ нужнымъ почтить такою же «фокусною» касыдою и шаха-Исмаила, которому онъ кромѣ того (1514) собственноручно изготовилъ рукопись своихъ твореній.

Все это имена намъ извѣстныя.

2] Общая характеристика сефевидской поэзіи XVI в. Мысль о возможности даже турецко-османскаго вліянія.

Наряду съ ними, новоустроившаяся сефевидская «Иранъ-земля» XVI вѣка видитъ очень многія другія имена, поновѣе, которыя, появляясь поколѣніе за поколѣніемъ въ теченіи XVI вѣка, собственно тоже могутъ считаться пережитками или отголосками предыдущаго блестящаго періода. Они еще украшеніе для начально-сефевидскаго періода, т. е. всего XVI в.

Къ сожалѣнію, неотъемлемая ихъ черта въ теченіи всего вѣка— глубокая неоригинальность. Довольно многочисленные, вовсе даже не лишенные таланта, художественные писатели XVI в.—въ сущности лишь повтореніе литераторовъ Джаміевской плеяды, а такъ-какъ и тѣ ужъ мало были оригинальны, то эти оказываются повтореніемъ повторенія. При этомъ развитіе искусственности формы идетъ въ ущербъ содержанію. И нельзя сказать, чтобы поэты не томились отъ своей неоригинальности. Они готовы искать новыхъ путей, только плохо ихъ находятъ. Для оживленія репертуара прибѣгаютъ иногда къ перепѣвамъ самыхъ старыхъ писателей, даже X-XI в. (напр. Онсорія съ его «Вамикомъ и Азрою»). Къ этому примѣръ они, можетъ быть, находятъ въ османской литературѣ XV-XVI вѣка, переживающей свою золотую пору (тамъ Онсорія перевелъ Ляміи Брусецъ, ум. 1531). Да можетъ быть, и прямое османское вліяніе (какъ ни странно о немъ говорить при полной зависимости османской литературы отъ персидской) изрѣдка проникало въ сефевидскую литературу. По крайней мѣрѣ, въ лицѣ юмористическаго (третьестепеннаго) поэта Агяhія (ум. 1525) позволительно, повидимому, усмотрѣть подражателя османскому образцу,—фактъ вообще необычный. А въ лицѣ курда Фузулія (ум. ок. 1562) мы видимъ уходъ изъ персидской литературы въ турецкую.

Прежде чѣмъ называть главныя имена сефевидскихъ поэтовъ XVI в., мы предварительно скажемъ объ этихъ двухъ туркофильныхъ, выдѣляя ихъ особо.

Агяhíй-хорасанецъ (ум. 1525), hератскій поэтъ-циникъ, подвизался еще во времена султана Хосейна-Бейкары (ум. 1506) и зарекомендовалъ себя съ достаточно предосудительной стороны: уличенъ былъ въ поддѣлкѣ подписей. Съ переходомъ Хорасана подъ сефевидскую власть, Агяhíй съумѣлъ устроиться и при новыхъ господахъ, причемъ ядовитыя злыя и непристойныя его эпиграммы на другихъ литераторовъ имѣли иногда самый широкій успѣхъ, хотя вызывали злобу задѣтыхъ. Роковою была для Агяhія его юмористическая поэма: «Шеhр-áшу́б»=«Суматоха въ городѣ» о красивыхъ hератскихъ мальчикахъ и ихъ родителяхъ. Съ почти такимъ же заглавіемъ, только насчетъ мальчиковъ Адріанопольскихъ, была написана по-турецки поэма «Шеhр-энгíз» албанца-Месихія (ум. 1512) [1], и написана, по всѣмъ признакамъ, на нѣсколько лѣтъ раньше;—слѣдовательно, не Агяhій для Месихія, а Месихій для Агяhія былъ оригиналомъ. (Въ исторіи отношеній персидской литературы и ея рабыни-турецкой подобный случай, первенства Турціи, очень рѣдко можетъ быть отмѣченъ). Одинъ изъ hератцевъ, обиженныхъ поэмою, обратился съ жалобою къ hератскому правителю, и тотъ распорядился отрубить поэту руку и подрѣзать языкъ (1521). Поэтъ послѣ экзекуціи прожилъ еще однако четыре года (ум. 1525) [2].

Чрезвычайно талантливый курдъ Фозулій (Фузулúй) Багдадскій, род. въ Кербелѣ въ XV в., ум. ок. 1562. Начальная его лирика—на персидскомъ языкѣ [3], и на персидскомъ же языкѣ онъ написалъ одноименную съ Хафизовской «Книгу виночерпія»=«Сáкы-нáмé» и, частію въ прозѣ, частію въ стихахъ, поэму: «Распутный и подвижникъ»=Риндо зáhид» [4]. Но затѣмъ его творчество проявлялось на

1] О Месихіѣ и его „Шеhр-энгîз“ см. подробно у насъ въ „Исторіи Турціи и ея литературы“, т. II, вып 1 [1910], стр. 69-74.

2] Объ Агягіѣ и случаѣ съ нимъ см. свѣдѣнія въ тезкире Самъ-мирзы 1550 г. Есть и въ французскомъ сокращеніи С. де-Саси въ „Notices et extraits“, т IV [1798]; а довольно полный переводъ этого мѣста—у Хаммера въ „Redekünste“ [1818], стр. 367-368.

3] Персидскій лирическій диванъ Фузули отлитографированъ въ Тебризѣ, но это—очень рѣдкое изданіе, и напримѣръ Рьё, описывая въ „Supplement“ [1895, стр. 194] рукопись перс. лирики Фозулія Брит. Музея, не обращается къ литографскому изданію.

4] „Ринд о заhид“ Фозулія литограф. въ Теhранѣ 1275=1858.

азербейджанскомъ-турецкомъ языкѣ. Первой месневійной азербейджанской его поэмою была «Бенг у бадé»=«Хашишъ и вино», которую онъ поднесъ новому владыкѣ Багдада, сефевидскому шаху-Исмаилу (роднымъ языкомъ шаха-Исмаила былъ азербейджанскій) и въ которой восклицалъ привѣтствіе:

Джемшидъ нашего времени шахъ-Исмаилъ...
Благодаря ему спокоенъ и богачъ и бѣднякъ....

Это не помѣшало Фузулію, когда Багдадъ былъ завоеванъ войсками османскаго султана Сулеймана Великолѣпнаго (1535), всецѣло перейти на сторону соннитовъ-османовъ и на языкъ турецкій-османскій (превосходная «Лейла и Меджнунъ» до 1546 г. и др. [1]).

На томъ незначительномъ случаѣ (съ Земиріемъ, ум. ок. 1578), въ которомъ можно тоже подозрѣвать нѣкоторое, хотя косвенное, османское литературное вліяніе, подробнѣе остановиться будетъ поводъ ниже.

3] Главныя поэтическія имена сефевидской эпохи XVI в.

Наиболѣе крупными именами персидской литературы всего XVI-нач. XVII в. въ сефевидскомъ Иранѣ (отъ шаха-Исмаила до Аббаса I Великаго) являются: Касимій, т. ск. гомеръ Сефевидовъ (ум. послѣ 1572 г.), лирикъ Лисаній Ширазецъ (ум. 1534), мистикъ и неприличный пасквилянтъ Хейретій (ум. 1554), лирикъ Моһтешемъ Кашанскій (ум. 1588), разносторонній Вехшій Бафыкскій (ум. ок. 1583), пародистъ на установившуюся литературную манеру Карій (ок. 1585), романтикъ Земирій Испаһанецъ (ум. ок. 1578). Заодно съ ними должны быть отмѣчаемы наиболѣе молодые—авторъ обновленной «седмерицы» Золалій (ум. ок. 1616), антологистъ и творецъ месневійныхъ «моназере» Беһаэддинъ Амилій (1547-1621) и жизнерадостный насмѣшливый лейб-медикъ Шифаій Испаһанскій (ум. 1628).

Касимій (мирза Мохеммедъ Касимъ, ум. старикомъ послѣ 1572), изъ Гунабада (Джонабада) въ Хорасанѣ—въ общемъ подражатель и дополнитель Һератца Хатифія (ум. 1521). Изъ старинной служилой семьи; самъ—дервишъ. Посвятилъ первому сефевидскому шаху Исмаилу (ум 1524) романтическую повѣсть цикла «Пятерицы»—«Лейла и

[1] О Фузули см. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы", т. II, вып. 1 [1910], стр. 132-138.

Меджнунъ», и о беззавѣтной любви: «Гуй о човга́н»=«Мячъ и палка», иначе «Ка́р-на́ме́» [1]), а сыну Исмаила-шаха, тезкиристу Са́мъ-мирзѣ посвятилъ: «Хосровъ и Шири́на». Впослѣдствіи Ка́симій составилъ еще повѣсть «ʻА́шиq о меʻшу́q»=«Любящій и любимый», а въ качествѣ вступительной поэмы пятерицы — «Зобдет эль-эшʻа́р»=«Сливки стиховъ» (послѣ 1550 г.). Въ области историко-эпической Ка́симію удалось исполнить то, чего не успѣлъ исполнить Ха́тифій. Тотъ о подвигахъ шаха-Исмаила составилъ какую-нибудь тысячу стиховъ и не пошелъ дальше этого начала, а Ка́симій, ужъ послѣ смерти Исмаила, въ 1533 г поднесъ его сыну и преемнику шаху Таhмаспу I (1524-1576) полную стихотворную исторію его отца, объединившаго Иранъ: подъ заглавіемъ «Ша́h-на́ме́-и ша́h-Исма́ï ль»=«Исмаилова Книга Царей» [2]). Четверть вѣка спустя преподнесъ и самому Таhмаспу, который благополучно еще царствовалъ, продолженіе своей «Ша́h-на́ме́», посвященное уже исторіи царствованія Таhмаспа, до 1560 г.; эта вторая часть его сефевидской эпопеи обыкновенно называется «Ша́h-на́ме́-и ша́h-Теhма́сп»=«Таhмаспова Книга царей»; послѣ того Таhмаспъ царствовалъ еще 16 лѣтъ [3]). Въ промежуткѣ между написаніемъ первой и второй частей сефевидской стихотворной исторіи, Ка́симій еще въ одномъ отношеніи явился эпическимъ продолжателемъ Ха́тифія. Тотъ составилъ «Тимур-на́ме́», а Ка́симій—дополнительную эпопею: Ша́hрох-на́ме́» (1543), о царствованіи Тимурова сына, Шаhроха (1405-1447).

Веджи́hедди́нъ Абдаллахъ Лиса́ній, родомъ изъ Шираза, уб. среди молитвы въ Тебризѣ (1534) при нашествіи османскаго султана Сулеймана Великолѣпнаго (1520-1566), современнаго и враждебнаго шаху-Таhмаспу. Въ Багдадѣ и Тебризѣ и протекла большая часть жизни Лиса́нія. Онъ велъ жизнь дервиша и составилъ до 100 000 стиховъ въ честь свв. шіитскихъ имамовъ (стихи эти не дошли до насъ) и диванъ лирическихъ газелей, очень похожихъ по тонамъ на газели Хафизовскія. Да Лисаній прямо и говоритъ, заканчивая восхваленіе Хафиза, что никого нѣтъ равнаго Хафизу: «Хетм-и

1] На тему „Гуй о човган" составилъ поэму сто лѣтъ тому назадъ ʻА́рифій Хератскій [въ 1438 г.] и Талибъ Джаджермій въ Ширазѣ [ум. 1450]. См. стр. 119 и тамъ же сноску 3-ю.

2] Заглавіе нѣсколько варіируется, напр.: „Шаhеншаh-наме́"=„Книга про царя царей", и др. Образчики стиля—въ переводѣ Хаммера: „Redekünste" [1818], стр. 385-387.

3] Опис. рукоп. Касиміевой „Шаh-наме" Брит. Муз. см. у Рьё, т. II [1881], стр. 660-661, гдѣ и о прочихъ рукописяхъ Касимія.

сохен їн ест, ки кяс һемчо то́ ніст». Подобно Хафизу, имѣетъ Лисаній и месневійную «Книгу виночерпія» [1]). На рукописи его дивана, хранящейся въ Брит. Музеѣ [2]), сдѣлана персомъ-редакторомъ помѣтка, что Лиса́нію подражали дальнѣйшіе поэты XVI вѣка: Мохтешемъ (ум. 1588), Вехшій (ум. 1583) и современный имъ Земи́рій (про нихъ—ниже). Подражали, конечно, лишь въ жанрѣ лирическомъ, а то вѣдь второй и третій изъ названныхъ поэтовъ—стихотворцы эпическіе. Мохтешемъ же—лирикъ, какъ и Лиса́ній.

Хорасанецъ Хейреті́й (Мохеммедъ Такыэддинъ Тунскій, ум. старикомъ 1554) тоже, подобно Лиса́нію, слагалъ набожные гимны въ честь свв. имамовъ и хвалебную эпическую ихъ исторію, въ стихахъ [3]), но гораздо больше заставлялъ о себѣ говорить какъ очень непристойный и безцеремонный пасквилянтъ. Религіозная поэзія доставила ему благоволеніе шаха-Таһмаспа (1524-1576), которому онъ кромѣ того слагалъ панегирики, а пасквили вызывали озлобленіе и гнѣвъ затронутыхъ; но печальной участи автора «Суматохи въ городѣ» (см. стр. 144) онъ, подъ шахской защитой, могъ избѣжать. Есть въ творчествѣ Хейретія лирическія газели [4]), есть подражаніе «Розовому саду» Са'дія XIII в. и «Весеннему саду» Джа́мія XV в., озаглавленное «Гольза́р»=«Розовый цвѣтникъ». Конецъ жизни Хейретій провелъ въ Ка́ша́нѣ [5]) и погибъ, свалившись съ кровли (1554); кровли на востокѣ плоскія, и люди любятъ сидѣть на нихъ.

1] У Хаммера въ „Redekünste“ [1818, стр. 391-392] переведено шесть газелей Лисанія, очень изящныхъ [напр. „Откуда ты, смѣющійся розовый лепестокъ? откуда?“]. Въ прозаическомъ переводѣ, съ параллельнымъ персидскимъ текстомъ, тѣ же и еще другія красивыя газели издалъ Францъ фонъ-Эрдманнъ въ своей статьѣ: „Mewlana Lisani“ въ „Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Gesellsch“, т. XII [=1858], стр. 518-535. Всего издано и переведено Эрдманномъ 15 №№, съ ширазской рукописи Лисаніева дивана 1576 года.

2] Опис. Рье, т. II [1881], стр. 656-657.

3] Содержаніе Хейретіевскаго религіознаго эпоса о 12 имамахъ: „Китаб-и Мо'джизат“=„Книга чудесъ“ [1546] изложено въ „Supplement“ Рье къ опис. перс. рукоп. Брит. Муз. [1895], стр. 193. Поэма начинается съ тенденціозно-шіитской исторіи Мохаммеда и первыхъ четырехъ халифовъ, причемъ имена Абу-Бакра, Омара и Османа аккуратно сопровождаются пожеланіемъ: „будь онъ проклятъ!“.

4] Одинъ лирическій обрывокъ изъ Хейретія переведенъ Хаммеромъ въ „Redekünste“ [1818, стр. 365-366], на основаніи тезкире Самъ-мирзы 1550 г. О диванѣ Хейретія см. у Рье, опис рукоп. Брит. Муз, т. II [1881], стр 874-875.

5] Городъ Кашанъ—по серединѣ дороги между Реемъ [Теһраномъ] и Испаһаномъ.

Тамъ же въ Кашанѣ, во времена шаха-Исмаила и Таһмаспа, жилъ мѣстный уроженецъ мовля-на́ Мохтешемъ Ка́шій (ум 1588) [1]), лирическій поэтъ, считавшійся самымъ талантливымъ во времена Таһмаспа. Онъ пережилъ восхваляемаго имъ Таһмаспа (ум. 1576), восхвалялъ и двухъ его незначительныхъ преемниковъ [2]) и видѣлъ вступленіе на престолъ шаха Абба́са I Великаго (1587-1628). За панегирики, современники сравнивали Мохтешема съ извѣстнымъ Ха́ка́ніемъ Ширванскимъ XII в. Плодовитый стихотворецъ [3]), Мохтешемъ написалъ много газелей въ духѣ ширазцевъ Хафиза XIV в, Ба́ба́-Фиға́нія (ум. 1519) и Лиса́нія (уб. 1534); а въ неестественномъ духѣ ширазца же Эһлія (ум. 1535) Мохтешемъ кропотливо составилъ нѣсколько десятковъ газелей «съ фокусами», сборникъ которыхъ (числомъ 64) онъ озаглавилъ «Джела́ліййе́» и снабдилъ пояснительнымъ введеніемъ—объ эстетической прелести подобныхъ. на нашъ взглядъ глубоко-уродливыхъ и извращенныхъ, проявленій поэтическаго творчества.

Молла́ Вехшій Ба́фыкскій, разносторонній поэтъ XVI в, современникъ шаха Таһмаспа (1524-1576) и двухъ его незначительныхъ преемниковъ [2]), родился въ южной Персіи (Ба́фыкъ—въ Кирма́нѣ) и жилъ въ южной же Персіи, въ г. Иездѣ, гдѣ и умеръ (1583 или 1584). Тамъ въ Иездѣ Вехшій пользовался неизмѣннымъ покровительствомъ одного сановника, который имѣлъ вліяніе у шаха Таһмаспа И въ честь сановника, и въ честь шаха Таһмаспа съ другими его вельможами, Вехшій слагалъ обильныя касыды-оды [4]); какъ это обыкновенно сочетается съ панегиризмомъ, переругивался онъ эпиграммами съ другими поэтами Очень цѣнились современниками въ творчествѣ Вехшія любовныя газели [5]) Но у потомства наиболѣе извѣстны его эпическіе опыты въ дидактико-романтическомъ духѣ «иигерлцъ». Вступительная, наставительная месневійная поэма называется «Хольд-и бері́н»=«Вышній эдемъ» [6]). Съ мистико-любовнымъ

---

[1]) Ка́ші значитъ „Кашанскій"

[2]) Исмаила II (1576-1578) и Мохеммеда Ходабенде (1578 1587).

[3]) „Коллійййа́т" Мохтешема представляетъ семь лирическихъ „дивановъ". См Рье, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. II (1881), стр 665-666 Есть неполное изданіе „Ді̂ва̂н-и Моһтешем" Бомбей 1887 (224 стр.).

[4]) Четыре хвалебныя касыды Вехшія—по-нѣм. у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 388-389.

[5]) Пять газелей Вехшія перев. у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр. 390.

[6]) Вехшіевъ „Хольд-и бері̂н" отдѣльно изданъ W. Nassau Lees'омъ въ Калькуттѣ 1861.

сюжетомъ Вехшій (1558) обработалъ «Нâзир о Мензŷр»= «Созерцающій и Созерцаемый» [1]), и для обычнѣйшей романтической темы взялся онъ обрабатывать, но не кончилъ: «Ферhâд о Шîрîн» [2]). Это—то же, что общеизвѣстная тема про Хосрова и Ширúну; влюбленный Ферhадъ—дѣйствующее лицо и въ поэмѣ Низамія XII в. Есть у Вехшія и строфныя варіаціи на «Книгу виночерпія»= «Терджî-'и Сâқы́-нâмé» [3]).

Изъ того же Йезда, гдѣ жилъ Вехшій, происходилъ очень небезынтересный поэтъ-пародистъ Махмудъ Кâрій, авторъ «Дîвâн-и эльбисе»=«Стихи о нарядахъ» (ок. 1585). Насмѣшливую струю мы встрѣчаемъ у восточныхъ поэтовъ сплошь да рядомъ, и напр. у того же Вехшія есть эпиграммы и пасквили. Но почти всегда насмѣшка у нихъ бываетъ пасквилянтски направлена на опредѣленныя, отдѣльныя личности и не носитъ того общаго характера, который собственно и можетъ быть названъ сатирическимъ. У Кâрія напротивъ: когда онъ въ «Дîвâн-и эльбисе» юмористически воспѣваетъ ту или другую часть туалета, важно пользуясь классически-установленными, трафаретными литературными формами, у него является осмѣяніе общей литературной манеры [4]). Карій въ своемъ юмористическомъ пріемѣ не оригиналенъ. Лѣтъ полтораста тому назадъ Бусхакъ Ширазскій (ум. 1427) уже написалъ въ этомъ родѣ, но съ большею талантливостью, свою «Книгу аппетита», съѣдобную эпопею [5]).

---

[1]) Мы уже встрѣчали такую поэму „Нâзир о Мензур" у Кâтибія Нишапурскаго (ум. ок. 1435), иначе называемую „Сліяніемъ двухъ стихотворныхъ метровъ", и встрѣчали подражаніе ей въ искусственности формы у Эһлія Ширазскаго (ск. 1489 г.) въ поэмѣ „Дозволенное колдовство" См стр 117-118 и стр. 128.

[2]) Въ 19-мъ вѣкѣ Вехшіеву поэму: „Ферhâдъ и Ширина" кончилъ Кучекъ-Висáль (ум. 1347). Изд. поэма отдѣльной литографіей: Калькутта 1249=1833. Теһранъ 1263=1847, Бомбей 1265=1849, Теһранъ 1270=1854, 1275=1858. При диванѣ Висâля: Теһранъ 1275=1858. Отдѣльно эпосъ только Кучекъ-Висâля: Бомбей 1260=1844.

[3]) „Колліййâт", т. е. полное собраніе произведеній Вехшія, отлитографировано въ Бомбеѣ 1312=1895 (стр. 101+88+28+38). Описаніе рукописи „Коллійâт" Бриг. Муз. см у Рьё, т. II (1881), стр. 663-664, а нѣсколько отличной рукописи—у Эте, India Office I (1903), стр. 794-795.

[4]) Образцы изъ Карія Йездскаго см. въ статьѣ Хорна: „Der persische Kleiderdichter Machmûd Kîrî" въ „Beilage" къ мюнхенской „Allgemeine Zeitung" 1900, № 238 (=17 окт.), а короче—въ его же „Gesch. der pers. Litter." (1901), стр. 131-132. Изданъ „Дівáн-и эльбисе" въ Константинополѣ 1304=1887 (207 стр.); приложенъ указатель техническихъ костюмныхъ выраженій.

[5]) См. у насъ про Бусхака Ширазскаго на стр. 109-112.

Кямаледдинъ Хосейнъ Земи́рій Испаһанецъ (ум. вскорѣ послѣ 1578 г.), сынъ садовника—поэтъ Таһмаспа, котораго онъ и пережилъ какими-нибудь годами двумя-тремя. Слѣдуя тогдашней модѣ, Земи́рій Испаһанецъ тоже взялся обрабатывать романтическіе сюжеты «пятеричнаго» цикла Одна, обработанная имъ поэма, касается опостылѣвшей (но, видно, еще не всѣмъ) темы: «Лейла и Меджнунъ». Но Земи́рію захотѣлось и освѣжить «пятеричный» репертуаръ, если не своимъ собственнымъ сюжетомъ, то призабытымъ старымъ, и онъ написалъ поэму: «Вâмикъ и 'Азрâ». Эта сасанидская пеһлевійская повѣсть была въ XI в. талантливо отдѣлана по-новоперсидски Онсоріемъ и Феси́хіемъ Горганскимъ. Думается, что Земи́рій самъ не вспомнилъ бы о ней, если бы турецко-османскій поэтъ-переводчикъ Ляміи Брусскій (ум. 1531) не пустилъ поэму Онсорія (ум. 1050) въ новый литературный обиходъ, переведши Онсорія турецкими стихами [1]). Если догадка наша вѣрна, то мы имѣемъ еще одинъ рѣдкій случай легкаго обратнаго вліянія цвѣтущей турецкой литературы вѣка Сулеймана Великолѣпнаго на персидскую [2]).

Пожалуй, наиболѣе успѣвшими въ исканіи новыхъ сюжетовъ и притомъ наиболѣе извѣстными изъ сефевидскихъ поэтовъ XVI вѣка являются тѣ, которые приходятся своимъ разцвѣтомъ не на первую, а ужъ на вторую половину вѣка: стихотворные повѣствователи Золялій и Беһаэддинъ Амильскій, сообща съ которыми можетъ быть отмѣченъ еще и насмѣшникъ Шифá'ій. Болѣе поздніе, они достойно замыкаютъ собою всю художественную сефевидскую цѣпь XVI вѣка.

Въ исканіи болѣе или менѣе свѣжихъ темъ для «пятерицъ» нѣчто сдѣлалъ, приблизительно ко временамъ ужъ Аббаса I Великаго (1587-1628), мовля́-нá хеки́мъ Золя́лій, который жилъ во второй половинѣ XVI в. (ум. ок. 1616 г). Онъ родомъ изъ Ирака (изъ г Хвâнсáра) и пользовался покровительствомъ въ придворныхъ сферахъ Аббаса I Великаго. Золялію принадлежитъ не «пятерица» поэмъ, а цѣлая «седмерица», какъ Джамію XV в., да есть еще и восьмая поэма, подражаніе «Саду» Сенáія XI-XII в. [3]). Седмерица

---

[1]) Про Ляміи см. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы", т. II, вып 1 (1910), стр 113-116.

[2]) Срв. у насъ выше, стр. 144-145

[3]) Обозрѣніе Седмерицы Золялія далъ Шпренгеръ въ опис. библіотеки Аудской (Кальк. 1854), стр. 592 и сл., и Этé въ India Office (1903), стр. 816-

поэмъ Золялія коротко называется «Себ'э», а точнѣе—«Себ' сейййаре́»=«Седмь планетъ» [1]). Въ качествѣ № 1 Золялій поставилъ (или его переписчики поставили) любовно-мистическую «Хосн-и голю-суз»=«Сладостно-жгучая краса» [2]), каждая глава которой называется «джильве́», т. е. «кокетство»; въ цѣлой «Жгучей красѣ» есть 41 «кокетство». № 2 и № 3—въ «Седмерицѣ»—это вычурно-наставительныя «Шо'ле-и дідáр»=«Вспышки взора» и «Мейхáне́»=«Винный погребокъ»; изъ нихъ «Вспышки взора» дѣлятся на 49 главъ, называемыхъ каждая «пламенемъ», а «Винный погребокъ», такимъ же образомъ, состоитъ изъ 40 «кубковъ». № 4 и № 5—иносказательныя любовно-мистическія поэмы: «Áзер о семендер»=«Огнь и саламандра» и «Зерре о Хóршід»=«Пылинка и солнце». № 6 и № 7—чисто романтическія: «Солеймáн о Билqіс»=«Соломонъ и царица Савская» и—самое знаменитое произведеніе Золялія (нач. ок. 1593 г., едва конч. 1615)—это «Мехму́д о Аййáз»=«Султанъ Махмудъ Газневидскій и его отрокъ-любимецъ Аязъ». Предшественникомъ въ послѣдней темѣ Золялій имѣлъ Сефія-Ваиза (ум. ок. 1532), одного изъ членовъ hератскаго круга Хосейна-Бейкары [3]); но «Махмудъ и Аязъ» Сефія совершенно затушеванъ у персовъ «Махмудомъ и Аязомъ» Золялія. Надъ отдѣлкою этой поэмы Золялій трудился 23 года (отъ 1593 г. до 1615 г.), да и то окончательное редактированіе ея прервано было смертію старика-автора [4]).

Шейхъ Беhаэддинъ Мохеммедъ 'Амилій, съ поэтическимъ прозвищемъ Беhаі́ (1547-1621), былъ сынъ очень образованнаго улема, который жилъ въ государствѣ Сулеймана Великолѣпнаго: сперва въ Константинополѣ, потомъ въ дамасской Сиріи, и тамъ у него въ Джебель-'Амилѣ и

818. Рукопись „Коллійййат" Золялія, гдѣ поэмъ не семь, а восемь, есть въ Бодлеевской библіотекѣ, опис. Эте́ (Оксфордъ 1889), стр. 674-675.

[1]) Мотивовъ для нихъ Золялій не изобрѣталъ самъ, а взялъ изъ суфійскаго же репертуара, только не „пятеричнаго". Огонь и саламандра, напримѣръ—образъ, имѣющійся и въ „Голистанѣ" Са'дія; атомъ и солнце—обычнѣйшій образъ у Фериледдина Аттара, Джеляледдина Румія, и пр.

[2]) Такъ въ Бодлеевской рукописи „Коллійййат" Золялія и въ прочихъ Бодлеевскихъ, опис. Эте́ 1889 (стр. 674-675). Но напр. въ India Office (опис. Эте, 1903, стр. 817) эта „Жгучая краса" является № 3.

[3]) См. „Исторію Персіи", ч. III, стр. 133.

[4]) См. объ этомъ показанія тезкиратъ, собранныя у Рьё, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. II (1881), стр. 677, и у Эте, India Office (1903), стр. 816-817. Литографски напечатанъ „Махмудъ и Аязъ" Золялія въ Лакнау 1290=1873 (издательствомъ Навалькишора).

родился сынъ Беhаэддинъ; потомъ отецъ съ мальчикомъ-сыномъ уѣхали въ Персію, гдѣ тогда царствовалъ шахъ Таhмаспъ (ум. 1576). Въ азербейджанскомъ г. Ардебилѣ отецъ занималъ должность шейхальислама — шіитскаго, понятно; въ южноперсидскомъ Испаhанѣ былъ вліятельнымъ моджтеhидомъ. Сыну, частію лично, частію черезъ другихъ учителей, онъ далъ превосходное образованіе, со знаніемъ даже свѣтскихъ наукъ (математики, астрономіи, начатковъ физики); по настроенію изъ сына выработался суфій-аскетъ. Испаhанъ при шахѣ Аббасѣ I Великомъ (1587-1628) сдѣланъ былъ столицей всей Персіи, и шейхъ Беh. Амилій былъ принятъ и почитаемъ при дворѣ [1]). Когда онъ скончался (1621), шахъ Аббасъ Великій велѣлъ похоронить его въ священномъ городѣ Мешhедѣ. Большая часть того, что онъ писалъ подъ покровительствомъ шаха-Аббáса, относится къ наукѣ: шіитскому богословію, юриспруденціи, математикѣ съ астрономіей, причемъ и языкъ трактатовъ почти всегда арабскій, рѣже персидскій [2]); впрочемъ, очень извѣстное руководство по шіитскому праву: «Д ж á м и‘-и ‘Э б б á с і»=«Сводъ, посвященный шаху Аббасу I», писано по персидски [3]), а кое-что, напр пособливыя молитвы на всякое время дня и ночи, переводилось съ арабскаго языка на персидскій учениками шейха [4]). Въ исторіи художественной литературы Амилій очень извѣстенъ своимъ суфійско-беллетристическимъ сборникомъ разсказовъ, наставленій, стиховъ и т. п., подъ заглавіемъ «К я ш к ý л ь»=«Чашка для сбора подаяній», преимущественно на языкѣ арабскомъ, отчасти однако и на персидскомъ [5]), а какъ персидскій поэтъ—своими алле-

---

1) Разсказъ о томъ, какъ Беhаэддинъ ѣдетъ въ свитѣ шаха Аббáса I, и шахъ о немъ бесѣдуетъ съ другимъ улемомъ, см. у Малькома „Hist. de la Perse“, т. II (1822), стр 351-353.

2) См К. Броккельманнъ· „Gesch. der arab. Litt.“, т. II (1902), стр. 414-415, гдѣ перечислены и арабскія и, отчасти, персидскія научныя работы Беhаэддина Амильскаго; см и II, 429, № 3 (о его отцѣ). Срв. также статью Гольдціэра въ вѣнскихъ академическихъ „Sitzungsberichte“ 1874, т. 78, стр. 458 и слѣд

3) Изд. „Д ж á м и‘-и ‘Э б б á с і“ въ Лакнау 1264=1848 (2 тт.; стр. 272+137), въ Тебризѣ 1277=1860, 1285=1868 и т. д, вплоть до новѣйшаго теhранскаго изданія 1328-1329=1910-1911. Изданіе in-folio, съ комментаріями четырехъ улемовъ на поляхъ. О рукописяхъ см въ опис. рук. Брит. Муз Рьё, т I (1879), стр. 25-26, гдѣ и біографія самого Амилія.

4) Объ этомъ переводѣ „Мифтáх аль-фелáх“=„Ключъ къ преуспѣянію“ см. Supplement Рьё (1895), стр 4. У Эге въ описаніи рукоп. India Office (I, 1903, стр 829 : 16) и Bodleian Library (1889, стр. 230 : 13) заглавіе искажено на „Мифтáх эль-qылá“.

5) „К я ш к у л ь“ изд. въ Теhранѣ 1266=1850 и нѣсколько разъ въ Египтѣ, напр. 1288=1871, 1302=1885, 1305=1888, 1316=1899 (316 стр). Срв. за-

горическими месневи: «Н а́ н о х е л ь в а́»=«Хлѣбъ и халва» [1]) и «Ш і́ р о ш е к я р»=«Молоко и сахаръ» [2]). Въ этихъ месневи проводится идеализація аскетической жизни, причемъ «Хлѣбъ и халва» служитъ какъ бы введеніемъ къ «Месневи» Джеляледдина Румія XIII в.

Суфійскій поэтъ по стихотворной формѣ, но жизнерадостный повѣса и остроумный насмѣшникъ въ жизни—врачъ Шерефеддинъ Ш и ф а́ і й Испаћанецъ, умершій (1628) въ одинъ годъ съ шахомъ Аббасомъ I Великимъ, у котораго онъ состоялъ личнымъ докторомъ и любимымъ собесѣдникомъ. Какъ писатель, Шифаїй выдвинулся раньше эпохи 'Аббáса Великаго (вступ 1587) [3]) Творчество Шифа́ія разностороннее. Онъ авторъ четырехъ эпическихъ месневійныхъ поэмъ: 1) «Метле' эльэнва́р»=«В о с х о ж д е н і е с в ѣ т и л ъ» (подражаніе остроумному «Гостинцу изъ обоихъ Ира́ковъ» путешествовавшаго Хака́нія XII в.) [4]); 2) «Немекда́н-и хеqíqет»=«С о л о н к а и с т и н ы»; 3) «Ді́де́-и бі́да́р»=«Н е д р е м а н н о е о к о» (составл. въ 1582 г.) и 4) «Миһр о мехеббет»=«Л ю б о в ь и д р у ж б а» (1612 г.). Ужъ и въ нихъ виденъ писатель, одаренный остроуміемъ, но больше всего эта черта доктора Шифа́ія проявлялась въ эпиграммахъ и пасквильныхъ с а т и р а х ъ, которыхъ

мѣтку Редигера въ „Z. der D. Morg. Ges.". т 16 (=1862), стр 216. Кажется, что небольшой фрагментъ рукописи, писанный 1069=1659 г и хранящійся въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 304 печ. кат.), представляетъ часть „Кяшкуля" (я не имѣлъ случая разсмотрѣть этотъ манускриптъ)

[1]) „Н а́ н о х е л ь в а́" изд. въ Константинопо 1268=1851 (28 стр.), Теһранѣ (съ „Шîр о шекяр") 1279=1862, Конст. 1282=1865; Тебризъ, безъ даты (41 стр). Рукопись есть и въ Лазаревскомъ Институтѣ (поступила отъ В. Ѳ. Минорскаго).

[2]) „Ш î р о ш е к я р" изд. въ Теһранѣ 1279=1862 (съ „Һан о хельва̀"), Конст. 1282=1865.

[3]) Не надо его однако смѣшивать съ врачемъ М о з е ф ф е р о м ъ Хосейніемъ Ш и ф а̀ і е м ъ Ка̀шанскимъ (ум 1556), который посвятилъ шаху Таһмаспу I свою прозаическую этику „Эхла̀q-и Шифа̀і" (опис. въ Supplement перс. рукоп. Брит. Муз. Рье, 1895, стр. 108-109) и фармакопейный словарь котораго „Кара̀ба̀дін" переведенъ былъ по латыни миссіонеромъ о. Ангеломъ Тулузскимъ: „Pharmacopoea Persica" (Пар. 1681; о ней Рье II, 1881, стр. 474). Обыкновенно слово „Qара́ба́дін" (или „Аqра̀ба̀дін") переводится „Antidotarium"; срв Броккельманнъ „Gesch. der arab. Litt." I (1898), стр. 232, 234, 488.

[4]) См о „Тохфет эль-Ира̀qейн" Хаканія 1156 г. во II ч „Исторіи Персіи".

боялись всѣ окружающіе. У него же—диванъ хорошихъ газелей, гдѣ вакхическія ноты надо понимать, очевидно, какъ результатъ личныхъ переживаній [1]).

Въ лицѣ послѣднихъ поэтовъ мы можемъ наблюдать наиболѣе талантливое проявленіе литературной иранской жизни XVI в. ужъ въ тѣ годы, когда царствуетъ надъ Ираномъ государь-сефевидъ, носящій въ исторіи эпитетъ «Великаго».

4) Литературный кругъ шаха Аббáса I Великаго (1587-1628).

Изъ перечисленныхъ именъ, три послѣднія (Золялі́й, ум. ок. 1616, Беhаі́й 'Амильскій 1547-1621 и Шифáі́й, ум. 1628) приходятся своею славою, какъ мы видѣли, преимущественно на царствованіе Аббáса I Великаго (1587-1628), хотя всѣ три автора начали свое писательство и были сформированными литераторами до Аббáса I. Они же, пожалуй—и наиболѣе замѣчательные художественные писатели при Аббасѣ I Великомъ. Другіе слабѣе ихъ.

Общее количество прочихъ поэтовъ, подвизавшихся въ полувѣковую эпоху Аббаса I, положимъ, представляетъ цифру очень внушительную.

Сюда напримѣръ относятся лирики: доживающій свою старческую жизнь кадый Нурій Испаhанецъ (ум. 1592) и Велі́й Хорасанецъ (уб. 1603). Авторъ богатырски-эпическаго житія имáма-'Алія—Фáригъ Гилянецъ (1592) [2]). Отъ суетъ жизни укрывшійся при могилѣ имама Алія въ Неджефѣ – набожнѣйшій составитель робаійятъ и газелей Сехáбій Астрабадецъ, иначе Неджефій (ум. 1601). Набожный авторъ поэмы «Ферháдъ и Ширúна»—Ковсері́й Хамаданецъ (ум. ок. 1606). Лирики: Шáній Теhранецъ (ум. 1614);

---

[1]) См о жизни и творчествѣ Шифàія въ Шпренгеровомъ описаніи Аудскихъ рукописей (Калькутта 1854, стр. 570). См. еще описаніе его дивана (месневи и лирики): въ каталогѣ вѣнскихъ рукописей—Флюгеля, т. I (1865), стр. 600; берлин. рукописей—Пертша (1888), стр. 913-915; Бодлеевской библ.—Этé (Оксф. 1889), стр. 679; India Office—Этé I (Оксф. 1903), стр. 834-836.

[2]) Срв. „Хàвéр-нàмé" тимуридскаго хорасанца ибнъ-Хосàма (ум. 1470); „Китàб-и мо'джизâт" Хейретія (1546) и др. У насъ стр. 121 и 147.

Резі́й Эрти́ма́нскій изъ сѣв.-зап. Персіи; Асефъ (ум. позже 1610 г.) [1]); Гіясъ—обстоятельства жизни котораго не извѣстны, но стихи прославляютъ и шаха-Таһмаспа, и шаха Аббаса Великаго (имя «Гіясъ» носили и другіе поэты почти того же времени); Абу-Тора́бъ-бегъ Энджода́нскій, или Джу́шьа́нскій (ум. 1617); его другъ—Вехшеті́й (ум въ Индіи, въ Голкондѣ 1603). Соотечественникъ шейха Хафиза—юный мирза Низа́мъ Дест-и гейбъ Ширазскій (род. ок. 1590, ум. 1620), который и похороненъ рядомъ съ Хафизомъ; подобно Хафизу, онъ не только пѣвецъ лирическихъ газелей, но и авторъ «Книги виночерпія» Героическій эпикъ—Кадрій, пѣвецъ побѣдъ надъ португальцами, составившій «Дженг-на́ме́-и Кишм» и «Джеру́н-на́ме́»; вторая изъ этихъ небольшихъ месневійныхъ героическихъ поэмъ возникла по случаю отнятія у португальцевъ (1623) Джерунской (Хормузской) гавани [2]).

Перечень здѣсь не можетъ быть законченъ.

Названы до сихъ поръ были только тѣ поэты Аббаса I Великаго, которыхъ онъ пережилъ (ум. 1628). Но надо еще назвать длинную нить такихъ поэтовъ Аббаса Великаго, которые пережили шаха, а слава или возвышеніе которыхъ все же связана съ его эпохой.

Таковъ лирикъ—азербейджанскій намѣстникъ мирза Мохеммедъ Риза́ Джовейнецъ (ум. ок. 1636; Джовейнъ—у Казвина) Имѣлъ подражателей, и при жизни и послѣ смерти, лирикъ мирза Феси́хі́й Энса́рій Хератскій (ум. 1636); онъ жилъ и въ Хератѣ, и въ шахской столицѣ-Испаһанѣ. Съ Феспхіемъ ладилъ любимецъ Аббаса Великаго жизнерадостный поэтъ-насмѣшникъ, врачъ Шифа́і́й (стр. 153); у Фесихія ученикомъ былъ другой насмѣшливый поэтъ, зять самого шаха Аббаса, мирза Джеляль Эси́ръ Испаһанецъ (ум. 1639) Этотъ Эси́ръ, шахскій зять-поэтъ, является гедоническимъ поэтомъ не трафаретно-мистически упоеннымъ, а подлинно-пьянымъ; у него есть юморъ, но юморъ его вульгаренъ и непристоенъ [3]). Къ ученикамъ Феси́хія Хератскаго

---

[1]) Этого Ас-фа не надо смѣшивать съ тѣмъ Асефомъ Куммскимъ, который жилъ позже, и притомъ не въ Персіи, а у великихъ моголовъ въ Индіи.

[2]) О первой поэмѣ Кадрія см. работу Luigi Bonelli. „Il poemetto persiano Gengname i Kišm"—въ Rendiconti Линчейской Академіи, т. VI (Римъ, 1890), 1 полов., тетр 8, стр 291-303.

[3]) „Коллійят" мирзы Джеляля Эсира изданы въ Лакнау, 1880.

принадлежалъ и незаурядный поэтъ Нáзимъ Хератскій (ок. 1600-1670). Но это ужъ стихотворецъ изъ поколѣнія значительно болѣе молодого, и предварительно слѣдуетъ назвать нѣсколькихъ другихъ Ѣератцевъ, изъ тѣхъ что помоложе, что поближе къ самой эпохѣ Аббаса Великаго

Городъ Хератъ, испоконвѣчная столица Хорасанской области, т. е. восточной Персіи, служилъ мѣстопребываніемъ хорасанскаго намѣстника-беглербега При Аббасѣ Великомъ, да и вообще въ теченіи XVII в., беглербегство держалось тутъ наслѣдственно въ одной и той же семьѣ князей Шáмлу́: послѣ беглербега Хосейнъ-хана Шамлу, былъ свыше двадцати лѣтъ хорасанскимъ беглербегомъ воспѣтый поэтами Хасанъ-бегъ Шамлу (1618-1640), который пережилъ Аббаса Великаго; а послѣ Хасанъ-бега въ теченіи почти 40 лѣтъ занималъ намѣстническую должность въ Хератѣ сынъ его, тоже меценатъ, Аббасъ-кули-ханъ Шáмлу́. Недурнымъ литературнымъ отдаленно-провинціальнымъ центромъ Хератъ (какъ и прежде не разъ здѣсь бывало) явился, собственно, при Хасанъ-бегѣ Шамлу (1618-1640). Намѣстникъ этотъ былъ не просто покровителемъ-оплатителемъ панегиристовъ, которые его прославляли; это могъ сдѣлать и любой вельможа-невѣжда, любитель лести. Хасанъ-бегъ же прекрасно зналъ и старую, классическую персидскую литературу, интересовался ея исторіей, имѣлъ превосходную библіотеку. При помощи рукописей этой беглербегской библіотеки одинъ изъ его приближенныхъ ученыхъ (Хасанъ ибнъ-Лотфаллахъ Теѣранскій) составилъ для своего покровителя сводную тезкире, листовъ въ четыреста: «Мей-хáнé»=«Погребокъ», уже отмѣчавшуюся выше (стр. 142) [1] Какъ и въ общеизвѣстной тезкире Довлетъ-шаха (1487), въ «Мей-хáнé» имѣются свѣдѣнія и о поэтахъ арабскихъ (наиболѣе лишь знаменитыхъ, конечно), не только о персидскихъ. Выписки изъ «дивановъ» персидскихъ поэтовъ сдѣланы въ «Мейхане» съ большою щедростью, и для любителей литературы есть обильное чтеніе. Самъ намѣстникъ, Хасанъ-бегъ Шáмлу́, тоже былъ писателемъ-стихотворцемъ, да къ тому же и плодовитымъ: оставшійся послѣ него «диванъ» заключалъ въ себѣ 3000 стиховъ. Изъ лирическихъ стихотворцевъ пользовался Хасанъ-беговымъ покровительствомъ мирза Фесихій Хератецъ (ум. 1636), который затѣмъ, какъ мы ужъ видѣли, явился

[1] Про тезкире „Мей-хане" см. опис перс рукописей Брит. Муз. Рьё, Supplement [1895], стр. 74.

украшеніемъ и для столичнаго испаһанскаго круга шаха Аббаса Великаго. Два другихъ любимыхъ беглербегскихъ поэта были родомъ испаһанцы, предпочевшіе провинціальный Хератъ шахской столицѣ. Это — набожный лирикъ Овджій Нетензіецъ (изъ-подъ Испаһана, ум. 1640), и лирикъ, онъ же и романтическій эпикъ, мирза Меликъ Мешрикый Испаһанецъ (ум. послѣ 1640)—авторъ «Хосрова и Ширины». Ихъ потомъ потянуло въ Испаһанъ (и даже не къ Аббасу Великому, а къ жалкому его преемнику Сефи I, 1628-1642), хотя сынъ и преемникъ Хасанъ-бега на һератскомъ намѣстничествѣ, беглербегъ Аббасъ-кули-ханъ Шамлу (ум. въ 1670-хъ гг.) соблюдалъ литературные завѣты своего отца. При немъ продолжалъ жить и его милостями пользовался тотъ На́зимъ Хератецъ (род. ок. 1600, ум 1670), который выше былъ отмѣченъ, какъ һератскій поэтъ эпохи еще Аббаса Великаго. Творчество На́зима Хератскаго было преимущественно лирическое (газели, касыды, робаи, «Диванъ»—около 25 тысячъ стиховъ!). Однако въ угоду своему высокому покровителю беглербегу Аббасъ-кули-хану старый Назимъ составилъ и месневійную поэму: «Юсофъ и Золейха» (законч. 1661, но начата еще 1648), на тему, разработанную и Фирдовсіемъ XI в. и Джаміемъ XV в; ихъ обоихъ На́зимъ упоминаетъ, но слѣдуетъ больше Фирдовсію, чѣмъ Джамію [1]).

Перечень поэтовъ, связанныхъ съ Аббасовой эпохой, могъ бы быть значительно продленъ. Мы могли бы назвать далеко не бездарныхъ поэтовъ Аббасова круга, которые не ужились тамъ и переѣхали къ великому моголу въ Индію Таковъ былъ, напримѣръ, оскорбившійся на шаха Аббаса Великаго Рокна́ Месйхъ (ум 1656), учитель самого славнаго изъ всѣхъ новыхъ персидскихъ поэтовъ — Са́иба Испаһанскаго (род 1603, ум. 1677); а Са́ибъ, кстати сказать, тоже въ молодости ѣздилъ искать счастія въ великомогольскую Индію. И помимо подобныхъ, «отъѣзжающихъ» стихотворцевъ (рѣчь о которыхъ будетъ въ своемъ мѣстѣ), можно было бы назвать изъ Аббасовой эпохи еще рядъ вполнѣ преданныхъ ему поэтовъ, которые въ свое время славились. Но мы ихъ именъ называть больше не будемъ. Абсолютно

---

[1]) „Юсофъ и Золейха" Назима Хератскаго напечатано въ Лакнау 1286=1869. Про „Диванъ" см. у Рье, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., II [1881], стр. 692 [по поводу рукописи „Юс. и Зол."], и у Эте́ въ опис. India Office I [1903], стр. 876-877.

никакой оригинальности нѣтъ въ нихъ, какъ нѣтъ оригинальности въ тѣхъ, имена которыхъ мы назвали. Поэзія въ Персіи, застывшая въ рабскомъ подражаніи классикамъ, выродилась и дошла до кризиса,—вотъ общій выводъ, какимъ можно закончить рѣчь про обильную стихотворными именами эпоху Аббаса Великаго [1]).

Только еще на одномъ, и къ тому же незначительномъ имени мы слегка остановимъ вниманіе Это имя—К о в с е р і й, авторъ поэмы на опошленную тему: «Ферһа́дъ и Шири́на» (1606). Не самая поэма вызываетъ вниманіе, а авторское лирическое изліяніе [2]) Послѣ панегирика царствующему шаху Аббасу Великому, пѣвецъ горько сѣтуетъ, что рынокъ поэзіи п а л ъ въ Иранѣ, и думаетъ, не лучше ли бы ему послать свое произведеніе въ И н д і ю: тамъ поэзія выше въ цѣнѣ.

Ковсерій не первый додумался до такой мысли, и мы это ужъ и видѣли. Многіе, очень многіе тогдашніе поэты Ирана не только свои произведенія въ Индію отсылали, но и сами туда переѣзжали Месихъ-Рокна́ былъ не единичное явленіе. Дворъ современнаго сефевидскому шаху Абба́су I (1587-1628) великаго могола падиша́һа Э к б е р а (1556-1605) и его преемниковъ оказывалъ самое значительное вліяніе на всю тогдашнюю персидскую литературу, потерявшую соки въ Сефевидскомъ государствѣ. Индія манила къ себѣ блестящія силы изъ всего Ирана, и истекавшее при Экберѣ тысячелѣтіе существованія мусульманской культуры достаточнымъ образомъ еще разъ заблистало передъ міромъ, въ И н д у с т а н ѣ.

---

[1]] Для справокъ о тѣхъ Аббасовыхъ поэтахъ, имена которыхъ мы перечислили, и о тѣхъ, которыхъ мы опустили, достаточно обратиться ко II тому описанія перс. рукописей Брит. Муз. Рье [1881, стр. 672 и слѣд.] съ дополнительнымъ томомъ того же Рье [1895, стр 202 и слѣд.] и къ описанію перс рукописей India Office Этé [Оксф. 1903, столб. 808 и слѣд.].

[2]] См. по описанію рукописи Брит Музея Ковсеріевой поэмы, Рье, т II [1881], стр. 673.

ПОСЛѢДНІЙ РАЗЦВѢТЪ ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

въ

имперіи Великихъ Моголовъ

XVI-XVII вв.

Съ предварительнымъ общимъ очеркомъ исторіи Индіи отъ древнѣйшихъ временъ.

ИНДІЯ.

Краткій историческій очеркъ.

[Прежде чѣмъ дагать картину персидской литературы въ великомогольской Индіи XVI-XVII вв., мы считаемъ небезполезнымъ—вкратцѣ напомнить главныя черты исторіи этой своеобразной страны. Ради связности, мы наше бѣглое изложеніе начнемъ еще съ временъ доисторическихъ, а закончимъ напоминаніемъ о временахъ даже самыхъ новыхъ].

I.

а) Архаическія времена. Движеніе арійцевъ.

Старинная исторія страны до прихода въ нее индо-европейцевъ (индусовъ) совершенно неизвѣстна. Нынѣшніе гималайскіе (тибето-бирманскіе) народцы на сѣверѣ и дравиды со старѣйшими насельниками коларіями (сродни австраліійцамъ) на югѣ—вотъ остатки болѣе раннихъ народностей полуострова, покоренныхъ индусами.

Гдѣ жили предки индусовъ до вторженія въ Индустанъ—не рѣшено. Несомнѣнно только, что жили они въ одной прародинѣ съ предками иранцевъ (персовъ и др.), вмѣстѣ съ которыми они образуютъ т. н. арійскую вѣтвь индоевропейскихъ народовъ: языкъ древнеиндійскій очень близокъ къ древнеперсидскому, религіозная миѳологія древнихъ индусовъ и древнихъ иранцевъ—тождественна, и имена божествъ совпадаютъ.

Когда арійцы ушли изъ прародины? Это тоже не установлено съ точностью. Все же фактъ завоевательнаго движенія арійцевъ изъ прародины мы, по клинописнымъ даннымъ, должны допустить по крайней мѣрѣ ок. 2000 г. до Р. Х.: два-три столѣтія спустя, среди неарійцевъ-Хетовъ М. Азіи и хетской вѣтви Митанійцевъ въ сѣв. Месопотаміи, мы констатируемъ наличность арійскихъ (а то и прямо индійскихъ) именъ у боговъ

и у живыхъ лицъ. Изъ клинописныхъ писемъ митанійскихъ царей, какія сохранились въ Телль-эль-Амарнскомъ египетскомъ дипломатическомъ архивѣ XV в. до Р. Х. и даютъ свѣдѣніе также о временахъ болѣе раннихъ, мы видимъ, что государи митанійской династіи XVII-XV в. до Р. Х. носятъ такія имена, какъ Артатама, Сутарна, Тушратта, а чтимые ими боги называются Индра, Варуна, Нашатья. Языкъ же митанійскій—безусловно ничего общаго не имѣетъ съ индоевропейской семьею [1]). Арійство династической и божественной номенклатуры у митанійцевъ, при рѣзкомъ неарійствѣ ихъ расы, съ очевидностью объясняется тѣмъ, что эти неарійцы покорены были какою-то вѣтвью надвинувшихся арійцевъ (возможно, что Малая Азія—одинъ изъ этаповъ странствованія арійцевъ). Побѣдители арійцы дали митанійцамъ династію, но эта династія растворилась среди болѣе культурнаго покореннаго населенія Месопотаміи, и только въ царскихъ именахъ да въ религіи остался слѣдъ ея арійскаго происхожденія и, значитъ, прежняго присутствія арійцевъ въ этихъ мѣстахъ. Итакъ, въ М. Азіи и Месопотаміи мы смѣемъ предположить арійское движеніе лѣтъ за 2000 до Р. Х. Въ Индію—вторженіе арійцевъ направилось, полагаютъ индіанисты, тоже ок. 2000 лѣтъ до Р. Х., причемъ сперва былъ завоеванъ лишь сѣверъ (Пятирѣчье рѣки Инда, иначе Пенджабъ); на Гангѣ арійцы оказались лишь ок. 1200 г. до Р. Х.; а такой южный пунктъ, какъ островъ Цейлонъ, покоренъ былъ всего лѣтъ за 500 до Р. Х.

II.

б) Древній періодъ

(ок. 2000-500 до Р. Х.).

Дѣленіе древняго періода на двѣ неодинаковыя эпохи: древнѣйшую и менѣе древнюю Допустимость, для этого многовѣковаго періода, еще другихъ терминовъ: брахманистическій, ведійскій.

Полуторатысячелѣтній періодъ медленнаго распространенія арійцевъ по всей Индіи отъ сѣвера до юга (ок. 2000-500 до Р. Х.) составляетъ древнюю пору исторіи ея. Въ длинномъ древнемъ періодѣ, въ

[1]] По-русски есть статья акад. Всев. Миллера: „О митанійскомъ языкѣ“ [въ трудахъ Восточной Коммиссіи Имп. Моск. Археол. Общ.: „Древности Восточныя“, т. IV, 1913], основанная на работѣ ассиріолога Ф. Борка: „Die Mitannisprache“ [Берл. 1909].

теченіи этихъ полуторытысячи лѣтъ, слѣдуетъ различать двѣ половины. Одна половина—старѣйшая, или Пенджабская (приблизительно до 1200 г.); она отражается въ «Ригъ-ведѣ». Другая половина—менѣе старая, общеиндустанская (ок. 1200-500 г.), съ характерной чертою кастовостью и еще другими особенностями; она отражается въ прочихъ «Ведахъ». Крупныхъ политическихъ центровъ индусы за всю эту $1^{1}/_{2}$ тысячу лѣтъ не образовали ни въ древнѣйшую, ни въ менѣе древнюю половину.

Можно называть и ту и другую половину вмѣстѣ (древнѣйшую и древнюю)—не просто «древнимъ періодомъ», но еще и другими обобщительными терминами. Такъ, для всѣхъ полуторытысячи лѣтъ изначальной индійской исторіи подходитъ обозначеніе: «брахманистическій періодъ» (—если мы будемъ имѣть въ виду, что затѣмъ, ок. 500 г. до Р. Х., наступилъ періодъ буддійскій). Еще болѣе подходитъ обозначеніе для древнѣйшей и древней эпохи вмѣстѣ: «ведійскій періодъ». Это—во первыхъ потому, что въ теченіи долгой той поры создавалась и развивалась священная библія брахманистовъ, Веды (или «Вѣды», отъ корня vêd=«вѣд»): Ригъ-Веда, Яджуръ-Веда, Сâма-Веда и Атһарва-Веда. А во вторыхъ—потому, что эта библія-Веды оказывается, въ сущности, единственнымъ нашимъ историческимъ источникомъ для ознакомленія съ длительной, многовѣковой старинной исторіей Индіи, отъ появленія индусовъ въ странѣ на сѣверѣ до распространенія ихъ на крайнемъ югѣ.

Вопросъ о кастахъ въ Индіи. Онѣ—далеко не старинная черта въ древнемъ періодѣ.

Очень важная черта индійской исторической жизни—сословныя касты. Когда эта черта возникла? Изстари ли существовала?

Не изстари.

Конечно, нѣтъ основаній считать немыслимымъ, что побѣдители-арійцы, распространяя свою власть по Индустану, искони могли имѣть извѣстную тенденцію—не смѣшиваться съ покоряемыми. Однако, если она была, то практически осуществить такую тенденцію съ первыхъ же столѣтій древняго періода—не пришлось съ послѣдовательностью: политико-бытовыя и экономическія условія, о которыхъ ниже мы будемъ и говорить, этому не благопріятствовали.

Чѣмъ дальше однако арійцы дѣлались господами полуострова, тѣмъ сильнѣе могла разъединительная тенденція осуществляться и на практикѣ.

И въ результатѣ, во второй половинѣ старинной исторіи, въ качествѣ основной черты общественнаго строя Индіи, выработалось постепенно, притомъ очень медленно и путемъ борьбы, дѣленіе на сословныя касты. Съ тѣхъ поръ кастовость сохраняется даже до настоящаго времени.

Изъ какихъ элементовъ формировалась каждая каста?

Для касты служебной, «шудра», элементомъ искони должны были явиться, очевидно, побѣжденные. Сословіе же господъ составили, очевидно, побѣдители,—хотя они долго не имѣли возможности избѣгать пополненія своихъ рядовъ и тузечной знатью. Съ теченіемъ вѣковъ люди свободные распредѣлились по тремъ сословіямъ: 1) брахманы (брамины), или жрецы; 2) кшатріи («господа»), т. е. воины, и наконецъ 3) вайшьи, т. е. простой народъ (ремесленники, крестьяне).

Духъ кастовости понемногу успѣлъ провести непроходимую грань даже между свободными сословіями, которой сперва не было. Брахманы-жрецы съумѣли сдѣлать себя для другихъ свободныхъ людей не только кастой верховной и священной, но прямо божественной (—пунктъ, къ которому мы еще вернемся). Хуже всего, однако, кастовость отразилось на кастѣ служебной.

Когда мѣстное населеніе до конца и вполнѣ было подавлено, среди его рядовъ побѣдительскій usus отмѣтилъ особенно презрѣнныя касты, напр. чандалы (на нижнемъ Гангѣ) и паріи (дравиды южнаго Индустана). Даже прикосновеніе людей этихъ кастъ признано было осквернительнымъ. Чандала поэтому долженъ жить отщепенцемъ отъ прочихъ людей, не смѣетъ входить въ населенныя мѣста иначе какъ днемъ (чтобы всякій могъ уберечься отъ нечаяннаго прикосновенія къ нему), долженъ носить особый знакъ, мѣтку, своей кастовой нечистоты; мало того—ему полагается ѣсть не иначе какъ изъ битой посуды, одѣваться въ одежду отъ умершихъ, владѣть изъ животныхъ только осломъ и собакою, и т. п. Въ настоящее время отверженныя касты составляютъ приблизительно $^1/_7$ часть туземцевъ Индіи.

Кастовость—очень типичная черта индійской исторіи. Да только, напоминаемъ: для правильнаго пониманія исторіи, для соблюденія исторической перспективы, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что неумолимое кастовое размежеваніе есть только завершительный, ужъ сравнительно

поздній, итогъ долгой тысячелѣтней исторической борьбы. Въ первую половину древняго періода, лѣтъ восемьсотъ (ок. 2000-1200), пока арійцы жили въ Пенджабѣ, кастовый духъ, развѣ, намѣчался: распаденіе на касты есть результатъ, собственно, ужъ второй половины древняго періода (ок. 1200-500), т. е. когда арійцы распространились внѣ Пенджаба по всей Индіи.

Черты политическаго и религіознаго развитія въ Пенджабскую и внѣ-Пенджабскую ведійскую пору.

Веды, какъ указано—вотъ нашъ единственный историческій источникъ для древняго періода.

Что касается кастовости, то по Ведамъ картину развитія кастъ наблюдаемъ мы безъ особой ясности. Причина—фактическое отсутствіе кастовости въ первоначальную пору. Вообще же, однако, по Ведамъ мы съ достаточною подробностью можемъ прослѣдить другія, вполнѣ существенныя черты. Вникая въ Веды, мы наблюдаемъ постепенное измѣненіе образа жизни завоевателей, равно какъ эволюцію ихъ религіи—неодинаковую въ обѣ половины древняго періода.

Въ первыя столѣтія, пока арійцы держались еще въ одномъ Пенджабѣ и не успѣли продвинуться на Гангъ и на югъ Индустана, они вели образъ жизни кочевой. Одного общаго государства кочевники-они не образовывали (и въ дальнѣйшую осѣдлую древнюю пору не было общаго государства), а дѣлились на множество племенныхъ княжествъ, управляемыхъ «раджами» (лат. rex),—вродѣ племенъ древней Германіи или Несторовой доваряжской Руси. Божествъ—почитали много. Варуна съ шестью Адитьями—старшія божества. Меньшихъ имѣлось большое количество; среди нихъ Индра—богъ грозы; солнечный богъ Вишну и бурный богъ Шива (впослѣдствіи два очень великихъ бога) сперва у индійцевъ были тоже меньшими; образъ Браһмы, впослѣдствіи главный, тогда едва намѣчался.

Во вторую, внѣ-Пенджабскую эпоху древней исторіи во всемъ видна перемѣна. Приблизительно съ 1200 г. (если не позже), власть арійцевъ продвинулась на богатый Гангъ. Пастушескій бытъ перешелъ въ осѣдлый,—земледѣльческій и промышленно-городской. Въ политическомъ отношеніи это былъ рядъ самостоятельныхъ царствъ (вмѣсто прежнихъ кочевыхъ княжествъ), но тоже безъ объединенія.

Въ нихъ вездѣ появляется борьба сословій, причемъ вотъ тогда-то собственно духъ кастовости и дѣлается выразительнѣе. Выше—мы ужъ отмѣчали это обстоятельство. Мы ужъ отмѣчали, что въ итогѣ сословной борьбы преобладающую роль получили жрецы, и что ихъ каста сдѣлалась не только священною, но прямо божественною. Тутъ—мы должны еще добавить, что со стороны этой божественной касты проявляется эксплоататорство, жадность. —Въ идеяхъ религіи на первый планъ рѣшительнѣе выступаютъ грозный богъ Шива и добрый Вишну уже какъ старшіе, и подъ конецъ—вырабатывается представленіе о единомъ верховномъ божествѣ, душѣ міра—Браһмѣ (Браһма можно перевести: «Святое»).

Въ идеяхъ религіозной этики тоже констатируется существенная разница между періодомъ Пенджабскимъ и періодомъ обще-Индустанскимъ. Вмѣсто древнѣйшей пенджабской жизнерадостности—сквозитъ тоска. Жизнь представляется человѣку цѣпью страданій. Развивается ученіе о переселеніи душъ и загробномъ очищеніи черезъ него; а кромѣ того—возникаетъ въ противовѣсъ господствующему жреческому формализму созерцаніе, рефлексія. Болѣе исключительныя натуры удаляются для созерцанія въ отшельничество, а вообще вырабатываются для браһмана четыре стадіи совершенствованія: 1) ученикъ; 2) гражданинъ-домохозяинъ; 3) лѣсной отшельникъ; 4) «санйасинъ» или «бһикшу» (отщетившійся отъ міра странникъ) [1]. Въ «Упанишадахъ», этомъ такъ сказать ведійскомъ Новомъ Завѣтѣ, незадолго до появленія буддизма (VI в. до Р. Х.), мы видимъ глубокое философское настроеніе пантеистическаго характера.

Къ концу древняго періода почва подготовлена для реформы.

Такимъ образомъ почва вполнѣ была подготовлена для реформы, грядущей въ видѣ буддійства, которое очень мало отличалось въ началѣ отъ пантеистическаго браһманизма. Даже проповѣдь Будды объ отрицаніи кастъ уже встрѣчалась въ монашескихъ браһманскихъ общинахъ до Будды.

---

[1]) Прохожденіе всѣхъ четырехъ стадій возможно лишь для браһмана; вайшья не долженъ идти выше двухъ первыхъ; для кшатріи доступны три стадіи, безъ послѣдней.

III.

в) Средній періодъ.

Общая характеристика средняго періода. Политическіе результаты нашествія Александра Македонскаго.

Съ появленіемъ буддійства (VI-V в.) кончается древній періодъ индійской исторіи и начинается другой, т. н. средній періодъ, во время котораго идетъ борьба буддійства съ браһманствомъ, происходитъ греческое вторженіе Александра Македонскаго и господство его преемниковъ (въ общемъ около $2^1/_2$ столѣтій греческаго господства), потомъ—пышный разцвѣтъ буддійской культуры, совпадающій по времени съ эпохою сасанидовъ въ Иранѣ, послѣ чего беретъ верхъ опять браһманство, и ко времени появленія мусульманскихъ завоевателей (VII-VIII в. послѣ Р. Х.) буддійство изгнано изъ сѣв. Индіи. Въ совокупности этотъ второй, или средній, историческій періодъ продолжался менѣе $1^1/_2$ тысячи лѣтъ.

Онъ извѣстенъ не по гипотезамъ и соображеніямъ, а съ исторической достовѣрностью.

Во внѣшне-политической исторіи можно отмѣтить въ теченіи средняго періода неоднократное появленіе крупныхъ царствъ, объединявшихъ страну. Явленіе это намѣчалось еще передъ нашествіемъ Александра Македонскаго (вѣдь таково было, сейчасъ увидимъ, буддійское царство Магадское, со столицей Патною), но завоевательное, покорительное движеніе Александра Македонскаго (327) содѣйствовало въ сильнѣйшей мѣрѣ объединительному политическому процессу, и въ теченіи средняго или буддійскаго періода индійской исторіи мы не разъ видимъ, какъ Индустанъ, сѣверный по крайней мѣрѣ, собранъ бываетъ подъ властію единой династіи.

До-Александрово буддійское царство Магадское съ г. Патною. Переходъ его, послѣ македонскаго вторженія, къ династіи Маурья. Царь Ашока равноапостольный, III в. до Р. Х.

Еще до Александра Македонскаго возникло, мимоходомъ упомянули мы, царство Магадское со столицей Патною [1]). Оно приняло

[1]) Патна (по тогдашнему: „Паталипутра“)—городъ на нижнемъ Гангѣ.

религію Будды и содѣйствовало организаціи буддійской церкви. Продержалось оно до вторженія Александра Македонскаго въ Пенджабъ (327), но Александръ Македонскій до Магадhы не дошелъ. Покорено было царство Магадское,—и столица Патна въ томъ числѣ (315 до Р. Х.),— мѣстнымъ авантюристомъ Чандрагуптою, который за два года передъ этимъ (317) организовалъ возстаніе индусовъ противъ греческой власти въ Пенджабѣ и изгналъ пришельцевъ. Такъ-какъ уже Александръ Македонскій, завоевательнымъ путемъ, содѣйствовалъ объединенію страны, то Чандрагупта (315-291) безъ особаго труда объединилъ всю сѣверную Индію: область Инда, Ганга, Гуджератскій полуостровъ (къ сѣверу отъ Бомбея). Патна, какъ и у Магадhской династіи, была резиденціей Чандрагупты и его династіи, называемой Маурья.

Эта могущественная династія продержалась нѣсколько менѣе полуторастолѣтія (прекрат. 178 до Р. Х.).

Знаменитъ въ Маурійской династіи внукъ Чандрагупты царь Ашока (б. м. ок. 259-222, б. м. ок. 263-226), который для буддійства явился тѣмъ, чѣмъ Константинъ Равноапостольный для христіанства [1]). Браhманство при немъ не преслѣдовалось и уважалось, но буддійство было государственной религіей, господствовало въ Индустанѣ, и разсылались миссіонеры по самымъ отдаленнымъ землямъ. На 3-мъ буддійскомъ соборѣ, въ Патнѣ (243 до Р. Х.) установленъ южно-буддійскій канонъ священныхъ книгъ.

Съ распаденіемъ могущественнаго государства Маурійской династіи Чандрагупты (которая, какъ сказано, ок. 178 г. до Р. Х. и вовсе прекратилась) браhманство начинаетъ вновь торжествовать среди индусскихъ династій, и буддизмъ временно отходитъ на второй планъ.

Новое вторженіе грековъ, уже изъ Средней Азіи. „Греко-индійская монархія“ III-I в.

А тѣмъ временемъ все сильнѣе и сильнѣе напираютъ на Индію греки изъ Средней Азіи, изъ т. н. греко-бактрійскаго царства, отколовшагося отъ селевкидовъ въ III в. до Р. Х. и непокореннаго также парѳянами-аршакидами.

---

[1]) Ашока—современникъ первыхъ аршакидовъ въ Иранѣ (Теридатъ I, 248-214), селевкидовъ въ Вавилоніи и Сиріи, и птолемеевъ въ Египтѣ.

Еще въ послѣднія времена ослабленія династіи Маурья бактрійскій царь Деметрій, сынъ Эвтидема (ок. 200 до Р Х.) и Эвкратидъ Великій (воцар. ок. 195 г.) оказываются владѣтелями области р. Инда, доходя приблизительно до Гуджерата, или до Бомбея, и титулуютъ себя на монетахъ «индійскими царями». Затѣмъ, вытѣсняемые скиѳами изъ Бактріи, эти греки переносятъ и самый свой центръ въ Индію, въ сѣверо-индустанскій Пенджабъ, и образуется въ Пенджабѣ т. н. «греко-индійская монархія».

Владычество бактрійскихъ грековъ продлилось свыше ста лѣтъ, приблизительно до 85 г. передъ Р. Х. (или дольше), пока и изъ Индіи вытѣснили грековъ тѣ же скиѳы, которые на нихъ напирали въ Бактріи. Въ культурномъ отношеніи греческая власть въ Индіи должна была оставить значительный слѣдъ и содѣйствовать обмѣну культурныхъ теченій Индіи и Эллады. Изъ греко-индійскихъ царей выдѣлялся (ок. 100 г. до Р. Х.) Менандръ; по индійски его имя передѣлано на «Милинда».

Индо-скиѳское царство (приблиз до 200 г. по Р. Х); династія парѳянъ-Аршакидовъ (ок. 50 г. по Р. Х.) и скиѳа-Канишки (ок. 78 г.).

Индо-скиѳское царство продержалось ок. $2^1/_2$-3 столѣтій и видѣло два первые вѣка христіанства.

Около 50 г. по Р. Х. правящая династія была сродни той, которая владѣла Персіей, т. е парѳянско-аршакидская, или индо-парѳянская, и область «индо-парѳянская» обнимала собою Систанъ-Афганистанъ-Пенджабъ; сюда христіанское преданіе направляетъ апостола Ѳому для проповѣди индійскому царю-аршакиду Гундофару (по инд. Гаданһара, ок. 50 по Р. Х.). Но аршакидовъ вскорѣ замѣняетъ династія своя, скиѳская, и подъ ея управленіемъ индо-скиѳское царство пріобрѣтаетъ очень обширные размѣры. Ок. 78 г. по Р. Х. вступаетъ на престолъ знаменитый индо-скиѳскій царь Канишка, или Канерки.

Резидировалъ Канишка въ Кашмирѣ. На монетахъ Канишки мы видимъ, съ одной стороны, имена боговъ иранскихъ (въ формѣ не старинно-авестійской, а вульгарной пеһлевійской), а съ другой стороны— имена божествъ браһманскихъ и Будды. Онъ покровительствовалъ буддійству; при немъ состоялся въ Кашмирѣ 4-ый буддійскій соборъ, гдѣ установленъ былъ сѣверно-буддійскій канонъ священнаго писанія (тибето-монгольско-китайскій). Владѣнія Канишки простирались на сѣверъ до

нынѣшняго Туркестана, русскаго и китайскаго (Кокандъ, Яркендъ), и буддійство проникло въ Китай; на югъ Канишкины владѣнія доходили до Ганга.

Послѣ смерти Канишки единство государства нарушилось.

Династія Гупта (съ 319 г.) и Валабһи (ок. 480-722). Царь Викрамадитья VI в. и золотая пора буддійской литературы. Реакція браһманизма и вытѣсненіе буддійства изъ Индіи ок. VIII в.

Съ 319 г. по Р. Х. значительную часть страны, преимущественно средняго Индустана, объединяетъ династія-Гупта, находившаяся въ отношеніяхъ съ болѣе старыми персидскими Сасанидами и свергнутая ок. 480 г. династіей Валабһи, которая продержалась ок. 2½ столѣтій (ок. 480-722) и видѣла первыя вторженія мусульманъ, т. е. конецъ средняго періода и начало новаго.

При валабһійскомъ царѣ Викрамѣ въ VI в. (Викрамадитьѣ), современникѣ Юстиніана Великаго и Хосрова I Анушираана, начинается золотой вѣкъ индійской литературы (поэтъ Калидаса, и др.). Сборники индійскихъ повѣстей переводятся на языкъ сасанидской Персіи (пеһлеви), напр. «Калилакъ и Даманакъ», и постепенно получаютъ міровое распространеніе.

Буддійство и браһманство одинаково пользовались покровительствомъ этой династіи, хотя преобладаніе доставалось буддійству. Ок. 630-640 г. описаніе валабһійскаго двора и народа даетъ прославленный китайскій путешественникъ Сюань-цанъ (Hiouen-Thsang), буддистъ.

Но лѣтъ сто спустя, буддійству въ Индіи наступаетъ конецъ, и съ началомъ новаго періода, между VIII-X в., браһманисты успѣваютъ вытѣснить послѣдователей Будды прочь изъ Индустана, въ болѣе сѣверныя страны.

IV.

г) Новый періодъ (новобраһманистическій и мусульманскій).

Черты нововосторжествовавшаго браһманства „Индуизмъ", какъ религіозная амальгама.

Восторжествовавшее браһманство, впрочемъ, порядочно отличается отъ браһманства древняго, до-буддійскаго, ведійскаго.

Кастовость, отрицавшаяся буддійствомъ, проводится браһманами отнынѣ еще сильнѣе и неумолимѣе, что теоретически формулировано было раньше, напр. еще въ сборникѣ законовъ Ману (ок. IV-V в.) и что съ изгнаніемъ буддійства успѣшно осуществляется теперь въ жизни. Въ области богопочитанія верховная сила приписывается троицѣ боговъ (Тримурти), состоящей изъ Браһмы-творца, Шивы-губителя и Вишну-благого хранителя и представляющей въ троичности единую сущность; въ ведійскую пору такъ о нихъ не вѣровали. И прочая миѳологія ново-браһманства обнаруживаетъ уклоненія отъ ведійской; грозная для грѣшниковъ Дургâ (иначе Кали, т. е «Черная», жена Шивы), Лакшми (жена Вишну, богиня счастія и красоты) [1]), Кама (богъ любовной страсти), Ганешя (сынъ Шивы, богъ знанія) и др.—это даже совсѣмъ новые образы, неизвѣстные ведійской религіи. Аскетическое настроеніе близко къ «Упанишадамъ», (т. е, такъ сказать, къ Новому Завѣту ведійства), а не къ жизнерадостнымъ старымъ Ведамъ. Вмѣсто термина «браһманство» удобнѣе примѣнять къ нововозстановленной религіи неопредѣленное названіе «индуизмъ».

Изгнавши изъ Индіи буддійство (ок. VIII в.), индуизмъ все же удержалъ кое-что изъ буддійскихъ идей; неарійскіе фетишскіе культы тоже оказали свое вліяніе; и мы въ теченіи послѣдующихъ столѣтій наблюдаемъ въ новобраһманизмѣ образованіе и развитіе многочисленныхъ толковъ, сектъ и философскихъ системъ самаго противоположнаго характера, отъ возвышенно-пантеистическихъ (какъ Веданта) и аскетическихъ—до грубо-суевѣрныхъ и сладострастно-чувственныхъ, между прочимъ съ культомъ фаллоса («линга»).

На нѣкоторыхъ индуистическихъ теченіяхъ виденъ налетъ даже идей мусульманства, которое со временъ первыхъ же халифовъ (съ VII в.) понемногу, путемъ завоевательнаго движенія, проникаетъ въ страну на р. Индъ.

---

[1]) Имя это (въ формѣ „Лакмэ") широко популяризовалось у европейскихъ любителей оперной музыки; но только примѣнено оно въ оперѣ къ жрицѣ, а не къ богинѣ.

Начало прочнаго утвержденія мусульманъ въ сѣв. Индіи. Махмудъ Газневидскій (998-1030) и его династія XII в. въ Лаһорѣ. Гуриды XII-XIII в. Взятіе Деһли гуридскимъ рабомъ Котбеддиномъ Эйбекомъ (1192).

Прочное мусульманское политическое утвержденіе начинается однако только съ X-XI вѣка, когда власть багдадскихъ халифовъ была ужъ въ упадкѣ, и дѣйствовали удѣльныя мусульманскія династіи. Султаны-газневиды, владѣвшіе восточной Персіей и резидировавшіе въ нынѣшнемъ Афганистанѣ, Себоктегинъ (977-997) и его сынъ Махмудъ Газневидскій (998-1030), безповоротно завоевали для мусульманъ Пенджабъ и исламизировали въ немъ высшій классъ. Ихъ преемниковъ, принадлежавшихъ къ той же династіи газневидской, вытѣснили сперва сельджуки (1040) изъ Персіи; а потомъ западно-афганскіе горцы-гуриды вытѣснили газневидовъ и изъ Газны (1150), послѣ чего газневиды самую резиденцію свою перенесли въ Индію, въ г. Лаһоръ.

Лѣтъ 40 спустя, династія газневидская совсѣмъ была низвержена своими прежними вассалами гуридами, вождь которыхъ Мохаммедъ Гури овладѣлъ газневидскимъ Лаһоромъ (1187) и продлилъ мусульманскія завоеванія на болѣе южныя части Индустана. Раджа Притви Аджмирскій, государь Раджпутовъ, и соединившіеся съ нимъ 150 индійскихъ князей были жестоко разгромлены (1192) при Танесварѣ, нѣсколько не доходя до Деһли. Въ концѣ того же года гуридскій полкогодине изъ купленныхъ рабовъ (мамлюковъ) доблестный турокъ Котбеддинъ Эйбекъ взялъ г. Деһли и, съ согласія своего государя, поставленъ былъ въ Деһлійскіе намѣстники.

Деһлійскіе султаны: а) „рабы гуридскіе“ (до 1290), б) халаджи (1290-1320) съ в) тоглукидами (1320-1412), и стремленіе власти ислама на югъ. Тимуровскій разгромъ 1398-1399 г.

Отъ Котбеддина Эйбека пошла династія т. н. деһлійскихъ султановъ-мамлюковъ, чаще извѣстная подъ именемъ династіи «рабовъ гуридскихъ», отложившаяся въ 1206 г., послѣ смерти Мохаммеда Гури, а вполнѣ самостоятельная съ 1227 г., въ лицѣ другого бывшаго гуридскаго раба-тюрка Ильтутмыша (1210-1236). Это первая мусульманская династія, правившая исключительно въ Индіи, безъ отношенія къ Ирану или Афганистану Она просуществовала до 1290 г. Немусульманскія области полуострова, простиравшіяся къ югу

до Виндійскихъ горъ [1]) и включавшія въ себя на востокѣ также Бенгалію [2]), управлялись вассалами или намѣстниками деһлійскихъ султановъ-мамлюковъ и не разъ возставали. Съ внѣшней стороны грозили было монголы, но дальше набѣговъ на Индъ не шли.

Слѣдующая династія деһлійскихъ султановъ, тюрки-хильджи, или халаджи (1290-1320), распространила владычество мусульманъ за горы-Виндію, въ Деканъ (Декһанъ): а когда она, среди смутъ, была смѣнена династіей Тоглукидовъ (1320-1412), у второго изъ государей-тоглукидовъ была попытка переселить самую столицу, со всѣми ея жителями, изъ Деһли—южнѣе, поближе къ серединѣ Декана [3]). Конецъ Тоглуковой династіи былъ ознаменованъ разорительнымъ, истребительнымъ нашествіемъ Тимура 1398-1399 на сѣв. Индію и полнымъ политическимъ распаденіемъ Индустана.

Деһлійскіе султаны среди множества удѣльныхъ династій XV в.

Въ теченіи XV вѣка мы видимъ независимыя мусульманскія владѣнія во многихъ мѣстахъ: въ Деһли (тутъ династія алидовъ-Сейидовъ 1414-1451 и афганцевъ-Лодіевъ 1451-1526); къ сѣверу отъ Деһли въ Кашмирѣ; ниже отъ Деһли по Гангу въ Джаунпурѣ и Бенгаліи; въ Мальвѣ между Джаунпуромъ и Гуджератскимъ полуо-вомъ; въ самомъ Гуджератѣ; къ югу отъ Гуджерата въ Хандешѣ; въ деканской Кульбаргѣ (Беһмениды, 1347-1526). Изъ ихъ числа, послѣднее государство, беһменидское, въ періодъ упадка къ концу XV вѣка разбилось на пять династій.

Въ то же время индійскіе раджи возстанавливали свою власть среди раджпутовъ (между Деһли и р. Индомъ) и въ Деканѣ на югѣ страны.

Вторженіе тимурида-Бабура (1525). Имперія „Великихъ Моголовъ“ XVI-XVIII в.; Экберъ Великій 1556-1605 и Ауренгзибъ Міропокоритель 1659-1707.

Въ 1525 году 5-й потомокъ Тимура султанъ Бабуръ, котораго тюрки-узбеки (ок. 1504 г.) изгнали изъ его среднеазіатскаго туркестанскаго владѣнія въ горный Афганистанъ, спустился въ Индію. Въ тече-

[1]) Невысокій хребетъ Виндія отдѣляетъ Индо-Гангскую равнину, или материковую часть страны, отъ собственно-полуостровной части, или Декана.

[2]) Бенгалія—область на низовьи Ганга (у залива Бенгальскаго).

[3]) Это Мохаммедъ ибнъ-Тоглукъ (1325-1351), даровитый государь.

ніи пяти лѣтъ Бабуръ завоевалъ Деһлійское султанство, гдѣ до того была династія Лодіевъ,—и такимъ образомъ началась въ Индіи трехсотлѣтняя (съ перерывомъ—до 1857 г.) тимуридская династія, называемая у европейцевъ «Великими Моголами».

Первые государи ея: Бабуръ 1525-1530, Хомаюнъ 1530-1556, Экберъ (Акбаръ) Великій 1556-1605, Джеһангиръ 1605-1628, Шаһъ-Джеһанъ 1628-1658, Ауренгзибъ-Міропокоритель («Алемгиръ», 1659-1707)—постепенно объединили всю Индію въ одну великую имперію. Прочія мусульманскія и немусульманскія династіи Индіи упорно сопротивлялись водворенію тимуридскаго владычества; Хомаюнъ въ теченіи 15 лѣтъ (1540-1555) жилъ изгнанникомъ въ Персіи, не въ Индіи, и лишь за какой-нибудь годъ до смерти вновь вступилъ въ Индустанъ; только Экберу Великому удалось поглотить своею «великомогольскою» имперіей, индустанскія династіи до Декана. Деканскія же династіи разбиты были ужъ Ауренгзибомъ-Мірозавоевателемъ.

Экберу Великому (1556-1605) принадлежитъ правильное государственное устройство страны и забота о сліяніи мусульманъ и немусульманъ въ одну общую націю Для послѣдней цѣли онъ придумалъ систему объединительной, всеобщей возвышенной религіи, и талантливые поэты его двора (два сановные брата—Фейзи и Абуль-фезль, Орфи Ширазецъ, и проч.) писали въ духѣ идеаловъ своего государя, переводили санскритскія національныя эпопеи и вообще санскритскія книги на персидскій языкъ, и т. п. Въ культурномъ отношеніи правленіе Экбера Великаго—золотой вѣкъ царства Великихъ Моголовъ [1]).

Внѣшнимъ образомъ, по колоссальнымъ размѣрамъ подчиненной территоріи, больше сверкнуло царствованіе Ауренгзиба (1659-1707), владычествовавшаго и надъ южной Индіей. Но даже при жизни самого Ауренгзиба-Алемгира южная Индія подчинялась великомогольской власти скорѣе лишь номинально, и съ ма[h]раттами въ Деканѣ не могъ онъ справиться; а послѣ его смерти (1707), при его ничтожныхъ преемникахъ, огромная имперія Великихъ Моголовъ быстро пошла по пути разложенія.

---

[1]) Собственно, на Экберѣ Великомъ и его культурной дѣятельности мы въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ литературныхъ и остановимся съ полной подробностью.

Разложеніе имперіи „великихъ моголовъ" въ XVIII в. Успѣхи европейцевъ. Викторія, „королева Великобританіи и императрица Индіи" (1877).

Въ южной Индіи выдвинулись ярые враги ислама ма[h]ратты, наводняющіе и сѣв Индію, а въ сѣв. Индіи укрѣпились свои мѣстныя, тоже ожесточенно-антимусульманскія государства сейковъ въ Пенджабѣ, джатовъ и другія, и кромѣ индусскихъ—мусульманскія. Наступившая слабость великаго могола видна и изъ того, что грабительскому нашествію Надиръ-шаха 1739-1740 на Деhли не могъ быть данъ отпоръ.

Вскорѣ начинаются успѣхи оружія европейцевъ, и власть великаго могола все больше и больше дѣлается фиктивною, какъ впрочемъ и остальныхъ мѣстныхъ индійскихъ государствъ (маhраттовъ и пр.), которыя возникли на развалинахъ громадной имперіи Аурензиба.

Въ 1877 году англійская королева Викторія провозглашена «индійской императрицей»,— событіе, отпразднованное въ Деhли съ необычайной торжественностью.

V.

Библіографія общихъ пособій по исторіи Индіи

Изданіемъ, которое въ сжатой, однако очень содержательной формѣ выразило бы итоги всѣхъ научныхъ изслѣдованій объ Индіи, съ указаніемъ литературы предмета по каждому частному вопросу, долженъ бы оказаться (въ будущемъ, когда допечатается) трехтомный страссбургскій сводъ: «Grundriss der indo-arischen Philologie und Alterthumskunde» (Страссбургъ, съ 1896 и слѣд.), подъ редакціей Г. Бюлера и Ф. Кильхорна [1],—по образцу извѣстнаго «Grundriss der iranischen Philologie», изданнаго даже той самой фирмой Трюбнера въ Страссбургѣ. Но печатаніе индо-арійскаго Grundriss'а подвигается до крайности медленно, и печатается онъ не подъ-рядъ, а разбросанными выпусками. Политической (и то лишь до-мусульманской) исторіи Индіи заранѣе отведенъ 9-й выпускъ II тома, но выпускъ не вышелъ [2].

---

[1]) Въ этомъ „Grundriss"-ѣ т. I филологія, т II исторія и исторія литературы, т. III религія, наука и искусство. Часть статей писана по-англійски.

[2]) Въ планѣ сказано, что историческую статью долженъ написать J. F Fleet, по англійски.

Изъ прежнихъ работъ, теперь уже значительно устарѣлыхъ, большое значеніе имѣлъ трудъ патріарха санскритологіи Chr. Lassen'a: «Indische Alterthumskunde», 4 тт. (1-е изд. Боннъ 1847-1862; 2-е изд. Лейпц. 1867-1874) и историка древности Max Duncker'a: «Geschichte des Alterthums», т III (5-е изд., Лейпц. 1879) [1]). Менѣе устарѣлъ J. T. Wheeler: «The history of India from the earliest ages», 4 тт (Лонд. 1867-1881), результаты чего популяризованы самимъ же авторомъ въ «A short history of India and the frontier states» (Лонд. 1880).

Болѣе новые труды:

S. Lefmann: Geschichte des alten Indiens (Берл. 1890) въ исторической серіи Онкена.

W. W. Hunter: а) The Indian empire, its history, people and products (1-е изд. 1882; 2-е 1886; 3-е изд. Лонд. 1893); — б) Brief history of the indian peoples,—сжатый учебникъ, выдерживающій десятки изданій, содержательный и съ прекрасной библіографіей.

H. G. Keene: History of India from the earliest times to the present day, 2 тт. (1-е изд Л. 1893; 2-е изд. Эдинб. 1906).

A. Hoernle and H. Stark: History of India (Cuttack 1906). Университетскій учебникъ для студентовъ.

V A. Smith: The Oxford students history of India (Оксфордъ 1909).

K. V. Rangaswami Aiyangar: A history of India, Part I: The pre-musulman period (Лонгмансъ 1910 [2]).

Репсонъ, Хейгъ и Морисонъ: The Cambridge history of India, under the editorship of E J. Rapson, T. W. Haig and Th. Morison, 6 тт. (Кембриджъ 1913 и сл.). Вышелъ I томъ: «Ancient India», причемъ въ объемъ понятія «древней» Индіи включаются и первые вв. буддійства, до

[1]) Пожалуй, слѣдуетъ отмѣтить и болѣе раннюю огромную справочно-энциклопедическую статью Th. Benfey. „Indien“ (356 стр.) въ лейпцигской энциклопедіи Эрша и Грубера (1840), т. 17. Большое значеніе имѣли обильные этюды и лекціи Альбр. Вебера 1850-хъ гг, одна изъ которыхъ, подъ заглавіемъ: „Новѣйшія изслѣдованія о древней Индіи“ была переведена и на русскій языкъ П. Безсоновымъ въ непеpiодическомъ сборникѣ „Пропилеи“, т. V (М. 1856), стр. 1-26.

[2]) „........for use in the higher forms of secondary schools,. . and it is admirably suited for that purpose“ (слова авторитетнаго W. Irwine'a, давшаго рецензію въ „Journal of the Royal Asiat. Society“ 1911. январь, стр. 251-253).

начала христіанской эры. Печатаются остальные томы: т. II «Mediеval India» (отъ нач христ. эры до первыхъ признаковъ мусульманскаго газневидскаго завоеванія X-XI в); т. III «Turks and Afghans» (отъ газневидовъ X-XI в. до Бабура-тимурида 1525 г.); т. IV «The Mughal empire» (1525-1757); т. V «The honorable East India Company» (1600-1857); т. VI «India under the Crown».

Русская библіографія.

Сперва мы назовемъ сводныя, обобщительныя работы, охватывающія весь періодъ исторіи:

1) Индія, переводъ огромной статьи изъ «Encyclopaedia Britannica» (изъ vol. XII, Лонд. 1881)—въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», издаваемыхъ военно-ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба, вып. 20 (Спб 1884), стр. 105-334.

2) С. Буличъ: «Индія»—конспективная, но довольно подробная статья извѣстнаго лингвиста-санскритолога въ 25 полутомѣ 1-го изд Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона (Спб. 1894, стр. 130-158 петита), дополненіемъ къ которой является тамъ же его статья «Индійская литература» (стр. 83-96) [1].

3) Эл. Реклю: Земля и люди. Всеобщая географія, т. VIII, Индія и Индо-Китай, съ 67 рис. и картою, Спб. 1885 (стр. XIII и 751). Было удешевленное изданіе Спб. 1898, а въ началѣ 1900-хъ гг. изданъ былъ переводъ аналогичнаго труда Реклю: «Человѣкъ и земля». Конечно, главная цѣль у Реклю—географическая, но для исторіи и археологіи тоже дѣлаются отступленія,—эпизодическія, пожалуй.

4) Исторія человѣчества, подъ общей редакціей Г. Гельмольта, переводъ съ нѣм. подъ редакціей акад В. Радлова. т. II, Спб. [въ 1900-ыхъ гг., даты нѣтъ]. Отдѣлъ 4-ый этого тома (стр 341-505) посвященъ Индіи отъ старыхъ временъ до новѣйшихъ; авторъ—проф. Эм. Шмидтъ.

Подробнѣе—тѣ изданія на русскомъ языкѣ, которыя охватываютъ лишь нѣкоторую часть исторіи Индіи или лишь нѣкоторыя стороны ея культуры [2]:

---

[1]) Въ новомъ изданіи Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона статья объ Индіи (которая можетъ, въ соотвѣтствующемъ томѣ, появиться около осени 1914 года), очевидно, будетъ существенно переработана и дополнена.

[2]) Я совсѣмъ опускаю сочиненія по Индіи, изданныя до 1870-хъ гг. Среди нихъ, впрочемъ, былъ выше отмѣченъ (стр 175, сноска 1) переводъ обобщительной лекціи Альбр. Вебера въ „Пропилеяхъ", т V (1856), и ниже (стр. 178) отмѣтимъ старый спеціальный трудъ Новицкаго (1844-1846)—по индусской философіи.

5) Георгъ Веберъ: Всеобщая исторія, переводъ съ 2-го изданія [по-нѣм. въ 1882], т. I, М. 1885 (=издательство Солдатенкова), стр. 209-337, отдѣлъ: «Индійцы». Для ведійскаго и части буддійскаго періода.

6) З. Рагозина: Исторія Индіи временъ Ригведы, съ 46 рис., Спб., изд. Маркса [въ 1900-хъ гг.; даты нѣтъ]. Живость изложенія искупаетъ всѣ недостатки книги.

7) М. Каррьеръ: Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Переводъ [съ нѣмецкаго] Е. Корша, т. I, М. 1870. На стр. 288-370 отдѣлъ «Индія» посвященъ Ведамъ, Маһабһаратѣ, браһманству и его литературѣ, буддійству — въ связи въ исторіей индусовъ вообще.

8) И. П. Минаевъ: Очеркъ важнѣйшихъ памятниковъ санскритской литературы — въ I томѣ «Всеобщей исторіи литературы», подъ ред. В. Ѳ. Корша и А. И. Кирпичникова, Спб. 1880, стр. 114-156. Содержаніе: Арійцы (114-117), Арійцы въ Индіи (118-119), Санскритъ и арійскія нарѣчія въ Индіи (119-122), Веды (122-128; съ очеркомъ ведійскаго быта), Главный составъ браһманической литературы (128-131), Буддизмъ (131-135), Эпосъ (135-146; съ переводами изъ Маһабһараты и Рамаяны), Кавья, или искусственный эпосъ (146-150), Сказки, басни и романы (150-152), Драма (152-156).

9) А. Бартъ: Религіи Индіи, перев. подъ ред. и съ предисл. кн. С. Трубецкаго. М. 1897. Наибольше мѣста удѣлено ведійству и браһманству (до 115 стр.), меньше буддійству (стр. 115-156) [1]; стр. 156-176 джайнизмъ, съ указаніемъ связи его и буддійства.

10) Иллюстрированная исторія религій, подъ ред. Д. П. Шантепи де-ля-Соссей, перев. съ нѣм. В. Линдъ, т. II (М. 1899), отдѣлъ: «Индусы» (стр. 4-160). Авторъ этого отдѣла — копенһагенскій профессоръ Эдв. Леманнъ. Здѣсь очеркъ культурно-религіозной исторіи Индіи доведенъ до самыхъ новыхъ временъ. Въ концѣ книги, съ особой пагинаціей (стр 1-43), приложенъ «Библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи

---

[1]) До того времени русскій читатель черпалъ свѣдѣнія о буддійствѣ изъ монографіи Герм. Ольденберга. Будда, его жизнь, ученіе и община, перев. съ нѣм. (М. 1884). Очень интересно написанная, эта книга по-русски часто переиздается донынѣ (1891, 1898 и т. д.), и ея не могутъ вытѣснить переводы другихъ сочиненій такого же рода, какъ напр. Рисъ Дэвидса: „Буддизмъ“ (М. 1906, съ 18-го англ. изд.) или недавно вышедшая книга Пишеля съ предисл. акад. Анучина.

религій» проф. кн. С. Н. Трубецкаго, гдѣ заглавія того, что можетъ имѣть русскій читатель касательно культурно-религіозной исторіи индусовъ и вообще индійскихъ народовъ, занимаютъ стр. 23-28. Указаны почти исключительно изданія, вышедшія не раньше 1880-1890-хъ гг. [1]).

Въ заключеніе укажемъ, что по индійско-мусульманской исторіи русскому читателю до сихъ поръ могъ дать связныя и притомъ надежныя свѣдѣнія лишь—

11) Авг. Мюллеръ: Исторія ислама, т. III, Спб 1896 (по-нѣм. въ серіи Онкена 1887); стр 51-76: «Султанъ Махмудъ изъ Газны», стр. 418-448: «Великій Моголъ».

[1]) Поэтому въ указатель не попала, напр., ни лекція Альбр. Вебера (въ „Пропилеяхъ") 1856, ни довольно интересный „Очеркъ индійской философіи" проф. О. Новицкаго, помѣщ. въ „Журн. Мин. Народн. Просв." за 1844 (№ 3, стр. 151-203; № 8, стр. 99-118) и 1846 (№ 10, стр. 1-53)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗЦВѢТЪ
въ
имперіи Великихъ Моголовъ.

Персидская литература въ новооснованномъ царствѣ Великихъ Моголовъ поставила себя хорошо отъ самаго начала этого тимуридскаго царства мусульманъ въ Индіи. Имена моголовъ-повелителей, украшающія собою разцвѣтъ литературы, это собственно три первыхъ падишаха: Бабуръ (1525-1530), его сынъ Хомаюнъ (1530-1556) и, всѣхъ превыше, внукъ Экберъ Великій (1556-1605). Но внѣшне блистать продолжаетъ литературная жизнь еще и въ теченіи всего XVII вѣка, который сперва заполненъ былъ величаво-деспотическимъ царствованіемъ великихъ моголовъ Джеһâнги́ра (1605-1628) и Шâһъ-Джеһâна (1628-1658), а затѣмъ политически сверкнулъ всеиндійской властью (подобной впрочемъ падающему фейерверку) долголѣтняго падишаха Ауренгзиба-Міропокорителя («Алемгиръ»; 1659-1707).

I.

ИСТОРІОГРАФІЯ.

а) Главныя явленія исторической литературы при падишахахъ Бабурѣ (1525-1530) и Хомаюнѣ (1530-1556).

Одну вѣтвь персидской литературы при Великихъ Моголахъ XVI в. мы ужъ отчасти и видѣли. Это исторіографія.

Нѣсколько словъ о „Бабур-наме́“ и „Târîх-и Решîдî“.

Когда мы давали общій обзоръ персидскихъ историческихъ трудовъ, связанныхъ съ монгольскою и тимуридскою эпохою, то, для характеристики заключительныхъ моментовъ послѣ-тимуровской исторіографіи XVI в.,

мы съ немалой подробностью останавливались на двухъ прекрасныхъ трудахъ по Средней Азіи, вышедшихъ изъ-подъ пера членовъ великомогольской семьи. Одинъ трудъ—свидѣтельствующій, что самъ основатель великомогольской династіи падишаһъ Бабуръ (род. 1482, ум. 1530) былъ прекраснымъ историческимъ писателемъ; это—писанная имъ по-джагатайски его царственная автобіографія: «Бабур-наме»; благодаря переводамъ, «Бабур-наме» тотчасъ вошла и въ область персидской литературы [1]. Другое произведеніе—среднеазіатская монгольская исторія «Târîх-и Решîдî», написанная въ 1541-1545 гг. двоюроднымъ братомъ уже покойнаго Бабура мирзою Мохеммедомъ-Хейдеромъ (род. 1499, ум 1551); тоже цѣнная работа [2])

Индійская дѣятельность Хондемира (ум. 1535). Его „Книга про Хомаюна".

Самъ писатель, цѣнитель писателей, завоеватель-Бабуръ увлекъ за собою въ Индустанъ рядъ персидскихъ писателей. Среди нихъ былъ внукъ знаменитаго историка Мирхонда [3]). не менѣе дѣда знаменитый Хôндемйръ (1475-1535).

О Хондемирѣ см подробно выше, стр. 69 71, съ библіографіей, которую можно дополнить работой:

H. Ferté: «Vie du sultan Hossein Baïkara, trad. de Khondémir (Пар. 1898, ч. I, стр. 1-86). Къ этому см. рецензію Cl Huart'а въ «Journ. Asiat.» 1898, т. XI (въ 9-ой серіи), стр. 357-360, и H. Beveridge въ «Journ. of the Royal Asiatic Soc.» 1898, стр. 889-892.

---

[1]) Наиболѣе извѣстный персидскій переводъ „Бабур-наме", близкій къ подлиннику и послужившій для англійскихъ переводчиковъ, это самый поздній: полководца Абдеррахима 1590 г. (См. у насъ т III, стр. 76, № 3). Впрочемъ H. Beveridge, въ статьѣ: „Was Abdurrahim the translator of Bâbar's Memoirs into persian?" (въ „Asiat. Quarterly Review" 1900, т. X, стр. 114-123 и 310-317) старается доказать, что этотъ т. н Абдеррахимовскій переводъ есть переводъ шейха Зейна, современника самого Бабура, даже секретаря Бабура. (О Зейнѣ см. у насъ III, 76, № 1).

[2]) Подробно, съ библіографіей, см „Исторію Персіи" т. III, стр. 75-80. Тамъ, правда, кромѣ „Бабур-наме" и „Târîх-и Решîдî" разсмотрѣна еще и всеобщая исторія „Лѣтопись за 1000 лѣтъ послѣ кончины Мохаммеда"=„Târîх-и Эльфî", изготовить которую (ок. 1585-1591) озаботился падишахъ Экберъ Великій. Къ ней мы вернемся въ другомъ мѣстѣ.

[3]) О Мирхондѣ (1433-1498) см. „Ист. Персіи" т. III, стр. 65-69.

Историческую цѣнность имѣетъ и «Письмовникъ» Хондемира, озаглавленный «Нâме-и Нâмі»=«Именитое писаніе» и сохранившійся въ India Office (опис. Этé I, 1903, столб. 1137-1139). Большая часть предложенныхъ тамъ писемъ, указовъ, грамотъ и т п.—это подлинные историческіе документы, а не вымышленные Хондемиромъ стилистическіе образчики. Какъ указано въ сборникѣ, собирать его Хондемиръ началъ въ 1520 г., а наиболѣе поздніе документы относятся къ 1524 г.; значитъ, составленъ письмовникъ раньше переѣзда въ Индію.

Хондемиръ привезъ въ Индію почти готовый экземпляръ своей всеобщей исторіи «Другъ жизнеописаній»=«Хебîб эс-сійер» и окончательно дописалъ ее ужъ въ Индіи; въ концѣ I тома онъ говоритъ о своей встрѣчѣ съ Бабуромъ въ Агрѣ 4 мохаррема 935 г.=18 сентября 1528 года, въ каковой день онъ и удостоился облобызать «небесный престолъ» [1]).

Падишахъ Бабуръ вскорѣ скончался (1530). Въ честь Бабурова преемника, падишаһа Хомаюна (1530-1556), старый Хондемиръ по желанію самого государя составилъ (1534) незадолго до своей смерти прославительную исторію его начавшагося мудраго царствованія: «Хомâю́нâмé»=«Книга про Хомаюна» [2]). Безъ зазрѣнія совѣсти старикъ-историкъ говоритъ, что этимъ трудомъ онъ увѣковѣчитъ самого себя: настолько великъ падишахъ (Хондемиръ не предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ великій падишахъ Хомаюнъ будетъ надолго изгнанъ изъ Индіи), и вставляетъ стихи:

„Вѣдь кто вспомнилъ бы про Энверія, если бы онъ въ своихъ произведеніяхъ не говорилъ о дѣяніяхъ султана Синджара?
„ʻОтбій потому, что собралъ хвалы Махмуду, достигъ желаемой цѣли.
„Шерефеддинъ остался прославленъ въ мірѣ потому, что написалъ восхваленіе Тимура-Гургана.

---

[1]) Срв. H. Beveridge: „The emperor Babar in the Habibu-s-siyar“—въ „Asiat. Quarterly Review“ 1906 (т. 21), стр. 79-93. Полностью „Хебîб эс-сійер“ отлитографирован въ Теһранѣ 1271=1854 и въ Бомбеѣ 1273=1856, 2 тт., какъ отмѣчено у насъ выше на стр. 70 (тамъ и перечень частичныхъ переводовъ на европейскіе языки).

[2]) О „Хомаюн-нâмé“ см. выше стр. 71. Извлеченія изъ нея есть по-англійски у Элліота: Hist. of India, т. V (1873), стр. 116-126. Конечно, эта „Хомаюн-наме“ (и еще другія одноименныя и однородныя съ нею, о которыхъ будетъ рѣчь ниже) ничего общаго не имѣютъ съ той очень извѣстной въ Европѣ беллетристической „Хомаюн-наме“ (=„Августѣйшей Книгой“), которая представляетъ собою передѣлку старыхъ индійскихъ странствующихъ басенъ (точнѣе, персидской „Энвар-и Соһейлі“),

Хомаюну и послѣ Хондемира достаточно посчастливилось въ исторической литературѣ: при Хомаюновомъ преемникѣ, падишаһѣ Экберѣ Великомъ (1556-1605) память Хомаюна увѣковѣчена была еще и другими историками, а также воспѣта въ стихотворной эпопеѣ.

Другія „Хомаюн-наме": мемуары царевны Гольбедены ок. 15 5 и Джовһера-афтабчи 1587. Стихотворная эпопея „Хомаюн-наме"

Прозаическихъ сочиненій о падишаһѣ Хомаюнѣ, писанныхъ послѣ его смерти (ум. 1556), слѣдуетъ отмѣтить главнымъ образомъ два, авторы которыхъ очень близко знали покойнаго государя. Это—Хомаюнова сестра, принцесса Гольбедена и его бывшій «афтабчи» Джовһеръ.

Дочь падишаһа Бабура, приходившаяся слѣдовательно теткою Экберу Великому, Гольбеденъ-бегемъ (род. 1523, ум. 1602) [1]) составила свои непритязательные мемуары по желанію своего августѣйшаго племянника, падишаһа Экбера. Воспоминанія Гольбедены частію касаются еще Бабура (ей было впрочемъ лишь 8 лѣтъ, когда ея отецъ умеръ), наибольше же они относятся къ Хомаюну (1530-1556) и, въ единственномъ сохранившемся манускриптѣ Британскаго Музея, обрываются на событіяхъ 1555 года, т. е. охватываютъ почти все его царствованіе. Въ описаніи рукописей Брит. Музея трудъ Гольбеденъ-бегемъ озаглавленъ: «Жизнеописаніе Хомаюна» = «Эхвâл-и Хомâюн» [2]); въ сравнительно недавнемъ англійскомъ переводѣ эти мемуары названы трафаретно: «Хомаюн-наме» [3]).

Эти, несомнѣнно полезные для науки, мемуары великомогольской царевны остались мало кому извѣстны среди обыкновенныхъ читателей. Несравненно извѣстнѣе тѣ «мемуары [про Хомаюна]=

и которая появилась по-турецки тоже въ XVI вѣкѣ (1542). См. у меня въ „Исторіи Турціи" II [1910], стр. 106-107.

[1]) „Голь-беден"=„розотѣлая". Бегемъ (=„госпожа моя! madame!")—титулъ царственныхъ дамъ.

[2]) Rieu, т. I (1879), стр. 246; срв. и III (1883), стр. 1083.

[3]) Humayun nama. The history of Humayun by Gul-Badan Begam (princess Rose-body) translated with introd. notes and biographical appendix and reproduced in the persian from the only known ms of the British Museum by A. S. Beveridge. Лондонъ 1902 (съ 10 фотолитограф. таблицами).

«Тезкирет эль-вâqы'âт», иначе «Исторія Хомаюна» = «Т â р î х-и Х о м â ю н», которые составилъ Д ж о в һ е р-А́ ф т á б ч и́», тоже лишь при Экберѣ Великомъ, въ 1587 г., т. е. болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти своего героя.

Авторъ былъ тогда ужъ важный старый сановникъ, но при падишаһѣ-Хомаюнѣ онъ занималъ юношескую, очень приближенную должность «рукомойничаго» («á ф т á б ч и́»). Въ силу своей должности, Джовһеръ наблюдалъ жизнь великаго могола шагъ за шагомъ, и въ его позднихъ воспоминаніяхъ описаны, притомъ съ большимъ піэтизмомъ, даже самыя незначительныя и буднишнія мелочи изъ жизни Хомаюна. Издатель историковъ Индіи сэръ Эллiотъ вспоминаетъ по этому поводу слова грекоязычнаго римскаго историка Діона Кассія II-III в. (кн. LXXII, 18 : 18) относительно нѣкоторыхъ (правда, неодобрительныхъ) подробностей изъ жизни императора Коммода: «Пусть меня не упрекаютъ, что я унижаю важность исторіи подобными сообщеніями. О частномъ лицѣ я бы этого не сталъ писать; но разъ такіе поступки совершаетъ и м п е р а т о р ъ, а я ихъ видѣлъ и слышалъ, я считаю правильнымъ ничего не скрывать и передать эти извѣстія на поученіе потомству» [1]). Самый большой изъянъ воспоминаній Джовһера вовсе не то, что въ нихъ есть пустыя мелочи, а то, что они писались слишкомъ поздно. За 30 лѣтъ можно многое перезабыть и присочинить отъ себя; да и вообще взглядъ на событія сквозь старческую призму давности показываетъ ихъ въ сильно преломленномъ и перемѣненномъ видѣ,—общій изъянъ всѣхъ мемуаровъ. Къ неотъемлемымъ достоинствамъ Джовһерова сочиненія относится ясность, простота и незатѣйливость стиля,—качества, которыхъ самъ афтабчи, впрочемъ, не умѣлъ въ себѣ и оцѣнить. Существуетъ сверхъ подлинныхъ Джовһеровыхъ «Мемуаровъ про Хомаюна» еще другая

---

[1]) H. Elliot: „Hist. of India", т. V (1873), стр. 136. У него на стр. 136-138 подобраны (скудныя) свѣдѣнія о Джовһерѣ-Афтабчи (и у Рьё, перс. рукоп. I, 1879, стр. 246, дано не больше); а на стр. 138-149 Эллiотомъ переведены отрывки изъ „Мемуаровъ про Хомаюна". За сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ былъ изданъ полный, но очень плохой переводъ маіора Ч. С т ь ю а р т а: „Tezkereh ul Vakiat, or private memoirs of the moghul emperor Humayun, written by Jouher, a confidential domestic of his Majesty, translated by maj. Ch. Stewart" (Лонд. 1832; стр. VIII и 127 in 4⁰), въ серіи „Oriental Translation Fund". Это не переводъ, а самовольная передѣлка, полная грубыхъ ошибокъ и невѣжественныхъ искаженій.

особая ихъ редакція, переложенная въ искусственно-разукрашенное повѣствованіе, вычурно подцвѣченная подъ стать придворному духу,—и составитель этой цвѣтистой редакціи сообщаетъ, что онъ ее изготовилъ по просьбѣ самого Джовһера: тотъ желалъ поднести «Мемуары Хомаюна» падишаһу Экберу Великому—а для этой цѣли считалъ нужнымъ предварительно придать своему незатѣйливому произведенію «достойный» видъ. Заглавіе этой разцвѣченной передѣлки было не то просто «Хома́юн-ша́һі»=«Хомаюншахіада»[1]), не то «Та́ріх-и Хома́юнша́һі»=«Хомаюншахская исторія»[2]). Исполнилъ ее филологъ Ила́һда́дъ Фейзи́ Сирһиндскій, авторъ словаря персидскаго языка (1592), слѣдовательно, знатокъ всякихъ тончайшихъ красотъ персидской литературной рѣчи; очевидно, этимъ качествомъ, а не исторіографическими способностями, онъ и привлекъ на себя вниманіе автора «Мемуаровъ про Хомаюна»[3]).

Составлялись тогда же, въ концѣ XVI вѣка, еще и другія повѣствованія о Хомаюнѣ[4]); но интереснѣе въ историко-литературномъ отношеніи — отмѣтить фактъ, что есть стихотворно-эпическая исторія этого падишаха. Конечно, такой эпопеи мы въ этомъ отдѣлѣ могли бъ и вовсе не касаться, потому что эпопея это скорѣе вѣдь выходитъ беллетристика, чѣмъ исторія, и къ области собственной исторіографіи подобныя произведенія, въ сущности, и не принадлежатъ. Если мы здѣсь считаемъ нужнымъ сказать о существованіи подобной (панегирической) Хомаюновой эпопеи, то лишь потому, что ея наличностью завершается полнота исторической картины.

Всякія «шаһ-наме»=«книги царей», представляющія собою стихотворный историческій хвалебный эпосъ (ужъ не просто хвалебную лирику, какъ водилось прежде) сдѣлались на всемъ мусульманскомъ востокѣ къ

---

[1]) Такъ озаглавлена рукопись Брит. Муз., опис. Рьё, т. III (1883), стр. 927-928.

[2]) Такое заглавіе въ рукоп. India Office, опис. Эте I (1903), стр. 94-95.

[3]) Впрочемъ, у Ила̂һда̂да Фейзи Сирһиндскаго были и историческіе интересы. О его (1602) исторіи Экбера (чисто компилятивной, несамостоятельной) мы нѣсколько словъ скажемъ ниже, на стр. 191.

[4]) Двѣ такихъ исторіи Хомаюна XVI в. описаны Эте́ въ кат. India Office I (1903), стр. 95.

XVI вѣку вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Въ Иранѣ намъ уже встрѣчалась Ха́тифіева поэма: «Тимур-намé»=«Книга про Тимура» на рубежѣ XVI вѣка; встрѣчалась Ка́симіева «Книга про Шаһроха» и—написанныя тѣмъ же Ка́симіемъ—сефевидскія «Книга про шаха-Исмаила» и «Книга про шаха Таһмаспа» XVI в. [1]). Въ Османской турецкой имперіи при дворѣ султана Сулеймана Великолѣпнаго (1520-1566) существовала особая должность «шаһ-намеджи», т. е. присяжнаго піиты-излагателя эпической султанской исторіи [2]). Въ Индіи же—обычай брать эпическія темы изъ жизни живыхъ или недавно жившихъ государей примѣнялся гораздо раньше водворенія Великихъ Моголовъ, раньше XVI в.: эмиръ Хосровъ Деһлійскій (1253-1325) излагалъ даже интимную любовную жизнь своихъ халаджійскихъ государей въ видѣ стихотворныхъ романовъ [3]). Такимъ образомъ все это—мода старая. Но собственно въ новооснованной имперіи Великихъ Моголовъ XVI в.—панегирическая «шаһ-наме» такого рода примѣнена впервые была, кажется, лишь къ Хомаюну (ум. 1556), и ужъ послѣ хомаюновской эпопеи жанръ этотъ сталъ примѣняться и для другихъ Великихъ Моголовъ. Озаглавлена эпическая исторія Хомаюнова царствованія, полнаго военной борьбы съ ея превратностями—«Х о м а ю н - н а м é»=«Книга про Хомаюна». Эпопея дошла до насъ лишь въ обрывкѣ, правда, большомъ, но—въ силу дефектности—анонимномъ [4]): въ рукописи нѣтъ ни начальныхъ, ни заключительныхъ листовъ, гдѣ могло содержаться имя составителя. Ясно только, что онъ писалъ ужъ послѣ смерти Хомаюна (его онъ называетъ покойникомъ) и при жизни Экбера Великаго (на котораго онъ даетъ косвенное указаніе, какъ на царствующаго). Возможно (какъ это сплошь да рядомъ бываетъ въ исторіи литературы), что эта стихотворная «Хомаюн-наме» вызвана была предварительнымъ появленіемъ прозаическихъ исторій падишаха Хомаюна,—тѣхъ самыхъ, рядъ которыхъ мы разсмотрѣли.

---

[1]) См. выше стр. 130-131 и стр. 145-146.

[2]) Срв. объ этомъ у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы", т. II (1910), стр. 110.

[3]) См. выше, стр. 82-83.

[4]) Про эту неполную стихотворную „Хомаюн-наме" см. Рьё, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. III (1883), стр. 100-101.

б) Экберовская исторiографiя.

Строго разсуждая, ужъ и всю вышеотмѣченную историческую литературу про падишаха Хомаюна мы должны были бы назвать Экберовской исторiографiей. Вѣдь всѣ перечисленные труды касательно Экберова отца появились въ царствованiе Экбера Великаго (1556-1605) и возникли или по его прямому желанiю. или въ угоду ему. Мы однако терминомъ «Экберовская исторiографiя» желаемъ обозначить лишь ту историческую литературу, которая выразительнѣе отражаетъ въ себѣ времена самого Экбера Великаго. Сюда напримѣръ относятся историческiя монографiи, посвященныя правленiю этого замѣчательнаго государя; сюда относятся и общiе своды исторiи прежнихъ временъ. носящiе на себѣ печать того широкаго замысла. который вообще характеренъ для Экберовской эпохи.

Среди произведенiй богатой Экберовской исторической литературы мы остановимся только на самыхъ главныхъ.

„Экбер-намé" везиря Абульфезля, довед. до 1602 г.

Огромная трехтомная монографiя «Экбер-намé», посвященная исторiи Экбера Великаго (царств. 1556-1605), написана при жизни падишаха очень приближеннымъ къ нему лицомъ. Съ полной тщательностью, составилъ ее Абульфезль (род. въ Агрѣ 1551, уб. 1602), братъ поэта Фейзiя, первый министръ, задушевный другъ и довѣренный совѣтникъ Экбера, горячiй сподвижникъ-вдохновитель своего государя въ осуществленiи его идеаловъ.

Дѣятельность Абульфезля связывается не съ первой, а со второй половиной пятидесятилѣтняго царствованiя падишаһа Экбера, и какъ разъ съ тою порою, когда падишаһъ, добившись отъ улемовъ признанiя за государемъ первосвященническихъ правъ, поставилъ цѣлью создать въ государствѣ возвышенную, всепримирительную, всеобъединительную религiю, которая подъ своею любящею сѣнью собрала бы всѣхъ подданныхъ его, индусовъ ли, мусульманъ ли, да и вообще всѣхъ вѣрующихъ людей всего мiра. Конечно, мысль о примирительной религiи должна была возникнуть у Экбера не сразу, а подготовлялась годами. Не могъ онъ не ощущать злой розни даже среди мусульманъ, гдѣ какъ разъ въ XVI в. вражда между шiитами и соннитами достигла фанатичнаго обостренiя и влiяла на политику всего мусульман-

скаго востока (османской Турціи, Персіи, Средней Азіи), и сказывалась въ средѣ придворныхъ Экбера тоже. Мѣстные жители, туземцы-индусы, тоже давно окружали Экбера, и многіе умѣли ему внушить къ нимъ и уваженіе, и чувства глубокой симпатіи; состояли брагманисты и въ числѣ вельможъ при его дворѣ, заполняли они его войско и являлись его приближенными храбрыми и преданными хранителями-гвардейцами; да и любимая его жена была раджпутанка, которая справляла въ шахскомъ харемѣ богослуженіе по своимъ индійскимъ обрядамъ. Съ интересомъ принималъ Экберъ при своемъ дворѣ и исповѣдниковъ другихъ религій, въ томъ числѣ представителей старой славной религіи Ирана—парсовъ-зороастрійцевъ, которые нашли для себя мирное пристанище на Гуджератскомъ полуостровѣ, въ Бомбеѣ [1]). И когда въ концѣ 1570-хъ гг. у падишаһа явилось стремленіе примирить всѣхъ разновѣрцевъ, какъ братьевъ, въ лонѣ единой всеобъемлющей выспренней религіи, то, конечно, стремленіе это давно вынашивалось и зрѣло въ глубинахъ его души. Но какъ разъ въ 1570-ые годы двое братьевъ, Фейзій и Абульфезль, дѣти ученаго суфійскаго шейха-Мобарека, съ горячностью пришли государю на помощь въ его великой идеѣ,—и завистники утверждали, что они-то первые и внушили государю Экберу его «ересь».

Сначала въ число вельможъ Экберова двора попалъ старшій братъ, поэтъ Фейзі́й (род. 1547, ум. 1595), глубокій, вдумчивый талантъ, который въ исторіи художественной литературы великомогольской Индіи занимаетъ самое яркое мѣсто [2]); а затѣмъ, по рекомендаціи старшаго

---

[1]) Современные ученые парсы видятъ вдохновителей Экбера именно въ парсахъ. См работу Jivanji Jamshedji Modi The parsees at the court of Akbar, and dastur Meherji Rânâ—въ „Journal of the Bombay branch of the R Asiatic Society", т. 21 (=1903), стр. 69-245 Съ добавкою замѣтокъ Анкетиля дю-Перрона XVIII в объ Экберѣ и дестурѣ Меһерджи Рâнѣ, работа Моди издана и особою книгою подъ тѣмъ же заглавіемъ (Бомбей, 1903 Education Society press; 193 стр) Содержаніе ея популяризовала m-lle D. Menant· Les parsis à la cour d'Akbar, d'après l'ouvrage de J J Modi—въ „Revue de l'histoire des religions", т 50 (=1904), стр 39 52 Кромѣ того см. болѣе раннюю рецензію Senart'a на Моди въ „Comptes rendus" париж. Академіи Надписей 1903, стр. 647 сл. (Въ монографіи графа Noer'a „L'empereur Akbar", Лейд 1883-1887, о вліяніи парсовъ на Экбера сказано крайне бѣгло; см. т I, стр 314-315).

[2]) Само собою понятно, что ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы отведемъ Фейзію особую, обстоятельную главу Фейзій въ своей славѣ уступаетъ только эмиру Хосрову Деһлійскому XIII-XIV в.

брата, въ 1573 (=981) г., былъ принятъ къ Экберову двору и младшій братъ, молодой А б у л ь ф е з л ь, бывшій на девять лѣтъ моложе Экбера. Быстро вошедши къ государю въ милость и въ дружбу, возвысившись на должность верховнаго министра, онъ съумѣлъ не потерять своего значенія въ теченіи тридцати лѣтъ, до самой своей смерти. Абульфезль погибъ насильственно въ 1602 г., возвращаясь изъ похода противъ деканцевъ; отрядъ враговъ, который подстерегъ его и внезапно застигъ, былъ вѣроломно направленъ будущимъ преемникомъ Экбера, царевичемъ Селимомъ Джеһангиромъ; царевичу очень не нравилось неограниченное довѣріе его отца къ везирю.

Дѣятельный министръ, дѣятельный и полководецъ, Абульфезль былъ и очень образованнымъ литераторомъ; онъ и прозвище носилъ «ʻЭ л л á м і й»=«Эрудитный». Подобно брату, Абульфезль отдавалъ свои силы и художественной литературѣ и былъ въ этой области писателемъ незауряднымъ [1]). Какъ исторіографъ, онъ прославилъ себя огромной, обстоятельной монографіей про своего августѣйшаго друга, царствованіе котораго онъ вдохновлялъ.

«Э к б е р-н á м é»=«Книга про Экбера» составлена, какъ сообщаетъ авторъ-Абульфезль, по желанію самого Экбера Великаго. Предпринято ея написаніе послѣ 40 лѣтъ славнаго падишахскаго царствованія, и томъ I конченъ въ 1595 году: завершена она въ 1601-1602 г. Гибель составителя помѣшала продлить лѣтописаніе, и «Экбер-наме», кончаясь событіями 1601-1602 г., охватываетъ лишь 46 лѣтъ царствованія Экбера. Однако послѣ того падишахъ царствовалъ всего четыре года, и Абульфезлева «Экбер-наме» есть почти полная его исторія. Въ «Экбер-наме» три тома (или,—такъ какъ I томъ распадается на двѣ части,—четыре части). Д в а п е р в ы х ъ тома—подробнѣйшая исторія Экбера Великаго, съ изложеніемъ всѣхъ мелочей (до 1602 г.), причемъ Экберовой исторіи предпосланъ очеркъ исторіи предшественниковъ Экбера [2]).

---

[1]) Объ Абульфезлѣ, какъ художественномъ персидскомъ писателѣ, обрабатывателѣ индійскихъ темъ, и какъ о тонкомъ стилистѣ-„моншí", рѣчь будетъ въ отдѣлѣ художественной литературы

[2]) Такимъ образомъ въ т. I-мъ „Экбер-наме" содержится: а) часть 1-я, рожденіе и гороскопъ Экбера, родословная тюрковъ и Тимурова рода, исторія Бабура и Хомаюна; б) часть 2-я, исторія Экбера отъ его воцаренія до конца 17-го года его царствованія. Томъ II—продолженіе Экберова царствованія, отъ начала 18 года его правленія до 46-го.

Что касается тома III, то онъ имѣетъ самостоятельное значенiе и особо озаглавленъ: «А́ і н - и Э к б е р і́»=«Установленія Экбера»; это очеркъ Индiи при немъ, въ отношенiи не только администратигномъ и статистическомъ, но напр. и этнографическомъ (о вѣрованiяхъ индусовъ, и т. п.). Въ концѣ «А́iн-и Экберi» Абульфезль даетъ свою собственную автобiографiю.

При составленiи «Экбер-на́ме́», везирь-Абульфезль пользовался всевозможными оффицiальными документами, личными воспоминанiями государственныхъ дѣятелей (они ихъ нарочно письменно присылали для использованiя въ «Экбер-наме»), руководился и своими собственными личными воспоминанiями, а наконецъ—поправки и дополненiя давалъ составителю самъ падишахъ Экберъ, которому читались отдѣльныя главы для провѣрки, по мѣрѣ ихъ изготовленiя [1]).

Изданія.

Два первыхъ тома Абульфезлевой «Э к б е р - н а́ м е́» впервые отлитографированы было въ Лакнау 1284=1867, на счетъ Патъялскаго раджи. Это роскошное изданiе (три толстыхъ книги in 4⁰), къ сожалѣнiю, полно ошибокъ и пропусковъ [2]).—Другое, печатное изданiе озаглавлено: The Akbarnámah, with index of names of persons and geographical names occuring in the Akbarnámah, edit. by maulawi Abdur Rahim, Калькутта, 3 тт., 1877-1887 (въ серiи «Bibliotheca Indica»).

Третiй томъ, т. е. «А́ і н - и Э к б е р і́» критически издалъ (а ниже увидимъ—началъ критически и переводить) Х. Б л о х м а н н ъ: The Ain-i Akbari, persian text ed. by H. Blochmann, Калькутта 1867-1877 (668 стр., въ серiи «Bibliotheca Indica») [3]). Послѣ того вышло литогра-

---

[1]) Какъ это ни странно для такого интеллигентнаго человѣка, какимъ былъ Экберъ Великiй, но, повидимому, онъ всю свою образованность прiобрѣлъ исключительно устнымъ путемъ. Изъ записокъ его сына Джеhангира ясно вытекаетъ, что Экберъ былъ неграмотенъ. См. F. A de Noer: „L'empereur Akbar" т. I (Лейд. 1883), стр. 127-128. Объясняется это конечно тѣмъ, что Экберъ родился (окт. 1542) и получилъ дѣтское воспитанiе въ тѣ годы, когда отецъ его Хомаюнъ былъ изгнанъ изъ Индiи (1540-1555) и имѣлъ шаткое положенiе.

[2]) Срв. очень рѣзкiй отзывъ въ „History of India" Х. Эллiота, т. VI (1875), стр. 8-9. Рукопись Брит Музея, описанная у Рьё (т. I, 1879, стр. 248), мѣстами значительно отличается отъ литографированнаго изданiя.

[3]) Такъ-какъ H. Blochmann (род 1838, ум. 1878) жилъ и работалъ въ Индiи и писалъ все по-англiйски, то англичане, конечно, выговариваютъ его фамилiю

фированное изданіе «Аін-и Экбері» въ Кауннорѣ 1882 и въ Лакнау 1310=1893 (стр. 77 и 248 и 196 и 223).

Переводы.

Переводы, всѣ исключительно по-англійски, начали частично появляться гораздо раньше изданія персидскаго текста, болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Сперва была переведена имѣющая самостоятельное значеніе III часть:

1) Ayeen Akbery, or the institutes of the emperor Akbar, translated from the persian by Francis Gladwin, 4 тт.. (Калькутта 1772, 1783, 1786, 1792). Болѣе извѣстно двухтомное переизданіе 1800 (Лондонъ). Несмотря на неполноту Глэдуинова перевода и обиліе въ немъ ошибокъ, онъ переизданъ даже въ самыя недавнія времена: Ayeen Akbery, Fr. Gladwin's english translation, edited with occasional notes and an exhaustive index by Bâbu Jagadîs Mukherji, Калькутта 1898 (802 стр.).

2) D. Price: Chronological retrospect, or memoirs of the principal events of Mahommedan history, t. III, Лонд. 1820. Здѣсь даны извлеченія изъ начала «Экбер-наме», для эпохи между Тимуромъ и Экберомъ.

3) H. Elliot: History of India, т. VI (Л. 1875), стр. 1-102. Здѣсь, послѣ небольшого введенія о жизни Абульфезля и объ «Экбер-наме» (стр. 1-9), переведены очень обильныя извлеченія изъ «Экбер-наме», частію съ рукописи, частію съ текста Лакнаускаго изданія 1867 г., соотвѣтствіе со страницами котораго и указывается при переводѣ. Для введенія объ Абульфезлѣ, авторъ могъ ужъ пользоваться нижеслѣдующимъ переводомъ Блохманна:

4) Х. Блохманнъ и Х. С. Джарретъ: The Aín-i-Akbarí by Abul Fazl-i 'Allámi, transl. from the persian, 3 чч., съ указателемъ, Калькутта 1868-1907 (въ серіи «Bibliotheca Indica») H. Blochmann'у принадлежитъ переводъ только I части «Аін-и Экбері» (1868-1873, 7 выпусковъ, стр XXXVI и 678); но она у него превосходно обставлена въ научномъ отношеніи цѣнными примѣчаніями и экскурсами—и снабжена интереснымъ введеніемъ о жизни Абульфезля. Трудъ Блохманна имѣетъ донынѣ первостепенное значеніе для историковъ H. S. Jarrett довершилъ переводъ остального текста «Аін-и Экбері» (къ 1894), а

на англійскій ладъ: „Блочмэнъ". Но онъ былъ чистокровный нѣмецъ-дрезденецъ Хейнрихъ Блохманнъ. Некрологъ его см въ „Zeitschr. der Deutsch Morg. Ges", т. 33 (=1879), стр. 335-339.

указатель собственныхъ именъ составили W. Irwine и Lavinia Anstey (1907).

5) Х. Бевериджъ: The Akbarnama, translated from the persian by H. Beveridge—въ серіи «Bibliotheca Indica». Т. I. Кальк. 1897-1903 (стр. XXXII и 668 и 27). Т. II началъ выходить съ 1904 г. [1])

Абульфезлева «Экбер-на́ме́», какъ трудъ слишкомъ близко освѣдомленнаго современника, навсегда останется—несмотря на неизбѣжную авторскую субъективность—неоцѣнимымъ первоисточникомъ по исторіи Экбера Великаго. И въ Индіи эта монографія тотчасъ же послѣ своего появленія нашла передѣлывателей и дополнителей. Шейхъ-филологъ Ила́һда́дъ-Фейзій Сирһиндскій, ужъ послѣ того какъ онъ составилъ извѣстную намъ (стр. 184) украшенную редакцію Джогһеровыхъ «Мемуаровъ про Хомаюна», счелъ нужнымъ скомпилировать и свою «Экбер-наме́». Для этой цѣли онъ использовалъ «Экберовскій сводъ» своего современника Низамеддина (о которомъ еще будетъ рѣчь) и Абульфезлеву «Экбер-наме́». Разцвѣчивать кудреватый стиль Абульфезля, признаннаго стилиста-«монші», Илаһдаду Сирһиндскому не пришлось,—напротивъ, его собственный слогъ оказывается даже много проще, чѣмъ у Абульфезля. Кончаетъ свою «Экбер-наме» Ила́һда́дъ Сирһиндскій тамъ же, гдѣ кончается и Абульфезлевская монографія, т. е. на 1010=1601-1602 годѣ. Научнаго значенія эта компиляція почти никакого не имѣетъ [2]). Не имѣетъ особаго значенія и позднее, компилятивное «Пополненіе къ Экбер-на́ме́»=«Текмиле́-и Экбер-на́ме́», для тѣхъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Экбера, лѣтописать которыя не пришлось Абульфезлю въ силу неожиданной гибели (1602). Пополнитель—шейхъ ʻИна́йеталла́хъ Мохыбб-ʻАлій жилъ ужъ около полов. XVII в. (ум. 1671) и черпалъ изъ хроники, составленной ужъ при второмъ

---

[1]) Полностью у меня нѣтъ въ рукахъ этого II тома перевода „The Akbarnama" Бевериджъ; тотъ выпускъ (fasc. 6, Калькутта 1909), какой у меня имѣется, кончается 576 страницей.

[2]) Отрывки изъ этой „Экбер-наме" Илаһдада-Фейзія Сирһиндскаго переведены у Elliot'a: Hist. of India, т. VI (1875), стр. 117-146; рукопись Брит. Музея опис. у Рьё, т. I (1879), стр. 253; о рукописи India Office бѣглыя свѣдѣнія въ описаніи Этé, I (1903) стр. 112.

преемникѣ Экбера Великаго [1]). Использованная ʻИнайеталлахомъ хроника это «Иqба́ль-наме-и Джеhа́нгі́рі»=«Джеhангирова Книга удачъ». Джеhангиръ (1605-1627)—сынъ и преемникъ Экбера Великаго, и его исторія: «Книга удачъ» начинается, по обычаю, повѣствованіемъ о его предшественникахъ, преимущественно же о царствованіи непосредственно предыдущаго государя, Экбера Великаго [2]).

Экберовскіе своды общеисторическаго характера. „Лѣтопись за 1000 лѣтъ“ ок. 1585-1591. Появленіе сводныхъ исторій Индіи.

Во времена Экбера Великаго появились также цѣнные историческіе труды общаго характера.

На одномъ изъ нихъ, на коллективно составленной для падишаха Экбера «Лѣтописи ислама за 1000 лѣтъ»=«Та́рі́х-и Эльфі́», мы съ достаточной подробностью останавливались въ другомъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ общей персидской исторіографіи (стр. 78-80). Главная работа, доводящая трудъ до временъ Джингизъ-хана, упала на муллу-шіита Ахмеда Татскаго (уб. 1588); третью, т. е. заключительную часть свода дописалъ до событій 1589 г. полководецъ-историкъ Асафъ-ханъ; а окончательное редактированіе произвелъ тайный врагъ самого Экбера, ярый соннитъ (мы съ нимъ еще встрѣтимся) шейхъ ʻАбдалька́дыръ Бада́уній (1591). Впрочемъ, вновь здѣсь повторять все то самое, что ужъ было сказано про «Та́ріх-и Эльфі́», нѣтъ необходимости.

Остановимъ мы свое вниманіе на другихъ работахъ объединительнаго историческаго характера, хотя и не по всеобщей исторіи, какова «Таріх-и Эльфі́». Со временъ Экбера начинаются своды историческихъ свѣдѣній

---

1) Отрывки изъ „Текмиле-и Экбер-на́ме́“ Инайеталлаха переведены въ „Hist. of India“ Эллiота, т. VI (1875), стр. 103-115. Гораздо полнѣе и представляетъ крупныя отличія одноименная рукопись Брит. Муз., опис. Рье, т. III (1883), стр. 929, и другая въ Supplement (1895), стр. 52, авторъ которыхъ однако тоже названъ Инайеталлахомъ.

2) Хотя про „Иqба́ль-на́ме́ и Джеhа́нгі́рі“ нѣсколько словъ будетъ сказано въ дальнѣйшемъ изложеніи на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, все же мы отмѣтимъ и здѣсь, что у Эллiота (Hist. of India, т. VI, 1875, стр. 400-438) переведены изъ нея извлеченія, а у Рьё, п рс. рукоп. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 255, и т. III (1883), стр. 922-923, собраны свѣдѣнія объ авторѣ и его трудѣ.

по общей исторіи Индіи. Старѣйшій изъ нихъ такъ и окрещенъ именемъ Экбера. Это—«Тебеqáт-и Экберí»=«Экберовъ сводъ» 1593 г., вслѣдъ за которымъ полился при Экберѣ же цѣлый дождь другихъ общеиндійскихъ сводныхъ исторій съ ихъ наилучшимъ завершеніемъ: «Лѣтописнымъ сводомъ Фериштé» 1606-1609 г.

„Тебеqáт-и Экберí" Низамеддина, 1593.

Авторъ «Тебеqáт-и Экберí» — Низамеддинъ Ахмедъ Хератскій (1550-1594), потомокъ знаменитаго суфійскаго шейха Энсáрія, «старца Хератскаго» XI в. (1006-1088) [1]). Отецъ Низамеддина былъ придворный у падишáhа Бабура I, а молодой Низамеддинъ (род. 1550) занималъ при Экберѣ Великомъ (1556-1605) важныя военно-административныя должности. Съ дѣтства онъ, подъ вліяніемъ отца, увлекался историческимъ чтеніемъ и горевалъ, что, хотя разрозненныя исторіи отдѣльныхъ мѣстностей и династій Индіи есть, но нѣтъ общей исторіи всей страны, со временъ появленія здѣсь мусульманъ. Низамеддину было за 40, когда онъ самъ изготовилъ желательный ему и другимъ сводъ (1593) подъ заглавіемъ «Тебеqáт-и Экберí» (или «Экбершáhí»)=«Экберовъ сводъ», «Экберовы таблицы»; эта общая исторія Индіи иначе называется «Тарíх-и Низáмí»=«Низамеддинова исторія» [2]). Начинается она съ первыхъ мусульманскихъ государей Индіи газневидовъ X в., съ отца султана Махмуда Газневидскаго, а доведена до Экбера включительно; изложивши 38 лѣтъ его царствованія, лѣтопись обрывается (1593) на событіяхъ, случившихся незадолго передъ смертью автора (ум. 1594). Смерть Низамеддина, кстати сказать, своею преждевременностью сильно потрясла Экбера и весь дворъ.

Источники своей компиляціи Низамеддинъ указываетъ самъ. Это газневидскіе историки XI вѣка ʻОтбій и Гярдизій, всеобщій историкъ Мирхондъ XV в., всеобщій историкъ съ преобладающими интересами

---

[1]) Про Энсарія Хератскаго см. „Исторію Персіи", т. I, вып. 4 (1915), стр. 507-525.

[2]) Другъ Низамеддина Бадаоній (о которомъ далѣе идетъ подробное сообщеніе) эту исторію называетъ „Низáм эт-теварíх"=„Порядокъ лѣтописей". Названіе не изъ удобныхъ, потому что такъ вѣдь озаглавленъ и трудъ Бейдáвія 1275 г. (см. „Ист. Персіи", т. III, стр. 40).

деһлійско-индійскими Джőзджáній XII-XIII в. (авторъ «Насыровыхъ таблицъ»), и рядъ мѣстныхъ индустанскихъ хроникъ, среди которыхъ деһлійская «Фирузшаховская исторія» XIII в. была непосредственнымъ прямымъ продолженіемъ Джозджаніева свода [1]).

Обширная эта компиляція «Тебеqáт-и Экберí» служитъ основою для всѣхъ дальнѣйшихъ обработокъ по обще-индійской мусульманской исторіи; изъ Низамеддина черпаетъ его другъ Бадâоній, вскорѣ его обширно перерабатываетъ Ферищтé, и др. [2]).

Исключеніе въ смыслѣ независимости отъ Низамеддина, повидимому, представляетъ написанная годами тремя позже «'Абдальхаккова исторія»=«Тáріх-и Хаqqы́».

„Тáрîх-и Хаqqы" [1596] полигистора 'Абдальхакка Деһлійскаго съ ея продолженіемъ „Сливками лѣтописей" [1605] его сына Нурельхакка Мешрикыя.

«Абдальхаккова исторія»=«Тáрîх-и Хаqqы́» (еще иначе: «Зикр-эль-молю́к»=«Перечень государей») есть краткій общій очеркъ исторіи Индіи по всѣмъ областямъ, отъ временъ рабовъ Гуридскихъ нач. XIII в. до Экбера XVI в. Составленъ этотъ сводный очеркъ въ царствованіе Экбера

1] О Джозджаніи, покровительствуемомъ султанской династіей деһлійскихъ „рабовъ гуридскихъ" см. выше, стр 39-40. „Фирузшаһскую исторію", т е. сводъ, написанный для деһлійскаго султана Фирузшаха III [1351-1388, изъ династіи тоглукидовъ], составилъ деһліецъ Зіяэддинъ Баранскій; онъ продлилъ исторію деһлійскихъ султановъ какъ разъ съ того года, на которомъ остановился Джозджаній, т. е. съ 1266, и довелъ изложеніе до 1357 г., т. е. до начальныхъ лѣтъ царствованія тоглукида Фирузшаха. „Táрîх-и Фірузшáhî" издана въ серіи „Bibliotheca Indica" [Кальк. 1860-1862], а очень многое переведено у Элліота: „Hist. of India", т. III [1871], стр. 93-268; срв. 620-626. Тамъ же у Элліота [стр. 269-373] переведены извлеченія и изъ завершителя „Таріх-и Фірузшаһі", т. е. изъ Шемс-и Сирáджа 'Эфифа, дописавшаго къ труду Зіяэддина лѣтопись всего царствованія Фирузшаха.

2] У Х. Элліота: „History of India", т V [1873] см. стр 177-476 Тамъ, послѣ краткаго очерка жизни Низамеддина [стр. 177-183] и обзора содержанія „Тебеqáт-и Экбері" [стр 183-187; срв. то же и у Рьё, перс рук, т. I, 1879, стр 220 221] слѣдуетъ почти триста страницъ англійскаго перевода изъ „Тебеqáт и Экбері". Именно, полностью переведено царствованіе Хомаюна [стр 183-245] и царствованіе Экбера до 1593 г [стр. 246-476]. Персидскій текстъ „Тебеqáт-и Экберî" отлитографированъ въ Лакнау 1292=1875 [651 стр. in-folio].

въ 1596=1005 году шейхомъ 'Абдальхаккомъ ибнъ-Сейфеддиномъ Деhлійскимъ (род. 1551, ум. въ глубокой старости 1642).

Авторъ не просто историкъ. Онъ полигисторъ, набожнаго настроенія.

И дѣдъ и отецъ 'Абдальхакка были благочестивые дервиши, и самъ онъ, плодовитый писатель, авторъ сотни сочиненій, тоже былъ святой подвижникъ-суфій. Писательскую дѣятельность началъ еще смолоду, имѣлъ общеніе съ Абдалькадыромъ Бадаонскимъ, Фейзи и другими въ томъ же писательскомъ кругѣ [1]). Но самымъ важнымъ событіемъ для направленія всей литературной дѣятельности Абдальхакка, когда ему было подъ 40, оказалось путешествіе его въ 1588 году въ свв. города Аравіи, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, изучая у здѣшнихъ ученыхъ богословіе, хадисы, мѣстную исторію. У него и самого есть цѣнимыя толкованія на хадисы [2]), есть сочиненія по исторіи пророка Мохаммеда [3]), есть донынѣ охотно читаемая исторія и священная топографія города Медины [4]). Еще до того времени, когда онъ (1588) пріѣхалъ на богомолье въ свв. города, у него былъ вчернѣ подготовленъ жизнеописательный сводъ о святыхъ шейхахъ Индустана XIII-XVI в.: «Эхбáр эль-эхйáр»=«Исторія лучшихъ

1] Въ „Тáріх-и Бедá'уні" есть и біографическія свѣдѣнія про Абдальхакка, т. III, 113 [Кальк. 1869]

2] На общеупотребительный арабскій хадисный сводъ XIV в. „Мишкáт"= „Ниша для лампады" [о немъ см. у Броккельманна: „Gesch. der arab Litt." I, 1898, стр. 364] Абдальхаккъ далъ персидскія толкованія, которыя, въ 4 тт, изданы были въ Калькуттѣ и Хинсурѣ 1251-1259=1835-1843 [и еще] О рукописи Брит. Музея см. опис. Рье, т I, 1879, стр. 14.

3] Про комментарій [„шерх"] Абдальхакка на сводное житіе Пророка, составленное ок. 1401 г. лексикологомъ Фирузабадіемъ [Брокк., II, 1902, стр. 183], см. у Рье, перс. рукоп. Брит. Муз. I [1879], стр. 15, и III [1883] стр. 1077. Трудъ Абдальхакка: „Медáридж эн-нобоввет"=„Степени пророчества" литограф. въ Деhли 1271=1855 [2 тт., стр 536 и 719]; Лакнау 1283=1866.

4] Абдальхаккова исторія Медины „Джезб эль-qолюб"=„Привлеченіе сердецъ" издавалась въ Калькуттѣ [Elliot: „Hist of India", т. VI, 1875, стр. 176, сноска 5] и въ Лакнау 1282=1865, 1869. Авторъ началъ писать ее въ 1590-мъ г., въ Мединѣ же; закончилъ въ 1593 въ Деhли. Лѣтъ за десять передъ тѣмъ другой индіецъ, мекканскій мюфтій Котбеддинъ Наhравалій [въ 1577] составилъ историческій сводъ о памятникахъ Мекки, другого святого города; Наhравалій писалъ по-арабски, а не по-персидски.

людей»; побывавши въ Меккѣ онъ этотъ сводъ закончилъ (1591) [1]. Въ Меккѣ онъ встрѣтилъ, или узналъ по разсказамъ, тоже святыхъ шейховъ родомъ изъ Индіи,—и ихъ біографіи, по возвращеніи Абдальхакка на родину, обработалъ онъ въ особомъ сочиненіи (1594) [2] Да кромѣ того онъ потомъ составилъ общій обзоръ всѣхъ (и святыхъ, и несвятыхъ) деһлійскихъ писателей, отъ начала XIII в. до самого Абдальхакка, причемъ въ концѣ онъ приложилъ личную свою автобіографію и перечень своихъ сочиненій [3]; эта «Литературная исторія Деһли» была одна ужъ изъ старческихъ работъ шейха Абдальхакка [4].

И вотъ въ промежуткѣ между этими всѣми послѣ-пилигримскими сочиненіями и составленъ былъ вышеназванный политическій очеркъ прошлаго Индіи XIII-XVI в.: «ʻАбдальхаккова исторія»=«Тáріх-и Хаққы» въ 1596 году [5]. Изъ словъ составителя можно заключить, что онъ совсѣмъ не пользовался недавно изготовленной

1] Рукопись „Эхбáр эль-эхйáр“ описана у Рье, перс рук. Брит. Муз. I [1879], 355-356; у Этé India Office I [1903], ст. 265-266. Въ противность мнѣнію Эте, надо согласиться съ Рье, что мы знаемъ житія „Эхбáр эль-эхйáр“ уже въ переработанной редакціи, которую авторъ поднесъ Экберову преемнику Джеһангиру въ 1619 г

2] Біографіи свв. мекканскихъ индусовъ озаглавлены „Зáд эль-моттаqы́н“=„Дорожный припасъ для благочестивыхъ“. Рукопись Брит. Муз. опис. у Рье, т. I, стр. 356.

3] Отрывки изъ этой „Литературной исторіи Деһли“, какъ ее называетъ Элліотъ [„Hist. of India“ VI, 1875, стр. 183 : 10], переведены Элліотомъ въ т. VI, стр. 483-492; тутъ включены и сообщенія самого Абдальхакка про свою литературную дѣятельность; срв. краткія замѣчанія у Рье, перс. рукоп. т. I (1879), стр. 355 б, внизу, и т. III [1883] стр 1011. № 1696. Въ автобіографіи Абдальхакка не надо усматривать хвастливости. Она чрезвычайно скромна, если мы ее сравнимъ съ автобіографіями другихъ [арабскихъ] суфіевъ-полигисторовъ XVI в.: Соютыя [ум. 1505] и Шяʻрáнія [ум. 1565].

4) Царствующимъ падишаһомъ названъ въ деһлійскихъ біографіяхъ Джеһангиръ [1605-1627].

5) „Про Абдальхаккову исторію“ см. у Элліота „Hist. of India“, т. VI (1875), стр 177-181, причемъ данъ переводъ изъ послѣднихъ страницъ книги, говорящихъ о возшествіи Экбера Великаго на престолъ и о невозможности достойно описать побѣды и мудрое правленіе этого „всемогущаго царя царей“. О рукописяхъ Брит Музея—описаніе Рье, т I (1879, стр 223 224; Бодлеевскаго книгохранилища—опис. Этé (1889), столб. 107-110 [довольно подробно, въ противность постоянному обычаю Этé].

обработкой Низамеддина (1593, «Тебеqáт-и Экберí»), а черпалъ прямо изъ гуридско-мамлюкскаго свода Джозджанія XIII в. съ его тоглукидскимъ продолженіемъ «Tápîx-и Фірузшáhí» XIV в., для событій же дальнѣйшаго времени до половины XV вѣка—изъ одной мѣстно-династической индійской (именно гуджератской) хроники [1]); наконецъ для періода отъ полов. XV в. (отъ шаха-Беhлюля Лодія, 1451-1488) до временъ Экбера Абдальхаккъ пользовался и устными преданіями, и собственными наблюденіями.

Въ «Абдальхакковой исторіи» былъ сознаваемый самимъ составителемъ тотъ изъянъ, что она во-первыхъ коротка, а во вторыхъ—мало въ ней сказано о царствованіи Экбера [2]). Поэтому съ согласія составителя, вѣрнѣе даже по порученію его, дополнилъ его книгу сынъ его и включилъ въ нее все царствованіе Экбера полностью. Этотъ сынъ шейха Абдальхакка—Нурельхаккъ Машрикый (род. ок. 1575, ум. престарѣлый 1662). Своей переработкѣ онъ далъ трафаретное заглавіе: «Сливки лѣтописей»=«Зобдет эт-теварíх» [3]). Свѣдѣнія о царствованіи Экбера онъ черпалъ изъ Абульфезлевой «Экбер-наме» (1595-1602) и изъ собственныхъ наблюденій и впечатлѣній. Когда Нурельхаккъ приступилъ къ своей работѣ, то, выходитъ изъ предисловія, падишахъ Экберъ (1556-1605) былъ еще на тронѣ и, значитъ, доживалъ свои послѣдніе годы; но довести свое повѣствованіе въ «Сливкахъ лѣтописей» пришлось Нурельхакку вплоть до самой смерти Экбера и до вступленія на падишахскій престолъ Индіи Джеhангира, т. е. до 1605 года включительно [4]).

Про религіозную реформу Экбера Нурельхаккъ говоритъ безъ раздраженія, спокойно, терпимо. Такимъ образомъ и онъ, какъ и его отецъ, и какъ Низамеддинъ и другіе исторіографы Экбера, не пытается рисовать

[1]) Ея заглавіе—„Tâpîx-и Беháдуршáhі“, по имени гуджератскаго государя Беhадуръ-шаха, которому она посвящена.

[2]) Въ Бодлеевской рукописи (опис. Этé, Оксф., 1889, столб. 107) на 310 листовъ отведено Экберу 6.

[3]) Подобное заглавіе: „Сливки лѣтописей“ мы уже встрѣчали у Абдаллаха Кашанскаго XIII-XIV в. (см. выше, стр. 47), у Хафиза-Эбру XV в. (см. стр. 56-59).

[4]) О Нурельхакковыхъ „Сливкахъ лѣтописей“ см. Elliot: „Hist. of India“, т. VI (1875), стр. 182-194, съ переводомъ отрывковъ, относящихся и къ болѣе старому періоду, и къ Экберу XVI в. О рукоп. „Зобде“ Брит. Муз. описаніе Рьё т. I (1879), стр. 224-225, и т. III (1883), стр. 906; о рукоп. India Office описаніе Этé (1903), ст. 112-113.

царствованія Экбера въ отрицательномъ, невыгодномъ для Экбера духѣ. Тѣневую сторону Экберовой эпохи удобно извлекать изъ нетерпимаго историка Абдалька́дыра Бадаонскаго.

Хулитель Экбера Абдалька́дыръ Бадаонскій (1541-1615)

'Абдалька́дыръ Бада́онскій (род. ок. 1541, ум. 1615) уже встрѣчался намъ какъ одинъ изъ редакторовъ коллективной Экберовой «Лѣтописи за 1000 лѣтъ»=«Та́ріх-и Эльфі́» (1585-1591) [1]. Но онъ типиченъ, собственно, какъ авторъ общей исторіи Индіи въ связи съ литературой ея: «Выборка изъ лѣтописей»=«Монтехеб эт-тева́рі́х», иначе «Та́ріх-и Беда́'у́ні»=«Бадао́ніевская лѣтопись»; довелъ онъ ее до 1596 г. [2]).

Эта «Таріх-и Беда́уні» распадается на три тома: т. I—исторія мусульманскихъ государей Индіи отъ Себоктегина Газневидскаго X в. до кончины великаго могола Хомаюна; т. II—исторія Экбера (до 1596, т. е. за 40 лѣтъ его царствованія); т. III—жизнеописанія выдающихся людей въ дни Экбера: святыхъ (38 мужей), ученыхъ (69), врачей (15), стихотворцевъ (153 человѣка). При этомъ Бадаоній помѣщаетъ образцы творчества поэтовъ, изъ ихъ «дивановъ».

Хотя самъ Бада́оній признаетъ свою «Выборку изъ лѣтописей» за простое сокращеніе недавно составленныхъ «Тебеqа́т-и Экбері́» своего друга Низамеддина, но утвержденіе Бадаонія не совсѣмъ правильно. Во 1-хъ онъ, хорошій ученый и лингвистъ, могъ черпать и изъ другихъ источниковъ (онъ и самъ говоритъ, что кое-въ-чемъ дополнялъ Низамеддина); а во 2-хъ (и это самое существенное) Бадаоній въ факты, почерпнутые изъ объективнаго Низамеддиновскаго изложенія, вноситъ свое собственное освѣщеніе, свое толкованіе, сплошь да рядомъ тенденціозное. Онъ былъ ревностный соннитъ, притомъ богословъ-мулла, и въ душѣ питалъ большое озлобленіе противъ религіозной дѣятельности ново-

---

[1]) См. „Исторію Персіи" т. III, стр. 78-79. Тамъ и библіографія.

[2]) Мы отмѣчали на стр. 79 въ числѣ прочей библіографіи, что „Таріх-и Беда'уні" издана въ „Bibliotheca Indica" 1864-1869, 3 тт. (съ біографіей Бадаонія) и что тамъ же печатался переводъ Леве (1884-1889) и Ренкинга (1895-1899). Большія извлеченія изъ исторіи Экбера и окружающихъ переведены у Элліота: Hist. of India, т. V (1873), стр. 482-549.

явленнаго пророка, падишаха Экбера, и его придворныхъ-единомышленниковъ. Наружно мулла Бада́бній долженъ былъ съ ними ладить, поддерживать очень дружественныя отношенія, считался пріятелемъ-сверстникомъ Экберова любимца Абульфезля и другого брата, поэта Фейзія, помогалъ имъ исполнить возложенную на нихъ Экберомъ задачу—перевести на персидскій языкъ индійскія эпическія поэмы «Р а́ м а́ я н у» и «М а һ а́ б һ а́ р а т у» (Бада́бній зналъ санскритъ). Все это онъ дѣлалъ.....,—а въ своей «Выборкѣ изъ лѣтописей» онъ саркастически говоритъ и объ Абульфезлѣ и о Фейзіѣ, аттестуетъ ихъ какъ невѣрныхъ. Не щадитъ онъ и самого падишаһа Экбера, отъ щедротъ котораго попользовался; правда, о государѣ онъ не рѣшается писать такъ рѣзко, какъ о придворныхъ. Для насъ, положимъ, эта Бада́бніевская враждебная тенденціозность по-своему интересна и исторически-пригодна: она—противовѣсъ и коррективъ къ той абсолютно хвалебной исторіи Экбера и его религіознаго реформаторства, какую мы имѣемъ въ трудѣ Экберова любимца Абульфезля: «Экбер-на́ме́».

Повидимому, «Та́рі́х-и Беда́у́ні» предназначалась Бадаоніемъ для чтенія потомства, а не для немедленнаго опубликованія: авторъ держалъ ее подъ спудомъ до самой смерти (1615). Ужъ послѣ того она (т. е. не раньше 1615 г.) стала извѣстна другимъ. Извѣстіе о ея существованіи дошло и до Экберова преемника, падишаһа Джеһа́нги́ра (1605-1627), и на допросъ къ нему вытребованы были сыновья покойнаго Абдалька́дыра Бадаонскаго. Они божились, что ничего про такой трудъ своего отца не знаютъ, и дали подписку, что въ случаѣ нахожденія у нихъ списка они должны понести наказаніе. Они были отпущены.

Бѣглое замѣчаніе о рядѣ другихъ Экберовскихъ исторіографовъ.

Мы обойдемъ молчаніемъ историческіе своды многихъ другихъ исторіографовъ Экберовскаго круга, хотя среди нихъ найдется еще не одинъ, пользующійся больши́мъ уваженіемъ у индустанскихъ историковъ. Ограничимся голымъ упоминаніемъ именъ трехъ составителей, изъ числа старыхъ слугъ Экбера, которые въ своихъ трудахъ компилятивно сочетали исторію всеобщую (библейскую, сасанидскую, халифатскую, персидскую) съ общей исторіей Индіи до Экбера включительно, т. е. съ одной стороны примыкаютъ къ Мирхонду XV в. и къ «Лѣтописи за тысячу лѣтъ», а съ другой стороны—къ индійскимъ Экберовскимъ сводамъ Низамеддина, Абульфезля и др.

Эти три компиляціи:

а) «М е д ж а́ м и' эль - э х б а́ р»=«Собраніе повѣствованій», отъ Адама до 1000=1592 г. Авторъ—Мохеммедъ-шерифъ Хосейній Воҁу́ій, который, по его же словамъ, вторично поступилъ на службу къ Экберу въ 1590-мъ г. [1]).

б) «Р о в з е т эт - т а́ h и р і́ н»=«Садъ чистыхъ», пис. въ 1603-1607, «a general history, much esteemed in the East», по характеристикѣ одного изъ европейскихъ описателей [2]). Авторъ—Экберовъ сановникъ Та́hиръ-Мохеммедъ Себзеварскій, начавши повѣствованіе отъ созданія міра, довелъ исторію до конца жизни Экбера.

в) «Э х с е н эт - т е в а́ р і́ х»=«Лучшая изъ лѣтописей» отъ Адама до времени преемника Экбера, конч. въ 1610 году. Сановный авторъ—пришедшій въ Индію къ Экберу изъ Персіи Хасанъ эль-Ха́кі́й Ширазскій; по его словамъ, онъ успѣлъ составить свой сводъ, собственно, еще при Экберѣ, и лишь завершилъ и пополнилъ его послѣ Экберовой кончины [3]).

Минуя всѣ прочія исторіографическія явленія Экберовыхъ временъ, прямо перейдемъ къ самой знаменитой, къ самой общеизвѣстной, къ самой исчерпывающей исторіи мусульманскаго владычества въ Индіи отъ первыхъ временъ исламскаго вторженія до послѣднихъ дней Экбера—къ исторіи Ф е р и ш т е́.

Та́ріх-и Фериште́, 1606-1609.

Ф е р и ш т е́ (Мохеммедъ Ка́сымъ Хинду́-ша́hъ Астрабадскій) родился ок. 1553 г. въ прикаспійской Персіи, въ г. Астрабадѣ, но въ дѣтствѣ былъ увезенъ отцомъ въ Индію. Только, поѣхали они не въ

[1]) Рукопись „Меджа́ми' эль-эхба́р" есть въ India Office; опис. Эте́, I (1903), столб 42-43.

[2]) именно Эте́ въ его описаніи перс. Бодлеевскихъ рукописей (Оксф. 1889), столб. 46-48. Про „Ровзет эт-та́hирін" см. и у Рьё, перс. рукоп. Брит. Муз., I (1879), стр. 119-121. Выборки по-англійски у Элліота: History of India, т. VI [1875], стр. 195-200.

[3]) Про „Эхсен эт-тева̂ріх" [она же имѣетъ другое, тоже трафаретное, заглавіе: „Монтехеб эт-тева́ріх"] см. у Элліота, т. VI [1875], стр. 201-206, и у Рьё, перс. рукоп. Брит. Муз., т. III [1883], стр. 886-887.

имперію великихъ моголовъ, а въ Деканъ, т. е. Индію южную, гдѣ и при Экберѣ Великомъ продолжалъ самостоятельно или почти самостоятельно существовать рядъ удѣльныхъ мусульманскихъ владѣній, со своими особыми мѣстными династіями [1]). Однимъ изъ такихъ государствъ, близкимъ къ собственно великомогольскому, было низамъ-шахское (1490-1599) съ г. Ахмеднагаромъ. Тамъ правилъ тогда низамъ-шахъ Мортеза̂ (1565-1588), и при дворѣ этого владѣтеля и устроился отецъ Фериште, на должности наставника и преподавателя персидскаго языка для наслѣдника-царевича. Отецъ вскорѣ умеръ, и сирота-Фериште́ воспитался при низамъ-шахскомъ дворѣ какъ одинъ изъ приближенныхъ; шіитство свое онъ сохранилъ. Усобицы и перевороты въ Ахмеднагарѣ 1588-1589 г. заставили Фериште́ искать себѣ счастья при другомъ удѣльномъ дворѣ. До сихъ поръ онъ былъ преимущественно военный—такъ и дальше ему пришлось искать карьеры военной же, и не сразу ему удалось примѣнить свое общее образованіе; а Фериште имѣлъ образованіе достаточно разностороннее (онъ зналъ даже медицину, какъ видно изъ оставленнаго имъ сочиненія про индусское врачеваніе: «Руководство для врачей»=«Дестур эль-этыбба́») [2]). Покинувши полный смутъ Ахмеднагаръ, Фериште направился во владѣніе ʿадиль-шаховъ (тоже сосѣднее съ великомогольскимъ), въ г. Биджапуръ, гдѣ государемъ былъ адиль-шахъ Ибраһимъ II (1579-1626). Первую аудіенцію у адиль-шаха получилъ Фериште тогда же, въ 1589 г., но надлежащимъ образомъ устроился при дворѣ Биджапурскомъ развѣ года четыре спустя, т. е. послѣ 1593 г.

Въ этомъ 1593 году вышелъ трудъ Низамеддина по общей исторіи Индіи: «Экберовскій сводъ», и адильшаху-Ибраһиму онъ очень не понравился: Ибраһимъ находилъ эту сводную исторію и слишкомъ короткой, и очень несовершенной, особенно по отношенію къ областямъ Индіи южной. И вотъ Ибраһимъ возложилъ на Фериште порученіе—составить правильный сводъ исторіи Индіи, устранивши тѣ недостатки, какіе есть въ Низа-

[1]) Объединилъ всю Индію, какъ извѣстно, лишь Ауренгзибъ [1659-1707]

[2]) Описаніе рукописи Брит. Музея „Дестур эль-этыбба̂" Фериште́ см. у Рьё, Supplement [1895], стр 113-114. Въ своемъ предисловіи Фериште говоритъ что онъ перечиталъ и мусульманско-медицинскія сочиненія, а ужъ потомъ обратился къ индусскимъ и, плѣненный ихъ надежностью, предлагаетъ въ своей работѣ самую суть индійской медицины.

меддиновомъ сочиненіи За образецъ шахъ поставилъ Мирхондову всеобщую исторію: «Ровзет эс-сефá», составленную сто лѣтъ тому назадъ, и даже подарилъ Ферище рукопись Мирхондова творенія изъ своей библіотеки. Ферище къ 1606 (=1015) году справился съ порученіемъ и поднесъ Ибраһиму составленную въ желательномъ для того подробномъ изложеніи свою знаменитую исторію мусульманъ въ Индіи. По имени царственнаго мецената она озаглавлена была: «Ибрагимовскій розовый цвѣтникъ»=«Гольшен-и Ибраһімі», но обычное ея у всѣхъ названіе— «Таріх-и Фериштé»=«Исторія Ферище». Это названіе одинаково примѣняется и ко второй редакціи этого труда, которую авторъ сдѣлалъ три года спустя (1609), внесши кое-какое легкое измѣненіе въ распредѣленіе матеріала, и которую онъ озаглавилъ: «Новрес-нáмé», или точнѣе: «Тáріх-и Новрес-нáмé» (1609=1018); Новресъ—имя новой резиденціи адильшаха Ибраһима. Вторую эту редакцію (т. е. «Новрес-нáмé») Фериштé и впослѣдствіи продолжалъ пополнять сообщеніями о дальнѣйшихъ событіяхъ индійской исторіи; самое позднее изъ такихъ сообщеній относится къ 1624 году [1]).

Отсюда слѣдуетъ, что и авторъ умеръ не раньше 1624 года, въ возрастѣ свыше семидесяти лѣтъ. Съ точностью годъ смерти Ферище не извѣстенъ, и гдѣ онъ умеръ—не извѣстно. Извѣстно только, что въ томъ же 1606 году, когда Ферище поднесъ Ибраһиму-адильшаху свою исторію, онъ имъ былъ посланъ съ посольствомъ къ новому великому моголу, преемнику Экбера (ум. 1605) Джеһангиру, резидировавшему тогда въ Лаһорѣ; со временъ Экбера Великаго адильшахское государство признавало надъ собой верховный авторитетъ великихъ моголовъ,—и, по всему вѣроятію, адильшахское посольство должно было выразить скорбь о кончинѣ Экбера и принести покорныя, или дружественныя, поздравленія его преемнику.

Распадается «Исторія Ферище» на введеніе («моqаддиме»), 12 книгъ, или отдѣловъ («меqáлáт»=статьи) и заключеніе («хáтиме»). Въ основѣ у Ферище остался сводъ «Тебеqáт-и Экбері» Низамеддина Хератца 1593, и судьбы главныхъ династій изложены приблизительно въ томъ же по-

[1]] См. бомбейское литогр. изд. „Таріх-и Ферище" т. II [1832], стр 568 [смерть Беһадуръ-хана Фâрукыя].

рядкѣ, какъ у Низамеддина—только со вставками, конечно. Въ изложеніи судебъ меньшихъ областей порядокъ у Фериште другой.

Введеніе. Доисламская (вполнѣ легендарная) исторія Индіи и первое появленіе здѣсь мусульманъ (=т. I, стр. 5-30) [1]).

Книга I. Газневиды (962-1187) въ качествѣ султановъ Лаһора (=т. I, стр. 31-91).

Кн. II. Деһлійскіе султаны, съ нач. XIII в. (отъ гуридовъ или, вѣрнѣе, отъ гуридскихъ рабовъ-мамлюковъ) до Великихъ Моголовъ XVI в. съ Экберомъ включительно (=т. I, стр. 92-517).

Кн. III. Государи Декана, т. е. южной Индіи—въ шести подраздѣленіяхъ: 1) Баһмениды Кульбаргскіе (1347-1526);—2) ʻАдиль-ша́хи Биджа́пу́рскіе (1489-1686) [2]);—3) Низа́мъ-ша̂хи Ахмеднагарскіе (1490-1599);—4) Кутбъ-шахи Тилинiскіе, или Голкондскіе (1512-1687);—5) ʻИма̂дъ-ша̂хи Бера̂рскіе (1484-1572);—6) Бери́дъ-ша́хи Бидерскіе (1492—ок. 1609).=Т. I, стр. 518-730, и т. II, стр. 1-349. Относительно трехъ послѣднихъ династій, Фериште жалуется, что письменныхъ источниковъ про нихъ трудно достать.

Кн. IV. Гуджера́тскіе султаны (1396-1572) со столицей Ахмедабадомъ—на полуостровѣ къ сѣв. отъ Бомбея (=т. II, стр. 350-460).

Кн. V. Государи Ма́львы (1401-1530) въ раджпутской области, со столицей Манду́,—подъ конецъ завоеванной гуджератскими султанами (=т. II, стр. 460-541).

Кн. VI. Фарукиды Ха̂ндешскіе (1399-1600), сосѣди Гуджератцевъ, со столицей Бурһанпуромъ; вассальны Экберу Великому съ 1562 г. (=т. II. стр. 541-568).

Кн. VII. Бенгальскіе султаны (1202-1576) со включеніемъ т. н. «царей востока» въ Джаунпурѣ (1394—ок. 1507)=т. II, стр. 568-603.

Кн. VIII и кн. IX. Правители Синда, Татты и Мультана,— областей, завоеванныхъ еще омейядами, потомъ— Мохаммедомъ Гуридомъ въ концѣ

[1]] Указаніе на томы и страницы сдѣлано примѣнительно къ бомбейскому изданію 1831-1832 г.

[2]] Само собой понятно, что исторія адильшаховъ, продолжавшаяся и послѣ смерти Фериште, не доведена имъ до конца династіи.

XII в. Сюда входятъ также (именно въ отдѣлѣ IX) Самаганы, или земиндары Синдскіе, династія Джамская и Аргунская, султаны Мультанскіе (=т. II, стр. 625-639).

Кн. X. Цари Кашмирскіе, 1334-1587 (=т. II, стр. 640-700).

Кн. XI. Про Малабаръ (западный берегъ Индустанскаго полуострова) и его правителей (=т. II, стр. 700-710).

Кн. XII. Индійскіе святые, съ ихъ пресловутыми чудесами (=т. II, стр. 710-786).

Заключеніе. Описаніе Индіи: климатъ, географія, перечисленіе помѣстныхъ раджей (=т. II, стр. 786-892).

Если Экберовскій сводъ Низамеддина 1593 и облегчилъ Фериште его задачу, все же ему пришлось очень и очень много поработать, чтобы дать въ своей компиляціи исчерпывающую исторію Индіи. Фериште говоритъ въ предисловіи, что онъ почерпнулъ матеріалы изъ 35 лѣтописей или хроникъ, и перечисляетъ ихъ; однако изъ чтенія видно, что онъ привлекалъ къ дѣлу еще и другія сочиненія, кромѣ перечисленныхъ [1]). И ничего существеннаго, ничего интереснаго онъ не упустилъ; всякій мало-мальски характерный фактъ прошлаго—у него въ его сводку включенъ. И пока не будутъ изданы въ свѣтъ старѣйшіе первоисточники персидско-индійской исторіи, компиляція Фериште часто будетъ имѣть цѣну не только для обыкновеннаго читателя, но и для изслѣдователя. Для наглядности можно указать Ф. Вилькена: «Historia Gasnevidarum» (Берл. 1832), которая представляетъ собою критическій переводъ соотвѣтствующаго Мирхôндова отдѣла о газневидахъ X-XI в. (завоевателѣ Махмудѣ Газневидскомъ и др.). Вилькенъ, для дополненія, привелъ изъ Фериште про газневидовъ все то, чего нѣтъ у Мирхонда,—и оказывается, что такимъ образомъ печатно на свѣтъ извлечены тѣ свѣдѣнія, какія сообщаетъ сводъ «Джâми' эль-хикáйâт» Овфія (до 1236 г.), до сихъ поръ не изданный. Правда, что съ такимъ же успѣхомъ Вилькенъ могъ-бы взять и не Фериште, 1606-1609, а Низамеддина 1593.

---

[1]] Положимъ, трудно разобрать, гдѣ черпаетъ онъ изъ первоисточника и гдѣ изъ вторыхъ рукъ, изъ какой-либо сводной компиляціи. Срв. напр. списокъ пособій, данный въ предисловіи къ своду Низамеддина—и списокъ Фериште. Объ этомъ у Рье, перс рукоп. Брит Муз. I [1879], стр. 220-221 [перечень источниковъ Низамеддина] и въ статьѣ Моля про Фериште въ „Journal des Savants" 1840, стр. 220-224.

Укажемъ библіографію, причемъ заранѣе подчеркнемъ, что полный переводъ Бриггса (1829; переизд. 1908-1910) напечатанъ былъ раньше изданія персидскаго текста.

Изданія текста.

Отлитографирована «Та́ріх-и Ферnamte», or history of the rise of mahomedan power in India till the year A. D. 1612 (Бомбей и Пуна, 1831-1832) по рукописи, приготовленной для Бриггса, подъ наблюденіемъ миръ-Хейрета Алихана Моштáка. Это два тт. in-folio (стр. 730 и 892) [1].— Безъ измѣненій переиздалъ эту литографію Неваль-Кишоръ въ Лакнау 1281=1864, 2 тт. (стр. 376 и 420). Кажется, было его же изданіе въ Каунпурѣ 1290=1873.

Переводы и другая библіографія.

Фериште былъ однимъ изъ первыхъ историковъ на персидскомъ языкѣ, заинтересовавшихъ Европу, и по частямъ онъ переводился еще въ XVIII в.,—именно:

1) History of Hindoostan, from the earliest account of time to the death of Akbar, translated from the persian of Mahummud Casim Ferishta. Together with a dissertation concerning the religion and philosophy of the brahmins and with appendix containing the history of the Mogul empire in India, by Alexander Dow. 2 тт. Лонд. 1768. Переводъ Доу (изъ I-II книгъ Фериште) очень воленъ и не всегда вразумителенъ, но онъ имѣлъ огромный успѣхъ. Переизданія въ 3 тт. Лонд. 1770-1772; Лонд. 1792; 4-е изд. Лонд. 1813. Добавочный 3-й томъ— не изъ Фериште и посвященъ XVII вѣку до Аурензиба-Міропокорителя включительно.

2) James Anderson перевелъ Малабарскую исторію—въ «Asiatic Miscellany» 1786. Это ужъ изъ конца свода. А прямымъ продолженіемъ къ переводу Доу было:

3) History of Dekkan from the first muhummudan conquests.....—and the history of Bengal from the accession of Aliverdee Khan to the year 1780, by Jonathan Scott. 2 тт., in 4°, Шрусбери 1794 (и въ Лондонѣ тоже). Только I томъ взятъ изъ Фериште (=кн. III), а т. II, посвященный блестящему царствованію объединителя Индіи Аурензиба XVII-XVIII в. и дальнѣйшей картинѣ упадка, къ Фериште не можетъ, конечно, относиться.

4) Изъ X книги о Кашмирѣ, небольшой отрывокъ перевелъ Ч. Стьюартъ въ приложеніи къ своему описанію рукописей Типпу-султана: «A descriptive catalogue of the

[1] См. оглавленіе ихъ у насъ выше, стр. 203-204.

oriental library of the late Tippoo Sultan of Mysore», Кембриджъ 1809, стр. 259.

Всѣ эти частичные переводы навсегда затьмилъ полный переводъ (или условно полный) ген. Бриггса, озаглавленный:

5) History of the rise of the mahomedan power in India till the year 1612, translated from the original persian of Mahomed Kasim Ferishta, by J. Briggs, to which is added an account of the conquest, by the kings of Hyderabad, of those parts of the Madras provinces denominated the Ceded Districts and Northern Circars, with copious notes. 4 тт. Лонд. 1829 (новое переизданіе, 4 тт., Калькутта 1908-1910). Какъ видно даже изъ заглавія, Бриггсъ при своемъ переводѣ далъ и примѣчанія (очень дѣльныя) и дополненія; онъ напр. добавилъ порядочный отдѣлъ про Голкондскихъ государей, про войны португальцевъ въ Деканѣ, и т. п. Тѣмъ не менѣе, есть у Бриггса и пропуски. Совершенно не переведена кн. XIII объ индійскихъ святыхъ факирахъ-дервишахъ, характерная если не въ историческомъ, то въ бытовомъ отношеніи; а кромѣ того часто дѣлаются пропуски и въ переводимомъ текстѣ, напр. очень много—во введеніи Фериште про домусульманскую Индію, и т. п. Къ довершенію неудобства, персидскій оригиналъ, которымъ пользовался Бриггсъ, былъ не вторая, а первая редакція, лишенная тѣхъ дополненій, какія самъ авторъ внесъ во вторую свою редакцію. Наконецъ, очень сбивчива, иногда же и вовсе неправильна транскрипція собственныхъ именъ, приноровленная къ англійскому произношенію латинскихъ буквъ (напр. Masaood, Alla-ood-deen, Aboonusr, Turjooma Yemni = Мас'удъ, Алауддинъ, Абу-Насръ, Терджоме-и Йеміні).

6) На этомъ основаніи Хаммеръ въ Wiener Jahrbücher der Literatur, LI, стр. 36-58, жестоко напалъ на переводъ Бриггса, совершенно упуская изъ виду положительныя его стороны [1]).

7) F. Wilken въ Historia Gasnevidarum (Берл. 1832), представляющей собою изданіе текста и перевода изъ Мирхондовыхъ «Садовъ чистоты» XV в., переводитъ много мѣстъ изъ Фериште вновь съ оригинала, не считаясь съ переводомъ Бриггса [2]). Въ это время былъ ужъ изданъ персидскій текстъ «Таріх-и Фериште» (1831-1832).

8) Jules Mohl въ своей большой статьѣ о Фериштé въ «Journal des Savants» 1840 (212-226, 354-372,

[1]) Образцы полемики Хаммера см. у Эллiота: Hist of India, т. VI (1875), стр. 214-216.

[2]) Срв. выше, стр. 204 и стр. 66.

392-403), въ противность Хаммеру, отнесся къ Бриггсову переводу съ полной снисходительностью. Главный предметъ статьи Моля—самъ Ферište, его біографія,—и наука съ тѣхъ поръ, собственно, дальше Моля въ этомъ вопросѣ не пошла.

9) H. Elliot: History of India, as told by its own historians, т. VI (Лонд. 1875). На стр. 207-218 введеніе про Ферište и про его «Târîx»; на стр. 218-236 Бриггсовскій переводъ отрывковъ про Махмуда Газневидскаго XI в., про Фирузшаха-Тоглука XIV в. (переводъ не Бриггсовскій), про деканскихъ Баhменидовъ XIV-XVI в., одного изъ низамшаховъ XVI в. и одного изъ гуджератскихъ царей. Въ концѣ тома на стр. 532-569 редакторъ Dowson приложилъ переводъ введенія о доисламской Индіи: «Introduction to Firishta's history», которое у Бриггса переведено было далеко не полностью. Въ общемъ, несмотря на свою критику сознаваемыхъ изъяновъ Бриггса, «History of India» беретъ его подъ свою защиту противъ Хаммеровыхъ нападокъ.

10) Rieu, въ опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 225-228, резюмируетъ статью Моля (1840) и Элліота (1875) и, признавая вмѣстѣ съ ними неоспоримое значеніе за переводомъ Бриггса, въ мягкой формѣ все же находитъ въ немъ тѣ самые недостатки, что и Хаммеръ.

Фактъ новѣйшаго переизданія Бриггсова перевода Ферište (Калькутта, 1908-1910) наглядно свидѣтельствуетъ, что мириться съ нимъ можно. Но еще проще дѣло объясняется достоинствами самого труда Ферište: самая удобная книга для ознакомленія съ исторіей исламской Индіи въ ея цѣломъ—есть Ферište.

в) Послѣ-Экберовская историографія.

Ужъ не съ такимъ широкимъ замысломъ и размахомъ, какъ при Экберѣ Великомъ, историографія въ Индіи культивировалась послѣ него, хотя вообще она продолжала оставаться любимымъ предметомъ, и сами падишахи, Великіе Моголы, оказывали ей содѣйствіе. Интересъ ея въ общемъ ходѣ развитія персидской литературы оказывается отнынѣ ужъ вполнѣ спеціальный, узкій: если кто пожелаетъ позаняться тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ моментомъ въ жизни Индіи XVII в., тотъ найдетъ для этого въ великомогольской письменности нужные ему источники въ видѣ обычныхъ лѣтописныхъ записей или монографій-хроникъ. Лишь очень немногія явленія выдѣляются въ этой области, какъ болѣе характерныя, и одно изъ нихъ связано съ именемъ Джеhангира.

Падишахъ Джеhангиръ (1605-1627), преемникъ Экбера на великомогольскомъ престолѣ и современникъ второй половины царствованія персидскаго шаха Аббаса Великаго, не только любилъ исторіографію, но и проявилъ изящный вкусъ въ этой области. Напыщенную «Книгу Тимуровыхъ побѣдъ»=«Зеферъ-наме» 1425, которую за двѣсти лѣтъ до него составилъ Шерефеддинъ Алій Йездскій, Джеhâнгӣ́ръ распорядился (1615) передѣлать на обыкновенный, удобопонятный языкъ, на простой, вразумительный стиль, безъ «секретарскихъ витіеватостей» (ʻибâрâт-и моншӣйâнé) [1]). И самъ онъ, падишахъ Джеhâнгӣ́ръ, оставилъ послѣ себя мемуары, сдѣлавшіеся, по неожиданной причинѣ, пресловутыми.

Мемуары Джеhангира (1605-1627), подлинные и поддѣльные.

Заглавіе, которое носятъ мемуары-записки Джеhангира, колеблется. То они озаглавливаются «Тузук-и Джеhâнгӣрӣ»=«Джеhангировы установленія», то трафаретно обозначаются, какъ «Джеhâнгӣр-нâмé»=«Джеhангирова книга», и т. п.

Въ томъ видѣ, въ какомъ падишахъ Джеhангиръ выпустилъ записки при своей жизни, онѣ охватываютъ только 18 лѣтъ его 22-лѣтняго царствованія. Лично государь довелъ повѣствованіе о событіяхъ больше чѣмъ за половину своего пребыванія на тронѣ, остальное же, т. е. до начала 19-го года, написалъ подъ падишахскимъ наблюденіемъ его приближенный вельможа-военный (Моʻтемедъ-ханъ) [2]) Естественно, что сообщенія о послѣднихъ четырехъ годахъ Джеhангирова правленія отсутствовали въ этихъ запискахъ. Оттого лѣтъ сто спустя получила распространеніе еще и другая ихъ редакція: съ дополненіями въ концѣ и въ началѣ, которыя сдѣлалъ Мохеммедъ-Хадій. Дополнитель, на основаніи историковъ [3]), прибавилъ къ Джеhангировымъ мемуарамъ заклю-

---

[1]) Срв. у насъ выше, стр. 54.

[2]) Иногда эту основную Джеhангирову редакцію называютъ Андерсоновской, считаясь съ тѣмъ, что европейская оріенталистика впервые была познакомлена съ нею черезъ извлеченія въ переводѣ Джемса Андерсона (1786). Теперь, когда Британскимъ Азіатскимъ Обществомъ издается полный переводъ (т. I вышелъ въ 1909), терминъ „Андерсоновская“ дѣлается непрактичнымъ.

[3]) преимущественно на основаніи „Иqбâл-наме“ вышеупомянутаго Моʻтемедъ-хана, сотрудника Джеhангира.

ченіе—о событіяхъ вплоть до смерти падишаха—и предпослалъ вступленіе про молодые годы Джеһангира, раньше возшествія его на великомогольскій престолъ. Эта дополненная редакція «Тузук-и Джеһангірі» очень въ ходу, особенно въ наши времена, когда именно она оказалась издана печатно (Аллигаръ 1864).

Никакого особаго вниманія Джеһангировы записки могли бы на себя и не обратить (записки—какъ и всякія записки), если бы не появилась одноименная подделка подъ нихъ. И поддѣлка—чрезвычайно ранняя: есть рукопись 1040=1630 г., т. е. изготовленная всего три года спустя послѣ смерти Джеһангира. Передъ нами въ силу этого выступаютъ два совсѣмъ неодинаковыхъ произведенія, оба—одинаково притязающія на подлинность, и оба—съ одинаковымъ заглавіемъ, потому что и поддѣльные мемуары тоже озаглавливаются «Тузук-и Джеһангірі», «Джеһангір-наме» и тому подобнымъ образомъ, согласно съ подлиннымъ произведеніемъ. И какъ разъ поддѣлка, а не дѣйствительныя Джеһангировы записки, была преподнесена Европѣ въ хорошемъ, полномъ англійскомъ переводѣ (маіора Прайса 1829) въ качествѣ надежнаго источника, въ то время какъ изъ труда самого Джеһангира Европа печатно могла знать лишь обрывки (такъ, Андерсона 1786) [1]).

Чѣмъ вызвана поддѣлка, не опредѣлено съ точностью. Но достаточно вѣроятной причиною могло бы быть то обстоятельство, что въ концѣ подлинныхъ мемуаровъ Джеһангира содержатся кое-какія крайне непріятныя слова для Шаһ-джеһана, будущаго наслѣдника престола (1628-1658), который при жизни отца поднялъ было возстаніе [2]). Возможно, что именно съ цѣлью противовѣса подлиннымъ запискамъ Джеһангира пущены были поддѣльныя, гдѣ нежелательныя мѣста устранены, и гдѣ вмѣсто политическихъ строго-хронологическихъ воспоминаній

---

[1]) Издатель Элліотовой „History of India" проф. Dowson (т. VI, 1875, стр. 251) предложилъ называть подлинные мемуары—Андерсоновой версіей, лже-мемуары—Прайсовой версіей. Самъ Элліотъ различалъ ихъ иначе. Онъ, съ достаточнымъ произволомъ, рѣшилъ называть подлинные мемуары „Событіями изъ жизни Джеһангира"=„Ва́qы'а́т-и Джеһа́нгірі", а поддѣльные—„Исторіей Селима-царя" = „Тâрîх-и Селîмшâһî". Селимъ—настоящее, не титульное имя Джеһангира („крестное"—сказали бы христіане)

[2]) Срв. по этому поводу соображеніе Элліота въ „History of India", т. VI (1875), стр. 281, и Рьё, персид. рук. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 254.

появляются эпизодическія сообщенія, расчитанныя на то, чтобы поразить, захватить воображеніе читателя, увлечь его занимательными, хоть и явно невѣроятными, подробностями, какихъ онъ не найдетъ въ подлинныхъ, дѣловитыхъ записяхъ Джеһангира. Введены напр. нелѣпыя росказни про индійскихъ фокусниковъ. Описывается уничтоженіе исполинскаго дракона, съ рогами и когтями, длиною въ 30 локтей, который грозно засѣлъ было въ заросляхъ у Аджмира. То, что мнимый Джеһангиръ разсказываетъ про свои драгоцѣнности, превосходитъ всякую, наиболѣе необузданную фантазію: царскій тронъ, напримѣръ, обошелся приблизительно въ 1½ билліона рублей; корона была дешевле, но все же стоила свыше 20 милліоновъ рублей; сооруженія въ Агрскомъ замкѣ— ок. 265 милліоновъ, и т. п.; драгоцѣнности своего брата псевдо-Джеһангиръ оцѣниваетъ въ 630 милліоновъ рублей. И все—въ такомъ родѣ, постоянно идутъ сказочныя описанія драгоцѣнностей да драгоцѣнностей, и читатель можетъ задуматься, царь ли или ювелиръ пишетъ это [1]).

Библіографія.

1) Подлинные Джеһангировы мемуары

а) Какъ сказано, записки, выпущенныя Джеһангиромъ, захватывали лишь 18 лѣтъ его правленія. О рукописяхъ этой основной (или 1-ой) редакціи см. Рье, Брит. муз., т. I (1879), стр. 253-254, и Supplement (1895), стр. 53; Bodleian library I (1889), стр. 116-117; India Office I (1903), стр. 119. Въ печатномъ видѣ пользоваться можно, разумѣется, и тѣмъ дополненнымъ текстомъ (Аллигаръ 1864), который указывается ниже.

б) Англійскій переводъ небольшихъ извлеченій изъ подлиннаго Джеһангира дали въ XVIII в.:

1) сперва James Anderson: «Toozuk-i Jehangeery, or Memoirs of Jehangeer»—во II томѣ «Asiatic Miscellany» (Калькутта 1786, стр. 71 и слѣд., 172 и слѣд.);

2) вскорѣ же—Francis Gladwin въ своей History of Jehangir (=Hist. of Hindostan), т. I (Калькутта 1788), стр. 96 и слѣд.

в) Очень многое перевелъ H. Elliot: History of India, т. VI (1875), стр. 284-391.

---

[1]) выраженіе Эллiота (Hist. of India, т. VI, стр. 257)

г) Все это частичное станетъ излишнимъ, когда появится полный переводъ, издаваемый Британскимъ Азіатскимъ Обществомъ. Вышелъ т. I, Лонд. 1909.

д) Дополненная Мохеммедомъ-Хадіемъ XVIII в. редакція Джеһангировыхъ записокъ напечатана по-персидски Сеййидомъ Ахмедомъ въ Аллигарѣ: Toozuk-i Jehangeeree», Ally Gurh 1864. Изданіе достаточно небрежное; есть много ошибокъ.

е) Англійскій переводъ отрывковъ изъ прибавленій Мохеммеда-Хадія, захватывающихъ 19-ый и 20-й гг. царствованія Джеһангира, данъ у Элліота: «History of India», т. VI (1875), стр. 392-399.

2) Лже-Джеһангировы мемуары.

а) Выше было упомянуто (стр. 209), что старѣйшая рукопись лже-мемуаровъ Джеһангира имѣетъ дату: 1040=1630 г. Она принадлежитъ Британскому Азіатскому Обществу; см. описат. каталогъ W. Morley (Лонд. 1854), стр. 112-118. Нѣсколько болѣе поздняя рукопись, но все же XVII в., есть въ Британскомъ Музеѣ (опис. Рьё, т. I, 1879, стр. 254); еще позднѣе—въ India Office (т. I, 1903, стр. 120), и др.

б) Обыкновенно всѣ знаютъ поддѣльные мемуары Джеһангира по англійскому переводу маіора Прайса: «Memoirs of the emperor Jehangueir, written by himself and translated from a persian manuscript by major David Price», Лонд. 1829, въ серіи «Oriental Translation Fund» (149 стр. in 4°). Прайсъ былъ въ полной увѣренности, что онъ издаетъ подлинныя Джеһангировы записки, представляющія болѣе полную и, слѣдовательно, основную редакцію сравнительно съ тѣмъ текстомъ, отрывки изъ котораго перевелъ Андерсонъ (1786).

в) Однако сейчасъ же послѣ выхода Прайсова перевода въ свѣтъ, рецензія Сильв. де-Саси въ «Journal des Savants» 1830 (стр. 359 и слѣд., 430 и слѣд.), гдѣ де-Саси сличилъ версію Андерсонову и версію Прайсову, наглядно обнаружила, что мы имѣемъ дѣло не съ двумя редакціями одного и того же произведенія, но съ двумя совсѣмъ разными произведеніями, изъ которыхъ достовѣрнѣе—переведенное Андерсономъ, а не Прайсомъ, да оно же и въ свѣтъ должно было появиться раньше [1]).

---

[1]) Суть разбора Сильв. де-Саси изложена въ ниже указываемомъ каталогѣ Морли (1854, стр. 114) и, ужъ изъ Морли, пересказана Доусономъ въ Эллiотовой „Hist. of India", т. VI, стр. 253-254.

г) W. Morley: A descriptive catalogue of the historical manuscripts of the Royal Asiatic Society, Лонд. 1854, стр. 112-118. Находясь подъ вліяніемъ того факта, что элаборатъ, переведенный Прайсомъ, имѣется въ такой ранней рукописи, какъ 1630 г., Морли не рѣшился его признать за поддѣлку и представлялъ себѣ дѣло такъ, что Джеһангиръ (подобно Бабуру) писалъ вовсе не по-персидски, а по-тюркски, по-джагатайски, и что персидскіе «Джеһангировы мемуары» могли быть только чьей-нибудь передѣлкой съ джагатайскаго, болѣе или менѣе вольной. Одну изъ такихъ вольныхъ передѣлокъ онъ видѣлъ въ той работѣ, какую перевелъ Прайсъ, другую получше качествомъ—въ той, какую переводилъ Андерсонъ.

д) J. Dowson, въ своей замѣткѣ при посмертной «History of India» Элліота (т. VI, 1875, стр. 251-255), хоть и не согласился съ мыслью Морли, но въ сущности не такъ и далеко отошелъ отъ нея. Находя (вмѣстѣ съ Сильв. де-Саси), что совершенно невозможна общность происхожденія Андерсоновской и Прайсовской версій изъ одного и того же письменнаго источника, будь онъ даже джагатайскій, Доусонъ думалъ, что у Джеһангира могли быть не одинъ, а нѣсколько придворныхъ мемуаристовъ, и что одни мемуары составилъ для падишаха одинъ исторіографъ, а другіе—другой. Первые, переводимые Андерсономъ, несомнѣнно одобрилъ самъ Джеһангиръ;—вторыхъ, переведенныхъ Прайсомъ, Джеһангиръ очевидно не одобрилъ, но все же ихъ поддѣльными звать не слѣдуетъ. Такъ, по гипотезѣ Доусона.

е) Но всѣ домыслы Доусона легко рушатся передъ читателемъ, когда сейчасъ же дальше въ VI томѣ «History of India» (1875, стр. 256-264 и 276-283), онъ читаетъ вѣскія вступленія самого покойника Элліота къ тѣмъ и другимъ «Джеһангировымъ мемуарамъ», сопровождаемыя и переводами. Элліотъ не обинуясь признаётъ мемуары, которые перевелъ Прайсъ, за очевиднѣйшую поддѣлку, произведенную въ угоду Шаһ-джеһану, грубо-нелѣпую къ тому же, отличающуюся даже по стилю отъ дѣйствительныхъ, царственныхъ Джеһангировыхъ мемуаровъ. Оттого изъ лже-Джеһангира Элліотъ переводитъ лишь крайне немногое (стр. 264-269), да и то больше для образца, для сличенія съ переводомъ Прайса, приводимымъ тутъ же (стр. 269-275),—тогда какъ изъ подлиннаго Джеһангира данъ у Элліота переводъ свыше сотни страницъ (стр. 284-391).

ж) Ch. Rieu: Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum, vol. I (1879), стр. 253-254. Рьё, въ помѣщенной здѣсь статьѣ, вполнѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія Элліота, и для него вопросъ о сознательной поддѣлкѣ Джеһангировыхъ записокъ въ Шаһ-джеһановыхъ интересахъ есть

настолько выясненная аксіома, что онъ даже не считаетъ нужнымъ оговорить возможность ослабляющаго толкованія. То, что перевелъ Прайсъ, Рьё аттестуетъ какъ «жалкую фабрикацію» (so poor a fabrication), «искаженіе» (the garbled memoirs), «мнимыя записки» (the spurious memoirs).

з) H. E t h é: Catalogue of persian mss. in the library of India Office, v. I (Оксф. 1903), стр. 120. По своему обычаю, Этé скуденъ въ поясненіяхъ, и намъ отмѣтить его мнѣніе интересно лишь потому, что онъ спеціалистъ по исторіи персидской литературы. Этé одинъ трудъ признаетъ за «the authentic autobiographical memoirs of the emperor Jahângîr», а другой—за «the spurious memoirs of Jahângîr».

и) Въ короткой статьѣ H. B e v e r i d g e: «Djahângîr Grossmoghul» въ лейденской «Enzyklopädie des Islâm», т. I (1913, стр. 1040), объ обоихъ видахъ «Мемуаровъ Джеhангира» сказано лишь бѣгло; но и при этомъ тѣ, которые перевелъ Прайсъ, аттестуются какъ «болѣе или менѣе поддѣльные».

Прочія „Джеháнгір-намé".

Царствованіе Джеhангира, величаваго государя огромнѣйшей имперіи, которая своими размѣрами превосходила Римскую въ ея блестящіе годы и была благоустроена отцомъ Джеhангира Экберомъ Великимъ, не могло не служить предметомъ очень многихъ исторіографическихъ работъ. Однѣ ихъ нихъ составлялись при жизни Джеhангира, въ льстиво-прославительномъ тонѣ, и подносились ему,—значитъ, не представляли полнаго, завершеннаго лѣтописанія; другія составлялись послѣ его смерти, то вскорѣ же, то значительно спустя [1]).

Мы остановимся только на двухъ, представляющихъ существеннѣйшій интересъ: а) «Иqбáл-наме» (послѣ 1627) и б) «Меáсир-и Джеháнгірí» (1630).

а) Тотъ же Джеhангировъ близкій-вельможа Мохеммедъ-шерифъ Мо'темедъ-ханъ (ум. 1640), который (1622) привлеченъ былъ падишахомъ Джеhангиромъ къ участію въ изданіи его мемуаровъ, составилъ послѣ смерти своего государя (а тотъ умеръ въ концѣ 1627) п о л н у ю исторію всего его царствованія вплоть до кончины. Онъ предпослалъ ей

[1]) Рукописи имѣются въ европейскихъ книгохранилищахъ и каталогизированы съ болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ ихъ и свѣдѣніями объ авторахъ.

также обзоръ исторіи первыхъ трехъ великихъ моголовъ и выпустилъ свой трудъ подъ эпическимъ Низаміевскимъ заглавіемъ: «И q б а́ л-н а́ м е́»=«Книга удачъ», или «Иqба́л-на́ме́-и Джеhа́нгі́рі́»=«Джеhангирова книга удачъ» [1]. Но она носитъ и нехарактерное, рутинное имя: «Джеhа́нгі́р-на́ме́». Распадается на три тома: т. I, начало династіи тимуридовъ, Бабуръ и Хомаюнъ; т. II, Экберъ Великій; т. III, Джеhангиръ [2]. Въ повѣствованіи про Джеhангира Мо'темедъ-ханъ близко, только покороче, примыкаетъ къ подлиннымъ прижизненнымъ Джеhангировымъ мемуарамъ, въ изданіи которыхъ онъ самъ же и принималъ участіе; конецъ царствованія онъ излагаетъ ужъ вполнѣ отъ себя.

б) И еще одинъ изъ бывшихъ Джеhангировыхъ вельможъ написалъ вскорѣ послѣ смерти государя полную исторію его: «М е а́ с и р-и Д ж е h а́ н г і́ р і»=«Джеhангировы дѣянія» (1630). Какъ прочія однородныя, попросту называется и она «Джеhангір-наме». Авторъ—К а́ м г а́ р ъ Хосейній, иначе Гейретъ-ханъ (ум. 1640). Онъ тоже пользуется мемуарами самого Джеhангира, но начинаетъ онъ свой трудъ съ прибавочнаго вступленія о молодости Джеhангира, а заканчиваетъ, это ужъ вполнѣ понятно, смертью Джеhангира и возшествіемъ Ша́h-джеhа́на [3], при которомъ Камгаръ-ханъ продолжалъ служить и получать важныя должности. Дата составленія—1630-й годъ—есть 3-ій годъ правленія Шаh-джеhана (а вмѣстѣ съ тѣмъ это дата старѣйшей рукописи лже-мемуаровъ Джеhангира, какая до насъ дошла). Сравнительно съ Мо'темедовой «Иqба́л-наме», Камгаровы «Меа́сир-и Джеhа́нгі́рі́» гораздо менѣе хвалебны [4].

---

[1]) У поэта Низамія (ум. 1203) первая половина его „Книги про Александра Македонскаго“ озаглавлена „Иqба́л-на́ме́“.

[2]) Этотъ 3-ій томъ „The I q b a l n a m a h-i J a h à n g ì r ì“, т. е. собственно Джеhангировскій, изданъ въ серіи „Bibliotheca Indica“ подъ наблюденіемъ Nassau Lees (Калькутта 1865; 308 стр.). Есть Лакнауское изданіе 1286=1869. По-англійски извлеченія у Элліота: History of India, т. VI (1875), стр. 400-438, съ небольшимъ вступленіемъ про Мо'темедъ-хана. См. и у Рьё, перс. рукоп. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 255, и т. III (1883), стр. 922; отчасти у Ethé, India Office, I (1903), стр. 121.

[3]) Мы имѣли случай отмѣтить, что и подлинные мемуары Джеhангира, сто лѣтъ спустя, были дополнены Мохеммедомъ Хàдіемъ по такому же образцу.

[4]) Описаніе рукоп. „М е à с и р-и Д ж е h â н г î р î“ Камгара, со статьею про составителя, см. у Рьё, Брит. Муз., т. I (1879), стр. 257. (Очень бѣгло у Эте,

Нѣсколько словъ про монографіи, относящіяся къ великимъ моголамъ Шаһ-джеһану [1628-1658] и Аурենгзибу-Алемгиру [1659-1707].

Какъ про Джеһангира всѣ монографіи однообразно титулуются «Джеһа́нгі́р-на́ме́», такъ и про его преемника Шаһ-джеһа́на (1628-1658) всѣ сочиненія, кѣмъ бы ни были составлены, обиходно называются «Ша́һ-джеһа́н-на́ме́», или чаще «Па́диша́һ-наме». Аналогично сочиненія про самого пышнаго изъ великихъ моголовъ, обладателя всей Индіи, Аурենгзиба-Міропокорителя («Алемгира»; 1659-1707), легко обобщаются подъ однимъ одинаковымъ именемъ: «'Алемгі́р-на́ме́». Положимъ, почти каждая изъ монографій имѣетъ и свое собственное, особое заглавіе, но оно сплошь да рядомъ забывается въ угоду рутинному.

Какъ и въ предыдущемъ царствованіи, такъ и въ этихъ двухъ, достаточно намъ остановиться лишь на наиболѣе существенныхъ монографіяхъ, оставляя прочую подобную исторіографію въ сторонѣ.

Ша́һ-джеһа́новы [ум. 1665] „Па́диша́һ-на́ме́".

Главнѣйшихъ монографій про Шаһ-джеһа́на (1628-1658; ум. 1665)—четыре, или въ сущности три, потому что № 1 и № 2 образуютъ одно цѣлое въ 3 тт.

1-2) «Па́диша́һ-на́ме́», 3 тт., оффиціозная Ша́һ-джеһа́нова лѣтопись, которую, по порученію самого Ша́һ-джеһа́на, сперва составилъ за 20 лѣтъ царствованія 'Абдальхамидъ Ла́һорскій (для событій 1037-1057=1628-1647 гг., 2 тт.) [1]), а закончилъ, въ виду дряхлости Абдальхамида (онъ и ум. въ 1654), его ученикъ Мохеммедъ Ва́рисъ (уб. 1680). Ва́рисъ изложилъ событія за дальнѣйшія 10 лѣтъ (1057-1067=1647-1657, т. е.

India Office, т. I, 1903, стр. 123-124). Довольно много выписокъ изъ „Меа́сир" можно по англійски найти у Gladwin'a въ „History of Jehangir" (Кальк. 1788), и два короткихъ отрывка перевелъ Элліотъ: „Hist of India", т. VI (1875), стр. 442-445; на стр. 439-442 замѣтка о Камгарѣ-ханѣ, составителѣ.

[1]) Изданъ трудъ Абдальхамида Лаһорскаго въ серіи „Bibliotheca Indica" подъ наблюденіемъ W. Nassau Lees: „The Bàdshàh namah", 2 тт. (Калькутта 1867-1868; указатель 1872) и составляетъ въ общемъ 1662 печатныхъ страницы. Извлеченія перевелъ Элліотъ: „History of India", т. VII (1877), стр. 3-72.

т. 3-ій) [1]. Такъ-какъ великій моголъ Шâh-джеhâнъ вскорѣ послѣ того былъ низложенъ въ семейной распрѣ съ дѣтьми и дожилъ свои дни ужъ не на престолѣ (ум. 1665), то полученная трехтомная «Пâдишâh-нâмé» можетъ считаться почти полною монографіею о немъ. Стиль цвѣтистъ и тягучъ, объемъ громаденъ. Шâh-джеhâнъ, заботясь о составленіи этой монографіи, желалъ, чтобы образцомъ служила Абульфезлева «Экбер-наме».

3) 'Инâйетъ-ханъ (Мохеммедъ Тâhиръ), онъ же поэтъ съ прозвищемъ Áшнá (род. 1628, ум. 1666), далъ въ 1658 г. изложеніе всего царствованія Шâh-джеhâна: «Шâh-джеhâн нâмé», закончивши 30-ый его годъ полностью. Значитъ, онъ уходитъ нѣсколько болѣе впередъ, чѣмъ Мохеммедъ Вâрисъ: Инайетъ-хâнъ доводитъ событія какъ разъ до того момента, когда государемъ объявляетъ себя Ауренгзибъ; этого событія онъ, впрочемъ, не разсказываетъ. Источникомъ для Инайетъ-хана была оффиціозная «Пâдишâh-нâмé» Абдальхамида Лаhорскаго и Мохеммеда Вâриса; только, онъ упрощаетъ ея вычурный стиль и сокращаетъ тягучее изложеніе; оттого Инайетъ-хановъ трудъ называется еще «Молеххесъ»=«Компендій» [2].

4) Мохеммедъ Сâлыхъ Кенбý Лâhорскій, тоже современникъ, писатель-беллетристъ, въ 1660 г. пересказалъ, преимущественно, все ту же цвѣтистую оффиціозную «Пâдишâh-нâме», вполнѣ толковымъ, хотя все еще очень притязательнымъ слогомъ, и озаглавилъ: «'Эмел-и Сâлых»=«Дѣянія [въ пересказѣ] Сâлыха» [3]. Обнимаютъ Сâлыховы «Дѣянія» ужъ всю жизнь Шâh-джеhâна, отъ его рожденія и до

---

[1]) О рукописяхъ Вâрисовой (т. е. 3-ей) части „Пâдишâh-нâмé“ см. Рьё, перс. рукоп. Брит. Муз., I (1879), стр. 260; Ethé, India Office, т. I (1903), стр. 12-26. У Элліота въ „History of India“, т. VII (1877), стр. 121-122, крайне мало удѣлено вниманія Мохеммеду Вâрису, почти не дано переводовъ изъ него; но это отсутствіе переводовъ вполнѣ возмѣщается обильными переводами изъ 'Инайетъ-хана (стр. 73-120), котораго Элліотъ считалъ источникомъ для Вариса.

[2]) О рукописяхъ 'Инâйетъ-хановой „Шâh-джеhâн нâмé“ см. Рьё, перс. рук. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 261 (и т. III, 1883, стр. 1083, б, по поводу года смерти 'Инайетъ-хана); Этé, рукоп. India Office, I, (1903), ст. 126-127. У Элліота: History of India, т. VII (1877), стр. 73-120, переведены извлеченія, начиная съ 1647 г. и отмѣчено (стр. 121) совпаденіе съ Мохеммедомъ-Вâрисомъ.

[3]) Конечно, это заглавіе имѣетъ еще смыслъ: „Твореніе [=Сочиненіе] Сâлыха“ и еще смыслъ. „Дѣяніе благое“ (потому что прилагательное „сâлых“ значитъ „благой“, „добрый“). И т. п.

послѣдняго дня, т. е. не только до свержения съ престола, но до самой смерти (1665), во время правленія его сына Ауренгзиба; впрочемъ, объ этомъ послѣднемъ періодѣ говорится чрезвычайно кратко. Въ концѣ «'Эмель» дано очень цѣнное историко-литературное приложеніе—біографическія свѣдѣнія о выдающихся людяхъ Шаһ-джеһановской эпохи: шейхахъ, улемахъ, врачахъ, поэтахъ, писателяхъ-прозаикахъ, каллиграфахъ. Такъ-какъ помѣтка Са̂лыха съ опредѣленностью гласитъ, что книга составлена въ 1070=1660 г., а между тѣмъ Шаһ-джеһанъ умеръ въ 1665 г., то очевидно, что Са̂лыхъ Кенбӯ послѣ составленія книги дѣлалъ къ ней дополнительныя дописки и вставки. Въ литературно-біографическомъ отдѣлѣ есть сообщенія, датирующіяся даже 1669 (=1080) годомъ [1]).

Царствованіе Ша́һ-джеһана послужило также темою для нѣсколькихъ стихотворныхъ месневійныхъ поэмъ въ эпическомъ стилѣ Фирдовсіевой «Книги царей», которыя, не входя прямо въ область историографіи (срв. стр. 184-185), заслуживаютъ однако здѣсь упоминанія по своему количеству. Авторы ихъ—поэты, извѣстные и въ другихъ родахъ творчества, особенно въ газельно-касыдной лирикѣ. Они состояли въ придворномъ кругѣ Ша́һ-джеһа́на и, какъ это сплошь да рядомъ случалось тогда, были не мѣстными уроженцами, а пришельцами изъ Персіи, гдѣ только что кончилась эпоха Аббаса Великаго:

а) Мохеммедъ Джа́нъ, съ прозвищемъ Кодсій, т. е. Мешһедскій (ум. 1646, прибылъ въ Индію 1631): «Зефер-на́ме́-и Ша́һ-джеһа́ні»=«Побѣдоносная исторія Шаһ-джеһана». Поэма не кончена. Въ ней воспѣто возшествіе Ша́һ-джеһа́на и ранняя его дѣятельность, а больше всего—его великолѣпныя архитектурныя сооруженія, которыя онъ любилъ возводить и которыя до сихъ поръ остаются изящнѣйшими изъ великомогольскихъ памятниковъ въ Индіи [2]). Главное мѣсто отведено восхваленію знаменитой мечети въ Деһли

---

[1]) О рукописяхъ „'Эмел-и Са̂лых" см. Рьё, Брит Муз., т. I (1879), стр. 263; Эте́, India Office, т. I (1903), стр. 127. У Элліота: „History of India", т. VII (1877), стр 124-132, данъ англійскій переводъ изъ 31-го и 32-го гсда; къ замѣткѣ о самомъ Са̂лыхѣ (стр. 123), которую предпослалъ проф. Доусонъ, необходимою поправкою является статья Рье при описаніи рукописи.

[2]) „Шахъ-Джеханъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одну заслугу онъ возводилъ постройки такъ же усердно, какъ до него Акбаръ, и если въ менѣе выдержан-

(1637), которую Ша́һ-джеһа́нъ соорудилъ по возвращеніи изъ похода въ южную Индію (Деканъ) [1]).

б) Абу-Та́либъ Келимъ, пришлецъ родомъ изъ Хамадана, любимый Ша́һ-джеһа́новъ стихотворецъ (ум. 1651) Соперничая съ Кодсіемъ, онъ (1637) составилъ: «Ша́һенша́һ-на́ме́»=«Книга царя царей», иначе «Па́диша́һ-на́ме́». Тутъ воспѣта не только ранняя жизнь Ша́һ-джеһана и его походы въ Кашмиръ, но дана также, во вступленіи, эпическая исторія славныхъ его предковъ, начиная съ самого Желѣзнаго Хромца Тимура (ум. 1405) [2]).

в) Яхъя Ка́шій, т. е. пришлецъ изъ Персіи, изъ Кашана (ум. 1653): «Па́диша́һ-на́ме́». Главная суть—прославленіе роскошныхъ построекъ Ша́һ-джеһа́на [3]). Поэтическая эта лѣтопись, веденіе которой возложилъ на поэта самъ Ша́һ-джеһанъ, осталась неконченной, потому что поэтъ впалъ въ немилость.

Лѣтописи про Аурензиба (1659-1707): „Алемгӣр-наме́".

Лѣтописи про Аурензиба-'Алемгира (1659-1707), разныя «'Алемгӣр-на́ме́», имѣютъ (къ сожалѣнію, не безусловно всѣ) одну существенную, цѣнную особенность. Онѣ, вообще говоря, писаны не для поднесенія самому Аурензибу и не пропитаны льстивымъ, лживымъ духомъ придворной панегиристики.

Въ началѣ царствованія Аурензибъ, правда, поручалъ вести хвалебную лѣтопись своихъ дѣяній, и при немъ увивались исторіографы-

---

номъ стилѣ, то однако съ несравненной граціей. Гробница любимой жены его, воздвигнутая по его приказанію въ Агрѣ, Та̄дж-и Махаллъ (=„Вѣнецъ харема"), осталась хотя не самымъ прекраснымъ, но во всякомъ случаѣ самымъ граціознымъ зданіемъ во всей Индіи". Авг. Мюллеръ: „Исторія ислама", т. III (Спб. 1896), стр. 447.

[1]) О сочиненіяхъ („Коллиййа̄т") Кодсія см. у Рье, перс. рукоп Брит Муз., т. II (1881), стр. 684-686 и т. III (1883), стр. 1001. У Этé, India Office, т. I (1903), стр. 845-850 и 958.

[2]) Описаніе „Дивана" Келима и въ частности „Па̄диша́һ-наме" см. у Рье, перс. рук. Брит. Муз, т. II (1881), стр. 686-687; Этé, India Office, т. I (1903), стр. 854-857.

[3]) Про „Падишаһ-наме́" Яхъи Кашанскаго см. Рье, перс. рукоп. Брит. Муз., т. III [1883], стр. 1001.

прославители: но потомъ онъ-Міропокоритель («'áлемгîр»), величавый деспотъ-владыка необъятныхъ просторовъ всей Индіи, пришелъ къ мнѣнію, что лучше пусть подданные ограничиваются слѣпымъ благоговѣніемъ къ падишаху внутри сердецъ своихъ, а не смѣютъ вникать въ государевы дѣянія и имѣть о нихъ сужденіе. Вѣдь какъ бы ни была льстиво-хвалебна повѣсть про великаго могола-Міропокорителя, а напр. начать ее приходилось съ довольно щекотливыхъ семейныхъ подробностей касательно его воцаренія, которое сопровождалось низложеніемъ и заточеніемъ его царственнаго родителя-Шаhджеhана (1658) и кровавымъ истребленіемъ братьевъ. Въ дальнѣйшей жизни этого грознаго деспота было не меньше поступковъ, вникать въ которые подданнымъ не полагалось.

Такимъ образомъ изъ трехъ самыхъ главныхъ «Алемгîр-намé» (а ихъ вообще—достаточно) панегирична лишь первая, Мохеммеда Кáзыма: она начата при содѣйствіи самого Ауренгзиба-Алемгира, потомъ прекращена по его же повелѣнію, послѣ 1668 г. Другія, которыя мы назовемъ изъ числа многихъ, составлены совсѣмъ помимо государя, на основаніи, такъ сказать, контрабандныхъ записей («Меáсир-и Алемгірі» Мосте'иддъ-хана 1710, отдѣлъ въ «Монтехеб эль-лобáб» Хафи-хана 1731). Имѣется и очень характерная пародія на Ауренгзибово завоевательное движеніе въ южную Индію («Веqáйы'» Ни'метъ-хана 1686).

Прежде, чѣмъ говорить подробнѣе о вышеназванныхъ «Алемгір-наме», бѣгло укажемъ три произведенія, относящіяся къ исторіи тѣхъ братьевъ, черезъ трупы которыхъ долженъ былъ перешагнуть Ауренгзибъ, чтобы воцариться.

Старшій братъ, Дáрá-Шикýhъ (уб. 1659) прославленъ описаніемъ осады Кандаhара 1653 г., которую онъ велъ при жизни отца и которую описалъ одинъ очевидецъ подъ заглавіемъ: «Летáиф эль-эхбáр»=«Интересныя историческія подробности». См. Рье, перс. рук. Брит. Муз., т. I, 1879, стр. 264 и т. III, 1883, стр. 1083 б; Этé, перс. рукоп. India Office, т. I, 1903, стр. 129.

Жизнь и подвиги другого брата, умерщвленнаго Ауренгзибомъ, шаха-Ходжá' (погибъ 1660) изложены въ 1660 г. его многолѣтнимъ слугою въ книгѣ: «Тáрîх-и шáh-Шоджá'î»=«Лѣтопись про шаха-Шоджá'» См. Этé, перс. рукоп. India Office, I, 1903, стр. 130.

Панегиристъ третьяго брата Морáд-бехша (уб. 1660), поэтъ Биhиштій, незадолго до гибели

своего покровителя стихотворно изложилъ смутныя событія 1657-1659 гг. въ месневійной поэмѣ: «Ашубнáмé-и Хиндустáн»=«Книга Индустанской смуты». Опис. у Рье, перс. рук. Брит. Муз., II, 1881, стр. 689-690; у Этé, India Office, т. I, 1903, стр. 862.

Вотъ тѣ произведенія Алемгировской исторіографіи, которыя заслуживаютъ наибольшаго вниманія:

1) Хвалебная «ʿАлемгíр-нáмé» доведенная до янв. 1668 г. и содержащая обзоръ только первыхъ десяти (лунныхъ) лѣтъ владычества Ауренгзиба (который царствовалъ съ 1659); авторъ—мирза Мохеммедъ Кáзымъ (ум. 1681) Напыщенную и объемистую эту книгу (свыше 1100 страницъ по новѣйшему печатному изданію) [1]) какъ-разъ впервые постигъ Ауренгзибовъ исторіографическій запретъ, хотя нáчата она была при полномъ его участіи и содѣйствіи и хотя въ своей безсовѣстной лести Мохеммедъ Кáзымъ не зналъ предѣловъ (одного изъ злополучныхъ братьевъ, которыхъ умертвилъ Ауренгзибъ, доблестнаго и интеллигентнаго Дáрá-Шикýhа, онъ систематически титулуетъ «Бí-шикýh»=«Обезславленный»; имя другого Ауренгзибова брата, Шоджáʿ, Мохеммедъ Кáзымъ искажаетъ въ «Нá-шоджáʿ»=«Недоблестный»).

2) То же первое десятилѣтіе (1659-1668), частію на основаніи «Алемгíр-нáмé» Мохеммеда Кáзыма, частію на основаніи своего очень близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ, изложилъ въ VII книгѣ составитель свода всеобщей исторіи: «Мирʼáт эль-ʻáлем»=«Зеркало міра». Кто этотъ составитель, все еще нельзя сказать съ увѣренностью [2]).

---

[1]] Издана „The Alamgir namah", подъ наблюденіемъ W. Nassau Lees, въ серіи „Bibliotheca Indica" [Калькутта, 1865-1868; указатель 1873]. Отрывки о покореніи Ассама перевелъ Vansittart въ „Asiatic Miscellany", т. I [Кальк. 1785] и нѣсколько лѣтъ спустя, въ „Asiatic Researches", т. II. У Элліота: „History of India", т. VII [1877], стр. 174-180, данъ переводъ отрывковъ про кровавое воцареніе Ауренгзиба на тронѣ съ умерщвленіемъ „еретика", царевича Дара-Шикуhа, и про плохое мочеиспусканіе Ауренгзиба-падишаhа. Къ вступительной замѣткѣ про Мохеммеда Казыма добавить Рье, перс. рук. Брит. Муз, т. I [1879], стр. 267, и т. III [1883], стр. 1083 б; Этé, India Office, т. I [1903], стр. 133.

[1]) Элліотъ: „History of India" т. VII [1877], стр. 150, стоитъ за то, что авторомъ „Мирʼат эль-ʻалем" былъ шейхъ Мохеммедъ Бека [род. 1627, ум. 1683], и этого мнѣнія держится Этé въ опис. перс. рук. India Office, т. I [1903],

Его «Зеркало міра» (имѣющееся еще и въ расширенномъ изданіи, подъ заглавіемъ: «Зеркало, показывающее міръ»=«Мир'áт-и Джеháнномá») начинается съ сотворенія свѣта Богомъ и посвящено полной міровой исторіи; все же книга VII. отведенная для Аурензиба, занимаетъ около 1/5 всего свода [1]).—Въ «Мир'áт эль-'áлем» цѣненъ біографическій (алфавитный) словарь персидскихъ поэтовъ, данный въ приложеніи.

3) Полную Аурензибову исторію: «Меáсир-и 'Алемгíрí»=«Алемги́ровы подвиги», доведенную до кончины Аурензиба (1707), представилъ въ 1710 г. министру преемника его, Беháдур-шáhа (1707-1712), «моншí» (секретарь-стилистъ) Мохеммедъ Сáқы́ Мосте'иддъ-ханъ (ум. 1724). Въ «Меáсир-и 'Алемгíрí» различаются двѣ части, очень неравныя по объему. Первая часть, совсѣмъ небольшая: есть то самое десятилѣтіе, которое восписано въ прославительной «Алемгíр-намé» Мохеммеда Кáзыма; оно у Мосте'иддъ-хана является простымъ сокращеніемъ изъ «Алемгíр-нáмé», только выспренній стиль перемѣненъ на болѣе простой. Другая часть, основная—это остальныя 40 лѣтъ Аурензибова владычества надъ Индіей. Эта часть есть ужъ самостоятельное сочиненіе Мосте'иддъ-хана, источникомъ для котораго послужили его тайныя записи, производившіяся имъ для себя при Аурензибѣ [2]).

4) Комическій «Дневникъ событій (веqáйы')» 1686 г. при осадѣ Аурензибомъ Хейдерабада съ Голкондою въ южной Индіи—донынѣ чрезвычайно популярное въ Индіи произведеніе, прозою въ перемежку со стихами, обычно называемое «Веqáйы'и Ни'метхáн»=«Событія [въ изложеніи] Ни'метъ-хана». Авторъ—поэтъ, съ

стр. 48-49. Но обычно авторство приписывается Аурензибову евнуху Бехтаверъхану [ум. 1685], что принято и у Рье, перс. рук. Брит. Муз., т. I [1879], стр. 125-127.

1) Изъ этой VII книги кое-что переведено у Элліота: „Hist. of India", т. VII [1877], стр. 156-165.

2) Впервые „Меáсир-и Алемгірі" Мостеиддъ хана издалъ по-персидски въ сопровожденіи англійскаго перевода Henry Vansittart (1785, большой томъ in 4°). Критическое изданіе—въ серіи „Bibliotheca Indica", съ указателемъ: „The Maasir-i Alamgiri, edited in orig. persian with index, by maulawi Agha Ahmed Ali" (Кальк. 1870-1873, стр. 550 и 68). По англійски извлеченія у Элліота: „History of India", т. VII, стр. 183-197, съ предпосланной замѣткой о Мостеиддъханѣ (стр. 181-183). Противъ статьи Рьё (въ перс. рук. Брит. Муз., т. I, 1879, стр. 270) срв. замѣчанія Эте, перс. рук India Office, т. I (1903), стр. 48-49, а о самыхъ „Меáсир-и Алемгірі" см. у Эте стр. 138.

псевдонимомъ «'Алій», извѣстный и своими серіозными лирическими стихами, но несравненно больше—своимъ сатирическимъ творчествомъ; и онъ же—чиновникъ на службѣ у падишаһа Аурензиба. Его имя было мирза Нуреддинъ-Мохеммедъ, а Аурензибъ въ 1692 г. далъ ему почетный титулъ Н и ' м е т ъ - х а н ъ; впослѣдствіи, отъ слѣдующаго великаго могола Беһадуръ-шаһа 1707-1712, Ни'метъ-ханъ получилъ другой почетный титулъ: Данишмендъ-ханъ Умеръ онъ на 3-мъ году Беһадуръ-шахова правленія, въ 1710, успѣвши однако еще написать историческую статью: «Дженг-нáмé»=«Книга войны» (конецъ Аурензиба и распря двухъ его сыновей) [1]) и лѣтопись первыхъ двухъ лѣтъ Беһадуръ-шаха [2]). Какъ видимъ изъ потѣшнаго «Дневника Хейдерабадскихъ событій», почетныя отличія, оказанныя писателю-чиновнику падишахомъ Аурензибомъ, нисколько не помѣшали ему поднять подвиги Міропокорителя на зубокъ [3]). Историки охотно цитируютъ Ни'метъ-хановъ «Дневникъ Хейдерабадскихъ событій» 1686 г. потому что эта комическая вещь живо иллюстрируетъ собою не только 1686-й г., но вообще вскрываетъ подоплеку пышнаго Алемгирова владычества. Къ такимъ цитирующимъ [4]) относится и общій исторіографъ всей Индіи, особенно великомогольской XVI-XVIII вѣка—именно

5) Х á ф и - х á н ъ (Мохеммедъ Хáшимъ Х[в]áфскій, ум. 1731): «М о н т е х е б эль - л о б á б»=«Выборка сердцевины», довед. до 1731 г. [5]). Обычнѣе называется его сводъ: «Тáрíх-и Хáфі-хáн»=«Хафиханова лѣтопись». Болѣе ранняя однородная общеиндійская «Лѣтопись

---

[1]) „Д ж е н г - н а м е" литографирована въ Лакнау 1261=1845 и въ Каунпурѣ 1279=1862.

[2]) Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о Ни'метъ ханѣ см. у Эллiота. „Hist. of India", т. VII (1877), стр. 200-202 (перевода образцовъ—нѣтъ); Rieu, перс. рук. Брит Муз, т. I (187?), стр. 268-272, и т. II (1881), стр 702-703. Про рукописную „Колліййат", т е. якобы полное собраніе сочиненій Ни'метъ-хана, хранящуюся въ India Office, см. опис. Этé, т I (1903), стр 902-904.

[3]) „В е q â й ы ' и Н и ' м е т - х а н" часто издаются. Бомбей (безъ года; 319 стр.); 1248=1832 (безъ о означ мѣста); Лакнау 1259=1843 (съ коммент. на поляхъ); Каунпуръ 1870; Лакнау 1884 (158 стр.); Каунпуръ 1906 (154 стр.). и навѣрное еще не разъ

[4]) именно въ „Монтехеб эль-лобаб" Хафи-хана. калькутт. изд., т. II (1874), стр 338-359.

[5]) „Х[в]афскій" значитъ „потомокъ выходцевъ изъ Х[в]афа (въ зап. Хорасанѣ, недалеко отъ Нишапура)

Фериште» 1606-1609 г. [1]) послужила для Хафи-хана важнымъ пособіемъ. Подобно ей, «Хафи-ханова лѣтопись» является сводной исторіей всей Индіи, съ самаго перваго появленія здѣсь мусульманъ Да только, почерпнувши свѣдѣнія изъ Фериште для событій, предшествовавшихъ XVII вѣку, Хафи-ханъ повѣствуетъ еще и про дальнѣйшій вѣкъ съ четвертью, причемъ излагаетъ не только всю призрачно-блестящую эпоху Ауренгзиба, но захватываетъ и нѣсколькихъ упадочныхъ его преемниковъ [2]). Распадается «Ха́фи́-ха́нова лѣтопись», или «Монтехеб-эль-лоба́б», на три части: I, Индія до-великомогольская; II, Индія великомогольская; III, мѣстныя династіи Изъ этихъ трехъ частей наиболѣе цѣнится и наиболѣе читается в т о р а я, т. е. исторія великихъ моголовъ-тимуридовъ въ Индіи отъ Бабура до Мохеммеда-шаха [3]), а въ ней самое интересное—отдѣлъ про полувѣковую эпоху Ауренгзиба (1659-1707) [4]). На службѣ у Ауренгзиба состоялъ и отецъ автора, и самъ онъ, а потому при изложеніи Ауренгзибовой эпохи Хафи-ханъ не былъ безсознательнымъ, механическимъ пересказчикомъ «Алемгі́р-наме» Мохеммеда Ка́зыма и «Меа́сир-и Алемгі́рі́» Мостеиддъ-хана; напротивъ, онъ вноситъ въ ихъ сообщенія провѣрку и дополненія, то по личнымъ свѣдѣніямъ, то по опросамъ старожиловъ. Пользуясь оффиціозною, выспренне-прославительною «Алемгір-наме», Хафи-ханъ не только формально сглаживаетъ выспренній, неестественный стиль Мохеммеда Ка́зыма и передѣлываетъ

---

[1]) Про Фериште см выше, стр. 200-207.

[2]) Эти упадочные Ауренгзибовы наслѣдники, которыхъ касается Хафи-ханъ: претенденты Эʻземъ-шахъ [1707] и Кям-бехшъ [1708], Бегадуръ-шахъ [1707-1712], Джеһандаръ [1712-1713], Феррохъ-сіеръ [1713-1719], мимолетные Рефі-эд-дереджâтъ [1719] и Рефі-эд-довле [1719], Мохеммедъ-шахъ [1719-1748]. Изъ послѣдняго царствованія Хафи-ханъ излагаетъ только первыя 13 лѣтъ, до 1731

[3]) В т о р а я, великомогольская часть „Хафи-хановой лѣтописи" издана печатно въ серіи „Bibliotheca Indica" въ двухъ томахъ: „The M u n t a k h a b ul-L u b a b, persian text edited by maulawi Kabiraldin Ahmad" [Калькутта 1868-1874]. Т. I до Ауренгзиба, т. II отъ Ауренгзиба. Въ изданіи попадаются существенныя ошибки, какъ видно напр изъ указаній Рье [перс. рук Брит. Муз., т. I, 1879, стр. 232-233]. Огромное количество извлеченій [свыше 300 страницъ] п е р е в е д е н ы по-англійски Дж. Доусономъ въ посмертной Эллiотовой „History of India", т VII [1877], стр. 211-533, со вступительной Эллiотовой замѣткой [стр. 207-210] Изъ I печатнаго, до-Ауренгзибовскаго, тома Доусонъ перевелъ только небольшой отрывокъ, объ англійской торговой колоніи въ Хугли [Бенгаліи]; все остальное—изъ II печатнаго тома: Ауренгзибъ и его преемники.

[4]) т. е. именно то, что и переведено въ VII т Эллiотовой „History of India".

его на вразумительный, но отбрасываетъ также панегирическую шелуху самаго содержанія. У него было правило (онъ съ гордостью высказалъ его въ III части, при заимствованіи изъ Ферište) [1]—устранять льстивую гиперболичность придворныхъ исторіографическихъ писаній, которыми онъ поневолѣ пользуется какъ источниками, и по мѣрѣ силъ извлекать изъ-подъ хвалебныхъ наслоеній лишь вполнѣ достовѣрную основу. Въ результатѣ всего, по мнѣнію европейскихъ спеціалистовъ-оріенталистовъ, трудъ «Монтехеб эль-лобáб» Хафи-хана оказался «одною изъ лучшихъ и безпристрастнѣйшихъ исторій новой Индіи» [2].

„Письма" Аурензиба-Алемгира

Заканчивая обзоръ исторіографіи, относящейся къ Аурензибу, мы отмѣтимъ еще одинъ разрядъ историческаго матеріала не послѣдней важности—письма (роq'áт) самого Аурензиба: его корреспонденція, грамоты, указы и т. п. Стиль ихъ, конечно, принадлежитъ секретарямъ, а не самому падишаһу; но мысли—очевидно, его мысли; желанія и повелѣнія—его желанія и повелѣнія. Собраны письма Аурензиба почти исключительно послѣ его смерти, и образуютъ они нѣсколько коллекцій, подъ разными заглавіями:

а) «А́да́б-и 'Алемгірі́»=«Алемгирова словесность», собр. въ 1703, содержитъ письма, писанныя до вступленія на престолъ.

б) «Реqа́им-и Кера́им»=«[Абдаль]керимовскія письма», адресованныя къ Аурензибову любимцу эмиръ-хану Абдалькериму (ум. послѣ 1719),—опубликованы послѣ смерти адресата сыномъ его.

в) «Кялимáт-и Теййыбáт»=«Всемилостивѣйшія слова», собр. въ 1719 г.,—распоряженія, записки, грамоты, указы, и т. п., изъ послѣднихъ лѣтъ его правленія. Эта коллекція— самая извѣстная [3].

г) «Ремз о ишáре-һá»=«Намеки и указанія», собр. въ 1739,—короткія записки къ дѣтямъ и нѣкоторымъ придворнымъ, съ полезными наставленіями для государей.

д) «Дестур эль-'эмел-и Агяһі́»=«Руководство [въ редакціи] Агяһія», собр. въ 1743,—письма Аурензиба къ отцу-Шаһджеһану, къ дѣтямъ.

---

1) См. у Рье, перс. рукоп. Брит. Муз., т. I [1879] стр. 235.

2) Слова Эллiота въ „History of India", т. VII [1877], стр. 207.

3) Оглитографированы въ Лакнау 1259=1843 [или 1260=1844]. „Роq'ат-и 'Алемгірі, молеqqеб би Кялимат-и Теййыбат" [68 стр.]; и Лаһоръ 1281=1864. Англійскій переводъ J. H. Bilimoria, Бомбей 1903.

е) Есть и другія собранія писемъ, грамотъ и бумагъ Ауренгзиба, иногда безъ всякаго особаго заглавія (какъ оффиціальныя письма 1695-1697 гг. въ India Office, № 370 печ. кат.), иногда съ нехарактернымъ заглавіемъ: «Роq'áт-и 'Алемгíрі» [1]).

Заключеніе.

Мы должны бы перейти теперь къ той исторіографической области, которая стоитъ на границѣ между исторіей въ собственномъ смыслѣ и исторіею литературы, именно къ области индійско-персидскихъ «тезкирáтъ», всякихъ писательско-біографическихъ «тебеqáтъ» XVI-XVII в., прихвативши сюда и исторію религій «Дебистáнъ» 1650-хъ гг. Затѣмъ— съ подробностью остановиться на литературѣ изящной, которая засверкала въ царствѣ Великихъ Моголовъ.

Передъ нами—блестящій художественный кругъ падишаhа Экбера Великаго (1556-1605), царя-проповѣдника всеобъемлющей, всебратствующей «Божьей вѣры» (д í н - и И л â h í). Среди многочисленной придворной плеяды кипитъ литературная жизнь, съ широкими, идеалистическими задачами, съ оживленнымъ привлеченіемъ индійской литературы. «Рамаяна», «Маhабhарата», священныя книги браhманской мудрости (какъ «Бhагавад-гита») дѣлаются достояніемъ персидской литературы, не говоря ужъ о научныхъ книгахъ, которыя и прежде были предметомъ непоколебимаго интереса. Вдохновляютъ всѣхъ, сверхъ падишаhа Экбера, два брата—просвѣщенный везирь А б у л ь ф е з л ь (1551-1602) и старшій Абульфезлевъ братъ поэтъ Ф е й з і й (1547-1595). Абульфезль—не только историкъ, котораго мы ужъ знаемъ по его «Экберназе» (стр. 186-191), но и самъ художественный писатель. Ужъ одни его письма (включая и тѣ, которыя онъ писалъ отъ имени Экбера къ князьямъ)—образецъ художественнаго, положимъ искуственно-цвѣтистаго, стиля; а кромѣ того Абульфезль внесъ свою лепту и въ иранизацію индійской литературы: переводы съ индійскаго снабжаются его предисловіями, переводъ «Бhагавад-гиты» надписанъ прямо его именемъ. Мало того: не довольствуясь существующими прежними переработками, онъ даетъ новое, нѣсколько сокращенное изложеніе повѣстей «Тути-наме»= «Книга попугая», басенъ Калилы и Димны («Эйáр-и Дâниш»=«Пробный камень знанія»). Старшій братъ его Фейзій сливаетъ въ своихъ возвы-

[1]) Вообще о всѣхъ сборникахъ Ауренгзибовыхъ писемъ и грамотъ см. Elliot: „History of India", т. VII [1877], стр. 203-206; Rieu, перс. рукоп. Брит. Муз., т. I [1879], стр. 399-402 и т. II [1883], стр. 801; Ethé, India Office, т. I [1903], стр. 139-143.

шенныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ суфійство съ индуизмомъ и является въ лирикѣ самымъ типичнымъ и выдающимся поэтомъ послѣднихъ вѣковъ. Съ санскрита онъ переводитъ и сухія вещи (алгебру-геометрію: «Лилавати»), и онъ же, стихами, излагаетъ высоко-поэтическую «Наль и Дамаянти», версифицируетъ философско-браһманскую «Бһагавад-гиту», и др. Ему, какъ лирику, подъ пару—поэтъ Орфій Ширазецъ (1555-1591). Еще одинъ изъ лириковъ Нов'ый (ум 1610)—онъ же на тему объ одной индійской княгинѣ, сжегшей себя при Экберѣ на погребальномъ кострѣ своего мужа, составилъ прекрасную романтическую поэму: «Горѣніе и расплавленіе»=«Суз о годáз» [1].

На ряду съ этими корифеями—густая толпа поэтовъ обычнаго иранскаго суфійскаго типа, очень нелишенныхъ таланта, стремится къ великомогольскому двору, и стремится преимущественно изъ Персіи, гдѣ ихъ не удерживаетъ ни обстановка шаха Теһмаспа I (1524-1576), ни даже Аббаса Великаго (1587-1628). Выдѣляются мешһедцы Гезáлій (1530-1572) и Сенáій (Өенáій, ум. 1588), Мошфикый Бухарецъ (1538-1586). Незйрій Нишапурскій (ум. 1614), тоже хорасанецъ Рефі'ый (род. 1535. ум. въ 1600-хъ г) и др. Иные, подобно знаменитому историку Фериште, держались въ южной Индіи, и въ числѣ ихъ—донынѣ очень читаемый и печатно переиздаваемый хорасанецъ-эмигрантъ Зоһýрій (уб. 1616), который и въ художественной прозѣ прославлялъ культурную, особенно строительную дѣятельность Ибраһима-адильшаха (1579-1626, покровителя Фериште).

Притокъ художественныхъ силъ изъ Ирана въ Индію продолжался и послѣ Экбера, къ его преемникамъ великимъ моголамъ XVII в. Особенно блещутъ два имени: испаһанецъ Рухъ-эль-эмйнъ (ум. 1637) у Экберова сына Джеһангира (1605-1627) и, тоже испаһанецъ, прославленный Сâибъ (1603-1677), долговременный гость падишаһа-Шаһджеһана (1628-1659).

Такъ-какъ мы, ходомъ событій, внезапно отрѣзаны отъ библіотеки, при помощи которой должны бы провѣрить рукопись соотвѣтствующихъ главъ прежде отдачи въ печать, то приходится совершенно отказаться отъ ихъ напечатанія теперь же. Мы разсчитываемъ, что пропускаемыя главы будутъ нами изданы по окончаніи всей «Исторіи Персіи» въ видѣ дополнительнаго выпуска, и согласно съ этимъ разсчетомъ ведемъ пагинацію изданія. Впрочемъ, самая существенная, вполнѣ провѣренная глава, съ образцами: «Абульфезль, Фейзій и Орфій», пойдетъ въ печать теперь же, во второмъ (=антологическомъ) отдѣлѣ III тома, на хронологически-надлежащемъ мѣстѣ.

Звенигородка Кіев губ., 18 іюля 1914.

---

[1] Нов'ыево „Суз о годаз“ изд. въ концѣ I тома „Экбер-наме“, Лакнау 1284=1867.

ДЖЕЛЯЛЬ-ЭД-ДИНЪ РУМІЙ

(1207-1273).

Джеляль-эд-динъ Румій.

(1207-1273).

I.

Мохеммедъ Джеляледди́нъ Ру́мійскій (1207-1273)—величайшій мистическій, суфійскій поэтъ Персіи и всего мусульманскаго міра [1]), «соловей созерцательной жизни» [2]).

Источники біографіи.

Источниками для біографіи Джеляледдина Румійскаго могутъ служить, отчасти, его собственныя произведенія; еще больше—воспоминанія его сына Султана-Веледа о своемъ отцѣ, оказывающіяся въ Веледовыхъ стихотвореніяхъ (род. 1226, ум. 1312); а главнымъ образомъ—спеціальное біографическое сочиненіе Эфла́кія о первыхъ суфіяхъ джеляледдинова ордена, начиная съ учителей шейха Джеляледдина и съ самого Джеляледдина: «Мена́қыб эль-'а́рифі̂н»=«Выдающіяся достоинства познавшихъ Бога». Эфла́кій началъ составлять свою работу (1318) менѣе чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Джеляледдина и пользовался указаніями лицъ, свято хранившихъ память о первоучителѣ и предкѣ [3]).

---

[1]) По мнѣнію Этé (въ „Grundriss der iran. Philol“, т. II, 1896, стр. 287), Джеляледдинъ есть вообще величайшій-пантеистическій поэтъ, всего міра, всѣхъ временъ. Такого же мнѣнія и Edw. Browne. „A literary history of Persia“, т. II (Лонд. 1906), стр. 515.

[2]) von Hammer: „Gesch. der schönen Redekünste Persiens“, (Вѣна 1818), стр. 163.

[3]) Обзоръ содержанія „Мена́қыб эль-'арифі̂н“ данъ Хаммеромъ въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т 74 (Anzeigblatt, стр. 5 и слѣд.). У Рьё въ опис. персид. рукописей Брит. Музея, т I (1879), стр. 344-345, дано оглавленіе „Менақыб“; съ большей подробностью также оглавленіе см. у Этé, перс. рукоп India Office, т. I (1903), столб. 257-259.

Все существенное изъ «Менáqыб эль-'áрифîн» въ изобиліи переведено на англійскій языкъ Редхаузомъ (J. W. Redhouse) въ его предисловіи къ англійскому стихотворному переводу I книги «Месневи» Джеляледдина («The Mesnevi», Лонд. 1881)[1].

Ужъ и въ «Менáqыб», несмотря на хронологическую близость къ Джеляледдину, имѣются легендарныя наслоенія,— значитъ недостовѣрныя. Естественно, что у болѣе позднихъ писателей найдется еще больше недостовѣрнаго. Путешественникъ ибнъ-Батута того же XIV в (ум. 1377) передаетъ, напримѣръ, иначе разсказъ объ обращеніи Джеляледдина въ дервишество, чѣмъ передается у Эфлáкія.

То, что имѣется въ дальнѣйшихъ персидскихъ тезкиратахъ, берется ихъ авторами прямо или черезъ вторыя-третьи руки изъ «Менáqыб» Эфлáкія 1318, причемъ иногда искажается недостовѣрными наращеніями. Наиболѣе въ ходу соотвѣтствующія главы въ суфійскомъ сводѣ «Нефехáт эль-онс» (1476-1478) Джáмія, который изъ «Менáqыб» пересказываетъ въ томъ же порядкѣ всѣ семь первыхъ біографій, кончая сыномъ Джеляледдина Султаномъ-Веледомъ (по калькутт. изд. «Нефехáт» 1859 стр. 528-542)[2], и еще больше въ ходу Довлетъ-шáhъ ок. 1487 (по лейденскому изд. Эдв. Брауна: «The Tadhkiratu sh-shu'arâ», 1901, стр. 192-201), который имѣетъ черты несходства съ Эфлáкіемъ.

Европейскія біографическія обработки.

Европейская литература о Джеляледдинѣ использовала сперва не стариннаго Эфлáкія, а болѣе новаго компилятора Довлетъ-шаhа. Эфлáкіевы «Менáqыб» были фактически привлечены только въ 1880-хъ гг., а до того времени исходнымъ пунктомъ для всѣхъ былъ Хаммеръ 1818, основанный на Довлетъ-шаhѣ XV в. Въ общемъ библіографія изслѣдованій крайне не велика.

1) Jos. v. Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Вѣна 1818. Біографія и характеристика— только три страницы (163-166). Отъ стр. 166 до 198 идутъ ужъ переводы образцовъ (стихами, обильные). Кончину Джеляледдина Хаммеръ (стр. 165) ускоряетъ на 11 лѣтъ, согласно съ Довлетъ-шаhомъ (срв. лейд. изд. 1901, стр. 200:19), и даетъ дату: 1262.

2) Vinc. von Rosenzweig: Auswahl aus den Diwanen des grössten mystischen Dichters Persiens, Вѣна 1838

[1]) Заглавіе перевода Редхауза поточнѣе и полнѣе см. ниже, стр 266.

[2]) Біографія Джеляледдина по Джаміевымъ „Нефехáт" переведена въ Хаммеровыхъ „Fundgruben des Orients", т. VI (Вѣна 1818), стр. 429 сл.

(in 4⁰). Въ короткой біографіи Джеляледдина, которую Розенцвейгъ прилагаетъ въ примѣчаніяхъ (стр. 231-232), онъ дѣлаетъ ссылку на «Redekünste» Хаммера 1818; однако правильность датъ рожденія и смерти поэта (1207-1273,—въ предисловіи, стр. VII) показываетъ, что Розенцвейгъ пользовался также указаніемъ какого-нибудь комментатора или, какъ иногда случается, припиской на рукописи «Дивана».

3) Sir Gore Ouseley: Biographical notices of persian poets, Лонд. 1846, стр. 112-116. Аузли не упоминаетъ имени Довлетъ-шаһа (которымъ однако, навѣрное, пользовался, какъ вообще въ «Notices») и дѣлаетъ ссылку на Ширхана-Лôдія, т. е., конечно, на тезкире «Мир'ат эль-хеял̆ь» 1691 г. (изд. въ Калькуттѣ 1831, Барейли 1848).

4) G. Rosen: Mesnewi, oder Doppelverse, Лейпц. 1849, стр. 13-26.

5) Ст. Назаріянцъ: Абуль-Касемъ Фердауси, съ присовокупленіемъ краткаго обзора исторіи перс. поэзіи до исхода XV стол., Книжка II, Москва, 1851. На стр. 70-72 рабски пересказанъ Хаммеръ (1818).

6) Ch. Rieu: Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum. Въ т. I (Лонд. 1879) на стр. 344-345 описана рукопись Эфла́кіевыхъ «Мена́qыб» XIV в., а въ т. II (Лонд. 1881) на стр. 584-593 дано построенное на Эфла́кіѣ жизнеописаніе поэта, указана разная библіографія, рукописная главнымъ образомъ, и характеризованы рукописи комментаріевъ на произведенія Джеляледдина.—Основной трудъ, тогда же восполненный введеніемъ Редхауза къ—

7) J. W. Redhouse: The Mesnevi, book the 1-st, together with some account of the life and acts of the author, of his ancestors and of his descendants, illustrated by a selection of characteristic anecdotes, as collected by their historian mevlana Shemsu d-din Ahmed el-Eflâkî el-ʿArifi. Лонд. 1881 (въ Трюбнеровской «Oriental Series»). Главная цѣнность книги Редхауза—та, что онъ, какъ указывалось, далъ обильные англійскіе переводы изъ «Мена́qыб» Эфла́кія.

8) Нѣсколько разъ возвращался къ біографіи и характеристикѣ Джеляледдина Германнъ Эте́:

a) сперва въ своей статьѣ: «Der Çufismus und seine drei Hauptvertreter» въ книгѣ «Morgenländische Studien» (Лейпц. 1870, стр. 95-124). Здѣсь Эте́, еще начинающій молодой оріенталистъ, даетъ связный очеркъ суфійской доктрины, пользуясь поэтическими произведеніями Джеляледдина Румійскаго, причемъ всецѣло слѣдуетъ способу изложенія, примѣненному [1]) Гарсеномъ де-Тасси къ ана-

[1]) См. у насъ „Исторію Персіи", т. II (М. 1912), стр. 247-248 и 108-109.

лизу «Бесѣды птицъ» 'Аттáра (уб. 1230). Въ своей сути и подробностяхъ изложенія эта статья молодого Эте́ ничѣмъ не отличается отъ статьи Гарсена де-Тасси: только, французскій оріенталистъ черпаетъ примѣры для выясненія суфійства изъ «Бесѣды птицъ» Аттара, а Эте́ такіе примѣры подыскиваетъ въ поэзіи Джеляледдина.

б) Онъ же: Die mystische, didactische und lyrische Poesie der Perser, Гамбургъ 1888, стр. 26-31.

в) Близка къ этому статья Эте́ про Джеляледдина въ «Encyclopaedia Britannica», 9-е изд., т. XXI, стр. 59. Снабжена библіографіей.—Мало чѣмъ отъ нея отличается:

—г) рубрика про «Dschalâl-uddîn Rûmî» въ сухой, справочной статьѣ Эте́ «Neupersische Litteratur» въ ирановѣдномъ сводѣ: «Grundriss der iranischen Philologie», т. II (Страссб. 1896), стр. 287-292.

9) E. H. Whinfield: Masnavi i ma'navi, Лонд. 1-е изд. 1887; 2-е изд. 1898, въ Трюбнеровой серіи. Обширное введеніе, предпосланное переводу (стр. XIII-XLII), почти сплошь занято (цѣннымъ) изложеніемъ суфійства, затѣмъ характеристикой «Месневи» (стр. XXVII-XXXIX), и лишь двѣ странички бѣгло удѣлены для очерка: «Life of the poet» (стр. XXXIX-XLI), который основанъ на Редхаузѣ 1881. (И Редхаузъ 1881 тоже въ «Trübner's Oriental Series»).

10) А. Крымскій: Джелаледдинъ Руми—въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, полутомъ 20 (Спб. 1893), стр. 531-532. Эта моя большая статья вошла потомъ, почти безъ всякихъ перемѣнъ, въ 1-ое изданіе III части «Исторіи Персіи и ея литературы» (М. 1906), стр. 32-38, съ прибавленіемъ большого количества русскихъ переводовъ изъ Джеляледдина (стр. 39-67). Въ нынѣшнемъ изданіи она совсѣмъ переработана вновь. (Въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ», т. XVI, 1913, стр. 73, мною дана ужъ короткая статья).

11) Italo Pizzi: Storia della poesia Persiana. т. I (Торино 1894), стр. 226-230. Важнѣе здѣсь, чѣмъ эта біографія (восходящая, повидимому, къ Эте́)—стихотворные переводы изъ Джеляледдина, въ т. I, стр. 269-278.

12) Cl. Huart: Koniah, la ville des derviches tourneurs, Пар. 1897. Въ этой небольшой книжкѣ 11-я глава (стр. 194-211), трактующая о дервишахъ-мовлевіяхъ и о памятникѣ надъ гробомъ св. мовлá-нá Джеляледдина, отчасти посвящена и біографіи святого.

13) R. Nicholson: Selected poems from the Divan, Кембриджъ 1898. Въ предисловіи есть и біографія поэта,—пожалуй, ничего новаго не дающая (біографія вѣдь со временъ Рьё и Редхауза можетъ считаться установленной); Никольсонъ сильно занимается самимъ суфійствомъ вообще и

отыскиваетъ въ немъ александрійскія неоплатоническія вліянія, пришедшія въ исламскій міръ черезъ завоеванный арабами Египетъ.

14) Paul Horn: Geschichte der persischen Litteratur, Лейпц. 1901, стр. 161-168. Краткая характеристика поэта, съ образцами стиховъ по переводу Рюккерта (1819) и Розена (1849). Хорнъ, вслѣдъ за Никольсономъ (1898), ищетъ въ идеяхъ Джеляледдина неоплатонизма.

[15) О замѣткѣ бар. Carra de Vaux въ «Gazali» 1902 см. ниже, подъ № 20].

16) Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II [Лонд. 1906], стр. 515-525, въ концѣ книги. Сверхъ ожиданія, Джеляледдину отвелъ Браунъ гораздо меньше страницъ, чѣмъ отводилъ онъ даже менѣе замѣчательнымъ поэтамъ; да и образчиковъ изъ его творчества даетъ мало. Вѣроятно, заканчивая томъ, Браунъ старался съэкономить мѣсто.

Мало имѣютъ самостоятельной цѣнности три слѣдующія статьи; но онѣ свидѣтельствуютъ о значительномъ интересѣ широкой публики къ Джеляледдину:

17) Claud Field: The master mystic—въ «Expository Times», 17 [=1906], стр. 452 слѣд.

18) F. H. Davis: The persian mystics: Jalâlud-dîn Rûmî, Лонд. 1907 [106 миніатюрныхъ страничекъ]—въ обильной серіи маленькихъ книжечекъ «Wisdom of the East».

19) J. M. Watkins: Jaláluddin Rumi—въ «Theosophical Review», т. 43 [=1908], стр. 297-308.

Наконецъ—выразитель послѣдняго слова науки:

20) Baron Carra de Vaux: а) въ монографіи «Gazali», Парижъ 1902, стр. 291-306;—б) статья «Djalál al-dîn Rûmî» въ лейденской «Enzyklopädie des Islám», т. I (1913), стр 1048-1049 [1]). Біографія Джеляледдина представлена у Карра де Во совсѣмъ кратко; но съ достаточной выразительностью сдѣлана характеристика идей поэта-теософа, въ которыхъ и Карра де Во улавливаетъ много неоплатонизма («все равно какъ у другихъ суфійскихъ писателей»).

II.

Жизнь Джеляледдина.

Прозвище «Р ý м и́» значитъ «Малоазійскій».

Малая Азія въ XIII в. населена была турками-сельджуками; но родился Джеля́леддúнъ (имя это значитъ: «высокая слава вѣры») не тамъ,

---

[1]) Общеизвѣстно, что „Энциклопедія ислама“ печатается одновременно двумя другими изданіями: на языкѣ французскомъ и на языкѣ англійскомъ.

а въ Средней Азіи, въ старинной Бактріи, въ персидскомъ городѣ Бельхѣ (30 сент. 1207 г.). Его отецъ, суфій Беhа́эдди́нъ, славился въ Бельхѣ какъ краснорѣчивый проповѣдникъ-учитель, погруженный въ мистическую философію, и какъ знатокъ науки мусульманскаго права. Бельхъ входилъ въ составъ владѣній харезмшаха (Харезмъ—Хива), и Беhа́эдди́нъ приходился сродни царствующему дому. Оттого любовь народа къ высокорожденному талантливому проповѣднику возбудила въ династіи подозрѣніе. Вслѣдствіе клеветъ и придворныхъ интригъ, Беhаэддинъ принужденъ былъ съ маленькимъ сыномъ бѣжать съ родины.

Въ Малую Азію (Румъ), которую впослѣдствіи Джеляледдинъ могъ считать своей второй родиной, оба эмигранта попали однако не тотчасъ, а лишь послѣ долгихъ скитаній—черезъ Нишапуръ, Багдадъ, св. Мекку, Сирію. Нишапуръ былъ первымъ пунктомъ, куда направился Беhаэддинъ съ маленькимъ сыномъ. Было это ок. 1212 года, или нѣсколько раньше, и Джеляледдину было тогда, значитъ лѣтъ не болѣе пяти. По очень распространенной легендѣ, Беhаэддинъ, самъ суфій, повидался въ Нишапурѣ съ великимъ суфійскимъ шейхомъ и поэтомъ Фериделдиномъ Аттаромъ [1]) и показалъ ему своего сына. Прозорливый шейхъ Аттаръ при одномъ взглядѣ на ребенка съумѣлъ, по этой легендѣ, провидѣть для него славное мистическое будущее, благословилъ ребенка и подарилъ грядущему свѣтилу суфійства для руководства одно изъ своихъ безчисленныхъ сочиненій, не то «Ила́hи́-на́ме́», не то «Эсра́р-на́ме́» (=«Книгу тайнъ»). Очень возможно, что предвидѣніе славнаго суфійскаго будущаго для ребенка—это не болѣе, какъ благочестивая выдумка составителя легенды. Истиннымъ же фактомъ остается то, что Джеляледдинъ съ дѣтства воспитывался въ суфійскомъ духѣ, въ идеалахъ своего отца Беhаэддина, который чтилъ и св. шейха Аттара и его произведенія.

Среди скитаній сынъ Джеляледдинъ выросъ, получилъ хорошее образованіе какъ отъ отца, такъ и отъ ученыхъ тѣхъ странъ, гдѣ ему приходилось жить (въ Дамаскѣ, въ Алеппо). Онъ успѣлъ и жениться тѣмъ временемъ (до 1226) на дочери одного самаркандца, жившаго въ М. Азіи. Тогда же наконецъ, обоихъ переселенцевъ, Беhаэддина и Джеляледдина, пригласилъ къ себѣ въ Румъ, т. е. въ Малую Азію, именно въ Конію (Iconium), къ своему двору, тамошній сельджукскій султанъ ʻАла́адди́нъ

---

[1]) Аттару у насъ отведена особая, большая глава во II томѣ „Исторіи Персіи“.

Кейкобадъ I (1219-1236), чтобы Беhаэддинъ жилъ тамъ въ качествѣ придворнаго ученаго, знатока божественной философіи и профессора юриспруденціи.

По смерти Беhаэддина (1231) ему на этомъ учено-профессорскомъ поприщѣ наслѣдовалъ его сынъ и пользовался большой популярностью. По образованію Джеляледдинъ былъ даже выше отца, зналъ и науки точныя. Лѣтъ пятнадцать спустя (въ декабрѣ 1244=642) Джеляледдинъ, этотъ просвѣщенный, высокообразованный ученый, познакомился съ однимъ захожимъ тебризцемъ, юродивымъ бродячимъ дервишемъ Шемсомъ (Шемседдиномъ). Джеляледдинъ и такъ былъ воспитанъ въ мистическомъ духѣ, а этотъ простой дервишъ Шемсъ-тебризецъ своимъ презрѣніемъ къ суетѣ міра и, конечно, сильной своей личностью рѣзко поразилъ воображеніе ученаго профессора, которому въ это время возрастъ склонялся къ сорокалѣтнему,—обычный срокъ душевныхъ переломовъ. Имъ не долго пришлось быть вмѣстѣ, но и за короткое время Джеляледдинъ сдѣлался вѣрнымъ ученикомъ-другомъ юродиваго Шемса, подпалъ подъ его нравственное вліяніе. Впослѣдствіи, онъ всецѣло проникся мыслью, что въ умственномъ отношеніи онъ всѣмъ обязанъ Шемсу: убѣжденіе это рельефно проявляется для насъ въ томъ, что въ послѣднихъ строкахъ стихотвореній Джеляледдина, гдѣ по персидскому обычаю авторъ долженъ вставить свое имя, мы находимъ вмѣсто имени Джеляледдина имя Шемса-тебризца; лучшія газели поэта вдохновлены именемъ его наставника Европейцы готовы сравнивать обаяніе, произведенное Шемсомъ на Джеляледдина, съ обаяніемъ, которое производилъ Сократъ на своихъ учениковъ (Платона и другихъ); такіе ученики, какъ Платонъ, были гораздо образованнѣе и талантливѣе Сократа—и тѣмъ не менѣе преклонялись передъ нимъ [1]).

Дружба съ Шемсомъ прервана была насильственно: она продлиться могла всего года полтора (дек. 1244—мартъ 1246=642-645). Странная, оригинальная личность юродиваго дервиша далеко не всѣмъ нравилась; ученики Джеляледдина, какъ ученаго, очень несимпатично отнеслись къ дервишу-чудаку; и вообще жителямъ Коніи не по душѣ пришелся обожаемый учитель Джеляледдина, позволявшій своимъ почитателямъ напримѣръ восклицать: «Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Шемседдинъ Его

---

[1]) R. Nicholson: Selected poems from the Divan (Кембриджъ 1898), стр. XX.

пророкъ». Во время уличнаго волненія толпа жестоко расправилась не только съ Шемсомъ Тебризскимъ, но и съ старшимъ сыномъ Джеляледдина: этотъ тоже былъ убитъ толпою [1]). Такой ударъ въ личной жизни Джеляледдина не могъ въ немъ не вызвать еще большаго углубленія въ себя и не могъ не содѣйствовать субъективному развитію въ немъ того пессимистическаго суфійскаго міровоззрѣнія, которое вообще господствовало тогда въ обществѣ во всемъ Иранѣ. Джеляледдинъ всецѣло отдался дервишеской жизни и, въ память своего погибшаго учителя Шемса, основалъ новый дервишескій орденъ. Имя этого ордена—«м о в л е в і́» (тур. выговоръ «мевлеві»).

Была это кровавая эпоха Джингизъ-хана и его преемниковъ, передъ которой ужасы татарщины въ Россіи совершенно блѣднѣютъ. Человѣкъ видѣлъ въ мірѣ только сплошную цѣпь страданій; единственнымъ избавленіемъ отъ нихъ казалось полнѣйшее отреченіе отъ рабства передъ наслажденіемъ, отъ собственности, отъ узъ дружбы и любви, отъ личной воли, а затѣмъ—пантеистическое погруженіе въ лоно Божества. Въ теченіи XIII вѣка количество дервишескихъ орденовъ достигаетъ крупной цифры,—и орденъ, основанный Джеля́ледди́номъ занимаетъ выдающееся мѣсто среди нихъ.

Дервиши Джеляледдина называются «м о в л е в и́» по своему основателю [2]), а очень обычное, иное ихъ названіе—«дервиши вращающіеся». Свое названіе «вращающихся дервишей» мовлеві́и получили отъ мистической пляски-радѣнія, которую они исполняютъ подъ заунывные звуки лютни, флейты и бубна, распѣвая при этомъ священные гимны. Гимны эти («ила́hі́») принадлежатъ отчасти, но далеко не всѣ, самому Джеля́ледди́ну и представляютъ извлеченіе изъ лирическихъ произведеній поэта (газелей) и изъ его «Месневи́».

---

[1]) Младшій сынъ Джеляледдина, Султанъ-Веледъ (род. ок. 1226, ум. 1312) остался живъ и впослѣдствіи прославился, какъ самый ранній турецкій поэтъ: въ его „Книгѣ лютни“=„Реба́б-наме“ 1301 имѣется часть стиховъ не на персидскомъ, а на турецкомъ языкѣ. См. E. Gibb.: History of the Ottoman poetry, т. I (Лонд. 1900), стр. 151-163; и у меня въ I части „Исторіи Турціи и ея литературы“ отведена Султану-Веледу особая статья.

[2]) Этимологически „маwляwî“ (араб.) значитъ „принадлежащій маwлѣ“. А „маwля́“ (=господинъ) или „маwля́-на“ (=нашъ господинъ; „мовля-на“, „мевляна“)—это титулъ уважаемыхъ шейховъ (въ данномъ случаѣ—титулъ основателя ордена, самого Джеляледдина Румійскаго.

Музыкальныя радѣнія мовлевіевъ довольно хорошо извѣстны европейцамъ, потому что они совершаются и въ близкомъ къ Европѣ Константинополѣ. Почти каждый путешественникъ, заѣзжающій въ Царьградъ, считаетъ своей обязанностью побывать въ мовлевійской «текке» (=обители) и посмотрѣть дервишескую пляску. Вездѣ въ Константинополѣ продаются для туристовъ фотографическіе снимки и открытки, воспроизводящія эту оригинальную духовную церемонію.

Въ сколько-нибудь подробныхъ описаніяхъ Турціи всегда можно найти свѣдѣнія о «пляшущихъ дервишахъ». Русская литература не составляетъ исключенія. Кажется, одно изъ старѣйшихъ описаній—у Кантемира: «Кніга систіма, или состояніе мухаммеданскія религіи. Напечатася повелѣніемъ его велічества Петра Велікаго, імператора и самодержца всероссійскаго, въ типографіи царствующаго Санктъ Пітербурхѣ, лѣта 1722, Декабря въ 22 день». Здѣсь въ книгѣ шестой (=«О иныхъ сея религіи уставахъ») имѣется глава 10-я: «О сектѣ дервішевъ мевлеви наріцаемыхъ» (стр. 291-300, in 4°). Кантемиръ начинаетъ съ порядковъ Иконійскаго текке, «гдѣ, сказуютъ, и самъ Секты тоя началнікъ Мевлана образы добродѣтели своея показалъ» и гдѣ, «якоже отъ иныхъ пріяхомъ, сказывано, что въ томъ мѣстѣ болше 500 дервішевъ обрѣтается», а затѣмъ останавливается на хорошо ему извѣстныхъ четырехъ текке въ Царѣградѣ. Онъ описываетъ «чінъ посвященія дервішскаго», «мевлеви дервішевъ одѣяніе» (аба, хырка и высокая войлочная шапка колпакъ) и подробно останавливается на «обычаяхъ и постановленіяхъ дервішескихъ»: и ему-христіанину стыдно, что онъ принужденъ съ такой чрезмѣрной похвалою отозваться о образѣ жизни и высоко-нравственныхъ правилахъ ордена Сообщаетъ Кантемиръ и о поэзіи мевлевіевъ: «стіхи, которые у ніхъ газалъ наріцаются, любітелные (о божественнои любви оные разумѣются) и сладостнѣішіе». Наконецъ, съ подробностью (стр. 298-300), Кантемиръ излагаетъ мевлевійскія музыкальныя радѣнія («церемоніи сходбіша») и поясняетъ причину круженій въ хороводѣ: «Сказуютъ они и за подлінно содержатъ, яко Мевлана секты сея, и таковаго обученія изобрѣтатель, черезъ цѣлыя 15 днеи и нощеи, не усыпая, и отъ всякаго брашна и отъ почітія воздержащіся, круговертѣніе творяше; таже, аки внѣ себе бывъ, многая и знаменітая ученікамъ своімъ о прешедшіхъ толковаше, и о будущіхъ провѣщаваше».

Если оставить въ сторонѣ устарѣлый языкъ сообщеній Кантемира 1722, они до сихъ поръ остаются лучшимъ, что говорилось по-русски о мовлевіяхъ. Всякія замѣтки русскихъ путешественниковъ XIX в. (или подобныя же бѣглыя замѣтки иностранныхъ туристовъ, переведенныя по-русски)

носятъ совершенно любительскій характеръ. Мы отмѣтимъ, напр. три газетныхъ статьи Николаевскаго времени, какія случайно намъ стали извѣстны:

а) Пляска дервишей—въ «Бабочкѣ» 1830, № 103 (стр. 412).

б) О. С: Дервиши-плясуны и дервиши-крикуны, съ франц.—въ «Сѣверной Пчелѣ» 1832, №№ 219, 220, 221.

в) Дервиши въ Константинополѣ—въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1835, № 180-182.

Такого же случайнаго характера—статьи до турецкой войны:

г) Анастасія Л-ва: Монастырь вертящихся дервишей (изъ путешествія по востоку)—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1872, № 50.

д) Танцы дервишей въ Константинополѣ—въ музыкальномъ журналѣ «Нувеллистъ», 1872, № 11.

Въ заключеніе укажемъ, что по-русски описаніе мевлевійскихъ дервишескихъ танцевъ можно найти и въ компилятивной книгѣ П. Позднева: «Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ» (Оренб. 1886).

Въ обители (текке), которую основалъ для своихъ дервишей Джеляледдинъ въ Коніи, онъ и похороненъ (1273). Архитектура этой прекрасной текке на рѣдкость тонка и изящна; внутренность мечети, что при текке, поражаетъ нѣжной ажурной отдѣлкой, превосходной рѣзьбой, благородной восточной роскошью. Куполъ надъ могилою Джеляледдина крытъ голубой черепицею и носитъ названіе: «Куббе-и хазра́»=«Зеленый куполъ», «Зеленая часовня». Глава братіи и всего мовлевійскаго ордена носитъ титулъ «челеби» (что, вѣроятно, означаетъ «высокодостойный», или «господинъ»); онъ—обязательно изъ потомковъ Джеляледдина, которые проживаютъ тутъ же въ Коніи, и титулъ «челеби» присвоенъ этому сану еще въ XIII в. Однимъ изъ первыхъ (не самымъ первымъ) мовлевійскимъ «челеби» былъ (съ 1284=683) сынъ Джеляледдина Румія персидско-турецкій поэтъ Султанъ-Веледъ (род. ок. 1226, ум. 1312).

О происхожденіи и первоначальномъ значеніи слова «челеби» существуетъ обширная литература. Очень часто вопросъ этотъ обсуждался на страницахъ петербургскихъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія», и сводка всѣхъ мнѣній дана въ статьѣ В. Бартольда: «Čelebi» въ «Enzyklopädie des Islam» т. I (Лейд. 1913), стр. 866-868.

Пользуюсь случаемъ исправить ошибочное утвержденіе, повторяемое и В. Бартольдомъ, будто въ смыслѣ «шикарный», «изящный» это слово восточные языки забыли и сохраняютъ только въ пословицахъ. Это не такъ. Въ арабскомъ языкѣ Сиріи и, особенно, Палестины слово «челебі» (съ арабско-фонетическимъ выговоромъ «ша́лябі») имѣетъ именно значеніе «изящный», «шикарный», и можетъ примѣняться даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Между прочимъ, помню, продавецъ перламутровыхъ вещицъ въ Виѳлеемѣ, расхваливая свой товаръ, все время мнѣ повторялъ: «Ші ша́лябі ьтір!»= «Вещь очень изящная», «Вещь—просто шикъ!»

Кстати, добавлю небольшой привносъ къ исторіи семасіологіи этого слова. Приводимая изслѣдователями для примѣра тюркская пословица: «Сен челебі, мен челебі, аты кім кашар?!» (=«Ты баринъ, и я баринъ,—ну такъ лошадку кто почиститъ?!»), пожалуй, не оригинальна. Возможно, что она—передѣлка арабской очень употребительной пословицы, которую мнѣ приходилось слыхать какъ въ Бейрутѣ (на побережьи), такъ и въ разныхъ мѣстахъ горъ Ливанскихъ: «Ынт мі́р, у ана мі́р,—у мін бі́су́q ыл-ɀмір?!»=«Ты князь (эмиръ), и я князь—ну, такъ кто жъ погонитъословъ?!» Въ пользу первенства и самостоятельности арабской пословицы косвенно говорятъ и риѳмованность ея, и тѣсная связь съ мѣстными захудалыми ливанскими князьями, которыхъ насмѣшливо имѣетъ въ виду эта пословица. Если первенство принадлежитъ пословицѣ арабской, а тюркская—заимствована, то выходитъ, что, при заимствованіи и передѣлкѣ пословицы, тюрки въ словѣ «челебі» нашли равнозначущее для арабскаго слова «эмиръ». (Или, конечно, обратно—арабы могли «челебі» передать черезъ свое «эмиръ»):

III.

Произведенія Джеляледдина.

Очень немногимъ персамъ извѣстно, что отъ Джеляледдина Румія осталась и проза. Въ константинопольскихъ библіотекахъ имѣются списки его прозаическаго трактата съ пантеистическимъ арабскимъ заглавіемъ: «Ф і - h і́ м а́ ф і - h і»=«Въ Немъ—то, что въ Немъ».

Однако всю славу Джеляледдина Румійскаго составляетъ его творчество художественное-поэтическое: его лирика и—въ особенности—его эпическое «Месневи».

а) Джеляледдинова лирика.

Лирическія газе́ли Джеляледдина и вообще его лирика собраны въ его «Д и в а н ѣ».

Къ составу «Дивана» надо, конечно, относиться съ критичностью. Лишь наиболѣе старыя рукописи, близкія ко времени жизни автора, съ достаточною надежностью гарантируютъ подлинность того или другого стихотворенія; въ спискахъ же болѣе позднихъ можно распознать несомнѣнныя интерполяціи (вставки), порою совсѣмъ неискусно грубыя, напримѣръ на турецкомъ языкѣ. Стихотворенія мовля-на Джеляледдина вѣдь распѣвались и распѣваются дервишами какъ гимны,—ну, а при такихъ условіяхъ, съ теченіемъ времени, за шесть съ половиною столѣтій, не одно могло сильно исказиться, подвергнуться вставкамъ, передѣлкамъ. Есть въ позднихъ спискахъ настолько измѣненныя стихотворенія, что они могутъ считаться продуктомъ народнаго творчества, подобно русскимъ духовнымъ стихамъ, съ которыми они представляютъ сходство во многихъ отношеніяхъ.

Въ содержаніи Джеляледди́новыхъ газелей (или касыдъ), терджи'-бендовъ, четверостишій, есть двѣ главныя ноты.

Съ одной стороны на всѣ лады доказываются чисто практическія выгоды, проистекающія отъ нестяжательности, отъ смиренія, отъ подавленія страстей и потребностей.

Другой же рядъ главныхъ темъ, которыя поэтъ развиваетъ въ пылкихъ, вдохновенныхъ, величественныхъ выраженіяхъ, это напримѣръ такой. Проводится и доказывается примѣрами, что весь міръ есть Единое, и что Единое есть Богъ, и что человѣкъ есть одна изъ стадій по пути отъ бездушнаго камня и растенія къ ангельскому міру и всеединому Духу (есть и переселеніе душъ). Подчеркивается, что такое сознаніе божественной природы духа человѣка часто ставитъ нищаго выше тирана-падишаха. Раздается страстное прославленіе всеединому Божеству, и въ общепринятой суфійской любовной, эротической формѣ воспѣвается страстная любовь къ Нему (какъ въ «Пѣсни Пѣсней»). Оно, Божество, отъ своихъ поклонниковъ требуетъ внутренней чистоты, а не внѣшняго, обрядоваго почитанія. Проповѣдывается одна всеобщая универсальная религія. Признаются равныя права за всѣми религіями. Проповѣдывается терпимость. И т. п., и т. п.

Поверхностныхъ наблюдателей изъ европейцевъ нѣкоторыя газели Джеляледдина заставляли въ ихъ авторѣ видѣть скрытаго христіанина; но, конечно, эта курьезная ошибка не заслуживаетъ даже опроверженія: Джеляледдинъ—чистѣйшій суфій-пантеистъ.

Рукописи и изданія „Дивана".

Рукописи Джеляледдинова дивана имѣются съ XIV вѣка. Хаммеръ въ «Redekünste» 1818 переводилъ съ рукописи 737=1336-го года. Въ Британскомъ музеѣ есть очень цѣнная рукопись 1372 (=774) года, описанная у Рьё въ «Supplement to the catalogue» (1895, стр. 163). Повидимому очень старинный списокъ хранится на родинѣ мовлевіевъ, въ Коніи.

Но печатное изданіе полнаго «Дивана» основывается на болѣе позднихъ рукописяхъ и не критично. Въ противность многократно переиздающимся «Месневи», диванъ Джеляледдина чуть ли не одинъ разъ полностью и изданъ, литографіею въ Лакнау 1878, подъ заглавіемъ: «Ді́ван-и Шемс-и Тебрі́з». Да и то онъ не совсѣмъ полонъ; списокъ Брит. Музея 1372 г. (Suppl., стр. 163) содержитъ такія газели, какихъ нѣтъ въ литографированномъ изданіи. Лакнау 1879=Лакнау 1878?

Одинъ терджи'бендъ (т. е. строфное стихотвореніе, съ повторяющимся одинаковымъ припѣвомъ въ каждой строфѣ) изданъ въ Теһранѣ 1274=1857.

Четверостишія (Робá'іййáт) отдѣльно отпечатаны въ Константинолѣ, 1312=1895 (400 стр.).

Въ Европѣ наиболѣе типичныя газели Джеляледдина изданы по-персидски, вмѣстѣ съ переводомъ, въ нижеотмѣчаемыхъ «Auswahl aus den Diwanen» фонъ-Розенцвейга (Вѣна 1838) и въ «Selected poems from the Divan» Р. Никольсона (Кембр. 1898). Изъ Никольсона шесть газелей, только по-персидски, включилъ мирза Абд. Гаффаровъ въ свои «Образчики персидской письменности, ч. II, поэзія» (М. 1906), стр. 313-317, съ прибавкою (стр. 458-460) 16 четверостишій изъ константинопольскаго изданія 1312=1895.

Переводы изъ „Дивана".

1) Нѣмецкими стихами очень много газелей перевелъ Іос. ф. Хаммеръ 1818, по своему обычаю небрежно, но за то въ хорошемъ подборѣ, въ своей «Geschichte der schönen Redekünste Persiens» (Вѣна 1818, стр. 172-198 in 4°, петитъ).

2) J. W. Graham: A treatise on sufiism — въ «Transactions of the Literary Society of Bombay» 1819. Грэхемъ черпаетъ матеріалъ и изъ Джеляледдинова «Дивана». Газель, изданную въ перс. текстѣ и англ. переводѣ на стр. 293, перепечаталъ по-англійски Толукъ въ своемъ латинскомъ «Ssufismus» (Берл. 1821), стр. 293-294.

3) Fr. Rückert: Aus dem Diwan (1819)—перепечатано въ Gesammelte Werke, herausgegeben von Laistner, т. III, стр. 246-258 [1]).

4) Pocock: Flowers of the East, Лонд. 1833.

5) Очень близкій стихотворный переводъ многихъ (74 №№) отборныхъ газелей сдѣланъ фонъ-Розенцвейгомъ [-Шваннау] и изданъ вмѣстѣ съ персидскимъ текстомъ и съ поясненіями: Auswahl aus den Diwanen des grössten mystischen Dichters Persiens Mewlana Dschelaleddin Rumi, aus dem Persischen mit beigefügtem Original-texte und erläuternden Anmerkungen von Vincenz von Rosenzweig, Вѣна 1838 (стр. XII и 235 in 4°). Для нагляднаго и надежнаго знакомства съ лирической поэзіей Джеляледдина это (наряду съ Никольсономъ 1898) лучшій трудъ. Въ предисловіи лишь нѣсколько словъ сказано о самомъ Джеляледдинѣ (но о немъ больше въ «Anmerkungen» стр. 231-232); остальная часть предисловія—о суфійствѣ и суфійскомъ языкѣ.

6) Не очень много, но въ общемъ недурно, перевелъ стихами по-итальянски И т. Пицци: Storia della poesia persiana, т. I (Торино 1894), стр. 274-278.

7) Очень хорошъ стихотворный переводъ, съ параллельнымъ персидскимъ текстомъ, R. Nicholson: Selected poems from the Díván-i Shams-i Tabríz, edited and translated, with an introduction, notes and appendices, Кембриджъ 1898 (стр. LV и 367, въ серіи «Cambridge University press»). Мы выше отмѣчали (стр. 267-268), что въ предисловіи Никольсона суфійство сближается съ неоплатонизмомъ [2]).

8) Alexander de Kégl: A poem from the díván of Shams-i Tabríz—въ «Journ. of the R. Asiat. Soc.» 1900, January, стр. 140-142 (и поправки въ осенней книгѣ, на стр. 600).

9) Willʼiam Hastie: Festival of spring, from the Díván of Jeláleddín, rendered in english gazels after Rückert's versions, with introduction and criticism of the Rubáiyyát of Omar Khayyam; 104 стр.; Лондонъ 1903 [3]).

---

[1]) Два образчика изъ Рюккерта взялъ въ 1901 году П. Хорнъ въ свою популярную „Geschichte der pers. Litteratur" (стр. 163-164 и стр. 165).

[2]) Рецензіи на „Selected poems" Никольсона см. въ „Literarisches Centralblatt" 1899, № 42, стр. 1435 слѣд.); въ „Athenaeum" 1899, 8 апр. (стр. 432); Эдв. Браунъ въ „Journal of the Royal Asiatic Society" 1899, January (стр. 152-159).

[3]) Рец. на „Festival of spring" Хэсти см. въ „Athenaeum" 1903, II, стр. 751, и въ „Deutsche Literaturzeitung" 1904, стр. 82.

10) А. Крымскій: Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи, часть III, М. 1906. На стр. 40-67 переведено почти полсотни стихотвореній. (Въ нынѣшнее изданіе они входятъ всѣ, притомъ съ улучшеніями). Повидимому, другихъ русскихъ переводовъ изъ «Дивана» Джеляледдина не бывало.

11) Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II (Лонд. 1906). На стр. 524-525 приведено для образца двѣ Джеляледдиновыхъ газели въ переводѣ Никольсона (изъ «Selected poems», № 31 и № 36).

12) R. Gottheil: Persian literature. comprising the Sháh Nahmeh, the Rubáiyát, the Dívân and the Gulistán with introduction. Нью-Йоркъ 1908. Стр. XVI и 410.

б) „Месневи".

Тѣ же идеи, что въ лирическихъ газеляхъ, выразилъ Джеляледдинъ въ эпической формѣ въ «Месневи́»,—произведеніи, которое на востокѣ славится выше его «Дивана». Слово «месневі» (оно—арабское) значитъ «двойной», «двойница»; такъ называются въ восточной метрикѣ всѣ вообще стихотворныя произведенія, писанныя—сказали бъ мы—двустрочными строфами [1]).

Свои месневи Джеляледдинъ не писалъ собственноручно, а диктовалъ своему любимому ученику въ теченіи послѣднихъ 12 лѣтъ своей жизни, когда ему-автору было ужъ за 50 лѣтъ жизни. «Месневи» Джеля́ледди́на Ру́мія заключили въ себѣ по свидѣтельству старѣйшаго біографа 26,660 двустишій, а теперь ихъ мы находимъ больше; значитъ, въ нашемъ текстѣ есть позднѣйшія вставки.

Дѣлится «Месневи» на шесть «тетрадей», т. е. книгъ, и 6-я книга продиктована была авторомъ незадолго до смерти (а умеръ Джеляледдинъ 17 дек. 1273 г.). Седьмую книгу нужно считать безусловной поддѣлкою; датируется поддѣлка съ XVII в., когда ее (1626) якобы открылъ одинъ турокъ, шейхъ ордена мовлевіевъ, по старинной рукописи [2]).

---

[1]) Для лучшей наглядности скажемъ, что напр. сатиры Кантемира имѣютъ форму месневи: за одною парою риѳмъ слѣдуетъ другая, за тою—третья, и т. д.

[2]) Этотъ турокъ—Исмаилъ сынъ Ахмеда Анкорскій (Анкырави), авторъ объемистаго комментарія къ „Месневи".

По технической манерѣ изложенія Джеляледди́новское произведеніе «Месневи́» напоминаетъ извѣстную намъ поэму: «Мантык от-тейр»= «Бесѣда птицъ» шейха Ферideддина ʻАтта́ра [1]): и тамъ и тамъ главный разсказъ прерывается массою эпизодическихъ вставокъ и поучительныхъ повѣствованій, лирическими отступленіями, изложеніемъ теософскихъ доктринъ. Въ составъ «Месневи» входитъ много легендъ и притчъ; среди нихъ неразъ оказываются такія, которыя принадлежатъ къ разряду «странствующихъ повѣстей» и «бродячихъ сюжетовъ» фолклора и встрѣчаются также въ русской народной поэзіи. Въ концѣ концовъ, изъ длиннаго ряда разсказовъ-притчъ и поясненій къ нимъ, выростаетъ передъ читателемъ полная картина суфійства, всѣхъ его идей, всѣхъ его доктринъ, всей его морали. Безъ преувеличенія, можно сборникъ «Месневи» назвать суфійской поэтической энциклопедіей (безъ которой, пожалуй, нельзя и понять суфизма).

«Месневи» Джеляледдина пользуется высшимъ почетомъ у мусульманскихъ мистиковъ. Да и всякій образованный персъ знаетъ «Месневи» очень хорошо и считаетъ его классическимъ произведеніемъ персидской литературы. Съ точки зрѣнія правовѣрнаго клерикализма «Месневи́» является, конечно, еретическимъ сочиненіемъ, но приходится мириться съ его популярностью, какъ вообще приходится мириться съ существованіемъ самого суфійства въ исламѣ.

У европейскаго читателя впечатлѣніе отъ «Месневи» бываетъ нѣсколько иное, чѣмъ у восточнаго. Оріенталистъ съ такимъ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, какъ Эдв. Браунъ, явно отдаетъ предпочтеніе лирическому «Дивану» шейха Джеляледдина, а не его «Месневи» [2]). У изслѣдователя восточной философіи, бар. Карра де Во, мы находимъ [3]) характерное замѣчаніе, которое, пожалуй, принято будетъ многими: «Если читать Месневи все подъ-рядъ, то можетъ возникнуть чувство утомленія. Но если эту огромную книгу мы раскроемъ на-удачу и прочитаемъ изъ нея лишь нѣсколько страницъ, она, конечно, произведетъ глубокое впечатлѣніе». Какъ извѣстно, Тургеневъ совѣтовалъ читать его «Стихотворенія въ прозѣ» именно такимъ образомъ. Лично намъ думается впрочемъ,

---

[1]) Про Аттарову „Бесѣду птицъ" подробно говорится во II томѣ „Исторіи Персіи".

[2]) Edw. Browne: „A liter. hist. of Persia", т. II (1906), стр. 523-524.

[3]) въ „Enzyklopädie des Islâm", т. I (Лейденъ 1913), стр. 1048 б.

что все дѣло зависитъ отъ настроенія. Подвижному, живому, трезво-скептичному галльскому уму, можетъ быть, и трудно сосредоточить себя больше чѣмъ для нѣсколькихъ страницъ пессимистической мистики; однако если у читателя есть подходящее настроеніе, то онъ и подъ-рядъ все «Месневи» съ наслажденіемъ поглотитъ.

Читая «Месневи», надо, конечно, примиряться съ нѣкоторыми его азіатскими особенностями, которыя для европейскаго аскетическаго сочиненія были бы немыслимы. Непривычнаго европейскаго читателя можетъ иногда до остолбенѣнія поразить и та библейски-простодушная безцеремонность, съ которою св. Джеляледдинъ затрагиваетъ сюжеты т. н. «рискованные». Одна изъ его притчъ напр. построена на извѣстной пословицѣ (или, быть можетъ, сама послужила поводомъ для возникновенія пословицы): «Кір-рá дідí, кяду́-рá нè дідí»=«Удъ [осла] ты усмотрѣла, но тыквы не досмотрѣла!». Притча сводится къ тому, что одна женщина сожительствовала съ осломъ, да только при своихъ сношеніяхъ съ нимъ предохранительно прилаживала въ своемъ лонѣ небольшую выдолбленную тыкву. Другая женщина нечаянно подсмотрѣла грѣхъ, прельстилась мужеской особенностью осла и допустила его повторить грѣхъ надъ собою,— безъ тыквы, конечно. Въ результатѣ оказалось, что она страшно пострадала, и первая женщина наставительно сказала ей: «Кір-рá дідí, кяду́-рá нè дідí». На востокѣ эта притча никого не шокируетъ,— мало ли какія бываютъ тамъ обиходныя пословицы, считающіяся приличными! [1]), но европейскому художественному вкусу очень и очень трудно примириться какъ съ наличностью подобной неблагоуханной притчи въ поэтическомъ произведеніи, такъ въ особенности съ примѣненіемъ ея для морализаторскихъ, нравоучительныхъ цѣлей.

Изданія „Месневи".

«Месневи» литографски издано и издается множество разъ, и перечислить всѣ изданія— трудно, хотя это было бы очень поучительно.

Повидимому, первымъ изданіемъ было египетское, съ турецкимъ комментаріемъ того самого шейха

[1]) Арабскій этнографъ гр. К. Ландбергъ въ предисловіи къ своему сборнику сирійскихъ пословицъ: „Proverbes et dictons du peuple arabe", I (Лейд. 1883) замѣчаетъ, что восточные жители—кота такъ и называютъ котомъ, „appellent le chat chat".

мовлевіевъ Исмаила Ангорскаго (Анкырави), который въ 1626 г. «открылъ» 7-ую книгу «Месневи», Булакъ (у Каира) 1251=1835; 6 тт. in-folio. Объ этомъ изданіи подробный отчетъ (112 стр.) Хаммера-Пургсталля въ «Sitzungsberichte» вѣнской академіи наукъ 1851 (филос.-истор отдѣлъ, окт.-нб.-дк., VII, стр. 626 слѣд.). Комментаріи эти впослѣдствіи переиздавались еще.

Другія изданія «Месневи»: Бомбей 1262=1846; Тебризъ 1264=1848; Бомбей 1266-1267=1850-1851. Именно это бомбейское изданіе 1266-1267=1850-1851 у меня имѣется подъ руками, и ссылки не разъ придется дѣлать на его страницы. Въ немъ каждая месневійная книга (дефтер) имѣетъ свою особую пагинацію: I, стр. 2-117; II, стр. 2-103; III, стр. 2-136; IV, стр. 2-105; V, стр. 2-120; VI, стр. 2-136; во избѣжаніе сбивчивости, въ колонъ-титулѣ каждой страницы возлѣ пагинаціонной цифры отмѣчается и № книги («книга первая», «книга вторая», и т. п.).

Ширазъ 1267=1851.

Константинополь 1266-1268=1850-1852, въ государственной литографіи. Стр. 119 и 602 (6 чч. въ одномъ томѣ), мелкимъ почеркомъ та'ликъ. Это—первое изданіе, вышедшее въ Константинополѣ.

Въ Булакѣ 1268=1852 повторено было изданіе 1835 г., т. е. турецкіе комментаріи на «Месневи» шейха Исмаила Анкырави 1-ой полов. XVII в. Это 1051 стр. in-folio.

Бомбей 1273=1856; 1280=1863; Тебризъ 1282=1865.

Въ Лакнау 1282=1865 толкованія: «Хáшіе-и Дá'і» Низамеддина Дáыя изъ Шираза (род. 1407).

Въ Лакнау 1866 толкованія: «Летáиф эль-ме'неві» 'Абдаллатыфа эль-'Эббáсія (ум. въ Индіи при великомъ моголѣ Шаh-джеháнѣ въ 1638 г.). О нихъ см. еще семью строками ниже.

Въ Константинополѣ 1289=1872 опять воспроизведены турецкіе комментаріи Исмаила Ангорскаго XVII в. 7 тт. in-folio (стр. 6, 12; 715; 4, 574; 9, 802; 8, 903; 8, 879; 3, 531; 3, 552).

Индійское Неваль-Кишоровское изданіе 1291=1874 (13 и 636 стр.).

Переизданіе толкованій «Летáиф эль-ме'неві» Абдаллатыфа эль-'Эббáсія (ум. 1638), Каунпуръ 1876. Годъ спустя изданъ его же словарь къ Месневи: «Летáиф эль-логáт» подъ печатнымъ заглавіемъ: «Ферhенг-и Месневі» Лакнау 1877.

Толкованія: «Фотухáт эль-ме'неві»=«Побѣдоносность книги, полной значеній», авторъ—'Абдаль-'Алій Бехр-эль-'олюмъ XVII в., Лакнау 1877, 6 чч. въ трехъ тт. in 4°.

Бомбей 1294=1877.

Очень хорошее, можно сказать образцовое изданіе «Месневи» съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ стиховъ, Теhранъ 1299=1882. Издалъ его Мохеммедъ Рехи́мъ-ханъ 'Эла́оддовле́; а мирза Мохеммедъ Та́hиръ, мостовфій Кашанскій, приложилъ ключъ-указатель: «Кяшф эль-эбйа́т», въ которомъ всѣ стихи «Месневи» зарегистрированы въ алфавитномъ порядкѣ, по первому начальному слову каждаго стиха, и при этомъ отмѣченъ, на какой страницѣ изданія и въ какой строкѣ находится искомый стихъ. Для справокъ этотъ указатель незамѣнимъ.

Бомбей 1301=1884, 6 чч. въ одномъ томѣ in-folio (848 стр.). На поляхъ—комментаріи: а) сейийда 'Абдальфетта́ха эль-'Эскерія (редактир. 1639);—б) миръ-Мохеммеда Нураллаха Эхра́рскаго (ок. того же времени);—в) 'Абдаль-'Алія XVII в.;—г) ходжи Эйюба Па́рса́ (1708).

Тебризъ 1307=1890 (стр. 30 и 671 и 176).

Бомбей 1309=1892 (680 стр.). Бомбей 1310=1899, 7 чч. въ одномъ томѣ, съ біографическимъ введеніемъ и съ глоссами на поляхъ (стр. 11 и 96; 86; 2, 112; 2, 89; 1, 100; 2, 114; 4, 40). Глоссы на поляхъ написаны изрядно неудобочитаемымъ почеркомъ «шикясте».

Комментарій (повидимому, старѣйшій среди всѣхъ прочихъ): «Джева́hир эль-эсра́р»=«The secret jewels», Лакнау 1894 (718 стр.). Авторъ—Кя́ма́леддинъ Хосейнъ Харезмскій, ум. въ концѣ 1430-хъ гг.

Бомбей 1318=1900. И др.

Европейскихъ изданій текста «Месневи»—нѣтъ, если не считать тѣхъ мелкихъ случаевъ, когда при случайномъ переводѣ иного отрывка дается рядомъ и персидская цитата,—или тѣхъ образцовъ, которыя помѣщаются въ хрестоматіяхъ. Таковы:

1) Замѣчательная «дарвинистическая» картина переходовъ бытія отъ бездушнаго минерала до окрыленнаго ангела и исчезновенія въ божественномъ Океанѣ («эз джема́ді мордем»). Сперва ея текстъ у M. Lumsden'a: A grammar of the persian language» (Калькутта 1810), т. II, стр. 480. Оттуда—у Tholuck'a въ его «Ssufismus» (Берл. 1821), стр. 124, у котораго, кстати сказать, есть персидскія цитаты и изъ другихъ мѣстъ «Месневи», извлеченныя изъ рукописи. Потомъ, текстъ этого же отрывка даетъ Ш. Шеферъ при своемъ изданіи и переводѣ Насиръ-Хосрововой «Сефер-наме» XI в. (Пар. 1881), стр. XIX, въ качествѣ pendant къ такому-же стихотворенію у Насир-и Хосрова. Наконецъ есть этотъ текстъ и въ хрестоматіи Пицци 1889 и въ хрестоматіи Гаффарова 1906 (см. ниже № 3 и № 4).

2) Текстъ, съ параллельнымъ переводомъ, знаменитой притчи изъ «Месневи» о другѣ, который стукнулъ у дверей и назвалъ было себя «я» [1])—у Сильв. де-Саси при Аттаровой «Pend-namèh, ou Le livre des conseils» (Пар. 1819), стр. 232-233. Начало: Áн йек-і áмед, дер-и йáр-і би-зед.

3) I t. P i z z i: «Chrestomathie persane... avec un dictionnaire», Торино 1889, стр. 101-106. Данъ текстъ латинскими (не персидскими) буквами двухъ отрывковъ: 1) Le marchand et le perroquet, 2) L'homme spirituel doit pousser le renoncement à lui-même (все то же: Ан йек-і áмед, дéр-и йáр-і би-зед)

4) Мирза Абдулла Гаффаровъ: Образчики персидской письменности, ч. II, поэзія (М. 1906), стр. 199-230. Здѣсь данъ текстъ 16 разнообразныхъ отрывковъ изъ «Месневи»,—достаточно выразительная антологія [2]).

Комментаріи.

Число комментаріевъ на Джеляледдиновы «Месневи» очень значительно, и на персидскомъ языкѣ, и на турецкомъ; но мы перечислять всѣхъ ихъ не будемъ, ради экономіи мѣста [3]). Достаточно—отмѣтить, что всѣ главные комментаріи нами ужъ, собственно, были названы, только порознь, среди печатной библіографіи изданій «Месневи» (стр. 280-282), т. е. два старѣйшіе XV в. и пять XVII—нач. XVIII в. Ихъ составители:

1) Кямаледди́нъ Хосейнъ Харезмскій (ум. въ концѣ 1430-хъ гг.): «Джевáһир эль-эсрáр»=«Алмазы тайнъ» (Лакнау 1894).

2) Низамеддинъ Мехмудъ Хосейній Ширазскій, съ прозвищемъ Дá'ый (род. 1407): «Хáшіе-и Дá'і»=«Даыевы толкованія» (Лакнау 1282=1865)

3) 'Абдаллатыфъ ибнъ-'Абдаллахъ эль-'Эббáсій, критическій редакторъ «Месневи» (ум. 1638 въ Индіи при Шáһ-

[1]) Притча эта у насъ дается ниже въ стихотворномъ переводѣ акад. Ѳ. Е. Корша, на стр. 288.

[2]) Значительную часть ихъ читатель найдетъ ниже въ русскомъ переводѣ.

[3]) Въ любомъ описательномъ каталогѣ большихъ рукописныхъ книгохранилищъ (напр. у Рьё во II томѣ перс. катал. Бриг. Музея, 1881, или у Этé въ опис. перс рукоп India Office, 1903) можно найти свѣдѣнія какъ о неизданныхъ, такъ и объ изданныхъ главнѣйшихъ комментаріяхъ на „Месневи". Около двухъ десятковъ комментаріевъ на „Месневи" указываетъ Этé въ „Grundriss der iran. Philologie", т. II (1896), стр. 290-291.

джеhа́нѣ): «Лета́иф эль-ме‘неві»=«Интереснѣйшія черты поэмы, богатой значеніями» (Кауннуръ 1876), къ чему добавка—«Ферhенг-и Месневі»=«Словарь къ Месневи» (Лакнау 1877).

4) ‘Абдаль-‘Алій Бехр-эль-‘олюмъ XVII в., индіецъ: «Фоту́ха́т эль-ме‘неві»=«Завоевательные подвиги поэмы, богатой значеніями» (Лакнау 1877; Бомбей 1301=1884)

5) сейійдъ ‘Абдальфетта́хъ эль-Хосейній эль-‘Эскерій, индіецъ-гуджератецъ (ум. 1679): «Мифта́х эль-ме‘а́ні»=«Ключъ къ значеніямъ», запис. и изд. (1639) его ученикъ Хида́йеталла́хъ (Бомб. 1301=1884).

6) ми́ръ Мохеммедъ Нуралла́хъ Эхра́рскій, индіецъ первой полов. XVII в.: «Шерх-и Месневі»=«Толкованіе на Месневи» (Бомб. 1301=1884).

7) ходжа Эййюбъ Па́рса́, 1708 г.: «Шерх-и ме‘неві» (Бомбей 1301=1884).

Изъ турецкихъ османскихъ комментаторовъ къ «Месневи» три важнѣйшіе: Сюру́рій (ум. 1562) на персидскомъ языкѣ, Шем‘ій (пис. ок. 1591) и, нѣсколько разъ издававшійся въ Булакѣ и Константинополѣ, Исмаилъ Ангорскій (Анкыравій),—тотъ, который въ 1626 г. вздумалъ предложить міру якобы имъ найденную VII книгу «Месневи».

Переводы „Месневи".

Полнаго европейскаго перевода «Месневи» нѣтъ, а изъ частичныхъ наиболѣе выразительное представленіе о цѣломъ даютъ стихотворныя нѣмецкія, не объемистыя, выборки Розена (1849) и—гораздо лучше—обильныя стихотворныя англійскія выборки Уинфильда (2-е изд. 1898), гдѣ сокращенно излагаются и пропускаемыя мѣста. Кромѣ того I и II книги (изъ шести всѣхъ) имѣются въ сплошномъ полномъ переводѣ Редхауза (1881) и Уильсона (1910).

Мы перечислимъ всю, какую припоминаемъ, даже мелкую, библіографію переводовъ изъ «Месневи» съ начала XIX вѣка. Что касается вѣка XVIII-го, то тамъ мы, въ сущности, ничего назвать не можемъ. Положимъ, слава «Месневи» Джеляледдина давно доходила до Европы. Объ этомъ произведеніи восхвалительныя сообщенія далъ еще путешественникъ Шарденъ XVII в. (въ IV т. по переизданію Langlès, Пар. 1811). Однако, насколько неясны оставались представленія даже востоковѣдовъ Европы о «Месневи», видно изъ статьи «Mathnaui» въ авторитетной энциклопедіи «Bibliothèque Orientale» d'Herbelot, которая впервые была напечатана въ 1697 г.

въ Парижѣ и переиздавалась. Вѣдь даже въ нѣмецкомъ пересмотрѣнномъ и переработанномъ ея изданіи наканунѣ XIX в. (см. т III, Халле 1789, стр. 340) годъ составленія «Месневи» указанъ ок. 600=ок. 1203, т. е. тогда, когда Джеляледдинъ еще и на свѣтъ не родился. Вотъ почему мы можемъ европейскую библіографію «Месневи» начинать прямо съ XIX в., причемъ оказывается, что ознакомленіе идетъ сперва отъ тюркологовъ.

1) Chabert: Latifi Nachrichten von türkischen Dichtern, Цюрихъ 1800, стр. 33. Только толчокъ къ ознакомленію съ «Месневи».

2) Въ издаваемыхъ Хаммеромъ (1809-1818) вѣнскихъ «Fundgruben des Orients» (т. II, стр. 162 и слѣд.) переводчикъ австрійскаго посольства въ Константинополѣ фонъ-Гусаръ (Hussar) помѣстилъ порядочное количество стихотворныхъ переводовъ изъ «Месневи». Эти Гусаровы переводы попали потомъ въ «Redekünste» Хаммера 1818.

3) J. Malcolm: History of Persia, т. II (Лонд. 1815), стр. 193 (или по франц. переводу: Histoire de la Perse, т. IV, Пар. 1821, стр. 126; срв. стр. 328). Малькомъ цитируетъ по-англійски изъ «Месневи» рѣчь Алія къ убійцѣ, гдѣ Алій, съ суфійско-пантеистическимъ фатализмомъ, оправдываетъ поступокъ своего убійцы. Онъ же приводитъ сравненіе между идеями Джеляледдина и Хафиза, какъ ихъ понимаютъ персы.

4) Jos. v. Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Вѣна 1818. Въ главѣ о Джеляледдинѣ данъ прозою довольно обстоятельный конспектъ содержанія «Месневи» (стр. 166-168) и перепечатанъ изъ II т. «Fundgruben des Orients» стихотворный переводъ фонъ-Гусара нѣкоторыхъ отрывковъ (стр. 168-172, петитъ, въ два столбца): «Купецъ и попугай», «Гоненіе на христіанъ въ Йеменѣ».

5) Silv. de Sacy: Pend-nameh, ou le livre des conseils de Férideddin Attar, Пар. 1819. Въ примѣчаніяхъ къ главѣ о самодовлѣніи, на стр. 232-234, помѣщенъ перс. текстъ и прозаич. франц. переводъ превосходной притчи о другѣ, постучавшемся къ другу: «Ан бек-і амед..» Мы ужъ упоминали про этотъ знаменитый отрывокъ (стр. 283, № 2) и еще не разъ его упомянемъ — Y L Dubeux: La Perse, Парижъ 1841 (въ серіи «L'univers pittoresque») на стр. 450-451 перепечатанъ переводъ С. де-Саси одинъ, уже безъ перс. текста.

6) F. A. Tholuck: a) Ssufismus, sive theosophia Persarum pantheistica, Берл 1821. На первомъ мѣстѣ, на стр. 1-3, даны общія свѣдѣнія про «Месневи», которое (въ рукописи, конечно) служитъ для Толука однимъ изъ важнѣйшихъ первоисточниковъ для изученія суфійства; а далѣе по

всему изслѣдованію предлагаются то мелкія, то иногда довольно крупныя выдержки изъ «Месневи», чаще—только въ латинскомъ переводѣ, порою же—въ сопровожденіи персидскаго текста (кое-какіе изъ болѣе длинныхъ персидскихъ текстовъ даны въ приложеніи); — б) Его же: Blüthensammlung aus der morgenländischen Mystik, Берлинъ 1825, стр. 53-192. Про Толуковы переводы одинъ изъ новѣйшихъ переводчиковъ [1]) говоритъ: «Толукъ былъ не важный иранистъ, и многіе изъ его переводовъ ошибочны, но онъ улавливалъ суфійскій смыслъ гораздо глубже многихъ тѣхъ, кто превосходилъ его въ филологическомъ отношеніи».

7) G. Rosen: Mesnewi, oder Doppelverse des Scheich Mewlana Dschelal ed-din Rumi, aus dem Persischen übertragen. Лейпц. 1849. Эти выборки изъ «Месневи», переведенныя стихами, остаются на нѣмецкомъ языкѣ важнѣйшими; только, онѣ очень необъемисты.

8) C. R. Peiper въ своей восточной антологіи «Stimmen aus dem Morgenlande» (Hirschberg 1850) стихами перевелъ «Die Verfolgung der Christen in Jemen» (стр. 340-352) Въ примѣчаніи (стр. 462) Пейперъ указываетъ, что хочетъ быть продолжателемъ перевода фонъ-Гусара въ «Die Fundgruben des Orients».

9) F. Baudry: Moïse et le chevrier, apologue persan—въ «Magasin Pittoresque» 1857, стр. 242.

Собственно, на этомъ и кончается работа нѣмцевъ (и немногая французовъ) по переводу Джеляледдинова «Месневи». Далѣе этимъ дѣломъ усиленно занялись англичане—и достигли гораздо болѣе крупныхъ результатовъ:

10) E. H. Palmer: Song of the reed (т. е. пѣсня свирѣли), Лондонъ 1877. Въ этой небольшой книжкѣ поэтически переведена не только вступительная (послужившая заглавіемъ) жалоба флейты, но и вообще рядъ разсказовъ изъ I книги «Месневи».

11) J. W. Redhouse: The Mesnevi of mevlana (our Lord) Jelalu d-din Muhammed er-Rumi, book the first (=книга I), Лонд. 1881 (изданіе Trubner'a въ его «Oriental Series»); 448 стр.—Переводъ стихотворный, но только I книги. Въ предисловіи оказывается переведена значительная часть старѣйшей и авторитетнѣйшей біографіи Джеляледдина изъ «Менáкыб эль-'арифîн» 1-ой полов. XIV вѣка (см. выше, стр. 264-265).

12) S Robinson: Persian poetry for english readers 1883. На стр. 367-382 извлеченія изъ «Месневи».

---

[1]) именно E. Whinfield: Masnavi (Лонд 1898), стр XLII

13) Очень важенъ англійскій стихотворный переводъ Уинфильда изъ всѣхъ книгъ «Месневи», хотя и не полный, именно—Е. Н. Whinfield: Masnavi i ma'navi, The spiritual couplets of maulâna Jalâlu-'d-dîn Muhammad Rûmî, translated and abridged (въ «Trübner's Oriental Series»). Лонд. 1887; 2-ое изд. Лонд. 1898. Стр. XLII и 331, съ выразительнымъ введеніемъ о суфійствѣ (стр XIV-XXVII), общимъ взглядомъ на «Месневи» и его идеи (стр. XXVII-XXXIX) и краткими (очень краткими!) біографическими свѣдѣніями о Джеляледдинѣ (стр. XXXIX-XLI). Въ своемъ переводѣ Уинфильдъ, когда пропускаетъ какія-нибудь мѣста, то вкратцѣ ихъ пересказываетъ прозою, а стихами онъ переводитъ лишь лучшіе отрывки и эпизоды.

14) It. Pizzi: Storia della poesia persiana, т. I (Торино 1894), стр. 269-274. Стихами переведены: жалоба флейты, трудность опредѣлить любовь къ Богу, начало разсказа про купца и попугая, о превращеніяхъ матеріи, охотникъ и птичка съ тремя совѣтами.

15) Ѳ. Е. Коршъ въ своей актовой рѣчи: «Римская элегія и романтизмъ» (1899, въ отчетѣ Московскаго Университета) стихотворно перевелъ знаменитый и прекрасный отрывокъ (онъ у насъ далѣе перепечатанъ): «Нѣкто къ другу прибылъ, стукнулъ у дверей». Впервые мѣсто это изъ «Месневи» въ 1819 г. извлекъ и по-французски перевелъ С. де-Саси.

16) Paul Horn: Gesch. der pers. Litteratur, Лейпц. 1901 (въ популярной Амеланговой серіи). На стр. 163 приведенъ нѣмецкими стихами «дарвинистическій» отрывокъ («Ich starb als Stein und ward daraus zur Pflanze») и на стр. 166-167 двѣ менѣе знаменитыхъ притчи, по переводу Розена 1849.

17) Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II, 1906. На стр. 522-523 переведенъ стихами отрывокъ изъ I книги: «Гоненія на христіанъ въ Йеме́нѣ».

18) А. Кримський: Пальмове гилля. Екзотичні поезії. Частина друга. Москва 1908 (въ серіи «Видавництво Вік», № 8). На стр. 34: «Ти» і «я» (=А́н йек-і а́мед); на стр. 36-37: «Од порошинки—до Бога» (варіація на «Эз джема́ді мордем»).

19) C. E. Wilson: The Masnavî by Jalâlu 'd-dîn Rûmî, book II, translated for the first time from the persian into prose, with a commentary. Vol. I, Translation, Лондонъ 1910 (стр. XIX и 332); vol. II, Commentary, 1910 (448 стр.). Въ предисловіи переводчикъ говоритъ, что онъ началъ издавать переводъ «Месневи» со II книги, а не съ I-ой, потому что I книгу уже далъ англичанамъ Редхаузъ 1881, хотя, «къ сожалѣнію, стихами, а не прозою» (стр. VIII). Обильныя толкованія и примѣчанія, которыя даетъ Уильсонъ, заимствованы имъ въ значительной части у восточныхъ комментаторовъ.

ОБРАЗЦЫ ИЗЪ ПОЭЗІИ ДЖЕЛЯЛЕДДИНА РУМІЙСКАГО.

а) Изъ „Месневи".

На первомъ мѣстѣ мы помѣстимъ въ стихотворномъ переводѣ акад. Ѳ. Е. Корша [1]) тотъ знаменитый отрывокъ изъ «Месневи», который впервые былъ изданъ въ текстѣ и переведенъ французскою научною прозою въ «Pend-namèh» Сильв. де-Саси (1819, стр. 232-234). Отрывокъ этотъ часто переиздавался и вновь переводился [2]); есть его персидскій текстъ и въ хрестоматіи мирзы Абдуллы Гаффарова (ч. II, 1906, стр. 203-204).

Ан йекî âмед—дер-и йâрî би-зед.

Нѣкто къ другу прибылъ, стукнулъ у дверей.
Другъ спросилъ: «Кто ищетъ помощи моей?».—

— «Я», сказалъ онъ.—«Уходи: часъ не приспѣлъ:
«Сѣсть за столъ со мной не можетъ, кто незрѣлъ.

«Лишь разлука дастъ незрѣлому закалъ;
«Безъ нея онъ какъ бы лести избѣжалъ?».

Въ земли дальнія бѣднякъ направилъ ходъ
И горѣлъ въ огнѣ разлуки цѣлый годъ.

Какъ созрѣлъ онъ и сгорѣлъ,—пришелъ назадъ
Въ тѣ мѣста, гдѣ жилъ его по сердцу братъ

Стукнулъ въ дверь кольцемъ съ опаскою едва,
Робко взвѣсивъ напередъ свои слова.

Другъ окликнулъ: «Кто тамъ въ дверь стучитъ чужой?»
Онъ въ отвѣтъ: «Здѣсь тоже ты, любимецъ мой!»—

—«Если ты—все тотъ же я, войди, о я!
«Ну, а двумъ «я»—мой пріютъ вѣдь тѣсенъ для житья.

«Сквозь иглу пройти двумъ нитямъ не легко:
«Ты—одинъ:—войди со мной въь одно ушко!»

---

[1]) Изъ его актовой рѣчи „Римская элегія и романтизмъ", М. 1899, стр. 98 (отт. изъ Отчета Московскаго Университета).

[2]) Имѣется, между прочимъ, мой малорусскій переводъ во II книжкѣ „Пальмового гилля" 1908.

Этотъ отрывокъ, взятый не изъ начала «Месневи», можетъ служить какъ бы эпиграфомъ къ цѣлому сборнику, и оттого мы можемъ быть извинены, помѣстивши его на самомъ первомъ мѣстѣ, внѣ всякаго порядка. Далѣе мы будемъ слѣдовать уже тому порядку главъ «Месневи», какой данъ самимъ авторомъ. Изъ шести книгъ «Месневи» болѣе интересны первыя три, и выборки наши дѣлаются именно изъ нихъ.

Замѣтимъ, что принципъ, которымъ мы руководимся въ нашихъ выборкахъ изъ «Месневи», радикально противоположенъ тому принципу, какого держался Уинфильдъ въ своей очень извѣстной антологіи переводовъ изъ творенія Джеляледдина, озаглавленной «Masnavi i Ma'navi»: намъ наиболѣе интересны у Джеляледдина вовсе не тѣ черты, какія показались наиболѣе интересны переводчику англійскому. Джеляледдинъ, развивая какую-либо мысль, строитъ свое изложеніе большей частью такимъ образомъ, что персидскій читатель получаетъ и беллетристическую притчу, и вовсе небеллетристическое, хотя и стихотворное, поученіе къ ней; или же,—что сводится къ тому самому, Джеляледдинъ сперва предлагаетъ небеллетристическое стихотворное поученіе, пантеистическую суфійскую теорію, а потомъ, въ видѣ наглядпаго примѣра, разсказываетъ соотвѣтственную изящную притчу. Уинфильдъ, обыкновенно, не держитъ притчей; сплошь да рядомъ онъ ее оставляетъ совсѣмъ безъ перевода и ограничивается краткимъ ея пересказомъ; но за то съ большою охотою даетъ онъ англійскій переводъ нравоучительныхъ и теоретическихъ частей Джеляледдиновскаго изложенія, длинныхъ дѣловыхъ суфійскихъ разсужденій «Месневи». Переводитъ онъ хоть и прозою, но стишнымъ образомъ, т. е. въ его англійскомъ переводѣ ясно оттѣненъ, благодаря «краснымъ» строкамъ, каждый стихъ персидскаго подлинника и даже каждое полустишіе [1]). И вообще видно, что эта теоретическая и морализаторская часть «Месневи» является для Уинфильда наиболѣе привлекательною. Мы—наоборотъ: будемъ переводить изъ «Месневи» почти исключительно часть художественно-беллетристическую, т. е. притчи и анекдоты; а тѣ наставительныя поясненія и теософско-пантеистическія теоріи, ка-

[1]) Терминъ: „переводъ стишный“, т. е. расположенный по стихамъ, есть вполнѣ общепринятый терминъ, извѣстный между прочимъ и каждому изслѣдователю древне-русской литературы. Но на стр. 287-ой нашего изданія мудрствующій корректоръ типографіи счелъ нужнымъ самовольно поправить данный мною терминъ: „стишный“, на „стихотворный“! На дѣлѣ же Уинфильдъ переводитъ прозою, а не стихотворно. Ту же выходку продѣлалъ корректоръ и на стр. 277-ой относительно Никольсоновскаго перевода извлеченій изъ „Дивана“, тоже прозаическаго, но тоже стишнаго.

кими сопровождаетъ свои притчи Джеляледдинъ, мы будемъ или вовсе опускать [1]), или будемъ переводить изъ нихъ лишь двѣ-три болѣе характерныя строки.

Въ скобкахъ («Бомб.») мы указываемъ страницы Бомбейскаго изданія «Месневи» 1267=1851 г., не потому, чтобы оно было однимъ изъ лучшихъ, а просто потому, что именно оно имѣется ближе всего у насъ подъ руками. Рядомъ съ нимъ мы часто отмѣчаемъ («Лакн.») страницы «Месневи» по тексту, изданному въ Лакнау 1282=1865 г.; этимъ изданіемъ пользовался Уинфильдъ. Помѣтка «Хрест. Гафф II.» обозначаетъ, что соотвѣтствующій отрывокъ имѣется въ хрестоматіи мирзы Абдуллы Гаффарова: «Образчики персидской письменности»», т. II (Москва 1906=25-ый выпускъ «Трудовъ по востоковѣдѣнію» Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ).

Не мѣшаетъ отмѣтить, что «Месневи» Джеляледдина начинается не съ традиціонной мусульманской формулы восхваленія Аллаха и его Апостола, а прямо съ мистической пѣсни флейты.

Изъ книги первой.

I.

Вступленіе. Пѣсня флейты.

Би-шноw ез ней, чун ȥикайет мі-конед!

1. Прислушайся къ тростниковой флейтѣ, какую повѣсть она поетъ,
Какъ она жалуется на мученія разлуки:

2. «Съ тѣхъ поръ какъ съ камышеваго поля меня срѣзали,
«Отъ моей пѣсни жалостно стонутъ и мужчины и женщины.

3. «Въ страданіяхъ разлуки я готова истерзать всю свою грудь на ломти,
«Лишь бы выплакать-высказать свою свою боль-тоску по родному дому![2])

4. «Вѣдь всякій, кто остался вдали отъ родимаго мѣста,
«Добивается того дня, когда опять вернется къ своимъ.

5. «Мой заунывный напѣвъ раздается въ каждомъ собраніи:
«Я—пара для людей радостныхъ, я—пара для грустныхъ.

---

[1]) Во II томѣ „Исторіи Персіи“ въ общемъ очеркѣ суфійства теоретическая его суть вѣдь была ужъ изложена.

[2]) Я считаю свой переводъ 3-го стиха правильнымъ. Однако мирза Абдулла Гаффаровъ въ своемъ „Персидско-русскомъ словарѣ“ (подъ словомъ „шерȥе“=т. II, стр. 498) переводитъ этотъ стихъ такъ: „Я жажду разсѣченной разлукою груди, чтобы изъяснить скорбь тоски по свиданью“.—И у Розена въ его нѣмецкомъ переводѣ выборокъ изъ Месневи (по новому изданію 1913 г. см. стр. 55) мы находимъ: „Ich such' ein sehnend Herz, in dessen Wunde—Ich giesse meines Trennungsleides Kunde“.

6. «Но каждый дружитъ со мною [и переживаетъ мои напѣвы] согласно своему настроенію,—
«Не ищетъ проникнуть въ мои внутреннія тайны.

7. «Тайна жъ моя—не далека отъ моей грустной мелодіи,
«Да только, для простого глаза и уха она не доступна.

8. «Тѣло не закрыто отъ души, и душа не закрыта отъ тѣла;
«Однако жъ никому видѣть душу не дано» . . . . —

. . . .

9. Этотъ вопль флейты—жгучій огонь, а не дуновеніе воздуха!
Въ комъ нѣтъ этого огня, тому не жить!

10. Огонь любви—вотъ что дѣйствуетъ внутри флейты!
Пылъ любви—вотъ что кипитъ въ винѣ!

11. Флейта—пріятель всякаго, кто лишился своего друга;
Ея затаенные напѣвы срываютъ завѣсу и съ нашихъ тайнъ.

12 Видѣлъ ли кто-либо ядъ и противоядіе—такъ, какъ во флейтѣ?!
Видѣлъ ли кто-либо друга и стремящагося къ другу—так, какъ во флейтѣ?!

13. Флейта разсказываетъ о стезѣ, полной кровавыхъ страданій.
Она разсказываетъ рядъ повѣстей про любовь Меджнуна [къ Лейлѣ].. .

* *
*

29. Здравствуй, любовь! наше сладостное безуміе!
Здравствуй, о ты, врачеваніе всѣхъ нашихъ немощей!

30. О ты, лѣкарство противъ нашей заносчивости и самоувѣренности!
О ты, нашъ Платонъ, нашъ Галенъ!... ....

35. И если къ устамъ друга мнѣ удастся прильнуть,
Я, словно флейта, разольюсь множествомъ пѣсенъ. .

II.

№ 1. Государь и рабыня (Бомб. I, стр. 4; Лакн. стр. 5) [1].

[Государь влюбился въ рабыню и купилъ ее; рабыня захгорала отъ любви къ самаркандскому золотыхъ дѣлъ мастеру. Государь отдалъ ее ему въ супружество, она разочаровалась въ мужѣ и вернулась опять къ государю.]

III.

№ 2. Бакалейный торговецъ и попугай, разлившій масло (Бомб. I, 11; Лакн 10).

---

[1]) Въ восточныхъ изданіяхъ „Месневи" какая-либо нумерація разсказовъ отсутствуетъ. Я считаю удобнымъ не отступать отъ той нумераціи, которую далъ Уинфильдъ. Напоминаю, что большей частью Уинфильдъ самыхъ-то разсказовъ и не переводитъ,—изъянъ для англійскаго читателя не очень ощутительный, потому что вся I книга переведена по англійски Редхаузомъ (1881). Первая книга, кстати сказать, довольно полно представлена и у нѣмцевъ: старые переводы Гусара въ „Fundgruben des Orients" и въ „Redekünste" Хаммера, равно какъ нѣсколько болѣе новые переводы Розена—это какъ разъ и есть книга I.

IV.

№ 3. Царь-іудей и антихристіанская хитрость его министра (Бомб. I, 13; Лакн. 12)

[Повѣсть о евреѣ-государѣ, который изувѣрно преслѣдовалъ христіанъ, и о его министрѣ, который коварно придумалъ притвориться христіаниномъ и разбить христіанъ на толки, что и случилось. Изъ нихъ лишь одинъ толкъ запомнилъ слова Евангелія (=Іоанна, XIV, 26), что придетъ «параклитъ» (= «мохаммад»), посланный отъ Отца, духъ истины [1]). И когда пришелъ аравійскій пророкъ Мохаммедъ, христіане этого толка, повинуясь своему же Евангелію, въ Мохаммеда увѣровали].

V.

№ 4. Царь-іудей и ровъ огненный для христіанъ (Бомб. I, 26; Лакн. 22).

На тему изъ Корана, сура 85 : «Аль-Борудж».

VI.

№ 5. Лютый левъ и звѣри и заяцъ-избавитель [Бомб. I, 30; Лакн, 26).

Джеляледдинъ самъ предупреждаетъ читателя, что заимствуетъ свою притчу изъ сборника «Калила и Димна». Звѣри ежедневно отдавали льву кого-нибудь изъ своихъ на съѣденіе, лишь бы онъ не трогалъ остальныхъ. Заяцъ хитростью погубилъ кровожаднаго хищника, натравивши его на его собственное изображеніе въ глубокомъ колодцѣ.

VII.

№ 6. Омаръ и посолъ отъ византійскаго императора (Бомб. I, 45; Лакн. 38).

[Этотъ самый заяцъ разсказываетъ звѣрямъ, ка́къ посолъ римскаго кесаря прибылъ въ Медину къ Омару, халифу и повелителю правовѣрныхъ (благословеніе Бога на немъ!), и обращенъ былъ халифомъ Омаромъ, этимъ созерцателемъ-аскетомъ, къ суфійскому познанію Бога[2]].

---

[1]) Мусульмане твердо вѣруютъ, что пришествіе Мохаммеда предсказано и ветхозавѣтными пророками, и Евангеліемъ. Обѣщаніе Іисуса апостоламъ о грядущемъ Утѣшителѣ (Параклитѣ), котораго Іисусъ ниспошлетъ отъ Отца, они примѣняютъ къ Мохаммеду. При этомъ они вмѣсто „параклитос“ (=утѣшитель) читаютъ „перiклvтос“ (=славный, достохвальный, то, что по-арабски довольно недурно выражается черезъ „мохаммад“), См. объ этомъ, напр., апологетическо-полемическій трактатъ Зіяде ибнъ-Яхъи, неизданный печатно, но изложенный мною, съ арабской рукописи, въ украинскомъ изданіи моего „Мусулманства“ (Львів, 1904) и въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. III. вып. 1 (М. 1907), стр. 29.

[2]) Заслуживаетъ вниманія тотъ почтительный тонъ, съ какимъ Джеляледдинъ говоритъ объ Омарѣ. То же отношеніе къ Омару мы встрѣчаемъ и у Фарид-ед-дина Аттара и у Са‘дія. Какъ извѣстно, для шіитской Персіи халифъ Омаръ (634-644), похититель правъ Алія, является предметомъ ожесточенной, слѣпой ненависти.

VIII.

№ 7. Купецъ и попугай.

(Бомб. I, стр. 50; Лакн. стр. 42. Хрест. Гафф. II, 199; стихотворный переводъ акад. Ѳ. Е. Корша)[1]).

*

Буд базиргані, у-ра тутіі.

1. Былъ нѣкогда купецъ; держалъ онъ попугая.
Тотъ не на волѣ жилъ, а въ клѣткѣ изнывая.

Когда сбираться въ путь пора купцу пришла
(Имѣлъ онъ съ Индіей торговыя дѣла),

Имъ не былъ обойденъ никто изъ челядинцевъ,
Чтобы узнать, кому какихъ везти гостинцевъ.

И каждому изъ нихъ, кто даръ свой назначалъ,
Исполнить просьбу онъ охотно обѣщалъ.

5. И птицу онъ спросилъ: «Нужда твоя какая?
«Что изъ индійскаго добыть ты хочешь края?»—

Отвѣтилъ попугай: «Коль встрѣтишь на пути
„Ты попугаевъ тамъ, о томъ ихъ извѣсти,

«Что „есть-де попугай, свою клянущій долю:
«Судьба его ко мнѣ закинула въ неволю.

«Онъ проситъ васъ о томъ, со мной пославъ поклонъ,
«Чтобъ вы наставили, что дѣлать долженъ онъ.

«Онъ говоритъ: „Ужель назначено мнѣ въ мукѣ
«Зачахнуть здѣсь, живя съ собратами въ разлукѣ?!

10. «И справедливо ль то, чтобъ я хирѣлъ одинъ,
«Когда вашъ вѣкъ течетъ средь рощъ и луговинъ?

«Таковъ ли долгъ друзей и къ другу сердоболье,
«Чтобъ мнѣ была жильемъ тюрьма, а вамъ раздолье?

«Счастливцы, вспомните объ участи моей
«На утренней зарѣ, подъ сѣнію вѣтвей“.

*

Купецъ почтенный далъ согласье попугаю—
Поклонъ его и рѣчь снести въ родную стаю.

И вотъ, когда достигъ индійскихъ онъ границъ,
Въ пустынѣ нѣсколько такихъ же встрѣтилъ птицъ.

15. Коня остановивъ и крикнувъ въ видѣ зова,
Ихъ брата просьбы всѣ имъ передалъ до слова.

---

[1]) Въ хрестоматіи Абд. Гаффарова текстъ повѣсти про купца и попугая содержитъ кое-какія выпущенія: переводъ акад. Корша сдѣланъ примѣнительно къ хрестоматіи. Согласно съ этимъ и мы даемъ нумерацію стиховъ повѣсти по тексту хрестоматіи, а не по полному изданію.

Какой-то попугай всѣмъ тѣломъ задрожалъ,
Свалился и дышать мгновенно пересталъ.

Купецъ тутъ осудилъ свое къ нимъ обращенье:
«Живую тварь мое сгубило посѣщенье!

«Быть можетъ, родственникъ онъ птичкѣ былъ моей?
«Иль былъ то духъ одинъ въ тѣлахъ двоихъ друзей?

«Къ чему мнѣ было брать такое порученье?
«Бѣднягѣ причинилъ я словомъ лишь мученье!

20. «Языкъ нашъ есть кремень, желѣзо суть уста;
«Ихъ слово жжетъ огнемъ окрестныя мѣста.

«Желѣзо о кремень не бей безъ нужды явной,
«Хоть будь то съ цѣлію разумной, хоть забавной[1]).

24. «Отъ слова цѣлый міръ пустыней можетъ стать.
«И мертвая лиса, какъ левъ, пойдетъ на рать.»—

*

25. Купецъ, окончивъ торгъ и путь свершивъ тяжелый,
Вернулся вспять домой довольный и веселый.

Гостинецъ каждому слугѣ привезъ добрякъ,
Служанкѣ каждой далъ вниманья лестный знакъ.

Промолвилъ попугай: «А я—безъ награжденья?
«Открой же мнѣ свои слова и наблюденья!»—

Купецъ ему въ отвѣтъ: «О дѣлѣ этомъ я
«Жалѣю и скорблю, потоки слезъ лія [2]).

«Зачѣмъ извѣстіе отнесъ я роковое,
«Не зная, что въ немъ зло сокрыто и какое?»

30. А попугай ему: «Въ чемъ каяться тебѣ?
«Къ чему тутъ гнѣвъ и скорбь? угодно такъ судьбѣ.»

Купецъ сказалъ: «Твои стенанья о свободѣ
«Я передалъ твоимъ собратьямъ по породѣ.

«Одинъ изъ нихъ, тебя жалѣя, вдругъ безъ силъ
«Упалъ, затрясся весь и духъ свой испустилъ.

33. «Я каялся въ словахъ, мной сказанныхъ напрасно;
«Но въ томъ, что сказано, раскаянье не властно» [3]). .. ..

---

[1]) Оставлены безъ перевода два стиха, данные въ хрестоматіи А. Гаффарова: 22. „Ты—въ темнотѣ, и со всѣхъ сторонъ вокругъ тебя хлопковое поле. Среди хлопка допустима ли искра?!—23. Неправедны тѣ люди, которые, закрывши на все глаза, своими необдуманными словами зажигаютъ въ мірѣ пожаръ".

[2]) Въ подлинникѣ: „грызя свои руки, кусая свои пальцы".

[3]) Пропущенъ переводъ трехъ стиховъ, данныхъ въ хрестоматіи Абд. Гаффарова: 34. „Когда словцо вдругъ сорвалось съ языка, считай его какъ бы стрѣлою которая вылетѣла изъ лука.—35. Не вернется та стрѣла со своего пути, о сынъ! Преграждать потокъ надо въ его истокѣ.—36. Если потокъ вырвется изъ своего верховья, онъ весь міръ можетъ залить. И если всюду онъ надѣлаетъ разрушеній, не будетъ въ томъ ничего удивительнаго."

37. Услышалъ попугай, какъ братъ его упалъ,
И, такъ же задрожавъ, остылъ и не дышалъ.

Увидя, что, упавъ, ни членомъ онъ не двинулъ,
Хозяинъ въ мигъ вскочилъ и шапку о-земь кинулъ [1]):

40. —«Мой милый попугай, знатокъ пріятныхъ словъ!
«Что сдѣлалось съ тобой? зачѣмъ ты сталъ таковъ?

«О ты, чьи пѣсни такъ плѣнительно звучали,
«Наперсникъ мой и другъ, въ весельѣ и въ печали!

«О сладкогласный мой любимецъ-попугай!
«О ты, моей души бальзамъ и свѣтлый рай!»......

Лирическое отступленіе Джеляледдина (Бомб. I, 56; Лакнау 47; у Гафф. нѣтъ).

Шерʒ-и ін бо-гзаṛем о гірем налé.

1. Но не буду объ этомъ распространяться, а пожалуюсь-ка
На опалу, которой подвергаюсь со стороны того измѣнчиво-прихотливаго Красавца.

2. Я стону—и вотъ мои стенанія Ему доставляютъ удовольствіе!
Ну, да Ему и отъ обоихъ міровъ требуются стенанія и печаль.

5. [Что жъ! пускай!]. Непріятности отъ Него—пріятны душѣ моей.
Душа моя пусть будетъ жертва для моего Милаго, сердцеоскорбителя.

6. Я и въ свою обиду влюбленъ, въ свою боль влюбленъ,
Разъ она доставляетъ удовольствіе моему жестокому Царю!

8. На Него, душу души, я жалуюсь......
Нѣтъ, нѣтъ! не жалуюсь! Я только излагаю, въ чемъ дѣло.

10. Сердце мнѣ говоритъ: «Я имъ обиженъ».
Однако я смѣюсь и возражаю: «Подобная рѣчь—лицемѣріе!»....

30 Но все же Ты, дарующій старому міру новую душу,
Выслушай вопль тѣла и сердца, лишившагося души.

31. Не толкуй все о розѣ! Бога ради!
Потолкуй о соловьѣ, разлученномъ съ розою! [2]).

Продолженіе повѣсти о купцѣ и попугаѣ.

43. Въ концѣ же птичій трупъ онъ выбросилъ изъ клѣтки.......
А попугай—воскресъ, и порхъ до ближней вѣтки!

Тотъ мертвый попугай мгновенно такъ вспорхнулъ,
Какъ будто бы съ небесъ лучъ солнечный сверкнулъ! [3]).

---

[1]) Акад. Коршъ очень умѣстно пропустилъ стихъ 39: „Увидѣвши попугая въ такомъ видѣ, въ такомъ состояніи, хозяинъ вскочилъ и разорвалъ воротникъ“.

[2]) Возможно, что здѣсь содержится намекъ на „Книгу соловья“ Аттара. Но эпиграфомъ ко всему этому лирическому отрыву Джеляледдинъ поставилъ два стиха изъ Сенаія, такъ что намекъ на розу и соловья можно относить и къ какому-нибудь мѣсту „ʒедіqе“.

[3]) Стихъ 44. переведенъ не Ѳ. Е. Коршемъ: онъ его выпустилъ.

45. Хозяинъ пораженъ поступкомъ былъ его
И въ томъ, что видѣлъ самъ, не понялъ ничего.

Онъ, взоръ поднявъ, сказалъ: «О ты, пѣвецъ мой сладкій!
«Со мною подѣлись чудной своей загадкой!» [1]).

49.—«Мнѣ дѣломъ онъ сказалъ»,—отвѣтилъ попугай:
„Ни шутокъ, ни бесѣдъ, ни пѣсенъ впредь не знай·

50. „Твой голосъ вѣдь твоей неволи есть причина“.... ..
«Вотъ мнѣ какой совѣтъ дала его кончина!» [2]).—

*

54. Тутъ попугай купца наставилъ кое-въ-чемъ
И кончилъ: «Будь здоровъ! не свидимся потомъ.

55. «Прощай, хозяинъ мой! ты добръ и благороденъ:
«По милости твоей я вновь теперь свободенъ.

«Прощай! лечу туда, гдѣ родина моя.
«Свободенъ нѣкогда ты станешь такъ, какъ я».

Хозяинъ отвѣчалъ: «Лети подъ Божьимъ кровомъ!
«Сегодня о пути повѣдалъ ты мнѣ новомъ.» Ѳ. Коршъ.

58. Попугай направился въ свою родную Индію. Избавившись отъ стѣсненнаго положенія, онъ теперь весь радовался.

59. И сказалъ себѣ хозяинъ: «Да, это для меня поученіе. Пойду и я по указанной имъ дорогѣ! Дорога-то ясна!

60. «Вѣдь неужели же душа моя меньше души попугая?!—Надо, чтобы душа моя всегда стремилась къ хорошему.

61. Тѣло—подобіе клѣтки, тѣло—терніе души [которая подобна розѣ]. Оборви съ души обманчивыя тернія, дай душѣ волю!

IX.

№ 8. Игрокъ на лютнѣ (Бомб. I, 60; Лакн. 50).

[Во времена халифа Омара,—благоволеніе Бога надъ нимъ,—одинъ музыкантъ, зашедши однажды на мединское кладбище, игралъ на лютнѣ въ тяжкій день нищеты. Омаръ его наставилъ въ суфійствѣ].

---

1) Пропущено два стиха: „47. Что таксе сдѣлалъ тамъ тотъ попугай, отъ чего ты поучился и съумѣлъ зашить мнѣ глаза своей коварной хитростью?—48. Ты вѣдь устроилъ коварство и причинилъ мнѣ жгучую боль. Меня ты заставилъ горѣть, а самъ засіялъ!“

2) Пропущено три стиха: „51. Отсюда и для тебя—выводъ, о ты, являющійся пѣвцомъ и среди простого народа и среди отборнаго общества! Будь, подобно мнѣ мертвъ, чтобы найти себѣ избавленіе!—52. Будешь зерномъ—склюютъ тебя птицы. Будешь цвѣточнымъ бутономъ—сорвутъ тебя дѣти.—53. Нѣтъ! запрячь зерно, будь только силкомъ! Запрячь бутонъ, будь простой травою, что ростетъ по крышамъ!“

X

№ 9. Бедуинъ и его жена (Бомб. I, 70; Лакн. 58)

[Бѣдный, но довольный жребіемъ бедуинъ, подстрекаемый корыстолюбивою женою, приноситъ изъ пустыни въ Багдадъ къ халифу кувшинъ дождевой воды и получаетъ щедрый отдарокъ.—Воздержный бедуинъ есть символъ духа, а жена—символъ борющейся плоти].

XI.

№ 10. О томъ, какъ одинъ казвинецъ вздумалъ татуировать свое плечо, и, изъ-за раны, отказался отъ своей мысли.

(Бомб. I, 92; Лакн. 74; Гафф. II, 202-203).

Ін ζикайет би-шноw ез саζеб-бейан.

1. Выслушай отъ [толковаго] разскащика этотъ разсказъ про повадку и обычай казвинцевъ.
2. На тѣлѣ, на рукахъ, на плечахъ они, не обинуясь, выбиваютъ изображеніе льва, барса.
3. Чтобы на такую картину постоянно смотрѣть, они, для [полученія] изображенія, татуируются [1]).
4. Зашелъ къ одному цирюльнику какой-то казвинецъ, говоря:—«Нататуируй меня, сдѣлай пріятность!»
5. Тотъ сказалъ:—«Какое изображеніе наколоть, о богатырь?» Этотъ отвѣтилъ:—«Наведи образъ свирѣпаго льва.
6. «Счастливая звѣзда моего гороскопа есть Левъ, наведи рисунокъ льва. Постарайся, окраску татуировки сдѣлай густо-темной».
7. Цирюльникъ сказалъ: «А на какомъ мѣстѣ у тебя навести рисунокъ?» Казвинецъ отвѣтилъ: «Выбей такое начертаніе на плечѣ моемъ,
8. «чтобы, съ такимъ свирѣпымъ львомъ, спина моя являлась сильна и въ бою и на пиру, и чтобы въ намѣреніяхъ я сталъ рѣшительнымъ».
9. Когда татуировщикъ началъ вонзать иголку, [и когда] въ плечѣ явилась боль,
10. то [нашъ] герой завопилъ: «О, блестящій [талантъ]! Да ты меня убилъ! Что за рисунокъ ты наводишь?!»
11. Цирюльникъ возразилъ:—«Вѣдь ты заказалъ мнѣ льва». А тотъ въ отвѣтъ:—«Съ какого же члена ты началъ [рисовать]?»

---

[1]) «ез сер-и сурет» я понимаю въ смыслѣ: „ради изображенія“ (т. е. „ез сер-и“ = ез б рай-и“). Но природные персы понимали въ моемъ присутствіи фразу „ез-сер-и сурет“ въ значеніи: „начиная съ лица“, т. е. переводили „ез сер-и“ какъ „отъ начала“, а „сурет“ какъ „лицо“.

12. —«Я съ хвоста началъ».—«Брось хвостъ!» рѣшилъ заказчикъ :«[не рисуй его], о пара очей моихъ! [1]) . . . .

13. «Изъ-за львинаго хвоста и того мѣста, откуда хвостъ ростетъ, у меня духъ захватило! Его хвостатая часть мнѣ крѣпко дыханіе сперла! .. [2])

14. «О, львиный художникъ! Пусть левъ будетъ безъ хвоста! Мое сердце охватила слабость отъ кусающей раны (уколовъ).»

15. Тогда въ другомъ мѣстѣ цирюльникъ началъ дѣлать рану, безъ всякой церемоніи, безъ жалости, безъ милосердія.

16. Казвинецъ [опять] поднялъ крикъ: «Ну, а это какая часть его тѣла?!»—«Это ухо, добрый человѣче».

—«17. Ахъ, мастеръ! пусть не будетъ у него уха!» вскричалъ казвинецъ: «Покинь ухо—и дѣлу конецъ!»

18. Мастеръ началъ пронзаніе въ новомъ мѣстѣ. Опять казвинецъ учинилъ вопль:

19. «Ну, эта третья сторона—это опять какая часть тѣла?!»—«Это львиный животъ, о мой дорогой!»

20. —«Ахъ, пусть не будетъ живота у льва!—потребовалъ заказчикъ. Да какой-такой животъ нуженъ этому злочастному!

21. «Боль-то прибавляется!..... поменьше наноси ранъ! Ну, зачѣмъ льву животъ, [скажи] ради Бога?!»

22. Впалъ въ изумленіе цирюльникъ, очень остался смущенъ. Долго онъ простоялъ съ пальцемъ между зубами.

23. И вотъ, въ одинъ мигъ бросилъ мастеръ иголку на землю и сказалъ: —«Случалось ли это съ кѣмъ-нибудь въ мірѣ?!

24. «Кто видалъ льва безъ хвоста, головы и живота?! Подобнаго льва еще Господь не создавалъ!

25. «Если у тебя нѣтъ терпѣнія вынести игольное накалываніе, то и не притязай на такого свирѣпаго льва» . . . . . —

26. О, братъ, терпи жалящее страданіе, чтобы освободиться отъ жала своей языческой [похотливой] души.

---

[1]) т. е. „о, дорогой мой!“ Срв. по арабски въ томъ же смыслѣ: „йâ, ʿайні!“

[2]) Руководствуясь аналогіей перваго полустишія, да и пристойностью, читаю: „Домгяh-и у демгяhем моζкям гирифт“. Срв. подобное же чередованіе словъ „дом“ (хвостъ) и „дем“ (дыханіе) въ „Энвâр-и Соhейлі“ въ разсказѣ про ослика, отправившагося добывать себѣ хвостъ: Дер дом-телебі qедем hемі-зед. Дом мі-телебід—о дем не мі-зед. Однако нынѣшніе персы обыкновенно читаютъ эту фразу въ Месневи такъ: „Домгяh-и у—домгяhем моζкям гирифт“ = „Мѣсто, откуда у него ростетъ хвостъ, закупорило мнѣ мѣсто, откуда у меня ростетъ хвостъ“.

27. Вѣдь передъ тѣми людьми, которые освободились отъ своего бытія, преклоняется и небесный кругъ, и солнце, и луна.
28. Всякому, въ тѣлѣ котораго умерла языческая [похотливая] душа, подчиняются и солнце, и тучи.
29. Когда сердце его научилось сіять терпѣніемъ, то и солнце не смѣетъ жечь его.

XII.

№ 11. Левъ, волкъ и лиса (Лакн. 7.; въ Бомб нѣтъ).

[Левъ растерзалъ волка, когда тотъ, послѣ совмѣстной охоты, не такъ подѣлилъ уловъ, и дѣлежъ былъ порученъ лисицѣ. Она отказалась дѣлать разницу между «мое» и «твое» и предоставила весь уловъ одному льву. Левъ, тронутый ея самоотреченіемъ, отдалъ ей все [1]). По этому поводу приводится и дальнѣйшая притча].

XIII.

Уничтоженіе «ты» и «я» (Лакн. 77; въ Бомб. нѣтъ; Гафф II. 203-204. Стихотв перев. Ѳ Корша) Ан йекі амед, дер-и йарі би-зед

Стучался нѣкто въ дверь того, кого любилъ.
—«Ты кто, смѣльчакъ? скажи!» любимецъ такъ спросилъ.

Отвѣтъ былъ: «Это я» —«Ступай! мнѣ нѣтъ досуга.
«Мой столъ—для одного, готоваго лишь друга.

«Незрѣлому созрѣть разлука дастъ одна;
«Иначе лесть и ложь въ любви его видна».

Пошелъ бѣдняга прочь и цѣлый годъ въ разлукѣ,
Скитаясь, предавалъ себя несносной мукѣ;

Созрѣлъ, сгорѣвъ душей, пока насталъ возвратъ,
И вновь бродилъ онъ тамъ, гдѣ жилъ его собратъ.

Онъ стукнулъ въ дверь кольцемъ, готовя рѣчь тревожно,
Чтобъ грубость уловить ужъ не было въ ней можно.

Любимецъ крикнулъ: «Эй! кто тамъ?» И вотъ въ тиши
Звучитъ: «Здѣсь также ты, о царь моей души!»

Отвѣтилъ другъ: «Когда ты - „я", о „я", пожалуй!
«Двоихъ же „я" вмѣстить не можетъ домикъ малый.

«Двойную нить въ иглу напрасно не вводи.
«Теперь ты сталъ единъ—въ иглу мою пройди.

«Игла и нить къ себѣ влекутся обоюду.
«Въ игольное ушко нельзя пройти верблюду.

---

[1]) Какъ извѣстно, эта же басня (съ замѣною волка осломъ) использована въ малорусскихъ проповѣдяхъ Ант Радивиловскаго XVII в. И у Радивиловскаго, тоже, лисица является символомъ добродѣтельнаго смиренія.

«Что нити тонину верблюду можетъ дать?—
«Святыхъ лишь подвиговъ и мыслей благодать.

XIV.

№ 12 Іосифъ и зеркало (Бомб. I, 93; Лакн. 80).

[Гость, пріѣхавшій въ Египетъ къ Іосифу Прекрасному, не нашелъ для него лучшаго и болѣе достойнаго гостинца, какъ зеркало: въ немъ Іосифъ будетъ любоваться на отраженіе своей собственной, ни съ чѣмъ несравнимой красоты].

XV.

№ 13. Самообольщеніе записывателя откровеній пророка Мохаммеда (Бомб I, 95; Лакн. 81)

[Одинъ изъ тѣхъ, кто часто записывалъ откровенія, ниспосылаемыя отъ Бога въ уста посланника Божія, вообразилъ въ концѣ концовъ, что божественная мудрость записываемыхъ имъ наитій есть его собственная мудрость, плодъ его писательскаго ума, и, подобно злымъ ангеламъ Харуту и Маруту, отпалъ отъ истинной вѣры].

XVI.

№ 14. Состязаніе греческихъ и китайскихъ художниковъ (Бомб. I, 102; Лакн. 86).

[Греческіе (румі) и китайскіе художники, для рѣшенія спора, кто изъ нихъ искуснѣе, получили отъ царя по дворцу для отдѣлки. Китайцы изящно расписали данный имъ дворецъ, съ изумительной тонкостью, всѣми красками и узорами, а греки очистили и отшлифовали стѣны своего, сосѣдняго зданія, такъ что расписной китайскій дворецъ весь отражался въ греческихъ свѣтлыхъ стѣнахъ, словно въ зеркалѣ. Побѣда осталась за греками.—Чистота сердца такимъ же образомъ выше учености].

XVII.

№ 15. Бесѣда Пророка съ Зейдомъ (Бомб. I, 103; Лакн. 87).

[Зейдъ во снѣ видѣлъ Страшный судъ и его подробности. Мохаммедъ ему запретилъ разсказывать людямъ объ этомъ откровеніи и повелѣлъ сломить свою жгучую потребность въ раздѣленіи тайны съ другими. Есть вставочные анекдоты про мудраго Локмáна, про царя Соломона, про пожаръ во времена халифа Омара].

XVIII.

№ 16. Безроботность Алія (Бомб. I, 109; Лакн. 92).

[Персидскій магъ въ спорѣ плюнулъ въ лицо повелителю правовѣрныхъ, халифу Алію, «Льву Божію»,—и тотъ сдержалъ себя, признавая, что враждебнымъ поступкомъ врага руководитъ все та же воля Божья.

По той же причинѣ Алій, освѣдомленный Мохаммедомъ, не винилъ своего будущаго убійцу-слугу, которому заранѣе предопредѣлено было стать орудіемъ воли Всеединаго,—и напрасно тотъ слуга, тоже освѣдомленный Мохаммедомъ, на колѣняхъ умолялъ, чтобы Алій заранѣе убилъ его и тѣмъ предотвратилъ бы ужасное предопредѣленіе].

Изъ второй книги „Месневи“.

XIX.

№ 1. Голодный оселъ проѣзжаго суфія (Бомб. II, 6; Лакн. 103) [1])

[Начинается II книга «Месневи» введеніемъ, гдѣ, кстати сказать, содержится дата: 662=1264 г. Среди разсужденій объ обманчивости нашихъ ощущеній вставленъ короткій анекдотъ о человѣкѣ, который вздумалъ показывать халифу Омару новолуніе на чистомъ небѣ, а оказалось, что это на его глазъ нависъ волосокъ отъ брови. Еще короче анекдотъ о змѣѣ, украденной у змѣелова и ужалившей вора. Коротокъ и разсказъ о нежеланіи Іисуса сообщить одному неразумному человѣку даръ воскрешенія мертвыхъ костей именемъ Божьимъ. Одно и то же слово въ иныхъ устахъ можетъ быть благодатнымъ, въ иныхъ—нѣтъ. И послѣ того идетъ длинная притча о странствующемъ суфіѣ: онъ по дорогѣ заѣхалъ на своемъ ослѣ въ дервишескій монастырь, принялъ участіе въ общемъ собраніи братіи, а осла поручилъ слугѣ, давши ему подробныя наставленія, какъ надо позаботиться о голодномъ и изнемогшемъ животномъ [2]). Слуга на всѣ указанія очень послушно и набожно повторялъ: «Съ Божьей помощью!» [3]), а когда ушелъ—небрежно оставилъ осла безъ ѣды, безъ воды, безъ всякаго ухода, и тотъ на другой день едва могъ плестись въ

[1]) И во II книгѣ «Месневи» я продолжаю держаться нумераціи Уинфильда, хотя здѣсь онъ, въ противность I книгѣ, ужъ слишкомъ часто сливаетъ въ одинъ номеръ два-три-четыре разсказа, будь они даже довольно длинны. Для Уинфильда вѣдь вообще интересны не притчи «Месневи» (которыхъ онъ и не переводитъ), а лишь суфійскія Джеляледдиновы поясненія къ нимъ. Въ новомъ, полномъ англійскомъ переводѣ II кн. Уильсона «The Masnavi, book II» [Лонд. 1910) нѣтъ и вовсе никакой нумераціи—что представляетъ собою другую неудобную крайность.—Нѣкоторые, болѣе мелкіе разсказы II книги я вовсе не отмѣчаю, даже заглавія не привожу.

[2]) Вставленное сюда разсужденіе Джеляледдина, почему онъ прибѣгаетъ къ притчамъ, мы переведемъ ниже, въ рубрикѣ XX-ой стр. 304.

[3]) «Ля ẓawль»=букв. „нѣтъ силы [иначе, какъ въ Богѣ]“.

пути. Благочестивое изреченіе само по себѣ ничего не значитъ. Въ устахъ Мансура [Халладжа] возгласъ: «Я—Богъ!» былъ свѣтомъ истины, а когда Фараонъ говорилъ: «Я—Богъ», это была богохульная ложь [1]).

XX.

Какъ суфіи продали животное странствующаго суфія для расхода на столъ и музыку.

[Бомб II, 16; Лакн. 111; Гафф. II, 204, безъ 1-го стиха].

Выслушай для предостереженія нижеслѣдующую исторію, чтобы узнать, какая бѣда—въ [неразумномъ] подражаніи.

Суфіі дер ханеqаh ез реh ресід.

1. Одинъ суфій съ дороги пріѣхалъ въ монастырь и своего осла завелъ-втянулъ въ стойло.

2. Далъ ему водицы и травы, собственноручно,—не такъ, какъ тотъ суфій, про котораго мы говорили раньше [2]),—

3. Все предусмотрѣлъ для него, чтобъ не вышло упущеній и недосмотра...... Но когда грядетъ судьба, то какая польза отъ предусмотрительности?! [3])

4. [Монастырскіе] суфіи были нищими, бѣдняками....... «Кâда л-фаqро, ан йакýна кофран» —«Бѣдность близка къ тому, чтобъ быть невѣріемъ»,—вспомни [этотъ хадисъ].

5. [Да только] ты, о, богачъ, ты, который сытъ, чу! не смѣйся надъ [грѣшной] кривизною подобнаго несчастнаго бѣдняка........

6. Ну [такъ вотъ] изъ-за [своей человѣческой] порочности та ватага суфіевъ взялась продавать осла, всѣ сразу.

7. —«По нуждѣ вѣдь и падаль оказывается разрѣшенной пищей [4]).

1] О суфіѣ Мансурѣ-Халладжѣ, который былъ казненъ въ 922 г., см. во II т. «Исторіи Персіи», въ очеркѣ исторіи суфійства [М. 1912, стр. 64]. Джеляледдинъ не разъ вспоминаетъ его, какъ святого великомученика, напр. дальше въ «Месневи», въ разсказѣ о Зу-н-нунѣ [№ XXVI].

2] Намекъ на предыдущій разсказъ II книги «Месневи» [у насъ № XIX]. Тамъ суфій поручаетъ свое животное слугѣ.

3] Вѣроятно, имѣется въ виду извѣстный арабскій хадисъ: «Изâ жâа ль-qадаро—батала ль-ҕазаро»=«Когда наступаетъ рокъ, тщетна бываетъ предосторожность».

4] Повидимому, суфіи вспоминаютъ слова Корана [сура II, стихъ 168]: «Богъ запретилъ вамъ въ пищу мертвечину. Но кто будетъ къ ней принужденъ, на томъ не будетъ грѣха: Богъ—прощающій, милостивый».

Много бываетъ сквернаго, что по нуждѣ превращается въ хорошее»,— [говорили они].

8. И въ тотъ же мигъ они этого ослика продали, принесли разныхъ угощеній, зажгли свѣчи.

9. Шумъ-гамъ поднялся въ монастырѣ: «Сегодня, молъ, вечеромъ у насъ будетъ и угощеніе, и пляска подъ музыку, и неистовое веселье!

10. «До какихъ еще поръ намъ этакъ терпѣть! . . . И по три дня поститься—до какихъ поръ!...... До какихъ поръ эта [дервишеская] корзинка? Это нищенство—до какихъ поръ?! . . .

11. «Мы тоже люди! Душу имѣемъ и мы! Сегодня вечеромъ счастье гоститъ и у насъ!»....

12. [Такъ] они сѣяли сѣмя лживой тщеты, принимая за душу то, что не есть душа.

13. А тотъ путешественникъ—онъ, тоже, отъ долгаго пути усталъ,— и [вдругъ] увидѣлъ это неожиданное счастье и ласку.

14. Суфіи, одинъ за другимъ, его обласкали: тонкую игру [1]) услугъ ему они премило разыгрывали.

15. Одинъ изъ такихъ сталъ растирать ему ноги и руки. Другой спросилъ его, гдѣ онъ живетъ.

16. Третій отряхнулъ пыль съ его одежды. Еще одинъ поцѣловалъ его руку и лицо.

17. И сказалъ [путникъ], видя ихъ расположеніе къ нему: «Если я не повеселюсь даже сегодня вечеромъ, то когда жъ еще?» [2]).

18. Съѣли они угощенія. Началась хороводная пляска. Монастырь до потолка сталъ полонъ дыма и пыли.

19. Дыма—отъ кухни, пыли—отъ той пляски, полной томленія, страсти и душевнаго возбужденія.

20. То, всплескивая руками, они притопывали ногами,—то, отвѣшивая земные поклоны, они [лбами] обметали скамьи вдоль стѣнъ.

---

[1]] букв. «нердъ», «трикъ-тракъ».

[2]] Переводъ данъ согласно Бомбейскому изданію, гдѣ второе полустишіе начинается съ «гяр» [=«если»]. Въ хрестоматіи мирзы Абд. Гаффарова, съ добавкою только одной точки, принято вм. «гяр» чтеніе «кез» [т. е. «ке ез»]. Въ такомъ случаѣ надо перевести: «Отъ веселья сегодняшняго вечера я даже не вспомню о времени!» [букв. «не сдѣлаю когда»]. Впрочемъ мирза-Джафаръ сообщилъ мнѣ свое особое мнѣніе, согласно которому смыслъ полустишія таковъ: «Отъ веселья нынѣшняго вечера я не стану отказываться» [вѣдь слово «кéй» значитъ не только «когда?» но и «зачѣмъ? съ какой стати? развѣ?»]

21. Вѣдь не скоро находитъ суфій успокоеніе отъ мірского [1]). Оттого суфій бываетъ [и] очень презрѣннымъ [2]),

22.—кромѣ, развѣ, того суфія, который свѣтомъ [божественной] Истины насыщается. Такой—бываетъ свободенъ отъ позора стучаться [въ двери за подаяніемъ].

23. Среди тысячи немного есть такихъ [настоящихъ] суфіевъ; остальные же [только] по ихъ милости и живутъ.

Отступленіе автора, касательно притчъ [Бомб II, 7 : 19; Лакн 104] [3])

1. О! наступитъ ли пора, когда Тотъ, кому завидуетъ каждая свѣтлость, позволитъ мнѣ прямо [безъ всякихъ притчъ] высказывать то, что обязательно и что должно быть высказано?

2. [Истина—море, притчи—пѣна]. Море вздыметъ пѣну и заградится ею; иногда—ее откатитъ, иногда—переливается вмѣстѣ съ нею.

3. Такъ выслушай же, что́ мнѣ мѣшаетъ [прямо излагать ученіе, безъ притчъ]. Эта помѣха—склонность слушателя отвлекаться въ сторону.

4. Вотъ и теперь:—мысль его занята тѣмъ заѣзжимъ суфіемъ, и весь онъ, по самое горло, охваченъ интересомъ только къ нему!

5. Приходится мнѣ, поэтому, отступить отъ рѣчи [про наиболѣе желательное] и вновь вернуться къ той исторіи, къ изложенію всѣхъ подробностей.

6. Но, о дорогой другъ, не понимай повѣсти про того суфія чисто внѣшнимъ образомъ! До какихъ поръ ты будешь забавляться разсказомъ, словно малыя дѣти забавляются орѣхами да изюмомъ!

9. Итакъ разсказъ, въ его внѣшнемъ видѣ, ты теперь слушать-слушай. Но чу! съумѣй выдѣлить въ немъ [изъ-подъ мякины] зерно!

Продолженіе повѣствованія о заѣзжемъ суфіѣ.

24. Когда началась музыка, то отъ начала до конца пѣвецъ про-

---

1] Читаю: „Д і р йâбед суфі â ж [не «âз»!] ез рузгâр». Возможно, конечно, прочитать и «азâ з' рузгâр»=«замѣну за отказъ отъ мірского».—Придерживаясь же текста, принятаго въ хрестоматіи Гаффарова, пришлось бы перевести: «Бѣсъ овладѣваетъ суфіемъ: жадность къ мірскому».

2] или «большимъ обжорой» [если мы будемъ читать «бесйархар» за одно, цѣльное слово].

3] Это отступленіе сдѣлано Джеляледдиномъ не въ этомъ разсказѣ, а въ предыдущемъ [№ XIX]: «Голодный оселъ пріѣзжаго суфія». Но такъ какъ тотъ разсказъ нами не включенъ въ переводы, то мы рѣшаемся вставить это отступленіе здѣсь,—тѣмъ болѣе, что оба разсказа имѣютъ сходство и въ сюжетѣ, и въ построеніи.

велъ одну унылую мелодію:

25. —«Оселъ пропалъ! оселъ пропалъ!»—затянулъ онъ. И своимъ горячимъ восторгомъ онъ всѣхъ присутствовавшихъ увлекъ за собою въ общій хоръ.

26. Въ своемъ горячемъ восторгѣ они притопывали ногами до зари и хлопали въ ладоши [напѣвая]: «Оселъ пропалъ! оселъ пропалъ, о сынъ мой!»

27. Подражая имъ, и тотъ [пріѣзжій] суфій жалостно затянулъ: «Оселъ пропалъ!»

28. Когда кончились эта услада и волненіе и музыка, то наступилъ ужъ день, и всѣ присутствовавшіе сказали [другъ другу]: «Ну, прощайте!»

29. Монастырь опустѣлъ, а тотъ суфій остался. Онъ, путникъ, сталъ отряхивать пыль отъ своихъ одеждъ.

30. Вынесъ онъ свои одежды изъ комнаты на дворъ, чтобы навьючить ихъ на осла. Ему ужъ надо было разыскать своихъ дорожныхъ товарищей.

31. Чтобы нагнать своихъ спутниковъ, онъ торопился. Пошелъ онъ на конюшню,—и осла своего не нашелъ.

32.—«А!» сказалъ онъ: «Тотъ слуга повелъ его на водопой, потому что вчера вечеромъ оселъ маловато пилъ воды.»

33. Слуга вернулся:—«А гдѣ оселъ?» спросилъ суфій. Слуга сказалъ: «[Да ты маленькій, что ли?] Посмотри на [свою] бороду!» Возникъ споръ.

34. Гость говорилъ: «Осла я вручилъ—тебѣ! я на тебя возложилъ попеченіе объ ослѣ!

35. «Ты отвѣчай съ толкомъ! къ пустымъ оправданіямъ не прибѣгай! Что я тебѣ вручилъ, то назадъ мнѣ и вручи!

36. «Съ тебя я требую того, что сдалъ тебѣ. Верни то, что я вручилъ тебѣ!

37. «И Пророкъ сказалъ: „Что твоя рука взяла, то она должна, въ концѣ концовъ, и назадъ отдать“ [1]).

38. «А если ты по своему упорству не согласенъ съ этимъ, то вотъ —и я, и ты, и домъ законнаго судьи!»

39.—«Но вѣдь я былъ побѣжденъ!» возразилъ слуга: «тѣ суфіи

---

[1]) Вѣроятно, это намекъ на Коранъ, въ сурѣ IV, v. 61: „Истинно, Богъ повелѣваетъ вамъ порученныя храненію вещи возвращать владѣльцамъ ихъ“. Или въ сурѣ II, 283: „Тотъ, кому что-либо поручено, долженъ возвратить порученное“.

произвели нападеніе, и у меня былъ страхъ за свою жизнь.

40. «Ты бросишь какой-нибудь потрохъ межъ кошекъ,—а потомъ будешь искать слѣда его!?

41. «[Это—то же, что] среди сотни голодающихъ—одна лепешка, что среди сотни собакъ—одна исхудалая кошка».......

42. —«Ну, я готовъ допустить», сказалъ пріѣзжій суфій, «что у тебя насильно взяли, что они покусились на мою несчастную душу.

43. «Но почему бы тебѣ не прійти и не сказать мнѣ, что вотъ, молъ „твоего осла уводятъ, бѣдняга!"—

44. «—пусть бы я выкупилъ осла у того, кто его уводилъ, или же—пусть бы [всѣ] они раздѣлили мои деньги, [а мнѣ вернули бъ осла][1]).

45. «Была сотня средствъ, пока тѣ суфіи находились здѣсь. А теперь каждый изъ нихъ ушелъ въ разную сторону свѣта.

46. «Кого мнѣ [теперь] схватить! кого вести къ кадыю!... И эта роковая участь—только изъ-за тебя пала на мою голову!

47. «Почему бъ тебѣ не прійти и не сказать: „Чужеземецъ! произошло вонъ-какое страшное насиліе!"

48. На это слуга отвѣтилъ: «Ей Богу жъ, я приходилъ нѣсколько разъ, чтобы освѣдомить тебя обо всемъ этомъ.—

49.—а ты повторялъ: „Оселъ пропалъ, о сынъ мой!" [и повторялъ это] съ бо́льшимъ наслажденіемъ, чѣмъ всѣ прочіе говорившіе.

50. «Я и возвращался, [думая себѣ]: „Онъ объ этомъ освѣдомленъ, и этой участью доволенъ. [На то] онъ аскетъ-мудрецъ."

51. И сказалъ скиталецъ-суфій: «Вотъ это самое всѣ присутствовавшіе говорили съ пріятностью, и мнѣ стало наслажденіемъ повторять то же.

52. «Меня сгубило подражаніе имъ. Двѣсти разъ проклято да будетъ то подражаніе!

53. «Въ особенности подражаніе такимъ негоднымъ, которые честь свою расточили изъ-за хлѣба.»

XXI.

№ 2. Громогласное объявленіе человѣка несостоятельнымъ должникомъ и ничего не слышавшій курдъ (Бомб. II, 18; Лакн, 113)

[Бездомный, вѣчно голодный проходимецъ присосѣдился къ тюрьмѣ

---

[1]) Въ противность мнѣ, мирза Абдулла Гаффаровъ понимаетъ второе полустишіе такъ: „а не то—пусть бы всѣ они разверстали между собою уплату денегъ мнѣ". Мирза Джафаръ Ризаевъ толкуетъ еще иначе: „А не то—они совсѣмъ бы растратили мои деньги!"

и съѣдалъ самъ почти всю ѣду, подававшуюся арестантамъ. Кадый велѣлъ его объявить несостоятельнымъ должникомъ. Для этого позорно возили его въ теченіи цѣлаго дня на верблюдѣ по городу, и десять глашатаевъ выкрикивали по-турецки, курдски, гречески и арабски[1]), что съ этимъ человѣкомъ никто впредь не долженъ имѣть никакихъ сдѣлокъ, такъ какъ съ него получить ничего нельзя. Верблюда все время велъ хозяинъ его, курдъ. Вечеромъ курдъ вздумалъ требовать со своего невольнаго сѣдока плату за ѣзду, и тотъ съ изумленіемъ спросилъ: «Да гдѣ же были твои уши, если ты въ теченіи цѣлаго дня не съумѣлъ услышать того, что слушалъ весь городъ, всѣ люди, всѣ камни?!» Подобно курду, человѣкъ, погруженный въ свои мысли и созерцаніе, видя не видитъ, слыша не слышитъ.]

XXII.

Убійца матери (Бомб. II, 23; Лакн. 117).

[Человѣкъ убилъ родную мать, которая развратничала съ чужими, и оправдывался—что лучше вѣдь было сразу умертвить только ее одну, чѣмъ каждый день убивать новыхъ ея любовниковъ.—Блудливая мать есть символъ плотской души, которую надо убивать въ себѣ].

XXIII.

№ 3. Царь и два новокупленныхъ раба (Бомб. II, 24; Лакн. 118).

[Царь купилъ двухъ рабовъ: красавца и безобразнаго. Отославши красавца изъ дому, помыться въ банѣ, онъ сказалъ другому, уроду со смраднымъ дыханіемъ, что красивый товарищъ ругалъ его и приписывалъ ему множество пороковъ. Рабъ кротко отвѣчалъ, что до сихъ поръ онъ зналъ своего товарища за правдиваго и благороднаго человѣка, а потому принужденъ вѣрить его правотѣ и въ данномъ случаѣ. Очевидно, тому со стороны лучше видны его недостатки, чѣмъ ему самому. Вернулся красавецъ. Царь повторилъ съ нимъ тотъ же пріемъ испытанія и сказалъ, будто первый рабъ очень скверно отозвался про него. Красивый рабъ вспылилъ и постарался сплошь очернить своего товарища. Государь понялъ, что у одного смрадны только уста, у другого—душа].

XXIV.

№ 4. Соколъ среди совъ (Бомб. II, 32, Лакн. 125).

[Царскій соколъ, привыкшій сидѣть на рукѣ у государя, заблудился и попалъ въ мѣстопребываніе совъ. Онѣ съ улюлюканьемъ бросились на

---

[1]) Варіантъ: „по-персидски, арабски и курдски".

него, воображая, будто онъ хочетъ завладѣть ихъ развалинами. Онѣ отказывались вѣрить, что совьи развалины ему и не желательны вовсе, что его обиталищемъ была государева рука, и что онъ только и мечтаетъ, какъ бы вновь возвратиться въ свое первоначальное выспреннее жилище].

XXV.

№ 5. Недоступная вода на виду у томящагося жаждою (Бомб. II. 33; Лакн. 126).

[Жаждущій, глядя съ каменной стѣны внизъ на недоступную для него воду, отрывалъ отъ своего мѣста на стѣнѣ камень за камнемъ и сталкивалъ ихъ въ воду. Дѣлалъ онъ это во-первыхъ для того, чтобы услышать отрадный плескъ воды, а во-вторыхъ—чтобы сколько-нибудь понизить стѣну и приблизить себя къ живительной влагѣ. Наша плоть—та же стѣна, не допускающая насъ до воды жизни, и надо стараться постоянно понижать ее, хотя бы понемногу-понемногу].

XXVI.

Зу-н-нунъ египтянинъ и друзья его (Бомб II, 38; Лакн. 131).

[Извѣстный египетскій суфій Зу-н-нунъ III=IX в. былъ друзьями принятъ за сумасшедшаго и засаженъ въ больницу. Потомъ они спохватились, что онъ себя показываетъ юродивымъ лишь ради Божества, и пришли въ больницу извиниться передъ нимъ.—«Да кто вы?» спросилъ онъ.—«Друзья».—«Друзья познаются въ тяжкую минуту», отвѣтилъ Зу-н-нунъ, отгоняя ихъ отъ себя.—Среди хода разсказа есть выпадъ противъ христіанъ, которые вѣрятъ, что Господь всего міра не съумѣлъ спастись отъ еврейскаго распятія—и въ то же время молятъ такого Бога о помощи].

XXVII.

№ 6. Про мудраго Локмâна и еще другихъ мудрецовъ [Бомб. II, 40; Лакн. 132].

[Локмâнъ (=Эзопъ) былъ рабомъ у добраго хозяина, который, цѣня его мудрость, обращался съ нимъ дружественно и дѣлилъ съ нимъ каждый лучшій кусокъ. Однажды принесли арбузъ. Господинъ сталъ рѣзать его и, ломоть за ломтемъ, подносилъ Локмáну, и тотъ ѣлъ, съ явнымъ удовольствіемъ. Но когда самъ господинъ попробовалъ этого лакомства, онъ съ отвращеніемъ убѣдился, что арбузъ—убійственно прогорьклый. —«Какъ же ты могъ ѣсть?» удивленно спросилъ онъ Локмáна.—«Я такъ много вкусилъ отъ тебя сладостей, что стыдился не принять горечи», отвѣтилъ любящій рабъ. Истинная любовь выясняется при полученіи непріятностей отъ любимаго предмета. Любовь претворяетъ горькое въ

сладкое, она дѣлаетъ мѣдь золотомъ, она обращаетъ страданіе въ отраду. Вмѣстѣ съ тѣмъ Локма́нъ показалъ, что онъ лишь тѣломъ рабъ, а духомъ —свободный господинъ.—Въ дополненіе идетъ разсказъ про посольство отъ премудраго царя Соломона къ царицѣ Савской Былкысѣ. Письмо съ Соломоновой печатью принесла невзрачная птица удодъ,—но мудрая Савская царица уразумѣла, что, если Соломонъ вручилъ именно удоду свое письмо, то, значитъ, въ удодѣ онъ нашелъ внутреннія сердечныя достоинства, не ясныя для простого взгляда [1]).—Еще одна притча: о заносчивомъ философѣ, который съ помощью хитроумныхъ машинъ-водокачекъ думалъ было опровергнуть утвержденіе Корана о премудрой силѣ Божьей (Кор. 67 : 30). На утро онъ проснулся слѣпымъ. Его могло бы спасти душевное раскаяніе, молитва о прощеніи.

«Но вознести мольбу о прощеніи—это также не въ нашей власти!
«Не всякій можетъ, въ упоеніи, вкусить сладость покаянія!

XXVIII.

№ 8. Повѣсть про Моисея (миръ ему!) и про пастуха.

(Бомб. II, 47; Лакн. 138; хрестом. Гафф. II, 207)

Моисей (миръ ему!) не признаетъ задушевной молитвы пастуха.

1. Моисей увидѣлъ на дорогѣ одного пастуха, который говорилъ: «О, Господи-Боже!

2. «Гдѣ Ты? [скажи] для того, чтобы я могъ сдѣлаться Твоимъ слугою, шить Тебѣ кожаные постолы, расчесывать Твою голову!

3. «О Ты, Господи, кому жертвой [готова быть] и моя душа, и всѣ мои дѣти, и весь мой домъ со всѣмъ имѣніемъ!

4. «Гдѣ Ты? пусть бы я Твою голову расчесывалъ, пусть бы я кожаные лапти Тебѣ шилъ, частымъ швомъ ихъ строчилъ!

5. «Пусть бы я Тебѣ платье мылъ[2]), Твоихъ вшей убивалъ, молоко Тебѣ приносилъ, о Достопочтенный [Боже!].

6. «А если бъ съ Тобой приключилась болѣзнь,—пусть бы я заботился о Тебѣ, какъ родной.

7. «Пусть бы я Твои ручки цѣловалъ, Твои ножки растиралъ, а пришло бы время сна,—я бы выметалъ Твое помѣщеньице.

8. «Если бы мнѣ повидать Твой домъ, я бы постоянно приносилъ Тебѣ масло и молоко, утромъ и вечеромъ,—

---

[1]) Срв. объ удодѣ въ „Мантыq ат-тайр" Аттара (1119-1230), гдѣ удодъ является проводникомъ птицъ на пути къ Симоргу. Изложеніе—у насъ въ „Исторіи Персіи", т. II (1912, стр. 247-255). Источникъ—Коранъ, гл. 27 : 20 и слѣд.

[2]) Вмѣсто глагола д у з е м, изданнаго въ хрестоматіи мирзы Абдуллы, лучше взять ш у й е м, какъ въ Бомбейскомъ изданіи.

9. —«и сыръ, и сдобные хлѣбцы, и вина, и всякую нѣжную простоквашу.

10. «Я бы готовилъ и приносилъ къ Тебѣ, утромъ и вечеромъ. Моя бы была обязанность —приносить пищу, Твоя бы—съѣдать.

11. «О Ты, въ жертву кому [пусть пойдутъ] всѣ мои козы! О Ты, въ чье воспоминаніе [раздаются] всѣ мои гиканья и оклики: «гей-гей!.... гей![1])»...

12. Вотъ такимъ образомъ говорилъ нелѣпости тотъ пастухъ. И спросилъ Моисей: «Съ кѣмъ это у тебя [бесѣда], человѣче?!»

13. Пастухъ отвѣтилъ: «[Я бесѣдую] съ Тѣмъ, кто создалъ насъ и благодаря кому появилась эта земля и небесный сводъ».

14. —«Ахъ! да ты съ ума спятилъ!!» сказалъ Моисей: «Ты, даже не сдѣлавшись еще мусульманиномъ, уже сталъ отступникомъ!

15. «Что это за безсмысленная рѣчь! Что это за богохульство и неудержимый вздоръ? Запихни кусокъ ваты въ свой ротъ!

16. «Вонь твоего богохульства провоняла весь міръ! Твое богохульство сдѣлало парчу вѣры жалкими лохмотьями.

17. «Кожаные лапти и онучи—они подобаютъ тебѣ. А сіяющему солнцу такія вещи развѣ годятся?!

18. «Если ты не замкнешь для такихъ словъ свою глотку, то [съ неба] низойдетъ огонь, чтобы пожечь всѣхъ людей.

19. «Если огонь еще не низошелъ, то этотъ дымъ [твоихъ кощунственныхъ рѣчей] чтó значитъ? Душа твоя почернѣла, духъ отверженъ—это чтó значитъ?

20. «Если ты признаешь, что Богъ есть [грозный] Судья, то подобная безсмысленная рѣчь и дерзость развѣ пойдутъ тебѣ въ прокъ?

21. «Неумная дружба—все равно, что вражда. Всевышній Богъ въ подобномъ служеніи не нуждается.

22. «Съ кѣмъ Ты это говоришь?! со своимъ дядюшкой—братомъ отца или матери?! Тѣло и потребности—развѣ [относятся] къ свойствамъ Всеславнаго?!

23. «Молоко пьетъ тотъ, кому нужно рости и возрастать. Кожаные лапти обуваетъ тотъ, кто [для ходьбы] нуждается въ ногахъ.

24. «Если подобная рѣчь будетъ [обращена] даже только къ рабу [Божію], про которую Господь сказалъ: „онъ [одинъ изъ малыхъ сихъ] есть Я, а Я—тотъ же онъ,“—

25. —«къ рабу, про котораго Богъ сказалъ: „недуговахъ—и не посѣ-

---

[1]) Я принимаю hâ въ „heйhâ-йи мен“ за признакъ множ. числа. Но мирза Джафаръ говоритъ, что есть и междометіе „heйhâй!“ примѣняющееся какъ окликъ тогда, когда хотятъ заставить кого-нибудь обернуться назадъ. Въ словаряхъ я такого междометія не нахожу и изъ личной практики не знаю.

тисте мя [ибо, если одинъ изъ малыхъ сихъ недугуетъ, то это значитъ, что] захворалъ и Я, не онъ одинъ захворалъ",

26. —„къ рабу, который является [живымъ поясненіемъ словъ Божіихъ]: «мною [одинъ изъ малыхъ сихъ] слышитъ и мною зритъ», то и по отношенію къ такому рабу эта [твоя рѣчь] будетъ все равно непримѣнима [1]).

27. «Неучтивая бесѣда [обращенная] къ отличенному Богомъ убиваетъ сердце [говорящаго] и чернитъ листъ [ангельскаго рукописанія его дѣяній].

28. «Если ты мужчину назовешь Фâтимой, то, хотя изъ одной породы —всякій мужчина и женщина,

29. —«онъ, по мѣрѣ возможности, покусится и на кровь твою, будь онъ даже добродушенъ, кротокъ, благочестивъ.

30. «[Имя] Фâтима въ примѣненіи къ женщинамъ есть похвала [вѣдь такъ называлась дочь пророка Мохаммеда], но если ты мужчину такъ назовешь, то это будетъ рана отъ копья!

31. «[Сказать про] руки и ноги въ примѣненіи къ намъ—это значитъ [лишь отмѣтить] удобство. Но въ примѣненіи къ пречистому Господу это есть оскверненіе.

32. «Ему подобаетъ [коранское опредѣленіе]: «не родилъ и не родился». Самъ Онъ есть творецъ и раждающаго и раждаемаго.

33. «Что тѣлесно, тому свойственно рожденіе. Что раждаемо, то находится по этой сторонѣ [бытійнаго потока] [а не по т о й, отвлеченно-духовной сторонѣ],

34. «ибо оно относится къ [области] возникновенія и тлѣнія, и оно презрѣнно. Оно создается—и, безъ всякаго сомнѣнія, нуждается въ Создающемъ Началѣ».

35. И сказалъ пастухъ: «О, Моисей! ты зашилъ мнѣ уста [для молчанія]! ты сжегъ мнѣ душу раскаяніемъ!»

36. Разорвалъ онъ платье и испустилъ горячій вздохъ. Онъ направился въ пустыню—и ушелъ.

Господь (да будетъ Ему слава!) упрекаетъ Моисея (миръ ему!) изъ-за пастуха.

37. Пришло [тогда] къ Моисею откровеніе отъ Господа: «Нашего раба ты разлучилъ съ Нами!

38. «А вѣдь былъ ты отправленъ для того, чтобы соединять! Не для того, чтобы разъединять, пришелъ ты [къ людямъ].

---

[1]) Въ переводѣ vv 24-26 мною вездѣ въ скобкахъ вставлена добавка: „единый отъ малыхъ сихъ", потому что Джеляледдинъ съ очевидностью намекаетъ на извѣстную евангельскую притчу (Матѳ., гл. 25), гдѣ посѣщеніе болящихъ отождествляется съ посѣщеніемъ Господа Бога. Мусульманскіе читатели этого евангельскаго намека не замѣчаютъ и думаютъ, что рѣчь просто о добромъ, возлюбленномъ рабѣ Божьемъ, причемъ цитируютъ и хадисъ.

39. «Пока можешь, не затѣвай разлуки. Ненавистнѣйшая вещь въ Моихъ очахъ это разводъ.

40. «Мы положили каждому человѣку особый образъ дѣйствій. Мы дали каждому человѣку особый способъ выраженій.

41. «[Одно и то же будетъ] съ его стороны хвала, а съ твоей—хула. Съ его стороны—медъ, съ твоей—ядъ.

42. «Съ его стороны—свѣтъ [истины], съ твоей—огонь [ада]. Съ его стороны—роза, съ твоей стороны—шипы.

43. «Съ его стороны—благо, съ твоей—зло. Съ его стороны—«ну, ладно!», съ твоей—отказъ.

44. «Мы же [Господь] изъяты отъ всякой чистоты и нечистоты, отъ всякой неуклюжести (неповоротливости) и расторопности.

45. «Сотворилъ Я людей не для того, чтобы [самому] получить какую-нибудь пользу, но для того, чтобы къ своимъ рабамъ проявить милость.

46. «У индусовъ—индійская рѣчь есть хвала, а у жителей Синда—синдская рѣчь хвала.

47. «Не Я дѣлаюсь чистымъ [=святымъ] вслѣдствіе ихъ славословія. Напротивъ, это именно они [тѣмъ, что славословятъ Меня] дѣлаются чистыми и разсыпающими перлы [краснорѣчія].

48. «Я гляжу не на внѣшность и не на слова: гляжу Я на внутренность и на [душевное] состояніе.

49. «Я взираю на сердце [человѣка], смиренно боящееся [Бога], хотя бы произносимыя слова были и непокорны.

50. «Ибо сердце есть сущность, а рѣчь черта случайная. Ясно, что случайная черта является лишь гостемъ-прихлебателемъ, а сущность—главной цѣлью.

51. «До какихъ поръ будутъ длиться слова, иносказанія, переносныя выраженія?! Только пылъ Мнѣ нуженъ, пылъ!—и проявленіемъ того пыла ты и довольствуйся!

52. «Зажги въ своей душѣ огонь любви! Всецѣло сожги мысли и словесныя выраженія.

53. «О, Моисей! знатоки правилъ рѣчи—это одни люди, а сжегшіе [любовью къ Богу] свою душу и духъ—это, опять, другіе люди.

54. «Влюбленнымъ приходится постоянно горѣть. [А помни:] съ деревни разоренной ужь не взыскивается ни поземельная подать, ни десятинная!

55. «Если [мистически] влюбленный говоритъ погрѣшность, не называй его погрѣшающимъ. Если мученикъ-исповѣдникъ весь покрытъ кровью, ты его [для погребенія] не отмывай!

56. «Кровь на мученикахъ—достойнѣе воды. Погрѣшность [въ устахъ влюбленнаго]—достойнѣе сотни правильностей.

57. «Внутри Ка'бы не соблюдается правило о кыблѣ[1]). Что за печаль, если у водолаза нѣтъ мокроступовъ![2]).

58. «Отъ опьяненныхъ не требуй, чтобы они были дорожными вожаками. Тѣмъ, у кого одежда [въ знакъ горя] разодрана, неужели ты предложишь зачинить ее?!

59. «Религія любви стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ другихъ вѣръ. Для влюбленныхъ [въ Господа]—и вѣроисповѣдный толкъ и религія это самъ Господь!

60. «Если на рубинѣ не будетъ [рѣзная] печать, то это [для него] не бѣда! Въ морѣ скорби любовь не скорбна!—

Откровеніе Моисею касательно пастуха.

61. Послѣ этого въ глубинѣ души Моисея Богъ запряталъ такія тайны, что о нихъ и сказать нельзя.

62. [Прямо] на сердце Моисея Онъ тѣ слова пролилъ: смѣшалъ Онъ во-едино словесную рѣчь и [экстатическое] видѣніе.

63. Моисей [въ этомъ наитіи] нѣсколько разъ лишался сознанія —и нѣсколько разъ опять приходилъ въ себя. Нѣсколько разъ онъ перелеталъ отъ безконечно-прошлаго до безконечно-будущаго.

64. Если я буду давать, сверхъ этого, еще какое-либо разъясненіе, то это выйдетъ [съ моей стороны] неразуміе, потому что разъясненіе подобнаго [состоянія] лежитъ за предѣлами вѣдѣнія.

65. Если я стану разсказывать, то [разсказъ мой] вырветъ всѣ умы; если я стану писать, то много перьевъ онъ поломаетъ.

66. Если я стану давать азторигетныя [длинныя] толкованія, то, [продолжаясь] даже до дня воскресенія мертвыхъ, [моя рѣчь] окажется только сжатымъ извлеченіемъ.

67. Оттого-то я сокращаю разсказъ [про наитіе Моисея]. А ты, если хочешь [знать больше], читай внутри своей души.....

. . . .

68. Когда Моисей услышалъ этотъ упрекъ отъ Господа, онъ побѣжалъ въ пустыню въ догонку за пастухомъ.

69. Онъ погнался по слѣдамъ ногъ того разстроеннаго [бѣдняка] и, отъ самаго края пустыни, взбилъ по ней пыль.

70. Стопы ногъ людей возмущенныхъ [страстью] вѣдь ясно отличаются отъ стопъ другихъ людей.

71. Одинъ шагъ [Моисей ступалъ] словно шахматная ладья, прямехонько;

---

[1]) Кыбла—та сторона свѣта, къ которой молящійся долженъ обращаться лицомъ Для христіанина кыбла—востокъ. Для мусульманина кыбла—та сторона, гдѣ лежитъ Ка'ба.

[2]) букв. «снѣговыхъ башмаковъ» [па̂чі̂ле]. Это родъ эскимосскихъ лыжъ, въ видѣ ракеты съ переплетеннымъ, сѣтчатымъ дномъ.

другой шагъ—онъ, словно шахматный слонъ, ступалъ наискось

72. То [онъ стремился порывисто] словно волна, вздымающая свой гребень, то, словно рыба, онъ двигался чревомъ,

73.—то по праху земному онъ ползкомъ чертилъ свое состояніе, словно рафельный звѣздочетъ, который устраиваетъ гаданье по песку,

74—то онъ въ изумленіи стоялъ, то бѣжалъ, то скользя катился, словно мячъ отъ [удара] кія.

75. Въ концѣ концовъ онъ нашелъ пастуха, увидѣлъ его и, возвѣщая радостную вѣсть [1]), сказалъ: «Пришло разрѣшеніе!

76. «[Впредь] не ищи никакихъ правилъ рѣчи, никакого построенія [въ ней]! Что ни пожелаетъ [сказать] твое удрученное сердце, то и говори!

77. «Твое нечестіе есть вѣра, и вѣра твоя—свѣтъ души. Можешь не тревожиться, а благодаря тебѣ—и весь міръ можетъ не тревожиться.

78. «О ты, получившій льготу!... Творитъ бо Богъ, іеже хощетъ [2])…. Безъ стѣсненія—ступай, своему языку волю давай!»

79. А пастухъ сказалъ: « О Моисей! я уже перешелъ этотъ рубежъ. Теперь я уже весь окунулся въ крови моего сердца.

80. «Я уже миновалъ и лотосовое дерево, стоящее на крайней границѣ [рая и небесъ] [3]). Я ужъ на сотни тысячъ лѣтъ ушелъ [дальше] по ту сторону.

81. «Ты хлестнулъ нагайкой—и моя лошадь взвилась [на дыбы]. Она сдѣлала крутой прыжокъ—и ушла за кругъ небесный.

82. «Тѣснымъ другомъ моего человѣческаго существа [впредь] да будетъ [ужъ только] божественность!... Хвала твоей рукѣ и мышцѣ! [за то, что онѣ ускорили мое приближеніе къ этому блаженству].

83. «Мое состояніе теперь внѣ словъ. Все, что я [вы]скажу, не будетъ [подлинное] мое состояніе» . . . .

* * *

---

[1]) Я твердо стою за правильность этого перевода (мождедиһ=«благовѣствователь», одно сложное слово), хотя значительная часть персовъ, подобно издателю хрестоматіи мирзѣ Абдуллѣ Гаффарову, произведетъ раздѣлъ на два слова («мождедиһ!»=«дай радостную вѣсть!») и истолкуетъ ихъ въ смыслѣ: «дай награду за радостную вѣсть!» Объясняется это тѣмъ, что въ разговорной рѣчи восклицаніе „мождe!“ («=радостная вѣсть!») получило смыслъ: «на чаекъ съ васъ за радостное сообщеніе!»

[2]) Коранъ III, 35 и XXII. 19.

[3]) Намекъ на Коранъ, гл. LIII, 13-14: „Мохаммедъ видѣлъ Гавріила еще и другой разъ, у лотосоваго дерева на крайней границѣ“. О разныхъ толкованіяхъ этого коранскаго мѣста см. у меня въ „Сурахъ старѣйшаго періода“ (М. 1905) стр. 221-222

XXIX.

Про умныхъ враговъ и услужливыхъ дураковъ.

1. Пророкъ сказалъ: Вражда умнаго лучше любезности, идущей отъ глупаго.

2. Дружба со знающимъ врагомъ—хороша. Знающій врагъ лучше невѣжественнаго друга.

Разсказъ о всадникѣ и спящемъ (Бомб. II, 51; Лакн. 141; Гафф. II, 211) ʿАqилі бер есп мі-й-амед севар.

1. Одинъ умный [человѣкъ] ѣхалъ верхомъ на лошади, а [тѣмъ временемъ] ко рту спящаго ползла змѣя.

2. Тотъ всадникъ это увидѣлъ, заторопился, чтобы вспугнуть змѣю,—и не успѣлъ.

3. Такъ какъ ума у него былъ обильный запасъ, онъ нанесъ спящему нѣсколько сильныхъ ударовъ булавою.

4. Заснувшій, вскочивши отъ своего тяжкаго сна, увидѣлъ [передъ собою] тюркскаго всадника, съ булавой.

5. Когда турокъ, безъ всякаго стѣсненія, тяжелою булавою изрядно поколотилъ его, [проснувшійся] пустился отъ него бѣжать.

6. И удары той крѣпкой палицы заставили его уйти, бѣгомъ, подъ одно дерево.

7. Тамъ насыпалось много гнилыхъ яблокъ. Всадникъ сказалъ: «Поѣшь-ка ихъ, о страждущій человѣкъ.»

8. И человѣка этого онъ заставилъ съѣсть столько яблокъ, что они стали вылѣзать обратно изъ его рта.

9. Тотъ кричалъ: «О повелитель! [да скажи же] наконецъ, за что ты на меня покушаешься?! Что я тебѣ сдѣлалъ?

10. «Если у тебя есть исконная вражда противъ самой души моей, то ударь мечемъ! сразу пролей мою кровь!

11. «Злополученъ тотъ часъ, когда я тебѣ попался на глаза! О, счастье тому, кому твоего лица не пришлось видѣть!

12. «[Мучить кого-либо] безъ измѣны [съ его стороны], безъ грѣха, безъ большой ли, малой ли [его провинности],—да такихъ притѣсненій не дозволяютъ себѣ даже нечестивцы.

13. «Вмѣстѣ съ рѣчью капаетъ изъ моихъ устъ кровь!... О, Господи! хоть Ты воздай ему по дѣломъ!...—

14. И все время онъ [подъ побоями] произносилъ новыя проклятія, а всадникъ билъ его [приговаривая]: «Бѣги по этой пустынѣ!»

15. Удары булавы всадника [сыпались на бѣднягу] какъ вѣтеръ. Онъ бѣжалъ и падалъ лицомъ на землю.

16. И вышло изъ него все, что онъ съѣлъ:—и плохое, и хорошее. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣденнымъ выпрыгнула изъ него и змѣя.

17. Когда онъ увидѣлъ вышедшую изъ него наружу ту змѣю, онъ

палъ ницъ передъ своимъ благодѣтелемъ.

18. Испытавши ужасъ отъ этой змѣи, черной, безобразной, толстой, про всѣ свои боли онъ забылъ

19. и сказалъ: «Ты—самъ Гавріилъ, [вѣстникъ] Милосердія! Или же ты—Богъ, потому что ты раздаятель благости.

20. «Благословенъ тотъ часъ, когда ты меня увидѣлъ! я былъ мертвъ, а ты новую душу подарилъ мнѣ!

21. «О, счастье тому, кто повидаетъ твое лицо, или кто вдругъ попадется на пути твоемъ!

22. «Ты меня искалъ, словно матери [ищутъ дѣтей], а я отъ тебя убѣгалъ, подобно осламъ.»

XXX.

№ 8. Пустынникъ и медвѣдь (Бомб. II, 53; Лакн 143).

[Для доказательства, что «дружба съ глупцами—горе и гибель» (или, какъ у Крылова : «Услужливый дуракъ опаснѣе врага»), разсказывается притча про святого отшельника, который спасъ медвѣдя отъ удава (собств. «отъ дракона»=«еждеһâ»), послѣ чего благодарный медвѣдь сталъ ходить всюду за своимъ спасителемъ, словно песъ Семи Спящихъ Отроковъ [1]). Кончилось тѣмъ, что, стараясь согнать назойливыхъ мухъ со лба заснувшаго пустынника, медвѣдь прихлопнулъ ихъ огромнымъ камнемъ и разможжилъ голову своему другу.—Европа познакомилась съ этой притчей изъ другого источника, именно изъ сборника «Энвâр-и Соһейлі», обработаннаго незадолго до 1501 г [2]). Лафонтенъ въ XVIII в. передѣлалъ ее на французскую басню, а Лафонтена переработалъ русскій Крыловъ (1807) [3])]

XXXI.

Посѣщеніе больныхъ (Бомб. II, 58; Лакн. 147).

[Пророкъ Мохаммедъ, когда одинъ изъ его сподвижниковъ захво-

---

[1]) Про сирскую легенду (внесенную и въ Коранъ) о семи благочестивыхъ юношахъ, которые со своимъ псомъ скрылись отъ Декіевыхъ противохристіанскихъ гоненій (250) въ пещеру и проснулись только въ эпоху торжества христіанства при императорѣ Ѳеодосіи II (ок. 422 г.), см. наше изданіе: „Семь спящихъ отроковъ Эфесскихъ“, М. 1914 (=„Труды по востоковѣдѣнію“ Лазар. Инст., вып. 41). Джеляледдинъ въ „Месневи“ чрезвычайно часто упоминаетъ эту легенду; напр. во введеніи ко II книгѣ, въ притчѣ о пустынникѣ и медвѣдѣ (два раза), въ притчѣ о суфіи, на котораго братія жаловалась своему шейху, и др.

[2]) Про „Энвар-и Соһейлі“ см. „Исторію Персіи“, т. III, стр. 134-135. Въ „Калилѣ и Димнѣ“ этой притчи нѣтъ.

[3]) Переводилъ Лафонтеновскаго „Пустынника и медвѣдя“ также Сумароковъ („Другъ и невѣжа“) и гр. Хвостовъ („Медвѣдь и огородникъ“) Была напечатана, безъ имени автора, передѣлка: „Пустынникъ и медвѣдь“ также въ журналѣ Подшивалова: „Покоющійся Трудолюбецъ“ 1784 (стр. 221).

ралъ, отправился навѣстить его. Такъ и мы должны дѣлать, и при томъ по отношенію даже къ людямъ неблизкимъ. Возможно, что навѣщенный нами больной—человѣкъ высокихъ духовныхъ достоинствъ. Если онъ нашъ врагъ, онъ послѣ посѣщенія можетъ стать другомъ. Господь съ упрекомъ сказалъ Моисею: «Боленъ я былъ—и ты не посѣтилъ Меня!»—«Боже! да вѣдь Ты чуждъ недуга и немощи!» воскликнулъ Моисей. И сказалъ Богъ: «Если боленъ Мой добрый рабъ, то это значитъ, что Я боленъ [1])». Быть въ единеніи другъ съ другомъ—и практически полезно. Для поученія приводится слѣдующая притча].

XXXII.

№ 9. Что было у садовника съ суфіемъ, съ потомкомъ Алія и съ богословомъ-законовѣдомъ.

(Бомб. II, 59; Лакн. 148; хрест. Гафф. II, 212).

Баҫбані, чун незер дер баҫ кярд

1. Какой-то садовникъ, взглянувши въ свой садъ, увидѣлъ въ своемъ саду трехъ человѣкъ, какъ будто бы воровъ..

2. Одинъ [изъ нихъ былъ] законовѣдъ, другой—шерифъ (изъ священнаго рода), третій—суфій. Каждый изъ нихъ былъ черезчуръ развязный, плохой, ненадежный человѣкъ[2]).

3. Садовникъ сказалъ себѣ; «Противъ этихъ людей я имѣю сотню данныхъ. Но они—въ сборѣ, а собраніе—сила.

4. «Я одинъ не справлюсь съ тремя лицами. Такъ раздѣлю-ка я ихъ сперва другъ отъ друга!

5. «Каждаго изъ нихъ я спроважу въ какую-нибудь сторону. Когда онъ окажется одинъ, я оборву ему усы!»

6. Онъ прибѣгъ къ хитрости и прочь удалилъ суфія, для того, чтобы погубить и его друзей и самого его.

7. Онъ сказалъ суфію: «Ступай въ сторожку, принеси для своихъ товарищей коврикъ».

8. Суфій отправился, а садовникъ потихоньку сказалъ двумъ другимъ пріятелямъ: «Ты—законовѣдъ, а тотъ—именитый знатный потомокъ.

9. «По твоему законовѣдному опредѣленію мы и хлѣбъ ѣдимъ. На крыльяхъ твоей науки—мы летаемъ.

10. «Этотъ другой изъ васъ—царственнаго происхожденія и нашъ властелинъ. Онъ сейидъ, онъ принадлежитъ къ роду Мохаммеда Избранника.

11. «Но кто таковъ суфій, тотъ низменный обжора, чтобы онъ смѣлъ быть сотоварищемъ людей, подобныхъ вамъ?!

---

[1]) Срв. сходное мѣсто въ евангеліи Матѳея, гл. 25, ст. 40.

[2]) Принимаю чтеніе: „шухі, беді, ла йуфі". Въ хрестоматіи Гаффарова: „шухі, фозулі (=пустословъ), йуфі" (=?)

12. «Когда онъ придетъ, вы его протурите [1]), а сами погостите съ недѣльку у меня въ саду и на лугу.

13. «Да что садъ! Душа моя принадлежитъ намъ, о вы, являющіеся для меня моимъ окомъ деснымъ!»—

14. Такъ онъ имъ внушилъ и обманулъ ихъ. Увы! не слѣдуетъ подвергаться разлукѣ съ друзьями!

15. Когда они спровадили суфія, и тотъ ушелъ, пошелъ его врагъ-садовникъ вслѣдъ за нимъ съ толстой палкой.

16. Онъ сказалъ: «О, ты. собака суфій, который съ такимъ нахальствомъ проворно вошелъ въ чужой садъ!

17. «Это тебя наставилъ Джонейдъ или Баезидъ [Бистамскій]? [2]) Отъ котораго шейха и старца ты получилъ такую науку!»

18. Исколотилъ онъ суфія, такъ какъ оказался съ нимъ наединѣ. Побилъ онъ его до полусмерти, разшибъ ему голову.

19. И сказалъ суфій: «Ну, я уже получилъ свое, но вы, товарищи, хорошенько поберегитесь!

20. «Вы меня признали за чужого. Пусть! но я не болѣе чужой для васъ, чѣмъ этотъ подлецъ.

21. «То, что покушалъ я. вамъ тоже придется покушать. Подобные побои—награда для каждаго низкаго человѣка.

22. «Досталось мнѣ—должно достаться и вамъ. Придется и вамъ подавиться подобнымъ тяжелымъ кускомъ!

23. «Міръ этотъ—что горная мѣстность. Какъ аукнется, такъ и откликнется [3])».—

24. Когда садовникъ раздѣлался съ суфіемъ, онъ послѣ этого придумалъ новую уловку, предлогъ въ томъ же родѣ:

25.—«О, мой шерифъ, ступай въ сторожку, потому что я для полдника напекъ тонкихъ хлѣбцовъ.

26 «Около воротъ дома скажи Кеймазу [4]), чтобы онъ принесъ тѣ хлѣбцы и гуся».

27. Уславши шерифа, садовникъ сказалъ законовѣду: «О, ты, человѣкъ религіи! Ты—ученый знатокъ права Это ясно, это несомнѣнно.

---

[1]) букв. „сдѣлайте хлопкомъ" (сенбе). По другимъ чтеніямъ: „піне конід!" =„заплатайте!", т е „накладите ему" (срв по-украински „гелатати комусь боки" =поколотить).

[2]) Джонейдъ багдадецъ ум въ 910 г, Баезидъ Тейфуръ эль Бистамій ум. въ 873 г. О характерѣ ученія этихъ двухъ знаменитыхъ отцовъ суфійства см. во II т. „Исторіи Персіи" (М. 1912, стр. 63 64).

[3]) буквально: „Твоя рѣчь, отзвукомъ. опять возвращается къ тебѣ".

[4]) или Кеймазѣ (если дѣло идетъ о работницѣ или женѣ).

28. «А вотъ онъ—только выдаетъ себя за шерифа, и притязанія его нелѣпы. На счетъ его матушки кто знаетъ, что она продѣлывала!

29. «Неужели вы окажете довѣріе женщинѣ и поведенію женщины, съ ея короткимъ умомъ, и положитесь на нее?!

30. «Къ Алію и Пророку возводитъ себя въ наше время каждый болванъ!».....

* * *

31. Всякій, кто самъ происходитъ отъ прелюбодѣянія и прелюбодѣевъ, подозрѣваетъ въ этомъ и людей господнихъ.

32. Всякій, у кого голова кружится кругами, увидитъ и домъ вертящимся подобно ему самому.

33. Все то, что сказалъ этотъ садовникъ-шарлатанъ, это было его собственное положеніе, далекое отъ потомковъ Пророка.

34 Не будь онъ самъ изъ рода вѣроотступниковъ, развѣ могъ бы онъ такъ говорить о семействѣ Пророка?

* * *

35. Садовникъ говорилъ обворожительныя рѣчи, и послушалъ его законовѣдъ. Тогда [къ шерифу] направился тотъ неразумный насильникъ-садовникъ.

36. —«Эй, оселъ!» сказалъ онъ: «Въ этотъ садъ кто тебя позвалъ? ужъ не воровство ли осталось тебѣ въ наслѣдство отъ Пророка?!

37. «У льва дѣтенышъ—на льва и похожъ, а ты на Пророка чѣмъ походишь? скажи-ка!»

38. И вотъ этотъ негодяй черезъ свое лукавство сдѣлалъ съ шерифомъ то, что сдѣлалъ бы еретикъ-хариджитъ съ семействомъ коранскаго возвѣстителя [1]).

39. Что за вражду постоянно имѣютъ бѣсы и злые духи-упыри по отношенію къ семейству Пророка!—словно Йезидъ и Шомръ! [2])

40. Отъ побоевъ этого обидчика шерифъ разстроился и, съ глазами полными слезъ, сказалъ законовѣду:

41. «Погоди! теперь, когда ты остался одинъ и безъ товарищей, будь же подобенъ барабану! получай удары по брюху!

42. «Если я не шерифъ, не достойный человѣкъ, не добрый пріятель, то все же я для тебя не меньше, чѣмъ этотъ обидчикъ!

---

[1]) «ба ал-и Йа-сін»=букв. «съ семьей Я сина» Подъ «Йа-сін» обыкновенно понимается 36-я глава Корана, помѣченная иниціалами Й-С. Но это же «Йа-сін» считается также однимъ изъ семи именъ Мохаммеда

[2]) Шамръ (или, какъ чаще выговариваютъ, Шомръ) собственноручно срубилъ голову Хосейну, сыну Алія, внуку пророка Мохаммеда, въ бою при Кербелѣ въ 680 г. Онъ былъ военачальникомъ того войска, которое выслалъ противъ мятежнаго Хосейна омейядъ-халифъ Йезидъ.

43. «А ты меня отдалъ этому корыстному человѣку,—и совершилъ глупость! Плохая жъ у тебя мѣна!

44. Раздѣлавшись съ шерифомъ, садовникъ пришелъ [къ послѣднему изъ трехъ] и сказалъ: «О, законовѣдъ! что ты за законовѣдъ! ты!... позоръ даже для каждаго глупца!

45. «[Воръ] кому рѣжутъ руку! не въ томъ ли состоитъ твоя фетва, чтобы входить внутрь [чужихъ владѣній], не спросивши: «Прикажете войти?»

46. «Не Абу-Ханифа ли далъ тебѣ такую фетву? не Шафіый ли это сказалъ, о ты, недостойный!

47. «Подобное разрѣшеніе ты вычиталъ не въ «Васытѣ» ли? Или же этотъ вопросъ оказался выясненъ въ «Мохытѣ» [1])?!

48. Сказавши это, садовникъ далъ надъ нимъ волю своей рукѣ. Рука его удовлетворила злобу сердца.

49 И сказалъ законовѣдъ: «Ты правъ! бей! это въ твоей власти! И это—заслуженное возмездіе для того, кто порываетъ съ друзьями связь!

50. «Я заслужилъ этого, и даже во сто разъ большаго. Вѣдь зачѣмъ мнѣ было враждебно порывать съ друзьями?»—

XXXIII.

№ 10. Паломничество Баезида Бистамскаго (Бомб. II, 61; Лакн. 149).

[Шейхъ Баезидъ Бистамскій (ум. 873), отправившись на предписанное Кораномъ богомолье въ Мекку, заѣхалъ по дорогѣ къ одному суфійскому шейху-âрифу, и тотъ сказалъ: «Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ далекую Мекку и совершать семикратное обхожденіе вокругъ Ка‘бы, можешь обойти здѣсь, вокругъ м е н я, семь разъ! Если Ка‘ба—святой храмъ, то вѣдь сердце человѣческое—обиталище Божье, вмѣстилище Его тайнъ. Ка‘ба сердца—достойнѣе Ка‘бы зданія.»]

XXXIV.

Разсказъ о приставѣ-мохтесибѣ и о пьяномъ.

[Этой притчѣ предшествуетъ повѣствованіе о человѣкѣ, который нуждался въ мудромъ совѣтчикѣ, и ему указали на одного городскаго юродиваго, притворявшагося сумасшедшимъ. Но засталъ онъ юродиваго какъ разъ въ то время, когда тотъ былъ въ состояніи упоенія божественнымъ экстазомъ, и потому не слишкомъ былъ расположенъ давать совѣты другимъ. Для поясненія приводится нижеслѣдующая притча].

---

[1]) Абу-Ханифа [ум. 767] и Шафіый [ум 820]—имамы-основатели извѣстнѣйшихъ школъ мусульманскаго права. „Васытъ“ [=„Посредникъ“] и „Мохытъ“ [=„Океанъ“]—заглавія двухъ сводовъ авторитетныхъ судебныхъ рѣшеній [„фетва“].

Моҳтесиб дер нім-шеб джаі ресід (Бомб. II, 65; хрестом Гафф. II, 215).

1. Приставъ въ полночь пришелъ въ одно мѣсто. Подъ стѣной увидѣлъ онъ спящаго человѣка.

2. И сказалъ: «Эй ты, пьяный! чего ты выпилъ? говори-ка!»—«Я выпилъ того, что находится въ кувшинѣ».

3. «Ну, а въ кувшинѣ-то, скажи открыто, что находится?» —«То, чего я выпилъ».—«Это не ясно!

4. «То, чего ты выпилъ, что жъ оно такое?» Пьяный отвѣтилъ: «То самое, что и скрыто въ кувшинѣ».

5. Долго длилось это опрашиваніе и эти отвѣты, и приставъ застрялъ, словно оселъ въ грязи.

6. И [раздраженный] сказалъ приставъ напившемуся: «А ну-ка, поохай!»—«Гей, гей!» [радостно] крикнулъ пьяный во время его рѣчи.

7. —«Я тебѣ сказалъ: „поохай!"» прервалъ его приставъ,—«а ты кричишь: „гей!"»—« Я радостенъ», отвѣтилъ пьяный, «а ты мнѣ толкуешь о скорби!

8. «Оханье бываетъ отъ боли, скорби, несправедливости, а кличъ „гей, гей!" у винопійцевъ [является] отъ радости».

9 —«Не знаю этого!» возразилъ приставъ: «вставай-ка, вставай! Не корчи умника! Оставь это препирательство!»

10. Пьяный въ отвѣтъ: «Уходи! Ты откуда, и я откуда? [между нами нѣтъ ничего общаго].»—«Ты пьянъ!» настаивалъ приставъ: «вставай и иди въ тюрьму!»

11. И сказалъ пьяный: «О, мохтесибъ! Оставь меня и уходи! Съ голяка развѣ можно взять залогъ?

12. «Вѣдь если бы у меня у самого оставалась еще сила идти, то я [самъ] бы домой къ себѣ пошелъ, и все подобное развѣ случилось бы?

13. «Если бы при мнѣ остался [полный] умъ и способность [дѣйствовать], то я бы, какъ [почтенные] старцы, у своей лавки возсѣдалъ [а не здѣсь валялся бы].

14. «Если бы при мнѣ осталась [способность] мыслить и разсуждать, то, какъ у [почтенныхъ] старцевъ, у меня было бы высокое положеніе и уваженіе.

15. «И корзинка была бы у меня, и званіе дервиша, и ежедневно приносились бы мнѣ [людьми] обѣты».

XXXVII.

№ 11. Діаволъ будитъ халифа Моавію для молитвы (Бомб. II, 71; Лакн. 158)

[Ссылаясь на историковъ («дер хебер амед»), Джеляледдинъ сообщаетъ, что однажды «дяденька правовѣрныхъ»=«хал-и мо'минан» Моавія I (661-680), первый халифъ изъ омейядской династіи [1]), спалъ, запершись въ своей опочивальнѣ, и чуть было не проспалъ времени одной изъ обязательныхъ пятикратныхъ молитвъ. Иблисъ, проникнувши сквозь запертыя двери, разбудилъ его и посовѣтовалъ поспѣшить въ мечеть и убѣжать отъ грѣха. Моавія былъ подозрительно изумленъ религіознымъ рвеніемъ бѣса-соблазнителя, задача котораго — вводить людей въ грѣхъ. Иблисъ сталъ приводить ему увертливыя поясненія, вродѣ того, что Бога любятъ и бѣсы, только Онъ ихъ не любитъ, и что не діаволъ вводитъ людей въ грѣхъ, а сами они стремятся къ грѣшнымъ удовольствіямъ. Моавія ничему не повѣрилъ и, между прочимъ, разсказалъ притчу о судьѣ и безпристрастіи (ниже мы ее переводимъ полностью). Въ концѣ концовъ діаволъ признался, что его взялъ страхъ, какъ бы Моавія, проспавши молитву, не вздумалъ потомъ каяться, а покаяніе вѣрующаго человѣка—самая нестерпимая вещь для діавола. Слѣдовательно, Иблисъ звалъ Моавію къ хорошему, чтобы его отклонить отъ лучшаго. Такъ одинъ изъ д в у х ъ в о р о в ъ, когда хозяинъ уже схватилъ перваго, началъ изъ другого мѣста доброжелательно звать хозяина къ себѣ на помощь; хозяинъ бросился къ нему и выпустилъ изъ рукъ уже пойманнаго вора. Такъ и во времена Пророка тайные его в р а г и задумали было построить пышную м е ч е т ь во имя Единаго Бога, для того чтобы мусульманская община не вся ходила въ мечеть самого Мохаммеда;— но Пророкъ понялъ ихъ коварство].

XXXVIII.

Жалоба кадія на свое злополучіе и отвѣтъ помощника.

Qазі-і би-нишанденд, о мі-гиріст (Бомб. II, 75; Лакн. 161; хрест. Гафф. II, 216).

1. [Одного человѣка] назначили кадіемъ (судьею), и онъ сталъ плакать.
Наибъ (помощникъ) спросилъ: «Судья! плакать-то чего?

2. «По этому случаю надо тебѣ не плакать и не рыдать.
«По этому случаю надо тебѣ радоваться да принимать поздравленія.»

---

[1]) Симпатичное отношеніе Джеляледдина къ основателю омейядской династіи, обидчику Алія, отцу убійцы его дѣтей, заслуживаетъ вниманія (срв. такое же отношеніе къ Омару, стр. 292). Для обычныхъ персовъ-шіитовъ династія омейядская является крайне ненавистной.

3. Тотъ въ отвѣтъ: «Ахъ! но какимъ же образомъ можетъ судить человѣкъ неувѣренный,
«Между тѣми двумя знающими онъ, неосвѣдомленный?!
4. «Тяжущіеся—оба ознакомлены со своимъ дѣломъ;
«А бѣдный судья—что онъ знаетъ про ту обоюдную путаницу?
5. «Онъ не освѣдомленъ, онъ ничего не смыслитъ въ ихъ отношеніяхъ;
Какъ же ему распоряжаться ихъ жизнью, ихъ имуществомъ?!»—
6. [Судейскій] помощникъ сказалъ: «Тяжущіеся знаютъ дѣло, но они пристрастны.
«Ты—не освѣдомленъ, но ты—свѣча церкви.
7 «Вѣдь ты свободенъ отъ пристрастія въ ту или въ другую сторону,—
«И эта свобода является свѣтомъ для твоего зрѣнія.
8. «Тѣ двое, хоть и ознакомлены [съ дѣломъ], но ихъ ослѣпляетъ заинтересованность;
«Всю ихъ ознакомленность пристрастіе погребаетъ въ землѣ.
9. «Безпристрастіе дѣлаетъ твою неосвѣдомленность полной знанія.
«Пристрастіе вырываетъ знаніе изъ сердецъ.
10. «Пока ты не будешь брать взятокъ, ты—видящій.
«Вотъ когда проявишь вымогательство, тогда и станешь слѣпцомъ и рабомъ.

XXXIX.

Въ поискахъ за потерянной верблюдицей (Бомб II, 79; Лакн. 165).

[Для многихъ Коранъ, истинное слово Божіе, все равно что потерявшаяся верблюдица. Владѣлецъ ищетъ ее, громко объявляетъ ея примѣты, даетъ награду тому, кто укажетъ слѣды пропажи. Къ нему приходятъ обманщики и успѣваютъ направить его на ложный слѣдъ, потому что въ своихъ указаніяхъ повторяютъ указанныя имъ же примѣты: «верблюдица была рыжая», «верблюдица была карноухая», «верблюдица была кривая на одинъ глазъ». Сообщенія ихъ походятъ на ученія разныхъ религіозныхъ сектъ и философскихъ системъ: въ каждой есть зерно несомнѣнной истины, но это не значитъ, что онѣ поэтому истинны. Но вотъ выискивается другой человѣкъ, который, хоть и не потерялъ этой верблюдицы (она вѣдь не принадлежала ему), но заявляетъ, что потерялъ ее и что наградитъ всякаго, кто дастъ ему свѣдѣнія о ея нахожденіи. Его отношеніе къ приносимымъ указаніямъ, конечно, ужъ другое, чѣмъ у подлиннаго хозяина: тотъ, слушая сообщенія, можетъ съ увѣренностью сказать, подходятъ ли сообщаемыя примѣты къ его верблюдицѣ, или не подходятъ; а этотъ можетъ только на вѣру повторять то, что говоритъ подлинный владѣлецъ.... Куда идетъ тотъ, вслѣдъ за нимъ идетъ и этотъ. Вдругъ оба они видятъ издали верблюдицу на

пастбищѣ. Съ этой минуты верблюдица дѣлается извѣстной и второму искателю, она ужъ какъ бы его собственность. Началъ-то онъ со лжи, но теперь ложь превращается въ истину.]

XL.

№ 12. Четыре индійца въ мечети (Бомб. II, 82; Лакн. 167).

[Четыре индійца вошли въ мечеть и набожно начали совершать обрядъ молитвы. Вошелъ моэззинъ.—«А что? ты уже возглашалъ молитву?» спросилъ одинъ: «вѣдь пора!» Другой индіецъ оборвалъ говорившаго: «Да вѣдь ты, прервавши свою молитву, сдѣлалъ ее недѣйствительной!» —«Дяденька! другихъ не суди, на себя погляди!» замѣтилъ второму третій. Четвертый набожно проговорилъ: «Слава Богу, что я не попалъ въ ту яму, куда попали эти трое!» И его молитва стала недѣйствительной. Такъ, изъ-за взаимнаго осужденія, всѣ они согрѣшили. А нужно было бы, видя дурной примѣръ, взять его себѣ въ поученіе и такъ не дѣлать самому. —По поводу «поучительнаго примѣра» мовля-на вспоминаетъ нижеслѣдующій юмористическій анекдотъ].

XLI.

Тюрки-огузы и два плѣнника (Бомб. II, 83; Лакн. 168).

[Хищная шайка тюрковъ-огузовъ совершила набѣгъ на деревню [1]). Грабители захватили двухъ болѣе видныхъ лицъ и приготовились казнить одного изъ нихъ.—«За что? для чего?» взмолился онъ: «вѣдь у меня и денегъ никакихъ нѣтъ!»—«Для поучительнаго примѣра твоему товарищу,» отвѣчали огузы: «увидѣвши твою гибель, онъ откроетъ, гдѣ деньги».—«Но онъ еще бѣднѣе, чѣмъ я!»—«Пустяки! казнь твою увидитъ—и деньги найдутся!»—«Ну, такъ лучше казните его, а не меня! пусть лучше не я для него, а онъ для меня послужитъ поучительнымъ примѣромъ!»].

XLII.

№ 13. Старикъ у врача (Бомб. II, 84; Лакн. 169).

[Старикъ жаловался доктору на свои хворости: «Голова плохо работаетъ».—«Это отъ старости.»—«Глаза помутнѣли».—«Отъ старости».—«Спину ломитъ».—«Тоже отъ старости».—«Желудокъ не варитъ», продолжалъ

---

1) Тюрки-огузы или гузы, въ борьбѣ съ которыми погибъ (1157) султанъ восточнаго Ирана сельджукидъ Синджаръ, отличались замѣчательною подвижностью въ своихъ грабительскихъ теченіяхъ. „Узовъ" знаетъ и южная Русь. Турки-османы, вторгшіеся въ Малую Азію, тоже вѣтвь гузовъ.

жаловаться старикъ.—«Отъ старости», повторялъ докторъ.—«Да неужели вся твоя наука не научила тебѣ ничему путному, а только этимъ рѣчамъ?!» вспылилъ тотъ.—«Твоя раздражительность и несдержанность—это также признакъ старости и старческаго слабоволія», спокойно отвѣтилъ врачъ. —Старость безпощадна къ своимъ жертвамъ. Исключеніемъ служатъ только люди, свято слѣдующіе заповѣдямъ Бога. Они съ виду могутъ быть и дряхлы, но внутри бодры и юны.]

XLIII.

Джуха и мальчикъ, плакавшій на похоронахъ отца (Бомб. II, 85; Лакн. 170) [1]), Кудекі дер піш-и табут-и педер.

1. Одинъ мальчикъ, идя за гробомъ отца, горько рыдалъ и колотилъ себѣ голову.

2.—«Батюшка!» причиталъ онъ: «Да куда же тебя несутъ?! Для того, чтобы помѣстить подъ землею!

3. «Несутъ тебя въ домишко тѣсный, непригдядный. Нѣтъ тамъ ни ковра, ни подстилки [2]).

4. «Нѣтъ тамъ лампады ночью, нѣтъ тамъ хлѣба днемъ. Тамъ ѣды —ни паха, ни признака!

5. «Тамъ ни дверей нѣтъ устроенныхъ, тамъ нѣтъ хода на кровлю. Нѣтъ тамъ и сосѣдей, къ которымъ можно бы за помощью обратиться.

6. «Мы тебя въ твои очи цѣловали. Каково-то имъ будетъ въ томъ жильѣ, слѣпомъ, мрачномъ!

7. «Безжалостное жилье! тѣсное помѣщеніе! Не сохранится въ немъ ни лицо, ни румянецъ!»—

8. Вотъ такимъ образомъ перечислялъ мальчикъ свойства того жилища,—и глаза его заливались кровью, не слезами.

---

[1]) Джуха (или Джоха, Джыха)—типичный восточный шутъ, образъ котораго слился съ образомъ другого восточнаго шута, Ходжи Насреддина. Но Ходжу Насреддина историческая память пріурочиваетъ ужъ ко временамъ Тимура, именно къ первымъ годамъ XV в., причемъ Насреддинъ является малоазіатскимъ туркомъ. Между тѣмъ Джуха извѣстенъ еще въ лучшія времена арабскаго халифата: историческія преданія связываютъ его съ Куфою (въ Месопотаміи) и арабскимъ правителемъ Абу-Мюслимомъ. Въ домонгольскихъ сборникахъ классическихъ арабскихъ пословицъ зарегистрировано ходячее выраженіе: «Онъ—дураковатѣе, чѣмъ Джоха»=«Аҁмаqо мин Жоҁâ» (см. изданіе Фрейтага: «Arabum proverbia», т. I, стр. 403). Подробнѣе объ этомъ обликѣ, съ историко-литературной и фолклорной стороны, см. у насъ въ I томѣ «Исторіи Турціи и ея литературы», въ главѣ, касающейся анекдотовъ про Ходжу Насреддина.

[2]) «ҁесір=цыновка.

9. Джуха сказалъ своему отцу: «Сударь-батюшка! Ей Богу, они его несутъ въ нашъ домъ!»

10. —«Не глупи!» прервалъ Джуху отецъ.—«Но, батюшка!» говорилъ Джуха: «Ты вслушайся только въ примѣты!

11. «Вѣдь примѣты-то, которыя онъ перечисляетъ, всѣ до одной подходятъ къ нашему дому, безъ натяжекъ, безъ сомнѣній:

12. «Ни подстилки, ни лампадки, ни ѣды, ни устроенныхъ дверей, ни двора, ни кровли!» [1]).....

13. Подобнымъ же образомъ и нечестивцы—имѣютъ за собою сотни примѣтъ. Да только—взглянутъ ли они на нихъ!

14. Домъ того сердца, которое остается безъ освѣщенія лучами величаваго Солнца,

15. —тѣсенъ и теменъ, словно душа жида, лишенная ласки Любвеобильнаго Властелина.

17. Могила—и та тебѣ лучше, чѣмъ подобное сердце! Возстани же изъ могилы сердца своего!

XLIV.

Обманчивыя наружности (Бомб. II, 86; Лакн, 170).

[Мальчикъ, увидѣвши огромнаго, дороднаго мужчину, шарахнулся въ сторону. Но это былъ безвредный, нестрашный гермафродитъ.—Лисица находитъ толстый барабанъ, думаетъ, что это жирная туша, но оказывается, что и жира въ немъ нѣтъ, и онъ внутри пустъ.—Стрѣлокъ встрѣтился въ лѣсу съ огромнымъ всадникомъ, хотѣлъ съ испуга пустить въ него стрѣлу, а тотъ крикнулъ ему: «Съ виду я великъ, а въ бою—слабѣе бабы»].

XLV.

№ 14. Бедуинъ и философъ (Бомб. II, 87; Лакн. 171).

[Бедуину нужно было перевезти мѣшокъ пшеницы. Онъ его навьючилъ на верблюда, но, для уравновѣшенія тяжести, наполнилъ другой мѣшокъ пескомъ и, повѣсивши ихъ по обоимъ бокамъ верблюда, повезъ. На пути нагналъ онъ пѣшаго философа. Разговорились. Философъ замѣтилъ ему, что верблюду было бы легче, если бы бедуинъ не насыпалъ другого мѣшка пескомъ, а просто пересыпалъ бы въ него половину зерна изъ перваго мѣшка. Восхищенный сообразительностью ученаго, бедуинъ посадилъ его на верблюда и началъ почтительно выспрашивать, не царь ли онъ, не вельможа ли, не богачъ ли.—«Нѣтъ, я ученый философъ,

---

[1]) Анекдотъ этотъ, обыкновенно и безъ имени Джухи, очень распространенъ въ народныхъ устахъ на востокѣ, напр, въ Турціи.

знаю всю мудрость, а денегъ у меня нѣтъ даже столько, чтобы достать ѣды на ужинъ, и мое ученіе надѣлило меня только болями головы».— «Такъ слѣзай съ моего верблюда, и разойдемся въ разныя стороны!» воскликнулъ съ негодованіемъ арабъ: «Злополучны же твои безполезныя знанія!» Простодушный арабъ далъ вполнѣ правильную оцѣнку человѣческой мудрости. Только та мудрость, которая дается божественнымъ наитіемъ, имѣетъ цѣну.]

XLVI.

Чудо Ибраһима ибнъ-Эдһема (Бомб. II, 87; Лакн 172).

[Шейхъ Ибраһимъ ибнъ-Эдһемъ, который нѣкогда былъ княземъ въ Бельхѣ и покинулъ свой санъ, чтобы обратиться въ дервишество [1]), сидѣлъ однажды на берегу моря и нашивалъ заплаты на свое рубище. Проходилъ вельможа изъ его бывшихъ придворныхъ—и мысленно подивился тому, что Ибраһимъ способенъ былъ промѣнять княжескую власть и блестящій престолъ на нищенскую сермягу, которую приходится теперь заплатывать. Шейхъ понялъ его мысли и, чтобы наглядно показать ему мощь духовныхъ совершенствъ, бросилъ иголку въ море и громко крикнулъ: «Мнѣ нужна иголка!» Сотни рыбъ немедленно подплыли къ берегу, каждая съ золотою иглою во рту, и наперерывъ предлагали ихъ святому шейху. И покаялся вельможа: «Рыбы—и тѣ знаютъ достоинство шейха, а мы-люди—не знаемъ!»]

XLVII.

№ 15. Бесѣда пророка Шоэйба съ грѣшникомъ (Бомб. II, 91; Лакн. 175).

[Во времена доисламскаго пророка Шоэйба [2]) одинъ человѣкъ говорилъ: «Мало ли я нагрѣшилъ, а Богъ меня не караетъ!» По внушенію Господа, Шоэйбъ возвѣстилъ ему: «Твоя душа черна, какъ сажа на котлѣ, и ты не чувствуешь Его увѣщаній. Если кузнецомъ бываетъ грекъ (румі) [3]), то на лицѣ его сказывается малѣйшая чернота [4]), а если куз-

[1]) Ибраһимъ ибнъ-Эдһемъ ум. въ 777 г. Онъ обратился въ суфія-нищаго подъ вліяніемъ христіанскаго монаха Симеона. См. о немъ напр. у меня въ «Очеркѣ исторіи суфійства» (въ «Древностяхъ Восточныхъ», т. II, вып. 1, М. 1896, стр. 45), и у Эдв. Брауна: A literary hist. of Persia I (1902), стр. 425.

[2]) Шоэйбъ, по Корану (VII, 83; XI, 85; XXVIII, 45; XXIX, 35) былъ пророкомъ Божьимъ въ землѣ Мадіамской. Вѣроятно, это библейскій Іоѳоръ („Исходъ" гл II, 15 и слѣд.), священникъ Мадіамскій, тесть Моисея (срв Коранъ XX, 42; XXVIII, 21).

[3]) Въ нашемъ сѣверномъ представленіи греки смуглы, но у восточныхъ народовъ они считаются типомъ людей бѣлолицыхъ (вѣрнѣе, впрочемъ—блѣднолицыхъ срв. эпитетъ для нихъ «бану-ль-асфар» по-арабски). См. у меня въ «Хамасѣ» I-II (М. 1912), стр 7; «Enzyklop. des Islam», г. I (Лейд. 1913), стр. 495.

[4]) Конечно, здѣсь содержится и игра словами. Выраженіе: «лицо его почер-

нецъ—черный негръ, ничего на лицѣ его не будетъ видно.—«Но почему же Богъ меня не подвергаетъ наказанію?» спросилъ грѣшникъ. Шоэйбъ отвѣтилъ: «А развѣ это еще не наказаніе, что ты можешь совершать всѣ внѣшнія предписанія религіи, производить всѣ молитвенные обряды, поститься, отдавать десятину,—и все же душа не будетъ удовлетворена?!»].

XLVIII.

Мышь и верблюдъ.

Мушекі дер кяф моһар-и ошторі (Бомб. II, 93; Лакн. 177; хрест. Гафф II, 217).

1. Мышка захватила въ свои лапки поводья одного верблюда, и тотъ помчался подъ ея управленіемъ [1]).

2. Такъ-какъ верблюдъ двигался съ нею легко и проворно, мышь возмнила о себѣ: «Я—богатырь!»

3. Ея самомнѣніе, какъ лучъ, проникло къ верблюду, и онъ подумалъ: «Я тебѣ покажу, здорово живи!»

4. Вотъ прибылъ онъ къ берегу большой рѣки, съ которою могъ бы не справиться и мощный слонъ.

5. Мышь здѣсь остановилась и обомлѣла. И сказалъ ей верблюдъ: «Ну, спутникъ мой по горамъ и доламъ!

6. «Что значитъ эта остановка? Чего ты смутилась? Храбро впередъ! войди въ рѣку!

7. «Ты мой проводникъ и мой руководитель. Не задерживайся среди пути! не уклоняйся!»

8.—«Вода-то очень здорова, глубока!» отвѣтила мышь: «Боюсь, товарищъ, какъ бы не затонуть!»

9. Верблюдъ сказалъ: «Посмотрю-ка, далеко ли хватаетъ вода». И верблюдъ поспѣшно вступилъ въ воду.

10.—«Вода лишь до колѣнъ, слѣпая мышь!» сказалъ онъ: «Чего ты смутилась! чего ты растерялась!»

11. Мышь въ отвѣтъ: «Для тебя—муравей, для меня—драконъ! Колѣно колѣну рознь!

12. «Если тебѣ, достойнѣйшій, эта вода до колѣнъ, то мнѣ она на сто локтей выше темени!»

13. —«Ну, такъ въ другой разъ не проявляй такой дерзости!» сказалъ верблюдъ: «какъ бы отъ этихъ искоръ [самомнѣнія] не сгорѣли у тебя и тѣло, и душа!

нѣло» означаетъ въ восточныхъ языкахъ: „ему стало стыдно", „ему пришлось устыдиться.»

[1]) Садій говоритъ въ послѣдней книгѣ Голистана: „Извѣстна кротость верблюда. Если поведетъ его за поводъ какой-нибудь ребенокъ, хотя бы на разстояніе ста миль, животное спокойно слѣдуетъ за нимъ"

14. «Справляйся ты съ мышами, подобными тебѣ, а съ верблюдомъ у мыши бесѣдъ нѣтъ!»

15.—«Я каюсь!» взмолилась мышь: «Ради Бога, перевези меня черезъ эту гибельную воду!»

16. Жалко стало верблюду — «Ладно!» сказалъ онъ: «вспрыгни и усядься на моемъ сѣдлѣ [1]).

17. «Для меня этотъ переходъ вполнѣ доступенъ. Я перевезу сто тысячъ такихъ, какъ ты!»—

* * *

18. Разъ ты не пророкъ, то слѣдуй по [указываемому] пути, чтобы нѣкогда [подобно Іосифу въ Египтѣ] попасть изъ колодца къ славѣ [2]).

19. Будь подданнымъ, разъ ты не государь. Не думай ѣхать одинъ, разъ ты не капитанъ судна.

XLIX.

Чудо заподозрѣннаго дервиша (Бомб. II, 94; Лакн 177).

[Дервишъ ѣхалъ на кораблѣ. Когда онъ спалъ, обнаружилась пропажа кошелька съ золотомъ у одного изъ ѣхавшихъ. Начался повальный обыскъ,- хотѣли обыскать и дервиша.— «Господи! низкіе люди подозрѣваютъ раба Твоего!» воззвалъ онъ къ Богу. Тотчасъ со всѣхъ сторонъ выплыли тысячи рыбъ, каждая съ безцѣннѣйшей жемчужиной во рту. Дервишъ набросалъ этихъ перловъ на корабль, а самъ спрыгнулъ въ воду, и сила Божья понесла его по воздуху Нельзя подозрѣвать нищихъ по одному только убогому ихъ виду. Къ нимъ примѣнима 80-я глава Корана: «Нахмурился»].

L.

№ 16 Обжорливый суфій (Бомб. II, 95; Лакн. 178).

[Братія жаловалась настоятелю обители на одного суфія: онъ говоритъ много и громко, ѣстъ за двадцатерыхъ, спитъ непробуднымъ сномъ словно Отроки Эфесскіе (асҕâб аль-кяһф; см. стр. 316). Шейхъ началъ дѣлать выговоръ этому суфію, но тотъ отвѣтилъ, что понятіе объ умѣренности относительное Глубина рѣки ничтожна для верблюда, но она —море для мыши. Человѣкъ, потребность котораго—четыре хлѣба, является умѣреннымъ, если съѣдаетъ два или три; и въ то же время безусловно умѣренъ тотъ, кто съѣдаетъ шесть хлѣбовъ, если аппетитъ у него—на десять].

---

[1]) Надо читать „кудеган" (ед. число „кудé"), или „куһеган" (отъ „куһе" =горбъ). Чтеніе хрестоматіи Гаффарова я считаю непріемлемымъ.

[2]) т. е. слѣдуй за шейхомъ и, путемъ послушанія, ты избавишься отъ бренной оболочки своихъ страстей и достигнешь духовной высоты.

LI.

Іоаннъ Креститель во чревѣ матери и Іисусъ Христосъ (Бомб. II, 97; Лакн. 179).

[Мать Іоанна Крестителя сказала Дѣвѣ Маріи, что, когда она до рожденія Іоанна встрѣтилась съ Маріей, то почувствовала, что младенецъ во чревѣ ея воздалъ поклоненіе неродившемуся еще Іисусу. Марія отвѣтила, что и она почувствовала, какъ ея нерожденное чадо отвѣтило въ утробѣ ея поклономъ. Святые еще до рожденія отмѣчаются благодатью Божьей.—Тѣмъ, кто вздумалъ бы возражать противъ правдивости этой повѣсти, Джеляледдинъ отвѣчаетъ, что они могутъ смотрѣть на нее, какъ на притчу. Если въ баснѣ бесѣдуютъ между собою шакалы, левъ, быкъ, или если быкъ является министромъ льва, то надо искать внутренняго смысла басни, а не задавать себѣ вопросъ: развѣ у звѣрей есть даръ рѣчи? развѣ быки бываютъ министрами? Въ грамматикахъ мы читаемъ примѣръ: «З е й д ъ у д а р и л ъ А м р а». Одинъ школьникъ настойчиво допытывался у учителя: «Да какъ смѣлъ Зейдъ бить неповиннаго Амра?!» Учитель старался истолковать ему, что это только грамматическій примѣръ, наглядно показывающій окончанія падежей: но школьникъ не унимался: «Да въ чемъ же вина Амра?» Тогда учитель отдѣлался шуткой: «Амръ при склоненіи потерялъ въ винительномъ падежѣ коренной звукъ У,—Зейдъ объ этомъ узналъ и наказалъ его за несоблюденіе закона»].

LII.

№ 17. Дерево жизни (Бомб. II, 99: Лакн. 180).

[Одинъ мудрецъ сообщилъ повѣсть про дерево жизни, которое ростетъ въ Индіи: кто поѣстъ его плодовъ, не состарится и не умретъ. Передали повѣсть царю, и онъ отрядилъ посланца въ Индію въ поиски за чудеснымъ деревомъ. Много лѣтъ тотъ странствовалъ по Индіи, всюду наводилъ справки. Одни индійцы надъ нимъ смѣялись, другіе обманывали и направляли на ложные слѣды, третьи жалѣли и отговаривали—и ничего онъ найти не могъ. Возвращаясь на родину, къ государю, онъ заѣхалъ къ ученому шейху, достигшему высшей святости, и пожаловался ему на неудачу. Старецъ разсмѣялся и сказалъ: «О, простодушный человѣкъ! Да вѣдь подъ деревомъ жизни надо понимать знаніе, произрастающее въ саду души мудреца. Оно имѣетъ разныя имена: называть его можно и деревомъ жизни, и солнцемъ, и океаномъ, и полноводной тучей. Вѣдь такъ и всякій предметъ именоваться можетъ многообразно: ты называешь человѣка отцомъ, а для твоего дѣда онъ—сынъ. Надо на сущность смотрѣть, а не на имя»].

LIII.

Какъ четверо людей поспорили другъ съ другомъ изъ-за винограда, потому что не понимали языка другъ друга

Несогласіе между людьми происходитъ [просто] изъ-за имени. Вникнутъ они въ [подлинный] смыслъ,—и покой наступитъ.

На этотъ счетъ выслушай пріятную притчу, чтобы и самому тебѣ не оставаться заложникомъ въ плѣну у именъ.

Чар кяс-ра дад мерді йекь дирем (Бомб II, 100; Лакн 181; хрест Гафф II, 218)

1. Четыремъ людямъ какой-то человѣкъ подарилъ одинъ дирһемъ. Каждый изъ разнаго города, они случайно встрѣтились вмѣстѣ.

2 [Это были] персъ, турокъ, грекъ и арабъ, и всѣ они завели другъ съ другомъ споръ и ссору.

3. Персъ сказалъ: «Какъ намъ распорядиться этимъ дирһемомъ? давайте, купимъ за него винограду (э н г у р)» [1]).

4. —«Боже сохрани!» прервалъ арабъ: «Нѣтъ, плутъ! я хочу ع ы н а б, не хочу э н г у р!»

5. Тотъ, который былъ изъ турковъ, сказалъ: «Милый мой (гьöзюм)! [2]) А я не хочу ع ы н а б, я хочу ӥ з ю м».

6. Тотъ, что былъ грекъ, сказалъ: «Брось объ этомъ толковать! А я хочу с т а ф і л ь!»

7. Въ своемъ препирательствѣ они вступили въ кулачный бой, оттого что ничего не смыслили въ тайнѣ именъ.

8. А били они другъ друга кулаками [просто] по глупости, потому что полны были невѣжества и лишены знанія.

9. Будь тамъ обладатель цѣнной тайны, человѣкъ стоязычный [3]), онъ бы съумѣлъ примирить ихъ.

10. Вѣдь онъ бы имъ сказалъ: «За этотъ дирһемъ я куплю то, чего вамъ всѣмъ хочется.

11. «Если вы мнѣ довѣрите свои сердца, безъ лукавства, то этотъ одинъ вашъ дирһемъ сдѣлаетъ множество дѣлъ [4]).

12. «Вашъ одинъ дирһемъ превратится въ четыре,—что и требуется. И четыре врага объединятся въ согласіи.

---

[1]) По-персидски виноградъ называется „енгур", по-арабски „ع ынаб", по-турецки „ӥзюм", по-гречески «σταφυλι».

[2]) букв. «око мое!» Срв. стр. 298, сноска 1.

[3]) Нѣсколькими страницами дальше Джеляледдинъ указываетъ, что подъ такимъ полиглоттомъ онъ разумѣетъ царя Соломона.

[4]) Я читаю „чендін ع емель" (=„столько дѣлъ!") въ восклицательномъ тонѣ. Если читать безъ восклицанія, то перевести фразу надо такъ: „этотъ одинъ вашъ дирһемъ сдѣлаетъ [какъ разъ] столько дѣлъ [сколько вамъ и требуется]".

13. «Слово каждаго изъ васъ порождаетъ войну и разъединеніе. Слово мое приноситъ вамъ согласное объединеніе».

LIV.

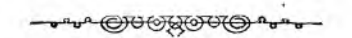
№ 18. Утята, вскормленные курицей (Бомб. II, 112; Лакн. 184).

[Человѣкъ похожъ на птенца, котораго высидѣла и выростила курица изъ яйца утинаго. Воспитаніе пріучаетъ его держаться суши, а подлинная, исконная его природа заставляетъ его стремиться къ водѣ, къ морю-океану].

LV.

Подвижникъ въ песчаной раскаленной пустынѣ (Бомб. II, 113; Лакн. 184).

[Нѣсколько странниковъ зашли навѣстить замѣчательнаго отшельника въ безводной пустынѣ и застали его за совершеніемъ молитвы. Онъ молился среди раскаленнаго песку, гдѣ закипѣлъ бы и горшокъ съ водою; но у него былъ видъ такой, будто онъ—на прохладномъ, зеленомъ лужку. Присмотрѣвшись, путники увидѣли на его лицѣ, рукахъ и платьѣ холодную влагу. Это Господь ниспосылалъ на своего раба воду съ неба. Когда странники вступили съ нимъ въ бесѣду, подвижникъ, для ихъ назиданія, немедленно испросилъ у Бога съ неба дождь. Одни изъ странниковъ были иновѣрцы;—они тотчасъ сорвали съ себя свои иновѣрческіе пояса. Другіе были правовѣрные,—и получили назиданіе. Третьи однако такъ и не приняли чуда и остались при своемъ несовершенствѣ. «Т а м м а л ь-к а л я́ м»==«Съкончася слово се»].

Изъ третьей книги „Месневи“ [1]).

LVI.

№ 1. Съѣденный слоненокъ (Бомб. III, 5; Лакн. 190).

[Мудрецъ-пустынникъ, который повстрѣчался въ пустынѣ заблудившимся и изголодавшимся путникамъ, сообщилъ имъ, что въ сосѣднемъ лѣсу они, конечно, легко могли бы убить какого-нибудь неопытнаго мо-

---

1) Такъ какъ тѣ, довольно подробныя выборки, которыя сдѣланы нами изъ двухъ первыхъ книгъ „Месневи“, даютъ достаточно ясное представленіе о цѣломъ, то приступая къ выборкамъ изъ книги третьей мы можемъ ужъ не заботиться о подробномъ изложеніи. Многія темы III книги мы совершенно опустимъ, даже заглавія ихъ не будемъ отмѣчать, а остановимся только на нѣсколькихъ притчахъ. Нумерацію Уинфильда мы, по прежнему, соблюдать будемъ.

лодого слоненка и съ избыткомъ удовлетворить голодъ, но надо бояться, что родители слоненка найдутъ убійцъ и отомстятъ. Странники, съ голоду, не послушались его увѣщаній, убили дѣтеныша и съѣли; только одинъ воздержался. Когда они заснули, нагрянулъ старый слонъ и началъ обнюхивать спящихъ. По запаху онъ узнавалъ тѣхъ, кто ѣлъ мясо его дитяти, и убивалъ. Живъ остался только тотъ, который благоразумно удержался отъ опасной ѣды.—Богъ о своихъ праведникахъ заботится такъ, какъ старый слонъ о дѣтенышѣ. Не думай, когда ихъ обижаютъ, что Господь забылъ про нихъ: Господь не можетъ забыть своихъ дѣтей].

LVII.

№ 2. Разсказъ про крестьянина и горожанина.

Ей, берадер! буд ендер ма меза (Бомб. III, 10; Лакн. 193; хрест. Гафф. II, 218) [1]).

1. Братъ мой! въ давнія времена какой-то горожанинъ былъ знакомъ съ однимъ крестьяниномъ.

2. Когда крестьянинъ пріѣзжалъ въ городъ, онъ разбивалъ свою палатку [2]) въ усадьбѣ того горожанина.

3. Онъ гостилъ у него по два, по три мѣсяца, пользовался его лавкою [3]) [для сбыта привозимыхъ продуктовъ], пользовался его столомъ.

4. Всѣ нужды, которыя бывали тогда у крестьянина, горожанинъ улаживалъ безплатно.

5. И обратился селянинъ къ горожанину: «Господинъ! почему бы тебѣ не пріѣхать въ деревню пожить на привольѣ?

6. «Ради Бога, ради Бога! привози всѣхъ дѣтей. Вѣдь теперь время розовыхъ цвѣтниковъ, молодой весны.

7. «Или пріѣзжай лѣтомъ во время [сбора] плодовъ,—пусть бы я препоясался на службу тебѣ.

8. «Привози съ собою всю челядь, дѣтей, родныхъ. Поживи на здоровье въ нашей деревнѣ мѣсяца три-четыре.

9. «Вѣдь весною окрестности деревни бываютъ очень красивы. Вездѣ видны засѣянныя поля и прелестные тюльпаны».

10. Горожанинъ давалъ ему обѣщаніе, чтобы на время отдѣлаться. И прошло въ такихъ обѣщаніяхъ восемь лѣтъ.

---

[1]) Нумерація стиховъ дана согласно хрестоматіи Абд. Гаффарова, у котораго сохраненъ собственно лишь остовъ повѣсти, и выпущены эпизодическія вставки.

[2]) т. е. останавливался

[3]) вар. „его помѣщеніемъ“ (вм. „докан“ чит. „мекан“).

11. Крестьянинъ каждый годъ говорилъ: «Ну, когда же ты соберешься къ намъ? вѣдь ужъ и зимній мѣсяцъ наступилъ!» [1])

12. Тотъ придумывалъ предлогъ, что, молъ, «въ этомъ году къ намъ изъ такой-то страны пріѣдетъ гость [и мнѣ отлучиться нельзя].

13. «Авось на будущій годъ, если мнѣ удастся освободиться отъ своихъ неотложныхъ дѣлъ, я поѣду туда къ вамъ».

14. А крестьянинъ говорилъ: «Вся моя семья ждетъ [тебя и] твоихъ дѣтей, о праведные люди!»

15. И послѣ того онъ въ каждый годъ, словно аистъ, опять появлялся, чтобы пожить подъ кровомъ этого горожанина.

16. Купецъ ежегодно тратилъ на него свои деньги и имущество и принималъ съ распростертыми объятіями.

17. Какъ-то наконецъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ этотъ доблестный человѣкъ сажалъ крестьянина за свой столъ, и по-утру и по-вечеру.

18. Отъ стыда крестьянинъ сказалъ купцу: «До какихъ же поръ ты будешь давать мнѣ обѣщанія? до какихъ поръ ты будешь обманывать?».

19. Купецъ отвѣтилъ: «И тѣломъ и душею я рвусь побыть съ тобою вмѣстѣ. Но вѣдь всякая перемѣна зависитъ отъ того, какъ Богъ присудитъ.

20. «Человѣкъ подобенъ кораблю подъ парусами: [онъ долженъ ждать], пока Ниспосылатель вѣтровъ пошлетъ [попутный] вѣтеръ».

21. И еще разъ крестьянинъ заклиналъ купца: «Щедрый человѣкъ! захвати дѣтей, приди, посмотри [гостепріимное] довольство мое».

22. Онъ три раза бралъ его за руку, чтобы получить обѣщаніе. «Ради Бога, ради Бога!» повторялъ онъ, «пріѣзжай поскорѣе, постарайся!».

* *
*

23. Вотъ ужъ десять лѣтъ дѣло шло ежегодно такъ же: [съ одной стороны]—упрашиванія, [съ другой]—сладкія обѣщанія.

24. Ужъ и дѣти купца говорили: «Отецъ! и луна путь совершаетъ, и тучи, и даже тѣнь.

---

[1]) Переведено согласно Бомбейскому изданію (тамъ „ки амед"=„вѣдь наступилъ"). По тексту, принятому въ хрестоматіи Абд Гаффарова, „амед" можетъ быть сокращеннымъ неопред. наклоненіемъ, относящимся къ предыдущей фразѣ, и тогда можно перевесть: „Ну, когда же ты рѣшишься пріѣхать? въ мѣсяцѣ зимы (=декабрѣ), что ли?!"

25. «Права на его [гостепріимство] ты имѣешь теперь основательныя, похлопоталъ ты для его дѣлъ достаточно.

26. «Онъ зоветъ тебя[1]), чтобы сколько-нибудь расквитаться съ тобою, разъ ты сдѣлаешься его гостемъ.

27. «Много разъ тайкомъ увѣщалъ онъ насъ, говоря: „Тяните его въ деревню! настоятельно уговаривайте!“

28.—«Все это правда», сказалъ отецъ, «но [вѣдь есть пословица]: О, Сибавейһъ! Блюдися злобы того, ему же благодѣялъ еси!»

* *
*

29. Крестьянинъ льстиво любезничалъ передъ купцомъ до тѣхъ поръ, пока не обманулъ благоразуміе купца.

30. Получая вѣсть за вѣстью, купецъ сбился. Прозрачная вода благоразумія купца замутилась.

31. Да и съ своей стороны дѣти, въ угоду тому, радостно повторяли: «Поживемъ тамъ на привольи, поиграемъ!»

32. [Дѣлалось такъ], какъ съ Іосифомъ, котораго, по дивному опредѣленію судьбы, [желаніе] пожить на привольѣ и поиграть унесло изъ подъ отцовской сѣни.

33. Это ужъ была не игра, а скорѣе—игра жизнью; хитрость, коварство, лукавство—вотъ что эта игра.

* *
*

34. Все, что тебя разлучаетъ съ другомъ, того не слушай! тамъ лишь ущербъ и ущербъ.

35. Даже если будетъ тамъ тебѣ [процентной] пользы сто на сто, не бери! Изъ-за золота не рви отношеній съ самимъ казначеемъ, о бѣднякъ!

* *
*

36. Осмотрительный купецъ много приводилъ извиненій. Онъ продолжалъ было выставлять много предлоговъ противъ настойчиваго чорта.

37. «Сейчасъ я имѣю очень важныя дѣла»—говорилъ онъ,—«и если я пріѣду къ тебѣ, они не будутъ улажены.

38. «Царь мнѣ поручилъ очень тонкое дѣло, и въ ожиданіи меня царь не спитъ ночи.

---

[1]) Читаю „hемі ханед“ согласно Бомбейскому изданію (у мирзы Абдуллы Гаффарова: „hемі хаhед).

39. «Не могу же я пренебречь приказомъ царскимъ! Не могу же предстать къ царю съ блѣднымъ [смущеннымъ] лицомъ.

40. «Каждое утро и каждый вечеръ личный полковникъ [государя] [1]) приходитъ, ищетъ моей посильной помощи.

41. «Неужели ты считаешь допустимымъ, чтобъ я прiѣхалъ въ деревню, а государь хмурилъ брови?

42. «Вѣдь послѣ того какое я найду средство противъ его гнѣва?! Развѣ только живымъ закопать себя въ землю».

43. Сотню такихъ предлоговъ высказывалъ купецъ, однако его ухищренiя не совпали съ тѣмъ, что судилъ Господь.

44. Если даже всѣ атомы мiра займутся хитросплетенiями, они передъ рѣшенiемъ небесной судьбы ничто, ничто!

45. Какимъ образомъ нашей землѣ убѣжать отъ неба! Какимъ образомъ ей скрыть себя отъ него!

46. Что только грядетъ съ неба на землю [2]), противъ того землѣ нѣтъ ни прибѣжища, ни средства [защиты], ни засады...

* *
*

47. Купецъ сталъ дѣйствовать, собрался. Птица его намѣренiя поспѣшила по направленiю къ деревнѣ.

48. Семья его и дѣти тоже стали готовиться въ путь и [заранѣе] вьючили свои пожитки на быка намѣренiя.

49. Весело и поспѣшно [стремились они] въ деревню, говоря: «О, мы насладимся въ деревнѣ того носителя прiятныхъ вѣстей! [3])

50. «Въ томъ мѣстѣ, куда мы направляемся, имѣется прекрасный пастбищный лугъ. Нашъ другъ, который тамъ живетъ, великодушенъ, милъ сердцу.

51. «Съ тысячами [добрыхъ] желанiй онъ насъ пригласилъ. Ради насъ онъ насадилъ превосходный молодой садъ.

52. «Мы изъ плодовъ его привеземъ въ городъ запасъ, [достаточный] на десять длинныхъ зимъ.

53. «Да быть можетъ, онъ подаритъ намъ садъ, какъ гостинецъ: онъ и въ серединѣ своей души готовъ намъ дать мѣсто.

---

1) Мы бы сказали: „личный адъютантъ государя".

2) т. е. все, что только ниспошлетъ судьба.

3) Я и здѣсь читаю „мождедиh", какъ одно сложное слово (срв. то, что сказано на стр. 314).

б) Выборки изъ лирическаго «Дивана» Джеляледдина.

Лирическія стихотворенія Джеляледдина Румійскаго далеко не пользуются у персовъ тою популярностью, какою пользуется «Месневи». Насколько невелика въ Персіи и въ странахъ иранской культуры потребность въ чтеніи Джеляледдиновскихъ газелей, это ясно изъ того обстоятельства, что «Диванъ» только одинъ разъ и былъ отлитографированъ на востокѣ полностью, лѣтъ сорокъ тому назадъ, да и то полнота эта оказывается условной, сомнительной, тогда какъ «Месневи» литографируются изданіе за изданіемъ. Между тѣмъ читателя европейскаго лирическій «Диванъ» Джеляледдина можетъ плѣнить, пожалуй, гораздо сильнѣе, чѣмъ «Месневи».

Въ нижепредлагаемыхъ выборкахъ я совершенно не буду дѣлать ссылокъ на упомянутое единственное т. н. полное изданіе «Дивана» которое вышло въ Лакнау 1295=1878 г. (378 стр). Оно во-первыхъ кишитъ ошибками и безтолковыми чтеніями (черта, увы, обычная для персидскихъ текстовъ, литографирующихся въ Индіи), а во-вторыхъ,—и это главная помѣха,—имѣвшійся у меня до сихъ поръ экземпляръ погибъ во время военныхъ передрягъ, и другой достать теперь ужъ не легко. Вмѣсто него я пользуюсь очень умѣлымъ и надежнымъ, хотя далеко не полнымъ, Т е б р и з с к и м ъ изданіемъ (обознач. «Тебр.») литографир. въ 1282=1865 г. подъ заглавіемъ «Шемс ель-ƨеqаиq»=«Солнце истинъ» [1]. По количеству страницъ оно совпадаетъ съ Лакнаускимъ (въ обоихъ по 378 стр.) [2], но по количеству стиховъ оно на 1/4 меньше: въ Лакнаускомъ свыше 12000 бейтовъ, въ Тебризскомъ ок 9000 (не считая робаійятъ). За то редакторомъ «Шемс ель-ƨеqаиq» былъ превосходный знатокъ персидской литературы и старины Риза-кули-ханъ, авторъ двухъ историко-литературныхъ тезкиратъ [3], дополнитель всеобщаго историческаго свода Мирхонда,—и «Диванъ» Джеляледдина подъ его критической редакціей представляетъ очень толковыя чтенія.

Помѣтка «R o s e n z w.» при нижеслѣдующихъ пе-

[1]) Никольсонъ въ «Selected poems» (1898), стр XLVII, знаетъ тебризское изданіе только 1280 [=1863 г]. Если у Никольсона не опечатка (вм. 1282), то, судя по его описанію, изданіе «Шемс ель-ƨеqаиq» 1280 г. абсолютно ничѣмъ не отличается отъ имѣющагося у меня изданія 1282 г.

[2]) Замѣчу, что страницы не нумерованы, и мнѣ пришлось проставить пагинацію самому.

[3]) «Меджмеƨ ель-фосеƨа» (Tehранъ 1294=1877, 2 тт.), «Рійâз эль-ƨарифін» (Tehранъ 1305=1888).

реводахъ обозначаетъ ссылку на страницы характерно подобранной антологіи Винц. фонъ-Розенцвейга: «Auswahl aus den Diwanen.... des Rumi» (Вѣна 1838), гдѣ рядомъ съ персидскимъ текстомъ напечатанъ и стихотворный нѣмецкій переводъ. Само собою разумѣется, русскій переводъ сдѣланъ исключительно съ персидскаго текста, и я считалъ вовсе ненужнымъ согласоваться съ переводомъ нѣмецкаго издателя.—Этого, къ сожалѣнію, я не могу сказать про четыре стихотворенія, данныя у меня подъ №№ IV, XIV, XV и XVIII (и помѣченныя, какъ «Redekünste»): я лишенъ былъ возможности перевести ихъ съ персидскаго подлинника и долженъ былъ использовать нѣмецкій стихотворный переводъ Іос. фонъ-Хаммера въ его «Geschichte der schönen Redekünste Persiens» (Вѣна 1818). Кое-какія измѣненія, замѣчаемыя у меня сравнительно съ нѣмецкимъ текстомъ Хаммера, объясняются тѣмъ, что я мысленно возстанавливалъ персидскій текстъ, подставляя вмѣсто нѣмецкихъ словъ ожидаемыя персидскія,—и тогда являлась возможность не соглашаться съ Хаммеромъ Не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые оріенталисты, хоть и упрекаютъ Хаммера за неуклюжесть стиля, находятъ его переводы изъ Джеляледдина болѣе точными, чѣмъ переводы у Розенцвейга [1]; я, зная большую вольность Хаммера по другимъ переводамъ, a priori позволю себѣ очень не повѣрить этому утвержденію.

Обозначеніе «Nichols.» или «Nich.» относится къ изданію: «Selected poems from the Divani Shamsi Tabriz, edited and translated by R. Nicholson», Кембриджъ 1898.—[Изъ Никольсона шесть стихотвореній переиздалъ мирза Абдулла Гаффаровъ во II томѣ своихъ «Образчиковъ персидской письменности» (М. 1906). Изъ этихъ шести—пятеро переводятся у насъ по-русски и снабжаются помѣткою: «хрест. Гафф.»].

Давая русскій переводъ, я не придерживался исключительно одного какого-нибудь изъ изданій: при переводѣ того или иного стихотворенія я, для каждаго бейта, эклектически останавливался на томъ или иномъ изъ изданныхъ чтеній, какое мнѣ лично представлялось наиболѣе пріемлемымъ для даннаго стиха. Отъ этого не разъ случается, что, напр. первый стихъ какой-нибудь газели переведенъ по тексту, напечатанному у Розенцвейга, второй—по «Шемс ель-ʒeqaиq» и т. п.

Во всѣхъ изданіяхъ Джеляледдиновой лирики размѣщаются стихотворенія его не по содержанію и не по времени написанія, а чисто формальнымъ образомъ: по алфавитному порядку риѳмъ. Я рѣшаюсь распо-

---

[1]) См. у Г. Этé въ его «Morgenländische Studien», Лейпц. 1870, стр. 111; R. Nicholson: «Selected poems» 1898, стр. XLIX.

ложить свою антологію по содержанію стихотвореній.

I.

Человѣкъ Божій.

Мерд-и Хода мест бовед бі шераб (Rosenzw., стр 22; Nich., стр. 28)

1. Человѣкъ Божій пьянъ безъ вина;
Человѣкъ Божій сытъ безъ жаренаго мяса [1]).

2. Человѣкъ Божій—всегда въ восторженномъ изумленіи и забытьи;
Человѣку Божьему не нужно пищи и сна.

3. Человѣкъ Божій—не изъ вѣтра и праха,
Человѣкъ Божій—не изъ огня и воды.

4. Человѣкъ Божій—царь подъ монашеской рясой,
Человѣкъ Божій—кладъ въ пустынныхъ развалинахъ.

5. Человѣкъ Божій—образецъ покорности [2]),
Человѣкъ Божій—залогъ праведныхъ дѣлъ.

6. Человѣкъ Божій—по ту сторону невѣрія и вѣры [3]).
Въ глазахъ человѣка Божія что можетъ значить порокъ или добродѣтель?! [4]).

7. Человѣкъ Божій—самъ свѣдущъ въ Истинѣ,
Человѣкъ Божій—не книжный богословъ-законовѣдъ.

8. Человѣкъ Божій—безпредѣльное море.
Человѣкъ Божій—и безъ тучъ жемчужный ливень.

9. Но, о чадо! человѣкъ Божій есть тайна.
Ищи Божія человѣка—и найдешь.

II.

Предсуществованіе.

Мен шаhбаз-и Саниҁ ем, бер дест-и Солтан-и буде-ем (Rosenzw., стр. 130).

1. Я у Творца—тотъ охотничій соколъ, который нѣкогда сидѣлъ на Его царской рукѣ,
По Его мановенію я долженъ бывалъ постоянно летать, куда онъ направитъ.

2. Слетѣлъ я съ руки царя, проходилъ всѣ девять небесъ,

---

[1]) т. е. онъ упоенъ и насыщенъ стремленіемъ къ Божеству.

[2]) Въ подлинникѣ: «qибле-и таҁет»=«кыбла повиновенія» Если подъ повиновеніемъ имѣется въ виду «исламъ» (что значитъ «врученіе себя», «подчиненіе»), то это полустишіе имѣетъ смыслъ: «Человѣкъ Божій есть истинная исламская кыбла».

[3]) Надо читать: «Мерд-и Хода—з'ан суй-и кофр ест о дін», т. е. онъ стоитъ выше понятій „вѣра" и „невѣріе".

[4]) букв. «грѣхъ и праведное дѣло».

Видѣлъ семь планетъ и, [на седьмомъ небѣ], поднимался на самую вышку Сатурна.

3. Въ неприступномъ святилищѣ я безмолвно возлежалъ съ хýріями.

Адамъ былъ еще въ нѣдрахъ небытія, когда я былъ райскимъ стражемъ Рыдваномъ.

4. Я возсѣдалъ на царскомъ тронѣ, я обладалъ печатью перстня
И былъ повелителемъ дúвовъ и перій еще задолго до Соломона.

5. Много разъ ходилъ я сквозь огонь,—всегда огонь дѣлался для меня розовой рощей.

Послѣ поисковъ въ розовыхъ рощахъ,—я былъ въ розовомъ цвѣтникѣ.

6. Оказался я чистой жемчужиной,—и вотъ теперь я попалъ въ ларецъ земного міра сего.

Пришелъ я сюда, чтобы опять вернуться на небеса: а тамъ мнѣ была слава стократная.

7. Эту сладкую оду твердитъ, вмѣстѣ съ [ея авторомъ] Шемсомъ Тебрúзскимъ, вся вѣчность.

И пѣвцомъ ея былъ я еще у Предвѣчнаго престола.

III.

„Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте?“

Теваф-и Кяɛбе-и диль кон, егяр дилі дарі (Rosenzw., стр. 208).

1. Совершай паломническій обходъ вокругъ той Ка‘бы, которая находится въ твоемъ сердцѣ,—если у тебя есть сердце.

Сердце—это отвлеченная Ка‘ба; да, то самое сердце, которое тебѣ кажется перстью! [1])

2. Совершать паломническій обходъ вокругъ мекканской Ка‘бы вещественной Богъ заповѣдалъ, но лишь затѣмъ,

Чтобы посредствомъ этого ты вручилъ ему свое сердце.

3. Тысячу разъ ты можешь совершать ногами обхожденіе вокругъ Ка‘бы,

А угоднымъ Богу не будешь, если оскорбишь людское сердце....

4. Откажись отъ владѣнія богатствомъ, обладай—сердцемъ.

Сердце надѣлитъ тебя сіяніемъ и въ ночномъ мракѣ могилы.

5. Тысячу кошельковъ золота принесешь Богу Истины,

А Богъ тебѣ скажетъ: «Если хочешь принесть Мнѣ жертву, то принеси свое сердце.

---

[1]) На эту тему: «сердце человѣка есть Ка‘ба», вообще излюбленную у Джеляледдина, мы ужъ встрѣчали и разсказъ въ «Месневи»: про Баезида Бистамскаго, который по дорогѣ въ Мекку встрѣтился съ дервишемъ, предложившимъ совершать богомолье вокругъ него самого (у насъ стр. 320).

6. «Ибо въ Моихъ очахъ серебро и золото—ничто, это вещь безъ цѣны.
«Если ты Меня ищешь, то Мнѣ нужно лишь твое сердце»...

7. Выше небеснаго престола, выше Господня трона, выше скрижали судьбы, выше пера опредѣленія
Стоитъ одинокое, заброшенное сердце [1]), которое ты считаешь усыхающей былинкой.

8. Итакъ, не пренебрегай сердцемъ, хотя бы оно представлялось и очень незначительнымъ:
Сердце—велико: въ немъ у тебя живетъ Великій...

10. Оживить сердце несчастнаго, растерзанное горемъ на двѣ сотни клочковъ—
Безъ сомнѣнія, будетъ въ очахъ Творца угоднѣе, чѣмъ совершить богомолье въ Мекку и паломническій молебенъ......

11. Одинокое, заброшенное сердце—вмѣстилище кладовъ божественной сокровищницы:
Вѣдь именно въ заброшенныхъ развалинахъ и закапывается много кладовъ.

15. Только ради сердца созданы Богомъ оба міра, видимый и невидимый.
Прислушайся-ка къ тексту, провозглашаемому устами церковнаго чтеца: „Если бъ не ты, если бъ не ты, Я бы не создалъ небесъ“ [вовсе не къ Мохаммеду относится этотъ текстъ, а къ человѣческому сердцу].

IV.

Сердце—Ка‘ба.

Ана̂н ки бе-сер дер телеб-и Кяͼбе девіденд (Хамм., Redekünste, стр 181).

1. Тѣ люди, которые ревностно стремятся къ Ка‘бѣ,—
Когда прибудутъ къ цѣли,

2. Видятъ высокій домъ изъ камня,
Въ каменистой долинѣ, лишенной нивъ.

3. Въ путь-то они отправились для того чтобы увидать Бога....
Они искали....а Его не нашли!

4. Послѣ долгихъ ихъ обхожденій вокругъ этого дома
Извнутри послышался голосъ:

5. «Что вы молитесь камнямъ?
«Что вы не ищете истиннаго дома Божія?

---

[1]) Игра словами. Слово «хераб» значитъ «разрушенный, опустошенный», но оно же значитъ „охмелѣвшій, упоенный“. Изъ-за стиха 11-го мы принуждены перевести не „упоенное сердце“ а „одинокое, заброшенное сердце“.

6. «Домъ сердца—вотъ это и есть жилище Бога Истины.
«Благо тому, кто войдетъ въ этотъ домъ!»—
7. Благо же тому, кто, подобно Шемсу Тебризскому,
Избѣгая пустынь, сидитъ дома.

V.

Анhа ки телебкар-и Хода-йід—хода-йід! (Rozenzw. стр. 66; значит. варіантъ Тебр. стр. 188).

1. О вы, ревностно ищущіе Бога! вѣдь Богъ-то—вы сами!
Нечего Его искать: вы сами Онъ, вы сами Онъ!
2. Вы сами—іоты закона, вы—хадисные хранители основъ вѣры, вы—догматическая схоластика, вы—Коранъ,
Вы—Гавріилъ, вы—тотъ Боракъ, на которомъ Пророкъ возносился на небо, вы сами—апостолы Божьи.
3. Вы—и природа Бога, вы и свойства Божьи (относительно которыхъ богословы такъ мудрятъ), вы—небесный тронъ, вы—земная подстилка.
Вы—въ источникѣ безсмертія, вы—не подвержены тлѣнію.
4. Зачѣмъ же вы ищете ту вещь, которой никогда и не теряли?
Къ себѣ самимъ и обратитесь! а вѣдь вы—вотъ гдѣ! а вѣдь вы—вотъ гдѣ! [1]).
5. Если вы хотите увидать предметъ вашихъ стремленій щека о щеку,
То сотрите лишь ржавчину съ зеркала вашего сердца, гладко отполируйте его,
6. Дабы, подобно вашему Мавлѣ-Румію, въ экстатической стадіи „истины" (ʓeqiqeт),
Самихъ себя самимъ себѣ показать въ зеркалѣ (и увидать что Богъ—это вы сами).

VI.

Душа самого человѣка—единый источникъ боговѣдѣнія.

Мен ан руз будем, ки есма не буд (Rozenzw., стр. 58; Nich. 70) [2]).

1. Я былъ еще въ тотъ день, когда и названій ни для чего не было,
Когда объ именуемомъ существованіи и помину не было,
2. Когда проявляло себя только колечко кудрей моего Друга,
И когда, кромѣ Бога Всевышняго, ничего не было,

---

[1]) Или, быть можетъ, надо перевести: «и посмотрите, гдѣ вы! и посмотрите, гдѣ вы!»

[2]) Срв. стихотв. нѣм. пер. у Хаммера въ Gesch. d. sch. Redekünste Persiens, Вѣна 1818, стр. 181; стихотв. англ перев. Фоконера, первоначально напеч. въ Asiatic Journal, переизданъ въ Appendix'ѣ къ «Grammar of the pers. language» by D. Forbes, Лонд. 1828, стр. 159-160.

3. Всѣ названія и имена изошли не отъ кого, какъ отъ меня
Въ то время, когда понятій „я" и „мы"[,—понятій, о единственности и множественности,—] еще не было.

4. И поклонялся я Господу еще въ то время,
Когда во чревѣ Маріи не было Мессіи.....—

5. А теперь я обыскалъ тщательно крестъ и христіанство,—
Не было на крестѣ Того, кого я искалъ [1]).

6. Отправился я въ капище идольское, въ древнюю обитель [огнепоклонниковъ],—
Не видать тамъ было ни знака, ни признака.

7. Къ Ка'бѣ повернулъ я, направилъ туда поводья исканія,—
И въ этомъ мѣстѣ, куда стремится старъ и младъ, Его не было.

8. Пошелъ я въ Кандаһарскую и Херâтскую окраину,
Прорыскалъ ее сверху до низу,—Его тамъ не было.

9. Желая Его непремѣнно разыскать, проникъ я на вершины горъ Кавказа.
Но тамъ и признака не было моего желаннаго Симорга[2]).

10. Былъ я въ седьмомъ поясѣ земли и на седьмомъ небѣ.—
Но Его и на этомъ высокомъ сѣдалищѣ не было.

11. Тогда я вопросилъ о Немъ скрижаль съ перомъ предопредѣленія, гдѣ начертана судьба каждаго человѣка,--
Но не получилъ никакого отвѣта ни отъ скрижали, ни отъ пера.

12. И всюду-всюду [въ религіяхъ] я, своими богозрительными очами, усматривалъ
Тѣ или иныя свойства, какія къ Божеской природѣ относиться не могутъ.

13. Но вотъ взглянулъ я въ свое сердце ....—
Т а м ъ—я Его узрѣлъ, въ другомъ мѣстѣ—Его не было.

14. И, по истинѣ, я до того былъ упоенъ и приведенъ въ восторгъ,
Что моего личнаго бытія не осталось и малѣйшей частицы.

15 И не оказалось другого человѣка настолько упоеннаго, ошеломленнаго, смущеннаго,
Какъ [я,] Шемсъ Тебризскій, съ чистымъ лицомъ.

VII.

«ɛОмр, ки бі ɛишq рефт, hіч ȥисаб-еш ме-гір! (Rozenzw., стр. 72).

1 Жизнь, протекшую безъ любви, не ставь ни во что.

---

1) Слово «крестъ» выражено здѣсь черезъ «ч е л і п â», съ сирскимъ членнымъ окончаніемъ â, все равно какъ и «Мессія» въ предыдущемъ стихѣ названъ „Meciȥâ", тоже съ окончаніемъ â.—Иные со словомъ „челіп" сближаютъ слово „челеbі" (о которомъ см. у насъ на стр. 273-274).

2) Въ подлинникѣ не „Симоргъ", а арабское „ɛAнqâ"

Любовь—есть источникъ жизни! Прими же ее въ сердце и душу.

2. Всякаго, кромѣ влюбленныхъ, считай рыбою, отнятой отъ воды.
Такой человѣкъ, будь онъ хоть везирь,—замеръ и увялъ.

3. Когда любовь распахнетъ свои объятія, каждое дерево зазеленѣетъ,
Каждое выпуститъ молодую листву изъ сухого сука.

4. Кто сталъ добычею любви, тотъ развѣ можетъ стать добычею смерти?
Если щитомъ служитъ ему его свѣтелъ мѣсяцъ, то развѣ его можетъ ранить стрѣла?

VIII.

Изъ мистико-гедонической газели.

Амед беһар-и хоррем о хендід рузгар (Rozenzw., стр. 80).

46. Прежде чѣмъ весна невзначай перейдетъ въ осень,
Используй свою долю въ этой безвозвратной жизни.

47. Не привязывайся къ міру: вѣдь ничего прочнаго въ немъ ты не имѣешь ни на мигъ:
Онъ тлѣненъ, измѣнчивъ, непостояненъ.

48. Пока ты еще можешь достигнуть радости, веселья, наслажденія,
Пей, наряжайся, отдавайся поцѣлуямъ и объятіямъ [1]).

IX.

Дідем нигар-и ход-ра, мі-гяшт гирд-и ханé. (Тебр., стр. 300; Nichols., стр. 162; хрест. Гафф. II, 315).

1. Я видѣлъ свою ненаглядную, какъ она кружилась вокругъ дома. Съ лютнею-зурною въ рукахъ, она въ тактъ напѣвала мелодію.

2. Смычковой палочкой, словно [кремнемъ] огонь, выбивала она [изъ инструмента] ту сладкую мелодію,—опьяненная, охмеленная, привлекательная отъ ночной попойки.

3. Пѣла она на иракскій напѣвъ, призывая имя виночерпія Но настоящимъ предметомъ воспѣванія [2]) было вино,—виночерпій былъ только предлогомъ.

4. И вотъ какой-то луноликій виночерпій, съ кувшиномъ въ рукѣ, появился изъ уголка и поставилъ кувшинъ по срединѣ.

5. Наполнилъ онъ первую чашу тѣмъ пламенѣющимъ виномъ.... Видалъ ли ты когда-нибудь, чтобы въ водѣ огонь выпускалъ горячіе языки?!

6. Передалъ онъ чашу, чтобы пили тѣ, кто влюбленъ: послѣ того преклонился и поцѣловалъ порогъ.

---

[1]) Все это, конечно, надо понимать въ духовномъ, а не въ эпикурейскомъ смыслѣ.

[2]) букв. „цѣлью".

7. Ненаглядная моя взяла ее у него, понемногу выпила все то вино,—и послѣ этого забѣгали у нея огоньки по лицу и по головѣ.

8. Она видѣла свою красоту и говорила: «Только бы не сглазить! [1]) —и не было и не будетъ кого-нибудь подобнаго мнѣ въ этомъ вѣкѣ!

9. «Я—солнце (шемс) истины этого міра, я—предметъ любви для влюбленныхъ. Каждый мигъ волнуются [у всѣхъ] передо мною и духъ и душа».

X.

Суретгяр-и неqqаш-ем, hер леʒзе боті сазем (Nichols., стр. 134; хрест. Гафф II, 315)

1. Я художникъ-живописецъ. Каждый мигъ я рисую красавицу-кумиръ. И затѣмъ всѣ свои красивые кумиры я въ твоемъ присутствіи покидаю.

2. Сотни образовъ я воспроизвожу, [живымъ] духомъ надѣляю ихъ. Но когда твой образъ увижу, всѣхъ ихъ въ огонь бросаю.

3. [Кто же ты?] Виночерпій ли трактирщика? Или [просто] врагъ трезваго? Или разрушитель всякаго зданія, какое я построю?

4. Душа тобою растворена. она тобою пропитана. И разъ душа содержитъ твой ароматъ, буду за душей ухаживать!

5. Всякая капля крови, что [отъ любви къ тебѣ] изъ меня истекаетъ, говоритъ праху ногъ твоихъ: «Я одноцвѣтна съ любовью къ тебѣ!»

6. Въ [моемъ тѣлѣ, этомъ] домѣ [,слѣпленномъ] изъ воды и глины, сердце мое безъ тебя—нежилая развалина. Или ты войди въ домъ, о душа, или я домъ покину!

XI.

Мен ез ʢалем тора тенhа гозінем (Nichols., стр. 120; хрест Гафф. II, 315).

1. Я, изъ всего міра, избираю только тебя. И ты допускаешь, чтобъ я сидѣлъ скорбнымъ?!

2. Сердце мое—словно письменное перо въ твоей рукѣ. Отъ тебя зависитъ: веселъ ли я или печаленъ.

3. Чего я могу хотѣть кромѣ того, что ты хочешь! На что я могу смотрѣть кромѣ того, что ты мнѣ показываешь!

4. Ты выращиваешь изъ меня то шипъ, то розу. Я—то розу нюхаю, то шипы срываю.

5. Пока ты имѣешь меня такимъ, я—такой. Захочешь имѣть меня этакимъ, я—этакій.

6. Въ томъ чанѣ, гдѣ окраску сердцу даешь ты,—ну, кто таковъ я-жалкій! Чѣмъ можетъ быть [для тебя красильщика] и моя любовь и моя ненависть!

---

[1]) букв. „[я отгоняю] дурной глазъ!“

7. Ты былъ первымъ, ты будешь и послѣднимъ. Ты сдѣлай и мой конецъ лучшимъ, чѣмъ мое начало.

8. Когда ты скрываешься, я—изъ числа невѣрующихъ. Когда ты появляешься, я принадлежу къ правовѣрнымъ.

9. Кромѣ того, что ты далъ мнѣ, я-то что имѣю! Чего жъ ищешь ты въ моихъ карманахъ и рукавахъ?

XII.

Би-нмай рох, ки баѕ о голистан-ем аəзу-ст. (Nichols,, стр, 64; Тебр., стр. 146; хрест. Гафт. II, 313).

1. Покажи мнѣ Свои щечки: мнѣ такъ хочется видѣть садъ и розовый цвѣтникъ! Открой [Свои сахарныя] уста: мнѣ такъ хочется обильнаго сахару [сладкихъ рѣчей Твоихъ]!

2. О. Солнце [мое]! Покажи ликъ Свой изъ-за тучъ! Мнѣ такъ хочется видѣть это лучезарное, сіяющее лицо!

3. Полный страсти къ Тебѣ, я услышалъ [съ твоей стороны] призывный звукъ [охотничьяго] соколинаго барабана. И я вернулся:—мнѣ вѣдь такъ хочется [посидѣть] на рукѣ Повелителя моего!

4. Ты изъ кокетства говоришь: «Не надоѣдай мнѣ больше! уходи!» И мнѣ та́къ хочется слушать отъ Тебя это «не надоѣдай мнѣ больше!»

5. Ты приказываешь не принимать меня, велишь говорить: «убирайся! до́ма нѣтъ!» Это кокетство, это высокомѣріе и суровость привратника—мнѣ та́къ хочется ихъ терпѣть!

6. О, пріятный вѣтеръ, вѣющій со стороны лужайки Возлюбленнаго! На меня повѣй! мнѣ такъ хочется получить пріятную вѣсточку про душистую базилику!

7. [Скудные] хлѣбъ и вода, [ниспосылаемые] случайной судьбою, подобны измѣнчивому потоку А я—рыба чудо-юдо [1]), и мнѣ такъ хочется [на просторъ] океана! [2]).

8. Подобно Іакову, я все стенаю: «Увы! о, горе!» Мнѣ такъ хочется увидѣть прекрасное лицо Іосифа [,красы] Ханаана!

9. Ей Богу, безъ Тебя городъ становится мнѣ тюрьмою! И мнѣ такъ хочется пойти въ скитаніе по горамъ и пустынямъ!

10. Одной рукою держать чашу вина, другой рукою—касаться завитка кудрей Друга.... Мнѣ такъ хочется проплясать въ подобномъ видѣ посреди городской площади!

11. Стосковалось мое сердце отъ моихъ нынѣшнихъ сотоварищей, людей слабой природы.. Мнѣ такъ хочется [быть въ сообществѣ Алія] Льва Божія и былиннаго Ростема! [3]).

---

[1]) букв. «я—рыба-крокодилъ»

[2]) букв «Оманскаго моря»

[3]) или «Ростема, сына Заля». Слово «дестан» имѣетъ разумѣется, свой на-

12. Каждому, кто существуетъ, достижимы лишь опилочныя блестки красоты. А мнѣ такъ хочется цѣлаго рудника Той красы, цѣлой копи Ея!

13. Хоть я безъ гроша, — а не согласенъ взять мелкаго сердолика. Мнѣ такъ хочется [лобзать Твои уста, — эту полную] копь рѣдкостныхъ, трепетныхъ сердоликовъ!

14. Отъ окружающихъ людей, исполненныхъ жалобами, я плакать готовъ, мнѣ скучно отъ нихъ. И мнѣ такъ хочется услышать радостное «гей-гей!» и клики пьяныхъ.

15. Скучно стало душѣ моей отъ Фараона и его притѣснительства Мнѣ такъ хочется видѣть [только] тотъ свѣтъ, который озарялъ лицо Моисея, сына Имрана!

16. Говорятъ: «да Его и найти нельзя. Поискали мы Его изрядно» А мнѣ такъ хочется именно того, чего найти нельзя!

17. Я могу быть краснорѣчивѣе соловья, но, въ силу ревнивой зависти черни, на моемъ языкѣ лежитъ печать. Но мнѣ такъ хочется вопить!

18. Вчера старикъ со свѣтильникомъ бродилъ вокругъ города. Онъ взывалъ: «Мнѣ надоѣли бѣсы и дикіе звѣри! Мнѣ такъ хочется человѣка!» [1])

19. Ужъ мнѣ и дѣла больше не осталось до всякихъ пристрастій, до всякихъ хотѣній. Но мнѣ такъ хочется уйти отъ бытія и пространства къ самымъ основамъ Его [сущности] [2])!

20. Отъ глазъ Онъ скрытъ, но всѣ глаза происходятъ отъ Него. И мнѣ такъ хочется [достичь] Того скрытаго, явнаго въ дѣлахъ своихъ!

21. Уши мои услышали повѣсть вѣры [въ Него] — и впали въ упоеніе. И вотъ [3]) мнѣ такъ хочется вѣровать и въ частяхъ, и въ цѣломъ, и въ образахъ! [4])

22. И самъ я — лютня любви, и любовь моя есть лютня [5]). И мнѣ такъ хочется, чтобы меня взялъ въ руки, прижалъ къ себѣ и игралъ на мнѣ мелодію Османъ [6]).

рицательный смыслъ: «былина». Но это же — и имя собственное. Въ «Книгѣ царей» Заль, отецъ Ростема, очень часто называется Дестаномъ.

[1]) Конечно, это намекъ на греческій анекдотъ про Діогена-циника (разсказанный въ „Біографіяхъ философовъ" Діогена Лаэртія). Джеляледдинъ передаетъ его (безъ имени Діогена) и въ V книгѣ «Месневи».

[2]) Мусульманинъ долженъ, конечно, понять «суй-и еркан" въ смыслѣ: „къ опорамъ престола Вышняго", „къ подножію Его престола".

[3]) букв. „скажи!"

[4]) Если вмѣсто „гу" прочитаемъ „ку" (=„что Онъ"), то возможенъ переводъ такой: „И мнѣ такъ хочется Того, кто является и частью вѣры, и цѣлымъ ея тѣломъ, и ея образомъ".

[5]) Ребабъ — это, собственно, не лютня, а скорѣе зурна.

[6]) Османъ, 4-ый халифъ, былъ убитъ, прижимая Коранъ къ груди.

23. Лютня поетъ: «Въ моей любовной тоскѣ мнѣ каждую минуту такъ хочется сострадательныхъ ласкъ Милосердаго!»

24. О, красавецъ-музыкантъ! Конецъ этой газели ты допѣвай вотъ на какой ладъ, потому что мнѣ такъ хочется именно этого лада:

25. «Шемсъ, предметъ гордости Тебриза! покажи намъ востокъ любви! Я вѣдь удодъ [1]), и мнѣ такъ хочется быть въ присутствіи Соломона!»

XIII

Программа тариката.

Дильа! гяр талиб и йар-і, би-роw ез хіш мердане (Rosenzw. стр. 200. Срв. Хаммеръ, 193).

1. Сердце! если ты ищешь Милаго, то мужественно откажись отъ самого себя:

Мотылекъ долженъ пожертвовать свое тѣло и душу свѣчѣ, [которая его привлекаетъ].

2. Если желаешь вѣчности, уничтожь себя, отрекись отъ себя—и, такимъ образомъ, сдѣлаешься богомъ.

Сдѣлайся смиреннымъ рабомъ, отрѣшись и отъ родного и отъ чужого.

3. Всецѣло направь взоръ къ Истинѣ (Богу), говори исключительно о любви,

Безуміе повѣсь себѣ на шею, какъ ожерелье. Подобно намъ, обратись въ пьянаго и помѣшаннаго.

4. Разъ въ мірѣ господствуетъ сплошное единство, ты-то чего медлишь?!

Если ты—нашего толка, то ступай въ винный погребокъ.

5. Подобно календерамъ, пей вино изъ чаши соединенія съ Тѣмъ похитителемъ сердца,

На вычурныя предписанія вѣры или невѣрія не смотри: къ чему тебѣ суевѣрія и побасенки?

6. Слова Корâна: „Господь ихъ напоилъ“ относятся къ чистымъ (святымъ) людямъ, которыхъ Онъ напояетъ чистымъ (святымъ) виномъ [2]).

Онъ—первый, Онъ—и послѣдній, Онъ—виночерпій, Онъ и чаша.

7. Ночь свиданія съ этимъ Царемъ сердца слаще вѣчной жизни.

(А рѣчь Шемса Тебризскаго объ этомъ—словно кладъ, скрытый въ развалинахъ).

---

[1]) См. выше, въ „Месневи“, стр. 309

[2]) Переводъ даю очень расширенный. Думается, что смыслъ стиха уловленъ мною вѣрно. (Хаммеръ и Розенцвейгъ понимаютъ иначе).

XIV.

Ей, ʿашиqан! ей, ʿашиqан! мен ʿашиq-и діріне-ем (Хаммеръ: Redekünste, стр. 189. Срв. Тебр., стр. 42).

1. О влюбленные, о влюбленные! Я—давнишній влюбленный.....
Слушайте, внимайте! Я—давнишній влюбленный.

2. Еще не было міра и Адама, какъ я ужъ былъ,
Еще не было времени, какъ я ужъ былъ: я—давній влюбленный.

3. Я слагался въ теченіи семисотъ тысячъ лѣтъ,
И, вотъ такъ, постепенно образовался; я влюбленный давній.

7. Въ день предопредѣленія, когда души воскликнули; «Да, да!» [на вопросъ Бога: „Не я ли Господь вашъ?]—
Я тамъ прежде всѣхъ исповѣдалъ это: я давно люблю.

6. Я находился съ Ноемъ въ ковчегѣ, я находился съ Іосифомъ въ колодцѣ [куда его бросили братья].
Я былъ современникомъ Іисуса... Я—давнишній влюбленный.

10. Когда Мохаммедъ возносился въ небесныя выси,
Я былъ тамъ на седьмомъ небѣ: я давно влюбленъ.

11. Херувимы, носители престола Господня!
Выше, выше поднимите его! я—давнишній влюбленный.....

16. Скажите солнцу (Шемсу) Тебриза, что пришелъ Румій,
Что мовля-на говоритъ: «Я—давнишній влюбленный».

17. О, влюбленные! о, влюбленные! Но кто же солнце (Шемсъ) Тебриза?
Это—свѣтъ [Мохаммеда-] Избранника. А я—давнишній влюбленный.

XV.

Дер джиһан кяс-и ʿашиq-и мест, ей мосольманан, мен-ем (Тамъ же, стр. 191).

1. Мусульмане! опьяненный любовью въ мірѣ—это я.
Невѣрующій и вѣрующій, пьяный и подвижникъ—это я.

2. Шейхъ-Баязидъ и Шиблій и Джонейдъ,
Абу-Ханифа, Шâфіʿый и ибнъ-Ханбаль—это я [1]).

3. Небесный тронъ и шатеръ, отъ земного праха до небесныхъ Плеядъ,
Все, что ты только видишь въ разлукѣ и сладости свиданія,—это я.

4. Я—то разстояніе двухъ выстрѣловъ изъ лука, [которое отдѣляло Мохаммеда отъ Гавріила, принесшаго ему откровеніе Божье; Кор. 53: 9].
Евангеліе, Псалтырь, Коранъ—это я.

---

[1]) Баезидъ Бистамскій (казн. 873), Джонейдъ Багдадскій (ум. 910), Шиблій (ум 945)—свв. суфійскіе шейхи. О первыхъ двухъ см. во II т. „Исторіи Персіи", въ общемъ очеркѣ суфійства (М. 1912, стр. 63-64). Шиблій—одинъ изъ первыхъ, кто проповѣдывалъ суфійство съ церковной каѳедры. Абу-Ханифа (ок. 699-767), Шâфіый (767-820), ибнъ-Ханбаль (780-855)—основатели правовѣрныхъ богословско-юридическихъ толковъ, носящихъ имя ихъ.

5. Я —[доисламскіе идолы] ʻОззâ и Лâта, я—крестъ, я—боги Баалъ и Дагонъ.
Каʻба и мѣсто, гдѣ закалаютъ богомольцы жертву,—все это я.

6. На 72 секты раздѣленъ міръ [1]).
Но Богъ—лишь одинъ, и вѣрующій въ Него—это я.

7. Ты знаешь, что̀ такое огонь, вода, воздухъ и земля?
Огонь, вода, воздухъ и земля—все это я.

8. Истина и ложь, добро и зло, суровое и легкое,
Наука, отшельничество, добродѣтель, вѣра,—все это я.

9. Преисподняя, величайшія муки ада,
Выспренній рай, хуріи, [райскій стражъ] Рыдванъ,—все это я.

10. Земля и небо и все, что въ нихъ вмѣщается,
Ангелы и бѣсы, духи и демоны,—все это я.

11. Къ чему клонится вся эта [твоя] рѣчь, о Шемсъ Тебризскій?
Конечный ея смыслъ: я—міровая душа.

XVI.

Приближеніе восторга.

Пір-и мен о морід-и мен, дерд-и мен о дева-йи мен (Rozenzw, стр. 220).

5. Я умру [отъ восхищенія] передъ Тобою, лишь бы Ты взглянулъ на меня:
Ты вѣдь царь обоихъ міровъ. О, мое солнце! о, мой Господь!

6. Молнія, огненнымъ, опаляющимъ ударомъ ниспадая на нивы востока и запада, въ теченіи хоть бы и тысячи лѣтъ,
Не дастъ понятія, что̀ такое—Твое прихожденіе! О, мое солнце, мой Господь!

7. Гей, туча! разлейся ливнемъ по востоку и по западу!
Рогъ, затруби! грядетъ мое солнце, мой Господь!

8. Хуріи и дворцы.....—вонъ ихъ изъ рая!
Постелите ложе: грядетъ мое солнце, мой Господь!

9. Ты—моя Каʻба, моя синагога, мой адъ, мой рай,
Мой суженый, мое солнце, мой Господь!

XVII.

Наитіе-экстазъ.

Имруз руз-и howбет-и дідар-и дильбер ест (Rozenzw, стр. 28; Тебр. стр. 23).

1. Сегодня наступилъ-таки тотъ день, что мнѣ пришлось увидѣть владычицу сердца:
Сегодня солнце въ своемъ величіи взошло-таки передо мною.

2. Вчера милая была полна злобы и кровожадности,
Но сегодня она расточаетъ ласки и ободряетъ меня несчастнаго.

---

[1]) Касательно 72 сектъ см. «Исторію Арабовъ» ч. II (1912), стр. 140-141.

3. Всякій, кто увидитъ лицо ея и не исполнится упоенья,
Онъ не человѣкъ: онъ камень, [холодный] мраморъ!

5. Всякій, кто не понимаетъ, что уста ея—вино,
Взгляни на мои глаза,—они вѣдь, словно кубокъ, стали полны вина!

7. Вдругъ къ намъ постучалъ въ запертую дверь святой духъ (Гавріилъ, носитель заповѣдей Господнихъ). Мой свѣтелъ мѣсяцъ спросилъ: «Кто тамъ?»
Послышался его голосъ: «У двери стоитъ твой жалкій рабъ».

8. —„А кто съ тобою?“ спросилъ мой Другъ.—«Любовь къ тебѣ»—отвѣтилъ Гавріилъ.
—«Гдѣ же она?»—спросилъ мой Другъ.—«Она во мнѣ спрятана»! —отвѣтилъ Гавріилъ.

11. И сказалъ мой Другъ: «Но вѣдь и всѣ, даже атомы атомовъ мірскихъ, влюблены въ Меня.
«Прочь, прочь! твой-то товаръ—не изъ важныхъ!»

12. Но приходи [взглянуть на насъ], о ты Шемсъ, предметъ гордости Тебриза, царь любви!
Повѣсть моя - огня полна, она превыше всякихъ словъ.

XVIII.

Пантеистическое сознаніе.

Мен бенде-и солтан-ем, солтан-и джиһанбан-ем (Хаммеръ: Redekünste, стр. 188).

1. Я—рабъ Царя, и я царь міра,
Восторженный, внѣ себя, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ осіялъ меня.

4. Я—рай, и вмѣстѣ съ тѣмъ я—хурія рая,
Я—пылинка Божества и часть человѣчества.

5. Верхнее, нижнее, высшее, низшее,—
Я водворилъ небо и стихіи.

6. Я—день и свѣтъ, ночь и мракъ,
Я—внѣшность и внутренность, то и другое.

7. Я--мѣсяцъ и солнце, роза и розовый садъ.
Я—Юпитеръ и Марсъ, Сатурнъ и вечерняя звѣзда.....

9. Я—надежная бодрость, и я востокъ вѣющаго сомнѣнія.
Я умъ и духъ, я душа и тѣло...

10 Я—ясный правовѣрный, и я—огнепоклонникъ, опоясанный иновѣрческимъ поясомъ;
Я—невѣрующій и вѣрующій, я гяуръ и мусульманинъ.

11. Я достигъ истины и единства,
Я единиченъ и множественъ, я собранъ воедино и я же разбросанъ.

12. Я и одинокъ и сижу съ гостями, я—познающій и познаваемое,
Отсутствующій и присутствующій, скрытый и обнаруженный.

13. Я—невѣжда и ученый, дѣятельный и бездѣятельный.
Я—путникъ и дорожный столбъ, я бѣсъ и Соломонъ-бѣсовладѣтель.

14. Я былъ современникъ Ноя, его довѣренный,
Я былъ ливнемъ потопа, и я же тонулъ въ потопѣ...

16. Я—сопротивляюсь, и въ то же время я покоряюсь,
Я былъ врагъ Фараона и врагъ Моисея также.

17. Я—магъ и дервишъ, я рана и пластырь,
Я—жало и лѣкарство, я—болѣзнь и врачебное средство...

19. Я—и свѣча, и вьющійся вокругъ нея мотылекъ;
Я—и силокъ, и насыпанное подъ нимъ зерно; я скрытый кладъ и скрывающая его развалина.

20. Я—и грѣшникъ, и Богъ. ...

21. О, Шемсъ Тебризскій! Ты своего добился:
Я наконецъ созерцаю Бога, я познаю Бога!

XIX.

Чи тедбір, ей мосольманан, ки мен ход-ра не мі-данем! (Тебр., стр. 257; варіантъ Nichols., стр. 124) [1]).

1. Какъ тутъ быть, мусульмане? Я себя не сознаю!
Я ни христіанинъ, ни іудей, ни гебръ, ни мусульманинъ.

2. Я ни съ востока, ни съ запада, ни съ высоты, ни съ дола [2]).
Я не изъ четырехъ стихій природы и не съ небеснаго круга.

3. Я ни земля, ни вода, ни воздухъ, ни огонь.
Я ни отъ горняго престола, ни отъ дольняго праха, я не изъ того, *еже есть*, и не изъ того, *еже бысть*.

5. Я ни отъ сего, ни отъ того міра, я не изъ рая и не изъ ада,
Я не отъ Адама и Евы, я не изъ эдемскихъ садовъ съ [ихъ стражемъ] Рыдваномъ.

6. Моя примѣта—безъ признака, мое мѣсто—безъ пространства,
У меня нѣтъ ни тѣла, ни души, ибо я самъ—душа душъ.

7. Я отогналъ отъ себя двойственность—и увидѣлъ, что оба міра —единое.
Только единое я ищу, единое познаю, единое вижу, про единое говорю.

10. Если бы я какъ-нибудь провелъ изъ своей жизни одинъ мигъ безъ Тебя,
То въ этомъ днѣ и часѣ я бы раскаивался горько-горько.

12. О, Шемсъ Тебризскій! Я до того опьяненъ въ этомъ мірѣ,
Что ничего, кромѣ опьянѣнія и упоенія, не сознаю.

---

[1]) Въ основѣ перевода больше лежитъ текстъ тебризскій. Срв. еще у Хаммера: „Redekünste" 1818, стр. 189, и Tholuck: „Ssufismus", 1821, стр. 293-294.

[2]) вар. „я ни съ суши, ни съ моря".

XX.

Безстрастіе, безразличіе и безволіе познавшаго.

Гяhî мебçуз гярдем, гâh меζбуб (Rozenzw., стр. 24)

1. То меня ненавидятъ, то меня любятъ,
То я ухаживаю, то за мною ухаживаютъ.

2. То я являюсь побѣдителемъ надъ душею своею,
То она побѣждаетъ, а я—побѣжденъ.

3. То я Іосифъ, полный красоты и прелести,
То опять я скорбенъ, словно Іаковъ.

4. То я въ любви сплошь изрываю всю занавѣсь терпѣнія,
То я оказываюсь терпѣливѣе Іова.

5. То я пустъ, словно тростникъ, то полонъ,
То я совершенно пьянъ и безъ чувствъ, то упоенъ.

6. То я за червонцемъ мчусь въ огонь,
То въ пылу любви къ сереброгрудому Кумиру я готовъ Его вызолотить.

7. Иногда я—чертовъ наѣздникъ,—[тáкъ безобразенъ];
Иногда самъ Іовъ можетъ мнѣ позавидовать въ красѣ.

8. То я покорно преданъ благочестію,
То я предаюсь разврату и невѣрію.

9. То я волкъ, то левъ, то змѣя,
То я баловень и пользующійся довѣріемъ.

10. То я грубъ, безобразенъ, непріятенъ,
То я красивъ, нѣженъ, прелестенъ, милъ.

11. Вотъ таковъ „познавшій“ (ʻâрифъ): тó онъ безупреченъ,
Тó, наоборотъ, съ ногъ до головы покрытъ позоромъ.

XXI.

Гяh саф будем, гяhi çошш. Ан нiз хош о iн нiз хош (Rozenzw., стр 84; срв. у Хаммера: Redekünste, стр. 184).

1. То я бываю чистымъ, то я бываю мутнымъ [1]). И то хорошо, и это хорошо.
То я чистый арабъ, то я черный эѳіопъ. И то и другое хорошо.

2. Я самъ—блистающее солнце, я самъ—Симоргъ духа.
Я—[волшебная] печать Соломона,—и одно хорошо, и другое хорошо.

3. Я—и пыль, и буйный вѣтеръ, я—огонь и вода;
То я хорошъ, то нехорошъ—и то и другое хорошо.

4. То я тюркъ, то таджикъ, то я свѣтелъ, то теменъ,
То я тонокъ, словно волосокъ,—и это хорошо, и то хорошо.

---

[1]) или: «то я бываю искреннимъ, то я бываю обманщикомъ».

5. Я—годъ, мѣсяцъ, день, я праздникъ Байрама и новаго года.
Я свѣча, освѣщающая души;—и это хорошо, и то хорошо.

6. Каждую недѣлю я иного цвѣта, каждый мигъ я на иномъ пути,
Каждый часъ у меня иное намѣреніе, но и одно хорошо, и другое хорошо.

7. Вѣдь превыше небеснаго свода вознесся мой мѣсяцъ; барабанъ и знамя сопровождаютъ меня, словно царя.
Разбитый для меня шатеръ касается престола Господня,—и это хорошо, и то хорошо.

8. Что такое передо мной обыкновенный человѣкъ? Животное, гибнущее отъ моей стрѣлы.
Мнѣ же сродни и дивы, и ангелы,—и это хорошо, и то хорошо.

9. Хуріи и періи безъ ума отъ меня: онѣ склоняютъ голову къ ногамъ моимъ.
Именитыя существа, онѣ въ униженіи передо мною. И это хорошо, и то хорошо.

10. Ни одна ночь не пройдетъ безъ меня: все, что существуетъ, вѣдаю я.
Я тотъ, кто ищетъ Бога. И это хорошо, и то хорошо.

11. Сказалъ я это,—и точь-въ-точь все это сплошь я нахожу въ солнцѣ (шемс).
Оно, подобно мнѣ, то сіяетъ, то затмѣвается. И одно хорошо, и другое хорошо.

XXII.

Іман бер кофр-и То, ей шаh, чо кяс башед? (Тебр., стр. 198; срв. Хаммеръ: Redekünste стр. 175).

1. О, Царь! Что предъ Тобою вѣра человѣческая? и что невѣріе?
Симоргъ, парящій въ поднебесьи—вѣдь въ Твоихъ глазахъ будетъ лишь мухой!.. ...

2 Пусть вѣра—вода жизни, пусть невѣріе—темная пыль;
Но на Твоемъ кострѣ оба они—словно перегорающій хворостъ.

5. Невѣріе есть ночь, а вѣра лампада. И когда восходитъ солнце,
То говоритъ вѣра къ невѣрію: «Мы оба исчезаемъ! довольно!»

XXIII.

Ма диль ендер раh-и джанан ендахтім (Rosenzw., стр. 128).

4. Изъ лука факирства я, стрѣлою познанія,
Попалъ прямо въ цѣль:

5 Я извлекъ себѣ изъ Корâна самое ядро,
А (обрядовую) скорлупу оставилъ для презрѣнной черни.

XXIV.

Радѣніе.

Дані, симаҫ чи бовед? cowr-и «белі» шиніден (Rozenzw., стр. 154)

1. Знаешь ли ты, въ чемъ смыслъ радѣнія [съ его круговоротомъ?]

—въ томъ, чтобы [на вопросъ Творца: „Не я ли Господь вашъ"?] слышался отвѣтъ: «Да, да!»,
Въ томъ, чтобы отъ себя отказаться, достичь свиданія съ Нимъ.

2. Знаешь ли, что́ значитъ радѣніе?—Всецѣло забыть о существованіи
И только въ небытіи вкушать наслажденіе вѣчнаго бытія...

4. Знаешь ли ты, что́ значитъ радѣніе?—Воевать съ самимъ собою
И, подобно прирѣзанной птицѣ, трепетать крыльями въ крови и пыли.

7. Знаешь ли ты, что́ значитъ радѣніе?—Имѣть съ Богомъ предвѣчную тайну
И, непосредственно, достигнуть такого мѣста, гдѣ и ангелы не бываютъ.....

8 Знаешь ли ты, что́ значитъ радѣніе? Подобно Шемсу Тебризскому,
Прозрѣть сердечными очами и созерцать лучи Всесвятого.

XXV.

Радѣніе.

Симаꜫ и ма чо руꜫані-ст, ей джан (Rozenzw., стр. 164).

1. Наше радѣніе—хороводъ духовный, о душа!
Поэтому не иди въ эту пляску изъ своекорыстныхъ стремленій и гордости.

2. Нашъ хороводъ не понимаетъ «я» и «мы»;
Свое «я» мужественно отбрось отъ себя.

3. Нашъ хороводъ—внѣ тѣла и души.
Воспари въ надземныя сферы, оставивши назади всякое невѣріе и вѣру.

4. Нашъ хороводъ—весь любовь и упоеніе.
Отъ него кипитъ наше тѣло, словно вино въ жбанѣ бурлитъ.

5. Нашъ хороводъ изгоняетъ изъ сердца злобу.
Очищаетъ отъ жадности, облегчаетъ отъ гордости.

6. Нашъ хороводъ показываетъ душѣ садъ,
Тернія печали дѣлаются черезъ него розовымъ цвѣтникомъ.

8. Нашъ хороводъ разставляетъ передъ нами трапезу Господа,—
Благо той душѣ, которая туда приглашена!...

10. Нашъ хороводъ.... Земля, увидѣвши его, трепещетъ;
Небеса дрожатъ въ почтительной робости....

17. Нашъ хороводъ—богатырскій;
Бабамъ нѣтъ тамъ мѣста.

18. Въ нашемъ хороводѣ нѣтъ мѣста рабамъ:
Здѣсь каждый—повелитель и султанъ...

25. Нашъ хороводъ—тотъ же рай, полный хурій.
Но ты не видишь, и это не моя вина.

26. Нашъ хороводъ не стѣсненъ небесной высью:
Онъ не знаетъ границъ и предѣловъ, мѣшающихъ ему возноситься вверхъ.

XXVI.

(Тебр., стр. 369).

Имруз симаҫ ест, о симаҫ ест, о симаҫ!
Нур ест о шоҫаҫ ест, о шоҫаҫ ест, о шоҫаҫ!
Ін ҫишq-и мошаҫ ест, мошаҫ ест, о мошаҫ!
Ез ҫеqл видаҫ ест, видаҫ ест, видаҫ!

Сегодня—радѣніе, радѣніе, радѣніе!
Оно—свѣтъ и лучъ, и лучъ, и лучъ!
Это любовь всенародная, всенародная, всенародная!
Прощай умъ, прощай, прощай!

XXVII.

Предсмертное завѣщаніе.

Би-руз-и мерг чо табут-и мен реван башед (Тебр., стр. 171; Nichols., стр 94; хрест. Гафф. II, 314).

1. Въ день смерти, когда мой гробъ двинется, не думай, будто мое сердце находится въ этомъ мірѣ.

2. Не плачь обо мнѣ и не говори: «Увы! увы!» [Напротивъ:] это ты—попалъ въ сѣть бѣса, и объ этомъ сожалѣть дѣйствительно слѣдуетъ.

3. Когда увидишь мой трупъ, не говори: «Разлука! разлука!» Мнѣ въ это время предстоитъ свиданіе и [радостная] встрѣча.

4. Будешь предавать меня могилѣ,—не говори: «Прощай! прощай!» Могила--это вѣдь занавѣсъ, отдѣляющій меня отъ райскаго сонма.

5. Видя нисхожденіе [въ могилу], соображай, что будетъ же и восхожденіе [изъ нея].

6. Тебѣ это кажется заходомъ, а это—восходъ. Могила тебѣ кажется похожей на тюрьму, а она—освобожденіе души.

7. Какое зерно, погрузившись въ землю, не взошло? Почему жъ бы явилось такое сомнѣніе относительно зерна-человѣка?

8. Какое ведро, спустившись въ колодезь, не поднялось бы назадъ полное? Почему жъ бы моей душѣ стонать, если ее опускаютъ въ колодезь Іосифа [откуда выходъ—на тронъ Египта]?

9. Закрой ротъ по этой сторонѣ и открой его ужъ по той сторонѣ! Вѣдь твои оханья относятся къ эмпиреямъ Того, Кто не имѣетъ пространства!

XXVIII.

Отъ бездушнаго минерала къ Богу.

һер неqш-ра, ки діді—ҁосн-еш зи ля-мекан ест [1]) (Rozenzw., стр. 32).

1. Каждый образъ, который ты видишь, имѣетъ свою [перво]красу (=идеалъ) внѣ пространства.

---

[1]) Суть этой газели, заимствованной Джеляледдиномъ у Насири Хосрова XI в. (см. у насъ т. I, стр. 489), живѣе и мягче выражена Джеляледдиномъ въ

Исчезнетъ образъ,—не бѣда! Первообразъ-то вѣдь вѣченъ.

2. На какой бы обликъ ты ни смотрѣлъ, какой бы рѣчи ты ни внималъ,—

Не унывай, если ихъ не станетъ: дѣло происходитъ иначе [чѣмъ тебѣ кажется. Они, на дѣлѣ, не исчезнутъ]..

5. [Что же касается твоего существа], то съ того мгновенія, какъ ты появился на этотъ свѣтъ,

Передъ тобою поставлена была цѣлая лѣстница переходовъ, по которой ты долженъ былъ постепенно подняться.

6. Сперва ты былъ бездушнымъ минераломъ,—и что же! ты превратился въ растеніе [въ утробѣ матери, изъ сѣмени].

Затѣмъ ты сталъ животнымъ. Развѣ это для тебя тайна?

7. Послѣ того ты сдѣлался человѣкомъ, со знаніемъ, разумомъ, вѣрою.

Видишь, во что превратилась глина тѣла твоего, которое въ сущности есть только складъ праха!

8. Покинувши человѣческое существованіе, ты,- нечего сомнѣваться,—сдѣлаешься ангеломъ.

Мѣстопребываніемъ твоимъ тогда будетъ ужъ не наша земля, а небеса.

9. Все-таки оставь ты и ангельство и погрузись въ ту пучину,

Гдѣ ты, будучи одной каплею, обратишься въ море, равное сотнѣ океановъ!

в) Изъ отдѣла «Четверостишій» Джеляледдина.

Четверостишія («робāʿіййāт») Джеляледдина Румія многочисленны и образуютъ собою, въ печатномъ изданіи, довольно объемистый томъ [1]).

«Месневи», кн, III, № 17 (по нумераціи Уинфильда). Месневійный отрывокъ очень знаменитъ въ Европѣ, часто издавался и переводился. На стр. 282-ой мы указывали Lumsden'a 1810, Tholuck'a 1821, Шефера 1881 и Пицци въ его «Storia della poes. pers.» (I, 1894, стр. 214). Добавить можемъ Уинфильда «Masnavi» 1898, стр. 159, и особенно Гибба: «Hist. of the Ott. poetry», т. I (1900), введ., стр. 53, гдѣ и текстъ и переводъ отрывка даны съ наибольшей полнотой. Срв. еще у P. Horn'a: «Gesch. der pers. Litt.», 1901, стр 163, и у Carra de Vaux въ статьѣ про Джеляледдина въ «Enzyklopädie des Islam», т I (1913), стр. 1049, гдѣ не смотря на сжатость статьи все же переведенъ знаменитый месневійный отрывокъ. У насъ онъ тоже переведенъ, въ извлеченіяхъ изъ III книги «Месневи».—Но газель, содержащая ту же идею, очень мало извѣстна, и оттого мы ее тоже переводимъ.

[1]) Мы пользуемся константинопольскимъ изданіемъ «Робаййятъ» 1312=1895, и

Всѣ ли они дѣйствительно составлены Джеляледдиномъ, въ этомъ можно очень усумниться. Есть между ними такія, которыя оказываются и въ диванѣ Хейяма XI-XII. в., или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно близки къ Хейямовскимъ четверостишіямъ; есть сходныя съ четверостишіями Абу-Сеидовскими XI в. [1]) и т. п. И трудно, покамѣстъ, опредѣлить, кто же былъ первымъ авторомъ этихъ «странствующихъ» четверостишій [2]): поклонники ли Хейяма включили ихъ въ Хейямовскій диванъ, взявши у Джеляледдина? или наоборотъ: мовлевіи приписали Джеляледдину плоды творчества Хейяма? или—наконецъ—эти «странствующія» четверостишія не принадлежатъ ни Хейяму, ни Джеляледдину?

Всѣ безъ исключенія печатающіяся здѣсь четверостишія переведены акад. Ѳ. Е. Коршемъ. Изъ нихъ 26 уже были напечатаны въ предыдущемъ изданіи «Исторіи Персіи», а для нынѣшняго, новаго изданія акад. Коршъ вручилъ мнѣ еще свыше четырехъ десятковъ [3]).

Въ виду большого сходства Джеляледдиновскихъ и Хейямовскихъ четверостишій я расположилъ переводы акад. Корша по той самой ассоціаціи идей, по какой расположены у меня переводы изъ Хейяма, и послѣ того предложилъ свою редакцію на судъ переводчика. Акад. Коршъ охотно согласился на напечатаніе ихъ въ предложенномъ мною порядкѣ, но съ условіемъ, чтобы принадлежность этой редакціи мнѣ (слѣдовательно, и научная отвѣтственность за нее) была точно оговорена предъ читателемъ.

Что же касается порядка четверостишій въ печатномъ персидскомъ подлинникѣ (равно какъ въ литографированномъ ихъ изданіи въ составѣ «Дивана»), то тамъ они расположены

всѣ наши ссылки относятся къ его страницамъ, потому что оно болѣе четко, чѣмъ текстъ, содержащійся въ литографированномъ «Диванѣ». Но, пользуясь имъ, надо помнить, что оно кишитъ опечатками и грубыми искаженіями. (Въ этомъ отношеніи прекрасный контрастъ—«Шемс ель-ʒeqaiq», стр. 361-376, гдѣ, къ сожалѣнію, выборка робаійятъ не обильна).

[1]) Напр. то Абу-Сеидово четверостишіе, которое издано по русски у насъ въ I томѣ «Исторіи Персіи» (стр 435, № VI), срв. съ Джеляледдиновскимъ: «Рефтем би-тебіб. Гофтем: Ей, бінаі!» (у насъ оно не переведено).

[2]) терминъ проф. Жуковскаго. См. у насъ въ «Исторіи Персіи», т. I, стр. 560 и слѣд.

[3]) При тѣхъ четверостишіяхъ, которыя уже были напечатаны въ предыдущемъ изданіи, помѣчается только страница константинопольскаго изданія 1312=1895 г. А при тѣхъ, которыя еще не были изданы, я сверхъ того привожу первую строку персидскаго текста,—конечно, буквами русскими.

по принципу чисто механическому, по алфавитному порядку риѳмъ,—обычная черта всякаго восточнаго редактированія.

Подстрочныя примѣчанія внесены мною ради начинающихъ иранистовъ.

Преобладающая часть Джеляледдиновыхъ робаи составлена на языкѣ персидскомъ. Попадаются однако и арабскія. Одно изъ арабскихъ четверостишій помѣщено у насъ по-русски подъ № LI.

I.

Мен бі хебер ем, Хода-йи хôд мі-данед (стр. 143).

И самъ я не пойму... Лишь Богъ одинъ то знаетъ;
Но что-то душу мнѣ такъ странно веселитъ,
Что розу иногда она напоминаетъ,
Которую зефиръ любовно шевелитъ.

II.

Гуйенд, ки фирдоwс-и берін хаһед буд (стр. 140).

По смерти намъ сулятъ награду вышнимъ раемъ;
Тамъ чистое вино, тамъ хурій нѣжный взглядъ.
Ну, мы—и здѣсь къ вину и къ милой прибѣгаемъ,
Коль и въ раю нельзя другихъ достичь наградъ!

III.

Гяр ба дигяpi меджлис мі-сазем о лаϛ (стр. 190).

Мое случайное общеніе съ другою
Не значитъ, что отдать я сердце ей хочу:
Чье солнце прочь съ небесъ уйдетъ, спѣша къ покою,
Тотъ ставитъ предъ собой—взамѣнъ его—свѣчу.

IV.

Дер ϛишq нева джоз' зенед, ан гяһ коль (стр. 197).

Часть прежде цѣлаго волнуется любовью;
Срокъ раньше гроздію, вину чередъ позднѣй.
Тому же и весна покорствуетъ условью:
Поетъ сначала котъ, а послѣ—соловей.

V.

Гуйенд мера: «ченд би-хенді зи-гозаф?» (стр. 192).

Меня бранятъ, зачѣмъ я смѣхъ свой не покину,
Зачѣмъ вся рѣчь моя забавна и рѣзка.
Тки, врагъ мой, какъ паукъ, изъ желчи паутину,
Орелъ же весело взлетитъ подъ облака.

VI.

Инсаф би-диһ, ки ϛишq ніку-кар ест (стр 21).

Признай высокое любви на насъ вліянье.
Что́ есть плохого въ ней—природы въ томъ вина.

Ты—похоти своей даешь любви названье...—
Отъ похоти къ любви дорога-то длинна!

VII.

Ей, бад-и сеҁер, суй-и ан дильбер кяш (стр. 180)

О вѣтеръ утренній, лети къ той дѣвѣ милой
И, если ей досугъ, скажи, какъ я страдалъ;
Застанешь ли ее сердитой и унылой,—
Молчи! скажи, что ты меня и не видалъ.

VIII.

Леҁлі ст, ки у шекярфоруші данед (стр. 141).

Она—живой рубинъ, въ которомъ все прелестно [1]),
И блещутъ радости невѣдомыхъ міровъ.
Сказать ли, кто она? Но имя не умѣстно:
Поклонникъ я того, кто врагъ излишнихъ словъ.

IX.

(стр 63).

Любовь, прошедъ во мнѣ по жиламъ вмѣстѣ съ кровью,
Наполнила всего возлюбленной моей.
Все существо мое охвачено любовью:
Осталось имя мнѣ, а прочее—все ей.

X.

Пейвесте сер-ет себз о леб-ет хендан бад (стр. 103).

Цвѣти и веселись души весною вѣчной!
Пусть радуетъ твоихъ поклонниковъ твой видъ!
Кто взглянетъ на тебя безъ радости сердечной,
Да будетъ обреченъ на мракъ, печаль и стыдъ!

XI.

(стр. 42).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ сердцѣ ликъ возлюбленной ношу я,
Ничье здѣсь сердце такъ веселья не полно:
Клянусь, восторгомъ лишь и радостью дышу я;
О горѣ слышу я, но чуждо мнѣ оно.

XII.

Буй-и деһен-и тô ез семен мі-шиневем (стр. 219).

Твое дыханіе въ жасминѣ уловляю,
Твоей красы въ цвѣтахъ ищу я полевыхъ,
А въ ихъ отсутствіи устами повторяю,
Хоть, имя я твое......—и слушаю изъ нихъ.

---

1) буквальнѣе: „Она—рубинъ, знакомый продавцу сахара“, т. е. у нея рубиновыя сахарныя уста.

XIII.

Хōршід—ки башед, ки би-руй-и тō ресед!! (стр. 112).

Кáкъ солнце твоего коснуться смѣло лика?!
Иль вѣтеръ—до твоихъ дотронуться волосъ?!
Умъ гордый, тайнъ земныхъ и тварей всѣхъ владыка,
Мутится, о тебѣ поставивъ лишь вопросъ [1])

XIV.

Дер атеш-и хіш чун демі джуш конем (стр. 226).

Когда огонь любви сверхъ силъ меня затронетъ,
Тебя, хотя бъ на мигъ, забыть бы я желалъ.
Тогда беру бокалъ, гдѣ умъ безслѣдно тонетъ,
Но пью въ винѣ тебя: ты входишь и въ бокалъ.

XV.

(стр. 59)

Когда замѣтилъ я тебя впервые взглядомъ,
Съ тѣхъ поръ всѣ дни мои тоски покрыла тьма.
Да будетъ безъ тебя мнѣ каждый кубокъ ядомъ!
Да будетъ безъ тебя мнѣ смертью жизнь сама!

XVI.

Ей, бі тō ȥерам зиндегані, ей джан! (стр 264).

Жизнь безъ тебя есть грѣхъ, подруга дорогая;
И какъ же безъ тебя я вѣкъ свой проживу?
Жизнь безъ тебя—скажу, рѣчь клятвой подтверждая—
Есть жизнь по имени, но смерть по существу.

XVII.

Ей, ез рох-и йар дур гяштем би-беhар (стр. 151).

Весеннею порой въ разлукѣ я съ любезной [2]).
Чтó праздникъ мнѣ, когда нѣтъ радости ни въ чемъ?.....
Пусть обростутъ сады колючкой безполезной!
Пусть брызжутъ облака лишь каменнымъ дождемъ!

XVIII.

Хаhем гярді, ки ез hева-йи тō ресед (стр. 112).

Изъ сферъ вокругъ тебя я былъ бы радъ хоть пыли,
Въ надеждѣ, что она твоихъ касалась ногъ.
Обиды отъ тебя меня бы веселили:
Вниманья знакъ ко мнѣ въ нихъ видѣть я бы могъ.

---

[1]) Срв. сонеты аббата Дзанеллы.

[2]) букв. „я оказался далекъ отъ щеки милой“.

XIX.

Йад-и тó конем, дил ем тепідеч гирифт (стр. 149).

Лишь вспомню о тебѣ,—и сердце затрепещетъ,
Потоки горькихъ слезъ польются изъ очей,
Отвсюду образъ твой предъ мыслію заблещетъ
О сердце! улетишь изъ груди ты моей.

XX.

Ез хак-и дер-и тó чун джода мі-башем (стр. 210).

Когда становится преграда между нами [1])
Въ слезахъ и жалобахъ я жизнь влачу свою;
Какъ свѣчка таяньемъ, горжусь тогда слезами,
Какъ арфа, жалобой—я рѣчь душѣ даю.

XXI.

(стр. 39)

—«Тебя обидѣлъ кто?» спросилъ я у свирѣли:
«Зачѣмъ безъ языка такъ рѣчь твоя грустна?»
—«Съ устами милыми разстаться мнѣ велѣли;
«Могу ль я не грустить?»—сказала мнѣ она.

XXII.

ɛишq-и ан хôштер, ки з'у бела-ha хізед (стр. 132).

Любовь пріятнѣе, когда несетъ намъ муки.
Не любитъ, кто въ любви отъ мукъ бѣжитъ назадъ.
Мужъ—тотъ, кто, все забывъ, когда наложитъ руки
Любовь на жизнь его, отдать и жизнь ей радъ.

XXIII.

Хан-ha ст hеме джанверан-ра, джоз хан (стр. 279) [2]).

Не хлѣвъ, а всѣ хлѣвы пригодны для скотины.
Не хлѣбъ, а всѣ хлѣбы—кому нужна ѣда.
Всему, что можетъ здѣсь быть радости причиной,
Замѣну ты найдешь, но милой—никогда.

XXIV.

Диль йад-и тó аред, би-ревед hуш зи hуш (стр. 184).

Отъ мысли о тебѣ лишаюсь я сознанья.
Безъ губокъ мнѣ твоихъ не вкусно и вино.
Мой взоръ, ища тебя, ужъ полонъ ожиданья.
И ухо, чтобъ тебѣ внимать, напряжено.

---

[1]) букв. «Когда я разлученъ отъ праха дверей твоихъ».

[2]) Вмѣсто печатнаго «джан» я принимаю «хан» (разница только въ точкѣ) и потому вношу въ переводъ акад. Корша легкое измѣненіе.

XXV.

Ан кяс, ки то-ра би-діd, ей хуб-ехлаq (стр 192).

Тотъ, кто тебя узритъ, прелестное созданье,
Забудетъ все кругомъ — и мѣсто и людей
Что́ мѣсяца намъ ликъ, что́ звѣздъ намъ трепетанье.
Когда заблещетъ міръ отъ солнечныхъ лучей?

XXVI.

(стр. 7)

О ты, единая, какъ солнца ликъ, приди!
Тебя не видя, садъ листвой поникъ; приди!
Когда ты скрыта, міръ угрюмъ и дикъ; приди!
Пиръ скученъ безъ тебя, и нѣмъ языкъ; приди!

XXVII.

(стр 82).

Пускай разсчеты всѣ въ ничто разлука сводитъ,
Пускай безжалостность надежды тушитъ свѣтъ [1]);—
Въ сердца влюбленныя отчаянье не входитъ:
Недостижимаго для воли твердой нѣтъ.

XXVIII

ϱомрі рох-и йекдигяр не дідем би-чешм (стр. 236).

Другъ друга цѣлый вѣкъ въ лицо мы не видали.
Вотъ мы сошлись, но насъ надзора мучилъ страхъ,
И мы, тая свои стремленья и печали,
Бровями рѣчь вели, а слухъ нашъ былъ въ очахъ.

XXIV.

Ей джан! зи дил-и тȯ бер дил-и мен раh ест [стр. 32].

О другъ, межъ нашими сердцами есть дорога,
И сердцу моему всегда она ясна:
Она—что водный токъ безъ мути, безъ порога,
А въ глади чистыхъ водъ виднѣется луна.

XXX.

Ба зольф-и тȯ гяр дест-дерәзі кярдем [стр. 209).

Припавъ къ твоимъ кудрямъ, тебя я не обидѣлъ;
Клянусь, что не было коварства въ томъ ничуть;
Но сердце я свое въ кудряхъ твоихъ увидѣлъ,—
И съ нѣжной шуткою хотѣлъ къ нему прильнуть.

XXXI.

[стр. 11].

Когда я испущу послѣднее дыханье,
Мой трупъ къ возлюбленной моей снесите въ домъ.

---

[1]] букв. „связываетъ надежды по обѣимъ рукамъ", „дȯ дест-и амаль би-бест".

И, если, въ мертвыя уста мнѣ давъ лобзанье,
Вернетъ мнѣ жизнь она, не будетъ дива въ томъ.

XXXII (стр 87)

Ей, похищающей сердца врачей коварно,
Какъ можетъ врачъ найти цѣлительный бальзамъ?
Лишь лучъ ея красы увидѣвъ свѣтозарной,
Врачъ, вѣрно, во врачѣ нуждаться будетъ самъ.

XXXIII.

Мен сір не гяште-ем зи тó, йар, hенуз (стр. 163).

О, я еще не сытъ тобою, другъ мой милый,
И много ты еще мнѣ сладости должна.
Былинка, надъ моей возросшая могилой,—
И та еще любви останется вѣрна.

XXXIV.

Гяр черх тó-ра хидмет-и пейвест конед [стр. 135]

Когда судьба къ тебѣ прислуживаться станетъ,
Не вѣрь: она въ конецъ пошутитъ надъ тобой.
Невѣдомымъ тебя напиткомъ одурманитъ,
И милую твою обниметъ ужъ другой.

XXXV.

Йâ, awζад би ль-джямâль' Йâ, джаным сен! Ез ϛehд-и мен,
ей дуст, мегяр надим сен? [стр. 294] [1]).

КАЛЛІСТИ ПАНТωN-ЛИ, иль gemma del mio cuore!
'АР 'И СYNΘИКИ МОY, другъ, non ti piace più?
'ИРАСΘИС МОY ПОТЕ 'ЕІПЕ 'ОYN: «o, mio amore!»
NYN Д'АY МЕ ЛЕЛОІПАС,—'ЕІПЕ 'ОYN: «chi sei tu?»

XXXVI.

Рефтi, о зи рефтен-и тô мен хун гирийем [стр, 231].

Ушла ты,—и въ тоскѣ я слезы лью рѣкою [2]),
Чѣмъ боль острѣй, тѣмъ слезъ я меньше берегу.
Но и глаза мои ушли вѣдь за тобою;
Такъ какъ же я безъ глазъ и слезы лить могу?

XXXVII (стр. 23).

Ахъ, горечь тѣхъ рѣчей, что сердце такъ терзаетъ,
Достойна ль этихъ устъ? ты будь мнѣ самъ судьей.....
....Ктó горькими назвать уста ея дерзаетъ?!
Нѣтъ, сладостны они, но горекъ жребій мой!

---

[1]) Въ этомъ четверостишіи греческими словами переданы арабскія слова подлинника, русскими—персидскія, а итальянскими— турецкія.

[2]) букв. «плачу кровью».

XXXVIII (стр. 72).

Она съ моимъ врагомъ могла сидѣть охотно;
Какъ мнѣ вблизи ея впредь чувствовать покой?
Отъ розы воздержись, къ шипу приросшей плотно!
Отъ мухи убѣгай, сидѣвшей со змѣей!

XXXIX.

Ба ʿишq нишін, ки джоwhер-и кан-и тô ст [стр. 37]

Храни въ себѣ любовь, свой лучшій кладъ и славу!
Умѣй найти того, кто бъ вѣчно былъ твоимъ!
Душою не зови души своей отраву!
Бѣги ея, хотя бъ разрывъ былъ нестерпимъ!

XL.

hер руз хôш ест мензилі би-сипорден [стр. 293].

Мѣняй хоть каждый мигъ жилище и сосѣда!
Будь какъ текущая безъ устали вода!
Вчера прошло,—и съ нимъ—вчерашняя бесѣда;
Сегодня новой ужъ бесѣды череда.

XLI [стр. 65].

Давно, давно уже я рабъ душей безвольной,
Людской толпѣ предметъ смѣшковъ и клеветы.
Покинуть жизнь и міръ не трудно и не больно.
Но трудно, больно мнѣ покинуть край, гдѣ ты.

XLII [стр. 70].

Сказалъ я ей: «Уйду изъ-подъ твоей я власти».
Она сказала: «Грусть не дастъ тебѣ житья».
Сказалъ я: «Ты меня ввергаешь лишь въ напасти».
Она сказала: «Да, но въ этомъ честь твоя».

XLIII [стр. 86].

Кому любить хоть разъ судилося отъ Бога,
Боится и на шагъ къ влюбленнымъ подойти [1];
Отъ мѣста, гдѣ пшено разсыпано [2]), тревога
Его несетъ, куда и птицѣ нѣтъ пути.

XLIV.

Pow, діде би-дуз, та дил-ет діде шевед (стр. 124).

Зашей себѣ глаза: пусть сердце будетъ глазомъ,
И этимъ глазомъ міръ увидишь ты иной.
Отъ самомнѣнія рѣшительнымъ отказомъ
Ты мнѣнью своему укажешь путь прямой.

---

[1]) «у данед налеhа-йи ʿошшаq шинід»=букв. «онъ умѣетъ услышать стоны влюбленныхъ» и, перепуганный, удаляется.

[2]) т. е. отъ силка

XLV.

Ан дем, ки чо ҫемхар шевем, мен шад-ем [стр 205].

Когда печаленъ я, тогда лишь духъ мой ясенъ;
Когда я угнетенъ, молчитъ во мнѣ тоска.
Когда я, какъ земля, недви́жимъ и безгласенъ,
Мой стонъ, звуча какъ громъ, летитъ за облака.

XLVI [стр 102].

Счастливецъ всѣхъ собой, какъ роза, услаждаетъ,
Несчастный—это шипъ, колючій и сухой;
При розѣ шипъ въ огонь подъ-часъ не попадаетъ,
Но розѣ при шипѣ огонь грозитъ самой.

XLVII.

Сед бар би-гофт Йар: «һер джа ме-горіз!» [стр. 169].

Мнѣ часто Другъ твердилъ: «Бѣжать ты долженъ съ толкомъ!
Затѣялъ ли побѣгъ,—подъ Мой лишь кровъ иди.
Когда ты одержимъ боязнью встрѣчи съ волкомъ,
Спасайся въ городѣ, а въ степь и не гляди.»

XLVIII [стр. 34]

О Ты, предметъ тоски красавцевъ всей вселенной,
Въ чью сторону, молясь, отшельникъ взоръ свой шлетъ!
Я сбросилъ свойства всѣ свои, чтобъ, обнаженный,
Весь окунуться могъ въ струи Твоихъ красотъ.

XLIX [стр. 40].

Куда бъ я ни пошелъ, вездѣ Его лишь слуги,
Онъ на землѣ и внѣ земли превознесенъ;
Садъ, роза, соловей, пѣвцы, краса подруги—
Все это лишь предлогъ, а цѣль и сущность Онъ.

XL.

Дер-һа һеме бесте енд, илля дер-и Тô [стр. 302].

Всѣ двери заперты; Твоя лишь дверь открыта,
Чтобъ чужеземца путь къ Тебѣ лишь могъ привесть,
О Ты, Чьи свѣтъ и мощь и милость и защита
Затмила звѣздъ, луны и солнца блескъ и честь!

LI.

Йâ, ман һуwа сейииді, wа аҫля wа аджалль [стр. 199; по араб.]

О Ты, Владыка мой, Всевышній, Всемогущій!
О Ты, предъ Кѣмъ я рабъ ничтожный и худой!
Не дай остыть любви, къ Тебѣ меня влекущей:
Позволь хоть изрѣдка мнѣ видѣть образъ Твой!

LII.

Бисйар би-ханде-ім дестан о семер [стр. 154]

Писалось не одно у насъ повѣствованье
О жертвахъ мукъ любви и силѣ красоты.
Любовь къ тебѣ—любви есть каждой основанье,
Но должно понимать, что отблескъ Твой—не Ты.

LIII [стр. 55].

Два—глаза; рукъ и ногъ—по парѣ;—ну, и что же!
Но сердца два и двѣ подруги—суета.
Подруга здѣсь—предлогъ, тамъ Богъ—подруга тоже;
Кто различаетъ ихъ, тотъ жидъ и рабъ креста.

LIV [стр. 7].

О Другъ! по праву такъ вѣдь мы зовемъ Тебя,
Вождемъ на всѣхъ путяхъ мы признаемъ Тебя;
Но ка́къ то можетъ быть законъ святой любви,
Что, видя міръ Тобой, не видимъ въ немъ Тебя?

LV.

ʓаша ки би-ɕалем ез Тô хôштер йарі ст [стр 49].

Прекраснѣйшаго нѣтъ, чѣмъ Ты, на свѣтѣ друга,
Нѣтъ дѣла лучшаго, чѣмъ ликъ Твой созерцать.
Въ обоихъ мнѣ мірахъ и другъ Ты и подруга:
На всемъ, что мило намъ, Твоя лежитъ печать.

LVI.

Дер есл йекі боде-ст джан-и мен о Тô [стр. 302].

Душа моя съ Твоей всегда была едина;
Однѣ въ нихъ явныя и тайныя черты.
Въ словахъ „мое". „Твое" ошибокъ лишь причина.
Исчезло межъ Тобой и мною „я" и „Ты".

LVII.

Дер куй-и хыйал-и хôд чи мі-пуі то́? [стр. 304].

Зачѣмъ томишь ты умъ въ кругу исканій строгомъ
И плачешь о тщетѣ излюбленной мечты?
Вѣдь ты отъ головы до ногъ проникнутъ Богомъ.
Невѣдомый себѣ, чего же ищешь ты?

LVIII [стр. 36]

Мнѣ ни въ небытіи, ни въ бытіи нѣтъ цѣли;
Обоихъ ихъ бѣжать?—лишь трусъ поступитъ такъ.
А если отъ чудесъ души своей доселѣ
Я не схожу съ ума, безумія то знакъ.

LIX [стр. 95].

Кто выдался умомъ и знаніемъ прославленъ,
Тому трудомъ едва кормиться рокъ велѣлъ.

Пусть тотъ, кто отъ ума и знанія избавленъ,
Мошну набитую стяжалъ себѣ въ удѣлъ!

LX (стр. 97).

О люди чистые, кружащіеся въ мірѣ,
Ни сердца не щадя въ трудахъ, ни головы!
Тотъ, кто вамъ грезится въ живомъ душѣ кумирѣ,
Когда поищете въ себѣ, есть сами вы.

LXI.

Ез хіш би-джестен арзу мі-конед-ем [стр. 203).

Внушаетъ Онъ одно мнѣ страстное желанье—
Свободу отъ себя стяжать и отъ заботъ.
Доселѣ трудъ мой былъ—духовныхъ благъ исканье,
Но Онъ внушаетъ мнѣ и этотъ сбросить гнетъ.

LXII [стр. 68]

Стыдишься ты того и этого обидѣть?—
Надъ ближнимъ откажись отъ всякаго суда.
Даешь, какъ зеркало, добро и зло всѣмъ видѣть?—
Такъ ты, какъ зеркало, быть долженъ безъ стыда.

LXIII.

Ба на-меƺрем ƺедіс-и есрар ме-гу [стр. 300].

Съ непосвященными о тайнахъ не бесѣдуй,
Корыстнымъ не тверди о чистомъ душъ огнѣ,
Бесѣдуя съ чужимъ, чужимъ рѣчамъ и слѣдуй.
Съ верблюдомъ-степнякомъ суди о бурьянѣ.

LXIV [стр. 99]

Не мало горестей ты въ сердцѣ испытаешь
И злыхъ насмѣшниковъ услышишь голоса.
Ты человѣкъ--живи съ людьми въ ладахъ, какъ знаешь.
Ты ангелъ во плоти?--ступай на небеса.

LXV (стр. 38].

Такими узами ты связанъ съ жизнью тлѣнной,
Что слово «смерть» не дашь другимъ произнести.
Ждетъ отдыха душа, смерть—отдыхъ вожделѣнный,
Но твой оселъ уснулъ, забывшись на пути.

LXVI (стр. 54).

Для праведнаго смерть есть жизни обновленье,
Душѣ безгрѣшной смерть лишь силы придаетъ.
Такая смерть—не зло, а съ Богомъ единенье.
Живой терзается сознаньемъ, что умретъ.

LXVII.

һенгам-и еджель, чо джан би-пердазед тен (стр. 291).

Въ послѣдній часъ, когда съ души спадаетъ тѣло,
Какъ платье старое, сорветъ она его.
И, сродной съ нимъ землѣ вернувъ его всецѣло,
Надѣнетъ новое изъ свѣта своего.

LXVIII [стр. 98]

Мое сознаніе внезапно просвѣтлѣло,
Духъ птицею паритъ по воздуху вокругъ.
Разняться по частямъ мое готово тѣло.
Ужъ не подумалъ ли о вѣрности моей Другъ?

LXIX.

Йек-ченд би-кудекі би-остад шодім (стр. 260).

Лѣтъ нѣсколько ходилъ ребенкомъ я въ ученье,
Потомъ друзьями былъ украшенъ мой удѣлъ.
Узнай же повѣсти моей и заключенье:
Я облакомъ пришелъ и вѣтромъ улетѣлъ.

LXX.

Чун гяшт тилисм-и джисм-и Адем чалак (стр. 194).

Въ составѣ хитростномъ Адамовой природы
Съ землею чистое смѣшалось естество.
Но истекли судьбой назначенные годы,—
Духъ—къ духу, къ веществу вернулось вещество.

Библіографическія дополненія.

Стр. 265, сноска 2. Біографія Джеляледдина извлечена изъ «Н е ф е ɀ â т» по-персидски и сопровождена англійскимъ переводомъ въ «Fundgruben», т. VI (1818), стр. 429-431 перс., стр. 431-436 англ.

Стр. 266, № 4. По переизданію «Mesnevi» R o s e n' а въ Мюнхенѣ 1913 біографія Джеляледдина дана на стр. 37-54. Это, собственно, переводъ изъ турецкой тезкире «Сефінет уш-шуара» Феhимъ-эфенди, который скомпилировалъ свѣдѣнія Довлетъ-шаhа и Джамія XV в. На стр. 1-36 переизданія 1913 г. дана статья Розена-сына, тоже оріенталиста, о міровоззрѣніи Джеляледдина по его произведеніямъ.

стр. 268. Подъ № 21 можно отмѣтить только-что упомянутую статью Фр. Розена-сына о Джеляледдиновскомъ міровоззрѣніи.

Стр. 273 : 11. Б е р ч ь: Дервиши-вертуны—«Калейдоскопъ» 1861, № 24.

Стр. 274 : 11. На ряду съ этимъ, слово «ш á л я б і» имѣетъ у арабовъ сѣв. Сиріи несомнѣнное значеніе «благородный человѣкъ, джентльменъ». Извѣстна пословица самихъ алеппинцевъ: «Ль-ɀаляби—шаляби, ш-шâмі – шумі»=«Алеппинецъ—джентльменъ, дамаскинецъ—горе-человѣкъ» (но въ не-алеппинскихъ, напр. палестинскихъ устахъ, пословица эта имѣетъ одинаково обидный смыслъ и для алеппинца, причемъ «шаляби» употребляется иронически: «Алеппинецъ .. —тоже славный человѣчекъ!»).

Стр. 274, гл. III. В. А. Ивановъ сообщаетъ мнѣ въ частномъ письмѣ, что онъ пересмотрѣлъ писанный по-арабски калькуттскій списокъ «Р и с â л е т ф і-h і м â ф і-h і» въ библіотекѣ Asiatic Society of Bengal и не нашелъ въ немъ мѣстъ, гдѣ бы Джеляледдинъ говорилъ отъ 1-го лица. Джеляледдинъ въ этомъ трактатѣ вездѣ названъ въ 3-мъ лицѣ: «маwля-нâ». По убѣжденію В. А. Иванова, эта рисалé никоимъ образомъ не могла быть написана ни Джеляледдиномъ, ни, какъ утверждаютъ другіе, его сыномъ Султаномъ-Веледомъ; и лучше всего—предположить, что это просто запись (можетъ быть, воспоминанія) какого-нибудь приближеннаго къ Румію лица, вѣроятно даже ученика, который записалъ содержаніе рѣчей учителя въ отвѣтъ на упреки Мелик-и Перване. Запись сдѣлана, повидимому, съ цѣлями прославленія учителя, какъ можно судить по общей тенденціи—начинаться въ каждомъ случаѣ съ такихъ фразъ, которыя не могутъ быть названы лестными для учителя, а кончаться восторженными удивленіями передъ его мудростью, и т. п. Въ самомъ концѣ книги—рядъ анекдотовъ изъ жизни Румія и Шемса. Анекдоты большей частью чудесные и не представляютъ ничего особенно интереснаго. Нѣсколько разъ упоминается султанъ Веледъ. На принадлежность рѣчей и разсужденій въ «Фі-hі ма фі-hі» Джеляледдину Румійскому до нѣкоторой степени намекаетъ, по мнѣнію В. А. Иванова, лишь ихъ стиль, близкій къ «Месневи»: та же смѣлость, широта ассоціацій, странныя, неожиданныя тропинки, по которымъ въ одинъ мигъ можно оказаться очень далеко, въ незнакомомъ мѣстѣ. Но почему же, спрашиваетъ В. А. Ивановъ, нѣтъ упоминаній нигдѣ въ жизнеописаніяхъ Джеляледди-

на, что онъ, самъ онъ, составилъ трактатъ «Фі-hi ма фі-hi»?—Мнѣ думается, что выводъ, который сдѣланъ В. А. Ивановымъ касательно этого сочиненія, не непреложенъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ его важныхъ аргументовъ (именно тотъ, что въ трактатѣ Джеляледдинъ именуется «маwляна» и что самому автору не подобало бы такъ себя называть) легче всего можетъ отпасть. Вѣдь и въ своихъ газеляхъ Джеляледдинъ не разъ называетъ себя тоже «маwля-нâ»; см. напр въ нашихъ выборкахъ № V (стр. 358) и № XIV (стр. 365) Объясняется это, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не самъ бралъ перо въ руки, а диктовалъ своимъ ученикамъ (про «Месневи» это мы знаемъ съ точностью). Но, разумѣется, никогда не будетъ лишнимъ подвергнуть новому разсмотрѣнію вопросъ о принадлежности арабскаго трактата «Фі-hi мâ фі-hi» самому Джеляледдину Румійскому.

Стр. 276 : 17. Такъ какъ мусульманскій 1295-й годъ захватываетъ своимъ концомъ отъ христіанскаго 1879-го года лишь нѣсколько дней, то можно Лакнауское изданіе «Дивана» 1295 г. безъ оговорокъ датировать только 1878-мъ годомъ.—О тебризскомъ антологическомъ изданіи «Ш е м с э л ь ʕ е q а и q» см. у насъ на стр. 353.

Стр 276 : 12 снизу. Небольшую «пѣснь» (Gesang) изъ «Дивана» перевелъ нѣмецкими стихами V. H u s s a r d, съ приложеніемъ персидскаго текста, во II т. вѣнскихъ «Fundgruben des Orients» (1811), стр. 312. Весенняя касыда—въ е г о ж е переводѣ, «Fundgruben». т. V (1816), стр. 213-216, тоже съ персидскимъ текстомъ.

Стр. 277, № 7. Вмѣсто «стихотворный» надо читать «стишный» (прозаическій). См стр. 289, сноску.

Стр 278: 13, № 13 Georges F r i l l e y: La Perse littéraire (Пар. ок. 1909 г., безъ даты, въ серіи «Encyclopédie littéraire, pull par Ch. Simond») На стр. 128-130 французскою прозою переведена касыда Джеляледдина: «Invocation à la Divinité» съ ошибочной помѣткой, будто это отрывокъ изъ «Месневи».

Стр. 282. Двѣ послѣднихъ строки относятся къ № 2 (на стр. 283 : 5). Вмѣсто нихъ пропущено другое указаніе:

V. H u s s a r d въ вѣнскихъ «Fundgruben» вмѣстѣ со своими стихотворными переводами изъ «Месневи» издалъ и персидскій текстъ: а) въ т. II (1811), стр 161 (вступительное обращеніе автора къ флейтѣ); б) т. III (1813), стр. 335-338 (заболѣвшая рабыня царя); в) т. IV (1814), стр. 87-88 (Самаркандскій ювелиръ); г) т. V (1816), стр. 101 (купецъ и попугай); д) т VI (1818), стр. 188-196 (коварный везирь и христіане). Все—изъ I книги «Месневи».

Стр. 283, сноска 2. Вмѣсто «Значительную часть» надо «Всѣ»

Стр. 285: 11. W. J o n e s въ журналѣ «Asiatick Researches» т. III (Лонд 1807) далъ на стр 179-180 стихотворный англійскій переводъ пѣсни флейты,—въ статьѣ «On the mystical poetry of the Persians and Hindus».

Стр. 285 : 16. Стихотворные нѣмецкіе переводы V. Hussard'а изъ I кн.

«Месневи», помѣщенные имъ въ «Fundgruben», всѣ выше упоминались нами (стр. 387) въ рубрикѣ печатныхъ персидскихъ текстовъ подлинника. Переводы въ «Fundgruben» помѣщены: т. II (1811), стр. 162-164 (обращеніе къ флейтѣ); т. III, стр. 339-347 (заболѣвшая рабыня); т. IV (1814), стр 89-92 (Самаркандскій ювелиръ); т. V (1816), стр. 99-100 (купецъ и попугай); т. VI (1818), стр. 197-213 (везирь и христіане). Эти Гусаровы переводы частію потомъ попали въ Redekünste Хаммера.

Стр. 285, въ № 4 (про R e d e k ü n s t e). Надо послѣ 4-ой строки читать: «.. и данъ, изъ V-VI тт. Fundgruben des Orients, стихотворный переводъ того же фонъ-Гусара».

Стр. 286, № 7 (про «Mesnevi» G. R o s e n'a). Добавить.. «и взяты исключительно изъ I книги». Спустя 65 лѣтъ, въ фонъ-Штаденовской серіи: «Meisterwerke orientalischer Literaturen» (=т. I), вышло п е р е и з д а н і е «Mesnevi» Г. Розена, проредактированное его сыномъ Фридрихомъ Розеномъ (Мюнхенъ 1913; 263 стр.). Стр. 1-30 заняты введеніемъ Розена-сына о міровоззрѣніи Джеляледдина по его произведеніямъ; при этомъ переводятся отрывки и изъ другихъ книгъ Месневи, не только изъ 1-ой. Стр. 31-54 короткое предисловіе Розена-отца къ 1-му изданію съ приложеніемъ біографіи Джеляледдина по одной турецкой тезкире касательно персидской литературы (источники—Довлетъ-шаhъ и Джамій XV в). Стр. 37-206 стихотворные переводы отца изъ I книги Месневи. Стр. 207-263 его же примѣчанія—согласно первому изданію.

Стр. 287 : 1, № 13. Вмѣсто «стихотворный» надо: «прозаическій, но стишный». (См. стр. 289, сноску). Тамъ же, строка 12, надо читать: «а стишнымъ образомъ, т. е. полустишіями, притомъ прозаически, онъ» и т. д.

Стр. 373, сноска. Фридрихъ Розенъ, во введеніи къ переизданію «Месневи» своего отца Георга Розена (Мюнх. 1913, стр. 17-18), тоже привлекъ для иллюстраціи суфизма, если не буквально этотъ знаменитый «дарвинистическій» отрывокъ изъ «Месневи», то эту самую картину постепенныхъ переходовъ отъ бездушнаго минерала къ высшему существованію.

СА'ДІЙ ШИРАЗСКІЙ.

(ок. 1184-1291).

б) СА'ДІЙ.

(ок. 1184—1291).

I.

Са'дій Мошеррифоддинъ ибнъ-Мослиходдинъ Ширазскій [1])—или, по обычному произношенію неспеціалистовъ: «Саади»,—величайшій поэтъ-моралистъ Персіи. Въ противность вдохновенному надземному суфію Джеляледдину, Са'дій—представитель практическаго житейскаго суфійства. Конечно, практическія выгоды аскетизма воспѣты и у Джеляледдина, но у Са'дія онѣ получили особое, чисто мірское освѣщеніе.

Три періода въ жизни Са'дія

Родился Са'дій, вѣроятно, около 1184 г, ум въ 1291 г., т. е прожилъ свыше ста лѣтъ. Жизнь его нѣкоторые изъ нѣмецкихъ ученыхъ [2]), по своей германской мѣркѣ, раздѣляютъ на три періода, словно, напр., жизнь Гёгевскаго Вильгельма Мейстера: a) die Lehrjahre, b) die Wanderjahre, c) die Meisterjahre. Говоря вообще, такое дѣленіе могло бы быть натяжкой для чьей-либо иной біографіи, но по отношенію къ Са'дію, оно—удачно, потому что оно, въ сущности, есть лишь повтореніе словъ Довлетъ-шâhа, Са'діева біографа XV в. (увы, почти единственнаго источника нашихъ свѣдѣній о жизни поэта, поскольку онъ самъ не обрисовалъ ее въ своихъ произведеніяхъ) [3]).

---

[1]) Такъ имена Са'дія читаются въ старѣйшей рукописи его произведеній 1328=728 г. (въ «India Office», см. по каталогу Эте́ 1903, стр. 655), списанной прямо съ авторскаго подлинника. Такъ и въ другихъ старыхъ спискахъ (см. у Рьё въ катал. Брит. Музея, т. II, 1881, стр. 595). Но въ «Таріх-и Гозіде», составл. ок. 1330 г., имена перевернуты на «Мослиходдинъ ибнъ-Мошеррифоддинъ» (см. напр. въ англ. переводѣ Э. Брауна изъ V кн. «Гозіде» въ «Journ. of the R. Asiat. Society» 1900, окт., стр. 755). И съ тѣхъ поръ мы почти всегда находимъ у историковъ литературы имя Са'дія, какъ „Мослиходдинъ".

[2]) Wilh. Bacher: „Sa'dî's Aphorismen und Sinngedichte" (Страсб. 1879), введеніе стр. XXII; еще рѣзче—Эте́ въ „Grundriss der iran. Philol.", т. II, 1896, стр 292.

[3]) Гдѣ только возможно безъ ущерба для научности, я, ради удобства чи-

Довлетъ-шаһъ, исключивши дѣтскіе годы Са'дія, дѣлитъ остальныя 90 лѣтъ на три эпохи, принимая каждую ровно за 30 лѣтъ круглымъ счетомъ.—«Тридцать лѣтъ употребилъ Са'дій—говоритъ Довлетъ-шаһъ, на пріобрѣтеніе знаній, тридцать посвятилъ на странствованіе, причемъ обозрѣлъ всю четверть обитаемаго свѣта, а тридцать лѣтъ остальныхъ, сѣвши на коврѣ богопочтенія, избралъ для себя путь людей Божьей дороги, тариката». Раздавались, правда, возраженія со стороны европейскихъ изслѣдователей противъ этой черезчуръ округленной Довлетъ-шаһовской схематизаціи жизни поэта, и возраженія шли даже разъ со стороны ученыхъ германскихъ [1]). Но въ общемъ дѣленіе это остается пріемлемо, хотя бы и съ оговорками. Подобно многимъ другимъ ирановѣдамъ [2]), мы можемъ согласиться съ Довлетъ-шаһомъ и, чуть-чуть видоизмѣнивши его терминологію, распредѣлимъ жизнь Са'дія все таки на тѣ же т р и части. Мы будемъ говорить:

а) про періодъ школьнаго ученія и дальнѣйшаго образованія до 40 лѣтъ жизни Са'дія (1196-1226=592-623),

б) періодъ скитальческій (1226-1256=623-654)

и в) періодъ шейхскій (1256-1291=654-690) [3]).

а) Годы Са'діева ученія и образованія (до 1226 г.)

Прозвище „Са'дій" (Са'довъ) происходитъ отъ имени фарсскаго атабека Са'да I ибнъ-Зенги (1195-1226)[4]). Главный городъ Фарса—Ширазъ (впослѣдствіи родина Хафиза, «пѣвца ширазскихъ розъ и соловьевъ»),—и здѣсь родился Са'дій (ок. 1184 г.), лѣтъ за десять до вступленія атабека Са'да I на атабекскій престолъ. Отецъ мальчика ('Абдаллаһъ) ока-

---

телей, буду дѣлать біографическія ссылки на произведенія Са'дія не въ ихъ персидскомъ текстѣ, а въ европейскихъ переводахъ. Но, конечно, нельзя избѣжать и персидскихъ ссылокъ.

[1]) См. послѣсловіе К. Графа къ его переводу «Rosengarten» (Лпц. 1846), стр. 235.

[2]) Напр. англичанину Ouseley въ его «Notices of persian poets» (Лонд. 1846), стр. 6; отчасти срв. у Барбье де Мейнара въ его введеніи къ франц. переводу «Бустана» (1880), стр. XII. И др.

[3]) Послѣдній періодъ жизни Са'дія (ум. 1291) продолжился, очевидно, 35 лѣтъ, а не 30, въ противность округленному показанію Довлетъ-шаһа.

[4]) О четырехъ группахъ сельджукскихъ атабековъ вообще и объ атабекахъ Фарса въ частности см. во II томѣ „Исторіи Персіи" (3-е лит. изд. 1912, стр. 2-4).

зался однимъ изъ придворныхъ у атабека Са'да I, и когда, вскорѣ же послѣ его воцаренія, умеръ, то осиротѣвшіе дѣти, Са'дій по крайней мѣрѣ, должны были остаться на атабекскомъ попеченіи.

Особаго баловства Са'дій не испыталъ и при жизни отца: онъ впослѣдствіи, въ старости, вспоминалъ, что воспитаніе онъ получалъ отъ отца далеко не безъ помощи подзатыльниковъ и палки (вспоминалъ онъ это, правда, безъ всякой горечи, а напротивъ—съ большой похвалою подобному воспитательству) [1]). Все же преждевременная кончина отца была сильнымъ ударомъ для осиротѣлаго мальчика, которому могло тогда быть лѣтъ десять. Къ чести атабека Са'да I является то, что онъ не допустилъ сироткѣ-сыну своего слуги остаться безъ воспитанія.

Очевидно, мальчикъ обнаружилъ изрядныя способности къ ученію: атабекъ (ок. 1196) отправилъ его изъ Шираза въ столицу халифата, въ Багдадъ, и помѣстилъ его стипендіатомъ въ багдадскую коллегію, т. н. низамійскую школу [2]).

Преподаваніе въ низамійской багдадской коллегіи шло, понятно, на арабскомъ языкѣ, и этотъ языкъ съ-измолоду сдѣлался для Са'дія вторымъ роднымъ. Профессора были сунниты, и Са'дій воспитался какъ добрый суннитъ, не какъ шіитъ: обычная персидско-шіитская ненависть къ первымъ тремъ халифамъ осталась навѣки чужда его чувству Юноша въ Багдадѣ много учился и у обыкновенныхъ ученыхъ-улемовъ, и у замѣчательныхъ суфійскихъ шейховъ-мистиковъ. Были его учителями и знаменитый энциклопедистъ ибнъ-аль-Джаузій (род. 1116, ум. 1201) [3]), и (какъ сообщено въ Джаміевскомъ сводѣ суфійскихъ біографій XV в.) глава всѣхъ багдадскихъ суфіевъ, плодовитый суфійскій писатель шейхъ Соhраверди́й (Шиhабеддинъ, род. 1144, ум. 1234) [4]), который въ своей

---

1) Напр. „Не дані, ки Се'ді морад ез чи йафт?... Би-хôрді би хôрд ез бозорган qефа—Ходa дадеш ендер бозоргі сефа"=„Развѣ ты не знаешь, какимъ путемъ Са'дій достигъ цѣли своихъ желаній?..... Онъ въ дѣтствѣ поѣлъ подзатыльниковъ отъ старшихъ, и за то Господь даровалъ ему въ старости радость" („Бустанъ", гл. VII, франц перев. Барбье де Мейнара 1880, стр 299).

2) О своей стипендіи („идрâр") Са'дій вспоминаетъ въ VIII главѣ „Бустана" (франц. пер. Барбье де Мейнара, 1880, стр 283). Про багдадскую „низамійе" (основ. въ 1067 г.) см. въ „Исторіи Персіи", т. I, 2 (1914), стр. 131.

3) Про ибнъ-аль-Джаузія см. Брокк. I, 500-506.

4) Объ этомъ Соhраверді̀ѣ см. Брокк. I, 440-441 (раньше—у Графа: Rosengarten стр. 235). Ученикомъ Соhравердія Са'дій называетъ себя въ „Бустанѣ", гл II, (франц. пер. де Мейнара, стр. 107).

молодости учился у славнаго суфійскаго шейха 'Абдалькадира Гилянскаго [1]. Ученикъ-ширазецъ старался проникнуться аскетическими идеалами своихъ багдадскихъ шейховъ. Однако, тѣ стихи, какіе—по всѣмъ признакамъ—именно тогда писалъ Са'дій, дышатъ юношеской любовью къ жизни и ея радостямъ; и самъ онъ въ старости сознавался [2]), что всѣ убѣжденія шейха Абуль-Фараджа ибнъ-аль-Джаузія (ум. 1201) не могли его исцѣлить отъ любви къ музыкѣ.

Въ Багдадѣ Са'дій провелъ не только студенческіе годы. Окончивши свое высшее образованіе, онъ еще долго оставался въ столицѣ халифата.

Временами, впрочемъ, онъ и тогда уже обнаруживалъ страсть къ путешествіямъ.

На богомолье въ св. Мекку (дѣло, которое онъ въ теченіи долгой жизни совершилъ разъ пятнадцать) онъ ѣздилъ несомнѣнно не однажды и въ молодые годы, изъ Багдада;—первый разъ онъ поѣхалъ на богомолье со своимъ шейхомъ Соһравердіемъ [3]). Долженъ онъ бывалъ, нѣтъ-нѣтъ, да навѣдываться и въ Персію, въ родной Ширазъ, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе своему покровителю, государю Фарса, атабеку Са'ду I. Одинъ разъ, ок. 1210 г., когда Са'дію было, значитъ, только лѣтъ 25, подвижная, непосидчивая натура его повлекла его даже въ самую глубь Средней Азіи, въ отдаленный Кашгаръ: направился онъ туда съ какимъ-то караваномъ. Онъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ путешествіи, и изъ разсказа Са'дія видно, что ужъ и тогда стихи его были очень далеко извѣстны: мѣстный молоденькій студентъ-кашгарецъ, узнавши, что передъ нимъ—ширазецъ, но не зная, что это самъ Са'дій, попросилъ его процитировать что-нибудь изъ Са'дія [4]).

---

[1]) Но, конечно, самъ Са'дій не могъ быть непосредственнымъ ученикомъ Абдалькадира Гилянскаго, который умеръ въ 1166 г. (Брокк. I, 435), т. е. лѣтъ за двадцать до рожденія Са'дія. Сообщеніе Довлетъ-шаһа XV в. объ отношеніяхъ Са'дія и 'Абдалькадира Гилянскаго есть простой анахронизмъ.

[2]) «Голистанъ», переводъ Холмогорова, 1882, стр. 105.

[3]) Такъ сообщаетъ Джамій. У Довлетъ-шаһа анахронистически названъ 'Абдалькадиръ Гилянскій (что по недосмотру принимаетъ и Eastwick стр. X). Про свое морское путешествіе на кораблѣ вмѣстѣ съ Соһравердіемъ (безъ указанія впрочемъ, что путь держали они на Мекку) Са'дій вспоминаетъ во II главѣ «Бустана» (по франц. перев. Барбье де Мейнара стр. 107).

[4]) «Голистанъ», переводъ Холмогорова, 1882, стр. 222. Ниже мы приводимъ разсказъ этотъ полностью.

б) Скитанія Са'дія (1226-1256).

Наступилъ однако день,—и поэту было тогда лѣтъ ужъ сорокъ,—когда ему пришлось не по охотѣ, а по неволѣ отдаться скитаніямъ. События 1220-хъ гг., «когда міръ былъ всклокоченъ словно волосы негра»[1], перевернули его жизнь Нашествіе монголовъ на Персію, грозившее и атабекамъ Фарса, да и внутреннія неурядицы среди удѣльныхъ государей Ирана, сопровождавшіяся даже временнымъ низверженіемъ Са'да I ибнъ-Зенгія (1223-1225)—все это заставило Са'дія, 40-лѣтняго человѣка, быть можетъ даже отца семьи, бѣжать въ изгнаніе подальше отъ родины и отъ Багдада. И въ теченіи 30 лѣтъ судьба, полная всякихъ превратностей, безпрерывно бросала его то въ одинъ, то въ другой конецъ мусульманскаго міра, отъ Индіи до Атлантическаго океана (1226-1256).

Вѣроятно, однимъ изъ первыхъ этаповъ, куда направился бѣженецъ, была сѣверная Индія[2]; онъ туда попалъ черезъ нынѣшній Афганистанъ (черезъ Газну) среди разбойничьихъ засадъ. Изъ сѣверной Индіи Са'дій пробрался и поюжнѣе, въ сторону Бомбея у Индійскаго океана, или точнѣе—къ Гуджератскому полуострову, къ г. Сумената, съ его знаменитымъ фаллическимъ идоломъ[3]. Тутъ, для сохраненія своей жизни,

---

[1]) «Голистанъ», перев. Холмогорова (1882), стр 7, въ посвятительной похвалѣ атабеку Абу-Бекру.

[2]) Порядокъ странствованій Са'дія нельзя установить съ неоспоримостью. Наиболѣе правдоподобную общую картину начерталъ В. Бахеръ во введеніи къ «Sa'di's Aphorismen» (Страсб. 1879), стр. XX-XXXIV; все-таки кое въ чемъ я счелъ нужнымъ отступить отъ Бахера, и даже очень существенно.—О путешествіи Са'дія въ Индію, изъ Бельха (въ вост Хорасанѣ) черезъ Баміянскій горный проходъ, см. «Голистанъ» гл. VII, разсказъ 16-й стр. 288-289 французскаго перевода Дефремери (1858), причемъ необходимо принять въ высшей степени основательную поправку Дефремери, который указалъ, что многіе переписчики вмѣсто чтенія «тâ Бâмійâн» (до Баміяна) ошибочно и вопреки смыслу контекста поставили «бâ Щâмійâн» (съ сирійцами) Нѣмецкій переводъ К. Графа: «Rosengarten» (Лпц. 1846, стр. 181) не нуждается въ этой поправкѣ, потому что сдѣланъ съ правильнаго текста. Въ русскомъ переводѣ Холмогорова (1882 стр. 270) еще не видно знакомства съ поправкою Дефремери.

[3]) Описаніе суменатскаго идола см у насъ въ «Исторіи Персіи» т 1, стр. 18. Разсказъ Са'дія о пребываніи въ Суменатѣ данъ имъ въ «Бустанѣ», гл. VIII (стр. 330-335 франц. перевода Барбье де Мейнара, 1880); ниже онъ у насъ приводится полностью.

Са'дій притворно принялъ вѣру огнепоклонниковъ и потомъ бѣжалъ, убивши камнемъ сторожеваго жреца.

Поплылъ онъ изъ Индіи на Аравію—и, вѣроятно, тогда именно и побывалъ по дорогѣ на жемчужныхъ ловляхъ о-ва Киша (въ Персидскомъ заливѣ) [1]). Са'дій былъ не одинъ въ скитаніи; съ нимъ, возможно, была и семья его, или, по крайней мѣрѣ, маленькій сынокъ: мы встрѣчаемъ у него жалобу, что въ южной Аравіи (Йеме́нѣ), куда онъ попалъ послѣ Индіи, судьба у него похитила любимаго ребенка [2]).

Конечно, обзавестись семьею могъ онъ и во время дороги, а до того времени могъ быть и одинокой головой. Переѣзжалъ онъ, «беззаботный, свободный», и на африканскую сторону Краснаго моря, въ Абиссинію [3]).

Въ сѣверной Аравіи, въ Меккѣ, Са'дій, конечно, побывалъ и тогда; а въ общей сложности, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, Са'дій успѣлъ за свою жизнь посѣтить святой городъ разъ пятнадцать, большей частью странствуя пѣшкомъ, часто изнемогая отъ усталости [4]). Въ Сиріи Са'дій на нѣкоторое время даже основался. Джамій (XV в.) говоритъ, что въ Сиріи пришлось Са'дію быть водоносомъ [5]). Однако изъ собственныхъ произведеній Са'дія мы знаемъ, что онъ въ Сиріи устроился и попочетнѣе. Именно, благодаря своему блестящему знанію классическаго арабскаго языка, смолоду усвоеннаго еще въ Багдадѣ, Са'дій былъ

---

1) Въ III кн. „Голистана" [перев. Холмогорова, стр. 162] Са'дій разсказываетъ о своей бесѣдѣ въ Кишѣ съ богатѣйшимъ купцомъ, у котораго были магазины или компаньоны чуть ли не во всѣхъ крупныхъ торговыхъ центрахъ мусульманскаго міра.

2) Бустанъ, гл. VIII [стр. 335 франц. пер.] и гл. IX [стр. 364 франц.]

3] Са'дій въ Абиссиніи—см. „Бустанъ", гл. IX [стр. 362 франц.].

4) Сценки изъ паломничествъ Са'дія см. напр. въ «Голистанѣ» по переводу Холмогорова стр. 54; 89; 90; 92 (о мошенникахъ среди пилигримскихъ каравановъ); 101 (Са'дій отъ безсонницы падаетъ въ пустынѣ безъ чувствъ=«Бустанъ, гл. IX, франц. стр. 346); нѣм. перев. Графа стр. 72 (у Холмог. нѣтъ); Холмог. стр. 113; стр. 226 [нападеніе бедуиновъ на паломниковъ]; стр. 265 [потасовка между пилигримами] и др. Кажется, что въ VI гл. Бустана [франц. 258] разсказъ о слоновой гребенкѣ относится тоже къ паломническому странствованію Са'дія.

5) Послѣ Джамія (въ его „Нефеҫат") свѣдѣніе о Са'діи-водоносѣ оказывается вскорѣ у Хондемира въ „Ҫебіб эс сійер" и др.

муллою-проповѣдникомъ въ Баальбекѣ [1]) и въ Дамаскѣ, велъ ученые диспуты съ улемами въ соборной Дамасской мечети [2]). Въ Дамаскѣ даже лѣтъ триста спустя показывали въ одной изъ мечетей келью, гдѣ жилъ Са'дій, и хранили преданіе, что именно здѣсь и написаны были лучшія произведенія его творчества [3]). Но началъ онъ тогда томиться міромъ —и уединился въ пустыню подъ Іерусалимомъ. Тутъ онъ попалъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ, которые перевезли его на сирійское прибрежье, въ Триполи, и заставили тамъ рыть или вычищать окопы для крѣпости,—«въ сообществѣ жидовъ!» говоритъ Са'дій съ негодованіемъ [4]). Его выкупилъ за 10 червонцевъ одинъ знакомый богачъ изъ Хáляба (Алеппо), привезъ къ себѣ и женилъ на своей безобразной и сварливой дочери.

Спасаясь отъ невыносимой семейной жизни, готовый броситься «даже въ пасть крокодила» [5]), или, по крайней мѣрѣ, на другой край свѣта,— онъ бѣжалъ куда глаза глядятъ и, повидимому тогда-то, попалъ въ сѣверную Африку (въ Магрибъ) [6]).

Въ дальнѣйшіе годы пришлось Са'дію пространствовать отъ Эгейскаго побережья, черезъ Иконійское султанство до Ар-

---

[1]) Про свою проповѣдь въ Баальбекѣ Са'дій говоритъ ("Голист", русск., стр. 100), что онъ обращался къ людямъ съ мертвыми сердцами, училъ добру верблюдовъ, ставилъ зеркало передъ слѣпыми.

[2]) Са'дій въ Дамаскѣ — «Голистанъ», русск стр 41 и 240 и 119.

[3]) Объ этомъ передаетъ въ своемъ комментаріи на „Бустанъ" Судій, турокъ-боснякъ XVI в., самъ воспитавшійся въ Дамаскѣ. Его указаніе извлекъ по-французски Barbier de Meynard въ предисловіи къ своему франц. переводу «Le Boustan» [1880], стр. XXXII.

[4]] Про свой плѣнъ у франковъ и про смежныя событія Са'дій подробно разсказываетъ во 2-ой гл. „Голистана" [стр. 119-120 русск. Холмог.]. Пренебреженіе къ евреямъ прорывается у Са'дія очень часто, напр въ Голистанѣ гл III (стр. 160 и 169 русск.), гл. IV (стр. 193-194 русск.) и мн. др. Эти мѣста подобралъ всѣ вмѣстѣ Бахеръ на стр. XXX-XXXI своихъ „Sa'di's Aphorismen und Sinngedichte" (Страсб. 1879).

[5]) „Бустанъ", гл. VII, стр 297 франц пер., статья о добрыхъ и злыхъ женахъ [ниже мы даемъ полный ея русскій переводъ].

[6]] Разсказъ Са'дія о пребываніи въ Магрибѣ—въ „Бустанѣ", гл III [франц. 160]—сообщаетъ фантастическую вешь касательно суфія, приплывшаго туда не на кораблѣ, а на молитвенномъ коврикѣ. Тамъ же Са'дію въ концѣ концовъ очень понравился строгій, дерущійся учитель [„Голист.", перев. Холмогорова, стр. 256-257].

меніи и Курдистана [1]). Это, вѣроятно, и было концомъ его странствованій. Изъ Курдистана недалеко было до родины. Лѣтъ семидесяти отъ роду, послѣ тридцати лѣтъ скитальческаго бездомничества, прошедши значитъ сквозь всю Малую Азію, Са'дій очутился въ родномъ Ширазѣ (1256). Было это за два года до паденія арабскаго халифата (1258), за два года до взятія Багдада монголами.

в) Шейхъ Са'дій на покоѣ [1256-1291].

—«Если всѣ прочіе города—соколы, то Ширазъ—царскій соколъ-кречетъ!» говоритъ Са'дій про свою родину [2].

Ширазъ мало пострадалъ отъ нашествія монгольскихъ варваровъ на Иранъ, потому что атабекъ Абу-Бекръ [1226-1260], сынъ покойнаго Са'да I, Са'діева благодѣтеля, добровольно подчинился монголамъ. Этотъ атабекъ Абу-Бекръ, доживавшій уже свои годы, благодушно встрѣтилъ Са'дія, озаботился, чтобы старцу было хорошо, и шейхъ-поэтъ, водворившись на родинѣ, дожилъ въ подгородномъ монастырѣ подъ Ширазомъ свою на рѣдкость долгую жизнь. Здѣсь, умудренный многолѣтнимъ опытомъ, онъ и началъ и завершилъ третій, уравновѣшенный, свой жизненный періодъ [1256-1291], ухитряясь впрочемъ еще и отсюда, при своихъ дряхлыхъ годахъ, ѣздить на богомолье въ Мекку.

Пережилъ Са'дій въ Ширазѣ стараго атабека Абу-Бекра [ум. 1260], видѣлъ на атабекскомъ престолѣ быструю, среди смутъ, смѣну чередующихся его преемниковъ [пятеро, или даже шестеро—въ теченіи трехъ лѣтъ], видѣлъ, какъ въ Фарсѣ все большую и большую непосредственную

---

[1]] Въ „Бустанѣ", гл. II [стр. 117-118 по франц. перев. Барбье де Мейнара] Са'дій съ большой ироніей разсказываетъ про одного знаменитаго суфія въ Малой Азіи, богатаго, родовитаго, ученаго,—который угостилъ пріѣзжихъ дервишей очень длинной душеспасительной бесѣдой, но забылъ ихъ покормить. Пикантно было бы, если бъ оказалось, что этотъ румійскій шейхъ былъ никто иной, какъ шейхъ Джеляледдинъ Румійскій! Въ этомъ случаѣ встрѣча двухъ шейховъ, практичнаго Са'дія и отвлеченнаго Джеляледдина, очень напомнила бы собою евангельское повѣствованіе про Мароу и Марію, если бы оно было разсказано самою Мароою.— Напротивъ, о своей встрѣчѣ съ однимъ отшельникомъ въ Бейлеканѣ (при впаденіи Аракса въ Куру) Са'дій передаетъ съ большимъ сочувствіемъ [„Голист.", перев. Холмог., стр. 303].

[2]] Эти слова Са'дія про Ширазъ—въ одной изъ его т. н „Персидскихъ касыдъ" [по теһранскому изд. „Коллійятъ" 1282=1865 см стр. 203].

власть захватываютъ себѣ монголы, видѣлъ и конецъ салгаридской атабекской династіи. Можно бы сказать, что конецъ этотъ наступилъ не такъ и скоро, и что Са'дій пережилъ власть салгаридовъ всего какимъ-нибудь полудесяткомъ лѣтъ: династія, какъ-ни-какъ, номинально просуществовала вѣдь до 1287 года. Однако фактически атабекская власть кончилась еще въ 1264 г., потому что послѣдняя княгиня этой династіи, принцесса Абишь (1264-1287), была женою одного изъ сыновей Хулагу-хана, монгольскаго владѣтеля всей Персіи, и въ странѣ начиная съ середины 1260-хъ годовъ правили монгольскіе намѣстники. Такимъ образомъ Са'дію въ Ширазѣ пришлось прожить, въ сущности, не менѣе лѣтъ двадцати подъ прямымъ монгольскимъ правленіемъ.

Для правильнаго пониманія Са'діевыхъ произведеній не излишне замѣтить тѣхъ кратковременныхъ салгаридскихъ атабековъ, которые смѣняли другъ друга въ Ширазѣ послѣ 1260 года.

Долголѣтнему салгариду А б у-Б е к р у [ум. 1260], именемъ котораго украшены Са'діевы «Бустанъ» и «Голистанъ», наслѣдовалъ было сынъ С а' д ъ II, находившійся въ отлучкѣ; онъ умеръ, не успѣвши вернуться въ Шираз.

Атабекство досталось малолѣтнему мальчику М о х е м м е д у (1260-1262), причемъ регентство взяла на себя честолюбивая его мать Т у р к а н ъ-х а т у н ъ, во всемъ искавшая поддержки у монголовъ.

Мальчикъ Мохеммедъ свалился съ крыши и убился, и атабекство перешло къ его дядѣ М о х е м м е д ъ-ш а һ у (1262-1263). Турканъ-хатунъ добилась его низложенія вскорѣ же.

Народною толпою Шираза провозглашенъ былъ другой дядя С е л ь д ж у к ъ-ш а һ ъ [1263], именемъ котораго Са'дій восторженно украсилъ свой лучшій лирическій сборникъ газелей «Теййыбат». Сельджукъ-шаһъ оказался врагомъ монголовъ. Онъ казнилъ монгольскую угодницу, княгиню Турканъ-хатунъ.

Но явились въ Шираз монголы, отправленные Хулагу-ханомъ, монгольскимъ завоевателемъ Персіи, покончили съ Сельджукъ-шаһомъ [1264] и возвели на атабекство княжну И ш ь, иначе А б и ш ь [1264-1287], которую взялъ въ жены Менгу-Тимуръ, сынъ Хулагу-хана. Власть княгини Абиши была номинальной, потому что, послѣ одного народнаго волненія [ок. 1265], въ Шираз былъ посланъ и монгольскій намѣстникъ.

Жилось престарѣлому Са'дію послѣ его возвращенія изъ скитаній въ родной Шираз въ общемъ недурно.—«Князья, вельможи и лучшіе горожане», по выраженію Довлетъ-шаһа, «являлись на посѣщеніе шейха». Эти «князья и вельможи» были, хронологически, прежде всего члены ата-

бекскаго двора Абу-Бекра ибнъ-Са'да; а съ середины 1260-хъ гг. уваженіе къ Са'дію проявляли и водворившіеся въ Фарсѣ монгольскіе правители. И атабекамъ, и замѣнившимъ ихъ монгольскимъ ширазскимъ намѣстникамъ старецъ-Са'дій слагалъ хвалебныя оды.

Доходила слава Са'дія и до двора монгольскаго владыки всей Персіи, Хулагу-хана (1256-1265), который резидировалъ на сѣверѣ въ азербейджанскомъ Тебризѣ. У Са'дія были при тебризскомъ дворѣ доброжелатели: одинъ—везйрь Хулагу-хана Аладдинъ Джовейній [1226-1283; онъ—извѣстный дѣеписатель завоевательныхъ подвиговъ Джингизъ-хана], другой—его братъ «ҫаҫыб-диван»=предсѣдатель ханскаго дивана, полномочный везирь Шемседдинъ Джовейній [казн. 1284], далѣе—любимецъ Хулагу-хана ученый астрономъ Насиреддинъ Тусскій [1210-1273] [1]) и др. Съ ними старецъ Са'дій поддерживалъ сношенія, посылалъ къ нимъ въ Тебризъ, или въ Багдадъ, панегирическія стихотворенія изъ своего Шираза, да не забывалъ восхвалять своими касыдами и самаго Хулагу-хана: въ его честь онъ составилъ высокохвалебную касыду въ 1260 г. [2]), всего два года спустя послѣ того, какъ этотъ владыка, Хулагу-ханъ, разрушилъ Багдадъ и казнилъ послѣдняго халифа Моста'сыма (событіе, горечь котораго Са'дій тоже излилъ въ стихахъ) [3]].

Когда, по смерти Хулагу-хана, монгольскимъ владыкою Ирана сдѣлался его сынъ Абака-ханъ [1265-1282], новый ханъ заочно былъ расположенъ къ Са'дію всѣ тѣми же лицами, да еще, несомнѣнно, рекомендаціями монгола Энгіяну, который намѣстнически правилъ въ Фарсѣ (ок. 1269-1272) и которому Са'дій посвятилъ кое-какія свои наставительныя касыды [равно какъ и прозаически, въ видѣ «рисале», отвѣчалъ на его запросы]. Съ ханомъ Абакой пришлось Са'дію лично познакомиться, когда старикъ, забывши свои лѣта, съѣздилъ на богомолье въ Мекку и, возвращаясь изъ Мекки въ южную Персію черезъ Тебризъ, представленъ былъ Абакѣ-хану; государь его обласкалъ [4]).

---

[1]) Объ историкѣ Джовейніѣ см. «Исторію Персіи» т. III (1915), стр. 40-43. Объ астрономѣ Насиреддинѣ Тусскомъ см. тамъ же стр. 36-37.

[2]) См. историческія доказательства у К. Графа въ «Z. D. M. G.», т. IX (=1855) стр. 129-130, гдѣ данъ и текстъ и переводъ этой Са'діевой касыды въ честь Хулагу-хана.

[3]) Элегіи о паденіи Багдада ниже даются у насъ въ переводѣ.

[4]) Встрѣчѣ Са'дія съ Абакою-ханомъ въ Тебризѣ посвящена одна изъ прозаическихъ «рисале» Са'дія, записанная кѣмъ-то со словъ шейха. По нѣм см. эту

Готовы были видѣть Са'дія у себя и другіе отдаленные государи: ок. 1280 г. его звали въ Индію, по совѣту очень извѣстнаго индо-персидскаго князя-поэта, молодого эмира Хосрова Деhлійскаго [род. 1253] [1]. Но столѣтній старецъ Са'дій рѣшилъ никуда ужъ не двигаться изъ Шираза, и любезное индійское приглашеніе онъ отклонилъ.

II

Писательство Са'дія

Въ теченіи спокойно-отшельническаго, заключительнаго періода своей жизни, проживая свои послѣднія тридцать съ лишнимъ лѣтъ безмятежно у себя въ Ширазѣ, старецъ Са'дій, сверхъ хвалебныхъ касыдъ сильнымъ людямъ міра сего, успѣлъ на своемъ долгомъ досугѣ написать много другихъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній,—или, что гораздо будетъ вѣрнѣе, онъ тогда редакторски обработалъ тотъ обширный матеріалъ, который въ его творчествѣ накоплялся постепенно издавна, создаваясь въ болѣе молодые годы, когда талантъ его и фантазія были посвѣжѣе [2]. При этомъ подведеніи писательскихъ итоговъ своей дѣятельности престарѣлый шейхъ Са'дій, въ качествѣ поучительныхъ примѣровъ, очень часто пользовался личными воспоминаніями изъ своей скитальческой жизни.

«рисале» въ приложеніи къ „Lustgarten" Графа [1850, т. II, стр 142-146; перепечатано Байеромъ въ его предисловіи къ Рюккертовымъ «Saadis politisсdhe Gedichte» Берл. 1894, стр. 24-27], По франц. у Дефремери „Gulistan" (Пар. 1858) стр. XXXII-XXXV.

1] Объ эмирѣ Хосровѣ Деhлійскомъ см. въ „Исторіи Персіи" т. III, стр. 82-84. Са'дія приглашали въ Мультанъ, гдѣ правилъ Мохаммедъ-султанъ [1271-1284], сынъ деhлійскаго султана Балабана [1265-1287] изъ мамлюкской династіи т. н. „рабовъ гуридскихъ". См. „Таріхи Фірузшаhі "XIV в. [Кальк. 1860] стр. 68. [Про „Таріхи Фірузшаhі" XIV в. см. „Ист Перс " т. III, стр. 194]. Изъ „Таріхи Фірузшаhі" разсказъ внесенъ въ Исторію Фериште ок. 1606 г. (по изд. Бриггса, Бомб. 1831, т. I, стр. 137-138; суть сообщенія Фериште пересказана по франц. у Дефремери во введеніи къ переводу «Gulistan», П. 1858, стр. XXV-XXVI).

2] Самыя послѣднія десять лѣтъ своей жизни Са'дій врядъ ли что-либо писалъ Заключить это можно изъ того обстоятельства, что кончину своихъ двухъ покровителей-Джовейніевъ, историка Аладдина Джовейнія (ум. 1283) и сахыбъ-дивана Шемседдина Джовейнія (казн. 1234), Са'дій не отмѣтилъ ужъ никакой элегіей. Довлетъ-шаhъ [изд. Брауна 1901, стр. 106, не въ біографіи Са'дія] сообщаетъ только, что Са'дій расплакался, услышавши четверостишіе, составленное по поводу казни сахыбъ-дивана Джовейнія.

—Если человѣкъ видѣлъ въ теченіи своей жизни, передъ своими глазами, смѣны разныхъ династій, разрушеніе городовъ, прекращеніе торговли, разсѣяніе всѣхъ членовъ каждой семьи, гибель отдѣльныхъ лицъ, —говоритъ одинъ изъ вдумчивыхъ наблюдателей востока:—если человѣкъ разика два-три въ своей жизни видѣлъ шествіе татарскаго государя, срубившаго голову предшественнику своему, тюркскому ли, арабскому или иному, который въ свое время продѣлалъ то же самое со своимъ предшественникомъ; если человѣкъ понаблюдалъ сотни разнообразнѣйшихъ положеній и соотношеній, возникшихъ изъ-за всего этого; если человѣкъ, подобно Са'дію, былъ сперва почтеннымъ лицомъ мусульманства, а потомъ—плѣнникомъ христіанскаго феодала, причемъ принужденъ былъ вести землекопныя работы въ христіанской крѣпости, направленной противъ ислама, и наконецъ, вернулся къ себѣ въ Фарсъ и Ширазъ пѣшкомъ,—тогда недалеко ему дойти до вывода, что все, существующее въ мірѣ, призрачно, не подлинно, или, по крайней мѣрѣ, не стоитъ того, чтобъ къ нему привязываться [1]).

Испытавъ на себѣ всю бренность міра, Са'дій теоретически вполнѣ согласенъ съ такими суфіями, своими предшественниками или современниками, какъ поэты Фаридеддинъ 'Аттаръ и Джеляледдинъ Румій, учитель Са'діева шейха 'Абдоль-Кâдиръ Гилянскій, и др.; но, хорошо зная людей, Са'дій понимаетъ, что далеко не всѣ способны удалиться отъ міра, не всѣ способны умертвить плоть и исключительно предаться мистическому созерцанію. Поэтому у Са'дія сплошь да рядомъ рекомендуется мірянамъ аскетизмъ житейскій: жить въ мірѣ, но не пристращаться къ нему, сознагать его превратность и быть ежечасно готовымъ къ потерѣ земныхъ благъ. Такія правила какъ-разъ подходили къ тяжелымъ соціально-экономическимъ условіямъ жизни въ эпоху монгольскаго лихолѣтья и наиболѣе содѣйствовали славѣ Са'дія.

а) Наставительныя произведенія Са'дія въ видѣ домостройныхъ сводовъ

Два произведенія Са'дія особенно славны. Оба—нѣчто вродѣ домостроевъ: наставительныя руководства человѣку для его образа жизни. Это «Бустанъ» и «Голистанъ». Посвящены они старому атабеку Абу-Бекру ибнъ-Са'ду. Сперва, въ 1257 г., семидесятитрехлѣтній Са'дій написалъ или, вѣроятнѣе, обработалъ по прежнимъ, болѣе молодымъ своимъ на-

[1]) Le comte de Gobineau: «Les religions et les philosophes dans l'Asie Centrale», Пар. 1866, стр. 74.

броскамъ) [1]) поэтическій трактатъ «Б у с т а н ъ» («Плодовый садъ», «Вертоградъ»). Тутъ, въ десяти главахъ, стихами, изложена суфійская философія и этика, подкрѣпляемая занимательными притчами и разсказами. По глубинѣ поэтическаго чувства и по высотѣ нравственныхъ идей «Бустанъ» одно изъ величайшихъ произведеній всей суфійской литературы [2]).

Однако, у персовъ вѣнцомъ твореній Са'дія считается не «Б у с т а н ъ», а болѣе практичный «Г о л и с т а н ъ» (=«Розовый садъ», или «Цвѣтникъ»);—онъ написанъ прозою въ перемежку со вставочными стихами, годъ спустя послѣ «Бустана», въ 1258 г. [3]). «Голистанъ», правда, во многомъ аналогиченъ съ «Бустаномъ», но приспособлечъ къ понятіямъ эгоистической массы. Онъ до сихъ поръ составляетъ настольную книгу каждаго перса и съ дѣтства заучивается въ школахъ (и не только въ персидскихъ, но и турецкихъ и въ россійско-татарскихъ). «Голистанъ», по остроумію—выше, чѣмъ «Бустанъ»; онъ имѣетъ и своеобразную прелесть народности, потому что пересыпанъ множествомъ народныхъ пословицъ и поговорокъ [4]). Одинъ изъ оріенталистовъ-французовъ находитъ, что талантъ Са'дія въ «Голистанѣ» не разъ напоминаетъ европейскому читателю то тонкость Горація, то изящную легкость Овидія, то насмѣшливое остроуміе Рабле, то добродушіе Ля-Фонтена [5]). Но

---

[1]) „починилъ свое поношенное рубище"—см. послѣсловіе къ „Гол.", перев. Холмог., 335.

[2]) Изданія и переводы „Бустана" перечислены ниже, въ отдѣлѣ библіографіи Изъ числа печатныхъ изданій лучшее далъ К. Графъ (Вѣна 1850), почти одновременно со своимъ стихотворнымъ нѣмецкимъ переводомъ. Изъ прочихъ переводовъ лучшій—научный французскій прозаическій Барбье де Мейнара (Пар. 1880). Мы, ниже, предлагаемъ очень обширныя извлеченія изъ «Бустана» въ переводѣ русскомъ.

[3]) Впрочемъ иногда и у европейцевъ, у французовъ особенно, «Голистанъ» ставится выше „Бустана". Переводчикъ «Голистана» Ш. Дефремери въ своей рецензіи на Графовское изданіе «Бустана» (Journ. Asiat. 1859, апр.-май, стр. 453), хоть и цѣнитъ «Бустанъ» но усматриваетъ недостатокъ «Бустана» въ обильной его мистичности (т. е. въ томъ, что по мнѣнію другихъ могло бы какъ разъ считаться достоинствомъ) и находитъ въ немъ «parfois aussi quelque prolixité». И переводчикъ «Бустана» Барбье де Мейнаръ (1880, стр. VI) находитъ, что сравнительно съ «Голистаномъ» читается „Бустанъ" тяжелѣе, особенно въ виду отклоненій въ сторону, нарушающихъ единство интереса.

[4]) И наоборотъ, многія выраженія „Голистана" стали у персовъ народными поговорками.

[5]) Barbier de Meynard, лекція «La poésie en Perse» (Пар. 1877), стр. 48.

правду сказать, не разъ даже по художественности, а ужъ тѣмъ болѣе почти всегда по нравственнымъ идеямъ «Голистанъ» значительно уступаетъ «Бустану». Для европейца глава 5-ая «Голистана» (Размышленія и наставленія касательно любви и юности), съ ея педерастическимъ настроеніемъ, должна казаться по меньшей мѣрѣ неэстетической. Мудрые совѣты заключительной 8-ой главы «Голистана» освящаютъ правило того смутнаго времени, что homo homini lupus:

«Не довѣряй тайны своему другу: знаешь ли, быть можетъ, онъ со временемъ будетъ твой врагъ? Такъ же не дѣлай всевозможное зло своему (сильному) непріятелю, потому что онъ, статься можетъ, явится тебѣ другомъ»....

«Будь тихъ въ рѣчи съ друзьями: говоря даже къ стѣнѣ, берегись, не подслушиваетъ ли тебя кто-нибудь за стѣною»..

«Не будь волкомъ, но и овцою не будь»,..

„Не имѣй жалости къ слабому непріятелю: онъ, когда возьметъ силу, не умилосердится надъ тобою“.

и т. д. Положимъ, что наряду съ такими совѣтами иногда встрѣчаются въ «Голистанѣ» Са‘дія и совершенно противоположные, въ духѣ «Б у с т а н а» трактующіе о самоотверженности, отреченіи отъ міра и т. п. Они нѣсколько маскируютъ и скрашиваютъ отъявленную практичность прочаго содержанія. По замѣчанію одного изъ самыхъ послѣднихъ изслѣдователей персидской литературы, въ этомъ соединеніи несовмѣстимыхъ противоположностей и заключается главная притягательная сила Са‘дія. Онъ популяренъ, потому что «каѳоличенъ», т. е. вселенски-всеобщъ.—«Въ его произведеніяхъ найдешь все, на всякій вкусъ: найдешь и самое высокое, и самое низменное, и самое утонченное, и самое грубое, вычитаешь мысли, достойныя съ одной стороны Экгардта и Ѳомы Кемпійскаго, а съ другой стороны Чезаря Борджа и Геліогабала. Его произведенія—это микрокосмъ востока, какъ въ наилучшемъ, такъ и въ недостойнѣйшемъ отношеніи. И не даромъ всюду, гдѣ изучается персидскій языкъ, они, вотъ уже шесть съ половиною вѣковъ, являются первыми книгами, какія даются въ руки школьникамъ» [1]). Стилистическая легкость языка, конечно, тоже содѣйствуетъ популярности «Голистана» [2]).

---

[1]) Edw. Browne: «A literary history of Persia», т. II, 1906, стр. 532.

[2]) Объ изданіяхъ и переводахъ «Голистана» (очень обильныхъ) см. ниже подробно, въ концѣ этюда. Изъ европейскихъ изданій т е к с т а хорошо исполнено Иствиковское (E. Eastwick, Хертфордъ, 1850), при которомъ есть персид-

Аналогію съ «Голистаномъ» имѣетъ еще довольно сухая «Пенд-наме»=«Книга совѣтовъ», одноименная съ такой же книгой Феридеддина 'Аттара Она иначе называется «Кяріма̂»=«О, великодушный!» по начальному ея слову. Но принадлежность «Книги совѣтовъ» Са'дію далеко еще не доказана. Ея не знаютъ старѣйшія редакціи свода Са'діевыхъ сочиненій [1]), да и по своему изложенію она не соотвѣтствуетъ степени таланта Са'дія: «dieses, mit Ausnahme weniger Stellen, nichts sagende, inhaltsleere Schriftchen» [2]). Однако приписывается она Са'дію тоже очень издавна, по крайней мѣрѣ съ начала тимуридскаго періода, ок. четверти XV вѣка [3])

Къ разряду домостроевъ, или же точнѣе—политическихъ домостроевъ, должна бы относиться и «Книга са́хыбовскихъ правилъ»=«Китаб-и саҁыбій йе», цѣльность которой у нынѣшнихъ персовъ однако ужъ нарушена. Меценатъ «сахыбъ-диванъ»—это первый министръ монгольскихъ хановъ Персіи, предсѣдатель государственнаго «дивана» везирь Шемседдинъ Джовейній (казн. 1284), о которомъ уже было упоминаніе выше (стр. 399); онъ, какъ сказано было, есть братъ историка Джовейнія. Дружественныя его отношенія съ Са'діемъ завязались очень давно: еще въ своемъ «Голистанѣ» (составл. въ 1258) Са'дій отмѣчаетъ,

---

ско-англійскій словарь и къ которому имѣется отдѣльно изданный (очень роскошно) англійскій переводъ того же автора „The Gulistan, or Rose-garden" (Хертфордъ 1852). Изъ русскихъ переводовъ лучшій И. Холмогорова: „Гюлистанъ, Цвѣтникъ розъ" (М. 1882).

[1]) „Пендъ-наме" издавалась и отдѣльно отъ полнаго собранія сочиненій Са'дія (въ составѣ которыхъ она, замѣтимъ, далеко не всегда издается), но особыхъ достоинствъ эти отдѣльныя изданія не имѣютъ. Они перечислены въ библіографическомъ приложеніи къ этой главѣ. Тамъ же перечислены и переводы, среди которыхъ для оріенталиста наиболѣе полезенъ французскій переводъ Гарсена де Тасси (1828 и 1876) и англійскій Волластона [1908].

[2]) Выраженіе К. Графа въ предисловіи къ его нѣмецкому переводу «Бустана» ч. II (Йена 1850), стр. V.

[3]) Въ сводѣ всеобщей исторіи, которую въ 842=1438 г. составилъ Мохаммедъ Биһамедъ Ха̂ній, одинъ изъ мусульманскихъ правителей въ Индіи, подъ заглавіемъ „Та̂ріх-и Моҁеммеді"=„Исторія въ честь пророка Мохаммеда", Са'дій названъ авторомъ „Книги совѣтовъ". См. описаніе персид. рукописей Брит. Музея Ш. Рье, т. II (1881), стр. 865 б, со ссылкою на 134-й листъ «Та̂ріх-и Моҁеммед-і».

что у него съ сахыбъ-диваномъ было старинное знакомство [1]) и что рекомендація Са'дія кому-нибудь передъ сахыбъ-диваномъ могла доставить рекомендуемому лицу высокую государственную должность, такъ что на человѣка «показывали пальцами». Изъ нѣкоторыхъ старинныхъ рукописей произведеній Са'дія видно, что «Сâхыбова книга» первоначально состояла изъ двухъ частей: прозаической и стихотворной. Прозаическая часть, гдѣ наставленія пересыпаются анекдотами и разсказиками, служила руководящимъ введеніемъ, стихотворная—это сборникъ разныхъ отрывочныхъ остроумныхъ изреченій, афоризмовъ, небольшихъ притчъ [2]). Переписчики Са'діевыхъ произведеній разбили обѣ части «Сахыбовой книги» какъ бы на два разныхъ, отдѣльныхъ сочиненія. Прозаическую часть они включили въ рубрику прозаическихъ «рисалатъ»(=трактатовъ) [3]), а стихотворную часть подъ титуломъ «Саẕыбійййе», помѣстили они почти въ самомъ концѣ отдѣла Са'діевой лирики, вслѣдъ за т. н. «Старыми газелями» и передъ «Обрывками» [4]).

б) Са'діева лирика

Прочія, сверхъ «домостроевъ» произведенія Са'дія, составляющія до двухъ третей его полнаго собранія сочиненій («Коллійя́т»), относятся преимущественно къ области лирики. Это т. н. касыды и газели, съ ихъ видовыми подраздѣленіями. Онѣ и качественно очень высоки. «Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Са'дія,—говоритъ одинъ изъ лучшихъ его знатоковъ,—сила и блескъ его поэтическаго дарованія проявляются съ

---

[1]) «сабиqе-йи меɛрифеті ки мійан-и ма буд». Голистъ, изд. Иствика, стр. 25; русск. перев. Холмогорова, стр. 53-54.

[2]) Этотъ первоначальный составъ „Сâхыбовой книги" выясненъ былъ Бахеромъ въ „Z. D. M. G." т. XXX=1876, стр. 93-106. Суть своего изысканія Бахеръ вкратцѣ повторилъ въ предисловіи къ своему изданію и переводу стихотворной части Сахыбовой книги: «Sa'di's Aphorismen und Sinngedichte» (Страсб 1879), стр. V-VII и стр. XLIV-XLV.

[3]) Бахеръ доказываетъ, что прозаическимъ введеніемъ къ Сахыбовой книгѣ служила 5-я «рисале», озаглавленная „Наставленіе для вельможъ"=„Несіẕет-и молю'к". Но Рье (въ опис персид. рукописей Брит. Музея, т II, 1881, стр. 596-597) думаетъ, что такимъ введеніемъ служила 3-я «рисале», озаглавленная «Соâл-и сâẕыб-дівâн»=«Вопросы, заданные сахыбъ-диваномъ».

[4]) Печатныя указанія касательно Сâхыбовой книги (стихотворную часть которой переводили Бахеръ и посмертно изданный Рюккертъ) см. ниже въ отдѣлѣ библіографіи. Для ея прозы—см. указанія въ отдѣлѣ библіографіи «Рисалатъ».

наибольшей оригинальностью и часто съ увлекательностью" [1]). Вѣкъ спустя послѣ Са'дія нѣкоторые его лирическіе стихи оказываются почти буквально повторенными у Хафиза, царя персидской газели [2]).

Въ „Диванѣ" Са'дія лирическія его стихотворенія («касыды» и «газели») расположены въ видѣ нѣсколькихъ цикловъ, носящихъ каждый особое заглавіе. Самый талантливый и самый существенный по объему циклъ—это т. н. «Пріятныя газели»=«Теййыбат», числомъ около 400. Циклъ этотъ преподнесенъ былъ Са'діемъ предпослѣднему ширазскому атабеку Сельджукъ-шаһу (свергнутому монголами въ 1264 г.), но изъ самаго содержанія „Пріятныхъ" газелей иногда бываетъ видно, что онѣ писались Са'діемъ понемногу, въ гораздо болѣе молодые его годы. Помѣщены однако эти превосходныя «Теййыбат» не на самомъ первомъ мѣстѣ лирическаго Са'діева Дивана, а лишь на шестомъ, потому что порядокъ размѣщенія цикловъ лирики въ «Диванѣ» основанъ на чисто механическомъ редакторскомъ принципѣ: циклы, состоящіе изъ стихотвореній болѣе длинныхъ, помѣщаются впереди, а циклы стихотвореній болѣе короткихъ—слѣдуютъ ужъ за болѣе длинными. Такимъ образомъ въ «Диванѣ» идутъ стихотворенія сперва типа касыднаго, потомъ—типа газельнаго.

Къ касыдному разряду относятся циклы:

1) Касыды арабскія=«Qесаид-и ϛеребіййе». Онѣ, какъ видно изъ заглавія, написаны на арабскомъ языкѣ, который для Са'дія, воспитавшагося въ Багдадѣ и долго жившаго въ другихъ арабскихъ земляхъ, былъ вторымъ роднымъ языкомъ. Са'дій, по арабскому трафарету, иногда воображаетъ себя въ нихъ кочевымъ арабомъ-верблюжатникомъ. Изъ-за арабскаго языка въ число касыдъ попала и элегія о взятіи Багдада монголами въ 1258 г. По той же причинѣ, за-одно, къ касыдному арабскому отдѣлу присоединены и всякія мелочи Са'дія, если онѣ написаны тоже по-арабски.

2) Касыды персидскія=«Qесаид-и фарсіййе». Среди нихъ есть немало хвалебныхъ одъ земнымъ покровителямъ Са'дія, но есть оды и Богу: небесному государю. Есть пессимистическія размышленія о бренности всего существующаго, о задачахъ жизни и т. п.

[1]) Бахеръ, введеніе къ „Sa'di's Aphorismen" (1879) стр. LIV. Но Этé въ «Enc. Brit»., т. 23 (1911), стр 993, находитъ, что, хотя лирика Са'дія искренна и прочувствована, она не обладаетъ neither the easy grace and melodious charm of Hafiz's songs, nor the overpowering grandeur of Jelaluddin Rumi's divine hymns.

[2]) Примѣры совпаденій Хафиза съ Са'діемъ привелъ Эдв. Браунъ во II томѣ своей „Literary history of Persia" (1906), стр. 538-539.

3) Надгробныя элегіи=«Мерасі», оплакивающія смерть то того, то другого изъ покровителей Са'дія, но только до 1280-хъ гг: далѣе, очевидно, стихотворныя способности ужъ стали измѣнять престарѣлому поэту, и онъ проходилъ событія молчаніемъ. Одной изъ этихъ персидскихъ «мерасі», именно плачу о паденіи Багдада въ 1258 г., соотвѣтствуетъ арабская «касыда» на ту же тему, помѣщенная въ отдѣлѣ «Qесаид-и ęеребіййе».

4) «Молеммеęат»=«Пестрыя» касыды. Эти—вычурны. Въ нихъ полустишія арабскія чередуются съ полустишіями персидскими, и обыкновенно это происходитъ перекрестнымъ способомъ: т. е., если въ одномъ двустишіи первый полустихъ оказывается арабскимъ, а второй персидскимъ, то въ слѣдующемъ двустишіи — наоборотъ, первый полустихъ оказывается персидскимъ, а ужъ второй арабскимъ. Въ этотъ же отдѣлъ включено, на концѣ, стихотвореніе изъ разряда т. н. «Моселлесат», т. е. «тройныхъ», или трезычныхъ: въ немъ чередованіе полустишій происходитъ на трехъ языкахъ—арабскомъ, персидскомъ да еще турецкомъ. Са'дій къ языкамъ имѣлъ способность и выучилъ ихъ немало во время своихъ многолѣтнихъ скитаній. Въ индустанской литературѣ онъ считается первымъ, кто рѣшился письменно,— положимъ, лишь въ количествѣ трехъ двустишій,—примѣнить языкъ «урду», т. е. мусульманскій жаргонъ, возникшій отъ смѣшенія рѣчи индійской съ персидскою [1]). Есть у него одно полиглотное стихотвореніе [2]), гдѣ сверхъ литературнаго персидскаго языка примѣнено нѣсколько мѣстныхъ персидскихъ нарѣчій, курдскій языкъ, һиндійскій, арабскій, турецкій, монгольскій, абиссинскій. Къ персидскимъ нарѣчіямъ Са'дій обращался въ своемъ творчествѣ и еще не разъ [3]). Выставлялась впрочемъ догадка, что всѣ познанія Са'дія въ рѣдкихъ языкахъ и нарѣчіяхъ были крайне поверхностны, и что едва ли онъ зналъ по тѣмъ языкамъ

---

[1]) См. статью Garcin de Tassy: „Saadi, auteur des premières poésies hindoustani" въ „Journ. Asiatique" 1843, янв, стр. 5-27. Но европейскіе ученые обыкновенно считаютъ индустанское трестишіе Са'дія подложнымъ: см введеніе Барбье де Мейнара къ французскому переводу „Бустана" [Пар 1880], стр. XVI-XVII, или введеніе Бахера къ „Sa'dis Aphorismen" (1879), стр. XXIV.

[2]) Не въ отдѣлѣ „Молеммеęат", а въ „Обрывкахъ", о которыхъ рѣчь ниже.

[3]) Стихотворенія Са'дія на нарѣчіяхъ, т. н. «Феһлевіййат», обслѣдовалъ Эдв. Браунъ въ «Notes on the poetry of the persian dialects» въ „Journ. of the R. Asiatic Society" 1895, окт. (см. особ. стр. 792-802). И Cl. Huart: Le dialecte de Chiraz dans Sa'di—въ „Actes" 11-го съѣзда оріенталистовъ, секція III, стр. 81-92 [=1899].

много больше, чѣмъ письменно пустилъ въ ходъ для шика [1]).

5) «Т е р д ж і ع б е н д» — очень большое «Припѣвное стихотвореніе», или точнѣе—группа строфъ (бенд) самостоятельнаго содержанія, съ повторяющимся одинаковымъ refrain'омъ (терджіع). Этотъ припѣвъ Са'дія--такой: «Сяду и буду терпѣть, ухвачусь за свое дѣло». Каждая строфа Са'діева терджибенда (а всѣхъ строфъ свыше двухъ десятковъ), представляетъ собою, въ сущности, прекрасно отдѣланную цѣлую газель съ любовнымъ содержаніемъ, вродѣ тѣхъ законченныхъ газелей, которыя слѣдуютъ въ «Диванѣ» далѣе.

На «Терджибендѣ» касыдная часть Дивана заканчивается.

Идущія послѣ того г а з е л ь н ы я стихотворенія Са'діева «Дивана», все равно какъ и перечисленныя касыдныя, тоже не представляютъ собою одной цѣлой совокупности, а дѣлятся тоже на циклы. Такихъ газельныхъ цикловъ--четыре (отд. VI, отд. VII, отд. VIII и отд. IX въ общемъ составѣ «Дивана»), подъ заглавіями: «Теййыбат», «Бедайыع», «Хеватім» и «Гезлійіат-и qедім». Изъ нихъ первый—

6) «Т е й й ы б а т» = «Нѣжныя газели» (букв. «Пріятныя», «Сладостныя»). Мы раньше (стр. 406) ужъ заранѣе отмѣтили, что во всей лирикѣ Са'дія лучшій его циклъ—это именно газели «Теййыбат», числомъ четыре сотни. Сведены онѣ были Са'діемъ въ особый сборникъ въ 1263 г. Мы указывали, что сборникъ «Теййыбат» посвященъ предпослѣднему недолговременному фарсскому атабеку Сельджукъ-шаһу (1263-1264) [2]). Но что писались онѣ Са'діемъ гораздо раньше, еще до возвращенія на родину, это видно не только изъ свѣжести молодого вдохновенія, но напримѣръ и изъ той газели, гдѣ Са'дій проситъ у залетнаго весенняго вѣтерка, вѣющаго на узника (есір) ароматомъ амбры, передать о немъ вѣсточку землѣ родного его Шираза и сказать, что онъ томится въ плѣну на чужбинѣ. Кажется, что фактъ составленія этой газели внѣ Шираза не можетъ подлежать оспариванію [3]). И возможно даже, что рѣчь идетъ не о любовномъ плѣнѣ у красавицы, а о болѣе реальномъ плѣнѣ Са'дія

---

[1]) Edw. Browne: „A literary history of Persia". II (1906), стр. 533.

[2]) Въ числѣ нашихъ переводовъ изъ «Теййыбат» хвалебная газель Сельджукъ-шаһу переведена на первомъ мѣстѣ.

[3]) Начало газели: „Гяр мен зи меһеббет-ет би-мірем» (риема—„ірем"), по теһранскому изданію 1282=1865 г. стр. 305 (по принятому у европейцевъ калькуттскому изданію стр. 373 а, № 267).

у крестоносцевъ, каковое событіе относится, должно быть, къ 1230-мъ гг.

7) «Б е д а й ы ε»=«Прелестныя», или «Оригинальныя новинки», или «Чудныя». Заглавіе, какъ будто, указываетъ на желаніе автора проявить въ этомъ циклѣ стихотвореній кое-какія стилистическія изысканности, или тонкости Вполнѣ возможно, что свой «Бедайыε» готовъ былъ у Са'дія раньше, чѣмъ «Теййыбат», а именно—еще при жизни старика-атабека Абу-Бекра (ум. 1260), того самого, кому посвящены «Бустанъ» и «Голистанъ». Двѣ изъ газелей «Бедайыε» посвящены атабековичу Са'-ду II сыну Абу-Бекра, а Са'дъ II внезапно скончался въ 1260 г., не успѣвши взойти на престолъ отца.

8) «Х е в а т і м»=„Перстневыя“, или „Газели съ печатными перстнями“, т. е. образцовыя. Дѣйствительно, онѣ по формѣ очень тщательно отдѣланы и, по содержанію, очень художественны Изъ заключительнаго „перстня“ этого цикла видно, что лирическій этотъ сборникъ „Хеватім“ посвященъ былъ Са'діемъ главному его покровителю старому атабеку Абу-Бекру (ум. 1260). Это заключительное превосходное живописное стихотвореніе, въ которомъ Са'дій разсказываетъ, почему онъ такъ долго скитался вдали отъ родного Шираза, перепугавшись монгольскаго лихолѣтья, оказывается съ легкими измѣненіями помѣщено и въ предисловіи поэта къ „Голистану“ (напис. 1258), именно въ привѣтственной одѣ атабеку Абу-Бекру, къ которому Са'дій вернулся послѣ многолѣтнихъ странствованій, вызванныхъ тѣми ужасами, когда „міръ былъ всклокоченъ словно волосы негровъ“ [1]).

9) „Гезлійіат-и ђедім“=„Г а з е л и с т а р ы я“, или „П р е ж н і я“. Когда-то европейцы думали, что это заглавіе означаетъ: „Газели, составленныя по стариннымъ образцамъ“ [2]). Но гораздо естественнѣе догадка одного изъ болѣе новыхъ изслѣдователей [3]), что въ этомъ циклѣ мы имѣемъ самые старые образчики Са'діева творчества, иначе сказать: самыя раннія, самыя молодыя его газели,—быть можетъ, произведенія тѣхъ жизнерадостныхъ дней, когда шейхъ ибнъ-аль-Джаўзій (ум. 1201) тщетно старался отъучить студента-Са'дія отъ музыки и беззаботнаго веселья.

---

[1]) Голистанъ, перев. Холмогорова (1882), стр 7

[2]) Hammer: „Gesch der schönen Redekünste Persiens“, 1818, стр 211; Холмогоровъ: „Саади Ширазскій“ (1865), стр. 64 и 141.

[3]) именно В. Бахера въ „Z. D. M. G.“ т. XXX=1876, стр. 91, и въ его введеніи къ „Sa'di's Aphorismen“ (1879), стр. XIX.

За перечисленными четырьмя газельными циклами обыкновенно помѣщаются въ Са'діевомъ Диванѣ поучительные и афористическіе стихи „Сахыбіййе", т. е стихотворная часть „Сахыбовой книги", составленной для монгольскаго везиря Джовейнія (казн. 1284). Стихи цикла „Сахыбіййе" незамѣтно переходятъ въ циклъ „Обрывковъ"= „Моqеттеąат", причемъ въ иныхъ рукописяхъ нельзя разобрать, гдѣ кончаются стихотворенія „Сахыбіййе" и гдѣ начинаются „Обрывки". За „Обрывками", согласно съ принципомъ размѣщенія по длинѣ, идетъ отдѣлъ „Робаąійят"=„Четверостишія", а за ними—еще болѣе короткія „Мофредат"=„Отдѣльныя двустишія", т. е. короткія однострочныя (изъ двухъ полустишій) изреченія, блестки неожиданнаго остроумія, тонкія замѣчанія и т. п [1]).

Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Са'дія, касыдахъ ли, газеляхъ ли, обыкновенно воспѣвается Богъ, выражается страстное стремленіе души человѣческой къ Нему, прославляются отрады дервишескаго, подвижническаго образа жизни. Иногда рѣчь о Богѣ идетъ прямо, безъ аллегорій, но чаще настроеніе выражается по-суфійски, иносказательно, подъ видомъ воспѣванія вина, любви, весны и прочихъ радостей. Кто захочетъ или кто не предупрежденъ, тотъ безъ труда можетъ понимать лирику Са'дія вполнѣ гедонически; но нельзя сомнѣваться, что самъ онъ желалъ въ своей лирикѣ быть мистическимъ, набожнымъ поэтомъ-отшельникомъ, пѣвцомъ возвышенной, сверхчувственной жизни [2]).

в) Са'діевы „Хебісат"=„Похабности".

Съ возвышенными и набожными темами Са'діевыхъ касыдъ, газелей, четверостишій и прочей лирики крайне плохо гармонируетъ тотъ отдѣлъ Са'діева творчества, который въ собраніяхъ его сочиненій «Коллійят» помѣщается, словно на грѣхъ, непосредственно послѣ его высокой и эстетической лирики и который приходится почти на самый конецъ его «Коллійят» какъ бы для вящшаго запечатлѣнія и заключенія его твор-

---

[1]) Иныя изъ „Мофредат" оказываются повторены и въ „Голистанѣ" и въ другихъ произведеніяхъ Са'дія

[2]) Европейскіе переводы изъ лирическаго дивана Са'дія (плохіе—Хаммера, хорошіе—Рюккерта и Графа, перечислены у насъ ниже, въ отдѣлѣ библіографіи. Въ нашей книгѣ ниже слѣдуетъ такъ мно о русскихъ переводовъ изъ лирики Са'дія, что русскій читатель можетъ составить о ней вполнѣ исчерпывающее представленіе.

ческой дѣятельности. Этотъ отдѣлъ—«Х е б і с а т»=«Мерзости» или «Похабности», деликатнѣе называемый «Игривости». Эти Са'діевы „Мерзости» представляютъ собою небольшой (около 40 №№) сборникъ крайне порнографическихъ стихотворныхъ разсказцевъ или иныхъ стишковъ, въ непристойномъ содержаніи которыхъ педерастія играетъ одну изъ непослѣднихъ ролей. Этому сборничку, составленному на языкѣ персидскомъ, предпослано коротенькое прозаическое введеніе на учено-священномъ языкѣ арабскомъ: здѣсь Са'дій сообщаетъ, что стихотворныя свои «Мерзости» онъ составилъ по грозному приказанію какого-то „царевича", и снабжаетъ ихъ оправдательнымъ замѣчаніемъ, что «шутка въ рѣчи—какъ бы соль въ пищѣ»=„Аль-һазль фі ль-калям—кя ль-мылꙃ фі т-таꙃâм".

Мы и въ прочихъ произведеніяхъ Са'дія могли до сихъ поръ не одинъ разъ наблюдать непріятную двойственность, смѣшеніе высокаго съ низкимъ, благороднаго съ малоблагороднымъ, самоотверженнаго съ двуличнымъ. Достаточно вспомнить напримѣръ, какъ Са'дій, авторъ суфійскихъ стиховъ о равенствѣ всѣхъ религій, на практикѣ оказывается очень нетерпимымъ, узкимъ мусульманиномъ. Для доказательства, что всему можно найти свое полезное примѣненіе, онъ, ничто же сумняся о суфійствѣ, позволяетъ себѣ выразиться:

Въ христіанскомъ колодцѣ вода нечиста?—
Въ ней мы можемъ омыть трупъ поганый жида,

и повторяетъ эту, очевидно задушевную, остроту дважды: и въ «Голистанѣ», и въ «Отдѣльныхъ двустишіяхъ» (Мофредат). И если подобное раздвоеніе вообще непріятно поражаетъ въ Са'діи, то «Похабности» оттѣняютъ двойственность Са'діева «я» съ сугубой силою: послѣ его благородно-эстетической лирики непосредственный контрастъ особенно ярокъ.

Непріятное чувство запечатлѣвается добавочно тѣмъ, что послѣ стихотворныхъ «Хебісат», для окончательнаго завершенія полнаго собранія Са'діевыхъ сочиненій, помѣщается прозаическая или полупрозаическая глава подобнаго же непохвальнаго содержанія, озаглавливаемая «һ е з л і й й а т»=«Шутки» или еще иначе: «Эль-меджалис фі ль-һезль»=«Шутливыя засѣданія». Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ «Шутливыхъ засѣданіяхъ», надо сперва остановиться на особой рубрикѣ: «Рисалат», потому что глава «[illegible]лійят» оторвана чисто механически отъ цикла «Рисалат» и перен[illegible] въ самый конецъ свода Са'діевыхъ сочиненій.

г) „Рисалат".

«Рисалат» (букв «Посланія», или «Трактаты»), тоже рельефно обнаруживающія передъ нами Са'діеву двойственность, это—циклъ семи прозаическихъ статей, который (за исключеніемъ развѣ седьмой статьи) всегда помѣщается въ самомъ началѣ полнаго собранія («Коллійят») Са'діевыхъ сочиненій и очень часто извѣстенъ подъ именемъ «введенія» или „дібаче". Хронологически, по времени своего сочиненія, этотъ прозаическій циклъ, хотя оказывается помѣщенъ въ самомъ началѣ „Коллійят", составляетъ самую позднюю часть „Коллійят" Онъ даже не весь вышелъ непосредственно изъ-подъ пера Са'дія. Сверхъ вступительнаго предисловія, которое далъ редакторъ Са'діевыхъ поэтическихъ сочиненій 'Алій Бисотунскій (въ 1326-1334 гг), двѣ изъ „рисалат" (именно 3-я и 6-я), повѣствующія про Са'дія, съ очевидностью представляютъ запись, сдѣланную учениками шейха. Въ этихъ "рисалатахъ" не Са'дій говоритъ самъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а говорятъ о немъ другіе, въ третьемъ лицѣ. Не мѣшаетъ здѣсь кстати подчеркнуть, что тѣ „рисалаты", въ которыхъ про Са'дія повѣствуетъ нѣкто сторонній, а не самъ онъ, чрезвычайно интересны въ біографическомъ отношеніи и освѣщаютъ самыя послѣднія лѣта жизни старца-Са'дія, временъ монгольскаго хана Абакй (1265-1282).

Изъ всѣхъ этихъ семи „рисалат" первыя шесть очень серіозны и поучительны. Изложеніе на темы о бренности міра пересыпается воспоминаніями, притчами, стихами, какъ въ „Голистанѣ"; а вторая рисале разбивается на пять „меджлисовъ", т. е. засѣданій, или собесѣдованій (или проповѣдей). Есть въ „рисалатахъ" поучительные, наставительные совѣты, обращенные не къ человѣчеству вообще, а къ опредѣленнымъ лицамъ: къ монгольскому везирю-персу Джовейнію въ отвѣтъ на его жизненные запросы, и къ монголу-Энгіяну, намѣстнику Фарса. Какъ и естественно ожидать отъ престарѣлаго шейха, „рисалаты", исходя изъ идеи о бренности этого свѣта, мудро трактуютъ о предметахъ божественныхъ, говорятъ о высокой нравственнсти, о святой мистической любви, и пр. [1]).

---

[1]) Болѣе точное указаніе на тему каждой изъ „Рисалатъ» въ отдѣльности мы дадимъ ниже при библіографическомъ перечнѣ того, что переведено изъ „Рисалатъ" на европейскіе языки.

Но это только въ шести рисалатахъ. А седьмая „рисале", озаглавливаемая „Шутливыя засѣданія"=„Эль-меджалис фі ль-hезль" (или „hезлійиат"), является скабрезной пародіей на благочестивыя мистико-религіозныя „засѣданія" 2-ой рисалы. Очень часто [1]) эти „Шутливыя засѣданія" помѣщаются въ спискахъ „Коллійят" не вмѣстѣ съ прочими шестью „Рисалатами", т. е. не въ началѣ „Коллійят", а особо отъ нихъ, рядомъ съ „Похабностями", для завершенія и какъ бы запечатлѣнія полнаго свода сочиненій Са'дія. Такимъ образомъ обладатель полнаго Са'діевскаго кодекса „Коллійят" имѣетъ въ концѣ фоліанта циничное осмѣяніе той самой святости и мистической мудрости, которыми сплошь заполненъ весь фоліантъ, этотъ плодъ долгой жизни многоопытнаго Са'дія.

Конечно, читатель не усумнится, что наиболѣе искренъ Са'дій не въ „Мерзостяхъ" и „Шуточкахъ", а въ проповѣди высокихъ, духовныхъ идеаловъ. Это умѣнье Са'дія—хранить въ своей душѣ высокіе суфійскіе идеалы духовности и спиритуализма, а во внѣшнихъ поступкахъ приноравливаться къ житейской окружающей средѣ и доходить даже до похабности („Хебісат") и цинизма, чрезвычайно характерно для этого персидскаго поэта.

III.

Редакторская работа надъ сочиненіями Са'дія.

У нѣмецкихъ оріенталистовъ принято думать, что самъ Са'дій не свелъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ сочиненій въ одинъ сводъ „Коллійят", что „Бустанъ", „Голистанъ" и отдѣльные лирическіе циклы циркулировали каждый особо, и что лишь въ 1326=726 г. первая, да и то еще не полная, сборная редакція Са'діевыхъ произведеній сдѣлана была 'Аліемъ ибнъ-Ахмедомъ Бисотунскимъ [2])—тѣмъ самымъ, предисловіе котораго всегда помѣщается въ началѣ „Коллійят" Са'дія, передъ 1-ою изъ «Рисалатъ» [3]).

---

[1]) Но не всегда. Срв. у Бахера: „Sa'di-Studien" въ XXX т. «Z. D. Morg. G.» (1876), стр. 84 и 86, со ссылкою на рукопись въ Готѣ. Или см. „Коллійийат" Бодлеевской библіотеки № 683 (опис. Эте, 1889, стр. 530), гдѣ 7-я рисале помѣщена тоже непосредственно вслѣдъ за 6-ою.

[2]) Бисотунъ—городъ въ сѣв.-зап. Персіи (древней Мидіи), къ зап. отъ Хамадана (Экбатаны).

[3]) См. W. Bacher: „Sa'di-Studien" въ «Z. D. M. G.», т. XXX (1876), стр. 83; Эте

Думается, что это не совсѣмъ такъ.

Въ библіотекѣ India Office хранится списокъ „Коллійят" Са'дія, писанный въ 1328=728 г. и имѣющій на себѣ помѣтку, что онъ списанъ съ авторскаго оригинала: „манqуль мин хатт аш-шейх аль-ʿâриф ас-Саʿʿдi" [1]). По своему составу и расположенію этотъ списокъ „Коллійят" 1328 г. очень мало отличается отъ общеизвѣстнаго намъ типа Са'діевыхъ „Коллійят", т. е. отъ Бисотунской редакціи.

Роль 'Алія ибнъ-Ахмеда Бисотунскаго въ 1326 году свелась, значитъ, лишь къ редактированію и упорядоченію готоваго уже свода сочиненій, а не къ собиранію ихъ во едино.

О своей работѣ Бисотунецъ говоритъ въ предисловіи къ 1-ой Са'діевой „рисале",—слѣдовательно, кое-что онъ сдѣлалъ и по отношенію къ „рисалатамъ" [2]). Главнымъ же образомъ онъ—при пересмотрѣ „Коллійят"—поработалъ надъ упорядоченіемъ Са'діевой лирики. Онъ во-первыхъ говоритъ, что всю лирику поэта онъ въ 1326 г. свелъ въ пять книгъ („пендж китаб"), изъ числа которыхъ одну книгу составили Са'діевы касыды, а остальныя четыре части—газели: „Теййыбат", „Бедайыʿ", „Хеватім" и „Газели старыя". Во вторыхъ,—какъ полагается для всякаго хорошо редактированнаго „дивана",—'Алій Бисотунскій размѣстилъ стихотворенія каждаго цикла по алфавитному порядку риѳмъ и начальныхъ словъ. Это было въ 1326=726 г. (иначе сказать, 35 лѣтъ спустя послѣ смерти Са'дія), а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1334=734 г., онъ кое-въ-чемъ еще разъ упорядочилъ этотъ касыдно-газельный лирическій

въ „Grundriss der iran. Philologie", т. II (1896), стр 294; Э. Байеръ, введеніе къ Рюккертову переводу „Saadis politische Gedichte" (Берл. 1894), стр. 37-38 И даже такой проницательный ученый, какъ русскій акад. бар. В. Розенъ, полагалъ, что лишь Аліемъ Бисотунцемъ Са'діевы сочиненія какъ-ни-какъ впервые были recueillies. См. его описаніе Collections scientifiques Минист. Иностр. Дѣлъ т. III (Спб. 1886), стр. 175 (но на стр. 180 бар. Розенъ признаетъ существованіе болѣе раннихъ редакцій).

[1]) См Catalogue of persian manuscripts in the library of the India Office by H. Ethé [Оксфордъ 1903], стр. 655.

[2]) По мнѣнію Рьё (во II томѣ описанія персид. рукописей Брит. Музея, 1881, стр. 590) не кто иной, какъ 'Алій Бисотунскій, выдѣлилъ 7-ю [пародическую] рисалу отъ прочихъ шести и отнесъ ее въ конецъ „Коллійят", въ близкое сосѣдство къ „Похабностямъ". Бар. В. Розенъ [въ Collections scientifiques, т. III, 1886, стр. 177] подтвердилъ это съ неоспоримостью на основаніи спб. рукописи 1385 г.

„диванъ" Са'дія. Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, заключалась самая суть редакторской работы Бисотунца. Надъ остальными отдѣлами готоваго свода „Коллійят" ему, должно быть, пришлось поработать ужъ очень немного; да и самъ онъ это оговариваетъ въ предисловіи [1]).

Кстати сказать, Бахеръ полагаетъ [2]) что 'Алій Бисотунскій далъ проредактированному имъ сборнику Са'діевой лирики заглавіе: „Пенджкитаб"="Пятикнижіе". Эта догадка не вытекаетъ однако прямо изъ словъ самого 'Алія. Ужъ гораздо скорѣе можно предположить, что, если редакторъ счелъ нужнымъ выдѣлить лирическое пятикнижіе Са'дія въ совершенно особую группу, то онъ далъ этому дивану заглавіе „Немекдан-и шоɛера"=„Солоница поэтовъ": подъ такимъ заглавіемъ зналъ лирику Са'дія въ концѣ XV вѣка Довлетъ-шаһъ, авторъ біографическаго словаря стихотворцевъ [3]). Лирическій диванъ Са'дія и донынѣ издается иногда внѣ „Коллійят", отдѣльно, - все равно какъ отдѣльно издаются или переписываются „Голистанъ" и „Бустанъ".

Кое-что о рукописяхъ сочиненій Са'дія.

Рукописи произведеній Са'дія встрѣчаются въ изобиліи. Каждое рукописное книгохранилище имѣетъ ихъ не мало.

Къ наиболѣе интереснымъ, по своей древности, относится списокъ „Коллійят" 1328=728 г., который принадлежитъ India Office и о которомъ мы выше упоминали [4]). Другой старинный списокъ принадлежитъ Спб. Импер. Публичной Библіотекѣ (№ 361); онъ писанъ въ 1385=787 г. [5]), и прежде считался самымъ древнимъ изъ дошедшихъ до нашего времени [6]).

---

[1]) См. конецъ выписи изъ рукоп. 1385 г. у бар. Розена въ „Collect. Scient". т. III, [1886], стр. 177.

[2]) См. названную статью Бахера: „Sa'di-Studien" (въ „Z. D. M. G." 1876), стр. 83.

[3]) По новѣйшему критическому изданію Довлетъ-шаһа, которое далъ Эдв. Браунъ (Лейд. 1901), диванъ Са'дія титулуется „Немекдан-и шиɛр"=„Солонка поэзіи" (стр. 202: 10). Не опечатка ли это?

[4]) О спискѣ 1328 г. см. по каталогу India Office Эте́ (1903), стр. 655-660.

[5]) О петербургскомъ спискѣ 1385 г. см. каталогъ Дорна, стр. 337-340.

[6]) Срв. указаніе бар. В. Розена въ описаніи „Collections scientifiques" Министерства Иностр. Дѣлъ, т. III (Спб. 1886). стр. 176.

Рукописи Са'дія, принадлежащія нашему Лазаревскому Институту Восточныхъ языковъ, не отличаются старинностью (по печат. катал №№ 328-332 и № 5550).

IV.

Источники для біографіи Са'дія.

а) Главный источникъ для біографіи Са'дія—это его собственныя произведенія: случайныя замѣчанія въ „Голистанѣ" и „Бустанѣ" о томъ, что пришлось ему видывать въ теченіи своей долгой жизни; хвалебныя оды, указывающія на тѣхъ лицъ, съ кѣмъ Са'дій имѣлъ дѣло; старческія „рисалаты" съ воспоминаніями, записанныя частію не самимъ шейхомъ, а его учениками съ его словъ. Всѣ же біографіи Са'дія—позднія; основная среди нихъ, глава у Довлетъ-шаhа, составлена въ концѣ XV в., т. е. двѣсти лѣтъ спустя послѣ смерти поэта. Кое въ чемъ Довлетъ-шаhъ не сходится со своимъ пріятелемъ Джаміемъ, котораго сводъ суфійскихъ біографій написанъ, повидимому, на нѣсколько лѣтъ раньше; а всѣ прочіе авторы только пересказываютъ или передѣлываютъ Довлетъ-шаhа, лишь изрѣдка внося какую-нибудь новую черту изъ неиспользованнаго источника (и то не всегда надежную).

Довлетъ-шаhъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ плохо указываетъ свои источники, своихъ предшественниковъ [1]). По отношенію къ біографіи Са'дія онъ поступаетъ не лучше.

б) Раза два (изд. Брауна стр. 106 и стр. 209), говоря о сношеніяхъ Са'дія съ другими лицами, онъ дѣлаетъ ссылку на современный Са'дію краткій историческій сводъ „Порядокъ лѣтописей"=„Низáм эт теварîх" 1275 г., ширазскаго кадыя Бейдâвія (ум. ок. 1286) [2]), но подобныя ссылки имѣютъ чисто политическій характеръ [3]).

в) Умалчиваетъ Довлетъ-шаhъ о «Тâрîх-и Гозіде» ок. 1330 г. Хемдаллаhа Мостовфія Казвинскаго, гдѣ въ 5-мъ отдѣлѣ (біографическомъ) нѣсколько строкъ отведено и Са'дію [4]), причемъ дата смерти Са'дія

1] Срв. The sources of Daulatsháh Эдв. Брауна въ „Journ. of the R. Asiat. Society" 1899, январь.

2] О Бейдавіевскомъ „Низам эт-теваріх" см. „Исторію Персіи" т. III [1915], стр. 40.

3) Впрочемъ, когда Бейдавій будетъ полностью изданъ, быть можетъ, тамъ найдется что-нибудь говорящее поближе о самомъ Са'діи, современникѣ-согражданинѣ Бейдавія

4] По фотографическому изданію „Таріх-и Гозідé" [Лейд. 1910] см. мѣсто о Са'діи на стр. 820. Англійскій переводъ только 5-го отдѣла данъ Эдв. Брауномъ въ „Journal of the R. Asiat. Society" 1900, октябрь; о Са'діи см. стр. 755.

показана на годъ раньше, чѣмъ у Довлетъ-шаһа.

г) Можно думать, что Довлетъ-шаһъ не пользовался индійско-персидской „Фирузшаһской лѣтописью“=„Таріхи Фирузшаһі“ ок. 1357 г., гдѣ говорится о сношеніяхъ Са'дія съ деһлійскимъ дворомъ «рабовъ гуридскихъ» [1].

д) Касаясь этого вопроса, Довлетъ-шаһъ (стр. 239) ссылается на шейха-Азери (род. ок. 1380, ум. 1462), жившаго долго въ Индіи и составившаго сборникъ мистическихъ изреченій разныхъ свв. людей: „Джеваһир эль-эсрар“=„Жемчужины тайнъ“ [2].

Не мѣшаетъ отмѣтить ссылку Довлетъ-шаһа на ع езізі. Касаясь даты смерти Са'дія, Довлетъ-шаһъ говоритъ, что существуетъ на его кончину стихотворная хронограмма (со словомъ х â ç ç, обозначающимъ 691=1292 г.), которую сложилъ ع езізі. Одинъ изъ піонеровъ по исторіи суфійства Толукъ (въ своемъ Ssufismus, Берл. 1821, стр. 4-6) изъ заключительнаго стиха извѣстнаго суфійскаго произведенія 1317 г. „Гольшен-и раз“ (см. Ист. Персіи. III, стр. 94) сдѣлалъ выводъ, уже приходившій въ голову и другимъ, что авторъ „Гольшен-и раз“ Мехмудъ Шебистерскій (ум. 1320) носилъ поэтическій псевдонимъ «Азизій». Быть можетъ, согласно съ Толукомъ, а быть можетъ—по самостоятельному сужденію, И. Н. Холмогоровъ въ диссертаціи «Саади» (Каз 1865, стр. 27) перевелъ ссылку Довлетъ-шаһа такъ: „Азиз въ слѣдующихъ словахъ выразилъ эру кончины великаго мужа“ Но Дефремери («Gulistan» 1858, стр. XXXVIII), имѣя въ виду чрезвычайную употребительность прилагательнаго нарицательнаго «عезіз» въ смыслѣ «дорогой, высокоуважаемый», перевелъ данную фразу Довлетъ-шаһа такъ: «Un homme illustre a composé le chronogramme». Равнымъ образомъ E Whinfield въ примѣчаніи къ своему изданію и переводу „Gulshan-i raz“ (Лонд. 1880, стр 94) не согласился съ пониманіемъ Толука и (правда, основываясь больше на варіантномъ текстѣ своего собственнаго изданія, чѣмъ на чтеніи той рукописи, которою Толукъ пользовался) принялъ „عезізі“ въ нарицательномъ смыслѣ: «одинъ благородный человѣкъ».

е) Суфійскій біографическій сводъ Джамія (1414-1492): „Нефеҫâт эль-онс“=„Дыханія тѣсной дружбы“ былъ готовъ въ 1478 г.,

---

[1]) По калькутскому изд. 1860 см. стр 68. Про самую „Таріх-и Фирузшаһі“ см. „Исторію Персіи“ III, 1 (1915), стр. 194,—Сообщеніе „Таріх-и Фирузшаһі“ повторилъ затѣмъ Феришт é въ 1606-1609, и оно очень рано стало извѣстно европейцамъ (см. ниже стр. 419 к.).

[2]) Рукопись „Джеваһир эль-эсрар“ описана у Рьё въ каталогѣ перс руко писей Британскаго музея, т I (1879), стр. 43-44; Залеманъ: Хакани (1875) стр 27.

и Довлетъ-шаһъ (1487) могъ ужъ имъ пользоваться «Нефеẕâт» изданы въ Калькуттѣ 1859, и Са'дію отведено особое мѣсто (стр. 699) [1]; но надо смотрѣть также и то, что относится въ «Нефеẕâт»ахъ къ Хосрову Деһлійскому.—Въ другомъ своемъ сочиненіи: «Беһаристан»=«Весенній садъ» (1487 г.), въ гл. VIII, Джамій отводитъ Са'дію лишь нѣсколько бѣглыхъ строкъ.

Вотъ тѣ немногочисленные источники, которые были въ рукахъ Довлетъ-шаһа или могли быть въ его распоряженіи. Были у Довлетъ-шаһа, несомнѣнно, еще и другіе источники, но такъ какъ они не названы у него, то приходится пользоваться больше всего имъ самимъ, компиляторомъ:

ж) «Біографіи поэтовъ»=«Тезкирет эш-шоẕерâ» Довлетъ-шаһа составлены въ 1487 г; лучшее изъ изданій—Эдв Брауна (Лейд 1901). Са'дію отведена особая глава (стр. 202-210), нѣсколько разъ переводившаяся на европейскіе языки; см. еще стр. 106 (мимоходомъ, по поводу казни везиря Джовейнія]; стр. 166-167 (поэтическіе счеты между поэтами Джовейніевскаго круга) и стр. 239-240 (въ главѣ о Хосровѣ Деһлійскомъ). —Довлетъ-шаһовская глава о Са'діи переведена по-англійски въ предисловіи Херингтона къ I тому «Колліййâт» (Калькутта 1791), стр. II-X; по-нѣмецки, безъ перевода стихотворныхъ образчиковъ—у Графа: «Rosengarten» (Лейпц. 1846, стр. 229-234); по-русски, съ параллельнымъ персидскимъ текстомъ—въ диссертаціи И. Холмогорова: «Саади» (Каз. 1865), стр. 12-29. Одинъ персидскій текстъ біографіи Са'дія, безъ перевода (и съ пропускомъ кое-какихъ образцовъ творчества), данъ въ 1-мъ изданіи I тома «Образиковъ персидской письменности» мирзы Абд. Гаффарова (М 1902, стр. 207-215) и будетъ данъ также въ печатающемся 2-мъ изданіи.

Изъ послѣ-Довлеговскихъ компиляцій ближайшая:

з) Хондемиръ (1475-1535): «Хебîб эс-сійер»=«Другъ жизнеописаній». сост. ок. 1524 г. [2]. О Са'діи см. въ части II, джоз'ѣ 4-мъ (130-я стр. по бомб. изд.)

Прочія компиляціи отмѣтимъ лишь бѣгло.

и] „Меджâлис эль-мо'минîн"=«Собесѣдованія правовѣрныхъ», сводъ біографій, составленный въ Индіи, въ Лаһорѣ, между 1585-1602 г. Нураллаһомъ Мар'ашскимъ [изд. въ Теһранѣ 1268=1852]. Это, собственно. сводъ біографій шіитскихъ, но въ концѣ особая часть, 12-й меджлисъ: „Дер зикри шоẕера-йи ẕеджем" отведена персидскимъ поэтамъ.

і) «Хефт иqлім»=„Семь климатическихъ поясовъ" Эмина Ахмеда Рейскаго, оконч. 1594, географическо-біографическая энциклопедія

---

[1]) Тѣ сообщенія Джамія, которыя не совпадаютъ съ Довлетъ-шаһовскими касательно Са'дія, отмѣчены К. Графомъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу изъ Довлетъ-шаһа, приложенному къ „Rosengarten"-у (1846).

[2]) О Хондемирѣ и изданіяхъ «Хебîб эс-сійер» см. „Ист. Персіи" III, 1 (1915) стр. 69-71 и 180-182.

О С'адіи № 191 [1]).

к) Въ мусульманско-индійской «Исторіи Феришт é» =«Таріхи Ферипте» 1606-1609 г. [2]) имѣется сообщеніе о приглашеніи Са'дія изъ Шираза въ Индію по совѣту эмира Хосрова Деһлійскаго. См. по изд. Бриггса [1831], т. I, стр. 137-138 [3]). Но Ферипте повторилъ лишь то, что сообщено въ «Таріхи Фірузшаһі» XIV в. [см. выше, стр. 417 и 400].

л) «Бот хане́»=«Кумирня», антологическая тезкире, составл. въ Индіи 1601-1603 гг. нѣсколькими лицами при Экберѣ Великомъ, unicum Бодлеевскаго книгохранилища. Са'дію посвященъ № 29 [лл 143 б-148 б]; см. по описанію Бодлеевскихъ перс. рукописей Этé [1889], стр. 199.

м) «Мир'ат эль- хейа̂ль»=«Зеркало воображенія», индійская тезкире, составл. Ширъ-ханомъ Лôдіемъ въ 1691 г.; изд. печатно въ Калькуттѣ 1831, литограф. въ Барейли 1848 [4]). Старымъ персидскимъ поэтамъ отведено начало труда. Са'дій—это № 27.

н) „Рійаз эш-шоѥра̂“=„Сады поэтовъ“. Авторъ—Ва̂лиһъ, поэтъ-генералъ, точнѣе—Али-кулы Дагестанскій; род. 1712 въ Испаһанѣ, ум. въ Деһли 1756, составл. въ Индіи въ 1748 [5]). Расположеніе біографій въ этомъ словарѣ поэтовъ—алфавитное.

о) «Хизане́-йи ѥамире»=«Роскошная сокровищница» 1763 г., составленная въ Индіи Азадомъ (Миръ-Голамомъ 'Аліемъ) Бельграмскимъ и расположенная въ алфавитномъ порядкѣ; Са'дій № 55. Свѣдѣніе о приглашеніи Са'дія въ Индію давно извлечено было европейцами именно отсюда [6]).

---

[1]) Суть того, что «Хефт иqлîм» говоритъ про Са'дія, сообщена Этé въ опис. персид. рукописей India Office (1903, стр. 392),—Про «Хефт иqлîм» подробнѣе въ «Ист. Персіи» III, 1 (1915), стр. 141.

[2]) Очень подробно про сводъ Феришт é см. „Ист. Персіи“, т. III, 1 (1915), стр. 200-207.

[3]) Бриггсу принадлежитъ и изданіе текста всего Феришт е (1831) и переводъ (1829; новое изданіе 1908 1910). Мѣсто о Са'діи вкратцѣ пересказалъ по французски Дефремери при „Parterre de roses“ (1858, стр. XXV-XXVI).

[4]) О „Мир'ат эль-хеяль“ см у Бланда въ его статьѣ о персидскихъ тезкиратахъ въ Journal of the Royal Asiatic Society, т. IX, стр. 140-142, и у Рьё, опис. перс. рукоп. Брит. Музея, т. I (1879), стр 369-371.

[5]) Про „Ріяз эш-шоѥэра см. N. Bland въ Journ of the R. As Soc, т IX, стр. 143-147; Рьё, рукоп. Брит. муз. I [1879], стр. 371-372; Бодлеевскія перс рукописи, опис. Этé (1889), стр. 239.

[6]) Это свѣдѣніе изъ «Хизане-йи ѥамире» см по англійски у Ouseley: «Biographic. Notices» (1846), стр. 9-10 и, ужъ оттуда, у Дефремери въ «Parterre de roses» (1858), стр. XXVI.—О самой же «Хизане́-йи ѥамире» см N Bland въ

п) Очень ходовая тезкире: «А т е ш-к я д é»=«Огнепоклонническій храмъ», составилъ Лютфъ-Али-бегъ Испаһанскій въ 1760-1779 гг. Трудъ какъ-бы замысловато дѣлится вмѣсто томовъ на «кадильницы», а «кадильница» вмѣсто отдѣловъ—на «уголья»,но въ сущности дѣло проще: біографіи расположены географически, по областямъ и городамъ. Изд. въ Калькуттѣ 1249=1833, въ Бомбеѣ 1277=1860 [1]). О Са'діи говорится въ первой «кадильницѣ» въ первомъ изъ «углей», который посвященъ поэтамъ Ирана,—точнѣе въ рубрикѣ «Фарсъ» и главѣ «Шираззъ»; по счету онъ выходитъ № 656. Замѣтка «Атеш-кяде» о Са'діи почти полностью переведена по-англійски Eastwick'омъ въ предисловіи къ англійскому его «Rose-garden» (1850), стр. XXIII-XXX; выпущены только скабрезныя, педерастическія мѣста [2]).

р) «Х о л а с е т эль-к я л я́ м».=«Самая суть рѣчи», тезкире месневійныхъ поэтовъ, составилъ въ Индіи въ 1784 г. Алій Ибраһимъ-ханъ, съ прозвищемъ Халйль; рукопись—unicum Bodleian Library [3]). Са'дій=№ 34 (лл. 423 б-432 б).

с) «Х о л а с е т эль-э ф к а р».=«Самая суть мыслей», тезкире сост. въ Индіи въ 1791-1793 гг. Абу-Тâлибомъ Тебризскимъ-Испаһанскимъ (род. 1753, ум. 1806) [4])—авторомъ, который извѣстенъ и своими путешествіями по Европѣ [5]). Са'дій=№ 121.

т) «М е д ж м е ع эль-ф о с е ح а».=«Собраніе краснорѣчивыхъ» новѣйшаго персидскаго ученаго Риза-кули-хана, т. I (Теһранъ 1294=1877) стр. 274-285 (in fol). Біографія Са'дія сбыта нѣсколькими словами,—все же остальное заполнено образцами изъ всѣхъ родовъ Са'діева стихотворства.

«J. R. A. S» т. IX. стр. 40-43; Rieu I (1879), стр. 373-374; оглавленіе у Эте въ Бодлеев. каталогѣ (1889), стр. 255-259.

[1]) Про «Атеш-кяде» см. обстоятельную статью N. Bland „J. R. As. S." т. VII, стр. 345-392 и т. IX, стр. 51. Полное оглавленіе—въ опис. Бодлеевскихъ перс. рукописей (1889), стр. 262-293.

[2]) Впрочемъ и эти мѣста переведены—по французски, у Дефремери въ предисловіи къ „Le parterre de roses" (1858), стр. XXIV.

[3]) Касательно этого біографа см. у N. Bland'a въ «Journ. of the R. As. Soc.» т. IX, стр. 158-160. Оглавленіе тезкире—въ каталогѣ перс. Бодлеевскихъ рукописей (1889), стр. 295-302.

[4]) Касательно «Холасет эль-эфкар» и ея автора см. у Бланда въ «J. R. As. S.», т IX, стр. 153—158; Elliot: History of India, т. VIII, стр. 298; Rieu, перс. рук. Брит. Муз. I (1879), стр. 378-379; въ опис. перс. рукоп. Bodleian Library (1889) Эте даетъ полный перечень біографій (стр. 302-315).

[5]) „Месір-и Талибі"=«Абу-Талибово путешествіе» сперва вышло въ англійскомъ переводѣ Ч. Стьюарта (Лонд. 1810), а потомъ по-персидски (Кальк 1812).

V.

Европейскія біографіи Са'дія, характеристики его творчества и т. п.

1) Очень долгое время Европа черпала свои свѣдѣнія о Са'діѣ изъ короткаго очерка: «Saadi» въ востоковѣдной энциклопедіи: «Bibliothèque Orientale» d' H e r b e l o t, которая впервые была издана огромнымъ фоліантомъ при Людовикѣ XIV въ 1697 г. въ Парижѣ и повторена въ 1776 г. въ Мастрихтѣ, далѣе въ 1778 г. напечатана уже въ удобныхъ 4 тт. въ Гагѣ (съ дополненіями Рейске и Шультенса); нѣмецкій переводъ тоже въ 4 тт., напечатанъ въ Халле 1785-1790 гг. (Въ нѣмецкомъ переводѣ см. отдѣльныя статьи: «Saadi» т. IV, стр. 3-5, «Hemam Tabrizi» т. II, стр. 714-715, «Bostan», т. I. стр. 655 и «Gülistan»,. т. II, стр. 594). Передавая анекдотъ про встрѣчу Са'дія съ Хемамомъ въ банѣ, д' Эрбло указываетъ и источникъ своихъ свѣдѣній о Са'діи: Lamai „Defter Lathaif". Въ виду имѣется, очевидно, сборникъ анекдотовъ: «Меджмеع эль-летаиф» турецкаго поэта-переводчика Ляміи Брусскаго (1471-1531) [1]. Судя по тому, что́ д'Эрбло говоритъ о «сочиненіи Са'дія: Молямаат, составленномъ въ стихахъ, подобно Бустану», можно съ увѣренностью сказать, что диванъ Са'дія не былъ въ рукахъ у д' Эрбло.

2) L a n g l è s: Notice historique sur Saadi—въ „Magasin Encyclopédique" годъ 2-й [1796], т. II, стр. 473. У Лангле была подъ руками персидская біографія, но онъ плохо понималъ ея текстъ.

3] Предисловіе J. H. H a r i n t o n' a къ I тому «Колліййат» Са'дія [Калькутта 1791]. Для уясненія біографіи Са'дія, данъ сверхъ перевода главы изъ Довлетъ-шаһа XV в [стр 2-10] переводъ тѣхъ мѣстъ изъ „рисалатъ", которыя освѣщаютъ наиболѣе старческую жизнь поэта (стр. 14-21), и переводъ редакторскаго введенія Бисотунца [стр. 24-26]. Въ сравненіи съ д' Эрбло—колоссальный шагъ впередъ. Твердая основа всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

4] J o u r d a i n: La Perse [Пар. ок. 1814]. Отсюда русское извлеченіе: „О языкѣ персидскомъ и словесности. перевелъ съ французскаго П б д н ъ"—въ Вѣстникѣ Европы 1815. Біографія Са'дія [«В. Евр.» № 13, стр. 43-50], составленная несомнѣнно съ помощью тезкире Довлетъ-шаһа, не заимствуетъ однако изъ Довлетъ-шаһа историчесяихъ несообразностей его (напр. Журденъ не дѣлаетъ шейха Абдалькадира Гилянскаго учителемъ Са'дія); кое-какія подробности, напр. о злополучной женитьбѣ Са'дія въ Сиріи, взяты изъ Голистана. Изъ произведеній характеризуются только Голистанъ [со ссылкою на переводъ Генца] и Бустанъ. Для образца приводится [Вѣст. Евр. 1815 № 11] басня «Соловей и муравей» изъ 2-ой рисалы Са'дія, сходная съ Лафонтеновской „Стрекозой и муравьемъ". Срв. еще «Ширазъ. Г р о б н и ц ы С а' д і я и Г а ф и з а» въ „Вѣстн. Евр." № 15, стр. 205-213 [2]).

[1]) О Ляміи см. у насъ въ «Исторіи Турціи и ея литературы», т. II, I [1910], стр. 113-116. Въ высшей степени подробно у Хаммера-Пургсталля: „Gesch. der osman. Dichtkunst", т. II [Пештъ 1837], стр. 20-195.

[2]) Срв еще: Гробница Саадія—„Азіат. Вѣстн." 1826, кн. 7-8 [стр. 221-222].

5) J. v. Hammer: Redekünste 1818. Стр. 204-207 біографія Са'дія, по Довлетъ-шаhу XV в., причемъ изъ одного невѣрно понятаго мѣста Довлетъ-шаhа сдѣланъ выводъ [увы, долго затѣмъ повторяемый], будто Са'дій былъ солдатомъ. Стр. 207-218 образцы изъ всѣхъ родовъ его произведеній, въ нѣмецкомъ переводѣ [если стихи—тс въ стихотворномъ].

6] J. Ross: Essay on Sadi's life and genius при англійскомъ переводѣ The Gulistan (1823). Здѣсь для установленія біографіи Са'дія обширно служатъ его же произведенія. Изслѣдованіе значительно облегчило работу дальнѣйшимъ изслѣдователямъ [Дефремери, Бахеру], хотя нѣкоторыя заключенія Росса безусловно ошибочны. Напр Россъ (стр 19) заставляетъ Са'дія быть между 1210-1236 гг. въ Индіи при деhлійскомъ дворѣ Алтмыша, основываясь на «Голистанѣ», глава I, разсказъ 5 (перев. Холмогорова стр. 33). Но на дѣлѣ Са'дій говоритъ не объ Алтмышѣ, а объ Огулмышѣ князѣ Ирака (месопотамскомъ). Такъ же, невѣрно Россъ отожествляетъ (стр. 19) юношу, встрѣченнаго Са'діемъ въ Кашгарѣ, съ поэтомъ Хосровомъ Деhлійскимъ, который тогда еще и на свѣтъ не родился (Са'дій былъ въ Кашгарѣ ок. 1210 г.), и напрасно Россъ приписываетъ это отожествленіе Джамію.

7) Silv. de Sacy: Saadi—въ біографическомъ словарѣ, изд. Michaud: «Biographie universelle, ancienne et moderne», т. 39 (Пар. 1825), стр. 401-404. Сравнительно съ Хаммеромъ Сильв. де Саси не далеко подвинулся впередъ въ установленіи біографіи поэта; вмѣстѣ съ Хаммеромъ же онъ надолго освятилъ ложное утвержденіе, что Са'дій былъ солдатомъ. Главный интересъ статьи де-Саси—оцѣнка Са'дія въ литературномъ и (тоже очень благопріятно) въ нравственномъ отношеніи; эту часть статьи Сильвестра де Саси очень охотно цитируютъ и впослѣдствіи. Указана коекакая старинная библіографія. Для ознакомленія Европы съ Са'діемъ С. де Саси много сдѣлалъ раньше, давши въ своихъ примѣчаніяхъ къ «Pendnameh» Аттара (Пар. 1819) рядъ переводовъ изъ Бустана, частію изъ Голистана, и даже изъ лирики и рисалатъ Са'дія.

8) N. Semelet (1834), въ своемъ довольно длинномъ (стр. 1-26) предисловіи къ французскому переводу «Gulistan ou le Parterre-de-fleurs», почти исключительно толкуетъ объ ошибкахъ другихъ переводчиковъ, о цѣнности своего буквальнаго перевода, о красотахъ персидскаго языка вообще и стиля Са'дія въ частности, о нравахъ персовъ,—а жизни самого поэта онъ вовсе и не касается.

9) L. Dubeux: La Perse, Пар 1841, въ серіи «L'Univers pittoresque». Въ главѣ «Littérature persane» (стр. 436-457) львиная доля отведена Са'дію (стр 444-450). Въ основѣ пересказа Дюбе лежитъ статья С. де Саси, у котораго Дюбе заимствуетъ и образцы переводовъ изъ Са'дія (преимущественно изъ примѣчаній къ «Пенд-наме» Аттара, Пар. 1819).

10) Garcin de Tassy: Saadi, auteur des premières poésies hindoustani—въ «Journal Asiatique» 1843, янв., стр. 5-27 (=отд. отт. 1-21). Приложенъ рисунокъ изъ индійской рукописи: Са'дій изображенъ въ молитвенно-созерцательномъ настроеніи. (Рисунокъ потомъ переиздавался, напр. въ «La Perse littéraire» G. Frilley, ок. 1909, стр. 161). Основ-

ная мысль Гарсена (объ индустанійскихъ стихотвореніяхъ якобы Са'дія) очень спорна (см. у насъ выше сноску на стр. 407), и противъ нея оріенталисты выставили основательныя возраженія вскорѣ же (A. Sprenger въ калькуттскомъ азіатскомъ журналѣ 1852, стр. 513 и сл.; N. Bland въ своей статьѣ про Мес'уда, персидско-индійскаго поэта XI в., въ «Journal Asiatique» 1853, стр. 350-369); но все же работа Гарсена де-Тасси интересна тѣмъ, что собрала рядъ указаній, освѣщающихъ пребываніе Са'дія въ Индустанѣ и, кромѣ того, его языкознаніе.—Гарсенъ де-Тасси содѣйствовалъ ознакомленію Европы съ Са'діемъ и черезъ свою статью о Бустанѣ [1859], про которую см. въ библіографіи Бустана.

11) Sir Gore Ouseley: Biographical notices of persian poets [Лонд. 1846], стр. 5-22. Аузли несомнѣнно пользовался введеніемъ Херингтона [1791], вѣроятно и Росса [1823]; прямо онъ дѣлаетъ ссылку на Гарсена де Тасси (1843); изъ персидскихъ источниковъ сколько-нибудь старыхъ, въ распоряженіи Аузли были Довлетъ-шаһъ и султанъ Хосейнъ-Бейкара́ Хератскій XV в.; дѣлаетъ Аузли выписку и изъ «Хизане-йи Амирі» XVIII в. [стр 10]. Приведено [стр. 19-22] описаніе Са'діевой могилы (подробнѣе, чѣмъ у Журдена, 1814).

12) K. H. Graf: а] послѣсловіе къ переводу «Rosengarten» [Лейпц. 1846], стр. 229-239; здѣсь переведена [стр. 229-234] глава Довлетъ-шаһа XV в. о С'адіи и подвергнута исторической критикѣ, частію— при помощи „Нефеҳа̂т" Джамія XV в., частію—при помощи автобіографическихъ указаній поэта въ «Голистанѣ» и „Бустанѣ". Между прочимъ Графъ основательно указываетъ, что, въ противность утвержденію Довлетъ-шаһа, не могъ быть учителемъ Са'дія Абделькадиръ Гилянскій, умершій раньше его рожденія,—хотя и рожденіе поэта надо отнести лѣтъ на восемь раньше, чѣмъ сообщаетъ Довлетъ-шаһъ. Анахронизма касательно Абделькадира Гилянскаго не замѣтилъ даже Сильв. де Саси; за то у Графа черезъ излишній скептицизмъ сдѣланъ ошибочный выводъ, что въ 1263 году Са'дій уже умеръ;—б) Онъ самъ, К. Графъ, отъ этой своей ошибки отказался въ предисловіи къ своему переводу «Lustgarten», ч. II (1850, стр. V-VIII), ссылаясь на данныя старческихъ „Рисалатъ" Са'дія; въ послѣсловіи Графъ перевелъ (стр. 136-148) соотвѣтствующія мѣста изъ «Рисалатъ» (которыя впрочемъ подчеркнуты были еще Херингтономъ въ 1791 г.) и далъ къ нимъ историко-критическій комментарій (стр. 169-174).—3] Его же: Die Moral des persischen Dichters Sadi—въ „Beiträge zu den theologischen Wissenschaften" (издаваемыхъ въ Йенѣ Эд. Рейссомъ и Эд. Люницемъ), ч. III, 1851, стр. 141-194;- 4) Онъ же нѣсколько позже (съ 1855 г.), занявшись переводомъ лирическихъ стихотвореній Са'дія въ „Zeitschr der Deutsch. Morg. Ges." (т. т. 9, 12, 13, 15, 18) и снабжая ихъ историческимъ комментаріемъ, тѣмъ самымъ указалъ на еще одинъ источникъ для освѣщенія жизни Са'дія.

(Jolowicz: Polyglotte 1853—см. среди нѣм. переводовъ Бустана. Статью въ „Журналѣ для дѣтей" 1854 см. въ приложеніи, ниже).

13) С Назаріанцъ, предисловіе къ переводу «Розоваго кустарника (М. 1857) стр. I-XX. Все предисловіе Назарьянца представляетъ собою простой пересказъ соотвѣтствующей статьи К. Графа при

его „Rosengarten“ 1846, безъ знакомства со статьей Графа же при „Lustgarten“ 1850, въ силу чего Са'дій у Назарьянца умираетъ все-еще въ 1263 г.

14) Ch. Defrémery: 1) Въ высшей степени содержательная „Préface du traducteur“ при „Le parterre de roses“ (1858), стр. I-XLVII. Хотя позднѣйшіе нѣмецкіе изслѣдователи очень рѣдко цитируютъ эту чрезвычайно цѣнную статью Дефремери, но въ сущности она почти исчерпала все, что можно было собрать для біографіи Са'дія; и германская наука (въ частности Бахеръ двадцать лѣтъ спустя) съумѣла затѣмъ сюда прибавить сравнительно немногое, да и то преимущественно лишь въ дѣлѣ перетасовки собраннаго матеріала. Сверхъ произведеній самого Са'дія (не всѣхъ, впрочемъ: безъ его лирики, которой тогда едва коснулся и К. Графъ), Дефремери привлекъ «Таріх-и Гозідé» XIV в., Довлетъ-шаhа и Джамія XV в, Хондемира нач. XVI в., «Хефт иqлîм» конца XVI в. и даже болѣе поздніе тезкираты, такія, какъ «Атеш-кяде» XVIII в., пользуясь ими въ парижскихъ рукописяхъ.— 2) Про замѣтку его же: Aperçu du Bostan 1859 см. въ отдѣлѣ библіографіи переводовъ изъ Бустана.—3) Онъ же далъ не очень содержательную статью «Sadi» въ біографическомъ словарѣ «Nouvelle Biographie générale», изд. Firmin Didot, т. 42 (Пар 1863), стр. 1001-1004; здѣсь онъ вкратцѣ, съ большими пропусками, повторяетъ то, что сказалъ въ своемъ введеніи къ «Parterre de roses».

15) Всего подробнѣе оказалось сообщено о Са'діи по-русски, въ диссертаціи И. Н. Холмогорова: «Шейхъ Мослихуддинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы», Казань 1865 (отт. изъ «Уч. Зап. Казан. У-та» 1865-1867); 151 стр. Къ сожалѣнію, эта интересно написанная диссертація теперь во многихъ пунктахъ необыкновенно устарѣла. А впрочемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ была она устарѣлой и для своего времени: Холмогоровъ напр. совершенно не былъ знакомъ съ очень важнымъ введеніемъ Дефремери къ «Parterre de roses» 1858, хотя оно появилось за семь лѣтъ до его диссертаціи. Книга Холмогорова полезна тѣмъ, что въ ней есть много образцовъ, съ русскимъ переводомъ. Для западной науки трудъ Холмогорова прошелъ безслѣдно. —Въ 1882 г., издавая свой переводъ «Голистана», старикъ И. Н. Холмогоровъ снабдилъ его послѣсловіемъ касательно Са'дія (стр 336-344), но это ужъ только конспектъ изъ диссертаціи 1865 г, безъ малѣйшей новой черты, если не считать вставочнаго замѣчанія (сомнительной цѣнности), будто Са'дій былъ шіитъ (стр. 344 : 20)

16) О юношеской статьѣ Г. Этé 1870, рабски построенной на предисловіи К Графа къ Rosengarten, см. ниже подъ № 25

17) Wilh. Bacher: a) Sa'dî-Studien--въ «Zeitschr. d. Deutschen Morg. Ges.», т. 30=1876 (стр. 81-106); одна половина статьи—обзоръ «Коллійатъ» Са'дія (стр. 81-93), остальное посвящено выясненію вопроса о составѣ «Сâхыбовой книги»;—2) Его же: введеніе (стр V-LXII) къ «Sa'dîs Aphorismen und Sinngedichte» (Страсб. 1879, т. е. къ Сâхыбовой книгѣ), состоящее изъ главъ: Sa'dî's Jugend (стр. XI-XX), Sa'dîs Reisen (стр. XX-XXXIV), Sa'di und die Machthaber seiner Zeit [стр. XXXV-

XLVIII, Verschiedenes zur Charakteristik Sa'dî's (стр. XLVIII-LV] и Aus Sa'dî's Ghaselen [стр. LVI-LXII]. Эта работа Бахера встрѣтила чрезвычайно сочувственную оцѣнку оріенталистовъ. По выраженію нѣмца Флейшера, она «bietet die höchst schätzbaren Ergebnisse eingehender Untersuchungen über Sa'dî's Lebensverhältnisse und seinen Charakter als Mensch und Dichter» [1]; по замѣчанію француза Рьё. «dr. W. Bacher in his Introduction has ingeniously combined all the information, which was to be extracted from a careful perusal of the poet's works» [2]; и русскій ученый бар. В. Розенъ [3] называетъ обѣ работы Бахера «les deux excellentes études» Пожалуй, бар. Розенъ ограничительно прибавляетъ, что «ce savant distingué a assurément fait tout ce qu' on pouvait faire avec les matériaux dont il disposait, mais, ces derniers étant très-insuffisants, il est arrivé quelquefois à des conclusions e r r o n é e s». Но ни Флейшеръ, ни Рьё, ни бар. Розенъ не обратили вниманія, что все главное и, въ сущности, даже почти все, предложенное Бахеромъ, уже было высказано или намѣчено Дефремери въ его введеніи къ «Parterre de roses» (1858).

18) A. C B a r b i e r d e M e y n a r d, введеніе «Le Boustan (Пар. 1880), стр V-XXXIV. Барбье примыкаетъ къ Дефремери и Бахеру, «пополняя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ результатъ ихъ изслѣдованій» [стр. VII]. Недурно очерченъ общій политическій фонъ, на которомъ протекали жизнь и литературная дѣятельность Са'дія.—Нѣсколько раньше, въ своей лекціи «La poésie en Perse» [Пар 1877, стр. 47-51 in 16-о], Барбье де Мейнаръ очертилъ Са'дія коротко, но мѣтко, и, не считаясь съ Хейямомъ, вскорѣ же идоломъ многихъ европейцевъ, заявилъ: «Изъ всѣхъ восточныхъ поэтовъ Са'дій, пожалуй, является единственнымъ, который можетъ быть понятъ въ Европѣ, единственнымъ, кто можетъ и въ Европѣ отчасти сохранить популярность, присущую ему у читателей мусульманскихъ».

19) C h R i e u: Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum. vol. II. Лонд 1881, стр. 595-598 in folio. Описанію рукописи «Колліййат» 1566 г. предпосланъ содержательно-сжатый очеркъ жизни Са'дія и главной библіографіи о немъ. По странной случайности французъ Рьё упустилъ изъ виду введеніе Дефремери къ франц. переводу «Голистана» и «above all» указываетъ В. Бахера. Кое-какія поправки къ Бахеру Рьё дѣлаетъ.

20) F. N è v e: Le poete Sadi, moraliste oriental du XIII siècle, въ «Revue du Louvain», октябрь 1881. Отдѣльный оттискъ—Лувенъ 1882. Популяризація.

21) S. R o b i n s o n: Persian poetry for english readers. Long specimens of six of the greatest classical poets of Persia--Firdusi, Nizami, Sadi, Jalal-ad-Din, Hafiz and Jami, with b i o g r a p h i c a l notices and notes.

---

1) Рец. Ф л е й ш е р а—въ „Z D. M. G", т 34=1880, стр 390.

2) Rieu, опис. перс. рукоп. Брит. Музея, т. II (1881), стр. 596.

3) въ Collections scientifiques de l'Inst. des langues or., III (1886), стр. 175.

Printed for private circulation. 1883.

22) бар. В. Р. Розенъ, описаніе персидскихъ рукописей при учебномъ отдѣленіи Мин. Ин. Дѣлъ: Collections scientifiques de l'Institut des langues Orientales du ministère des affaires étrangères, III. Manuscrits persans. Спб. 1886, стр. 175-182. Описанію одной довольной новой рукописи «Колліййат» здѣсь предпосланъ разборъ редакторскаго Бисотуновскаго введенія, показано, что Бахеръ не понялъ его, и установленъ правильный текстъ на основаніи сличенія нѣсколькихъ рукописей.

23) It. Pizzi: a) статья въ «Giornale della Società Asiatica Italiana», т. IV=1890, суть которой развита или изложена затѣмъ б): въ его «Storia della poesia persiana», т. I (Торино 1894), стр. 287-302, глава «Saadi». Въ біографической части (стр. 287-292) ясно вліяніе Бахера; въ остальной части данъ обзоръ произведеній Са‘дія, послѣ чего (на стр. 311-336) приложена въ итальянскомъ переводѣ, гдѣ нужно — стихами, довольно большая антологія изъ всѣхъ отдѣловъ Са‘діевыхъ „Колліййат“.

24) Edm. Bayer: Saadi's Leben und Werke=введеніе къ посмертно изданному Рюккертовскому переводу «Saadis Politische Gedichte» (Берл. 1894), стр. 1-55 и стр. 127-147 [=сноски къ статьѣ]. Байеръ, положившій въ основу Бахера, старался подвести аккуратный итогъ вообще всему тому, что сдѣлали касательно Са‘дія германскіе ученые. Но, незнакомый съ первоисточниками и вообще не-спеціалистъ, онъ не разъ допускалъ промахи. Напр. на стр. 127-ой Байеръ относитъ Довлетъ-шаhа и Джамія къ 16-му столѣтію [1]) и утверждаетъ, что біографію Са‘дія Джамій даетъ въ «Беhаристанѣ» [на дѣлѣ же — въ «Нефеȥат»]. На стр. 128 у Байера статья «Sadi» Сильв. де Саси и такая же статья Дефремери сдѣланы одновременными [«beide Arbeiten stammen aus dem Jahre 1863»], хотя Сильв. де Саси писалъ болѣе чѣмъ на четверть столѣтія раньше, чѣмъ Дефремери. Байеру уже были извѣстны и первыя двѣ изъ четырехъ нижеслѣдующихъ работъ Эте́:

25) Herm. Ethé: a) въ его сборникѣ «Morgenländische Studien», Лейпц. 1870, статья «Der Çufismus und seine drei Hauptvertreter [=Са‘дій, Джеляледдинъ, Хафизъ] in der persischen Poesie, vorzugsweise Rumi». Эта статья — пробная лекція [Habilitationsrede] въ мюнхенскомъ у-тѣ 14 іюля 1868 г. О Са‘діи стр. 102-105. Эте́ здѣсь робкій новичокъ. Кончину Са‘дія онъ [стр. 102] относитъ къ 1263 г., — значитъ, онъ читалъ только статью Графа при «Rosengarten» [1846], но не читалъ приложенія Графа же къ переводу Бустана (1850). Впрочемъ, почти все, что говоритъ здѣсь Эте́ про Са‘дія, касается лишь Са‘діева образа мыслей, а не біографіи. — б) Онъ же, увѣреннѣе, въ брошюрѣ «Die mystische, didactische und lyrische Poesie und das spätere Schrifttum der Perser» (Гамбургъ, 1888, стр. 31-37); — в) Его же статья про Са‘дія въ Grund-

[1]) Дата «16 Jahrh.» написана у него не римскими, а арабскими буквами, и объ опечаткѣ не можетъ быть рѣчи.

riss der iranischen Philologie, т. II [1896], стр. 292-296. Это сухой конспектъ фактовъ изъ жизни Са'дія и перечень его произведеній; г) Его же почти тождественная статья „Sa'dî" въ „Encyclopaedia Britannica", т. XXIII [Кембр. 1911=11-ое изданіе] стр 992-993.

26) Очень слаба статья „Saadi", неподписанная, во французской „La Grande Encyclopédie", т. 28 [Парижъ, безъ обозначенія года], стр. 1254-1255. Анонимный авторъ не пошелъ дальше Дефремери (1858) и Барбье де Мейнара 1880 [что, пожалуй, еще была бы не бѣда], но и ихъ сообщенія у него перепутаны. Имена собственныя искажены, библіографія ошибочна и крайне неполна (самое позднее указаніе имѣется на 1894 годъ).

27) А. Крымскій: Саади—въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, полут. 55 (Спб. 1899), стр. 2-4.

28) P. Horn—очень живая статья въ его „Geschichte der persischen Litteratur" (1901), особ. стр. 168-176. Вставлены и переводы образчиковъ изъ произведеній Са'дія.

29) Carl Philipp: Beiträge zur Darstellung des persischen Lebens nach Muslih-uddin Sadi, Халле 1901 (41 стр.; диссертація).

30) Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II (Лонд. 1906), стр 525-539 Очевидно, стараясь сократить конецъ разросшагося тома, Браунъ отвелъ мѣста Са'дію гораздо меньше, чѣмъ ожидалось бы. Въ біографіи поэта (стр 525-530) Браунъ просто повторяетъ то, что сказано у Эте, но добавляетъ къ этому переводы нѣсколькихъ образцовъ Са'діевой лирики. Интереснѣе всего у Брауна рубрика: «Sa'di as a linguist» (стр. 532 533),—тема, которой Браунъ ужъ и раньше отчасти отдавалъ свое вниманіе (срв про его статью 1895 г. у насъ на стр. 407, сноска 3, вмѣстѣ со статьею Хюара 1899 на ту же тему), равно какъ интересно указаніе на подражаніе Хафиза нѣкоторымъ лирическимъ стихамъ Са'дія (стр. 538-539).

Сверхъ перечисленной литературы можно бы указать кое-какія мелочи, напр. замѣтку G. Ranking'a о 17-мъ разсказѣ въ I книгѣ «Голистана» [Journ. of the R. Asiat. Soc. 1907, стр. 168], имѣющемъ отношеніе къ біографіи Са'дія.

Къ стр. 423: Саади, персидскій поэтъ—„Журналъ для дѣтей" 1854, № 10 (стр. 145-152).

Указатель печатной библіографіи къ произведеніямъ Са'дія.

I.

«Коллійй̂ат».

Полное собраніе сочиненній Са'дія («Коллійй̂ат») издалъ впервые печатно Дж. Херингтонъ (John Herbert Harington), 2 тт, in-folio, объемомъ оба вмѣстѣ ок. 1000 стр. Калькутта 1791-1795: «The persian and arabick works of Sadee in two volumes. Vol I. Containing his Risalehs, Goolistan, Bostan, and Pundnameh. Printed in Calcutta, MDCCLXXXXI —Vol. II. Containing his Dewan, or Book of poems; consisting of Idyls, Elegies, Odes and other miscellaneous pieces, but chiefly of lyrick and moral poetry. Printed in Calcutta, MDCCXCV». Это калькуттское изданіе долго лежало въ основѣ всѣхъ европейскихъ работъ о Са'діѣ и переводовъ изъ творчества Са'дія, да и сейчасъ, пожалуй, оно продолжаетъ примѣняться европейцами для ссылокъ. Честь—мало заслуженная Введеніе Херингтона—полезно, но текстъ Са'діевыхъ произведеній—малоисправенъ Правда, К. Графъ, одинъ изъ главныхъ переводчиковъ лирики Са'дія, призналъ (1855) текстъ калькуттскаго изданія заслуживающимъ «полнаго довѣрія» вслѣдствіе, якобы, его правильности [1]). Но еще лѣтъ за десять передъ тѣмъ, въ 1840-хъ гг., Фр. Рюккертъ, когда работалъ по 1-му калькуттскому изданію, отмѣчалъ въ немъ искаженіе за искаженіемъ: «Про арабскія касыды, которыми начинается Диванъ Са'дія, можно сказать, что въ нихъ нѣтъ ни строки безъ одной или безъ нѣсколькихъ ошибокъ. Чистое свинство!» [2]). Французскій переводчикъ «Бустана» Барбье де Мейнаръ высказался (1880) про калькуттское 1-ое изданіе «Коллійй̂атъ» что оно «ne se recommande ni par la correction du texte, ni par la netteté typographique» [3]).

Текстъ «Коллійй̂ат», перепечатанный въ Калькуттѣ 1801, для справокъ важенъ тѣмъ, что по немъ работалъ и на его страницы дѣлалъ ссылки В. Бахеръ въ 1870-хъ гг. [4]).

Другія изданія «Коллійй̂ат»: Бомбей 1226=1811, Тебризъ 1257=

---

[1]) См. K Graf „Aus Sa'di's Diwan" въ „Zeitschr. d Deutch. Morg. Ges.", т. IX=1855, стр 92. При своихъ нѣмецкихъ переводахъ К Графъ перепечатываетъ прямо текстъ калькутскаго изданія

[2]) Это сообщаетъ редакторъ бумагъ Рюккерта Э Байеръ въ примѣчаніяхъ къ посмертно изданнымъ Рюккертовымъ «Saadi's politische Gedichte» (Берл. 1894), стр. 143, № 68.

[3]) Le Boustan, trad. par A. C. Barbier de Meynard (Пар. 1880), стр. XXVIII

[4]) W. Bacher: «Sa'di Studien» —въ „Z. D. M. G", т. XXX=1876, стр. 81.

=1841 [1]). Бомбей 1841, Теhранъ 1259=1843 и 1263=1847, Тебризъ 1264=1848 (643 стр на бумагѣ разныхъ цвѣтовъ); Бомбей 1267=1851, Хонсаръ 1267=1851 (очень неотчетливое, безъ пагинаціи; катал. Лаз. Инст. № 115); Теhранъ 1268=1852 (отдѣлъ «Хебісат» снабженъ порнографическими рисунками); Деhли 1269=1853, Теhранъ 1271=1855 [2]; Бомбей 1272=1855, Тебризъ 1276=1859, Бомбей 1280=1863, Каунпоръ 1280=1863; Теhранъ 1282-1295=1865-1878; Лакнау 1287=1870, Теhранъ 1291=1874, Бомбей 1299=1880 (490 стр.); Бомбей 1309=1892 (444 стр.) и мн др.

II.

Бустанъ, или «Вертоградъ».

(напис. въ 1257 г.)

О рецензіяхъ текста, комментаріяхъ и восточныхъ переводахъ.

Обильныя рукописи „Бустана", равно какъ глоссы и комментаріи въ разныхъ рукописяхъ, представляютъ между собою порядочныя разногласія Какъ въ рецензіи текста, такъ и въ толкованіяхъ, можно уловить два главныхъ теченія, пожалуй—даже двѣ разныхъ школы: одна, болѣе критическая - турецкая, другая—индійская.

Турецкое теченіе лучше всего выразили три комментатора, жившіе во времена высшаго политическаго подъема османской державы, т. е въ XVI в. Эти толкователи—на перс. языкѣ Сюруріи (ум. 1562), по-турецки Шем'ій (конца XVI в.) и по-турецки же Судій (умеръ ок. 1597—босньякъ, воспитавшійся въ Дамаскѣ и Діярбакрѣ) Комментаріи Сюрурія и Шем'ія легли къ основу вѣнскаго изданія «Бустана» К. Графа (1858) [3], который въ своихъ персидскихъ толкованіяхъ къ изданному тексту „Бустана" черпалъ изъ обоихъ филологовъ. Турецкій комментарій Судія напечатанъ въ 2 тт., въ Константинополѣ въ 1288=1871 г, въ султанской типографіи; изданіе кишитъ ошибками [4]).

Изъ индійскихъ комментаторовъ важнѣйшіе—Абдерресуль (1663 г.) и, уже въ первой половинѣ XIX в., шейхи Ріязъ-Алийсъ

1] Гебризскимъ изданіемъ 1257=1841 пользовался въ своей диссертаціи проф. И. Н. Холмогоровъ [1865, см. у него стр. 11-12]. Здѣсь 438 стр; редакторъ—Мохаммедъ-Таки.

2] Этимъ теhранскимъ изданіемъ 1271=1855 тоже отчасти пользовался покойный проф. Холмогоровъ.

3) Въ предисловіи къ своему изданію текста „Бустана", стр. VI, Графъ даетъ оцѣнку и Сюрурію и Шем'ію. Отчасти см. и въ его, болѣе раннемъ, нѣмецкомъ переводѣ „Lustgarten" (1850), ч. II, стр. III-IV.

4) „Bien qu'il porte le sceau de l'imprimerie impériale, il est d'une incorrection inouie"—даетъ ему аттестацію Барбье де Мейнаръ въ предисловіи къ франц. переводу «Le Boustan» (1880), стр XXX.

Ка́диромъ-Аліемъ: ихъ «Шерҳ-и Буста́н» изд. въ Калькуттѣ 1845 и 1849.

Печатныя изданія текста „Бустана".

Въ печать сперва попалъ не персидскій текстъ «Бустана», а нѣмецкій (съ рукописнаго голландскаго) переводъ, который связанъ съ именемъ путешественника Олеарія XVII в., и о которомъ рѣчь еще будетъ ниже. Персидскій текстъ печатно явился свѣту лишь сотнею лѣтъ позже въ концѣ XVIII в., въ составѣ Са'діевыхъ «Коллійа̂т», изданныхъ Херингтономъ въ Калькуттѣ (т. I, 1791). Съ тѣхъ поръ «Бустанъ» оказывается во всѣхъ изданіяхъ «Коллійат» - не особенно критичныхъ, какъ извѣстно

Обиходной популяризаціи нѣкоторыхъ отрывковъ изъ „Бустана" среди широкой оріенталистической публики XIX в. содѣйствовало включеніе ихъ въ персидскія учебныя хрестоматіи, или антологіи, или иныя выборки.

Такъ, сперва появилась учебная антологія: «Selections from the Goolistan and Bostan of Saadi», фортъ-Уильямъ 1809=3-й томъ хрестоматіи Lumsden'а for the use of the students of the persian class.

Главнымъ образомъ популяризовался „Бустанъ" черезъ изданіе интересныхъ отрывковъ вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ знаменитаго Сильв. де-Саси при его „Le livre des conseils de Férideddin Attar" (Пар. 1819). Они помѣщены въ „Le livre des conseils" на стр. 60-61, 69, 100-101, 109, 116 (Кишскій дервишъ и безобразная жена), 137, 139 (Свѣтлячокъ), 160-161, 185-188, 204-205 (о безпризорномъ сироткѣ), 210-211 (пѣсенка красавицы-„смуты"), 213-214, 224-226, 236-237 (Пустынникъ спасаетъ жаждущую собаку), 238-239 (Ручная овечка), 240-242 (Скупой отецъ и мотъ-сынокъ), 252-253 (Постящійся мальчикъ), 257-258, 272-273, 279-280 (Отецъ ищетъ заблудившагося ребенка), 289-290 (Джонейдъ и издыхающая собака), 312-313 (заключеніе „Бустана").

Эти де-Сасіевскіе отрывки изъ „Бустана" и пріобрѣли наиболѣе широкую извѣстность, сохраняемую и донынѣ. Въ Россіи они были популяризованы „Персидской хрестоматіей" А. Болдырева (2-е изд. М. 1833, стр. 35-61). Болдыревъ добавилъ еще текстъ двухъ отрывковъ, переведенныхъ по-нѣмецки Хаммеромъ въ его „Redekünste" (1818).

Далѣе отмѣтимъ учебную студенческую антологію, вмѣстившую около 1/3 Бустана: „Selections from the Bostan" by Forbes Falconer (Лонд 1838, стр. III и 107) [1].

[1] На «Selections» Форбза Фоконера см рецензію Garcin de Tassy въ „Journal Asiatique" 1838, февр., стр. 204 205. Годъ спустя Фоконеръ далъ переводъ всѣхъ своихъ „Selections" въ лондонскомъ Азіатскомъ журналѣ.

Въ „Neu-persische Chrestomathie“ Max Grünert'a 1 Theil (Прага 1881, стр. 49-67 in 4-to) даны образцы изъ всѣхъ главъ „Бустана“, начиная съ „дîбâче́“ [введенія]; 2-я часть хрестоматіи Грюнерта—это словарь къ 1-ой части.

Латинскими (не арабскими) буквами напечатаны отрывки въ „Chrestomathie persane“ Итало Пицци (Торино 1889), стр. 119-128. При хрестоматіи есть словарь.

Очень значительныя выборки изъ „Бустана“—во II томѣ „Образчиковъ персидской письменности“ мирзы Абдуллы Гаффарова [М. 1906, стр. 231-258]. Въ хрестоматію Абд. Гаффарова вошли между прочимъ почти всѣ отрывки, данные Болдыревымъ [кромѣ № 12 и № 16].

Изъ отдѣльныхъ [внѣ „Колліййат“] полныхъ изданій „Бустана“, цѣнныхъ для критики текста, важнѣе всѣхъ два, и оба—европейскія.

а) вышеупоминавшееся К. Графа: Le Boustan de Sa'di, texte persan avec un commentaire persan, publié sous les auspices de la Société Orientale d'Allemagne par Ch. H. Graf. Вѣна 1858 [1]), стр. VIII (avertissement) и 1-444 (текстъ) и 445-470 (оглавленіе и указатель поясненныхъ словъ). Изданіе и по внѣшности роскошно и вообще превосходно: «лучшаго, отчетливаго персидскаго шрифта, какой здѣсь употребленъ, трудно и требовать», восторженно выражается о немъ русскій иранистъ [2]) Шрифтъ—та'ликъ (рукописнаго типа), а подстрочныя примѣчанія напечатаны обыкновеннымъ типографскимъ шрифтомъ.

б) фототипическое Дж. Платтса и А. Роджерса: The Bustan, photographed from a manuscript prepared under the superintendence of J. T. Platts, further collated with original mss. and annotated by A. Rogers. Лонд. 1891 (стр. 24 и 275).

Прочія полныя изданія «Бустана»—всѣ сплошь восточныя, какъ и текстъ въ «Колліййат». Вотъ ихъ далеко не полный перечень:

Калькутта 1810, 1824 [3]), 1828 [4])

---

[1]) Не 1850, въ противность двукратному утвержденію Эте́: въ «Grundriss der iran. Philol» II, 1896, стр. 295. и въ каталогѣ персидскихъ рукописей India Office 1903. стр. 656

[2]) И. Холмогоровъ. „Саади Ширазскій“ (1865), стр. 89. Такой же высокопохвальный отзывъ данъ и французскимъ рецензентомъ въ „Journ. Asiatique“ (Дефремери, апр.-май 1859. стр. 452-468). Дефремери въ своей рецензіи даетъ также поправки къ тексту и комментаріямъ Графа.

[3]) Изданіе «Бустана» въ Калькуттѣ 1824 г. in-folio, подъ заглавіемъ «Шерӡ-и Бустан», указано у Ценкера въ „Bibliotheca Orientalis“, II (Лейпц. 1861), стр. 37, № 473.

[4]) Калькуттскаго изданія «Бустана» 1828 мнѣ не пришлось видѣть. По Ценкеру (т. I, № 521, и т. II, № 478) оно озаглавлено „Boostan by Saudee“ и, будто-бы,

Тебризъ 1247=1831; Серампоръ 1832 [въ библ. Лазар. Инст № 129 печ]; Каунпоръ 1833 «to which is added a compendious commentary together with a dictionary of such words as are hard of meaning, compiled by Moolvy Jumnuzuddy (sic! опечатка,—надо читать: „мовлеві Темйізеддін"); Каунпоръ 1836 (тоже комментир) [1].

Далѣе: Бомбей 1842 (опять съ комментаріями шейха Темйизеддина =того же Jumnuzuddy); Калькутта 1843 [недурное изданіе Фейзаллаhа], Калькутта 1845 „Шерх-и Бустāн"—съ комментаріями Ріяза-Алія и Кадира-Алія (срв выше стр. 429-430); Лакнау 1262=1846. 1263=1847; Hooghly 1264=1848; Лакнау 1265=1849; Калькутта 1265=1849: „Шерх-и Бустан" тѣхъ же Ріяза-Алія и Кадира-Алія; Каунпоръ 1852; Тебризъ 1271=1855.

[Въ 1858 г. воспослѣдовало критическое изданіе Графа, и оно иногда отражается на дальнѣйшихъ восточныхъ публикаціяхъ].

Далѣе идутъ: Лакнау 1279=1862; Лаhоръ 1863; Бомбей 1867 [съ толкованіями кадыя Ибраhима Пильбендери]; Тебризъ 1285=1868; Каунпоръ 1868; Лакнау 1869; Калькутта 1870 (извлеченія подъ заглавіемъ „ʿИqд-и мензум").

[Въ 1871 изданъ въ Константинополѣ турецкій комментарій Судія].

Послѣ того „Бустанъ" изданъ въ Бомбеѣ 1874 (съ дополненными толкованіями кадія Пильбендери), Лакнау 1293=1876 (332 стр); Лаhоръ 1879; Каунпоръ 1879 [съ повтореніемъ комментарія 1836 г]: Деhли 1882; Калькутта 1882 [207 стр]; Лакнау 1886 [„Шерх-и Бустāн"]; Каунпоръ 1887; тамъ же 1888 [съ глоссаріемъ]; Константинополь 1303=1886 [очень четкое печатное, не литографированное изданіе, 158 стр , чрезвычайно дешевое къ тому же, хотя полное чудовищныхъ опечатокъ]; Бомбей 1308=1891, и мн. др.

Такимъ образомъ, если мы присчитаемъ и тотъ текстъ „Бустана",

---

снабжено комментаріемъ и словаремъ „by Moolvy Jumnuzuddy" (что есть опечатка и должно быть читаемо „мовлеві Темйізеддін"). Однако изъ введенія Барбье де Мейнара къ его франц. переводу «Le Boustan» (1880, стр XXVII-XXVIII), гдѣ переводчикъ даетъ нелестную характеристику калькуттскому изданію 1828 г. (значитъ, онъ имъ пользовался лично), вполнѣ ясно вытекаетъ, что калькуттское изданіе 1828 г. не принадлежитъ мовлеви Темйизеддину. О Темйизеддиновскомъ изданіи Барбье де Мейнаръ говоритъ особо (тамъ же на стр. XXVIII), датируетъ его „Cawnpore 1833" и находитъ, что изданіе Темйизеддина выгодно оттѣняется отъ калькуттскаго изданія 1828 г.

[1]) Каунпорскаго комментированнаго изданія 1836 г я не видѣлъ. Его указываетъ Эте въ «Grundriss der iranischen Philologie», т II [1896], стр 2?5 Но онъ же въ каталогѣ персидскихъ рукописей India Office [Оксфордъ, 1903, стр. 656] показываетъ для этого же изданія уже другую дату: 1856 Гдѣ же у Этé ошибка? Въ первомъ или во второмъ случаѣ?

который помѣщается въ „Коллійййатахъ", окажется, что мы могли указать около 60 изданій „Бустана", извѣстныхъ намъ, да и то только до 1891 г., за срокъ одного столѣтія со времени перваго изданія [1]). На дѣлѣ же «Бустанъ» издавался гораздо чаще,—вполнѣ возможно, что перечень могъ бы быть доведенъ и до сотни номеровъ.

Переводы „Бустана".
Старинные переводы XVII вѣка.

Европа впервые познакомилась съ «Бустаномъ» въ концѣ XVII в. черезъ нѣмецкій переводъ (сдѣланный съ голландскаго рукописнаго), который случайнымъ образомъ связывается съ именемъ извѣстнаго путешественника въ Московію и Персію Адама Олеарія (род. въ Саксоніи ок. 1599, ум. въ 1671 г.). Переводъ помѣщенъ (рядомъ съ несомнѣнно-Олеаріевскимъ переводомъ «Голистана») въ посмертномъ дополненномъ изданіи Олеаріевскаго сборника путешествій въ Московію и Персію: «Des Welt-berühmten Adami Olearii colligirte und vermehrte Reisebeschreibungen bestehend in der nach Musskau und Persien, wie auch Joh. Albr. von Mandelslo morgenländische und Jürg. Andersen's und Volq. Yversen's orientalische Reise. Mit angehängter chinesischen Revolution...., nebenst beigefügtem Persianischen Rosenthal (=«Голистанъ») und Baumgarten (=«Бустанъ»). Vom neuen aufgelegt», Hamburg 1696, in folio [2]).

Далѣе, особое заглавіе Бустана гласитъ: «Der persianische Baum-Garten, mit auserlesenen Pfropffreisern vieler Geschichte, seltsamen Begebenheiten, lehrreichen Historien und merckwürdigen Sprüchen, bepflantzt. In persianischer Sprache beschrieben durch Schich Musladie Saadi von Schiras». Можно усумниться, чтобы этотъ переводъ Бустана (пренеудачный и часто прямо-нелѣпый) принадлежалъ самому Олеарію [3]).

Въ Московіи, вслѣдствіе того интереса, какимъ естественно пользовался тамъ Олеарій, весь сборникъ путешествій, съ приложеніями, былъ немедленно переведенъ; рукописи есть отъ конца того же XVII столѣтія [4]). Судя по наличности полонизмовъ, позволительно догадываться, что московскій переводъ исполненъ былъ съ помощью образованныхъ малоруссовъ, выходцевъ изъ Кіева. Въ русскомъ переводѣ сохранено и

1] Изъ изданій „Бустана" послѣ 1891 г. у меня въ рукахъ Каунпорское 1318=1901 [308 стр.], съ толкованіями на поляхъ.

2) Олеаріевскій переводъ «Голистана»=„Persianischer Rosenthal" впервые появился еще при жизни переводчика (Шлезвигъ 1654).

3) Барбье де Мейнаръ думаетъ [„Le Boustan" 1880, introduction, стр. XXVII], что переводчикомъ могъ бы быть Генцъ (подобно Олеарію, переводчикъ „Голистана"]. Но какія данныя и для такой догадки?

4] См. А. Соболевскій: „Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вѣковъ", Спб 1903 (въ 74 томѣ Сборника отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ), стр. 73-75.

предлинное заглавіе: «Переводъ съ книги цесарскаго языку, какову написалъ свѣтославный Адамъ Олеаріусъ [1]), со многимъ умноженіемъ ѣздъ....., тако же съ прибавкою Персицкимъ Кринным ъ доломъ [2])[=«Голистанъ»] и Деревнымъ садомъ [3]) (=«Бустанъ»), оба наполнени охотою и богато учинени учеными притчами. И сія послѣдня—Деревный садъ—наперво изъ персицкаго языку на голандскій переведенъ и изъ того въ цесарскій переведенъ. И для своего изряднѣйшаго одержанія, для Криннаго дола приставится нѣкая вещь, исполненна чудъ и дивными исторіами и прилучіемъ —описаніе чуждыхъ мѣстъ и земель и тѣхъ обыкновеніе, природа, житіе, устроенство духовнаго и звѣзднаго и домоваго устава, и иное такое представляется сквозь идуще». Переведено по-русски даже указаніе на мѣсто печати нѣмецкаго оригинала: «Печатано въ Анбуркѣ градѣ отъ Захарія Гертаина и Ѳомы Верина, лѣта 1696 года». Въ особомъ заглавіи къ «Голистану» московскій переводъ данъ такой: «Персицкій Крин ный долъ [А. Кр.: т. е. «Голистанъ»], въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторій.... Описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшахасадія по персицки [4]), описалось и для его изозбранства и достоинства высоко почитается и возлюбляется, и тому назадъ лѣтъ десять переведена въ нѣмецкій языкъ отъ славнаго издателя Адама Аліарія». А къ «Бустану» особое заглавіе гласитъ по-московски: «Персидскій Деревной садъ, наполненъ со избранными прививками».

Напечатанъ московскій переводъ XVII вѣка не былъ.

Новые европейскіе переводы „Бустана".

Вкратцѣ можно сказать, что полностью перевели «Бустанъ» по нѣмецки стихами К. Графъ (1850), по французски хорошей прозою Барбье де Мейнаръ (1880), по англійски прозою Вильберфорсъ-Клеркъ (1879) и стихами—Деви (1883). А въ частности отмѣтимъ:

Нѣмецкіе переводы:

а-б) Послѣ стараго Олеаріевскаго (или лже-Олеаріевскаго) перевода XVII в. два отрывка изъ «Бустана» стихотворно перевела Helmina Chezy: „Das Regentropfen" и «Der Kürbis und der Platan»—въ редактированныхъ Іос. фонъ-Хаммеромъ вѣнскихъ «Fundgruben des Orients», т. 1 (1809), стр. 94; а затѣмъ самъ Хаммеръ три отрывка изъ „Бустана" помѣстилъ по-нѣмецки въ своей «Gesch. der schönen Redekünste Persiens» (Вѣна 1818), стр. 217-218 [5]).

---

[1]) Въ другихъ московскихъ спискахъ онъ титулуется «Адамъ Аліарій».

[2]) Въ искаженныхъ спискахъ. „Крымскимъ раздоліемъ".

[3]) Въ искаженіяхъ: „Древнимъ садомъ".

[4]) „Сшахасадія"=шейха Са'дія, «Schich Saadi».

[5]) Въ „Персидской хрестоматіи" А. Болдырева (М. 1833) данъ персидскій текстъ двухъ изъ этихъ отрывковъ.

в) F. Tholuck: [1) Ssufismus (Берл. 1821)]; 2) Blüthensammlung aus der morgenl. Mystik (Берл. 1825) — кое-что есть и изъ «Бустана», въ первомъ случаѣ въ видѣ цитатъ по-латыни.

г) Полный переводъ, стихами, съ научными примѣчаніями далъ К. H. Graf: «Moslicheddin Sadi's Lustgarten (Bostan)», 2 чч. in 16º, Йена 1850 (ч. I, стр. XIV и 236; ч. II, стр. VIII и 183) [1]. К. Графъ уже былъ подготовленъ къ своей работѣ тѣмъ, что четырьмя годами раньше успѣлъ издать переводъ Са'діева же «Голистана». Однако свое извѣстное критическое изданіе персидскаго текста «Бустана» Графъ изготовилъ ужъ позже (1858), и переводъ Графа сдѣланъ на основаніи Калькуттскаго изданія 1828 г.,-причемъ во второй половинѣ—съ помощью толкованій Сюрурія и Шем'ія.

д) Стихотворныя извлеченія О. Шлехты-Вшехрда (Ottokar Freiherr von Schlechta-Wssehrd): «Der Fruchtgarten, aus dem Persischen auszugsweise übertragen» Вѣна 1852. Роскошная внѣшность, съ виньетками; 233 стр. Переведено въ сущности все, наиболѣе важное.

е) H. Jolowicz: Polyglotte der orientalischen Poesie, in metrischen Uebersetzungen deutscher Dichter, Лейпц. 1853. Объ этой книгѣ мы мелькомъ упомянули на стр. 423, и здѣсь дадимъ о ней свѣдѣніе болѣе подробное. Въ отдѣлѣ «Perser» (=стр. 437-592) дана глава «Moslicheddin Sadi (geb. 1175, gest. 1265). Тамъ же, стр. 530-540, послѣ коротенькой замѣтки о Са'діи, восходящей несомнѣнно къ статьѣ Графа при «Rosengarten»-ѣ, 1846 [2]), помѣщены переводы Графа—сперва двухъ касыдъ («Би hiч йар» стр. 530-531 и «Хош ест ҫомр» стр. 532), потомъ его же переводъ трехъ отрывковъ изъ «Бустана»: Свѣтлячокъ (стр. 532), Дождевая капля-жемчужина [стр. 532-533), пребываніе Са'дія въ Суменатѣ (стр. 533-534) и 15 небольшихъ отрывковъ изъ Бустана же въ переводѣ Шлехты Вшехрда (стр. 535-537), наконецъ два отрывка оттуда же въ переводѣ Толука (стр. 537-538). Сюда прибавлено 4 стихотворныхъ отрывка изъ Голистана въ переводѣ Графа (стр. 538-539) и 7 отрывковъ изъ «Пенд-наме» приписываемой Са'дію, въ переводѣ Графа (стр. 539-540).

ж) Очень хороши обильнѣйшія стихотворныя извлеченія—посмертныя Фр. Рюккерта: «Saadi's Bostan», herausgegeben von W. Pertsch, Лейпцигъ 1882. Рюккертъ работалъ надъ переводами изъ Са'дія въ 1840-хъ гг, раньше К. Графа. Посмертное изданіе Рюккертовскаго Bostan'а несомнѣнно оттѣснило переводъ К. Графа у нѣмцевъ.

---

[1]) Во II томикѣ «Lustgarten»'а, на стр. 136-148, данъ переводъ изъ «Рисалатъ» Са'дія: „Запросы сахыбъ-дивана", «Встрѣча Са'дія съ Абакой-ханомъ», „Про сборщика Шемседдина Тазигуя". На стр. 169-174 предложенъ историческій комментарій къ этимъ тремъ отрывкамъ.

[2]) Даты жизни Са'дія, безусловно непріемлемыя, взялъ Йоловичъ съ очевидностью изъ статьи К. Графа при Rosengarten'ѣ (1846, стр. 234), причемъ опечатка превратила Графовское „1263" въ „1265".

По-французски все, что переведено, исполнено прозою чисто научнаго характера.

а) Великій оріенталистъ Сильв. де-Саси, въ примѣчаніяхъ къ своему переводу Аттаровой «Книги совѣтовъ» (Le livre des conseils, 1819, см. у насъ выше, стр. 430), рядомъ съ персидскимъ текстомъ опубликованныхъ имъ отрывковъ изъ «Бустана», далъ къ нимъ и свой научный прозаическій переводъ.

б) E. Latouche: Pendnameh, ou le livre des conseils de Molla Firouz-ben-Kaous, suivi de plusieurs histoires du Bostan de Sadi et de son traité sur la politique (Пар. 1847).

в) L. Dubeux: La Perse (Пар. 1841), въ серіи L' Univers pittoresque Даны, заимствованные изъ Сильв де Саси, переводы: Злая жена (стр. 445-446), Святоша-мальчикъ (стр. 446), Сирота (447), Кишскій дервишъ (447), Скупецъ и сынъ-мотъ (448),—безъ обозначенія, что это—изъ Бустана.

г) Ch. Defrémery: 1) составляя біографію Са'дія для введенія къ своему переводу Голистана (Пар. 1858), помѣстилъ въ ней переводъ четырехъ автобіографическихъ отрывковъ изъ Бустана: О сироткѣ (стр. VI-VII), Потеря сына въ Сан'а (стр. X.-XII), Встрѣча со святымъ Румійскимъ (стр. XII-XIV), Принятіе Са'діемъ язычества въ Суменатѣ (стр. XV-XXI). Въ это время уже существовалъ полный нѣмецкій переводъ К. Графа (1850).—2) Дефремери далъ и спеціальную, хотя небольшую, статью: «Aperçu du Bostan» въ «Correspondance Littéraire» 1859, іюнь, съ переводомъ кое-какой мелочи.—3) Онъ же, рецензируя вѣнское персидское изданіе К. Графа (въ Journal Asiatique 1859, апр.-май, стр. 452-468), предложилъ переводъ восьми разсказовъ, какіе считалъ образцовыми: Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ (стр. 454-455), Плохой рабъ и терпѣливый господинъ (стр. 455-456), Ма'руфъ Кархійскій и неблагодарный гость (стр. 456-458), Пропавшій оселъ (стр. 458-459), Верблюженокъ въ пустынѣ (стр. 459-460), государь Меликъ-Салыхъ и два дервиша (стр. 460-462), Джемшидъ и саванъ (стр. 462), На могилѣ врага (стр. 462-464).

д) Garcin de Tassy: 1) въ статьѣ «Saadi, auteur des premières poésies hindoustani» (Journ. Asiat. 1843, янв.) перевелъ раньше, чѣмъ Дефремери, разсказъ Са'дія о его пребываніи въ Суменатскомъ капищѣ;—2) Онъ же въ статьѣ «Le Bostan de Saadi» (въ «Revue Orientale et Américaine» 1859) послѣ общаго обзора Бустана перевелъ часть Са'діева вступленія къ Бустану и 11 разсказовъ изъ первыхъ четырехъ главъ.

е) Консулъ J.-B. Nicolas (переводчикъ Хейяма) хотѣлъ было перевести «Бустанъ» по-французски полностью, но умеръ, не исполнивши задачи, и свѣтъ увидѣла лишь небольшая брошюра: «Le Boustan, trad de l'original, 1-ère partie», Пар. 1869 (изд. Leloup., 48 стр.)—съ переводомъ вступленія и половины I главы.

ж) полный переводъ—A. C. Barbier de Meynard: «Le Boustan ou Verger», Парижъ 1880; стр. XXXV (біографія

поэта) и 387. Послѣ каждой главы слѣдуютъ ученыя примѣчанія, но, въ общемъ, книга очень легко читается даже неспеціалистомъ. Для оріенталиста прозаическій трудъ Барбье де Мейнара много цѣннѣе, чѣмъ нѣмецкій стихотворный «Lustgarten» Графа [1]).

з) G. Frilley: La Perse littéraire, Пар. ок. 1909. Перепечатаны переводы: Ограбленный купецъ (стр. 157-158), Царскій любимецъ (стр 158-160), Голодъ въ Дамаскѣ (стр. 160-162), Рѣчь черепа (стр. 162), Благотворительность (162-163), Пилигримъ [163], Ослиный погонщикъ [163], Влюбленный [164], Старики [164], Свѣтлячокъ [164], Жемчужина-капля (165) Лающій отшельникъ (165), Врачъ и больной (165), Лжесвятой (165), Лукъ (166), Негръ и красавица (166), Месть врача (167), Бѣднякъ и вьючный оселъ (167), Суменатскій идолъ (167-170), На могилѣ врага (170-171), Два бедуина (171). Въ концѣ (стр. 171-173) приложено, якобы тоже изъ Бустана, нѣсколько анекдотовъ изъ Голистана.

Англійскіе переводы.

а) Къ тѣмъ отрывкамъ, которые Forbes Falconer помѣстилъ по-персидски въ своихъ «Selections from the Bostan» (Лонд. 1838), онъ же далъ и англійскій переводъ въ лондонскомъ Азіатскомъ Журналѣ 1839.

б) выборки—D. M. Strong: Bostan, selections, translations into english, Симла 1872 (56 стр.)

в) выборки—W. C. Mackinnon: A few flowers from the garden of sheikh Saadi Shirazi, being translations into english verse of portions of the Bustan, Калькутта 1877 (Thaker and C°; 87 стр.).—Новое, пересмотрѣнное изданіе, Лондонъ 1896 (88 стр.). [2]).

г) полный прозаическій—Captain H. Wilberforce Clarke: The Bustan by shaikh Muslihu-D-Dîn Sa'di Shirazi, translated for the first time into prose, with explanatory notes and index, Лонд. 1879 (424 стр.). Переводъ—учебный, для англійскихъ студентовъ Индіи. Оригиналомъ послужилъ перс. текстъ, изданный К. Графомъ (Вѣна 1858); и англійскія примѣчанія Вильберфорса Кларка—это, большей частью, простой переводъ персидскихъ примѣчаній, данныхъ у Графа.

д) полный стихотворный—G. S. Davie: The garden of fragrance, being a complete translation of the Bostan of Sadi from the original per-

---

[1]) Срв. Journ. As., VII сер., т. XV, стр. 363; т. XVI (Ренанъ), стр. 30; Revue Critique 1880, II, 341-344.

[2]) Въ «Bibliotheca Orientalis» Фридерици (Лейпц, 1876, стр. 38, № 763) и въ „Storia della poesia persiana“ Ит. Пицци (т. I, Торино 1894, стр. XXI) указана книга, никогда не бывшая у меня въ рукахъ: «Flowers culled from the Gulistan, or Rosegarden, and from the Bostan, or Pleasure-garden», Лонд. 1876 (175 стр. въ 16°), изд. Williams and Norgate.

sian into english verse, Лонд. 1883 (300 стр.).

е) извлеченія въ антологіи изъ шести классическихъ персидскихъ поэтовъ С. Робинсона: Persian poetry for english readers. Long specimens of six of the greatest classical poets of Persia: Firdusi, Nizami, Sadi, Jelal-ad-din, Hafiz and Jami with biographical notices aud notes. Printed for private circulation, 1883 (646 стр.).

ж) прозаическій Ziauddin Gulam Moheiddin'а, Бомбей 1889.

з) только вторая глава—G. Ranking: The benefits of kindness, being the 2-nd book of the Bustan, Лонд. 1906.

* *
*

По-итальянски восемь отрывковъ изъ Бустана стихами перевелъ Ит. Пицци въ I томѣ Storia della poesia persiana [1894], стр. 317-324.

Русскіе переводы изъ Бустана.

По-русски, сверхъ вышеупомянутаго [стр. 434] «Деревного сада» XVII в., т. е. рукописнаго перевода изъ лже-Олеарія, библіографія можетъ указать очень немногое печатное:

а] Лирическое послѣсловіе къ Бустану, безъ обозначенія источника, просто въ качествѣ Са'діевой эпитафіи на гробницѣ, переведено въ статьѣ: О языкѣ персидскомъ и словесности, изъ новой книги La Perse par Jourdain, съ франц. Пбднъ—въ «Вѣстникѣ Европы» 1815, № 13, стр. 46-47.

б] Коротвій отрывокъ въ «Пантеонѣ Иностранной Словесности» 1818, ч. I [стр. 125-127]: «Послѣднія слова Косроэса Парвиса, сказанныя имъ сыну своему».

в] Юноша и овечка [Басня изъ сочиненій Саади]. Съ персидскаго перевелъ Н. Коноплевъ—«Вѣстникъ Европы» 1827, № 9 [ч. 154], стр. 67-68.

г] Въ магистерской диссертаціи И. Холмогорова: «Саади Ширазскій» [Казань 1865, отт. изъ Уч. Зап. Каз. У-та 1865-1867] обзоръ содержанія «Бустана» [стр. 88-127] сопровождается и прозаическимъ переводомъ образцовыхъ отрывковъ; см. у него еще стр. 25-26, 32-48 и 61-63, гдѣ отрывки изъ «Бустана» переводятся въ біографическихъ цѣляхъ. Почти всюду Холмогоровъ прилагаетъ къ своимъ переводамъ и персидскій текстъ, между прочимъ—и для тѣхъ образцовъ, текстъ которыхъ имѣется въ «Персидской хрестоматіи» А. Болдырева [М. 1833] и которые Холмогоровымъ переведены почти всѣ безъ исключенія.

д) М. Г[амазовъ]: «Переводы съ персидскаго, турецкаго и арабскаго» въ V томѣ «Записокъ Восточ. Отдѣл. Импер. Русск. Археолог. Общества» (=1890). Переводы всѣ стихотворные, крайне вольные, и въ числѣ ихъ оказывается кое-что и изъ «Бустана» (стр. 88, 272, 275, 281). Изданы они посмертно, а дѣлались въ 1834-1890 гг.

е) „Саади, Садъ плодовый. Переводъ съ персидскаго Н. Урри“,

Спб. [1915], изд. Зин. Львовскаго (=«Прометей»). Стр. 110. Переводъ даетъ лишь избранныя извлеченія, и сдѣланъ онъ безусловно не съ персидскаго языка, въ противность утвержденію заглавной страницы, а съ нѣмецкаго и французскаго, въ силу чего восточныя слова и имена искажены въ двухъ направленіяхъ (напр. „Тебрицъ" вм. «Тебризъ»—подъ вліяніемъ нѣмецкаго оригинала, а «Мамоунъ» вмѣсто «Мамунъ» и «Кизръ» вм. «Хызръ»—подъ французскимъ вліяніемъ). Прозою, не стихами; но цѣли—вполнѣ беллетристическія, ничего общаго съ наукою не имѣющія. Такъ какъ книгѣ предпослано нѣчто вродѣ біографіи: „Смерть Саади" [стр. 3-8] и такъ-какъ эта біографія полна безсовѣстнаго, безудержно-дикаго шарлатанства и невѣжества, то первое впечатлѣніе „перевода съ персидскаго" Н. Урри— отталкивающее. Но чтеніе самыхъ отрывковъ изъ Бустана примиряетъ съ отрицательными сторонами книги. Переводъ, сдѣланный не съ подлинника и подвергшійся произвольнымъ передѣлкамъ, конечно, не даетъ близкаго представленія объ оригиналѣ, но за то подборъ отрывковъ произведенъ съ безспорнымъ вкусомъ. Выборка сдѣлана не въ томъ порядкѣ книгъ «Бустана», въ какомъ ихъ расположилъ самъ Са'дій. Напр. разсказъ 1-ый „Любовь" взятъ изъ VII-й книги [=стр. 302 по франц переводу Барбье де Мейнара], разсказъ 2-й «Перстень калифа» [т е халифа]—изъ 1-ой книги [франц. стр. 37] и т. д. Такъ какъ нигдѣ Н. Урри не оговорилъ этого факта, то неопытный читатель можетъ подумать, что и у Са'дія изложеніе предлагается приблизительно такое же, какъ у Н. Урри.

Українські переклади з Бустану.

Друкуючи свою антологію з Голистану у львівському місячникові: «Жите і Слово, Вістник літератури, історії і фолклору» 1894, додав я де-кільки уривків ще й з Бустану [1894, юль-август]. Переклад віршований, с перського первопису. Вміщено: Про лиху жінку [ст. 31-33], Добрість проти найнижчих [=Пустелник коло пса, що конав, ст. 34-35], Про скупого батька та гуляку-сина [ст. 35], Джонейдова добрість [у степу Санаані, ст. 35-36].

III.

Голистанъ, или „Цвѣтникъ".

[напис. въ 1258 г.]

О рецензіяхъ текста, комментаріяхъ и восточныхъ переводахъ.

Текстъ „Голистана", еще больше чѣмъ „Бустана", отличается неустановленностью, разночтеніями, наличностью или отсутствіемъ тѣхъ или другихъ фразъ и даже цѣлыхъ разсказовъ. Комментаторы тоже далеко не обнаруживаютъ единодушія. Какъ и въ отношеніи къ «Бустану», въ отношеніи къ „Голистану" легко замѣтить существованіе двухъ главныхъ теченій: персидско-турецкаго и, менѣе критичнаго, персидско-индійскаго,—иначе: болѣе западнаго и болѣе восточнаго [1]).

[1]) Въ печатныхъ изданіяхъ (о которыхъ см. ниже)—на рукописяхъ турецкой школы основывались Генцъ (1651) и Семеле (1828), тогда какъ изданія англичанъ

Лучшей извѣстностью пользуются комментаторы болѣе западные, т. е. турки,—тѣ же османскіе филологи, что комментировали и «Бустанъ». Изъ нихъ по арабски далъ на Голистанъ толкованія Сюрурій (1550), по турецки Шем'ій (въ 1569 или 1571) и боснякъ Судій (ум. ок. 1597 г.). Комментарій Судія «Шерҫ-и Голистан» изданъ въ Константинополѣ 1249=1833 (514 стр. in-folio; въ библіотекѣ Лазар. Института это № 123 печатн. катал.); другое изданіе—Констант 1286=1869 (512 стр.). Изъ болѣе же восточныхъ филологическихъ работъ довольно стариненъ «Ключъ къ Голистану»=«Мифтаҫ-и Голистан» Овейса ибнъ-Аладдина 1494 г. [это и толкованія, и глоссарій]. Въ XVII вѣкѣ Абдерресуль ок. 1663 г., немедленно послѣ окончанія своихъ толкованій на «Бустанъ» комментировалъ и «Голистанъ». Его «Шерҫ-и Голистан» изд. въ Лакнау 1264=1848 г. Среди многихъ прочихъ укажемъ еще «Шерҫ-и Голистâн-и Се'дî» Мохеммеда Экрема Мультанскаго [1771 г.], изд. въ Лакнау 1318=1900 (320 стр.).

Своего рода комментаріями служатъ восточные переводы «Голистана». Таковы:

Турецкіе: Сверхъ того турецкаго перевода, который дается комментаріемъ Судія (напеч. въ Константинополѣ 1249=1833. и 1296 =1869), существуютъ переводы. изданные вмѣстѣ съ персидскимъ текстомъ въ Константинополѣ 1874 и 1876. Эти турецкіе переводы—три разныхъ версіи.

Арабскій: «Тарджамет аль-Джюлистâн аль-фâрисî» Джибрâиля ибнъ-Юсифа аль-Мохаллаҫ, Булакъ 1263=1847.

Хиндустанійскіе[1]).—а] Миръ-Ширъ 'Али Эфсуса, подъ редакціей Джона Гилькрайста [Gilchrist], обычно называемый «Баҫ-и урду» [напеч. сперва неполностью въ Калькуттѣ 1802, потомъ полностью-Калькутта 1808, 2 тт.; тамъ же 1835; Бомбей 1846; Деhли 1848, и др.]—б] Низамеддина [Пуна 1855].—в) Имѣется изданіе персидскаго текста съ урдусскимъ переводомъ подъ строками, съ поясненіями на поляхъ (Каунпоръ 1896, литограф., 217 стр.)

Хиндійскій—Миhръ Чендъ Даса, Деhли 1889.

Изъ спеціальныхъ словарей къ Голистану отмѣтимъ только 4 персидско-англійскихъ, изъ которыхъ одинъ приложенъ къ персидскому тексту Голистана, изданному Eastwick'омъ [Хертфордъ 1850; 127 стр. въ два столбца], 2-й и 3-й—къ изд. «Голистана» Джонсона [Хертф. 1863] и Платсона (Л. 1874), а 4-ый – D. Jamaspasana: A glossary of persian words with english meanings occurring in shaikh Sadee's Gul-e-Stan, Бомбей 1881.

(Гледвина 1806 и др., Дюмулена 1807. Иствика 1850) и, конечно, индійскія литографіи даютъ текстъ персидско-индійской рецензіи.

[1]) Срв. статью Гарсена де-Тасси: Le Gulistan de Saadi et sa traduction hindoustanie 1876, въ Compte-rendu съѣзда оріенталистовъ.

Печатныя или литографированныя изданія «Голистана».

Въ противность тому, что было съ «Бустаномъ», Са‘діевъ «Голистâнъ» напечатанъ былъ по персидски въ Европѣ одновременно съ переводами его на европейскіе языки, именно еще въ XVII вѣкѣ. Хотѣлъ было, прежде всѣхъ, издать его саксонецъ Адамъ Олеарій [род ок. 1599, ум 1671], который въ 1630-хъ гг. побывалъ въ Московіи и Персіи, какъ членъ голштинскаго посольства къ царю Михаилу Ѳедоровичу и къ шаху Сефи I [преемнику Аббаса Великаго]. Уже заказаны были Олеаріемъ и персидскія литеры въ Голландіи,—вдругъ его предвосхитилъ другой саксонецъ, пожившій семь лѣтъ на востокѣ, ученый оріенталистъ Георгъ Генцъ [или, какъ онъ называлъ себя по-латыни, Gentius; род. 1618, ум. 1687]. Генцъ напечаталъ персидскій текстъ „Голистана“ рядомъ съ латинскимъ переводомъ въ Амстердамѣ 1651 г. подъ латинскимъ заглавіемъ: «Musladini Sadi Rosarium Politicum» [531 стр. in folio; персидскія страницы—лѣвыя, латинскія—правыя]. Послѣ того Олеарію не было смысла издавать «Голистанъ» по-персидски, и онъ ограничился напечатаніемъ своего нѣмецкаго перевода (1654). Полтораста лѣтъ Европа пользовалась Генцовскимъ печатнымъ текстомъ Голистана.

Въ 1791 г. персидскій текстъ Голистана печатно появился въ I томѣ калькуттскаго Херингтоновскаго изданія «Коллійййâт»—и съ тѣхъ поръ онъ всегда печатается въ «Коллійййат».

Изъ отдѣльныхъ (помимо «Коллійййат») полныхъ изданій «Голистана» слѣдуетъ дѣлать разницу между публикаціями европейцевъ и публикаціями восточныхъ издателей.

Вотъ изданія европейскія (не считая Генца, Амстерд. 1651).

а) F. Gladwin: The Golistan or Rosegarden by Muslahuddeen Sady of Sheeraz, with an english translation and notes, Калькутта 1806, 2 тт. (одинъ томъ—текстъ, полный грубѣйшихъ опечатокъ и ошибокъ, другой—переводъ) Перепечатано въ Лондонѣ 1808 и 1809. Новое пересмотрѣнное изданіе, Лонд. 1838 («being a carefully corrected and revised edition»).

б) James Dumoulin: The Golistan or Rosegarden of the celebrated Muslehuddeen of Shirauz surnamed shuekh Sadi, with an english translation, embellished with notes, Калькутта 1807. Текстъ и переводъ; стр XVIII и 230, in-folio.

в) J. L. Cox, Лонд. 1827 Коксъ основывался на текстѣ Гладуина и лишь чуть-чуть его подправилъ.

г) N. Semelet: Голистâн, Le parterre de fleurs du cheikh Moslih-eddin Sâdi de Chiraz, édition autographique, т. е. литографское, писанное самимъ Семеле, Парижъ 1828, стр. XI и 194, in 4-o. Въ предисловіи между прочимъ дана плохая оцѣнка изданію Кокса (стр. VII-IX). Семеле основывалъ свой текстъ на Тебризскомъ изданіи 1824, и на парижской рукописи и считался съ изданіями какъ Генца, такъ и Гледвина. При изданіи онъ прибѣгалъ за совѣтами къ Сильв. де Саси. О своемъ переводѣ, который появился лишь шесть лѣтъ спустя (1834), Семеле гово-

ритъ въ предисловіи, какъ объ уже готовомъ (стр. X).

д) E. B. Eastwick (Иствикъ). The Goolistan (Rose-garden) of shekh Sadi of Shîrâz, a new edition, carefully collated with original mss. Hertford 1850 Здѣсь 231 стр. текста, вновь провѣреннаго по рукописямъ (причемъ нѣкоторыхъ отрывковъ, касающихся педерастіи, Иствикъ счелъ нужнымъ не печатать), и приложенъ персидско-англійскій словарь (126 стр). Вскорѣ же, особой книгой, Иствикъ напечаталъ и свой англійскій переводъ Голистана (Хертфордъ 1852). Для студенческаго изученія Иствиковское изданіе Голистана въ высшей степени удобно. Впрочемъ, изъ-за огласованности текста, еще болѣе удобнымъ можетъ оказаться для студента изданіе Шпренгеровское (которое иные, напр., Этé въ своемъ описаніи India Office, рѣшаются признать даже прямо за наилучшее):

е) A. Sprenger: The Gulistan of Sa'dy, edited in persian, with punctuation and the necesserary vowel-marks. for the use of the college of Fort William, Калькутта 1851 Стр. X и 241. Въ основу положена рукопись 1690 г., изготовленная для великаго могола Алемгира-Аурензиба и восходящая, какъ гласитъ запись, къ авторскому подлиннику. Редакція, значительно отличающаяся отъ общепринятой.

ж) Francis Johnson: The Gulistan, persian text, ed with vocabulary (128 стр.) in 4º, Hertford 1863. Тоже хорошее изданіе.

з) W. Nassau Lees: The Gulistan with punctuation and the necessary vowelmarks, 3-rd ed. revised and corrected, Калькутта 1871.

и) безспорно одно изъ лучшихъ изданій Голистана—by John Platts, carefully collated with original mss. with full vocabulary, Лондонъ 1874. Переводъ Платтса же къ этому изданію появился два года спустя.

Какъ видимъ, заслуга установленія печатнаго критическаго текста Голистана принадлежитъ почти исключительно англійскимъ ирановѣдамъ.

Восточныхъ отдѣльныхъ изданій «Голистана» чрезвычайно много, и нашъ перечень за одно столѣтіе [1791-1891) представитъ собою лишь небольшую часть того, что при досугѣ могло бы быть указано:

Бомбей 1809 (182 стр.); Тебризъ 1824 (одно изъ первыхъ произведеній персидскаго печатнаго дѣла, безъ даты); Тебризъ 1827 [1]), Калькутта 1828; Булакъ 1244=1828; Тебризъ 1245=1829; Калькутта и Каунпоръ 1830 (изд. «Asiatic lithographic company», внимательно провѣренное по рукописямъ и по комм. Сюруріи); Бомбей 1249=1834 (съ иллюстр); Булакъ 1249=1834

[1]) „la charmante petite édition donnée à Tebriz en 1827", выражается про него Дефремери, который пользовался имъ параллельно съ Иствиковскимъ текстомъ при своемъ французскомъ переводѣ „Голистана" (1858, стр. XLIII)

[Константинополь 1249=1834: «Шерҁ-и Голистан», турецкій комментарій Судія XVI в.—указанъ былъ выше, стр 440]

Безъ обозначенія мѣста 1251=1835 (592 стр.); Калькутта 1837; Булакъ 1255=1839 (168 стр); Булакъ 1257=1841 (повтореніе 1244 г., шрифтомъ „таҁліq" 168 стр.); Бомбей 1844=«Gulistan. to which is added a commentary, with a dictionary of words and meanings» (in folio); Константинополь 1261=1845 (безъ даты; 161 стр.); Каиръ 1261=1845; Лакнау 1264=1848; (и тамъ же тогда же комментарій «Шерҁ-и Голистан» Абдерресуля); Бомбей 1264=1848 (166 стр); Агра 1848; Деһли 1848: «Шерҁ-и Голистâн»; Тебризъ 1266=1850 (183 стр.); Булакъ 1266=1850 (161 стр).

[Тѣмъ временемъ вышли критическія изданія европейцевъ: Иствика 1850 и Шпренгера въ Калькуттѣ 1851].

Далѣе—Калькутта 1861 (школьное); Булакъ 1281=1864 (168 стр.; шрифтъ опять таʻликъ); Бомбей 1284=1867 (124 стр.); Лакнау 1284=1867; Каунпоръ 1284=1867 (124 стр.); Деһли 1286=1869 (съ толкованіями на поляхъ); Тебризъ 1286=1869 (96 стр; на поляхъ—Каани); Лаһоръ 1870.

[Въ промежуткѣ—Калькутта 1861: «with punctuation and the necessary vowelmarks, ed. by W. Nassau Lees, 3-rd ed. revised and corrected»; и J. T Platts, Лонд. 1874].

Далѣе: Лакнау 1291=1874 [съ толкованіями, 446 стр.]; Константинополь 1291=1874 228 стр, [очень изящная литографія]. Это константинопольское изданіе вышло въ т. н. «Иранской типографіи», руководимой нѣсколькими мирзами-тебризцами, и заслуживаетъ вниманія потому, что, купленное для библіотеки Лазаревскаго Института въ количествѣ 40 экз., оно постоянно служитъ студентамъ для ихъ учебныхъ цѣлей.

Константинополь 1876; Лакнау 1297=1880 (съ толков. на поляхъ); Лакнау 1298=1881 (съ толков., 466 стр.); Булакъ 1299=1882 (161 стр.); Лакнау 1882 [474 стр.] и тамъ же 1882 [278 стр.]: издатель—Munshi Naval Kishor; Теһранъ 1300=1883; Бомбей 1884; Лондонъ 1302=1885 (это изданіе—отдѣльными буквами, по системѣ извѣстнаго политическаго дѣятеля-масона Мелькомъ-хана; 470 стр.); Константинополь 1303=1886 (изданіе печатное и потому вполнѣ четкое, и притомъ крайне дешевое, но и опечатками замѣчательное); Каунпоръ 1887; Бомбей 1305=1888 [съ толков. на поляхъ, 252 стр.]; 1889 гдѣ-то въ Индіи, стр 212 и 20 (съ поясненіемъ арабскихъ словъ).

Въ дополненіе къ этому «Голистанному» перечню, который мы прерываемъ на столѣтіи, протекшемъ со времени 1-го изданія «Голистана» въ составѣ «Колліййâтъ», и въ дальнѣйшей библіографіи котораго жаль было бы не вспомнить только комментарій Мохеммеда Экрема Мультанскаго [1318=1900], мы замѣтимъ, что мы вовсе не касались изданій «Голистана» казанскихъ, среднеазіатскихъ и кавказскихъ, т. е. изданныхъ въ Россіи. Нами отмѣчено [если считать и тотъ текстъ «Голистана», что въ «Колліййâтахъ»] около 70 изданій «Голистана». Значитъ, безъ особаго труда, лишь при нѣкоторомъ досугѣ, можно было бы насчитать ихъ до нашего времени и 200 №№.

Добавимъ, что сверхъ полныхъ изданій Голистана существуетъ немало извлеченій изъ него въ хрестоматіяхъ, или въ видѣ отдѣльныхъ антологій.

Укажемъ нѣкоторыя изъ антологій:

а) Selections from the Gulistan and Boostan of Sadi (Fort William, 1809)=3-й томъ хрестоматіи Lumsden'a: Selections for the use of the students of the persian class.

б) Частенько у Сильв. де-Саси въ его примѣчаніяхъ къ Аттаровой «Le livre des conseils» (Парижъ 1819),— всегда съ приложеніемъ французскаго перевода.

в) Очень обильныя извлеченія—въ I-ой [прозаической] части «Персидской хрестоматіи» А. Болдырева (М., 2-ое изд. 1833), начиная отъ стр 42-ой. Эти извлеченія долго служили въ Россіи главнымъ источникомъ представленій о «Голистанѣ» [1].

г) Sorabshaw Byramji Doctor: Second book of persian, to which are added the Pandnámah of shaikh Saádi and the Gulistan, chapter I. 2-nd edition. Суратъ 1880 Въ этомъ учебникѣ текстъ «Пенд-наме» занимаетъ стр. 55 65 [на стр. 66-73 подстрочный словарь къ ней], а на стр. 74-107 текстъ 1-ой главы «Голистана»: Дер сірег-и падишаhан, съ приложеніемъ подстрочнаго словарчика [стр. 108-120].

д) It. Pizzi: Chrestomathie persane avec un dictionnaire, Торино 1889, стр. 110-119. Персидскій текстъ воспроизведенъ здѣсь буквами латинскими, не арабскими.

е) Iqd-i Gul, a selection from the Gulistan and the Anwar-i Suhayli, edited by colon. H. S. Jarrett, Калькутта 1891. Къ этому изборнику есть и англійскій переводъ Эдалетъ-хана [Adalut Khan], 2-е изд. Калькутта 1888.

ж) Мирза Абд. Гаффаровъ: Образчики персидской письменности, ч. I, проза, М 1916, стр 25-73 мелкаго шрифта (=«Труды по востоковѣдѣнію» Лазаревскаго Института, вып X). Въ эти обильные эксцерпты Абд. Гаффарова вошло почти все, что было въ хрестоматіи Болдырева, и еще иное.

Иногда извлеченія изъ «Голистана» преслѣдуютъ цѣль прюдную. Такъ, бакинское изданіе: «Килид-и адабіятъ», представляющее собою хрестоматію изъ Голистана, содержитъ прямую оговорку, что давать школь-

[1]) Первое изданіе Хрестоматіи Болдырева относится къ 1826 году. Ученикъ Болдырева Н Коноплевъ тогда же началъ помѣщать въ «Вѣстникѣ Европы» или иныхъ журналахъ свои русскіе переводы изъ Са'дія, по тексту Хрестоматіи.

никамъ прямо въ руки «Голистанъ» съ его педерастическими разсказами —вредно, и оттого надобно для школьныхъ цѣлей издавать особыя выборки.

Переводы «Голистана».

Старинные переводы XVII и XVIII в.

1) Прежде всѣхъ познакомилъ Европу съ «Голистаномъ», въ 1634 г., французскій дипломатъ на востокѣ Андре́ дю-Ріе (d u R y e r),—тотъ самый, которому принадлежитъ и старѣйшій французскій, очень популяризовавшійся, переводъ Корана [1]). Но какъ въ дю-Ріевскомъ французскомъ Коранѣ мы видимъ скорѣе переложеніе, чѣмъ переводъ, да и то черезъ турецкое посредство, а не прямо съ подлинника, такъ и дю-Ріевскій французскій переводъ «Голистана», изданный въ Парижѣ 1634, подъ заглавіемъ: «Gulistan, ou l'Empire des roses, composé par Sadi», есть только вольный пересказъ; къ тому же онъ далеко не полонъ [2]). Черезъ годъ Іог. Фридрихъ Оксенбахъ (O c h s e n b a c h) перевелъ эту плохенькую французскую работу дю-Ріе на нѣмецкій языкъ, съ предисловіемъ Schickhard'a (Тюбингенъ 1635).

2) Лѣтъ пятнадцать спустя ученый саксонецъ Георгъ Генцъ (G e n t i u s, род. 1618. ум. 1687), издавая въ Амстердамѣ въ 1651 г. персидскій текстъ «Голистана», снабдилъ его параллельнымъ латинскимъ переводомъ, и озаглавилъ свою громадную фоліантную книгу такъ: «Musladini Sadi Rosarium Politicum, sive amoenum sortis humanae theatrum, de Persico in Latinum versum, necessariisque notis illustratum a G e o r g i o G e n t i o», Amstelaedami, ex typographejo Ioannis Blaeu, cıↄıↄcLı (=1651). In-folio; ненумеров. 18 стр. введенія и 531 стр. текста и перевода (четныя страницы—персидскій оригиналъ, нечетныя—латинскій переводъ) [3]). Подъ тѣмъ же заглавіемъ, но ужъ не въ фоліантномъ форматѣ, латинскій переводъ Генца переизданъ былъ въ Амстердамѣ 1655 (in 12-о) [4]). По деликатной оцѣнкѣ Иствика [5]), относительно этого труда «it is sufficient to

---

[1]) О Коранѣ дю-Ріе см. у насъ „Исторію мусульманства", М. 1904, стр. 140-141.

[2]) Заглавіе перевода дю-Ріе рѣшаюсь заимствовать изъ статьи Сильв. де Саси: «Sadi» въ 39-мъ томѣ «Biographie Universelle» (1825), хотя у меня есть подозрѣніе, что С. де Саси цитируетъ по предвосхищенію заглавіе болѣе поздняго д'Алегра (1704), а вовсе не дю-Ріе.

[3]) Это editio princeps «Голистана» имѣется въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 588 топ.=№ 122 печ. катал.).

[4]) Сильв. де Саси въ «Biographie Universelle», т. 39 (1825), стр. 402, пишетъ: «Посвященіе и предисловіе помѣчены 1655 г; но въ такомъ случаѣ надо думать, что было нѣсколько изданій, потому что экземпляры, которые я видѣлъ, носятъ дату 1688, а гравированный frontispice—дату 1680».

[5]) Eastwick, введ. къ англ. переводу «Гол.» (1852), стр. XIII.

observe, that it exhibits, along with the energy, all the roughness of a pioneer».

3) Мы имѣли случай упомянуть (стр. 441), что въ то время, какъ трудился надъ Голистаномъ Генцъ. трудился надъ нимъ и другой саксонецъ, менѣе авторитетный въ иранистикѣ, но болѣе знаменитый, какъ путешественникъ—Адамъ Олеарій (род. ок. 1599, ум 1671)[1]. Онъ занималъ каѳедру философіи въ Лейпцигскомъ университетѣ, когда въ 1633 г. получилъ приглашеніе отъ голштинскаго герцога поѣхать секретаремъ посольства въ Московію къ царю Михаилу Ѳедоровичу и въ Персію къ шаху-сефевиду Сефи I. Съ Олеаріемъ обратно изъ Персіи выѣхалъ персъ Хаккверди (ум. 1650) и его сынъ Риза́. Они поселились въ домѣ Олеарія, и съ ними онъ перевелъ «Голистанъ» Когда работа Олеарія подходила къ концу, вышелъ упомянутый латинскій переводъ Генца «Rosarium politicum» сопровождаемый персидскимъ текстомъ (1651). По побужденію герцога Веймарскаго, Олеарій рѣшился, не смотря на существованіе «Rosarium politicum» Генца, напечатать и свою работу, только безъ персидскаго текста и не по-латыни, а по-нѣмецки, «den Persianer in einem teutschen Mantel hereinzuführen und in unserer hochteutschen Mutterspache hören zu lassen».

Олеаріевъ переводъ вышелъ четыре года спустя послѣ Генцовскаго подъ заглавіемъ: «Persianischer Rosenthal, in welchem viel lustige Historien, scharfsinnige Reden und nützliche Regeln, vor 400 Jahren von einem sinnreichen Poeten Schich Saadi in persischer Sprach beschrieben, jetzo aber von Adamo Oleario, mit Zuziehung eines alten Persianers Namens Hakwirdi übersetzet, in hochdeutscher Sprache herausgegeben und mit vielen Kupfferstücken gezieret. Schlesswig, in der Fürstl. Druckerey gedruckt durch Johann Holwein. Bey Johann Nauman Buchhändlern in Hamburg. Im Jahr 1654». In-folio. За-одно въ книгѣ помѣщены были также басни Локма́на, въ переводѣ съ арабскаго, и кое-какія арабскія пословицы. Этотъ Олеаріевскій «Persianischer Rosenthal» существенно отличается отъ Генцовскаго «Rosarium politicum» тѣмъ, что у Олеарія мы имѣемъ далеко не столько переводъ, сколько пересказъ; впрочемъ, для сходства съ внѣшней персидской формой «Голистана» Олеарій перемежаетъ прозу стихами,—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и у Са‘дія проза

---

[1]) Іос. ф. Хаммеръ, давая предисловіе къ извлеченіямъ изъ «Нигаристана» Кямаль-паша-заде въ вѣнскихъ «Fundgruben des Orients» (т. I, 1809, стр. 402), не дѣлалъ большой разницы между оріентализмомъ Генца и Олеарія: «Gulistan versione latina Gentii et germanica Olearii, viris in Europa litterarum studiosis, sed minime orientali idiomate pollentibus, innotuit». Все-таки Генцъ больше зналъ по-персидски, чѣмъ Олеарій. У Олеарія персидскія и арабскія имена бываютъ настолько искажены въ своемъ произношеніи, что иногда невольно возникаетъ коварное сомнѣніе. »Да зналъ-ли Олеарій элементарныя основы персидскаго языка?!» Наоборотъ про Генца даже придирчивый Семеле (франц. пер. Голистана 1834 стр. 3) выразился: «Переводъ не дуренъ, хотя въ немъ есть много ошибокъ».

чередуется со стихами. Переводъ Олеарія вновь былъ перепечатанъ въ 1660-мъ г.; да кромѣ того онъ былъ приложенъ къ 3-му и 4-му изданіямъ описанія Олеаріева путешествія (1663, 1671), вышедшимъ при его жизни. Черезъ четверть столѣтія послѣ смерти Олеарія (ум. 1671) былъ изданъ дополненный Олеаріевскій сборникъ путешествій въ Московію и Персію: «Adam Olearius colligirte und vermehrte Reisebeschreibungen» (Гамбургъ 1696, in-folio) [1], и здѣсь былъ приложенъ не только Олеаріевскій переводъ «Голистана», но и чей-то переводъ «Бустана» [2].

4) При жизни Олеарія появился голландскій переводъ его книги, сдѣланный Дайсбергомъ: Persiaansche Roosengaard: beplant met vermaaklijke Historiën, scharp-zinnige Redenen, nutte Regelen, en leerijke sinspreuken, door Schich Saadi. In Hoogduyts overgeset door Ad. Olearium,.. alles vertaalt door J. v. Duisberg. Амстердамъ 1654. Голландскій переводчикъ, безъ пропуска, включилъ и басни Локмана, и арабскія пословицы.

5) Съ гамбургскаго изданія «Reisebeschreibungen» 1696 г. немедленно сдѣланъ былъ, какъ мы видѣли (стр. 433-434), московскій переводъ, при чемъ переведены были тогда на русскій языкъ какъ «Голистанъ» (=«Кринный долъ»), такъ и „Бустанъ" (=Деревный садъ»). «Шейхъ Са'дій» (Schich Saadi) превратился подъ московскимъ перомъ въ „Сшахасадія". Этотъ московскій переводъ XVII в. напечатанъ не былъ.

6) О польскомъ переводѣ Отвиновскаго см. статью Nehring'а въ Archiv für slawische Philologie, т. IV [=1879] стр. 323-325. Самый переводъ изданъ Яницкимъ въ Варшавѣ 1879.

7) Указываютъ [3], что A. Galland, тотъ самый, который и «1001 ночь» перевелъ или передѣлалъ по-французски, далъ и французскую передѣлку «Голистана» (изъ Олеарія?). Никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній о такомъ переводѣ Галлана я не имѣю. У Галлана есть изданіе: Paroles remarquables, bons mots et maximes des Orientaux, tirés de leurs ouvrages arabes, persans et turcs, Парижъ 1694 (Ліонъ 1695, Пар. 1708, 1730 и др.). Возможно, что и изъ Са'дія нѣчто внесено сюда.

Въ XVIII в. вышли:

a) д' Алегръ (анонимно): Gulistan ou l'Empire des roses, traité des moeurs des rois, composé par Musladini (такъ) Saadi, prince des poëtes persans, traduit du persan par M.........(=par d' Alègre). Парижъ 1704

---

1) Точное заглавіе этого сборника путешествій [Олеарія въ 5-мъ изд., Мандельсло, Андерсена, Иверсена) подробнѣе см. у насъ на стр. 433.

2) Про этотъ Бустанъ [=„Baumgarten"], напеч. въ 1696 г., см. у насъ выше, стр. 433-434.

3] Именно, Семле въ предисловіи къ своему французскому переводу говоритъ: «Mm. Galand, Saint-Lambert et Langlès ont publié quelques extraits du Gulistan» [стр. 5]. Никакихъ датъ, никакихъ годовъ и заглавій онъ не сообщаетъ.

(in-12). Работа очень плохая, представляетъ только извлеченія изъ Генцовскаго Голистана. Тѣмъ не менѣе она была переиздана въ 1714 и въ 1737 г.

б) Думаютъ, что переизданъ былъ въ Парижѣ 1714 г. тотъ плохенькій французскій «Gulistan» дю Ріе, который въ 1634 г. впервые ознакомилъ Европу съ этимъ твореніемъ Са'дія. Указаніе о подобномъ переизданіи принадлежитъ Семеле (на стр. 3-ей его перевода 1834), но оно совсѣмъ ненадежно и, внѣ сомнѣнія, основано на смѣшеніи съ анонимнымъ переводомъ д'Алегра.

в) англійскій переводъ изъ Олеарія—S t. S u l l i v a n, Лонд. 1764 in-12-о) [1].

г) По-нѣмецки Олеарій былъ подновленъ по языку въ изданіи Ш у м м е л я: Schich Sadi Persisches Rosenthal nebst Locmans Fabeln. Neue, verbesserte Auflage von J G. Schummel, Виттенбергъ 1775, стр. 34 и 358, in 8-о. (Отъ стр. 335-ой начинаются басни Локмâна). Въ своемъ предисловіи Шуммель (стр. 4) говоритъ: «Ich entschloss mich also, ihn (=den Olearius) neu heraus zu geben, und die Sprache, so gut ich konnte, jedoch mit aller nur möglichen Treue um 100 Jahre zu verjüngen».

д) С е н ъ-Л а м б е р ъ издалъ изъ Голистана «кое-какія извлеченія» (quelques extraits, какъ выражается Семеле 1834 въ своей цитатѣ, приведенной у насъ на стр. 447, примѣчаніе). J. F. de Saint-Lambert (род. 1716, ум. 1803) напечаталъ въ 1769 г. въ Парижѣ свою поэму «Les saisons», въ приложеніи къ которой помѣстилъ прозаическія «Fables orientales» (отдѣльно онѣ вышли въ Парижѣ 1772).

е) аббатъ Г о д е н ъ: Essay historique sur la législation de la Perse, avec traduction complette du Jardin des roses de Sâdy, par l'abbé G a u d i n, Парижъ 1789 (стр. XXXXI и 415, in 8-vo). Ошибокъ у Годена есть достаточно. Курьезно, что Мохаммедъ аль-Мостафа [т. е. Мохаммедъ Избранникъ] переведенъ у Годена: «Мохаммедъ сынъ Мостафы» (стр. 2).

ж) L a n g l è s—о его «quelques extraits» см. у насъ выше, стр. 447 сноска.

Какъ видимъ, въ XVIII в. мало сдѣлано по отношенію къ новымъ переводамъ Голистана, и даже то немногое, что сдѣлано, принадлежитъ преимущественно французамъ. Относительно тогдашней Германіи можно замѣтить, что нѣмцы XVIII в. не только продолжали пользоваться переводами своихъ земляковъ Генца и Олеарія, но и очень высоко ставили ихъ. Изъ „Rosarium Politicum" Генца черпалъ разсказы Х е р д е р ъ, когда стихотворно составлялъ свой „Sadi's Rosental", немало послужившій для

---

[1]) Годъ 1764 для книги Сёлливана указывается изслѣдователями Олеарія. Ценкеръ же, вѣроятно, дѣлаетъ ошибку (Bibliotheca Orientalis, т. II, 1861, стр. 36), когда даетъ иную дату Select fables from the Gulistan or the Beds of roses, translated from the persian by Stephan Sullivan, Лонд. 1774 in 12.

популяризація Са'дія въ широкой публикѣ. А изъ Олеаріевскаго «Persianischer Rosenthal» черпалъ, уже въ началѣ XIX в., старецъ Гёте, когда составлялъ пояснительныя примѣчанія къ своему Westöstlicher Diwan 1819 (больше всего въ главѣ «Schenkenbuch»).

Замѣчательно, что англичанинъ-піонеръ оріенталистики XVIII в. Уильямъ Джонсъ почти абсолютно ничего не сдѣлалъ для перевода Голистана. Въ своей извѣстной піонерской книгѣ: Guil. Jones Poëseos Asiaticae commentariorum libri sex (Лейпц. 1777) онъ перевелъ изъ Хафиза немало, а изъ другого корифея, Са'дія, почти ничего, если не считать напр. случайнаго отрывка въ 4 строки изъ Голистана (на стр. 379, по-персидски и по-латыни). Но, самъ не переводя Са'дія, Джонсъ въ своей «A grammar of the persian language (7-е изд. 1809, preface, стр. XV) очень рекомендуетъ студен[illegible] читать Голистанъ, извѣстный и по изданію Генца.

Въ это время нач[illegible] уже новыхъ, обильныхъ переводовъ изъ Голистана, и как[illegible] англичане XIX в. заняли въ этой области первое мѣсто.

Новые европейскіе переводы Голистана, XIX и XX вв.

Удовлетворительные европейскіе переводы Голистана вышли лишь въ XIX столѣтіи. Заранѣе укажемъ, что среди полныхъ переводовъ главные —французскіе Семеле (1834) и Дефремери (1858), нѣмецкій Графа (1846), англійскіе Иствика (1852; 2-е изд 1880) и Платтса (1873; 3 е изд. 1904) и русскій Холмогорова (1882) Но сверхъ нихъ можетъ быть указанъ очень большой рядъ еще другихъ работъ въ этой переводческой области.

Англійскіе переводы:

а) F. Gladwin: The Golistan, Калькутта 1806, вмѣстѣ съ персидскимъ текстомъ (см. выше, стр. 441). Переизд. въ Лонд 1809 и 1838. Переводъ довольно свободный [1]).

б) James Dumoulin: The Goolistan, тоже вмѣстѣ съ персидскимъ текстомъ, Калькутта 1807 (см. выше, стр. 441). Переводчикъ откровенно говоритъ, что за точность перевода арабскихъ цитатъ онъ не отвѣчаетъ, потому что арабскаго языка не знаетъ и всецѣло полагается на толкованія мѣстныхъ «монши».

в) James Ross: The Gulistan, or Flowergarden of sheikh Sadi of Shiraz, translated into english from the persian text of Gentius, together with an Essay on Sadi's life and genius, Лонд. 1823 (475 стр.). Введеніе цѣнно тѣмъ, что Россъ для возстановленія біографіи Са'дія выудилъ много подробностей изъ его собственныхъ произведеній (см у насъ стр 422). Переводъ сдѣланъ Россомъ съ текста, изданнаго Генцомъ (значитъ, не съ того, который данъ въ изданіи Гледвина и вообще въ индійскихъ) и

1) Нѣсколько образчиковъ неточности Гледвина приводитъ Eastwick въ предисловіи къ своему англ. переводу (1852, стр. XIII).

отличается стремленіемъ къ большой буквальности для того, чтобы онъ могъ служить своего рода учебникомъ персидскаго языка для слушателей East India College. Къ сожалѣнію, порядочное количество ошибокъ въ переводѣ Росса подрываетъ его пользу именно для учащихся [1]) Есть новое изданіе 1890.

г) Англ. переводъ Samuel Lee (Лонд. 1827) очень не свободенъ отъ вольностей, какъ утверждаетъ Иствикъ [2]), и, повидимому, примыкаетъ къ Гледвину.

д) Одинъ изъ лучшихъ вообще, да только кастрированный и не всегда дословный [3])—Edw. Eastwick: The Gulistan, or Rose-garden of shekh Muslihu'd-dîn Sa'dî of Shîrâz translated for the first time into prose and verse (вставочные персидскіе стихи переведены англійскими стихами же), with an introductory preface and the life of the author, from the Atish-kadah. Hertford 1852. Стр. XXXII и 311. Этому труду Иствика предшествовало изданіе имъ же критическаго персидскаго текста Голистана (Хертф. 1850), снабженное словаремъ. Переводъ Иствика (все равно, какъ и напечатанный имъ персидскій текстъ) опускаетъ мѣста, касающіяся педерастіи; поэтому 5-ая глава: «Любовь и юность» урѣзана Иствикомъ приблизительно на половину, а въ другихъ—устранены отдѣльныя фразы или мѣста. Но кто примирится съ этой научной неполнотой, тотъ получитъ отъ Иствиковскаго перевода и пользу и эстетическое наслажденіе. Съ внѣшней стороны книга издана роскошно: снабжена виньетками, розовыми ободками вокругъ страницъ, раскрашенными иллюстраціями, которыя удачно воспроизведены съ восточныхъ миніатюръ, и пышнымъ переплетомъ въ восточномъ духѣ, съ арабесками.—Переизданъ переводъ въ Лондонѣ 1880 въ Trübner's Oriental Series (стр. XXVI и 243).

е) John T. Platts (вскорѣ же онъ же издатель и текста «Голистана», онъ же и издатель Бустана): The Gulistan, or Rose-garden, translated, with notes and a life of the poet. Лонд. 1873. Переводъ издавался «from a revised text» еще разъ въ 1876 г.; 3-е изд. Лонд. 1904 (стр. XIX и 356).

ж) отрывки—Flowers culled from the Gulistan and the Bostan, Лонд. 1876 (175 стр.). См. выше, стр. 437, при библіографіи «Бустана».

з) извлеченія у Робинсона въ «Persian poetry for english readers» (Лонд. 1883), стр. 245-366. См. стр. 438, при библіографіи „Бустана".

---

[1]) Иствикъ (preface, стр. XIII-XVIII) остановился на ошибкахъ Росса довольно подробно.

[2]) Иствикъ, preface, стр. XIII. A Semelet въ предисловіи къ своему переводу Голистана (1834) говоритъ, что Ли издалъ только персидскій текстъ, безъ перевода (стр. 5).

[3]) „moins une traduction, qu'une élégante paraphrase", выражается про Иствика Барбье де Мейнаръ (въ Journ. Asiat. 1858, дек., стр. 600, въ хвалебной рецензіи на переводъ Дефремери).

и) Эдалетъ-ханъ: Iqd-i Gul, Кальк. 1888—см. подробнѣе у насъ на стр. 444.

і) переводъ эротологическаго «Общества Кама-Шастра»—Kama Çastra Society, Бенаресъ, 1888.

к) лишь первая половина—Sir Edwin Arnold: The Gulistan, being the Rosegarden of shaikh Sa'di, the first 4 «babs», or «gateways», translated in prose and verse, Лонд. 1899; стр. XIV и 221 [1]).

л) кое-что немногое—L. Cranmer-Byng: Sadi's Scroll of wisdom, образцы въ миніатюрной серіи «Wisdom of the East», съ введеніемъ А. Волластона, Лонд. 1906 (64 странички) и Нью-Йоркъ 1908 [2]).

м) стихотворно A. H. Hyatt: Rose leaves from Sadi's garden; the Gulistan rendered into english verse. Лонд. 1907.

н) хрестоматически—B. Gottheil: Persian literature, comprising the Shàh Nahmeh, the Rubàiyàt, the Dîwàn and the Gulistàn, with introduction. Нью-Йоркъ 1908. Стр. XVI и 410 [3]).

Французскіе переводы Голистана въ XIX в:

Послѣ старыхъ дю-Рie (1634), Галлана, Д'Алегра (1704; 1714; 1734) и аббата Годена [1789; 1791] французы въ началѣ 19-го в. ограничивались мелочами. Nersiat стихами по французски перевелъ притчу о глинѣ и розѣ [«Гол-и хошбуй»] въ вѣнскихъ Fundgruben des Orients I [1809], стр. 427; Сильв. де-Саси въ «Pendnameh» Аттара [1819] вставилъ нѣсколько мелочей изъ Голистана. Послѣ четверти XIX в. французы дали два очень важныхъ перевода:

а) Н. Семеле́, отлитографировавши персидскій текстъ «Голистана» [1828] и тогда-же указавши [стр. X], что у него готовъ и переводъ, шесть лѣтъ спустя напечаталъ свой переводъ (какъ пособіе къ лекціямъ и, въ большинствѣ, какъ запись лекцій безсмертнаго Сильв. де Саси): Gulistan ou le Parterre-de-fleurs traduit littéralement sur l'édition du texte 1828, avec des notes historiques et grammaticales, par Mr. Sémelet. Dédié au roi. Парижъ 1834 [4]). Стр. 410 in 4-o, причемъ стр. 1-96

---

[1]) На переводъ Арнольда см. рецензіи въ „Academy" 1899 (=т. LVII, стр. 333); въ „Athenaeum" 26 авг. 1899 (стр. 281 и сл.); Лэнъ-Пуль въ «Literature» 1899 (=т. V, стр. 114-116); «Spectator» 1899 (стр. 378 и слѣд.); „Literary World" 1899 (=т XXX, стр. 275 и слѣд.); въ «Saturday Review» 1900 (=т. 88, стр. 299 и слѣд.).

[2]) По словамъ рецензіи А. Роджерса на «Sadi's Scroll of wisdom» въ «Asiatic Quarterly Review» 1907 (т. 23, стр. 192-196), „the book gives an imperfect idea of Sadi's Gulistan".

[3]) Книга Готхейля извѣстна мнѣ только по чужому указанію, лишенному болѣе точныхъ подробностей.

[4]) У Эте́, какъ въ „Grundriss des iranischen Philologie" (т. II, 1896, стр. 296),

заняты предисловіемъ самого Семеле. Этотъ форматъ in 4-to очень неудобенъ, но гораздо большее неудобство широкая публика найдетъ въ чрезвычайной буквальности перевода Семеле [1]), которую осилить (и, конечно, съ благодарностью) можетъ лишь читатель-оріенталистъ. Цѣнна причастность де-Саси.-«Если мнѣ достанется какая-либо слава за мой трудъ», говоритъ Семеле (предисл. стр. 26), „большую часть ея я долженъ буду возвратить моему учителю, лучшему изъ учителей, князю европейскихъ оріенталистовъ, Сильвестру де-Саси. А если окажутся изъяны, они должны быть вмѣнены въ вину мнѣ: память способна погрѣшать». Впослѣдствіи трудъ Семеле оказалъ большое вліяніе на русскій переводъ Холмогорова [1882].

б) Ch. Defrémery: Gulistan ou le Parterre de roses par Sadi, traduit du persan sur les meilleurs textes imprimés et manuscrits et accompagné de notes historiques, géographiques et littéraires, Парижъ 1858. Стр. XLVII и 359 [in 16-o]. Дефремери сознательно избѣгалъ той антилитературной буквальности, какую мы находимъ у Семеле, но тѣмъ не менѣе переводъ его не отступаетъ слишкомъ далеко отъ персидскаго подлинника, и вообще онъ одинъ изъ лучшихъ....... d'une fidélité scrupuleuse et enrichie de notes d'une érudition solide et sobre», —выразился про Дефремеріевскій переводъ Барбье де Мейнаръ въ своей лекціи: «La poésie en Perse» [Пар. 1877, стр. 47]. Въ предисловіи дана біографія Са'дія, тщательно построенная на основаніи автобіографическихъ указаній Са'дія въ его произведеніяхъ [Россъ 1823 дѣлалъ подобную же попытку раньше Дефремери, и не безъ успѣха] [2]).

в) извлеченія, въ стихотворной формѣ—Fréd. Duhomme: Un bouquet du Jardin des roses de Sadi, Пар. 1897 (113 стр.).

г) G. Frilley: La Perse littéraire, Пар. ок. 1909 г. Вмѣстѣ съ образцами изъ Бустана, предложено три разсказа изъ Голистана (Мальчикъ на кораблѣ стр. 171-172, Лисица стр. 172, Рабъ Амра ибнъ-Лейса стр. 172) и нѣсколько «Pensées» (стр. 172-173),—безъ помѣтки, что все это ужъ не Бустанъ, а Голистанъ.

Нѣмецкіе переводы.

Послѣ старинннаго Оксенбаховскаго извлеченія изъ дю-Ріе (1635), «Persianischer Rosenthal» Олеарія (1654, 1660, 1663, 1671, 1696) и Шуммеля (1775), послѣдовали въ 19-мъ вѣкѣ:

такъ и въ описаніи перс. рукописей библіотеки India Office (1903, стр. 657) годъ изданія перевода Семеле ошибочно показанъ 1828 (вм. 1834).

[1]) Ma traduction.... je l'ai faite à l'instar de celle que Maracci a faite du Coran», отзывается о своемъ переводѣ самъ Семеле, во введ. къ тексту [1828, стр. X].—„J'ai tâché de suivre ses traces pour traduire Sâdi", повторяетъ онъ въ предисловіи къ переводу [1834, стр. 1].

[2]) На переводъ Дефремери была рецензія Барбье де Мейнара въ Journal Asiatique 1858, декабрь, стр. 599-604.

а) J. G. Grohmann: Sadi's des weisen Persers Königsspiegel, Лейпц. 1802. Повидимому, совершенно несамостоятельная работа [1]).

б) извлеченія B. Dorn: Drei Lustgänge aus Sadi's Rosenhain, aus dem Persischen übersetzt. Гамбургъ 1827. 130 стр. Переводъ—сдѣланный съ текста Генціуса, въ общемъ плохенькій: Дорнъ еще не былъ тогда русскимъ академикомъ.

в) Philipp Wolff: Sadi's Rosengarten, aus dem Persischen (по тексту Семеле), Штуттгартъ 1841, in 12-о Позднѣйшій нѣмецкій переводчикъ К. Графъ. аттестовавши переводъ Дорна какъ «unbefriedigend», еще нелестнѣе говоритъ про Вольфа: «noch in höherm Grade» [2]).

г) лучшій—K. H. Graf (род. 1815. ум. 1869): Moslicheddin Sadi's Rosengarten. Nach dem Texte und dem arabischen Commentare Sururi's aus dem Persischen übersetzt mit Anmerkungen und Zugaben. Лейпцигъ 1846. Стр. XXII и 302 (in 16-о). Это 56-й выпускъ серіи Брокгауса: «Ausgewählte Klassiker des Auslandes». Во введеніи Графъ говоритъ о своихъ нѣмецкихъ предшественникахъ и о разныхъ редакціяхъ персидскаго текста. Содержательныя примѣчанія (стр. 229-298) начинаются переводомъ Са'діевой біографіи по Довлетъ-шаhу XV в. съ добавками по Джамію XV в. и съ критикой ихъ сообщеній. Впослѣдствіи (1850) Графъ дополнилъ эти матеріалы новыми при переводѣ «Бустана».

д) H. Jolowicz: Polyglotte der orientalischen Poesie, in metrischen Uebersetzungen deutscher Dichter, Лейпц. 1853 Въ отдѣлѣ «Perser» (стр 437 и сл), и спеціальнѣе въ рубрикѣ Са'дія, приведено 4 стихотворныхъ отрывка изъ Голистана [стр. 538-539] въ переводѣ К. Графа.

е) Отрывки Рюккерта—Verse aus dem Gulistan, übersetzt von Friedrich Rückert. aus dem Nachlasse herausgegeben von Edm. Bayer—въ «Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte» 1894 (стр. 67-85) и 1896 [стр. 217-235] Нѣсколько изреченій изъ Голистана въ Рюккертовскомъ стихотворномъ переводѣ помѣстилъ Байеръ и въ посмертномъ Рюккертовомъ «Aus Saadi's Diwan» [Берл. 1893).

ж) О Хорнѣ (1901) см. стр. 427, № 28.

Изъ переводовъ Голистана на другіе языки зап. Европы намъ остается отмѣтить провансальскій и итальянскіе:

а) Històri causido dóu Gulistan de Sadi revira dóu persan per L. Piat, Монпелье 1888 (104 in 8-vo).

б] Gulistan ossia il Roseto dello sceich Sa'di da Sciraz. Prima versione italiana. con commentario, per Gherardo de Wincentiis, Неаполь 1873 (in 4-to).

---

1) Громана упоминаетъ Ценкеръ въ Bibliotheca Orientalis I (Лейпц. 1846, (стр. 60). Но К. Графъ, говоря въ предисловіи къ своему переводу Голистана (1846) о своихъ нѣмецкихъ предшественникахъ (стр. XV), не знаетъ Громана.

2) Графъ: Rosengarten (1846), введеніе, стр. XV.

в) Отрывки далъ Ит. Пицци въ I т. своей Storia della poesia persiana, Торино 1894, стр. 324-336.

Славянскіе переводы Голистана.

Къ сожалѣнію, у меня подобраны только кое-какія свѣдѣнія по литературѣ польской и украинской.

У поляковъ, сверхъ стариннаго перевода «Голистана» Отвиновскаго (см. у насъ стр. 447; изд. Яницкій въ Варшавѣ 1879), долженъ существовать и новый переводъ Казимірскаго 1877 г. Я этого перевода не видѣлъ. а Барбье де Мейнаръ въ своей брошюрѣ «La poésie en Perse» (П. 1877, стр. 47-48 сноска) говоритъ: «По словамъ знатоковъ, этотъ переводъ воспроизводитъ съ изумительной точностью слогъ, образы и даже стихотворные размѣры персидскаго подлинника». Барбье де Мейнаръ не говоритъ, видѣлъ ли онъ переводъ Казимірскаго напечатаннымъ, или знаетъ только отъ Казимірскаго объ изготовленной рукописи.

По украински существуетъ моя антологія изъ Голистана, напечатанная въ львовскомъ журналѣ: «Житє і Слово Вістник літератури, історії і фолклору», рік перший 1894, май-іюнь (ст. 350-353) и іюль-августъ (стр. 27-43): «Голістан (рожевий квітник) Мосліх-од-діна Саадія Шіразького. З перської мови переложив А. Кримський.

Содержаніе: Вступне слово (ст. 350), Із передмови до Голістана (ст. 350-351). З книжки першої: Хлопчик на кораблі (стр. 351), Лисичка (ст. 351). Новшірван Правосудний на полюванні (352), Дервіш і цар (352). Бозоргмигр (352-353), Два брати (353). З книжки другої: Са'дій і прочане [27]. Одшельник у гостині в царя [28], Са'дій-дитина та його батько [28-29], Са'дій-парубок та недотепний музика [ст. 29-30], Ненажерливий богомільник [30]. Спосіб на людські докори [30]: Що таке суфійство? [30-31]. Са'дій в Сирії та лиха жінка [31-32]. Одшельники та гроші [33-34], Нездержний силач [34], Цар і дервішеська братія [34]. Із книжки третьої: Марокський старець [36], Дервішеська незалежність [36], Скільки треба їсти? [37]. Са'дій та купець-багатир [37], Дурний багатир [37]. З книжки четвертої: Мовчи про свою шкоду [38], Безгласий хатиб [38]. З книжки п'ятої: Попугай та ворон (38-39), Вірний приятель, що топгтся [39]. З книжки шостої: Старий дід та молода жінка [39-40] З книжки сьомої: Скупий, що заслаб на очі [40]. З книжки осьмої: Правдива наука (40), Мовчи про таемниці (40-41), Не вір ворогові (41), Не будь дуже добрий (42). Поради [42-43]. Персидскіе стихи переведены украинскими стихами же.

Русская библіографія.

Сверхъ стариннаго «Криннаго дола» XVII в., о которомъ говорилось подробно на стр. 433 и 447, мы можемъ указать довольно значительное количество (около четверти сотни) переведенныхъ по-русски отрывковъ изъ Голистана въ теченіи XIX столѣтія. Полныхъ русскихъ переводовъ два, и оба принадлежатъ профессорамъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: С. И. Назарьянцу (М. 1857) и, несравненно лучше,

И. Н. Холмогорову (М. 1882), моему учителю. Я перечислю всю извѣстную мнѣ русскую библіографію Голистана въ хронологическомъ порядкѣ [1]):

1) Изъ Садія—«Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1794, ч. 1, стр. 228.

2) А. К[о]т[е]л[ь]н[и]цк[ій]: Восточная басня славнаго Саади. Съ французскаго—«Пріятн. и полезн. препров. вр.» 1796, ч. 12, стр. 190.

3) А. К. [Котельницкій]: Басни восточнаго философа Саади—«Библіотека ученая и экономическая» 1797, ч. 14, стр. 158.

4) Пав. Львовъ: а) Заблужденіе, б) Молодой шахъ. Изъ Саади—«Ипокрена или утѣхи любословія» 1801, № 67 (ч. 10, стр. 240) и № 69 (стр. 272).

5) Басни восточнаго стихотворца Саади—«Сѣв. Вѣстникъ» 1805 (ч. 8), стр 173-178 и стр. 249-259.

6) Николай Бобрищевъ-Пушкинъ: Саадіевы мысли —«Каллiопа» 1817, стр. 122-128.

7) Мысли объ уединеніи, перевед. изъ Садіевой книги—«Пантеонъ Иностранной Словесности» 1818, ч. 2, стр. 302-303.

8) Д. Богдановъ: Повѣсти съ персидскаго изъ Сади и съ арабскаго изъ Эбнъ-Ходжата—«Сынъ Отечества» 1823 (ч. 90), №49 стр. 126-129.

9) Кусокъ земли Басня Саади— «Азіат. Вѣстн.» 1825, кн. 3, стр. 276.

[Въ 1826 г. вышло 1-е изданіе хрестоматіи А. Болдырева, повторенное въ 1833 г.; русскіе переводы изъ Голистана дѣлаются съ этихъ поръ по тексту Болдырева].

10) А. Бюргеръ; Непригожій царевичъ (Повѣсть изъ Садіева Цвѣтника), съ персидскаго—«Вѣстникъ Европы» 1825 (ч. 144), № 19, стр. 214-218. Въ предисловіи переводчикъ (кажется, Н. Коноплевъ, ученикъ проф. Болдырева, скрывшійся подъ псевдонимомъ) говоритъ: «Я какъ можно болѣе старался удерживать собственные порывы. Я старался болѣе о точности перевода, нежели о красотѣ слога».

11) Н. Коноплевъ: а) Достоинство и зависть (Изъ Садіева Цвѣтника). Съ персидскаго—Вѣстн Европы 1826 (ч. 146), № 2, стр. 85-88. —б) Онъ же: Отчаяніе невольника передъ казнію (Изъ Садіева Цвѣтника)—«Вѣстн. Евр.» 1827 (ч. 154), № 9, стр. 69-70.—в) Онъ же: Юноша изъ шайки разбойниковъ. Изъ Садіева Гюлистана—«Сѣверная Минерва» 1832, (ч. 1), № 5, стр. 338-344 —г) Онъ же: Боецъ. Изъ Садіева Гюлистана—«Сѣв. Минерва» 1832 (ч. 2), № 7, стр. 46-52. —д) Онъ же: Предисловіе Саади къ книгѣ, извѣстной подъ име-

[1]) Предупреждаю, что первыхъ 7 №№ я лично не видѣлъ и, взявши свѣдѣніе о нихъ то изъ вторыхъ, то изъ третьихъ рукъ, снимаю съ себя за нихъ всякую отвѣтственность.

немъ Гюлистана (Цвѣтника)—«Телескопъ» 1833 (ч. 18), № 21, стр. 39-61 —е) Онъ же: Образцы персидской повѣсти. Изъ Гюлистана Саади. —«Телескопъ» 1834 (ч. 24) № 46, стр. 149-152.

12) С. Соловьевъ: О выгодахъ самодовольства, или путешественники. Повѣсть 28-я изъ третьей главы Гулистана Муслихъ Еддина Саади Ширазскаго. Съ персидскаго—«Азіятскій Вѣстникъ» 1827, кн. 2 (стр. 105-112) и кн. 3 (стр. 161-158).

13) Плаватели, повѣсть персидскаго стихотворца Саади. Изъ соч. Кампе—«Новая Дѣтская Библіотека 1827, кн. 3 (стр. 294-296).

14) Сонъ злодѣя. Изъ Садія—«Сѣверные Цвѣты» на 1827, стр. 306.

15) А. Казембекъ: Предисловіе къ Гюлистану шейха Мюслахуддина Садія Ширазскаго—«Казанскій Вѣстникъ» 1829 (ч. 25), кн. 2-3, стр. 133-177.

16) * * * Вольная птичка, изъ Саадіева Гюлистана, кн. 2—«Галатея» 1829 (ч. 9), № 46, стр. 371.

17) Хомяковъ: Изъ Саади. На кусокъ янтаря (стихотв.)—«Московскій Вѣстникъ» 1830 (ч. 2), № 5, стр. 8.

18) N. N.: Сонъ. Апологъ Саади, персидскаго стихотворца—«Колокольчикъ» 1831, № 53 (стр. 209-210).

19) Л. Якубовичъ: а) Старикъ. Изъ Саадія (стих.) «Литературная Газета» 1831 (т. III), № 23, стр. 188.—б) Л. Я[кубовичъ]: Птичка (изъ Саадіева Гюлистана, кн. 2)—„Молва“ 1832, № 92 (стр. 365).—в) Онъ же: Подражаніе Саади—«Современникъ» 1836, т. IV (стр. 294) и «Сынъ Отечества 1837 (ч. 184), стр. 4-5.

20) Сади, или исправленное тщеславіе. Сказка. перевед. съ персидскаго языка Л. И.—«Всеобщая библіо[illegible] для юношества свѣдѣній» 1834 (ч. 7), стр. 188-190.

21) А. Паской-Шарапов[illegible] Гюлистанъ, сочиненіе персидскаго поэта Саади—„Библіотека для Чтенія“ 1851 (т. 78), октябрь, отд. II, стр. 49-68 [1]). Переводчикъ предлагаетъ по двѣ первыхъ повѣсти изъ каждой главы Голистана, т. е. въ общемъ 16 разсказовъ. Предпослано короткое введеніе о персидской литературѣ, о Са'діи.

22) Ю. Богушевичъ: Гюлистанъ Саади—въ „Сборникѣ, изданномъ студентами Имп. Спб. У-та“, вып. I (1857), стр. 179-254.

1] «Библіотеку для Чтенія» указываетъ С. Назарьянцъ на стр. V своего предисловія къ «Розовому кустарнику» (М. 1857), гдѣ онъ очень свысока третируетъ этотъ переводъ «Пасъ-Шарапова», считая его къ тому же единственнымъ въ русской литературѣ до той поры. Но мнѣ помнится, что Паской-Шараповъ печатался не въ „Библіотекѣ для Чтенія“, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1851. Не имѣю его работы подъ руками. Она переплетена въ одну книгу съ «Керъ-Оглу» Пенна, въ экземплярѣ, поступившемъ въ библіотеку Лазаревскаго Института въ октябрѣ 1910 г.; но въ данную минуту нѣтъ книги на своемъ мѣстѣ, чтобы свѣриться.

Имѣется отдѣльный оттискъ, Спб. 1857 (78 стр; въ типографіи II отдѣленія собственной Его Имп. Велич. канцеляріи).

23) С. Назаріанцъ (докторъ восточной словесности): Розовый кустарникъ шейха Муслехеддинъ Саади Ширазскаго, славный подъ названіемъ Гулистана. М. 1857. Стр I-XX предисловіе; стр. 1-174. Неудобство перевода Назарьянца - то, что стихи Са'дія ничѣмъ не отмѣчены: они переводятся сплошнымъ прозаическимъ текстомъ въ одну строку съ прозою. И русскій языкъ С. Назарьянца—старомодно-тяжелъ; иногда (напр. на стр. V, гдѣ С. И. Назарьянцъ скорбитъ, что «мы Русскіе, въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Азіей, еще тако мало успѣли изучить этотъ первобытный міръ, его многозначительную поэзію») читатель чувствуетъ себя чуть ли еще не въ XVIII вѣкѣ.

С. И. Назарьянцъ предупреждаетъ (стр. XX), что онъ переводилъ самостоятельно: «къ нѣмецкому переводу [Карла] Генриха Графа прибѣгалъ я въ крайнихъ случаяхъ, чтобы сохранить самостоятельность своего труда». Къ сожалѣнію, этотъ принципъ проведенъ былъ русскимъ переводчикомъ дѣйствительно съ упорствомъ и явился источникомъ ошибокъ и несообравностей.

Напр на стр 42: «Мнимый путешественникъ по мѣстамъ богослужебнымъ растрепалъ волосы и говорилъ о себѣ, что онъ потомокъ Али». У Холмогорова (1882, стр. 79) переведено съ основаніемъ: «Какой-то плутъ закрутивъ свои косы, объявилъ себя потомкомъ Алія» У Графа (стр. 55): «kräuselte sein Haare». Поясненіе мы имѣемъ у Олеарія: «Сеййиды от[illegible] волосы съ [illegible] сторонъ головы и заплетаютъ [illegible] или свер[illegible]»

На стр [illegible] [Наз]арьянца чт[illegible]: «Одинъ безрукій и без[illegible] убивалъ [illegible] тысячею ногами». У Холмогорова (стр. 167): «Безрукій и безногій убилъ тысяченожку» У Графа (стр. 114): «tödtete einen Tausendfüssler», и въ дальнѣйшемъ эта тысяченожка названа das Thier.

Переводомъ Холмогорова (1882) переводъ Назарьянца, конечно, вытѣсненъ безповоротно. Но онъ небезполезенъ для цѣлей провѣрки. Иногда онъ и полнѣе Холмогоровскаго Напр. на стр 46-47 довольно скабрезная предпослѣдняя повѣсть I главы Голистана (о китайской невольницѣ, отданной разгнѣванным пьянымъ царемъ негру, который «на верху счастія платитъ дань природы») у Назарьянца какъ-ни-какъ переведена, съ оговоркою лишь, что «естественная нагота характеровъ Саади не допускаетъ буквальнаго перевода». У Холмогорова же (стр. 86) повѣсть выпущена безъ всякой оговорки о дѣлаемомъ пропускѣ. У Графа (стр. 59) она переведена.

Персидскій текстъ Голистана, которымъ пользовался Назарьянцъ, это—тебризское изданіе «Коллійятъ» 1264=1248.

24) Конст. Ламбросъ: Гюлистанъ, сочиненіе Саади. Переводъ съ персидскаго, со многими, совершенно новыми примѣчаніями. Одесса 1862. Стр. VII и 276 и 10 (въ типогр. Л. Нитче). Не имѣетъ никакого научнаго значенія при наличности переводовъ Назарьянца и Холмогорова.

25) И. Ботьяновъ: Нѣсколько стихотвореній изъ Гафиза, Саади и другихъ. Въ переводѣ съ персидскаго. Одесса 1866. Въ маленькой (22 стр.) этой брошюрѣ Са'дій представленъ нѣсколькими отрывками изъ Голистана. Брошюра являетъ собою наслѣдіе старинныхъ временъ [1]).

26) Ѳ. Миллеръ: Изъ Саади, стих.—«Газета Гатцука» 1880, № 74. Сынъ переводчика, акад. Вс. Ѳ. Миллеръ, которому я обязанъ этимъ библіографическимъ указаніемъ, сообщилъ мнѣ, что, сколько ему помнится, переведенные его отцомъ стихи взяты изъ Голистана и что онъ не знаетъ, вошли ли они въ «Собраніе стихотвореній» Ѳ. Б. Миллера.

27) И. Холмогоровъ: Гюлистанъ «Цвѣтникъ розъ». Твореніе шейха Саади Ширази. Съ персидскаго подлинника. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1882. Стр. 1-336 переводъ, стр. 337-344 свѣдѣнія о Са'діи, стр. 344-353 примѣчанія къ переводу Голистана Стихи переведены прозою, но всякій разъ съ помѣткою, что въ подлинникѣ это стихи. Можно иногда не соглашаться съ переводомъ Холмогорова; можно пожалѣть, что старикъ-ученый успѣлъ отстать отъ науки и не использовалъ ни Дефремери (1858), ни болѣе позднихъ западныхъ оріенталистовъ; но въ общемъ переводъ Голистана, сдѣланный Холмогоровымъ, удовлетворяетъ потребности русской читающей публики и даже оріенталистовъ, и надо полагать, что новый русскій прозаическій переводъ Голистана едва ли будетъ кѣмъ-нибудь скоро предпринятъ. Потребность есть только въ такомъ переводѣ, гдѣ стихи были бы переданы стихами же [2]).—Что Назаріанцъ все-таки можетъ иногда быть полезенъ и при наличности перевода Холмогорова, это отмѣчено выше (стр. 457).

Въ 1915 г. вышелъ альманахъ подъ заглавіемъ «Гюлистанъ». Съ произведеніемъ Са'дія онъ безусловно ничего общаго не имѣетъ: это обыкновенный сборникъ беллетристики русско-европейскаго типа. Но самая идея взять заглавіе съ востока, отъ Са'дія, показываетъ, что и подлинный Голистанъ Са'дія успѣлъ себѣ завоевать нѣкоторую популярность въ русскомъ читающемъ обществѣ.

IV.

Пендъ-намé, или Книга совѣтовъ.

Приписываемая Са'дію «Книга совѣтовъ»=«Пенд-намé» (иначе называе-

---

[1]) И. Ботьянову принадлежитъ напр. въ 1826 г. статья про Джаміеву поэму „Юсофъ и Золейха" въ Азіатскомъ Вѣстникѣ 1826, кн. 5.

[2]) Въ ниже прилагаемой у насъ антологіи мы предложимъ образчики изъ Голистана именно въ такомъ прозаическо-стихотворномъ переводѣ нашихъ студентовъ.

мая «Кяріма»=«О, великодушный!» по ея первому слову) впервые была напечатана въ «Колліййат» редакціи Harington'а 1791 (т. I, стр. 200 и слѣд.), а въ прочихъ изданіяхъ Коллійятъ она обыкновенно отсутствуетъ. Имѣются отдѣльныя оріенталистическія изданія Са'діевой «Пенд-наме»: Гледуина (1801 и 1840; съ англ. переводомъ), Гейтлина [1835, съ лат. перев.], Волластона (1908, съ англ. переводомъ) и др., равно какъ довольно много восточныхъ, преимущественно индійскихъ литографій. Мы перечислимъ всю извѣстную намъ библіографію и изданій, и переводовъ Пенд-наме вмѣстѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ и скудную русскую библіографію первой четверти XIX вѣка укажемъ совмѣстно съ прочею, а не отдѣльно.

1) англійскій переводъ Ф. Гледуина (еще безъ перс. текста) [1]: Pundnameh, a compendium of ethics, translated from the persian of Sadi of Shiraz into english, Калькутта 1788 (см. дальше, № 3).

2) Коллійятъ, изд. Harington, т. I, Калькутта 1791, стр. 200 sqq.

3) Fr. Gladwin [срв. № 1]: The Persian moonshee, containing a copious grammar and a series of entertaining stories, also the Pund namuh of shykh Sadee, being a compendium of ethics in verse by that celebrated poet, to which is added forms of addresses, petitions, citations and bonds, Калькутта 1801.—Сорокъ лѣтъ спустя книгу переиздалъ William Carmichael Smyth съ добавочнымъ заглавіемъ: The whole in the arabic and roman characters, together with an english translation, Лондонъ 1840.

4) S. Rousseau: The flowers of persian literature, containing extracts from the most celebrated authors in prose and verse, with a translation into english, Лонд. 1801.

5) Garcin de Tassy: а) въ его Exposé de la foi musulmane... de Mohammed Elberkevi, suivie du Pend Nâmèh poëme de Saadi, traduit du persan, и т. д. Пар. 1822. б) У него же въ Allégories, récits peétiques et chants populaires, 2-е изд. Парижъ 1876, стр. 197-200.

6) The persian reader, or select extracts from various persian writers. English and persian, 2 tt., Калькутта 1824-1825.

7) Литогр. въ Калькуттѣ 1242=1826.

8) А. Болдыревъ: Персидская хрестоматія, М. 1826; 2-е изд 1833. На стр. 9—18 во II части дано по-персидски 9 отрывковъ изъ Са'діевой Пенднаме, которые затѣмъ переводятся по-русски учениками проф. Болдырева.

9) О бренности здѣшнихъ благъ. Изъ Пендъ Наме, соч. Сади. Съ персидскаго—«Вѣстникъ Европы» 1826 [ч. 146], № 3, стр. 230.

---

[1] Я этого изданія не видѣлъ, цитирую по Ценкеру: Bibliotheca Orientalis, I, № 518 [Лейпц 1846], и не рѣшаюсь поправить транскрипцію Ценкера, безусловно не Гледуиновскую.

10) О судьбѣ. Изъ Саадіева Пендъ Наме, или Книги совѣтовъ. Съ персид. перевелъ Н. Коноплевъ—«Вѣстникъ Европы» 1827 (ч. 154), № 9, стр. 67-68 [1].

11) по персидски и hиндустанійски, Калькутта 1829.

12) Диссертація Г. Гейтлина съ перс текстомъ и латин. переводомъ: Specimen academicum, Pendnâmeh sive Librum consiliorum scheich Musliheddin Saadi Schirasiensis persice interpretatione latina notisque illustratum sistens, quod venia amplissimae facultatis philosophiae ad imperialem universitatem in Fennia p. p Gabriel Geitlin, philosophiae doctor, respondente Johanne Zacharia Lange, sacellano Helsingfortiensi и т. д. Гельсингфорсъ 1835.

13) Срв къ этому «Сѣв. Пчела» 1835, № 143.

14) Изъ Пендъ Наме Саади или Книги совѣтовъ—«Молва» 1835 (т. X), № 31-34, стр. 115-118.

[Переизданіе Гледуина 1840—см. № 3.]

15) Литогр. въ Лакнау 1259=1843

16) K. Graf въ своихъ примѣчаніяхъ къ «Rosengarten» (1846) перевелъ нѣмецкими стихами, по тексту Гледуиновскаго Persian Moonshee 1801 г., семь отрывковъ изъ Са'діевой Пендъ-наме: О благодарности (стр. 239=перс. у Гледуина стр. 88), Раскаяніе послѣ 40 лѣтъ жизни (244=перс. 81), О справедливости [253=перс. 85], О несправедливости [260=перс 86], О довольствѣ жребіемъ въ бѣдности (281-282=перс. 87), Избѣгай глупцовъ! [293=перс. 85], Заключеніе Пендъ наме, о превратности всего земного (297-298=перс. 90 и слѣд)

17) По недоразумѣнію относятъ сюда же Em. Latouche, Pend-nameh ou le Livre des conseils de moll. Fireuz ben Kaous, suivi de plusieurs histoires du Bostan de Sadi et de son traité de politique, texte persan, avec notes sur le magisme. Пар. 1847. Именно, въ каталогѣ библіотеки покойнаго парижскаго ираниста Ш. Шефера (изд. Leroux. Пар. 1899) сказано (стр. 49, № 830), что этотъ Са'діевъ «traité de politique» есть его Пенд-наме. Сколько помню однако, у Лятуша издана 5-я рисале Са'дія: Несіхет-и молюк=Добрые совѣты для вельможъ.

18-21) Литогр. Лакнау 1263=1847, 1264=1848; Агра, безъ даты; Каиръ in 4-to (43 стр), безъ даты.

22) H Jolowicz: Polyglotte der orientalischen Poesie, in metrischen Uebersetzungen deutscher Dichter, Лейпц. 1853 (срв у насъ стр 435). Въ отдѣлѣ «Perser» въ рубрикѣ о Са'діи перепечатаны переводы Графа изъ Пенд-наме (стр. 539-540).

23) Литогр. въ Калькуттѣ 1270=1854, съ переводомъ на rekhta.

24) N. A Tata: Glossary of words occurring in Karima of Saadi, Бомбей 1867 (321 стр.).

---

[1]) Мы уже видѣли Н. Коноплева, какъ переводчика изъ Бустана и Голистана (стр. 438 и 455).

[Garcin de Tassy 1876, см. № 5].

25) Sorabshaw Byramji Doctor: a) Saadi Pandnamah, with vocabulary, edited in persian, Суратъ 1876 (112 стр.) —б) Новое изданіе при его же учебникѣ: Second book of persian, to which are added the Pandnamah of shaikh Saadi and the Gulistan ch. I, 2-nd ed, Суратъ 1880. Текстъ Пенд-наме на стр. 55-65 (двадцать пять главъ), а на стр. 66-73 подстрочный словарь къ ней.

26-29) Литогр. въ Лаһорѣ 1887, Агрѣ 1887, Бомбеѣ 1887, Каунпорѣ 1888, и др.

30) A. N. Wollaston далъ лучшее изданіе текста съ англійскимъ переводомъ (1908)

31) Въ сборникѣ «Меджмуɛе-йи пендж китаб» Бомбей 1319 = 1901 (124 стр.) на первомъ мѣстѣ помѣщена «Кяріма» Са'дія. (Тамъ есть и «Пенд-наме» Аттара).

V.

Сахыбова книга.

Прозаическую часть «Сахыбовой книги» составляетъ или 5-я рисале: «Наставленіе для вельможъ», или 3-я рисале: «Вопросы, заданные сахыбъ-диваномъ» (см. выше, стр. 405), и библіографія прозаической части указывается ниже, въ отдѣлѣ «Рисалатъ». Относительно же библіографіи стихотворной части «Сахыбовой книги» придется лишь указать, что во-первыхъ «Саɣыбіййе» во всѣхъ изданіяхъ «Коллійятъ» помѣщается въ концѣ лирическаго отдѣла, и во-вторыхъ—имѣетъ незначительную европейскую литературу:

1) Wilh. Bacher: a) глава о составѣ Сахыбовой книгѣ, въ статьѣ: Sa'di-Studien (Z. D. M. G., т. 30=1876, стр. 93-106).—б) Онъ же издалъ со стихотворнымъ нѣмецкимъ переводомъ Сахыбову книгу подъ заглавіемъ: Muslicheddin Sa'di's Aphorismen und Sinngedichte, zum ersten Male herausgegeben und übersetzt, Страсбургъ 1879. Стр. 1-200. Счетъ страницъ—справа на лѣво [на четныхъ страницахъ персидскій текстъ, на нечетныхъ—нѣмецкій стихотворный переводъ].

2) Рецензія X. Флейшера на трудъ Бахера—въ «Z. D. M. G.» т. 34=1880, стр. 389-402. Предложенъ рядъ поправокъ или лучшихъ чтеній.

3) Fr. Rückert (посмертно): Saadis Politische Gedichte, auf Grund des Nachlasses herausgegeben.... von E. A. Bayer, Берлинъ 1894, стр. 59-94: «Sahibbuch». Переводъ дѣлался Рюккертомъ въ 1840-хъ гг. Стихотворная форма у великаго Рюккерта, конечно, выше, чѣмъ у Бахера, но число его переводовъ меньше.

VI.

Лирика Са'дія.

Персидскій текстъ лирическихъ касыдъ, газелей и мелочей Са'дія помѣщается въ изданіяхъ Коллійятъ. Изрѣдка лирика литографируется отдѣльно, какъ особый «Діван-и Сеɛді». Среди

хрестоматій обильнѣйшая по отношенію къ Са'діевой лирикѣ—«Образчики» мирзы Абд. Гаффарова (ч. II, М. 1906). Тексты отдѣльныхъ касыдъ и газелей частенько печатаются вмѣстѣ съ европейскими переводами. Среди переводчиковъ лирики Са'дія первое мѣсто занимаютъ Рюккертъ (изданный однако лишь посмертно, въ 1890-хъ гг.) и К. Графъ (1855-1864 въ ZDMG), оба стихотворные. Помѣщаемая нами русская антологія предлагаетъ очень много образцовъ, которые притомъ въ большинствѣ случаевъ еще не были никѣмъ переводимы.

Всю извѣстную намъ (помимо Коллійятъ) библіографію Са'діевой лирики, какъ изданій текста, такъ и переводовъ, мы располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ:

1] Anthologia Persica.... in Latinum translata, изд. академіи вост. языковъ, Вѣна 1778. На стр. 48-51 текстъ и латинскій переводъ: Elegia Maeslaehid-din Saedii. Это касыда: «Хôш ест ɛомр», которая съ тѣхъ поръ много разъ переиздавалась и переводилась въ Европѣ [„Пріятна жизнь", по даваемому у насъ переводу акад. Корша].

2] Діван-и Сеɛді, Калькутта 1809 [in 4-to].

3] M. Lumsden: Persian selections for the use of the students of the persian class, 6 тт, Калькутта 1809-1811. Vol. III: A portion of the Bahaure Daunish and the Deewaune Saudee.

4] Г. Св ъ: Персидскія стихотворенія. Съ французскаго—«Цвѣтникъ» 1810 [ч. 6], стр. 67-78. Тутъ даны: Поэма Ануари. Ода Сади. Ода Джами. Ода Гафиза.

5] Jos. v. Hammer: Redekünste, Вѣна 1818. На стр. 208-216 in 4-to петитный стихотворный переводъ почти двухъ десятковъ касыднаго и газельнаго жанра, включая сюда три робаи и семь мофредатъ Первая касыда (стр. 208-209): «Би hіч йар ме-бенд хатир» (у насъ она дана въ перев акад. Корша: «Пусть чары подруги иль края»).

6) Silv. de Sacy въ примѣчаніяхъ къ Аттаровой Le livre des conseils (Пар. 1819) на стр. 263-266 издалъ съ франц. прозаич. переводомъ двѣ газели: «Зи тôба меслеɀет» и «Ей, берq! егяр би гуше-йи», и на стр. 314-316 вычурную касыду: «Ей, би бала, чо сеноwбер», съ помѣткою, что она въ Коллійятахъ отсутствуетъ.

7) А. Болдыревъ: Персидская хрестоматія, 2 чч, М. 1826; 2-е изд. М. 1833, со словаремъ. Эта памятная хрестоматія, сыгравшая огромную роль въ русскомъ востоковѣдѣніи, содержитъ только самые тексты, безъ переводовъ, и русскіе переводы съ нея дѣлались ужъ отдѣльно (учениками проф. Болдырева, напр. Коноплевымъ). Помѣщены во II части (стр. 66-76) касыды и газели: Хôш ест ɛомр (стр 66-68; у насъ въ перев. акад. Корша: «Пріятна жизнь»); двѣ изъ Сильв. де-Саси: Ей. би бала, чо сеноwбер (стр 68-69) и Зи то ба меслеɀет (стр. 69-70); йар ан бовед (стр. 70-72; у насъ въ перев. акад. Корша: «Другъ тотъ, кого не тяготитъ»); наконецъ: Йа Ребб, ез ма че селаɀ? (стр. 72) и Фезл-и Ходай-ра (стр. 73-76). Двѣ послѣднихъ съ несомнѣнностью взяты изъ тезкире Довлетъ-шаhа.

8) Изъ Саади и Гафиза. Переводъ съ персидскаго—«Казанскій Вѣстникъ» 1829 (ч. 26), кн. 7, стр. 216-222.

9) Х. Тростинъ: Суета міра. Подражаніе Саади—«Московскій Телеграфъ» 1831 (ч. 38), № 6, стр. 182-183.

10) В. Григорьевъ: Гимнъ Богу, Саади. Перев. съ подлинника—«Радуга» 1833, № 3, стр. 166-170.

11) L. Dubeux: La Perse, Пар. 1841, въ серіи „L'Univers pittoresque". На стр. 449-450 перепечатаны изъ Le livre des conseils Сильв. де Саси (1819) двѣ переведенныя имъ газели (у де-Саси стр. 263-266).

12) Frid. Spiegel: Chrestomathia persica, со словаремъ, Лейпц. 1846. На стр. 124-130 текстъ двухъ знаменитыхъ касыдъ: Хôш ест ɛомр (стр. 124-126) и Би hіч йар ме-диh хатир (стр. 126-130),—обѣ онѣ даны у насъ по русски въ перев. акад. Корша.

13) H. Jolowicz: Polyglotte der orientalischen Poesie, in metrischen Uebersetzungen deutscher Dichter, Лейпц. 1853. На стр. 530-532 двѣ очень извѣстныхъ касыды въ переводѣ К. Графа: «Би hіч йар медиh хатир» и «Хôш ест ɛомр».

Вь 1840-хъ гг. много работалъ надъ стихотворнымъ переводомъ всѣхъ отдѣловъ Са'діевой лирики мастеръ этого дѣла Рюккертъ, но при своей жизни онъ ничего не издалъ, и переводы его, какъ будетъ отмѣчено ниже, увидѣли свѣтъ только въ 1890-хъ гг. Главная заслуга научнаго ознакомленія Европы съ лирическимъ диваномъ Са'дія принадлежитъ К. Графу (род. 1815, ум. 1869) въ 1855-1864 гг. въ «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, тт. 9, 12, 13, 15 и 18 (что принято отмѣчать черезъ Z. D. M. G.):

14) Собственно началъ Графъ печатать свои переводы изъ лирики Са'дія еще въ 1850 г. въ приложеніи къ 1 томику Lustgarten (Bostan), гдѣ на стр. 234-236 помѣстилъ стихотворно переведенную имъ популярнѣйшую касыду: «Хôш ест ɛомр» (по тексту калькутт. изд. Коллійятъ т. II, 1795, стр. 217, и хрестом. Шпигеля 1846, стр. 217). Но главное дѣло К. Графа—это систематическая антологія изъ всѣхъ почти отдѣловъ Са'діева дивана, въ нѣм. стихотворномъ переводѣ съ персидскимъ текстомъ en regard:

15) K. Graf: Aus Sa'di's Diwan. I. Auswahl aus Sa'di's Kasiden (всего 20 касыдъ) въ «Z. D. M. G.», т. 9=1855, стр. 92-135, и т. 12=1858, стр. 82-116; среди нихъ касыда «Би hіч йар ме диh хатир» (т. 12, стр. 107-110) не сопровождается персидскимъ текстомъ и имѣетъ ссылку на текстъ хрестоматіи Шпигеля.—II. Auswahl aus Sa'di's Tejjibat (14 газелей) въ Z. D. M. G., т. 13=1859, стр. 445-467.—III. Aus dem Kitab-i Bedai' (10 газелей) въ Z. D. M. G., т. 15=1861, стр. 541-554.—IV. Aus dem Kitab-i Chevatim (7 №№) тоже въ т. 15, стр. 554-564.—V. Aus dem Kitab-i Merasi тоже въ т. 15, стр. 564-576; тутъ произведенъ обзоръ десяти некрологическихъ элегій, но переведены изъ каждой только извлеченія.—VI. Aus dem Kitab-i Robaʻijjat (6 четверостишій) въ Z. D. M. G., т. 18=1864, стр. 570-

572.—VIII. Aus dem Kitab el-Mofredat (4 двустишія) тоже въ т. 18, стр. 572. При персидскихъ текстахъ Графъ указываетъ и стихотворный ихъ размѣръ. Самый же текстъ не провѣренъ Графомъ по другимъ рукописямъ: онъ просто перепечатываетъ Са'діевы лирическія стихотворенія изъ Херингтоновскаго изданія Колліятъ 1795, т. II.

16) У И. Холмогорова въ его диссертаціи «Саади Ширазскій» (Казань 1865) изданы тексты и прозаич. переводы: а) Двѣ касыды о величіи Бога (Фезл-и Ходай-ра, стр. 18-22 и На Ребб, ез ма че селаꜫ, стр. 23-24) и газель изъ Теййыбатъ (стр. 24-25),—всѣ три по тезкире Довлетъ-шаһа. Все прочее—изъ тебризскаго изданія Колліятъ 1257=1841 г.: б) Обѣ элегіи, арабская и персидская, на паденіе Багдада въ 1258 г. (стр. 54-60); —в) Отрывокъ терджибенда (стр. 127-128; двѣ «пестрыхъ» касыды (стр 129-133; изъ нихъ одна потомъ переведена акад. Коршемъ: «О жаждѣ спроси у скитальца»); три арабскихъ (стр. 133-136; онѣ у насъ даны по-русски стихами); двѣ теййыбатъ безъ русскаго перевода [стр. 136-137] и одна съ переводомъ [стр 137-138]; одна изъ бедайꜫ [стр. 138-139]; одна изъ хеватім (стр. 140-141); два четверостишія безъ русскаго перевода [стр. 141] и одно съ переводомъ (стр. 144); четыре мофредатъ, гдѣ три безъ перевода [стр. 144] Характерно для русской оріенталистики того времени, что И. Н. Холмогоровъ, живя въ Казани, даже не подозрѣвалъ о существованіи нѣмецкихъ переводовъ К. Графа: «Aus Sa'di's Diwan».

17) W. Bacher въ своемъ очеркѣ жизни Са'дія, предпосланномъ къ Sa'di's Aphorismen und Sinngedichte (Страсб 1879), тамъ и сямъ приводитъ короткія цитаты изъ лирики Са'дія, а кромѣ того специяльно отводитъ рубрику для выдержекъ изъ теййыбатъ въ своемъ стихотворномъ нѣмецкомъ переводѣ: тамъ же «Aus Sa'di's Ghaselen», стр. LVI-LVII.

18) Кое-что, съ западно-европейскихъ языковъ, переводилъ по русски стихами Ѳ. Б. Миллеръ. Вѣроятно, его переводы вошли въ его Собраніе стихотвореній.

19) Max Grünert: Neu-persische Chrestomathie, I Theil, Texte, Прага 1881 (II Theil=Vocabular). In 4-to. На стр. 34-42: Aus Sa'di's Manzumat, текстъ около 3 десятковъ мелкихъ отрывковъ, почти исключительно робаи. Переводовъ вообще нѣтъ въ этой хрестоматіи.

20) It. Pizzi: a) Chrestomathie persane, Торино 1889 (со словаремъ). На стр. 106-ой латинскими буквами персид текстъ: «Зи тô би меслеꜫет-и хіш не мі-пердазем».—б) Онъ же: Storia della poesia persiana, т. I, Торино 1894; переведены по-итальянски стихами двѣ извѣстнѣйшія касыды: «Хôш ест ꜫомр» и «Биһіч йар ме-диһ хатир» [стр. 311-312: онѣ у насъ даются въ переводѣ акад. Корша], элегія на взятіе Багдада [стр. 312-313] и двѣ газели [стр. 313-314].

21) М. Г(амазовъ): Переводы съ персидскаго, турецкаго и арабскаго—въ «Запискахъ Восточнаго отдѣленія Имп. Р. Археол. Общ.» т. V=1890, стр. 85-98, 271-281. Среди этихъ стихотворныхъ переводовъ и подражаній, вообще лишенныхъ всякаго научнаго значенія, попадаются то одинъ, то два стиха изъ Са'дія, какъ будто восходящіе къ

его дивану (если не пр[illegible]е т[illegible]ко къ болѣе извѣстнымъ Голистану и Бустану).

22 Friedrich Rückert: a) Aus Saadis Diwan. Auf Grund des Nachlasses hsg. v. E. A. Bayer, Берлинъ 1893; стр. XIV и 172 in 16-o. Послѣ переводовъ К. Графа (ум. 1869) это, хронологически, самая важная публикація въ данной отрасли, и можно пожалѣть, что эти удачные стихотворные переводы покойнаго Рюккерта такъ долго лежали подъ спудомъ. Персидскій текстъ не приложенъ къ изданію. Переведено изъ Дивана: aus dem Buche der Oden und Hymnen (3 №№, стр. 1-3); Süssigkeiten (6[illegible] №№, стр. 4-55); Wunderpoesien (30 №№, стр. 56-80); [illegible] (5 №№, стр. 81-85); Alte Gaselen (2 №№, стр. 86-87); Vierzeilen (92 №№, стр. 88-104); Gazelenbruchstücke (130 №№, стр. 105-143); Einzelverse (47 №№, стр. 150-156).

б) Его же: Saadis Politische Gedichte, auf Grund des Nachlasses hsg. und mit ausführlicher Einl. über Saadis Leben und Werke versehen von E. A. Bayer, Берл. 1894; 178 стр. Половину книги занимаетъ очеркъ жизни Са'дія и переводъ Sahibbuch. Другая половина: Buch der Lobgedichte auf die Fürsten, т. е. хвалебныя касыды (22 №№, стр. 95-112) и Politische Trauergedichte, т. е. мерасі (7 №№, стр. 113-124). Выдержки.

23-26) Пять индійскихъ работъ надъ переводомъ «Теййыбатъ» должны быть разсматриваемы вмѣстѣ:

а) Translation and explanation of Saadi's Tayebat (Odes 1-50) by D. F. Mullá, Бомбей 1895 (59 стр.);—б) его же: Odes 50-100, Бомбей 1896 (70 стр.).

в) K. H. Tapish: Notes on the Tayebat of Saadi, odes 51 to 100. Persian and english, Бомбей 1893 (49 стр.).

г) Odes 51-100, the persian text with a translation by Noshirván B. R. Koteval (Oriental Gems Series), Бомбей 1894 (194 стр.).

д) Translation of Saadi's Thayyebat (Odes 101-150) with introduction and life of the poet by K. M. Jhaveri, Бомбей 1894 (56 стр.).

27) Vittorio Rugarli: Saadi, quattro odi, trad. dal persiano, Болонья 1896 (13 стр.).

28) Четверостишія имѣются въ сборничкѣ: «Меджмуєе-йи робаєіййат» шести авторовъ, Деһли 1319=1901 (38 стр.). Са'дій изданъ здѣсь на первомъ мѣстѣ.

29) E. S. Holden: Flowers from persian gardens. Selections from poems of Saadi, Hafiz etc. Лондонъ 1904 (въ Wayside Series).

30) Мирза Абдулла Гаффаровъ: Образчики персидской письменности, ч. II. Поэзія М. 1906. На стр. 317-335 текстъ одиннадцати касыдъ и газелей Са'дія, изъ числа наиболѣе извѣстныхъ (У насъ въ ниже прилагаемой антологіи онѣ всѣ переведены по-русски, безъ исключенія).

31) Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II (1906). На стр. 534-536 переведены англійскими стихами двѣ газели и отрывокъ одной автобіографической касыды.

32) Въ моей «Исторіи Персіи и ея литературы» въ 1-мъ изданіи III тома (М. 1906, стр. 85-138, помѣщенъ былъ прозаическій переводъ 15 теййыбатъ, 2 бедіѳе, 4 моѳеттеѳатъ, 2 элегій и 4 касыдъ, да кромѣ того на стр. 139-141 стихотворный переводъ акад. Ѳ. Е. Корша 1 газели и 1 пестрой касыды; прочіе 4 стихотворныхъ перевода акад. Корша приложены были къ 3-му изданію т. I, вып. 4 (М 1909), стр. 416-426. Для нынѣшняго изданія—и число прозаическихъ переводовъ мною очень увеличено, и всѣ шесть стихотворныхъ переводовъ предоставлены намъ акад. Коршемъ вновь. Сверхъ того помѣщаются стихотворные переводы и другихъ лицъ (все моихъ учениковъ), нарочно изготовленные для нынѣшняго изданія, съ персидскаго подлинника подъ моимъ руководствомъ.

VII.

«Рисалат».

Напоминаемъ (срв. стр. 412-413), что въ собраніи сочиненій Са'дія мѣсто «рисалатъ»—въ самомъ началѣ книги: онѣ служатъ введеніемъ къ «Коллійятамъ» и содержатся безусловно во всѣхъ изданіяхъ «Коллійятъ». Переводы на европейскіе языки и на русскій мы укажемъ не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ напечатанія, а въ порядкѣ нумераціи каждой рисале въ отдѣльности.

Рисале первая—общее введеніе, собственно «дібаче» (хотя и всѣ вмѣстѣ рисалаты тоже называются «дібаче»). Передъ 1-ою рисале вставлено предисловіе редактора, Алія ибнъ-Ахмеда Бисотунца, касательно способа редактированія (1326-1334). Это Бисотунское предисловіе перевелъ по-англійски J. H. Harington въ «Introduction» къ калькуттскому изданію полнаго собранія сочиненій Са'дія (т. I, 1791, стр. 24-26). У Бахера въ «Sa'di-Studien» (ZDMG., т. XXX=1876) см. стр. 84-86. Но суть понялъ Бахеръ невѣрно, тѣмъ болѣе, что и въ рукописяхъ неразъ допускается путаница. Правильно возстановленъ подлинный текстъ словъ Алія Бисотунца, и данъ соотвѣтственно правильный французскій переводъ—у бар. Розена въ описаніи перс. рукописей учебнаго отдѣленія Мин. Иностр. Дѣлъ: «Collections scientifiques» III (Спб. 1886), стр. 175-180.

Рисале вторая, состоитъ изъ пяти «меджлисовъ»=«собесѣдованій»:

а) Въ I меджлисѣ есть притча «Муравей и соловей» (на тему Лафонтеновской и Крыловской басни про стрекозу и муравья); она переведена по-нѣмецки Хаммеромъ въ «Redekünste» (1818, стр. 207-208), а года за четыре передъ тѣмъ далъ ее Журденъ по-французски въ своей La Perse, откуда въ 1841 г. перепечаталъ ее Dubeux въ своей одноименной La Perse (стр. 448-449). Нѣсколько разъ она появлялась и по-русски:

а) Журдень (такъ!): Отрывки персидской поэзіи. Съ французскаго—«Вѣстникъ Европы» 1815, № 11, стр. 173-179 («Соловей и муравей—изъ соч. Сади»).

[б) персидскій текстъ въ хрестоматіи А. Болдырева, 1-е изд. М. 1826; 2-е изд. М. 1833, ч. I, стр. 110-112: «Больболь о мурче»].

в) И. Ботьяновъ: Разговоръ соловья съ трудолюбивымъ муравьемъ. Басня Саади. Съ персидскаго—«Азіятскій Вѣстникъ» 1826, кн. 11 и 12, стр. 217-219.

г) Н. Коноплевъ: Соловей и муравей. Басня изъ Саади. Съ персидскаго—«Литературн. прибавл. къ Русскому Инвалиду» 1836, № 101-102.

д) краткій пересказъ въ диссертаціи И. Холмогорова: «Саади Ширазскій», Каз. 1865, стр. 65-66.

По-итальянски у Ит. Пицци въ «Storia della poesia persiana», т. I (1894), стр. 316-317.

б) Меджлисъ II, кажется, не переведенъ.

в-г) Меджлисъ III и IV изданы вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ и комментаріемъ М. Гюдеманна: «Moslih-ed-dini Sa'dii consessuum tertius et quartus, dissertatio inauguralis, auctor Mauritius Guedemann» (Бреславль 1858). Раньше его Сильв. де-Саси въ примѣчаніяхъ къ Аттаровой «Le livre des conseils» (Пар. 1819) далъ текстъ и франц. переводъ отрывковъ изъ III меджлиса (стр. 231-232 про откровеніе Баезиду Бистамскому касательно «я» и «ты») и изъ IV-го (стр. 226-227 про Иброhима ибнъ-Эдhема, доказавшаго, что дворецъ есть та же гостинница). Этотъ второй отрывокъ по-французски перепечаталъ L Dubeux въ своей «La Perse» 1841 (стр. 447-448), а по-персидски включилъ его Ит. Пицци въ свою «Chrestomathie persane» (Торино 1889, стр. 107). Пицци же въ своей Storia della poesia persiana, I (1894, стр. 314-316) далъ итальянскій переводъ III меджлиса.

д) V меджлисъ перевелъ по англійски Дж. Россъ въ Transactions of the Literary Society of Bombay, t. I 1819, стр. 146-158.

Рисале третья: вопросы сахыбъ-дивана Джовейнія и отвѣты Са'дія. О Са'діи рѣчь идетъ въ 3-мъ лицѣ,—значитъ, записалъ эту «рисале» не онъ самъ. По англійски она у Херингтона во введеніи къ I тому Коллійййатъ (Кальк. 1791, стр. 14-17); по нѣмецки у К. Графа въ приложеніи ко 2-й части Lustgarten (Іена 1850, стр. 136-142); по французски, съ сокращеніями, у Деффремери: Parterre de roses (1858; стр. XXXV-XXXVII).

Рисале четвертая: «Разумъ и любовь» (отвѣтъ на запросъ, разсудкомъ ли или любовью человѣкъ долженъ руководиться по пути къ Богу)—кажется, не переведена.

Рисале пятая: «Несіhет-и молюк»=«Добрые совѣты для вельможъ», написанные по просьбѣ одного изъ друзей (возможно, «са-

хыбъ-дивана», везиря Джовейнія) [1]). Еще въ XVII в. перевелъ по французски Шарденъ въ описаніи своихъ путешествій [2]). Издалъ «Несіzет-и молюк» E. Latouche въ приложеніи къ «Pendnameh, ou le livre des conseils de Molla Firouz-ben-Kaous, suivi de plusieurs histoires du Bostan de Sadi et de son traité sur la politique» (Пар. 1847). Также издалъ Барбъ (Вѣна 1856).

Рисале шестая состоитъ изъ трехъ отрывковъ:

1) Встрѣча Са'діясъ монг. государемъ Абакой-ханомъ, причемъ о Са'діѣ идетъ сперва разсказъ не въ 1-мъ лицѣ, а въ 3-мъ. По англійски у Херингтона во введеніи въ «Колліййат» (т. I, 1791, стр. 17-19); по-нѣмецки у Графа при «Lustgarten», ч. II (1850, стр. 142-146); по-французски у Деффремери при «Parterre de roses» (1858, стр. XXXIII-XXXV).

2) «Совѣты къ Энгіяну», монгольскому правителю Фарса, 1269-1272 (срв. выше, стр. 399), которому Са'дій посвятилъ и особую наставительную касыду полную благихъ мудрыхъ, прописныхъ совѣтовъ (Касыда у насъ переводится ниже, въ антологіи подъ № XI).

3) «Разсказъ про Мелика Шемседдина Тазигуя» (завѣдывающаго податными сборами въ Фарсѣ съ 1277 г.); о Са'діи начинается рѣчь въ 3-мъ лицѣ. По англійски у Harington'а въ предисловіи къ «Колліййат», т. I (1791, стр. 19-21); по нѣмецки у К. Графа при «Lustgarten», ч. II (1850, стр. 146-148); по-французски у Деффремери при «Parterre de roses» (1858, стр. XXX-XXXII).

Рисале седьмая, кощунственно пародирующая своимъ стилемъ благочестивые «меджлисы» второй рисале, распадается тоже на «меджлисы» («Меджалис-и hезль»=«Шутливыя собесѣдованія»), числомъ три. Шокируя даже восточный вкусъ, эта рисале почти всегда оказывается не въ сосѣдствѣ съ прочими «рисалатами», т. е. не въ началѣ собранія всѣхъ Са'діевыхъ сочиненій, а отдѣльно, въ самомъ концѣ «Колліййатъ», какъ приложеніе къ непристойнымъ «Хебісат»=«Похабностямъ». Европейскій переводъ 7-ой рисале́ не существуетъ,—не столько, вѣроятно, изъ-за содержанія ея, сколько изъ-за технической трудности передать ея стиль, пересмѣивающій богословскую терминологію.

VIII.

«Хебісат», или «Похабности».

Вмѣсто грубаго названія «Хебісат», примѣняется и болѣе деликатный титулъ: «Мотайыбат»=«Игривости». Издаются «Хебісат» въ концѣ собранія сочиненій Са'дія; но, такъ-какъ къ нимъ обычно присо-

---

[1]) По поводу возможной связи «Несіzет-и молюк» съ Сахыбовой книгой см. выше стр. 405.

[2]) См. изд. путешествій Шардена, сдѣланное Langlès (Пар. 1811, т. V, стр. 57).

единяется и 7-я рисале: «Меджалис-и hезль»=«Шутливыя собесѣдованія» (и даже еще нѣсколько «Мозҫыкат»=«Смѣшныхъ анекдотовъ»), то выходитъ, что собственно «Хебісат» помѣщаются лишь на предпослѣднемъ мѣстѣ «Коллійятъ», а не на самомъ послѣднемъ.

Педерастическія скабрезности, составляющія главную соль Са'діевыхъ «Хебісат», сдѣлали переводъ этого Са'діева сочиненія невозможнымъ для европейцевъ. Лишь кое-что, болѣе скромное и лишенное мужеложскихъ намековъ, переводилось:

1) Jos. v. Hammer: Redekünste (1818). На стр. 216 стихотворно переведены двѣ эпиграммы (одна знаменитая, про тонущаго самаркандца).

2) У Холмогорова въ его диссертаціи: «Саади Ширазскій» (1865, стр. 142-144) издано арабское вступленіе Са'дія къ хебисатамъ и шесть пристойныхъ остротъ-эпиграммъ съ русскимъ прозаическимъ переводомъ (въ томъ числѣ про тонушаго самаркандца).

3) F. Rückert: Aus Saadis Diwan, посмертное изданіе Э. Байера (Берл. 1893). На стр. 144-149 особая рубрика: «Aus dem Buche der Frivolitäten», гдѣ переведено прозаическое введеніе и стихами передано полтора десятка нескабрезныхъ остротъ.

Замѣченная опечатка. На стр. 440: 6 снизу напечатано: «Джонсона и Платсона» Надо: «Джонсона и Платтса» (что впрочемъ само собою выясняется далѣе, изъ точнаго титула на стр. 442 и стр. 450).

Изъ лирическаго Дивана Са'дія Ширазскаго.

Предлагая образцы изъ разныхъ отдѣловъ Са'діева лирическаго Дивана, который помѣщается въ каждомъ изданіи Са'діевыхъ Коллійятъ, или полнаго собранія сочиненій, я ссылки даю на страницы пагинированнаго литографскаго теһранскаго изданія 1282=1865, которое принадлежитъ библіотекѣ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ (№ 3848 топ.; дата на стр. 337)[1]. Но я вовсе не слѣдую тексту исключительно этого изданія, иногда по догадкѣ вношу собственныя поправки, не разъ принимаю чтенія и изъ другихъ изданій, особенно часто—изъ чрезвычайно четкой теһранской литографіи 1291=1874 (страницъ которой, къ сожалѣнію, издатели не перенумеровали).

На текстъ II тома перваго калькуттскаго изданія «Коллійятъ» Херингтона 1795 г., которое обычно цитируется западными оріенталистами, я совершенно ссылокъ не дѣлаю, потому что полный ошибокъ текстъ этого 1-го изданія ничего предпочтительнаго не представляетъ (срв. у насъ стр. 428); да къ тому же Херингтоновское изданіе, вышедшее болѣе ста лѣтъ тому назадъ, очень для немногихъ теперь доступно.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь изъ переводимыхъ у насъ стихотвореній имѣется въ выборкѣ К. Графа (Aus Sa'di's Diwan, см. у насъ стр. 463), объ этомъ дѣлается у насъ сокращенная помѣтка: «Графъ» съ указаніемъ того тома и той страницы «Zeitschrift der Deutschen Morgenl. Ges.» (ZDMG), гдѣ соотвѣтствующее стихотвореніе издано К. Графомъ. Текстомъ онъ пользовался исключительно калькуттскимъ Херингтона 1795 г. и перепечатывалъ его безъ сличенія съ другими рукописями. Какъ видно изъ параллельнаго нѣмецкаго перевода, Графъ частенько не понималъ персидскаго текста съ точностью.

Помѣтка «Холм.» съ указаніемъ страницы относится къ диссертаціи И. Холмогорова: «Саади Ширазскій» (Казань

---

[1]) Порядокъ стихотвореній соблюдаю тотъ же, что въ персидскомъ оригиналѣ, гдѣ они въ каждомъ циклѣ расположены по риѳмамъ, а не по ассоціаціи идей.

1865, отт. изъ «Уч. Зап. Казан. у-та» 1865-1867; см. у насъ стр. 424 и 464). Холмогоровъ перепечатывалъ персидскій текстъ лирическихъ стихотвореній Са'дія изъ тебризскаго изданія 1257=1841.

Обозначеніе «Х р е с т. Г а ф ф.» указываетъ, что отмѣченное стихотвореніе имѣется среди тѣхъ одиннадцати, которыя помѣщены во II томѣ «Образчиковъ персидской письменности» мирзы Абдуллы Гаффарова, М. 1906 Издатель пользовался бомбейскими изданіями Коллійятъ 1272=1855 и 1309 =1892 г. и теһранскимъ 1312=1895 г.

Всякія прочія ссылки дѣлаются у насъ не въ видѣ сокращеній, а съ полнымъ титуломъ (кромѣ общеизвѣстныхъ хрестоматій).

Среди предлагаемыхъ у насъ переводовъ есть и с т и х о т в о р н ы е. Изъ нихъ только 5 №№ принадлежатъ мнѣ; 6 №№—прекрасные стихотворные переводы акад. Ѳ. Е. Корша, любезно предоставленные имъ для нашего изданія. Остальные сдѣланы стихотворно нашими слушателями-студентами, фамиліи которыхъ и указываются въ своемъ мѣстѣ [1]). Одинъ изъ нашихъ слушателей-переводчиковъ В. Т. Рафальскій давно ужъ состоитъ на дипломатической службѣ россійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ на ближнемъ востокѣ. Вторая изъ «бедайы‎ع» прислана мнѣ изъ Тебриза въ стихотворномъ переводѣ А. Кулебякина, представителя русской военной службы въ Персіи.

Что касается переводовъ п р о з а и ч е с к и х ъ, то, хотя въ концѣ концовъ научную отвѣтственность за нихъ обязанъ принять на себя всецѣло я, все же слѣдуетъ оговорить, что лишь очень немногіе писалъ я лично: большая ихъ часть—это запись моихъ слушателей, понемногу дѣлавшаяся съ моихъ словъ и, ужъ затѣмъ, врученная мнѣ. Думается, что, если бы переводъ былъ сплошь писанъ собственноручно самимъ мною, безъ студенческаго посредства, не вкрались бы въ него, такъ сказать, учебныя шероховатости, трудно устранимыя и при окончательномъ моемъ же редактированіи.

[1]) Студенческіе стихотворные переводы не только производились подъ моимъ руководствомъ, но и подвергались затѣмъ очень безжалостнымъ передѣлкамъ и перемѣнамъ въ ихъ внѣшней технической формѣ.

А. Изъ отдѣла: „Арабскія касыды".

I.

Элегія на взятіе Багдада монголами Хулагу-хана въ 1258 г.

ҫасасіо би джофніййа ль-мадâмиҫа ля йаджрі. «Колл.» 1282=1865, стр. 178; Холм., стр. 54. Переводъ Б. Пурецкаго.

Я не чувствую слезъ на рѣсницахъ своихъ,
Хоть тоска мою душу гнететъ;—
Какъ начнется разливъ, все же долго вода
Изъ запруды наружу нейдетъ.

О! съ востока не вѣй, тихій вѣтеръ-зефиръ,
И съ развалинъ Багдада не вѣй!...
Заклинаю тебя: пролети, пронесись
Надъ могилою лучше моей!

Люди съ опытнымъ, тонкимъ умомъ говорятъ:
«Лучше сразу лишиться души,
Чѣмъ съ тяжелою грудью влачить бытіе
И не вѣдать душевной тиши».

Врачъ, уйди отъ меня! ты не щупай мой пульсъ!
Ты жъ не въ силахъ здоровье вернуть!
Не таковъ мой недугъ, чтобъ лѣкарства твои
Исцѣлили изнывшую грудь.

Я умѣлъ до сихъ поръ всѣ потери сносить,
Былъ въ разлукѣ всегда терпѣливъ.
Но теперь мою скорбь не терпѣньемъ лѣчить!
Изнемогъ я, измученъ, чуть живъ.

Ты спроси,... нѣтъ, не спрашивай лучше о томъ
Роковомъ для халифовъ часу!
Я не въ силахъ тебѣ описаніе дать,
Я разсказа о томъ не снесу.

Палъ Багдадъ на кровавомъ, жестокомъ пиру:
Чаша смерти ходила кругомъ.
И склонялися головы плѣнныхъ къ землѣ,
Опьяненныя смертнымъ виномъ.

Плачетъ мать городовъ Мекка съ Ка'бой-святой,
О багдадской судьбѣ извѣстясь.
Эти слезы текутъ, какъ течетъ съ крышъ вода,
При паденьи о камень дробясь.

А въ Багдадѣ рыдаютъ развалины стѣнъ;
Тамъ Мостансыра школа вопитъ:
«Гдѣ улемы мои? Гдѣ вы, гордость наукъ?
Гдѣ вы, кѣмъ былъ исламъ знаменитъ?»

Пусть бы раньше того, чѣмъ свершилась судьба,
Смерть меня унесла въ міръ иной!

Пусть бы я не робѣлъ, какъ безпомощный челнъ,
Затопляемый грозной волной.

О! куда же вы дѣлись, Аббаса сыны,
Кѣмъ гордилась вся тварь на землѣ!
Всѣмъ извѣстно, какъ былъ безупреченъ вашъ родъ,
Твердый честью, подобно скалѣ.

Стала темною баснею повѣсть о васъ,
Но ужасною въ смыслѣ своемъ;—
Кровью бьетъ по ушамъ, какъ разитъ жертвъ своихъ
Бедуинъ темноцвѣтнымъ копьемъ.

Гибнетъ вѣра Пророка. Ея ужъ и нѣтъ!—
Въ міръ преданій спустилась она,
И, какъ будто на первыхъ ислама порахъ,
Стала людямъ чужда и смѣшна.

Что страннѣй! Ужъ не древняя вѣра—исламъ!
Сталъ онъ вѣрою новой, чужой;
И тѣ страны, что славили раньше коранъ,
Отпадаютъ одна за другой....

Не прочтетъ уже съ каѳедры старецъ-имамъ
За халифа молитву свою,
И печальная память: «Моста'сыма нѣтъ!»
Омрачитъ мнѣ всегда ектенью.

Жабы радостно квакаютъ тамъ надъ водой;
Людямъ грустно, тоскливо однимъ,
Что въ пучину поверженъ Іона-пророкъ
На съѣденіе гадамъ морскимъ.

Ахъ, друзья! мы живемъ.... Но тогда только жизнь
Намъ пріятна и сладка бъ была,
Если бъ слѣдомъ за ней неуклонной стопой
Смерть безсмѣнно и грозно не шла.

Вѣдь когда ты умрешь, и желанья умрутъ,
И отнимется всякій твой даръ,
Что́ тебѣ послѣ смерти?—не все ли равно,
Съ чистымъ золотомъ, съ грязью ль амбаръ?

II.

Любовная касыда.

А матлаҫо ш-шямси ба̂бо да̂ри-ки ам бадри? («Колл» 1282=1865, стр. 183 Холмог., стр. 135. Переводъ Б. Пурецкаго).

Дверь дома твоего—не солнца ли востокъ?
Иль, можетъ быть, восходъ луны сребристой?
А это—станъ ли твой? иль гибкій то сучекъ
Орѣшины мускатной предушистой?

Колышется твой станъ... Ахъ! умереть скорѣй,
Увидѣвши твой образъ гордый, милый!

Но я вѣдь оживу, когда ноги твоей
Знакомый шагъ услышу надъ могилой.

Разгнѣвалася ты—и прячешь отъ меня
Свое лицо... Задернулась фатою.....
Но ликъ твой—это свѣтъ, и ярче онъ огня,—
Такъ можетъ ли онъ скрыться подъ чадрою?!

Ты холодно глядишь и говоришь: «забудь!»—
Но страсть не хочетъ слышать о забвеньи.
Вѣдь больно мнѣ! рука—хватается за грудь,
Другая жъ тянется къ тебѣ въ нѣмомъ моленьи.

О добрые друзья! слыхалъ отъ васъ подчасъ
Упреки я за этотъ пылъ нескладный.
Но если бъ вы ее увидѣли хоть разъ,—
Любовь моя вамъ стала бы понятной.

Кто будетъ пить вино, какое я вкусилъ,
Въ такое погрузится охмеленье,
Что снова отрезвѣть—ему не будетъ силъ
До общаго изъ мертвыхъ воскресенья....

III.

Ин ћажарто н-нâса.... инна ль-ϱозра бâни («Колл» стр. 183; Холм. 135).

Всѣхъ людей я покидаю
И съ тоскою ѣду въ даль.
Я не жду за то укоровъ:
Обвинятъ меня едва ль.

Пережитая година
Искривила мнѣ мой станъ,
Что упругимъ былъ и стройнымъ,
Какъ орѣхъ мушкатный «банъ».

Не вернется снова время
Какъ одинъ я шелъ на львовъ.
Нынче врядъ ли и лисица
Будетъ вѣрный мой уловъ.

Ужъ прошло мое веселье,
Ужъ прошла моя весна!
Жизнь—разбита. Впредь—забвенье
Нѣжной страсти и вина.

А. Кр.

IV.

Ин лям амот йаwма ль-wидаϱи таассофа („Колл", стр 185 Холм. 134).

Если въ день разставанья
Я не сгину съ печали,
Не хочу, чтобъ такого
Люди вѣрнымъ считали.

О мечта моя, греза!
Всѣхъ невѣрность возможна;—

Но моя предъ тобою
Клятва въ вѣкъ непреложна.

Объ умершихъ не плачьте:
Умереть ли несчастье?
Вотъ, кто живъ—да въ разлукѣ,
Тотъ достоинъ участья!

Слышенъ крикъ на верблюдовъ;
Таборъ вашъ отъѣзжаетъ;
Съ вами ѣдетъ мой недругъ;
Онъ - надежды питаетъ.

Таборъ скрылся далеко,
По Тиһамской тѣснинѣ ...
И напрасно твержу я:
«Не поддамся кручинѣ!»

Говорятъ: «Опиши намъ
Свой источникъ терзанья»....—
Не исчислить ту прелесть!
Не найти описанья!

Что бъ языкъ ни промолвилъ,
Съ той красой не сравнится;
Самымъ чуднымъ сравненьемъ
Та краса—оскорбится.

При отъѣздѣ у женщинъ
Лица были открыты;
Распахнулись и груди,
Покрываломъ не скрыты.

Но ужель намъ довольно
Мимолетнаго взора?!
Пересохшаго горла
Не зальютъ и озера.

У слѣдовъ ея ставки
Задержалъ я верблюда;—
Токомъ слезъ оросилась
Опустѣлая груда.

Но предъ кѣмъ же я плачусь?
Передъ тѣмъ, кто обидѣлъ!...
Прочь! Покину я мѣсто,
Гдѣ участья не видѣлъ!

Не стерпѣлъ бѣдный Са'дій.
Но легко ли терпѣнье,
Если страсть подавляетъ
И несетъ угнетенье?

А. Кр.

V.

Раейто фі с-суqи. .... філа: «баззâзон» («Колл.» 187; Холмог. 46).

На базарѣ свѣтелъ мѣсяцъ
Встрѣтился мнѣ разъ.
—«Это кто?»—спросилъ людей я.
Говорятъ: «беззазъ».

Сразу сердце мнѣ похитилъ
Милый тотъ юнецъ.
—«Вашъ беззазъ».- сказалъ я людямъ,
Есть беззазъ сердецъ» [1]).

VI.

Пѣсня бедуина въ пустынѣ

(Холм. 47).

Эхъ! хотя бы передъ смертью
Счастье-долюшку познать!—
Стать въ рѣкѣ,... да по колѣна!..
Да безъ счета воду брать!

VII.

Wа ля тадхолянна с-суqа, мâ домта мофлисан („Колл.“ 187; Холмог. 46).

На рынокъ не ходи, деньжонокъ не имѣя.
То—мой совѣтъ.
Гляди-ка: вдвое станетъ тяжелѣе,
Что денегъ нѣтъ!

Б) Изъ отдѣла: „Персидскія касыды“=Qасаид-и фарсіййе.

VIII.

Похвала монгольскому везирю Джовейнію [2]).

Егяр моталеҫе хаһед кясі биһишт-и берін-ра („Колл.“ 190; Графъ, ZDMG., т. XII стр. 82).

1. Если кто желаетъ узрѣть вышній рай, то пусть понаблюдаетъ раннюю весну на землѣ.

---

[1]) Игра словами: въ первомъ случаѣ «беззâз» значитъ торговецъ бязью, хлопчатобумажными матеріями; во второмъ случаѣ «беззаз» значитъ „похититель“.

[2]) Въ печатныхъ изданіяхъ эта ода озаглавлена: „Въ похвалу А л а д д и н а Джовейнія“ (и такъ принимаетъ также Графъ въ „Z. D. M. G.“, т. XII=1858, стр. 82, сноска). Аладдинъ Джовейній—извѣстный историкъ дѣяній „покорителя міра“, т. е. Джингизъ-хана, и министръ Хулагу-хана. Казалось бы, что этой одою Са'дій скорѣе могъ бы имѣть въ виду другого брата-Джовейнія, именно Ш е м с е д д и н а Джовейнія, того самаго „сахыбъ-дивана“, въ честь котораго онъ одно изъ своихъ произведеній озаглавилъ „Китаб-и саҫыбіййе“. Стихъ 12-й, однако, какъ будто указываетъ на Аладдина. О Джовейніяхъ см. стр. 399 и 404.

2. Ничего нѣтъ удивительнаго, если Богъ изъ земной глины производитъ розы и шиповники: вѣдь это Онъ же придаетъ сѣмени глины и человѣческій образъ,—

3. Да, Онъ, тотъ премудрый Творецъ, который въ почку растенія вкладываетъ улыбающійся розанъ, словно младенческій зародышъ въ оболочку материнской утробы.

4. Людямъ подобаетъ обращать лицо поклоненія къ двери повелѣній Его,—этого Художника, который и человѣку вырисовываетъ его чело еще въ материнской утробѣ [1]).

5. Чтобы представить себѣ хурій, черноокихъ небожителей, ты изъ любого закоулка погляди только на райскія блага Шираза и на ширазскихъ райскихъ куколокъ.

6. Выѣхали покрасоваться рѣдкостной красоты кумиры, съ которыми не сравнятся и изящныя китайскія (фарфоровыя) куколки [2]).

7. У этихъ юныхъ тюрковъ брови—тѣ же луки! и при помощи стрѣлъ, выпускаемыхъ ихъ лукавыми, обворожительными взорами, они подстроили удачную засаду для сердецъ злополучныхъ влюбленныхъ.

8. Тысячи стоновъ сердечной боли раздаются со всѣхъ концовъ, когда эти изящные царскіе пажи мчатся въ своихъ сѣдлахъ [3]).

9. Отъ вѣянія весенняго вѣтра по рѣкѣ поднялась рябь складками, словно нахмурила чело разгнѣванная красавица.

10. Да не распустились ли и смѣющіяся почки розъ и не распространилось ли благоуханіе, что печальнымъ соловьямъ уже приходится стонать на лугахъ?

11. О, виночерпій нашего кружка! Ну-ка, вдохновенный музыкантъ, пой! Долгонько друзья не видали друга.

12. Соловей, когда онъ съ тысячею своихъ мелодій поетъ пѣсни розѣ, подобенъ Са'дію, возносящему молитвы за правосуднаго господина, высоту власти и вѣры [4]).

---

[1]) По калькуттскому тексту, переизданному у Графа, фраза болѣе проста: „который способенъ рисовать подобныя картины".

[2]) Варіантъ; „облики китайской живописи".

[3]) Второе полустишіе прочитано и переведено лишь по догадкѣ примѣнительно къ общему смыслу. Возможно болѣе простое чтеніе, требующее перевода: „когда эти царскіе пажи заполняютъ палатку (букв: домъ сѣдла)".

[4]) „Господинъ» по персидски выражено черезъ «саҫыб». Конечно, это есть сокращеніе вмѣсто „Сахыбъ-диванъ" (=начальникъ дивана, первый министръ въ диванѣ монгольскаго хана). Если, какъ я указывалъ, общій тонъ касыды позволяетъ думать, что восхваляемый Са'діемъ сахыбъ-диванъ есть Шемседдинъ Джовейній (казн. 1284), а не его братъ, историкъ Аладдинъ Джовейній (ум. 1283), то именно эпитетъ „высота власти и вѣры" (ҫела-йи доwлет ве дін) содержитъ въ себѣ намекъ на имя «Аладдинъ».

13.—везиря востока и запада, довѣреннаго попечителя Мекки и Медины. Ни у одного государя нѣтъ заботливаго пособника и довѣреннаго человѣка, подобнаго ему

14 Міръ, процвѣтшій добродѣтелью и доблестью, есть прекрасное послѣдствіе его везирства; потому что онъ взялъ въ свои руки даже самыхъ важныхъ вельможъ.

15. Въ то заповѣдное мѣсто, гдѣ ему кладутъ четыре почетныхъ подушки, даже самымъ высокопоставленнымъ сановникамъ не удается проникнуть дальше порога.

16. Царей лица земли онъ властно и мудро заставляетъ склоняться и покориться, словно присяжныхъ рабовъ

17. Противъ враждебныхъ ему странъ нужны ли осадныя орудія, когда отъ одного страха передъ нимъ содрагаются крѣпостныя башни!

18. Везирь свѣдущій и справедливый, совмѣщающій въ себѣ всѣ высшія добродѣтели, онъ государю всего лица земного служитъ спасительной опорой правленія.

19. Копье его грознаго могущества съ такою стремительностью поражаетъ враговъ державы и вѣры, какъ звѣздное копье поражаетъ проклятаго бѣса.

20. Въ его справедливый вѣкъ ничья рука не смѣетъ переходить мѣру,—если не считать серебристыхъ ручекъ [красавицъ] или тучныхъ рукъ [самого сахыба, творящихъ щедрость] [1]).

21. Всегда рука просителя хватается за полу его щедротъ, подобно тому какъ должникъ ловитъ рукавъ поручителя.

22. Сперва мысль моя хотѣла было выяснить замѣчательныя его черты..... Излишняя задача! Нѣтъ нужды выяснять очевидность.

23. Если бы кто сталъ указывать на новолуніе, то и оно не диковина. А ужъ что за нужда показывать солнце, сіяющее всѣмъ воочію!

24. Взгляни же на меня, дерзкую муху, осмѣлившуюся зажужжать въ томъ саду, гдѣ даже у соловья нѣмѣетъ голосъ.

25. О ты, чей вѣнецъ величія вознесся такъ высоко! до той высоты не достать даже высшему изъ небесъ.

26. Если я напишу, что страстно желаю повидать тебя, то это не будетъ точно. Нѣтъ, отъ этой страсти я подобенъ жаждущему, который ищетъ ключевой воды.

27. Праху ногъ твоихъ я произнесъ ненарушимую клятву въ стойкой вѣрности,—съ первой же поры, когда сталъ отличать лѣвую руку отъ правой.

---

[1]) Я вообще не оговариваю многочисленныхъ случаевъ несовпаденія моего перевода съ Графовскимъ. но для это о стиха сдѣлаю исключеніе: переводы наши крайне рѣзко здѣсь несовпадаютъ. онъ понимаетъ „семін" не какъ «тучный» (т. е. щедрый), а какъ «цвѣтокъ-жасминъ» (вм. «йасемін»).

28. Изъ-за житейскихъ потребностей я никогда не стремился съ просьбами къ людямъ. Попрошайка переноситъ унизительныя мученія.

29. Но ты самъ цѣну чужимъ достоинствамъ знаешь, потому что самъ надѣленъ достоинствами и знаніями. И ювелиру ли не вѣдать цѣны драгоцѣннаго жемчуга! [1]).

30. Да будетъ хранителемъ твоимъ и помощникомъ Господь Богъ, потому что никогда не бывало лучшаго охранителя и помощника, чѣмъ Господь.

31. Да утопаетъ ложе родителей твоихъ въ благодати, за то, что подобныхъ тебѣ умныхъ и мудрыхъ сыновъ оно выростило.

32. Закрываю дверь моихъ словъ двумя такими изящными «порогами»-полустишіями [2]), что людямъ смыслящимъ подобало бы сдѣлать ихъ своимъ девизомъ:

33. «Міръ сей ни въ какой прокъ не пойдетъ. А потому и самъ потребляй и другимъ раздавай все, кромѣ того, что послужитъ заручкою въ день Страшнаго Суда».

IX.

Хôш ест ҫомр, деріҫа ки джаведані ніст („Колл." стр 191; Anthol. Pers. 1778, стр. 48; хрест. Болдыр. II, 66; хрест. Шпигеля, стр. 124. Переводъ акад. Ѳ. Е. Корша).

Пріятна жизнь, но близко ей—
Увы!—предѣлъ положенъ;
На этотъ срокъ немногихъ дней
Какой разсчетъ возможенъ?

Подобенъ кедру станъ прямой
И гибкій человѣка,
Но юной силой и красой
Гордится не до вѣка.

Благоуханна и нѣжна
Цвѣтетъ прелестно роза.
Но жизнь—ты знаешь—ей дана
Короткая, какъ греза.

Не жди, чтобъ этотъ бренный свѣтъ
Тебѣ былъ другомъ вѣчно:
Въ немъ ни слѣда пріязни нѣтъ,
И счастье быстротечно.

Овцой, безпечною къ себѣ,
Не мысля о засадѣ,

---

[1]) вар.: „иное дѣло продавецъ черныхъ бусъ,—этому откуда знать цѣну драгоцѣннаго жемчуга?"

[2]) Полустишіе въ персидско-арабской стихотворной терминологіи называется „порогъ" (мыҫраҫ).

Ты вѣришь пастырю-судьбѣ,
Она же - волкъ при стадѣ.

Въ примѣрахъ есть ли здѣсь нужда?
Они даются сами:
Судьбы коварная вражда
У всѣхъ передъ глазами.

Когда же вешній вѣтерокъ,
Повѣявъ надъ землею,
Мѣшалъ гудѣть въ законный срокъ
Осенней бури вою?!

Хоть будь ты царь и властелинъ
Пространства всей вселенной,
Не могъ бы на́ день лишь одинъ
Продлить ты вѣкъ свой тлѣнный

О путникъ, помни, что осѣсть
Нельзя на мѣстѣ стана:
Надолго строить домъ не есть
Обычай каравана.

Будь жизнь—одинъ веселый пиръ,
А врагъ твой — наготовѣ,
Не скажешь ты, что этотъ міръ
Надеженъ въ данномъ словѣ.

Кто сердце Богу посвятилъ,
Тотъ жаждетъ міръ оставить:
Бродить по волѣ грубыхъ силъ
Не значитъ міромъ править.

[Будь молчаливъ, чтобъ не довелъ
Языкъ тебя до ада:
Языкъ въ средѣ житейскихъ золъ—
Носитель главный яда.]

Свершай завѣтъ своей мечты
Безъ вывѣски нескромной:
Укрытъ вѣрнѣе будешь ты
Безвѣстностію темной.

Въ нуждѣ мольбу неси къ Тому,
Надъ Кѣмъ невластны нужды;
Благочестивому уму
Къ другимъ молитвы чужды.

Неправъ, кто въ дружбѣ хоть земной
Небреженъ и злонравенъ;
Что жъ, если Другъ забытъ Такой,
Кому никто не равенъ?!

О Саади, тебѣ сердца
Стяжалъ твой мечъ словесный;

Благодари за то Творца:
Успѣхъ есть даръ небесный.

Самъ Тигръ отсталъ отъ славы той,
Какой я возвеличенъ:
Онъ быстръ, однако бѣгъ такой
И Тигру не обыченъ.

Не всякій, кто имѣетъ споръ
Со мной, достигнетъ цѣли:
[illegible] же сила и задоръ
Одни [illegible]

X

Фезл-и Ходай-ра ки теванед шомар кярд? («Колл.» стр. 194 [1]); хрестом. Болдырева, II, 73; Графъ, ZDMG, т. IX, стр. 101; Холмог., стр. 18).

1. Кто можетъ исчислить щедроты Господни, или кто можетъ достойно Его возблагодарить хоть за одну изъ тысячи?

2. Онъ—изящный художникъ, который по ковру вселенной расписалъ столько тысячъ разноцвѣтныхъ картинъ;

3. Онъ устроилъ небеса и восходъ свѣтилъ небесныхъ—для назиданія взорамъ мудрецовъ;

4. Онъ сотворилъ море и сушу, деревья, человѣка, солнце,—луну и звѣзды, ночь и день.

5. Такъ много разнообразныхъ милостей, что нельзя достойно возблагодарить. Такъ много предметовъ наслажденія, что не съумѣешь исчислить.

6. Такъ много слѣдовъ милосердія Его, что они охватываютъ міръ отъ одного конца до другого. Такъ много благостей, что небеса гнутся подъ ихъ тяжестью.

7. Словно гвоздями, Онъ горными кряжами обилъ поверхность земли для того, чтобы коверъ земли прочно держался сверху водъ.

8. Различныя части мертвенной земли Онъ, воздѣйствіемъ солнечныхъ лучей, превратилъ въ плодовые сады, въ луга, въ тюльпанные цвѣтники.

9. Облака дали воду корнямъ жаждущихъ деревъ, оголенныя же вѣтви одѣла въ платье весна.

10. Столько тысячъ прекрасныхъ видовъ создалъ Онъ, что кто-тотъ, который съумѣлъ бы обозрѣть ихъ съ достаточнымъ назиданіемъ!

---

[1]) Въ изданіи „Коллійятъ" 1291=1874, иллюстраціи котораго вообще не выдерживаютъ критики, эта касыда сопровождается, въ видѣ исключенія, очень недурной картинкой, заслуживающей даже переизданія. Са'дій изображенъ съ перомъ въ рукѣ, въ задумчивой позѣ, на фонѣ бытового персидскаго пейзажа.

11. Единство Его восхваляютъ не только сыны Адама, но и каждый соловей, который заливается по рощамъ.

12. За которую же изъ щедротъ начнетъ кто-либо возносить благодарность къ Богу?—Въ тупикъ станетъ всякій, кто вздумаетъ поразмыслить объ этомъ.

13. За вѣчность ли души, дышащей въ тѣлѣ? или же за драгоцѣнный умъ, сотрудничающій съ душею?

14. Нѣмѣетъ въ устахъ краснорѣчія языкъ описанія—отъ избытка Его щедротъ, которыя Онъ проявилъ.

15. Что такое голова, чтобы ее преклонять къ землѣ въ повиновеніе Ему? Наши души,—и тѣ не жалко разбросать по пути Его!

16. О, человѣкъ, ничтожная капля сѣмени («мені»)! Склони голову своей безпомощности, ибо діавола повергло въ прахъ его обольщеніе своимъ «я» («мені») [1]).

17. Господь—всепроститель. Его прежняя милость къ намъ и состраданіе обнадеживаютъ насъ также на благой исходъ въ будущей жизни.

18. Будь воздерженъ, человѣкъ, потому что правосудный Владыка небесъ уготовалъ рай для людей, соблюдающихъ воздержаніе.

19. Кто дѣла не дѣлалъ и надѣется на милость Божію, тотъ подобенъ глупцу, ничего не посѣявшему и ожидающему урожая.

20. Безъ труда кладъ не дается въ руки. Мзду получаетъ, о душа-братецъ, кто дѣло сдѣлалъ.

21. Этотъ міръ, «мостъ къ будущей жизни», какъ его назвалъ избранникъ Божій Мохаммедъ, не есть мѣсто для нашего постояннаго жительства: его придется покинуть;

22. Загробная жизнь, «яже въ вѣкы прѣбудетъ», —вотъ тамъ вѣчное жилище человѣка. Этотъ же міръ—переходное мѣсто, и не нужно, чтобы здѣсь старался утвердиться—

23.—пукъ костей, которыя ступка коловратнаго времени истолчетъ такъ мелко, что прахъ ихъ обратитъ въ пыль.

24. Притѣснитель умретъ, не останется; но его неправедная основа остается. Отойдетъ же въ могилу справедливый,—и доброе имя служитъ ему памятникомъ.

25. Іисусъ старался уйти въ уединеніе отъ всего міра,—и Тотъ, Кого Онъ возлюбилъ, внялъ всѣмъ желаніямъ сердца Его [2]).

26. Карунъ (изъ-за корысти) отступился отъ вѣры, но мірскія бла-

---

[1]) По-арабски слово „мені" значитъ „дѣтородное сѣмя", а по персидски это есть отвлеченное существительное, образованное отъ мѣстоименія „мен" (я).

[2]) Хотя я вообще не считаю нужнымъ отмѣчать черезчуръ частыя разногласія своего перевода и Графовскаго, все же здѣсь подчеркну выходящее изъ ряду наше несовпаденіе.

га все-равно за нимъ не остались [1]). Жалокъ же соколъ, который поймалъ мышь! [2]).

27 Мы полагаемся на щедроты Бога-молитвопріимца. А кто полагается на мірское, на временную ссуду—тотъ, все равно, что опирается на вѣтеръ.

28. Все, чему поклоняются помимо Бога,—есть ничто. Несчастенъ же тотъ, кто предпочитаетъ ничто Всему!

29. Это мірское—есть выигрышный мячъ, и его все равно не выбьетъ никто за исключеніемъ того человѣка, кого Богъ въ своей предвѣчности заранѣе создалъ удачникомъ.

30. Что можетъ сдѣлать жалкій человѣкъ своими стараніями и усиліями, если всякую долженствующую быть судьбу устроилъ самъ Творецъ всемогущій! [3]).

31. Онъ создалъ царя и раба, добраго и злого, счастливаго и несчастнаго, знатнаго и презрѣннаго.

32. Са'дій съ каждымъ дыханіемъ, производящимъ на свѣтъ волшебныя жемчужины [стиховъ], распространяетъ по поверхности земли какъ бы утреннюю зарю.

33. Каждый добрый рабъ Божій, если имя его сподобилось быть на перстнѣ счастія, вдѣнетъ наставленія Са'дія, словно серьги, въ уши своего сердца.

34. И возвышается и получаетъ надежду на почетные дары всякій поэтъ, кто избралъ своей темой восхваленіе земныхъ властелиновъ.

35. Такъ надо жъ думать, что смѣетъ разсчитывать на вознагражденіе Божьей милостью Са'дій, который составилъ благодарственную оду щедротамъ самого Творца.

XI.

Наставленія для эмира Энгіяну, монгольскаго намѣстника въ Фарсѣ (ок. 1269-1272) при монгольскомъ государѣ Ирана Абакѣ-ханѣ; срв. стр. 399.

Бес би-гярдід о би-гярдед рузгар..., hушйар («Колл.» 199; Графъ, ZDMG. т. XII=1858, стр. 92; хрест. Гафф. II, 323).

1. Достаточно превратностей творила судьба, и еще будетъ творить [4]). Кто мудрецъ, тотъ не привяжется сердцемъ къ міру.

---

[1]) Карунъ—библейскій Корей (сотоварищъ Даѳана и Абирома).

[2]) У Графа: «Der junge Habicht war es, der nach der Maus gejagt». (!).

[3]) Графъ вмѣсто „hер чи будені ст" прочиталъ: „hер чи буд, ніст",—и оттого далъ совершенно невозможный переводъ.—Напоминаю, что всѣхъ ошибокъ Графа я не считаю нужнымъ отмѣчать, и лишь случайно подчеркиваю двѣ-три изъ болѣе яркихъ.

[4]) Мирза Джафаръ-ханъ указываетъ мнѣ, что онъ перевелъ бы гораздо проще: «Много прошло и еще пройдетъ времени».

2. Однако, въ чьей рукѣ еще есть сила достиженія, тотъ дѣйствуй. Дѣйствуй, пока не наступило время, когда никакое дѣло у тебя не пойдетъ.

3. Вотъ въ «Книгахъ царей» повѣствуется про Ростема и мѣднотѣлаго Исфендіяра,—

4. По нимъ пусть узнаютъ и нынѣшніе цари-властелины, что въ мірѣ сохраняется память отъ множества людей.

5. Они всѣ ушли,—и мы, съ развязными взорами, совсѣмъ не взяли съ нихъ назидательнаго примѣра!

6. О ты, который одну пору былъ каплей сѣмени въ чревѣ материнскомъ, а другую пору былъ младенцемъ млекопитающимся!—

7. Нѣсколько спустя ты возросъ, возмужалъ, сдѣлался станомъ кипарисъ, лицомъ—серебро.

8. Далѣе, такъ же, ты сталъ именитымъ мужемъ, витяземъ ристалища, героемъ войны;

9. Что ты видѣлъ, все то не осталось неизмѣннымъ въ своемъ положеніи. И то, что ты увидишь, тоже не останется неизмѣннымъ.

10. Поздно ли, рано ли—и всякое лицо, всякій образъ нѣжный обратится въ прахъ, а прахъ—въ пыль.

11. Цвѣтущую розу сорветъ безъ сомнѣнія садовникъ. А если не сорветъ, то и сама она опадетъ со стебля.

12. Да, все это—ничто! вѣдь минуютъ и престолъ и счастье, и повелѣніе, и запрещеніе, и даяніе и полученіе.

13. Все же, если послѣ человѣка остается доброе имя, то это лучше, чѣмъ если отъ него останется раззолоченный дворецъ.

14. Кто съумѣетъ учесть хотя бы только будущій годъ! Или куда дѣлся тотъ, кто дружилъ съ нами!

15. Безпомощные покойники спятъ въ землѣ, принявшей ихъ останки,—а въ черепѣ гнѣздится ящерица.

* *
*

16. Наружная красота лица—ничто. О братъ, необходима красота поведенія!

17. Ну, а знаешь ли ты, что лучше: умъ или душа? Я вотъ что скажу, если ты готовъ запомнить твердо:

18. Нужно, чтобы въ тѣлѣ человѣка виталъ и умъ. А то вѣдь и оселъ имѣетъ въ своемъ скотскомъ тѣлѣ жизненную душу.

19. Прежде чѣмъ круговоротъ міра выхватитъ изъ твоихъ рукъ узду воли,—

20.—ты, коль клада хочешь, потрудись-ка въ поискахъ за нимъ. Коль надобенъ тебѣ урожай—зерна посѣй!

21. Если Господь даровалъ тебѣ величіе и право судить-рядить, то мелкимъ бѣднякамъ мелкія ихъ провинности—прощай.

22. Если небо даровало тебѣ власть, то имѣй постоянно доброту къ подвластнымъ.

23. Ищущимъ извиненія—извиняй ихъ случайные проступки. Просящему защиты—даруй защиту.

24. Богу за его милости возноси достойную благодарность, потому что Богъ любитъ признательныхъ рабовъ своихъ.

25. Благодать Его есть благодать безмѣрная. Щедроты Его—щедроты неизсчетныя.

26. Если бъ у каждаго волоса твоего былъ языкъ, то и тогда ты не могъ бы возблагодарить Его хотя бы за одну милость изъ тысячи прочихъ.

27. Удовлетворяй желанія дервишей и нищихъ,—для того, чтобы всѣ твои желанія исполнилъ Господь.

28. Не порочь добраго имени отшедшихъ изъ міра,—для того, чтобы и за твоимъ именемъ осталась добрая память.

29. Правителямъ не подобаетъ, чтобы и днемъ и ночью они пребывали то въ винѣ, то въ похмельи.

30. Съ чужеземцами будь чрезвычайно ласковъ, чтобы добрая слава о тебѣ расходилась по другимъ странамъ [1]).

31. Если владѣешь сильною рукою и острымъ мечемъ,—то, хотя бы весь міръ ополчился на тебя, не кручинься.

32. Но бойся горькаго настроенія людей томящихся—и бойся проклятій людей, ведущихъ подвижническую жизнь.

33. Словно осадныя орудія, стоны обиженныхъ въ одно прекрасное утро крѣпкой осадой охватятъ тирановъ въ ихъ твердыняхъ.

34. Къ злымъ людямъ будь золъ, къ добрымъ—добръ. Гдѣ надо быть розой—будь роза, гдѣ надо быть шипомъ—будь шипъ.

35. Чортъ съ людьми не водится, его не бойся. Но людей, что на чертей похожи, бойся!

36. Если кто питаетъ дикихъ звѣрей или злыхъ людей, они, рано ли, поздно ли, сгубятъ его.

37. Сколько бы добра злымъ людямъ ты ни дѣлалъ, ничего не выйдетъ: казнитъ змѣинаго заклинателя не кто, какъ змѣя.

* * *

38. О ты, имѣющій очи и уши, умъ и разумъ! Мои наставленія вдѣнь въ свои уши, какъ серьги.

39. Кто пойдетъ вопреки моимъ завѣтамъ, у того не иначе, какъ

---

1) Срв. такой же совѣтъ въ «Кабус-наме» XI в. и у Владиміра Мономаха XI в. См. „Исторію Персіи", т. I (1915), стр. 540.

окаменѣлое сердце. Кто внемлетъ моимъ рѣчамъ, тотъ—не иначе, какъ счастливецъ.

*
* *

40. Государямъ возносятъ хвалу и славу,—а я только молюсь по-дервишески:

41. «Боже! вдохновляй его на доброе! И дай ему наслаждаться долготою жизни!».

42. Са'дій, что знаешь, то и говори! И высказывать правду надо вполнѣ открыто.

43. Вѣдь кому нечего бояться, кому нечего желать, тому не опасны даже кара-китайцы и татары.....

44. Великій, царственный нойонъ да пребудетъ во власти, пока міръ пребудетъ! [1]).

45. Царь справедливый, князь именитый, Энгіяну, высокородная краса!

46. О, щедрый благодѣтель! Достойную признательность за твои благости развѣ можетъ высказать Са'дій, или даже тысячи подобныхъ Са'дію?

47. Господи! брось хоть одинъ Твой взоръ на дѣянія мои, пока не насталъ еще конецъ всѣмъ моимъ дѣяніямъ.

XII.

Би hіч йар ме-диh хатир о би hіч дійар..—бисйар („Колл." 200; хрест. Шпигеля стр. 126; хрест. Гафф. II, 317; перев. акад. Ѳ. Корша) [2]).

Пусть чары подруги иль края
Душой не владѣютъ твоей:
Обширна поверхность земная,
И много на свѣтѣ людей.

Нѣтъ пса городского, который
Напастей бы всякихъ не несъ
Затѣмъ, что не рыщетъ со сворой
Въ поляхъ, какъ охотничій песъ.

Ланиты ль румяныя рѣдки?
И обликовъ нѣжныхъ черты?
Иль въ рощѣ—зеленыя вѣтки?
Въ оградахъ садовыхъ—цвѣты?

---

[1]) Нойонъ (или нуинъ)—титулъ монгольскихъ князей крови или начальниковъ «тумана», т. е. войска въ 10 000 человѣкъ.

[2]) Сверхъ акад. Корша перевелъ стихами эту касыду нашъ ученикъ В. Т. Рафальскій. Начало: „Не отдавай, мой другъ, вполнѣ | Души ни другу, ни странѣ: | Разнообразенъ Божій свѣтъ, | И недостатка въ людяхъ нѣтъ" Быть можетъ, въ приложеніяхъ къ нашему изданію мы напечатаемъ и переводъ В. Т. Рафальскаго.

Какъ курица, льнешь ты къ порогу,
Терпя, что̀ пошлетъ тебѣ рокъ;
Не лучше ль пуститься въ дорогу,
Какъ быстрый летунъ-голубокъ?

Вездѣ лишь на мигъ очарованъ,
По рощамъ порхай соловьемъ;
Не мѣшкай, любовью прикованъ,
Какъ цапля въ болотѣ своемъ.

Земля переноситъ удары
Воловьихъ и ослихъ копытъ,
За то лишь достойная кары,
Что съ небомъ кругомъ не бѣжитъ.

Хотя бы попалось и много
Красавицъ тебѣ на пути,
Взгляни—и своею дорогой
Спѣши равнодушно пройти.

Вращайся во всякомъ народѣ,
Со всѣми смѣясь безъ заботъ,
Но сердце держи на свободѣ,—
Иль горе съ любовью придетъ!

Атласамъ, шелкамъ, какъ новинкѣ,
Дивиться ты можешь подчасъ,
Но помни при томъ, что на рынкѣ
Не рѣдки ни шелкъ, ни атласъ.

Какъ конь или мулъ, тотъ подвиженъ,
Кто къ странствіямъ вольнымъ привыкъ;
Не слѣпъ онъ, не глухъ, не униженъ,
Какъ жернова двигатель—быкъ.

Свободному мало охоты
Въ оковы дать тѣло свое;
Безпечный зачѣмъ на заботы
Спокойное смѣнитъ житье?

Слугою ты сталъ у подруги,
Она же—не цѣнитъ тебя:
Къ чему предлагать ей услуги,
Души своей цѣну губя?

Блаженъ, кто въ ночную лишь пору
Лелѣетъ ее на груди
И, вѣрность блюдя къ уговору,
На утро ей скажетъ: «Иди!»

А если у милой въ неволѣ
Ты стонешь, безъ пользы любя,
Ты самъ виноватъ въ своей долѣ,
Взваливъ тяготу на себя.

Когда подъ рукой моей груда
Плодовъ, и все сладкихъ какъ медъ,
Сажать ли мнѣ зелье, откуда
Лишь горькій раждается плодъ?

Подруга ли радостна будетъ,
А я—удрученъ и угрюмъ?
Ее ли печаль не разбудитъ,
А я не засну изъ-за думъ?

Попавшійся въ сѣти любезникъ
Находитъ двойникъ себѣ въ томъ,
Кого на арканѣ наѣздникъ
Влечетъ за собою пѣшкомъ.

Я взялъ бы любовь не на время,
Чтобъ ноши посбавила мнѣ;
Не баринъ мнѣ нуженъ, чье бремя
Таскалъ бы я вѣкъ на спинѣ.

Какъ милая ступитъ изъ круга
Велѣній взаимной любви,
Она ужъ тебѣ не подруга,
И съ нею ты связь разорви.

Чье сердце меня не жалѣло
Въ дни страха и скорби моей,
Какое мнѣ можетъ быть дѣло
До страховъ его и скорбей?

И если мнѣ другъ мой безстыдно
Обиды чинитъ, что ни шагъ,
Откуда мнѣ можетъ быть видно,
Кто другъ и кто лютый мой врагъ?

А если любовница хочетъ
Казаться твоею рабой,
То знай, что тебя лишь морочитъ,
Въ душѣ потѣшаясь тобой.

Что значатъ ея всѣ привѣты?—
Ловецъ то готовитъ силокъ.
Что значатъ мольбы и обѣты?—
Воръ мѣтитъ на твой кошелекъ.

Въ любовь неизмѣнную вѣря,
Не траться, чтобъ не было бѣдъ:
Грозитъ тебѣ денегъ потеря,
А милой простынетъ и слѣдъ.

Мгновенный восторгъ не покроетъ
Страданья безчисленныхъ дней;
Пирушка ночная не стоитъ
Похмелья на утро за ней.

Въ началѣ затѣи ты зрѣло
Послѣдствія всѣ обсуди;
Не то—какъ покончится дѣло,
Раскаянье ждетъ впереди.

Такимъ же, какъ ты, подчиненье
Желаній и мыслей и словъ
Не то же ли, что поклоненье
Любому изъ ложныхъ боговъ?

Поводья ума безразсудно
Страстямъ не вручай ни на мигъ:
Къ любви тотъ склоняется трудно,
Кто мудрости трезвой достигъ.

Мнѣ эти страданья—не диво:
Терялъ ужъ отъ нихъ я покой.
Бѣжитъ отъ веревки пугливо,
Кто разъ былъ укушенъ змѣей [1]).

Лишь око на милую взглянетъ,
А сердце влетитъ въ ея сѣть,—
Ни сердце любить не устанетъ,
Ни око смотрѣть и смотрѣть.

Здѣсь путь разумѣнья такъ ясенъ,
Такъ простъ, что сомнѣнья въ немъ нѣтъ;
Да жаль: для влюбленныхъ напрасенъ
Ихъ чувству противный совѣтъ.

И пѣшій вѣдь конному въ полѣ
Не пара, но, петлей влекомъ,
Упавъ, онъ встаетъ поневолѣ
И снова бѣжитъ за конемъ.

* *
*

Однажды я съ думой такою
Всю ночь просидѣлъ до зари,
Внимая жестокому бою
Двухъ разныхъ влеченій внутри.

Корысть мнѣ упорно твердила:
«Къ любви побуждаетъ людей
Плѣнительной внѣшности сила,
Какъ женщинъ и малыхъ дѣтей».

Но вотъ, ужъ когда отъ любезной
Бѣжать я, казалось, былъ радъ,

---

1) Срв. народную арабскую пословицу, которую донынѣ можно слышать въ Сиріи (гдѣ жилъ и Са'дій): «ль-мальсуɛ біхâф мин жиррт иль-ɛабль»=«Ужаленный боится, когда тащатъ веревку».

Меня, какъ уздою желѣзной,
Вдругъ Вѣрность свернула назадъ,

Сказавъ мнѣ: «Такое рѣшенье
Достойно лишь мелкой души.
Загладить свое прегрѣшенье
Молитвой усердной спѣши».

Схвативъ меня, Право пріязни
Мнѣ бросило тяжкій укоръ:
«Въ измѣну, достойную казни,
Ты впалъ, сокрушивъ договоръ.

Моя ль то вина, что онъ хрупокъ
Въ твоихъ оказался рукахъ?
Дерзнетъ ли на этотъ поступокъ,
Въ комъ есть передъ совѣстью страхъ?

Найдется любовниковъ мало,
Любезной невѣрныхъ своей;
Супруговъ ли много бывало,
Бѣжавшихъ отъ нѣжныхъ цѣпей?

Бездушіемъ камню подобенъ,
Кто съ милой готовитъ разрывъ;
Безчувственъ, кто сердце способенъ
Отнять, его разъ подаривъ.

Чью душу влечетъ къ себѣ роза,
Ставъ цѣлью его бытія,
Стремленьямъ того не угроза—
Жестокій удѣлъ соловья.

Какъ хочешь, люби осторожно,—
Нещадны людей языки.
Такъ розу сорвать не возможно,
Шипомъ не поранивъ руки.

Что̀ деньги и прелести свѣта?
Что̀ вѣра и совѣсть и кровь?
Не будь твоимъ ласкамъ запрета—
И все ты отдай за любовь!

И, если враги за спиною
Трубятъ твоей милой позоръ,
Не вѣрь ихъ злорадному вою:
Ихъ цѣль - между вами раздоръ.

Лихихъ языковъ не привяжетъ
И ртовъ не прикроетъ никто;
Ты слушай, что̀ милая скажетъ,
А прочихъ не ставь ни во что.

Обиженный ею, ты съ вида
Будь добръ, усмѣхайся, шути....,

Излишній совѣтъ! вѣдь обида
Не можетъ отъ милой придти.

Не льсти себя впредь ожиданьемъ,
Что кончишь съ любовью разсчетъ:
Отказъ отъ вины за признаньемъ
Тебя на судѣ не спасетъ».

* *
*

Изъ кладовъ духовныхъ поэта,
Неся для влюбленныхъ запасъ
Жемчужинъ мечты и совѣта,
Корабль отплываетъ сейчасъ.

Никто по словамъ да не судитъ,
Что я—и мудрецъ и святой;
Въ комъ есть разумѣнье, не будетъ
Случайной обманутъ мечтой.

Не вѣрь, что старуха не хочетъ
Плодовъ, свой блюдя лишь зарокъ:
Хоть зубы на нихъ она точитъ,
Да ей не по росту сучекъ.

Кто жадно достатокъ свой множитъ
И копитъ ревниво казну,
Тотъ лучшему другу не можетъ
Открыть беззавѣтно мошну.

Тебѣ, Саади, драгоцѣнный
Врученъ провидѣніемъ кладъ;
Владыкѣ всѣхъ кладовъ вселенной
Служи и не требуй наградъ.

* *
*

Но полно, довольно объ этомъ
И къ пѣсни любви перейди;
Искуснымъ слывешь ты поэтомъ;
Другое запой, Саади:

«Гдѣ та, чьи такъ сладостны рѣчи,
Скрывается съ давнихъ ужъ поръ?
Зачѣмъ въ ожиданіи встрѣчи
Напрасно блуждаетъ мой взоръ?»

XIII.

Тевангярі не би-маль ест піш-и еһл-и кямаль....—еҁмаль («Колл,» стр. 203).

1. Не въ деньгахъ богатство, въ глазахъ людей достойныхъ, потому что деньги имѣютъ силу только до порога могилы, а затѣмъ силу имѣютъ дѣянія, совершенныя человѣкомъ.

2. Мое дѣло—сообщить тебѣ то, что есть залогъ преуспѣянія. А ужъ тамъ твое дѣло: хочешь—вынеси изъ словъ моихъ поученіе, хочешь—испытай только скуку.

3. Сперва нужна восприимчивость слушателя, а ужъ затѣмъ—наставленіе проповѣдника; если нѣтъ разумнаго уха, что за польза отъ прекрасной рѣчи!

4. Наставленія всего міра пролетятъ сквозь уши невѣждъ, словно вѣтеръ черезъ клѣтку; они прольются—словно вода черезъ рѣшето.

5. Вѣдь одни только глаза, уши и ротъ, [безъ разума], не превратятъ кого-либо въ человѣка. Тѣ же черты и у картинъ на стѣнахъ есть!

6. Итакъ, о мудрецъ, не привязывайся къ міру, къ этому губительному проходному мѣсту. Не полагаются на этотъ міръ люди умные.

7. Иногда онъ человѣка лелѣетъ нѣжно, словно раковина свою жемчужину; а иногда безпощадно разбиваетъ въ мелкіе дребезги, словно черепокъ.

8. Нисколько не полагайся на жизнь, на временно данную тебѣ ссуду. Срокъ ея—пять дней, и истекаетъ съ быстротою [1]).

9. Не взирай на эту юдоль окомъ вожделѣнія: вѣдь и спина змѣи украшена узорами,—а ядъ ея убійственъ!

10. Прошла жизнь, а мы не шли по путямъ нравственности. Вотъ ужъ правда, что въ пустыхъ забавахъ прошло столько лѣтъ!

11. Теперь, когда стремленія къ добру есть, а силы исполнить ихъ ужъ нѣтъ,—о, какъ жаль дней молодости, растраченной на всякій вздоръ!

12. Теперь пора каяться и молить о прощеніи, и время бодрствовать. Вознеси руку въ молитвѣ и повергни лицо въ прахъ.

13. Только соединеніе съ великимъ Творцомъ души да будетъ благословенно. Для здѣшнихъ же связей рано или поздно наступитъ разлука.

14. Не можетъ не закатиться солнце слабаго человѣческаго существа, если даже небеснаго солнца свѣтъ долженъ закатиться.

15. И я ужъ не стремлюсь обременять себя грѣхами. Кто несетъ какое-либо бремя, тотъ идетъ слишкомъ медленно.

16. Но выходитъ такъ, что не остается у меня надежды ужъ ни на какое благо, если не на прощеніе отъ Преблагаго Всевышняго Господа.

17. Теперь та страстная надежда горячо волнуетъ голубя моей души, которому рука жестокой судьбы не оставила ни перышка, ни крыльевъ.

18. Я сталъ такимъ отъ этой страсти, что на меня указываютъ пальцами, когда я, для вечерней молитвы, поднимаюсь на кровлю, подобный кривому, недавно народившемуся мѣсяцу.

---

[1]) Обозначеніе нынѣшней кратковременной жизни, какъ «пятидневіе» (пенджруз), обычно въ персидской поэзіи. Срв напр. у Хафиза т. I, стр. 222 по изд. Розенцвейга-Шваннау; т. II, стр. 102, и т. п. Кажется, что это персидское выраженіе „пятидневіе“ стоитъ, по смыслу, въ связи съ арабскимъ „хымс“. Срв. у Абуль-'Аля въ моей «Арабской поэзіи» (1906), стр. 240, стихъ 5.

19. О, величественный Боже! Молю Тебя во имя тѣхъ людей, которые познали Добро и возлюбили Красоту!

20, Они—отличившіеся витязи истиннаго пути, они съумѣли сокрушить свою плотскую душу мощной рукою благочестія, «во бранехъ бо мужие—суть тии», «ли ль -ẓоруб риджа̂ль».

21. «Тии святять имя Господьне явѣ и тайнѣ, тии славословие возносять Господеви во-утрии и въ повечерии».

22. Своихъ душевныхъ желаній они не отдали этому призрачному дворцу, здѣшнему міру, потому что запаслись терпѣніемъ до поры, болѣе удобной исполненію желаній.

23. Они съѣдаютъ подзатыльники, выслушиваютъ попреки, и все же веселы,—веселы въ ночь разлуки, въ надеждѣ на утро свиданія.

24. Молю же тебя, Боже, во имя всѣхъ тайнъ, сокрытыхъ въ груди этихъ друзей Твоихъ, протянуть мнѣ руку помощи и оказать милосердіе во всемъ!

25. Я не нахожу иного пути къ Тебѣ и не знаю другого средства, какъ подружиться съ людьми твердыхъ настроеній.

26. Въ дружественномъ отношеніи добрыхъ людей—для меня большая надежда: они, какъ богачи [передъ Богомъ], могутъ оказать милость обнищавшему.

27. Случается вѣдь, что сановники, возсѣдающіе на переднемъ мѣстѣ въ государевыхъ пріемныхъ покояхъ, кинутъ взглядъ на несчастныхъ, толкущихся сзади, въ прихожей.

28. Я дерзаю ходатайствовать о милостяхъ Господа, вѣчнаго благотворителя, потому что не нынѣ только сталъ Онъ выказывать свои благодѣянія.

29. Мы всегда жили Его щедротами, Его благостями. И куда уйти дѣтямъ отъ порога дома своего воспитателя!?

30. Некуда больше обращаться съ просьбами, если не въ сокровищницу Его щедротъ. А впрочемъ нужны ли просьбы, когда Онъ самъ знаетъ положеніе каждаго!

31. Я—тотъ неразумный грѣшникъ, какимъ Ты меня самъ изволилъ создать. Чего можно ждать, о Милостивый, отъ слабыхъ и неразумныхъ!

32. Ка́къ мнѣ удалось бы вынести ту тяжесть [грѣховнаго соблазна], которую не могли сбросить съ себя небо, земля, горы?!

33. О, Господи! по Своимъ великимъ щедротамъ и милосердію, сотвори намъ кончину жизни благую: вѣдь въ этомъ предѣлъ всѣхъ надеждъ!

34. Хотѣлъ бы достойно воспѣть тебя, Всевышняго, Всеславнаго,—не могу! въ этой области теряется всякое сопоставленіе, воображеніе, представленіе.

35. А потому, Са'дій, поклонись Господу у порога дверей Его и не иди дальше! Всякое воображеніе пресѣкается передъ занавѣсомъ славы Господней.

XIV.

Ей, би-бала, чо сеновбер, в'ей би-рох, чун мім и hâ (Нѣтъ въ „Коллійятъ". См. при Аттаровой «Le livre des conseils» Сильв. де Саси, 1819. стр. 314-316, и въ хрестоматіи Болдырева, II, стр. 68).

1. О ты, кедръ ростомъ, свѣтелъ м[ѣ]с[я]ц[ъ] ликомъ! Завитки твоихъ волосъ дышатъ ароматомъ амбры, уста—с[а]х[а]р[ъ]! [1]).

2. Ты ясное солнышко среди красавцевъ! Ты лунный свѣтъ среди плѣнителей сердецъ! Съ благоговѣйной мольбою взираютъ на тебя свободные, благородные люди, о кумиръ съ дивнымъ обр[а]з[о]м[ъ]!

3. Съ тѣхъ поръ какъ очертанія лица твоего подернулись [первымъ] пушкомъ [возмужалости], я томлюсь, сердце разбито, тѣло въ л[и]х[о]р[а]дк[ѣ]

4. О ненаглядный! эта л[и]х[о]р[а]дк[а]—пылъ любви къ тебѣ! А лѣкарство моей боли скрыто въ у[с]т[а]х[ъ] твоихъ.

5. О ненаглядный! Если ты меня на вечерокъ допустишь къ себѣ въ гости, я одного хочу лакомства, п[о]ц[ѣ]л[у]я устъ твоихъ!

6. Всѣ мы желаемъ побыть въ бесѣдѣ съ тобою, усѣвшись въ радостномъ кругу, подъ звуки пѣнія, арфы, флейты, б[у]бн[о]в[ъ].

7. И тогда, опьяненный, я открою тебѣ, что чувствую. Я скажу: «Кто видалъ такой р[а]й на землѣ?.....

8. «Если я умру отъ разлуки съ тобою, по всему міру раздастся стонъ: «Помолитесь, добрые вѣрующіе, за бѣднаго «ч[у]ж[е]стр[а]нц[а]!»

9. Нѣтъ, Са'дій! Какъ только онъ захочетъ заговорить съ тобою, ты лучше убѣгай, чтобы не быть такимъ д[е]рзк[и]м[ъ]!

В. Изъ отдѣла «Элегій»=«Фі ль-мерасі».

XV.

Элегія на взятіе Багдада монголами Хулагу-хана (въ 1258 г.) и на гибель послѣдняго халифа Моста'сыма.

Асеман-ра zeqq буд, ки хун би-гирйед бер земін. «Колл.», стр. 224; Графъ, ZDMG т. XV=1861, стр. 572 (только 14 стиховъ); Холмог стр. 58. Переводъ дается въ основѣ Холмогоровскій съ очень значительными подправками въ каждомъ стихѣ.

1. Небесамъ по всей справедливости надо плакать надъ землею кровавыми слезами, что прекратилось господство Моста'сыма, повелителя правовѣрныхъ.

---

[1]) Слова, выведенныя нами при помощи скобокъ изъ-подъ титлъ, посильно передаютъ собою по-русски персидскую игру словъ. По-персидски соотвѣтствующія слова выражены черезъ чтеніе по складамъ, съ названіями буквъ. Пожалуй, точнѣе было бы и у насъ примѣнить другую передачу; напр. вмѣсто «м[ѣ]с[я]ц[ъ]» можно было бы выразиться: «мыслѣте-ять-слово-я-цы-еръ» въ соотвѣтствіе персидской вычурности: «мім-и-hа» (въ смыслѣ „mâh"=мѣсяцъ).

2. О Мохаммедъ! если ты долженъ въ день свѣтопреставленія приподнять изъ-подъ земли свою голову, то приподними ее теперь же! Взгляни: среди людей уже началось свѣтопреставленіе!

3. У нѣжныхъ обитательницъ харема [отъ отчаянныхъ воплей] кровь изъ нѣжнаго горла льетъ потоками выше пороговъ. А у насъ кровавыя слезы заливаютъ рукава.

4. Страшись коловратной судьбы и перемѣнчиваго счастья: ничье человѣческое воображеніе вѣдь не могло представить, чтобы то, что было, сдѣлалось тѣмъ, что есть теперь.

5. Взгляни, о ты, видѣвшій величіе меккскаго храма, [гдѣ халифовъ славословили], видѣвшій римскихъ кесарей, которые склонялись [передъ халифскимъ трономъ] во прахъ головами, [китайскихъ хакановъ], которые повергались до земли!...

6. Взгляни: теперь кровь потомковъ дяди Избраннаго пророка оказалась пролита на томъ же самомъ полу, на которомъ чужіе государи полагали свое чело [передъ халифами]!

7. Увы! на кровь этихъ чистыхъ [потомковъ Аббаса] спускаются и мухи! Пусть же медъ будетъ горекъ во рту ихъ до самаго дня возстанія изъ мертвыхъ!

8. Послѣ всего подобнаго, нельзя ожидать покоя въ этомъ мірѣ: въ перстнѣ остается только «кыръ», липкая черная смола, когда изъ него выпадаетъ дорогой камень.

9. Рѣка Тигръ стала кровава, и если затѣмъ она хлынетъ на низкій берегъ, то землю пальмовыхъ садовъ прибрежной низины превратитъ она въ кровавое мѣсиво.

10. Самое лицо великой рѣки смутилось отъ такой ужасной повѣсти: ты можешь на лицѣ ея различить морщины отъ поднявшихся волнъ.

11. Слезы, конечно, безполезны. Безцѣльны старанія смыть горе съ человѣческаго сердца, все равно какъ тавро съ конскаго бедра.

12. Да и не подобало бы рыдать надъ прахомъ мучениковъ-исповѣдниковъ: вѣдь самое малое счастье, которое ихъ ждетъ—это высшій рай.

13. Все-таки по чувству мусульманина, по душевному состраданію, у любящаго горитъ сердце изъ-за потери того, кто былъ милъ.

14. Но подожди немного: пусть наступитъ день Суда, день общаго воскресенія,—и изъ могилы возстанетъ мертвецъ со своимъ окровавленнымъ лицомъ.

15. На землѣ прахъ ногъ сыновъ Аббаса служилъ цѣлительною сюрьмою для глазъ; въ день воскресенія ихъ кровь замѣнитъ румяна для щекъ черноглазыхъ райскихъ дѣвъ.

16. И если изъязвленное тѣло валяется въ пыли и крови,—пусть! Чистый духъ вознесся подъ сѣнь благодати Господа міровъ.

17. На здѣшній міръ полагаться не надобно. Не надобно привязываться къ нему сердцемъ. О братъ мой! круговоротъ небеснаго свода иногда любезенъ для человѣка, но иногда полонъ ненависти.

18. Вращающійся небесный кругъ и земля—это, можно сказать, два жернова въ мельницѣ [верхній и нижній]. Двое-трое сутокъ,—и сердце человѣческое перемолото въ муку.

19. Вся сила храбрости не устоитъ противъ рока; когда грядетъ судьба, не выдержитъ никакая сноровка;

20. Индійскій мечъ въ день горячаго боя не выймется изъ ноженъ у того человѣка-льва, которому суждена смерть отъ тайной засады;

21. Вся опытность безполезна тамъ, гдѣ счастье отвернулось. Что за польза бросаться въ нападеніе, если хоть го[illegible] перевернулось сѣдло?

22 Какъ коршуны за падалью, люди гоняются за нашимъ бреннымъ міромъ Но, братъ мой! если ты мудръ, сиди спокойно, какъ сидятъ Симорги.

23. Что за цѣнность обладанію въ этомъ мірѣ? Намъ нужно лишь просить Господа, чтобы Онъ сохранилъ намъ царство, религію, несомнѣнную истину (Коранъ).

24. Господи! соблюди намъ во вѣкъ основу нашего мусульманства, подъ защитой [нашего] правосуднаго шаха, передового человѣка въ дѣлахъ правленія и вѣры!

25. Онъ—царь-хосровъ, обладающій [счастливымъ] соединеніемъ планетъ, онъ благодѣтельная помощь теченія временъ, Абу Бекръ-Са'дъ[1]). Онъ—тотъ, у кого—похвальныя свойства, отборныя качества.

26. Слѣдуетъ всему предпочитать его ясновидящій умъ. Подданнымъ подобаетъ не говорить о немъ иначе, какъ съ нѣжностью [2]).

27. Да и безъ того, конечно, всѣ и на морѣ и на сушѣ молятся о его правленіи и говорятъ: «Пусть низойдутъ на твою душу тысячи благословеній отъ Творца души!»

28. Пусть будутъ дни твои благополучны, а Са'дій пусть будетъ твоимъ восхвалителемъ! Пусть знамена твои будутъ побѣдоносны и счастливы, и удача—твой союзникъ!

XVI.

Элегія на смерть атабековича Са'да II ибнъ-Абу-Бекра (1260), провозглашеннаго государемъ, но неуспѣвшаго царствовать [3]).

çерібан-ра диль ез беhр-и тô хун ест.....—чун ест? („Колл." стр. 221; у Графа, ZDMG, т. XV, стр. 5:8, изданы извлеченія).

1. У чужихъ людей сердце по тебѣ обливается кровью; а съ серд-

---

[1])Атабекъ Абу-Бекръ ибнъ-Са'дъ (1226-1260)—тотъ государь Фарса, который пріютилъ старца-Са'дія, вернувшагося послѣ скитаній въ свой родной Ширазъ, и которому поэтъ посвятилъ свои „Бустанъ" (1257) и «Голистанъ» (1258). Срв. стр. 398.

[2]) Принимаю чтеніе „би-лін". Другое чтеніе—«чеhін», и тогда надо перевести: „подобаетъ говорить о немъ только слѣдующее".

[3]) Этотъ Са'дъ II (см. стр. 398)—сынъ долголѣтняго атабека Абу-Бекра ибнъ-

цами родныхъ твоихъ, я ужъ не знаю что должно быть!

2. Какъ можно обуздать свои слезы, когда стерпѣть ужъ нельзя!

3. Должно быть, царя царей посреди войска не стало, что знамя опрокинуто?

4. Ужъ и зеленая трава не будетъ больше рости на берегу ручья, потому что вода въ источникахъ превратилась въ багровый сокъ ягоды «гунаби» (jujuba).

5. Или же поростетъ трава вся красная, словно цвѣтки «кровь Сіявоша» [1]), такъ какъ и дождь сталъ скорѣе похожъ на потоки крови.

6. Не требуй терпѣнія отъ души того, кто покинутъ любимымъ человѣкомъ; тяжесть превышаетъ силы бѣдняка.

7 Преспокойно сидѣть среди жгучаго огня—это, сказалъ бы я, не возможно, даже если бы лѣкарствомъ являлось спокойствіе.

8 Можно ли быть спокойнымъ, когда міръ оказывается вѣроломнымъ и кровожаднымъ другомъ, а судьба—подлой матерью безъ любви къ своему ребенку!

9 Не сегодня впервые бьетъ насъ несправедливость рока: это длится отъ временъ Адама и донынѣ.

10. Не знаю, каково содержаніе этого письма. Но вижу, что адресъ его писанъ кровью.

* *
*

11 У вельможъ очи и сердца были въ ожиданіи. Приближенные считаютъ время, считаютъ часы.

12. Невольники сыплютъ жемчугъ и драгоцѣнные каменья; а невольницы раскрашиваютъ себѣ руки до локтей.

13. Меликъ-ханъ, Мейакъ, Бедръ и Тарханъ вскочили на быстрыхъ арабскихъ коней [и отправились на встрѣчу],

14 чтобы новаго правосуднаго царя царей, Са'да Абу-Бекра [прямо съ пути] привести въ царскіе чертоги [2]).

Са'да (1226- 1260), наиславнаго Са'діева покровителя,—того атабека, которому Са'діемъ посвящены «Бустанъ» и «Голистанъ», года за два-три до его смерти. Въ изданіяхъ «Колліятъ» отчество Са'да II читается: „ибнъ-Абу-Насръ" Это—оттого, что шіиты, при перепискѣ, вообще любятъ замѣнять ненавистное имъ имя „Абу-Бекръ" черезъ „Абу-Насръ". Бахеръ („Aphorismen", стр. XXXVII) выставилъ ненужную догадку, что въ данномъ случаѣ произошло смѣшеніе имени государя съ именемъ везиря. Догадку Бахера не стоитъ и опровергать; достаточно ее просто отмѣтить.

[1]) Повѣсть о Сіявошѣ—въ «Шаh-намé».

[2]) Са'дъ II ибнъ-Абу-Бекръ былъ еще въ дорогѣ (онъ возвращался изъ

15. Радостный харемъ собрался на высокихъ выступахъ, чтобы сверху сыпать дождь перловъ на его вѣнчанную главу.

16. Земля восклицала: «Пустимся наслаждаться жизнью!».... Но небо вслѣдъ за тѣмъ сказало: «если васъ пустятъ!»

17. Да, была надежда видѣть Са'да въ вѣнцѣ и на царскомъ тронѣ,—но не спохватились, что привезутъ лишь его гробъ! [1]).

18. Что тамъ случилось съ бѣлолицыми красавицами харема? Почему на ихъ головахъ и на украшеніяхъ вдругъ оказалась насыпана пыль?!

19. Не слѣдуетъ горестно срывать съ себя уборы и терзать лица! Вѣдь люди подъ властью Творца!

20. Однако же при такихъ жгучихъ ранахъ, палящихъ печень, нельзя удержаться отъ воплей.

21, Да, приходится плакать покинутымъ! естественно рыдать угнетеннымъ!

22. Не знаю, каково содержаніе этого письма. Но вижу, что адресъ его писанъ кровью.

* *
*

23. Разнесло внезапнымъ вѣтромъ тотъ цвѣтущій розовый кустъ. Остались только крики сожалѣнія, вопли и безпомощные возгласы.

2. И какъ не плакать! Очи бы затемнились, если бы кровавый потокъ ихъ слезъ остановился.

25. Но что сказать про круговоротъ времени? Оно, негодное, никого не взлелѣетъ!

26. Круговращеніе міра вѣдь не произведетъ вторично человѣка съ такимъ доблестнымъ сердцемъ и благодатнымъ происхожденіемъ!

27. Правильно говорили древніе мудрецы: «О, если бы мать не родила меня на свѣтъ!»

28. О, если бы не было у меня глазъ! пусть бы я не видѣлъ этого огня, излившагося на міръ!

29, Благонамѣренные ужъ вообразили было себѣ, что для государства наступила счастливая пора.

монгольскаго Багдада къ себѣ въ Ширазъ),—когда къ нему пришло извѣстіе, что отецъ умеръ и что престолъ Шираза, значитъ, переходитъ къ нему. См. у Решидеддина по изд. Катрмера, стр. 151 и 322, и у Мирхонда: «Atabeks of Syria and Persia» (изд. Морлея), стр. 36-37.

[1]) Са'дъ II скончался въ пути, не успѣвши доѣхать до Шираза и занять тронъ покойнаго отца Такимъ образомъ онъ пережилъ отца только двѣнадцатью днями (Мирхондъ, стр. 37).

30. Наступало вѣдь время, чтобы этотъ человѣкъ, съ гордо поднятымъ челомъ, надѣлъ на голову царскій вѣнецъ.

31. И вотъ, когда пришелъ день, чтобы это славное дерево давало саду и его весеннюю красу, и плоды,—

32.—его, видно, сглазили исподтишка злые люди! Буйный вихрь выхватилъ его изъ сада.

33. Не знаю, каково содержаніе этого письма. Но вижу, что адресъ его писанъ кровью.

* *
*

34. Послѣ смерти такихъ юношей пусть роза не цвѣтетъ!. Послѣ отцвѣта розы пусть соловей на лужкѣ не поетъ!

35. Не узналъ человѣкъ цѣны другу въ этой жизни,—такъ пусть же и совсѣмъ не узнаетъ.

36. Увы! ушелъ въ землю тотъ свѣжераспустившійся розанъ! Пусть же утренній зефиръ вѣетъ на его кости ароматомъ розъ.

37. Горько ушелъ онъ изъ сладкаго міра. Пусть же [на томъ свѣтѣ] потечетъ къ гортани его свѣтлая, чистая, сладостная струя!

38. Скончался Са'дъ, сынъ Абу-Бекра. Пусть же приметъ его Господь въ милость свою!

39. Умеръ онъ отъ [лихорадочной] жажды, на чужбинѣ. Пусть же въ награду приметъ онъ питье изъ рукъ самого Пророка!

40. На томъ свѣтѣ Господь пусть изліетъ изъ своихъ тайниковъ дождь милосердія надъ головою его!

41. А всякаго, чье сердце не сгараетъ само отъ скорби по немъ, Господь пусть водворитъ въ жгучемъ огнѣ!

42. Въ нынѣшнемъ же мірѣ пусть его замѣнитъ правосудный Мозафферъ-шаһъ, высокославный Мохеммедъ [1]).

43. Пусть счастье его надѣлитъ блистаніемъ людей добрыхъ! Пусть оно его воспитаетъ въ нравахъ людей хорошихъ!

44. На радость друзьямъ и на преуспѣяніе пусть проживетъ онъ многія-многія лѣта.

45. А душѣ [своего усопшаго отца] Са'да и [своего дѣда] Абу-Бекра пусть доставляетъ онъ безмятежное упокоеніе [2]).

---

[1]) Атабекъ Мохеммедъ, малолѣтній мальчикъ, наслѣдовавшій Са'ду II, занималъ престолъ отъ 1260 до 1262 г. Государствомъ правила его мать Турканъ-хатунъ (см. стр. 398). Прозвище „мозаффер“ (=побѣдоносный) носили почти всѣ атабеки Салгаридской династіи.

[2]) Пожеланіе Са'дія не исполнилось. Мальчикъ-атабекъ Мохеммедъ черезъ 2½ года послѣ того свалился съ крыши дворца и убился (см. стр. 398).

46. Не знаю, каково содержаніе этого письма. Но вижу, что адресъ его писанъ кровью.

XVII.

Элегія о юномъ сынѣ одного вельможи.

Дерді би диль ресід, ки арам-и джан би-рефт («Колл.», стр. 222).

К. Графъ (въ «Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges.» т XV=1861 стр. 572), мимоходомъ упомянувши про эту элегію, принималъ, что она, подобно предыдущей, относится къ тому же Са'ду II. Но стихъ 8, гдѣ родители покойника отмѣчаются, какъ живые, устраняетъ эту догадку.

Въ изданіяхъ и рукописяхъ указываются лишь эпитеты оплакиваемаго: эмиръ Сейфеддинъ, эмиръ Изеддинъ Ахмедъ Юсофъ. Бахеръ въ 1876 г. (въ «Z. D. M. G.» т. XXX, стр. 87) предположилъ, что это могъ бы быть Юсофъ-шаhъ, фарскій атабекъ 1269 г. (срв Hammer: «Gesch der Ilchane», I, 269). Но три года спустя Бахеръ, въ предисловіи къ «Sa'di's Aphorismen» (1879, стр XXXVII) не повторилъ своей догадки и остался просто при сомнѣніи насчетъ воспѣваемой личности.

Но есть еще одна возможная догадка. Такъ-какъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ «Коллійят» при имени «Иззеддинъ» оказывается добавка: «Тазігуй», то можно предположить, что рѣчь идетъ о молодомъ сынѣ важнаго вельможи Шемседдина Тазигуя, монгольскаго завѣдывающаго податями и сборами въ Фарсѣ съ 1277 г. О немъ (отцѣ, конечно) есть разсказъ въ одной изъ Са'діевыхъ «рисалатъ». (Библіографію см. у насъ на стр. 468). Если моя догадка вѣрна, то предпослѣдній стихъ элегіи, гдѣ покойникъ названъ царемъ (хосров-и саҕыбқыран), является панегирической лестью.

1. На сердце пала такая боль, что исчезло спокойствіе души. На скорбь всѣмъ, кто остался въ мірѣ, онъ ушелъ изъ этого міра!

2. Глазъ долженъ ручьями проливать жалостныя слезы Въ саду не стало высокаго кипариса!

3. Всѣ люди и заплакали надъ нимъ какъ бы кровью [безвременно погибшаго] Сіявоша. У всѣхъ изъ обоихъ очей какъ бы выросли цвѣты «Сіявошева кровь».

4. Изъ раненыхъ сердецъ стонъ выходитъ дымясь, словно паръ изъ котла. Никогда еще къ небу не возносились такіе стоны!

5. Съ тѣхъ поръ, какъ огонь существуетъ, ему не приходилось сжигать такой царственной жертвы [1]). О, грозенъ огонь, дымъ котораго

---

[1]) Вмѣсто «кяс-ра» я читаю „Кисра“, согласно съ непагинированнымъ теhранскимъ изданіемъ 1291=1874 г.

дошелъ до небеснаго свода!

6. Никогда еще такой странный дождь не заливалъ чьи-либо стѣны. Съ нашей крыши, отъ всеобщаго плача, кровью заструились водосточныя трубы!

7. Горекъ скорбный напитокъ разлуки, но еще горьче онъ отъ разлуки съ такимъ стройнымъ кипарисомъ, который, увы, погибъ молодымъ!

8. Сколько крови вытекло изъ раненыхъ сердецъ! И правильно! потому что такой милый юноша скрылся отъ очей своихъ родителей.

9. А у меня окровавленное сердце потемнѣло, какъ анемоны! Вѣдь того, недавно выросшаго деревца не стало въ саду!

10. И прежде у насъ бывали раны, но не было отъ нихъ ни такой крови, ни стоновъ. Что жъ это за жало, которое проникло до самыхъ костей!

11. Мудрецъ не станетъ упрекать скорбящаго, зачѣмъ изъ сердца его не изглаживается образъ, крѣпко запечатлѣвшійся внутри.

12. Око и свѣточъ всѣхъ племенъ и народовъ скрылся съ очей. Такъ мгновенная молнія, едва сверкнетъ, какъ тотчасъ же исчезаетъ.

13. Всѣ мы — караванъ, тянущійся изъ области жизни въ будущій міръ. Онъ — былъ доблестный мужъ и ушелъ впереди нашего каравана.

14. О, пусть вѣчнымъ пребудетъ благополучіе высокороднаго дома, всѣхъ прочихъ братьевъ, если одного изъ нихъ ужъ не стало въ семьѣ!

15. А послѣ тебя, о чистая душа, да ублажится могила твоя, твое подземное пристанище!.. Что жъ! не только на тебя обрушились притѣсненія и обиды рока!

16 [Тебѣ ли горе?] Умные люди знаютъ ту истину, что птица-душа тогда лишь и обрѣтаетъ свободу, когда покидаетъ это гнѣздо.

17. Но вотъ для насъ, — для насъ грозна бѣда отъ той темной ночи и отъ дальнѣйшаго утра, когда не стало отъ тебя вѣстей и раздались наши вопли!

18. Эта рана не изъ тѣхъ, чтобы на нее можно было положить цѣлебную мазь. Чтó пользы лѣчить сердце, когда души не стало?

19. Мы высказали о тебѣ скорбь далеко не всю, — лишь одна сотая сердечной боли попала на языкъ!

20. Са'дій постоянно до сихъ поръ имѣлъ силы переносить всякую гнетущую разлуку. Но на этотъ разъ изъ рукъ терпѣнія вывалились поводья.

21. Ну, такъ Богу было угодно! Лишь по Его волѣ состоялось такое сочетаніе созвѣздій, которое, съ небеснаго свода, поразило царственную руку и мечъ того, кто жилъ до тѣхъ поръ подъ счастливыми звѣздами.

22. Да будетъ долголѣтна жизнь всякаго, кто постоналъ о гибели безгрѣшнаго, пораженнаго стрѣлою [судьбы] изъ [ея роковаго] лука.

Г) Изъ отдѣла арабско-персидскихъ «Пестрыхъ касыдъ»=«Молеммеѓат».

XVIII.

Beqт-ha raħi бер-асуді тенем .. —ля танам. („Колл.", стр. 225; Холмог.. стр. 130) [1]).

1. Много времени покойно было мое тѣло, но вдругъ владыка мой сказалъ: «Подъ взоромъ моихъ очей не спи!»

2, О, эти очи! дайте мнѣ упиться вами—и предоставьте меня моему позору: любовь и цѣломудріе вѣдь несовмѣстимы.

3. Я вложилъ оружіе въ ножны.... Не допусти же себя убить того, кто самъ сдается.

4. О ты, съ нездѣшней красотою! пожалѣй того, кто не здѣшній: не проливай крови скитальцевъ-дервишей, о уважаемый!

5. Если ты своими руками не ранилъ меня до крови, то отъ чего же рука твоя обагрена кровью?!

6. Ты овладѣлъ моимъ сердцемъ на вѣки. Хочешь теперь—будь ко мнѣ справедливъ, хочешь—обижай!

7. Позовешь ли ты меня, отгонишь ли—я твой рабъ! И я не обращаю вниманія: ласково ли меня зовутъ, или съ окрикомъ прогоняютъ.

8. О вѣтвь мускатной орѣшины! Что ты не колышешься? Хочешь ли стройностью сравниться съ кипарисомъ?

9. Всю жизнь свою я остерегался любви. Не разсчитывалъ и теперь, —а она вдругъ на меня напала!

10. О, эти очи! Позвольте мнѣ побыть возлѣ моего ненагляднаго! Пусть я, словно свѣча, сгорю отъ верхушки до основанія.

11 Дружба моя къ тебѣ суждена была въ предвѣчности. Т ы лишь не измѣняй мнѣ; а м о й обѣтъ ненарушимъ.

12. Мнѣ легко отдать тебѣ всю душу... Да что значитъ какой-нибудь дирһемъ въ рукахъ Хāтима-Тайскаго? [2]).

13. Я безпрекословный рабъ, пока живъ. Не перестану я быть рабомъ твоимъ и тогда, когда распадутся мои истлѣвшія кости.

14. Упреки порицателей для меня безполезны. Такъ ужъ мнѣ на роду написано испоконъ-вѣковъ!

15. Если я стону иногда отъ застарѣлой моей боли, не корите меня: не заживаетъ моя рана!

16. Хочешь ли и всѣхъ смертныхъ стереть съ лица земли?—только открой свое сіяющее лицо! И все бытіе людей ты распылишь въ небытіе.

---

[1]) Я было хотѣлъ, для сбереженія труда, издать, готовый переводъ Холмогорова. Но онъ оказался до того обиленъ ошибками, что пришлось самому мнѣ перевести все стихотвореніе вновь.

[2]) Князь Хāтимъ Тайскій—идеалъ щедрости у старинныхъ арабовъ.

17. Зачѣмъ требовать отъ меня ума и терпѣнія? Гдѣ бы ты [1]) ни положилъ основу, зданіе рухнетъ.

18. Ты въ моемъ сердцѣ,—и неужели ты не знаешь о томъ, что слова совѣтчиковъ на него не дѣйствуютъ?

19. Са'дій! повергни всю свою душу къ ногамъ друга: авось добьешься своихъ чрезмѣрныхъ, несбыточныхъ мечтаній!

XIX.

Сали ль-маҫâниҫа ракбан, таhімо фі ль-фаляwâти ...—Форàті („Колл.", стр. 228; Холмог. 132; хрест. Гафф. II, 325; переводъ акад. Ѳ. Корша).

О жаждѣ спроси у скитальца въ пустынѣ, изсохшей отъ зноя:
Ка́къ цѣну воды ты узнаешь, у тока Ефратскаго стоя?

Съ тобою мнѣ вечеръ—что утро: ты свѣтъ проливаешь мнѣ въ очи;
Когда же меня ты покинешь, мнѣ дни безразличны и ночи.

Хоть былъ отъ тебя я далеко, надеждъ не бросалъ я ни мало:
Года проходили, а сердце твой близкій возвратъ обѣщало.

Не видно межъ насъ и не слышно, кто могъ бы равняться съ тобою,
И если ты точно изъ праха,—живой замѣшонъ онъ водою.

Я въ темныя ночи разлуки надѣюсь на утро свиданья:
Кто жаждетъ источника жизни, во мракъ да направитъ исканья [2]).

Ты горечью жизнь отравляла,—подносишь и сладкій мнѣ кубокъ;
Суровый отвѣтъ не естественъ изъ алыхъ плѣнительныхъ губокъ.

Не въ этотъ лишь вѣкъ мой короткій къ себѣ мое сердце влекла ты:
Плоды созерцая, постигнулъ обѣихъ я розъ ароматы.

Воспѣлъ бы я такъ, какъ ты хочешь, достоинства всякихъ созданій.
Но какъ же тебя восхвалю я? превыше ты всѣхъ описаній!

Боюсь я тебя, но съ надеждой къ тебѣ возсылаю моленья
Затѣмъ, что ты петля печали, но вмѣстѣ и ключъ избавленья.

Лишился я взора подруги, и рады мои лиходѣи;
Друзья отъ меня отказались: врагамъ удались ихъ затѣи.

Стихи Саади о разлукѣ ужель тебя вовсе не тронутъ?
А если скажу я ихъ птицамъ, всѣ гнѣзда отъ пѣсенъ застонутъ!

XX.

Баҫдо хыллâні ата̂-ні....—ҫан хабарин („Колл.", 227; Холмог. 131).

18. Одинъ изъ друзей моихъ пришелъ ко мнѣ спросить, что со мною сталось.—«Не спрашивай!» отвѣтилъ я: «желтизна лица замѣнитъ тебѣ всякое сообщеніе».

---

[1]) или, быть можетъ, «я» (при чтеніи глагольнаго окончанія съ огласовкою „то" вм. „та").

[2]) По Александріи источникъ жизни находится въ странѣ вѣчнаго мрака.

19.—«Терпи, Са'дій!» сказалъ мнѣ другъ: «или давай серебра и золота!.. . или бѣги! При любви надобны или деньги, или терпѣливое отношеніе, или отъѣздъ»....

Д. Изъ отдѣла «Стихотвореній съ припѣвами»=«Терджіҷат».

XXI.

Пятая строфа изъ терджи'бенда.

Азох, кі би лэб рэсід джанем...—ҷинанем („Колл.“, стр 231-232; Холмог. стр. 127).

1. Охъ! душа моя доходитъ до устъ!.... Охъ! изъ рукъ выпали поводья [самообладанія]!

2. Кто-нибудь когда-либо видѣлъ ли такого, какъ я, слабаго! Я вѣдь сомнѣваюсь даже, существую ли я.

3. Я—мотылекъ, падающій и опять подлетающій! Сразу сожги меня—и освободи!

4. Окажешь милость мнѣ,—право же, она по отношенію ко мнѣ умѣстна! Причинишь обиду—что жъ! я и того стою.

5. Въ моихъ помыслахъ нѣтъ ничего, кромѣ твоего образа; на языкѣ у меня только твое имя!

6. Если ты, удаляясь отъ меня, дѣлаешь мнѣ жизнь горькою, то воспоминаніе о тебѣ, словно сахаръ, подслащаетъ мои уста.

7. Тайнъ про тебя—никому не повѣдаю! Свойствъ твоихъ никому не опишу!

8. Противъ страданія, что ты мнѣ причиняешь, нѣтъ мнѣ помощника. Отъ твоихъ притѣсненій нѣтъ мнѣ спасителя.

9. Мудрецъ—прочь бѣжитъ отъ сабли. А я, свихнувшись, кладу голову у тебя на порогѣ!

10. И, хотя самыхъ дверей твоихъ нельзя достигнуть, лучшаго ничего я не могу придумать.

11. Буду-ка сидѣть да терпѣть: ухвачусь за такое дѣло! [1]).

. . . .

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется въ концѣ каждой строфы терджи'бенда.

Выпускъ XXII: Пособіе въ араб. переводахъ, *М. Аттаи*. 1905 (Распродано).

Выпускъ XXIII: Трапезундская хроника Михаила Панарета съ предисловіемъ, переводомъ и примѣчаніями *А. Хаханова*. М. 1905. Ц. 1 р.

Выпускъ XXIV и **XXVI**: Татскіе этюды, ч. I. Тексты и татско-русскій словарь *Всев. Миллера*. М. 1903. Ц. 1 р.—ч. II. Грамматика. М. 1907. Ц. 1 р.

Выпускъ XXVII: Сказка о Камарезземанѣ изъ 1001 ночи, подъ ред. *М. Аттаи*. М. 1908. Ц. 75 к.

Выпускъ XXVIII: Исторія Турціи и ея литературы, т. I, отъ возникновенія до начала разцвѣта, *А. Крымскаго*. Отд. А (стр. 1-XVI и 1-278. М. 1916). Ц. 2 р.

Выпускъ XXIX: Исторія Турціи и ея литературы, т. II, отъ разцвѣта до начала упадка, *А. Крымскаго*: а) Золотой XVI-й в. (М. 1910). Ц. 1 р. 50 к.;—б) XVII-й в. (Печатается).

Выпускъ XXX: Исторія Арменіи. I. Древній періодъ. *Г. Халатьянца* (лит.). М. 1910. Ц. 3 р.

Выпускъ XXXI: Грузинская агіологія по рукописямъ X в. Изд. *А. Хахановъ*. М. 1910. Ц. 80 к.

Выпускъ XXXII: Пѣсни крымскихъ турокъ (съ переводомъ и музыкою), *А. Олесницкаго*, подъ редакціей *Вл. Гордлевскаго*. М. 1910. Ц. 2 р.

Выпускъ XXXIII: Матеріалы для изученія тайной персидской секты „Люди Истины", *В. Ѳ. Минорскаго*. Часть I. М. 1911. Ц. 3 р.

Выпускъ XXXIV: Образцы осман. народн. творчества, *Вл. Гордлевскаго*. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Выпускъ XXXV: Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ, *А. Е. Крымскаго*. I. Общій очеркъ исторіи араб. литературы. II-III. Доисламская поэзія и ея корифеи (съ обильными переводами на русскій языкъ). М. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

Выпускъ XXXVI: Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ. IV. Хамâса (съ Тааббатой-шарромъ и Шанфарой). V. Хозейлитскія стихотворенія. VI. „Книга пѣсенъ" X вѣка (Печатается. Вып. 1 2, Хамâса, 1912, ц. 1 р. 50 к.).

Выпускъ XXXVII: Абâнъ Лâхыкый. Изъ исторіи арабской повѣствовательной литературы индоперсидскаго характера, *А. Крымскаго*. Приложенія: 1) Арабск. текстъ Сулія (нач. 900-хъ г.) по уникатной рукописи Хедивской библіотеки: 2) „Варлаамъ и Іоасафъ", истор.-лит. очеркъ. М. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

Выпускъ XXXVIII: Антіохійскій патріархъ Макарій XVII вѣка и его „Путешествіе на Русь" (Матеріалы *М. Аттаи, А. Олесницкаго* и *А. Крымскаго*). М. 1913. Ц. 60 к.

Выпускъ XXXIX: Очерки по новой османск. литературѣ, *Вл. Гордлевскаго*. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Выпускъ XL: Руководство для изученія османскаго языка, обработалъ *Вл. Гордлевскій*, вып. I (М. 1916). Ц. 1 р.

Выпускъ XLI: Семь спящихъ отроковъ Эфесскихъ. Историко-литер. очеркъ и переводы араб. версій VII - XIII в. *А. Крымскаго* и *М. Аттаи*. М. 1914. Ц. 1 р. 50 к.

Выпускъ XLII: Персидско-русскій словарь *Мирзы Абдуллы Гаффарова*, подъ ред. акад. *Ѳ. Е. Корша*. Т. I, отъ ا до ژ (М. 1914), т. II, до конца (печат.). Ц. по подпискѣ 10 р.

Выпускъ XLIII: الشرقيات. Восточный сборникъ въ честь А. Н. Веселовскаго, подъ ред. *В. А. Гордлевскаго*. М. 1914. Ц. 3 р.

Выпускъ XLIV: Арабскій изборникъ. Хрестоматія *М. О. Аттаи* и *А. Е. Крымскаго*. Вып. 1 (М. 1916). Ц. 1 р. 50 к.

Въ Правленіи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ имѣются для продажи слѣдующія большею частію рѣдкія изданія:

1) 75-лѣтіе Лазаревскаго Инстит. Вост. Яз. (1815—1890), историческій очеркъ *Г. Кананова*, съ приложеніями и портретами. М. 1891 . . . 1 р. 50 к.
2) Тридцатилѣтіе Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Инст. В. Яз., *А. Хаханова* съ 10 фототипическими портретами. М. 1903. . . . 1 „ 50 „
3) *Каталогъ* книгъ и рукописей библіотекъ Лазарев. Инстит. Вост. Яз.: а) библіот. спеціал. клас. и восточ. отдѣл. фундам. библ. М. 1888;— б) библіотека Н. О. Эмина. М. 1896;— в) библіот. Г. И. Кананова. М. 1901;— г) 4-ое добавленіе. М. 1903. . . . . . за 4 выпуска 1 „ 50 „
4) *М. Аттая*: а) „*Калила и Димна*", переводъ съ арабскаго М. Аттаи и М. Рябинина, съ введеніемъ, XLIV+285. М. 1889. 2 р. 50 к.
5) „ б) Практич. руков. для изуч. *арабскаго* яз. М. 1910. . . 3 „ — „

Стр. 337-352 войдутъ въ 3-й выпускъ.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

Складъ изданій (кромѣ вып. VI) въ Правленіи Лазар. Инст. В. Яз. въ Москвѣ и магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.